КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ
ГРОТЪ,

КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ

(12 января 1815—30 октября 1897).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Къ столѣтію со дня его рожденія.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1915.

Константинъ Карловичъ

ГРОТЪ,

какъ государственный и общественный дѣятель

(12 января 1815—30 октября 1897).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Къ столѣтію со дня его рожденія.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1915.

2007053091

Уже вскорѣ послѣ кончины незабвеннаго основателя Попечительства Императрицы Марiи Александровны о слѣпыхъ К. К. Грота, среди его почитателей возникла мысль о постановкѣ ему памятника. На призывъ Попечительства откликнулись многочисленные друзья и почитатели К. К. Грота. Были собраны среди нихъ вполнѣ достаточныя денежныя средства, и памятникъ работы извѣстнаго художника М. М. Антокольскаго былъ торжественно открытъ передъ зданiемъ Александро-Марiинскаго училища слѣпыхъ въ день 25-лѣтiя существованiя Попечительства, въ 1906 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Совѣтъ Попечительства было внесено предложенiе не только увѣковѣчить рѣзцомъ великаго художника образъ основателя Попечительства, но и сохранить потомству внутреннiй обликъ друга слѣпыхъ. Для составленiя полной бiографiи К. К. Грота, однако, не настало время: слишкомъ остро еще чувствуются нѣкоторыя событiя, въ которыхъ ему довелось быть дѣйствующимъ лицомъ. Остается ограничиться лишь собиранiемъ матерiаловъ для бiографiи К. К. Грота, а именно воспоминанiй и статей о немъ, писемъ, записокъ и т. п.

Съ этою цѣлью при Совѣтѣ Попечительства была образована комиссiя въ составѣ графа В. Н. Коковцова, А. Ѳ. Кони, О. К. Адеркаса, Я. Н. Колубовскаго и ...ственниковъ покойнаго. Комиссiя собрала обширный ...рiалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она приложила старанiя, что... всѣ важнѣйшiя стороны государственной и обще...твенной дѣятельности К. К. Грота получили освѣщенiе

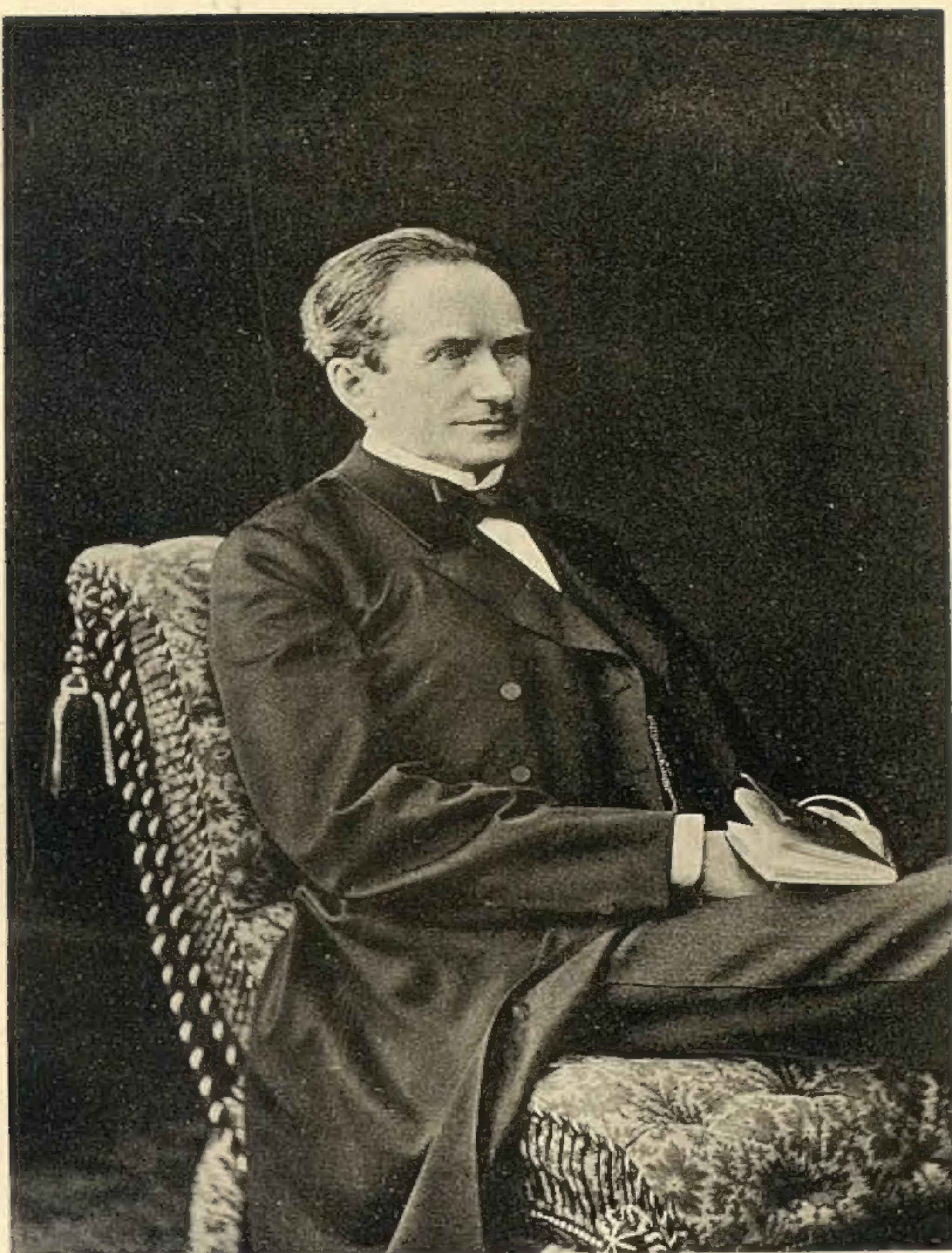
на основанiи собранныхъ матерiаловъ. Въ составленiи отдѣльныхъ статей сборника и въ доставленiи матерiаловъ для него, кромѣ членовъ комиссiи, приняли участiе Г. П. Недлеръ, К. А. Карафа-Корбутъ, К. О. Лагуновичъ и Н. А. Кизельбашъ. Редактированiе изданiя приняли на себя К. Я. Гротъ и Я. Н. Колубовскiй.

Всѣмъ этимъ лицамъ Совѣтъ Попечительства о слѣпыхъ выражаетъ самую горячую признательность.

Въ двухъ томахъ собранiя матерiаловъ о жизни и дѣятельности К. К. Грота, выпускаемыхъ нынѣ ко дню столѣтней годовщины его рожденiя, особенно много мѣста удѣлено Попечительству о слѣпыхъ. Не мало также интересныхъ матерiаловъ по Попечительству вполнѣ подготовлено къ печати и появится въ третьемъ томѣ, къ печатанiю котораго будетъ приступлено въ скоромъ времени. Но и въ той части матерiаловъ, которая нынѣ дѣлается доступной читателю, дѣятели Попечительства найдутъ для себя много руководящихъ указанiй, не утратившихъ своего значенiя и въ настоящее время.

Предсѣдатель *А. Ермоловъ.*

Январь 1915 г.



К. Гротъ

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. Петроградъ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

К. К. Грота.

Въ 1893 г. въ девятомъ томѣ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона (стр. 775) появилась небольшая замѣтка, посвященная жизни и дѣятельности К. К. Грота. Ознакомившись съ этой замѣткой, Константинъ Карловичъ нашелъ, что отдѣльные періоды его дѣятельности не получили въ ней желательной выпуклости и ясности. Тогда же Константинъ Карловичъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ «Словаря» самъ вызвался дать свѣдѣнія о своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе текущія занятія въ Петербургѣ не оставляли ему возможности выполнить въ скоромъ времени свое обѣщаніе, и только въ 1896 г., пользуясь пребываніемъ своего племянника, покойнаго профессора философіи Н. Я. Грота въ Ниццѣ, гдѣ Константинъ Карловичъ проводилъ начало года, онъ продиктовалъ ему свѣдѣнія о своей дѣятельности. Писать Константину Карловичу въ это время было трудно, такъ какъ онъ сталъ постепенно терять зрѣніе вслѣдствіе образованія катаракты. Несмотря, однако, на слабость зрѣнія, онъ дважды просмотрѣлъ эти свѣдѣнія и снабдилъ ихъ собственноручными, иногда значительными, дополненіями. Редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» В. М. Соболевскій, посѣтившій Константина Карловича во время этой работы, получилъ отъ него разрѣшеніе напечатать извлеченіе изъ автобіографической записки, которое и появилось въ лѣтнихъ выпускахъ газеты за 1896 г. подъ заглавіемъ «К. К. Гротъ».

Ниже автобіографическая записка К. К. Грота помѣщается въ полномъ видѣ и съ сохраненіемъ той формы, которая дана ей самимъ Константиномъ Карловичемъ.

К. К. Гротъ родился 12 января 1815 г. Отецъ его состоялъ на службѣ въ Министерствѣ Финансовъ. Первоначальное воспитаніе получилъ дома подъ руководствомъ матери своей, а въ 1826 г. поступилъ въ Александровскій Царскосельскій пансіонъ, а затѣмъ въ Императорскій Царскосельскій лицей, откуда въ 1835 г. вышелъ, по окончаніи курса, съ чиномъ IX класса. На первыхъ порахъ К. К. поступилъ на государственную службу по придворному вѣдомству и занялъ должность секретаря при Президентѣ Гофъ-интендантской конторы, которая завѣдывала всѣмъ движимымъ имуществомъ Петербургскихъ дворцовъ и имѣла главное наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ въ оныхъ. Должность Президента занималъ въ то время сенаторъ Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ, который былъ извѣстенъ, какъ покровитель искусствъ и особенно театра. Онъ вскорѣ полюбилъ К. К., сдѣлалъ его вхожимъ въ свой домъ и, независимо отъ оффиціальныхъ дѣлъ, возлагалъ на него нерѣдко разныя частныя порученія, между прочимъ просмотръ въ редакціонномъ отношеніи своихъ литературныхъ трудовъ, которые онъ всегда писалъ на французскомъ языкѣ [1]). По придворному вѣдомству К. К. прослужилъ недолго, а когда въ

[1]) Когда К. К. явился въ первый разъ къ Гр. Кутайсову, онъ ему объявилъ, что долженъ предварительно опредѣленія на службу подвергнуть его небольшому испытанію, и, тутъ же передавъ К. К. письмо Фрейлины Императрицы Александры Θеодоровны о постановкѣ въ ея квартиру въ Зимнемъ Дворцѣ еще одного комода, приказалъ отказать въ этой просьбѣ учтивымъ образомъ на французскомъ языкѣ, въ сосѣдней комнатѣ. Приказаніе было тотчасъ исполнено, и по прочтеніи французскаго отвѣта Графъ Кутайсовъ остался имъ вполнѣ доволенъ и объявилъ К. К., что онъ будетъ принятъ на службу.

*

1838 г. произошелъ извѣстный большой пожаръ въ Зимнемъ Дворцѣ, первое дознаніе, по горячимъ слѣдамъ, производилось имъ.

Впослѣдствіи стали обвинять Графа Кутайсова въ недостаточной предусмотрительности и въ неудовлетворительномъ состояніи пожарной части въ Зимнемъ Дворцѣ, и онъ рѣшился оставить должность Президента Гофъинтендантской конторы, а за нимъ послѣдовалъ и К. К. и перешелъ на службу во вновь образованное Министерство Государственныхъ Имуществъ на должность помощника столоначальника во второмъ Департаментѣ сего Министерства, но вслѣдъ затѣмъ были открыты Губернскія Комиссіи для передачи государственныхъ имуществъ изъ Министерства Финансовъ во вновь учрежденное Министерство, и К. К. былъ назначенъ членомъ Курляндской Комиссіи, по приглашенію Предсѣдателя этой комиссіи камергера Барона Андрея Петровича Оффенберга, не знавшаго русскаго языка и потому очень заинтересованнаго, чтобы хотя нѣкоторые изъ членовъ Комиссіи знали этотъ языкъ. Занятія пріемной Комиссіи протянулись, вмѣсто назначенныхъ шести мѣсяцевъ, слишкомъ два года; впродолженіе этого времени К. К. успѣлъ познакомиться съ Митавскимъ обществомъ и, несмотря на свое русское происхожденіе и воспитаніе, былъ радушно принятъ въ первыхъ дворянскихъ домахъ Митавы, что при существовавшихъ въ то время сословныхъ кастахъ въ Курляндіи могло считаться довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Въ 1840 г. была открыта въ Митавѣ Курляндская Палата Государственныхъ Имуществъ, Управляющимъ которой былъ назначенъ Камергеръ Оффенбергъ. Онъ опять предложилъ К. К. занять въ новой Палатѣ должность ассесора, что имъ и было принято. Кромѣ К. К. и переводчика, мѣстнаго нѣмца, во всей Палатѣ никто не зналъ русскаго языка, почему сначала ему приходилось отдавать почти все свое время на веденіе переписки Палаты и Управляющаго съ Министерствами и другими учрежденіями внѣ Остзейскаго края, которая хотя и писалась на нѣмецкомъ языкѣ, съ приложеніемъ русскаго перевода.

но этотъ переводъ былъ такъ написанъ, что требовалъ постоянно поправокъ, а нерѣдко и совершенной передѣлки. Впослѣдствіи же, когда К. К. началъ объѣзжать и ревизовать крестьянскія управленія и казенныя имѣнія, гдѣ исключительно употреблялся латышскій языкъ, на которомъ говорятъ и крестьяне, К. К. убѣдился въ необходимости болѣе близкаго знакомства съ латышскимъ языкомъ, принялся за его изученіе и успѣлъ въ этомъ черезъ нѣкоторое время такъ хорошо, что могъ свободно говорить и читать по-латышски.

Въ 1844 г. въ Митаву по дѣламъ службы пріѣхалъ Директоръ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ М. И. Лексъ и, познакомившись съ К. К., предложилъ ему перейти въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на должность чиновника особыхъ порученій Хозяйственнаго Департамента, и въ томъ же году это было исполнено. Вице-Директоромъ Хозяйственнаго Департамента былъ въ то время Н. А. Милютинъ, который былъ тогда особенно занятъ мѣрами къ улучшенію состоянія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія и образованіемъ въ Петербургѣ новаго городского общественнаго управленія. Директоръ Лексъ поручилъ Н. А. Милютину занять К. К., и вслѣдъ затѣмъ на него было возложено обревизованіе въ первый разъ значительнаго числа Приказовъ Общественнаго Призрѣнія и богоугодныхъ заведеній въ Западномъ Краѣ. Это крупное и многосложное дѣло было исполнено К. К. настолько удовлетворительно, что дало ему сразу прочное положеніе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и на него возлагалось такъ много порученій и притомъ такихъ, которыя требовали особаго довѣрія, что онъ не имѣлъ даже въ Петербургѣ постоянной квартиры, состоя безпрестанно въ разъѣздахъ. Къ числу порученій наиболѣе выдающихся можно отнести прикомандированіе К. К. къ сенатору М. Н. Муравьеву (впослѣдствіи Виленскому Генералъ-Губернатору и Министру Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ), при его отправленіи по Высочайшему повелѣнію въ разныя великороссійскія губерніи, для собранія свѣдѣній и лич-

ныхъ переговоровъ съ Губернаторами съ цѣлью преобразованія полиціи. Тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ А. А. Перовскій имѣлъ особую вѣру въ административныя способности и практичность своего друга М. Н. Муравьева. Эти разъѣзды продолжались почти полгода, а по возвращеніи М. Н. сообщалъ Графу Перовскому свои планы и предположенія по преобразованію полиціи въ Россіи, но ни на чемъ окончательномъ, насколько извѣстно, не могъ остановиться. Стало извѣстнымъ только то, что всѣ эти проекты передавались Графомъ Перовскимъ извѣстному В. И. Далю, тогдашнему секретарю Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который отзывался о нихъ очень неодобрительно и употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы они никогда не увидѣли свѣта.

Такая дѣятельность К. К. по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ продолжалась до конца 1840-хъ годовъ, когда онъ былъ командированъ, совмѣстно съ нѣсколькими другими чиновниками Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ помощь Н. А. Милютину, занимавшемуся приготовительными распоряженіями къ открытію въ Петербургѣ новаго городского общественнаго управленія. На долю К. К. выпало устройство двухъ сословныхъ управленій при Петербургской Думѣ,– ремесленнаго и мѣщанскаго. Это была первая организаціонная работа, порученная К. К. Означенныя два сословныя учрежденія находились въ самомъ жалкомъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ, и по всему внѣшнему виду походили болѣе на наши деревенскія и сельскія управленія, нежели на столичныя учрежденія. Такъ какъ главныя занятія мѣщанской и ремесленной управъ заключались въ пріемѣ сборовъ, выдачѣ квитанцій и разныхъ документовъ, то К. К. поставилъ себѣ задачею устроить ихъ по образцу частныхъ банкирскихъ конторъ съ рѣшетками и отверстіями въ нихъ для отдѣленія публики отъ должностныхъ лицъ. Сначала этотъ новый порядокъ встрѣтилъ глухую оппозицію въ членахъ управъ, избиравшихся изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, которые находили для себя унизительнымъ сидѣть за рѣшетками, но вскорѣ они до того привыкли къ новому по-

рядку, что выражали сами, что не понимаютъ, какъ они могли прежде заниматься, окруженные грязною толпою, которая бродила по канцеляріи управъ и шумѣла. По открытіи въ Петербургѣ новаго городского общественнаго управленія К. К. продолжалъ еще свои занятія по этому управленію въ качествѣ руководителя со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, впредь до назначенія его въ 1853 г. Самарскимъ Губернаторомъ, и довелъ С.-Петербургскія сословныя управленія, ремесленное и мѣщанское, до вполнѣ удовлетворительнаго состоянія и облагородилъ всю обстановку.

Самарскимъ Губернаторомъ К. К. поступилъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и тутъ открылось широкое поприще его организаціоннымъ способностямъ. Самарская и Оренбургская губерніи составляли въ то время особое генералъ-губернаторство, и Генералъ-Губернаторомъ былъ Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, который зналъ К. К. еще прежде и имѣлъ къ нему полное довѣріе. К. К. было въ то время 38 лѣтъ; онъ принялся за дѣло съ большою энергіею, а дѣла было не мало, потому что Самарская губернія была образована лишь въ 1850 г., и въ первые три года состоялъ Губернаторомъ человѣкъ, хотя трудолюбивый и вполнѣ честный (тайный совѣтникъ Волховскій), но старый, болѣзненный и свыкшійся уже съ существовавшими внутри Россіи порядками.

Главныя затрудненія Губернатора того времени заключались въ томъ, что жалованье губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ было до того мало, что невозможно было найти способныхъ и честныхъ людей. Составъ чиновниковъ Самарской губерніи былъ не лучше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, почему К. К., изыскивая средства къ улучшенію этого состава, обратился, между прочимъ, къ Попечителю Казанскаго учебнаго округа съ просьбою приглашать на службу въ Самарскую губернію молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ. Эта мѣра имѣла настолько успѣшные результаты, что черезъ нѣсколько лѣтъ составился въ Самарѣ цѣлый

кружокъ молодыхъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ, которыхъ охотно принимали въ лучшихъ домахъ. На постоянную службу въ уѣздъ К. К. не рѣшался посылать этихъ молодыхъ людей, опасаясь, чтобы ихъ тамъ не развратили, при тогдашней уѣздной обстановкѣ, карты и водка. Это было что-то въ родѣ лейбъ-стражи, которою К. К. пользовался во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны были вѣрные и неподкупные люди.

Губернскіе и уѣздные чиновники были вообще еще въ то время такъ плохо поставлены Правительствомъ въ денежномъ отношеніи, что были вынуждены законными и незаконными путями добывать себѣ дополнительныя средства для существованія. Главнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи служило постоянное содержаніе, которое получала вся полиція и всѣ вообще чиновники, имѣвшіе какое-либо значеніе въ администраціи, отъ винныхъ откупщиковъ, которые этимъ путемъ пріобрѣтали огромное вліяніе на мѣстныя власти и, благодаря этому развращающему вліянію, могли безнаказанно пользоваться всякими злоупотребленіями для увеличенія откупныхъ доходовъ. К. К. обратилъ на это особенное вниманіе и прежде всего опубликовалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ главныя условія, на основаніи которыхъ должна была производиться раздробительная продажа вина, что до тѣхъ поръ едва ли было многимъ извѣстно; откупщики же, пользуясь этимъ невѣдѣніемъ, продавали вино разбавленное водою и по крайне высокимъ цѣнамъ.

Было объявлено, что вино должно продаваться въ питейныхъ заведеніяхъ по установленнымъ, откупными условіями, цѣнамъ и крѣпости, и что всякій потребитель имѣетъ право требовать вино опредѣленной крѣпости и цѣны. Откупщики страшно встревожились, объявивъ К. К., что это распоряженіе можетъ ихъ совершенно раззорить, такъ какъ они взяли съ торговъ откупъ въ томъ предположеніи, что все останется по старому, т.-е., что вино будетъ продаваться по произвольной цѣнѣ и произвольной крѣпости. Затѣмъ они подавали жалобы то одному Министру, то другому, которые требовали каждый разъ

объясненій отъ К. К. въ конфиденціальномъ видѣ, а Министръ Финансовъ Княжевичъ намекалъ даже, что онъ совершилъ чуть ли не преступленіе, и въ своихъ отзывахъ въ Петербургѣ говорилъ, что такихъ Губернаторовъ слѣдуетъ увольнять отъ должности. К. К. ограничивалъ свои оправданія тѣмъ, что поступаетъ на основаніи закона и не можетъ измѣнить своего распоряженія, пока законъ не будетъ измѣненъ, и на это не получалось никакихъ отвѣтовъ.

Между тѣмъ сами откупщики постепенно успокоились, стали продавать вино согласно заключеннымъ условіямъ, и въ Самарской губерніи было всего два случая, когда народъ разбилъ кабаки и разграбилъ изъ нихъ вино по тому поводу, что содержатели не хотѣли отпускать вина надлежащей крѣпости и цѣны. Не то было въ сосѣднихъ губерніяхъ, гдѣ мѣстные Губернаторы, услышавъ, что дѣлается въ Самарской губерніи, поступили тѣмъ же порядкомъ относительно продажи вина. Но тамъ та же мѣра имѣла послѣдствіемъ болѣе серьезное неустройство и безпорядки, и Правительство было вынуждено обратить на этотъ вопросъ особое вниманіе и войти въ ближайшія соображенія о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить откупную другою системою взиманія налога съ хлѣбнаго вина. Этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ, и было признано своевременнымъ замѣнить откупную систему взиманія дохода съ вина акцизною, и тогда же были составлены и Высочайше утверждены основныя начала для новаго положенія о сборѣ акциза съ вина. Для этой цѣли была образована при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Заблоцкаго-Десятовскаго, который былъ душою всего этого дѣла, особая Комиссія, составленная изъ должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ, винокуренныхъ заводчиковъ, мѣстныхъ помѣщиковъ и откупщиковъ, и кромѣ того былъ приглашенъ, въ качествѣ члена Комиссіи, К. К., который все еще состоялъ Самарскимъ Губернаторомъ. Въ 1860 г. новый проектъ объ акцизѣ съ вина поступилъ уже въ Государственный Совѣтъ и въ томъ же году былъ Высо-

чайше утвержденъ; затѣмъ оставалось приступить къ приведенію онаго въ исполненіе, такъ какъ сроки откуповъ постепенно истекали и продолжались только временно. Министромъ Финансовъ былъ въ то время А. М. Княжевичъ, человѣкъ опытный и умный, но не обнаружившій особой симпатіи къ новой системѣ взиманія питейныхъ сборовъ. Директоромъ же Департамента Податей и Сборовъ, въ вѣдѣніи котораго состояли винные откупа, былъ тайный совѣтникъ Переверзевъ, старый рутинистъ, отлично знавшій всѣ подробности откупного дѣла.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и принималъ вообще дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ Императора Александра II, видя бездѣйствіе Министра Финансовъ по введенію новаго положенія объ акцизѣ съ вина и понимая вполнѣ, что новое вино нельзя вливать въ старые мѣха, пригласилъ къ себѣ К. К. и, объяснивъ ему всю необходимость, чтобы онъ принялъ въ свои руки весь вопросъ устройства акцизнаго сбора съ вина, просилъ его тогда же перейти на службу въ Министерство Финансовъ. Хотя эта перемѣна и не входила въ расчеты К. К., такъ какъ онъ дорожилъ мѣстомъ Губернатора, не менѣе того, въ виду необходимости, онъ согласился принять сдѣланное ему предложеніе.

Текущія дѣла оставались попрежнему въ вѣдѣніи Департамента Податей и Сборовъ, и К. К. были поручены только всѣ подготовительныя распоряженія по упраздненію откуповъ и новому управленію питейнаго сбора. Эта двойственность оказалась съ самаго начала вредною для дѣла, и К. К. встрѣчалъ на каждомъ шагу противодѣйствіе и затрудненіе, такъ какъ никто изъ прежняго состава Министерства Финансовъ не сочувствовалъ реформѣ. К. К. заявилъ Великому Князю Константину Николаевичу, что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать успѣха и что, если ему не будутъ переданы всѣ вообще дѣла Департамента Податей и Сборовъ (впослѣдствіи Департамента Неокладныхъ Сборовъ), то онъ будетъ принужденъ отказаться отъ возложеннаго на него дѣла. Послѣ

этого тайный совѣтникъ Переверзевъ былъ назначенъ сенаторомъ съ увольненіемъ отъ должности Директора, а на его мѣсто поступилъ К. К. со всѣми правами и обязанностями Директора Департамента.

Но прежде чѣмъ продолжать изложеніе дальнѣйшей дѣятельности К. К. по вѣдомству Министерства Финансовъ, нельзя не возвратиться ко времени, въ которомъ К. К. былъ Самарскимъ Губернаторомъ (1853—1861).

Въ концѣ 1850-хъ годовъ былъ открытъ въ Самарѣ губернскій комитетъ по улучшенію быта крестьянъ, и членомъ отъ Правительства, по ходатайству Губернатора, былъ назначенъ Самарскій помѣщикъ Юрій Федоровичъ Самаринъ, который въ то время жилъ въ г. Симбирскѣ и, хотя по прежней своей дѣятельности въ Прибалтійскомъ краѣ состоялъ подъ надзоромъ полиціи, но по своимъ знаніямъ, уму и высокимъ качествамъ, не могъ не быть призванъ къ участію въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Самарской губерніи. Но Самарскому дворянству и особенно членамъ крестьянскаго комитета, въ которомъ было также не мало крѣпостниковъ, назначеніе Ю. Ф. Самарина не понравилось и большинство вскорѣ обратилось противъ него и не было вообще къ нему расположено. Наконецъ эти неудовольствія между двумя партіями усилились до того, что онѣ не хотѣли болѣе засѣдать вмѣстѣ, и К. К. былъ принужденъ просить тогдашняго Генералъ-Губернатора Катенина пріѣхать въ Самару для успокоенія умовъ. Послѣ этого дѣла комитета пошли болѣе или менѣе гладко. Но меньшинство Самарина значительно окрѣпло и мнѣніе этого меньшинства было принято въ Редакціонной Коммиссіи. Благодаря Ю. Ф. Самарину и небольшому числу членовъ, слѣдовавшихъ твердо за нимъ, Самарскій крестьянскій комитетъ считался однимъ изъ передовыхъ и все время обращалъ на себя вниманіе Редакціонной Коммиссіи.

По недавности образованія Самарской губерніи (въ 1850 г.) изъ частей трехъ сосѣднихъ губерній, Симбирской, Саратовской и Оренбургской, въ ней не было еще надлежащаго единства въ управленіи и строѣ, почему К. К. считалъ нужнымъ объѣзжать ежегодно всю губер-

нію и, пробывъ Губернаторомъ въ одной губерніи восемь лѣтъ, зналъ, не говоря о губернскихъ, почти всѣхъ уѣздныхъ чиновниковъ и значительную часть помѣщиковъ, что много облегчало управленіе такою обширною губерніею, какъ Самарская. Всего болѣе онъ обращалъ вниманіе на личный составъ должностныхъ лицъ и особенно полиціи, вслѣдствіе чего ему удалось, въ концѣ своего пребыванія въ Самарѣ, имѣть личный составъ настолько удовлетворительный, насколько по обстоятельствамъ этого можно было требовать.

Во время губернаторства К. К. не было самостоятельныхъ ни городскихъ, ни земскихъ управленій, почему онъ пользовался широко распорядительною властью Губернатора и постоянно заботился объ улучшеніи и украшеніи городовъ, по мѣрѣ ихъ посѣщенія. Такъ, въ г. Самарѣ его стараніями было куплено мѣсто на берегу Волги и разведенъ обширный городской садъ, который впослѣдствіи сдѣлался любимымъ мѣстомъ гулянья городскихъ жителей. Основана городская библіотека, которая теперь занимаетъ цѣлый домъ и состоитъ изъ многихъ десятковъ тысячъ томовъ. Улучшены и перестроены тюрьмы въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ, и самарскій тюремный замокъ былъ первый въ Россіи, въ которомъ были введены нѣкоторыя внутреннія работы между арестантами и обученіе чтенію и письму взрослыхъ арестантовъ. Сдѣланы первыя разысканія для устройства въ г. Самарѣ водопровода, который осуществленъ лишь слишкомъ 30 лѣтъ спустя. Началось мощеніе улицъ и устройство тротуаровъ въ Самарѣ, приступлено къ болѣе правильной постройкѣ домовъ и къ болѣе широкому ихъ размѣщенію. Городъ былъ еще недавно уѣздный, состоялъ весь изъ деревянныхъ домовъ, которые горѣли, какъ солома, вслѣдствіе чего въ первые годы по обращеніи Самары въ губернскій городъ не проходило года, чтобы часть его не была превращена въ пепелъ.

Во время нахожденія К. К. Губернаторомъ губернаторская власть была такъ поставлена, что весьма трудно было ее не превысить. При всей осторожности К. К., дѣйствія его въ качествѣ Губернатора были два раза пере-

даны на разсмотрѣніе Правит. Сената; это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Поступивъ Губернаторомъ, онъ нашелъ, что въ числѣ прочихъ чиновниковъ и служащіе въ губернаторской канцеляріи получали дополнительное содержаніе отъ откупщиковъ. Желая, по крайней мѣрѣ, этихъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ освободить отъ этой постыдной оплаты, онъ придумалъ на это источникъ, казавшійся ему дозволеннымъ, а именно возвысилъ казенную цѣну пороха, продажа котораго состояла тогда въ вѣдѣніи Губернатора, и перевыручку противъ казенной цѣны назначилъ въ распредѣленіе между чиновниками своей канцеляріи, запретивъ имъ получать прежнія подачки отъ откупщиковъ. Впослѣдствіи это распоряженіе было найдено Государственнымъ Контролемъ неправильнымъ, и дѣйствія К. К. были переданы на разсмотрѣніе Сената. Второй случай заключался въ слѣдующемъ: К. К. уволилъ земскаго исправника отъ должности за незаконные поборы, а вслѣдъ затѣмъ самарское дворянство, по существовавшему тогда порядку, выбрало того же исправника въ Предсѣдатели Самарской Уголовной Палаты, а Министръ Юстиціи Графъ Панинъ, не взирая на предупрежденіе со стороны К. К., утвердилъ эти выборы, что поставило К. К. въ большое затрудненіе. При такихъ обстоятельствахъ ему представлялась альтернатива: или не допускать новаго Предсѣдателя Уголовной Палаты къ вступленію въ должность, на что онъ собственно не имѣлъ права, или самому оставить свою должность. Онъ рѣшился на первое, и Уголовная Палата исполнила его предложеніе. Генералъ-Губернаторъ Графъ Перовскій поддержалъ означенное распоряженіе К. К., завязалась переписка и должность Предсѣдателя Уголовной Палаты оставалась въ теченіе трехъ лѣтъ незамѣщенною. Когда же, наконецъ, все это дѣло было окончено, то Графъ Панинъ передалъ самовольное, по его отзыву, дѣйствіе К. К. на обсужденіе въ Сенатъ. Между тѣмъ, К. К. уже успѣлъ оставить губернаторскую должность, и Сенатъ подвелъ оба случая подъ послѣдовавшій въ то время Всемилостивѣйшій Манифестъ.

Послѣ окончанія своихъ занятій въ Комиссіи по составленію положенія объ акцизномъ сборѣ съ вина, К. К. былъ назначенъ членомъ учрежденнаго при Редакціонной Комиссіи Комитета для преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и ѣздилъ въ Самару только на самое короткое время для сдачи губернаторской должности, а затѣмъ возвратился въ Петербургъ для окончательнаго вступленія въ должность Директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ.

Послѣ этого онъ принялся со всѣмъ усердіемъ за подготовительныя распоряженія къ упраздненію откуповъ и введенію новаго положенія о питейномъ сборѣ. Понимая вполнѣ всю многосложность и трудность предположенной реформы и что весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть отъ свойства тѣхъ лицъ, на которыхъ будетъ возложено ея осуществленіе, К. К. поставилъ условіемъ своего вступленія Директоромъ то, чтобы выборъ всего высшаго личнаго состава будущаго акцизнаго управленія былъ исключительно ему предоставленъ. Тогдашній Министръ Финансовъ Княжевичъ на это согласился, а когда дѣло дошло до окончательнаго выбора и назначенія будущихъ управляющихъ акцизными сборами, то сталъ настаивать на пріемѣ такихъ кандидатовъ, которые были извѣстны К. К. съ невыгодной стороны, почему онъ положительно отказался отъ ихъ пріема на службу. Это породило столкновеніе между Княжевичемъ и К. К., и результатомъ было то, что К. К. подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности, но Княжевичъ имѣлъ гражданское мужество доложить Государю Александру II, что въ данную минуту К. К. былъ болѣе нуженъ, нежели онъ, вслѣдствіе чего Государь Императоръ согласился на его увольненіе, а К. К. остался Директоромъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ. На мѣсто Княжевича поступилъ Тайный Совѣтникъ Рейтернъ, съ которымъ К. К. состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ, что необыкновенно облегчило осуществленіе всей возложенной на него реформы. Рейтернъ тотчасъ же предложилъ К. К. принять должность Товарища Министра, но онъ отъ этого отказался и предпочелъ остаться

на занимаемой имъ должности. Всѣ пріисканные имъ съ большимъ трудомъ кандидаты въ управляющіе акцизными сборами были безусловно приняты Рейтерномъ и опредѣлены на службу.

Между тѣмъ откупщики не успокаивались и стали подавать заявленія и прошенія Министру Финансовъ и Государю о продолженіи откуповъ на новыхъ условіяхъ, предлагая разныя мнимо выгодныя условія для Правительства, а К. К. они считали почти безразсуднымъ и прямо ему выражали, что онъ предпринялъ вещь невозможную. Приготовленія къ введенію акцизнаго управленія шли уже къ концу, и новый личный составъ былъ уже на мѣстахъ, а происки откупщиковъ все еще продолжались. Когда же они предложили построить безплатно на три тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, если откупа будутъ продолжены, то Императору Александру II угодно было сдѣлать довольно рѣзкую резолюцію на этомъ заявленіи, что пора кончить съ этими предложеніями и чтобы Его Величеству болѣе таковыхъ не подавалось. Эта Высочайшая резолюція была опубликована, и тѣмъ происки откупщиковъ въ эту сторону закончились.

Въ 1862 г. новый порядокъ взиманія акцизнаго сбора введенъ и откупщики отстранены, оставивъ неуплаченными десятки милліоновъ рублей откупной недоимки. Но и послѣ этого откупщики не могли примириться съ мыслью, что ихъ царство кончилось и что они обратились въ простыхъ смертныхъ. Они стали интриговать другимъ путемъ и обвинять акцизное управленіе въ какихъ-то политическихъ тенденціяхъ и неблагонадежности, и тутъ начался опять цѣлый рядъ доносовъ, пока, наконецъ, Государь Александръ II не командировалъ своего Генералъ-Адъютанта для провѣрки всѣхъ взведенныхъ на акцизное управленіе обвиненій. Командированный Государемъ Генералъ-Адъютантъ не только не нашелъ никакихъ предосудительныхъ поступковъ со стороны тѣхъ управляющихъ, на которыхъ главнѣйше указывалось, но, напротивъ того, увидѣлъ въ нихъ отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей, которые исполняли свои обязанности и не заслу-

живали никакихъ упрековъ и въ частной своей жизни. Такимъ образомъ и этотъ второй походъ остался безъ последствій, но и затѣмъ нападки на акцизное управленіе не были окончены; начали всюду проповѣдывать, что съ введеніемъ акцизнаго управленія пьянство страшно развивается. Стали требовать разныхъ перемѣнъ въ самомъ акцизномъ положеніи, особенно по раздробительной продажѣ напитковъ. Это движеніе было самаго чистаго свойства, но основано на предубѣжденіи, и въ главу его сталъ Генералъ-Адъютантъ Чевкинъ, который въ то время былъ Предсѣдателемъ Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта. Не проходило года, чтобы не дѣлалось тѣхъ или другихъ законодательныхъ перемѣнъ въ питейномъ положеніи, но существо дѣла оставалось въ томъ же видѣ, потому что принимаемыя противъ пьянства мѣры были направлены вовсе не туда, куда слѣдовало.

Само собою разумѣется, что всѣ эти нареканія и колебанія не могли не отозваться на личномъ положеніи К. К. въ Министерствѣ Финансовъ, но Министръ Рейтернъ всегда такъ твердо стоялъ за него, что о колебаніи его положенія не могло быть и рѣчи. Однако Государь Императоръ зналъ объ означенныхъ нареканіяхъ, и когда въ 1864 г., по случаю продолжительнаго отпуска М. Х. Рейтерна, Императоръ Александръ II поручилъ не Товарищу Министра, а К. К. управлять Министерствомъ, то Государь въ присутствіи Рейтерна сказалъ К. К. съ милостивою улыбкою, что его обвиняютъ въ двухъ вещахъ, –въ распространеніи пьянства и наполненіи акцизнаго управленія поляками. Когда же К. К. позволилъ себѣ доложить, что это клевета, то Государь съ тою же милостивою улыбкою прибавилъ: „я не утверждаю, а передаю тебѣ только слухи“.

Между тѣмъ выборъ лицъ въ акцизное управленіе оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, и изъ шестидесяти управляющихъ, назначенныхъ первоначально, оказалось въ первый годъ ихъ поступленія только трое, хотя и вполнѣ честныхъ, но по неопытности своей не пригодныхъ къ дѣлу. Доходы же постоянно возвышались, не-

смотря на возникавшія при упраздненіи откуповъ опасенія о паденіи оныхъ. Особенно опасался такого паденія Императоръ Александръ II, и когда въ 1861 г. въ государственную роспись вносилась цифра дохода съ питей на 1862 г., Его Величество приказалъ Министру Финансовъ привести съ собою К. К. для обсужденія этой цифры, и окончательно было рѣшено уменьшить прежнюю цифру для большей вѣрности на сорокъ милліоновъ, въ результатѣ же оказалось, что питейный доходъ въ 1862 г. не только не уменьшился, но, напротивъ того, увеличился почти ровно на ту цифру, на которую предполагалось уменьшеніе. Этотъ прогрессъ продолжался постоянно, за исключеніемъ немногихъ неблагопріятныхъ годовъ, пока наконецъ въ 1893 г. Министромъ Финансовъ Витте не былъ возбужденъ вопросъ о винной монополіи.

К. К. оставилъ должность Директора Департамента въ 1869 г. вслѣдствіе утомленія. Во все время своей службы въ Министерствѣ Финансовъ онъ былъ постоянно такъ обремененъ занятіями по акцизнымъ вопросамъ, при безпрестанномъ движеніи законодательства по этой отрасли финансовъ, что имѣлъ мало времени касаться другихъ частей, входившихъ въ составъ сего Министерства. Ему удалось, однако, оказать Министерству Финансовъ услугу въ улучшеніи личнаго состава Министерства, Казенныхъ Палатъ и особенно въ выборѣ управляющихъ оными, которые до того времени состояли большею частью изъ лицъ стараго закала, бывшихъ въ близкихъ отношеніяхъ съ откупщиками. Сверхъ того, К. К. состоялъ членомъ въ разныхъ коммиссіяхъ, преимущественно по преобразованію въ банкахъ, и участвовалъ также въ составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ и новаго городового положенія 1870 г.

Прежде чѣмъ совершенно покончить съ акцизнымъ управленіемъ, желательно бы выяснить, что оно встрѣтило такое сопротивленіе и недоброжелательство не только со стороны однихъ откупщиковъ, но и среди губернскаго и уѣзднаго обществъ и мѣстныхъ властей. Главная причина этого заключалась въ томъ, что все это управленіе

было поставлено совершенно на иныхъ основаніяхъ, нежели прочія губернскія и уѣздныя учрежденія, и личный составъ этого управленія былъ иной, нежели тотъ, который до тѣхъ поръ привыкли видѣть. Въ виду огромныхъ казенныхъ интересовъ, которые акцизное управленіе должно было представлять, Правительство рѣшилось назначить составлявшимъ оное лицамъ до тѣхъ поръ небывалое содержаніе и дать начальникамъ этого управленія полную самостоятельность, возложивъ въ то же время на нихъ и всю отвѣтственность за успѣшный ходъ дѣла, такимъ образомъ, что центральное управленіе опредѣляло и увольняло только самыхъ старшихъ должностныхъ лицъ, опредѣленіе же и увольненіе всѣхъ остальныхъ лицъ зависѣло исключительно отъ мѣстнаго начальника. При этомъ могъ быть опредѣленъ всякій, даже не имѣющій вовсе чина, и вообще все это управленіе было поставлено скорѣе на конторскую ногу, нежели на бюрократическую; при такихъ условіяхъ напоръ желающихъ былъ такъ великъ, что личный составъ оказался превосходнымъ. Между ними было не мало и такихъ, которые независимо отъ своихъ служебныхъ обязанностей занимались литературою, школами, бѣдными и т. д. и не ограничивались своимъ акцизнымъ кружкомъ. Между прочимъ поступило много врачей. Это возбуждало на мѣстахъ зависть и неудовольствіе, и ни со стороны мѣстнаго начальства, ни со стороны мѣстнаго общества не скупились нареканіями и сплетнями всякаго рода на новыхъ пришельцевъ. А къ тому пришло еще то обстоятельство, что одновременно съ упраздненіемъ откуповъ произошло освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и вино значительно подешевѣло; все это вмѣстѣ не могло, можетъ быть, не подѣйствовать на временное усиленіе въ употребленіи вина. Общее же количество употребляемаго въ Россіи хлѣбнаго вина впродолженіе 30 лѣтъ почти одно и то же; способъ его употребленія только иной, нежели въ большей части другихъ странъ Европы.

При оставленіи К. К. въ 1869 г. должности Директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ, Министръ Финан-

совъ Рейтернъ предложилъ ему ходатайствовать о назначеніи его сенаторомъ, но К. К. на это не согласился и предпочелъ быть причисленнымъ къ Министерству Финансовъ съ возложеніемъ разныхъ занятій по этому Министерству. По оставленіи К. К. должности Директора Департамента, акцизное управленіе собрало довольно значительный капиталъ, который обращенъ въ неприкосновенный, и на проценты съ онаго содержатся 5 стипендіатовъ имени К. К. Грота въ мужескихъ и женскихъ гимназіяхъ и до 10 такихъ же стипендіатовъ и стипендіатокъ въ разныхъ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ, и всѣ окончившіе курсъ учители и учительницы обязаны служить въ народныхъ школахъ Самарской губерніи. Въ 1870 г., по иниціативѣ М. Х. Рейтерна, онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ засѣданіемъ въ Департаментѣ Государственной Экономіи, Предсѣдателемъ котораго былъ въ то время Генералъ-Адъютантъ Чевкинъ. По близкому знакомству К. К. со многими частями Министерства Финансовъ, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ Департамента Экономіи, но эти совмѣстныя занятія съ генераломъ Чевкинымъ продолжались недолго, и черезъ два года К. К. было предложено, не предпочтетъ ли онъ засѣдать въ Департаментѣ Законовъ, на что онъ и согласился и оставался членомъ этого Департамента до 1882 г., когда онъ былъ назначенъ Главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи и перешелъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Въ Департаментѣ Законовъ К. К. былъ постоянно дѣятельнымъ членомъ, и если ему не всегда удавалось приносить положительную пользу, то онъ старался дѣйствовать отрицательно, т.-е. склонять большинство членовъ, чтобы тѣ представленія Министровъ, которыя, по его мнѣнію, не слѣдовало утверждать, были имъ возвращаемы съ надлежащими указаніями для новой разработки или для совершеннаго отказа. Съ особенною любовью занимался онъ вопросами административными, которые были ему близко извѣстны по прежней губер-

*

наторской службѣ; всего болѣе обращалъ онъ вниманіе на представленія, вносившіяся въ Государственный Совѣтъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по улучшенію и измѣненію сельской уѣздной полиціи, которая была вообще очень плоха и не имѣла надлежащей организаціи. Одинъ проектъ за другимъ возвращался Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и онъ сѣтовалъ за это преимущественно на К. К.

Другой предметъ, которымъ К. К. особенно занялся во время нахожденія своего членомъ Департамента Законовъ, былъ тюремный вопросъ. Уже вслѣдъ за оставленіемъ Министерства Финансовъ К. К. занялся изученіемъ тюремнаго дѣла въ Россіи и за границей, изученіемъ уставовъ и управленія въ тюремныхъ вѣдомствахъ разныхъ странъ, причемъ лично осматривалъ образцовыя тюрьмы Запада, мечтая о томъ, что эта добровольная работа можетъ оказаться полезною и для Россіи, гдѣ тюремное управленіе и положеніе заключенныхъ было обставлено очень плохо. Между прочимъ съ этою цѣлію К. К. по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ 1878 г. въ Стокгольмъ на международный тюремный конгрессъ, на которомъ онъ былъ выбранъ Предсѣдателемъ конгресса, что ему дало возможность пользоваться особою милостію Короля Оскара. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ давно сознавало недостатки тюремнаго устройства и неоднократно назначало коммиссіи для разработки устава общаго тюремнаго управленія, но дѣло не подвигалось до 1878 г., когда вопросъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ. Состоя членомъ Департамента Законовъ, К. К. имѣлъ возможность высказать въ Государственномъ Совѣтѣ подробно свой взглядъ по вопросу, которымъ занимался уже нѣсколько лѣтъ, и изложеніе плана новаго тюремнаго устройства было признано настолько удовлетворительнымъ и практичнымъ, что, по предложенію Предсѣдателя Департамента Князя Урусова, было найдено желательнымъ скорѣйшее осуществленіе предположеній К. К. Разность между взглядами К. К. и его предшественниковъ по этому вопросу заключалась главнѣйше въ томъ, что прежнія тюремныя коммиссіи составляли свои

проекты тюремныхъ учрежденій безъ надлежащаго соображенія съ уложеніемъ о наказаніяхъ и лѣстницею наказаній. Изъ этого выходило, что теорія не сходилась съ практикою и что Министерство Юстиціи не могло войти въ полное соглашеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. К. К. предложилъ только другую комбинацію, т.-е. образовать при Государственномъ Совѣтѣ одну комиссію, на которую возложить пересмотръ и лѣстницы наказаній, и тюремныхъ уставовъ.

Предложеніе было принято, и дѣло разрѣшилось просто и скоро. Всѣ прежніе проекты реформы было рѣшено оставить безъ вниманія и немедленно образовать при Государственномъ Совѣтѣ особую комиссію изъ членовъ Совѣта и подлежащихъ Министровъ для разработки новаго проекта тюремнаго закона, съ надлежащей объяснительной запиской. Послѣ успѣшнаго доклада К. К. въ Государственномъ Совѣтѣ, Предсѣдатель Департамента Князь Урусовъ предложилъ ходатайствовать объ утвержденіи Государемъ Императоромъ новой комиссіи подъ предсѣдательствомъ К. К. Комиссія была утверждена Государемъ, и черезъ годъ Государственнымъ Совѣтомъ былъ утвержденъ и введенъ съ 1 января 1880 г., почти безъ измѣненій, внесенный комиссіею новый проектъ тюремнаго закона. Послѣ этого возникла мысль, поддерживаемая особенно Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, что для успѣха дѣла было бы необходимо, чтобы К. К. взялъ и самое исполненіе новаго положенія всецѣло въ свои руки, независимо отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и по инициативѣ Графа Лорисъ-Меликова, тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, тюремная часть была выдѣлена въ особое, независимое отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Управленіе, которое и было поручено К. К., съ званіемъ Завѣдующаго тюремнымъ дѣломъ, на правахъ Министра. Однако по выходѣ Графа Лорисъ-Меликова и назначеніи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Графа Игнатьева, К. К. уже не имѣлъ возможности свободно продолжать послѣдовательное проведеніе задуманной реформы и вслѣдствіе этого при-

нуждена былъ въ 1882 г. просить Императора Александра III уволить его отъ должности Завѣдующаго тюремною частью. Должность, которую занималъ К. К., была упразднена, и тюремное управленіе было снова подчинено Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Въ періодъ своего кратковременнаго завѣдыванія тюремнымъ дѣломъ К. К. обратилъ преимущественно вниманіе на занимавшую въ то время всю Европу одиночную систему содержанія и на приспособленіе личнаго состава для этой системы, а также на перестройку и постройку вновь тюремъ и на введеніе работъ въ тюремныхъ замкахъ стараго устройства. Но, къ сожалѣнію, многія усилія его къ улучшенію тюремъ были парализованы недостаткомъ средствъ въ тюремномъ вѣдомствѣ. Не менѣе занимали К. К. въ новомъ тюремномъ управленіи вопросы о каторжныхъ работахъ и о ссылкѣ въ Сибирь. Въ то же время было дано большее развитіе вопросу о ссылкѣ въ Сибирь, на островъ Сахалинъ.

Въ 1870-хъ гг. К. К. занялся мѣрами къ лучшему устройству въ Петербургѣ врачебной и педагогической гимнастики. Съ этою цѣлію онъ образовалъ Гимнастическое Общество, главная цѣль котораго заключалась въ приготовленіи спеціальныхъ учителей и учительницъ гимнастики и физическаго развитія молодежи. Общество выписало изъ Швеціи нѣсколько преподавателей врачебной гимнастики, открыло въ разныхъ частяхъ города три гимнастическихъ заведенія и устроило публичныя чтенія анатоміи для учителей и учительницъ гимнастики. Это Общество принесло свои плоды, но впослѣдствіи, когда К. К. не могъ болѣе оказывать ему дѣятельной поддержки, оно закрылось.

По оставленіи обязанностей Завѣдующаго всею тюремною частью, К. К. былъ призванъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною для предложенія ему должности Главноуправляющаго Собственною Канцеляріею Его Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи, оставшейся незанятою послѣ смерти Принца Петра Ольденбургскаго. Не предполагая болѣе принимать какихъ-либо

должностей съ отвѣтственными обязанностями, К. К. ходатайствовалъ усиленно передъ Ея Величествомъ объ освобожденіи его отъ предложенной ему должности, но Императрицѣ не угодно было на это согласиться, и К. К. подчинился волѣ Ея Величества. Въ этой должности К. К. оставался три года (1882—85 г.), и изъ числа улучшеній въ порядкѣ управленія, которыя заслуживаютъ болѣе вниманія, можно назвать преимущественно два: счетная часть и особенно смѣтная были очень плохо поставлены по всему вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Ежегодно были значительные дефициты и передержки, и вообще мало обращалось вниманія на смѣтныя расписанія, а контрольная часть была въ еще худшемъ положеніи. Ко времени оставленія К. К. своей должности порядокъ составленія и утвержденія смѣтъ былъ веденъ совершенно правильно; всѣ капиталы и суммы были разобраны и дефициты прекращены. Точно также была правильно устроена и контрольная часть и установлена новая должность главнаго контролера, завѣдующаго всею контрольной частію вѣдомства. Распоряженія по этимъ двумъ частямъ не могли доставить К. К. большой популярности въ томъ вѣдомствѣ, во главѣ котораго онъ стоялъ. По выходѣ К. К. изъ онаго Императору Александру III угодно было удостоить его лестнымъ рескриптомъ.

По окончаніи своей дѣятельности по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, онъ хотя и продолжалъ свои занятія въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, но уже не отдавалъ имъ ни прежняго времени, ни прежней энергіи, и отдался преимущественно одному спеціальному дѣлу, которое его уже давно занимало: призрѣнію и воспитанію слѣпыхъ. Послѣ турецкой войны 1878 г., по инициативѣ Императрицы Маріи Александровны, былъ образованъ комитетъ для попеченія о семействахъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ и председательство въ этомъ комитетѣ было возложено Императрицею на К. К. Между ранеными воинами оказалось много ослѣпшихъ молодыхъ солдатъ, въ судьбѣ которыхъ Императрица принимала материнское участіе. Это послужило поводомъ К. К. изу-

чить способы обученія слѣпыхъ доступнымъ имъ работамъ, чтенію и письму. По закрытіи означеннаго временнаго комитета, также по волѣ Императрицы Маріи Александровны, было учреждено особое Попечительство для призрѣнія слѣпыхъ вообще, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, всѣхъ сословій и возрастовъ. Но Императрицѣ Маріи Александровнѣ не было суждено дожить до открытія спеціальнаго Попечительства о слѣпыхъ. Оно открылось уже послѣ ея смерти въ 1881 г. и поступило прямо подъ покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а К. К. былъ избранъ въ Предсѣдатели Совѣта Попечительства о слѣпыхъ. Освободившись отъ всякихъ постоянныхъ административныхъ обязанностей, К. К. могъ посвятить главную часть своего времени на новое свое призваніе и, будучи постоянно избираемъ Предсѣдателемъ Совѣта Попечительства, имѣлъ возможность строго слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія Попечительства были постоянно направлены къ одной цѣли и чтобы все общество оказывало Попечительству свое содѣйствіе въ помощи обездоленнымъ слѣпымъ. Кромѣ того, благодаря прежней его службѣ въ Министерствѣ Финансовъ, весь личный составъ акцизнаго управленія вызвался служить Попечительству мѣстными агентами и оказываетъ и по сіе время огромныя услуги Попечительству и слѣпымъ, производя ежегодно сборы церковные и другіе и оказывая всякую помощь слѣпымъ. Все это дѣло обратило на себя вскорѣ вниманіе всего русскаго общества, Царскаго нашего семейства и получило въ короткое время такое развитіе, что трудно было этого ожидать впередъ. Кромѣ цѣлаго ряда разныхъ учрежденій для слѣпыхъ въ разныхъ частяхъ Россіи, Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ успѣло также заняться мѣрами предупрежденія слѣпоты и посредствомъ посылки ежегодно въ разныя части Россіи значительнаго числа молодыхъ окулистовъ спасаетъ множество людей отъ слѣпоты.

Въ 1895 г. К. К., по недостатку силъ и здоровья, оставилъ званіе Предсѣдателя Совѣта Попечительства, которое занималъ съ самаго учрежденія Попечительства,

при состоянiи въ наличности болѣе 2.000.000 р. неприкосновеннаго и запаснаго капиталовъ и на 900.000 р. недвижимаго и движимаго имуществъ, 20 учрежденiй разныхъ наименованiй для слѣпыхъ и больныхъ глазами и готовый аппаратъ для мѣръ предупрежденiя слѣпоты, сверхъ того 3-хъ-этажный каменный домъ, построенный на счетъ К. К., въ которомъ помѣщаются мастерскiя для 60 приходящихъ взрослыхъ слѣпыхъ, изучившихъ ремесло. Этотъ домъ именуется „Мастерскiя для слѣпыхъ имени К. К. Грота.“

Въ настоящее время К. К. избранъ Почетнымъ Предсѣдателемъ Совѣта Попечительства Императрицы Марiи Александровны о слѣпыхъ и Почетнымъ Попечителемъ Александро-Марiинскаго училища слѣпыхъ и Мастерскихъ его имени и удостоенъ Всемилостивѣйшаго рескрипта Ея Императорскаго Величества Августѣйшей Покровительницы Попечительства о слѣпыхъ.

Въ 1892 г., по инициативѣ К. К., возбужденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ о необходимости пересмотра дѣйствующихъ у насъ законоположенiй по общественному призрѣнiю и частной благотворительности; съ Высочайшаго соизволенiя образована для этой цѣли особая комиссiя подъ предсѣдательствомъ К. К., которая еще не окончила своихъ занятiй.

Въ заключенiе нельзя не упомянуть, что съ именемъ К. К. связано разрѣшенiе на куренiе табаку на улицахъ въ Россiи.

Въ серединѣ 1860-хъ годовъ К. К. представлялся Императору Александру II и былъ Государемъ спрошенъ, почему доходы съ табачнаго акциза такъ медленно подымаются, на что К. К. отвѣчалъ, что въ Россiи вообще мало курятъ, размѣръ налога не высокъ и на улицахъ курить не дозволяется. Къ этому онъ позволилъ себѣ присовокупить, что онъ считалъ бы желательнымъ, чтобы куренiе на улицѣ было разрѣшено и что, по его мнѣнiю, къ этому никакого препятствiя быть не можетъ. Государь сдѣлалъ нѣсколько возраженiй и выражалъ особенно, что въ военномъ вѣдомствѣ дисциплина можетъ быть этимъ

нарушена, но окончательно поручилъ К. К. передать Министру Финансовъ Рейтерну этотъ разговоръ для представленія Государю записки по этому предмету. Приказаніе было исполнено, Рейтернъ защищалъ мнѣніе К. К., и въ томъ же году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на куреніе на улицѣ во всей Россіи.

К. К. ГРОТЪ

ВЪ ЮНОСТИ И ВЪ ПЕРВУЮ ЭПОХУ СЛУЖБЫ.

(До Самарскаго губернаторства 1853 г.).

Крайне незначительны и скудны, къ сожалѣнію, біографическія свѣдѣнія о первой эпохѣ жизни и дѣятельности К. К., о его дѣтствѣ, юности и начальномъ періодѣ его службы. Если даже со стороны фактовъ и датъ можно возстановить ихъ канву лишь въ самомъ крупномъ и общемъ масштабѣ, то для обрисовки и характеристики внутренней, умственной и душевной жизни К. К. въ пору его юности и молодости мы, къ величайшему сожалѣнію, не располагаемъ почти никакими прямыми свидѣтельствами и данными. Въ своихъ краткихъ автобіографическихъ замѣткахъ, написанныхъ на склонѣ дней, К. К. совсѣмъ не останавливается на своихъ дѣтскихъ годахъ, на порѣ ученія и умственнаго развитія и посвящаетъ очень немного строкъ начальному періоду своей службы - до губернаторства въ Самарѣ, такъ что изъ этого источника мы почерпаемъ очень немногое. Переписки своей и старыхъ бумагъ онъ не сохранилъ до конца, за немногими исключеніями, и уничтожилъ въ концѣ жизни очень многое: изъ писемъ и бумагъ его того времени отыскалось лишь небольшое количество въ семейномъ архивѣ его брата [1]). Вообще сохранившаяся исключительно

---

[1]) За 6 лѣтъ до кончины (9 іюля 1891 г.) К. К. писалъ своему брату: «Ты охотникъ до старины. Разбирая свои бумаги изъ разныхъ періодовъ жизни, я нашелъ множество интереснаго изъ прошедшаго, между прочимъ и такія вещи, которыя касаются тебя лично. Пересылаю тебѣ кое-что, предполагая, что въ деревнѣ на свободѣ оно можетъ занять тебя и твою молодежь. Я стараюсь вообще ликвидировать свои дѣла и оставляю за собой какъ можно менѣе вещей, чтобы избавить оставшихся послѣ меня разбирать и уничтожать массу никому не нужныхъ и не интересныхъ вещей и бумагъ. Я это только-что испыталъ на опытѣ. Изъ разбора старыхъ бумагъ я убѣдился, что былъ очень дѣятеленъ въ своей жизни и о многомъ, что мною сдѣлано въ общественномъ отношеніи, я даже почти забылъ въ старости...»

здѣсь семейная переписка конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, а равно изданная мною (1896) дружеская и литературная переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, съ которымъ въ близкихъ и задушевныхъ отношеніяхъ состоялъ и К. К., вмѣстѣ съ нѣсколькими живыми личными свидѣтельствами [1]), являются единственнымъ современнымъ источникомъ для воскрешенія духовнаго и нравственнаго облика К. К., какъ сперва юноши - лицеиста, а затѣмъ молодого человѣка, начинающаго свою чиновную карьеру. Остальной имѣющійся у меня матеріалъ состоитъ изъ офиціальныхъ служебныхъ бумагъ (о разныхъ назначеніяхъ К. К.) и отношеній, важныхъ въ смыслѣ фактическомъ и для хронологіи, но совершенно мертвыхъ и безмолвныхъ для возстановленія настроенія и движеній духа и сердца того лица, котораго онѣ касаются. Исключеніемъ являются путевой дневникъ К. К. 1847 г. и два сохранившіяся письма его къ гр. П. И. Кутайсову (о пожарѣ Зимняго Дворца), которыя будутъ помѣщены въ приложеніи къ этой статьѣ.

Пользуясь всѣмъ, что мнѣ удалось собрать, я попытаюсь набросать хоть общій и поневолѣ краткій очеркъ или біографическую канву жизни К. К. до 1853 г., т. е. до назначенія его Губернаторомъ въ Самару, когда ему исполнилось 38 лѣтъ, —и надѣюсь, что сгруппированные мною факты, данныя и свидѣтельства помогутъ читателю и будущему біографу К. К. до нѣкоторой степени возсоздать его духовный образъ въ эти молодые годы его жизни, образъ, въ которомъ знавшіе его позже не преминутъ узнать уже достаточно опредѣлившимися тѣ основныя и отличительныя черты его духовнаго существа, которыя характеризовали его выдающуюся, высокоблагородную личность въ эпоху разцвѣта его силъ и дѣятельности и до конца его дней.

---

[1]) Таковы, напр., свидѣтельства шурина Я. К. Грота,—П. П. Семенова, которому мы обязаны нѣсколькими дополнительными сообщеніями въ настоящей статьѣ (напр., объ отношеніяхъ къ Н. А. Милютину и объ участіи въ дѣятельности И. Географическаго Общества).

I.

Происхожденіе, дѣтство, лицей.

(1815—1835 г.г.).

Константинъ Карловичъ Гротъ, младшій братъ академика, родился 12 января 1815 г. О его родителяхъ и предкахъ имѣются и печатныя свѣдѣнія, сообщенныя его братомъ, Яковомъ Карловичемъ, въ его учено-литературныхъ трудахъ, именно въ статьѣ о дѣдѣ ихъ—пасторѣ Гротѣ и въ автобіографическихъ замѣткахъ [1]). Не распространяясь подробно объ этомъ, я сообщу однако же самое существенное; въ немъ найдутся черты, не лишенныя значенія для объясненія многаго въ характерѣ и жизни самого Константина Карловича.

Дѣдъ К. К., уроженецъ Голштиніи (гор. Plön [2]), сынъ адвоката, Іоакимъ Христіанъ Гротъ, получивъ степень кандидата богословія въ Іенскомъ университетѣ и ставъ кандидатомъ на пасторскую должность, пристроился сперва домашнимъ учителемъ въ Килѣ. Въ семилѣтнюю войну, когда Кенигсбергъ былъ взятъ русскими и туда былъ назначенъ губернаторомъ генералъ-аншефъ баронъ Н. А. Корфъ, Іоакимъ Гротъ какими-то судьбами попалъ къ нему въ секретари—въ 1758 г., а черезъ 2 года, въ 1760 г., слѣдовательно еще при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сперва былъ домашнимъ учителемъ (у вдовы ген. Корфъ), а затѣмъ сталъ пасторомъ при голштинскомъ полку. Скоро затѣмъ, уже по восшествіи на престолъ Екатерины II, Гротъ, хотя ему и открывалась возможность получить почетное мѣсто на родинѣ [3]), предпочелъ все-же остаться въ Россіи, а въ

---

[1]) См. Труды Я. К. Грота, т. III (1901), стр. 422, и книжку «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ». Спб., 1895 г. (Автобіограф. замѣтки Я. К. вошли и въ V томъ «Трудовъ»).

[2]) Род. 14 іюня 1733 г.

[3]) Профессора краснорѣчія и поэзіи въ Кильскомъ университетѣ

1764 г. получилъ мѣсто пастора церкви Св. Екатерины на Васильевскомъ Островѣ, о чемъ хлопотали его друзья, извѣстные ученые Шлецеръ и Бакмейстеръ.

Этотъ постъ онъ занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 22 декабря 1799 г., т.-е. ровно 35 лѣтъ. Онъ оставилъ по себѣ наилучшую память своею пасторскою-и проповѣдническою дѣятельностью и почтенное имя въ ученой литературѣ (занесенное митроп. Евгеніемъ въ его Словарь свѣтскихъ писателей), особенно своимъ трехтомнымъ историко-статистическимъ трудомъ „Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій иностранцевъ въ Россійскомъ Государствѣ", который, по его собственному выраженію, долженъ былъ служить памятникомъ вѣротерпимости русскихъ монарховъ. Большое просвѣтительное, можно сказать, государственное значеніе имѣла и проповѣдническая дѣятельность Грота, и за рядъ его бесѣдъ о законности и пользѣ оспопрививанія Императрица Екатерина пожаловала ему большую золотую медаль. Заслуживаетъ упоминанія и то, что пасторомъ Гротомъ было основано у насъ первое общество страхованія жизни, и его книжка, напечатанная по-русски и по-нѣмецки „Учрежденіе основаннаго въ Петербургѣ на смертные случаи общества" выдержала три изданія (1775, 1780, 1794 гг.) и была переведена и на французскій языкъ (1777 г.). Всѣ эти труды, какъ вообще вся общественная дѣятельность Іоакима Грота, какъ мы видимъ, были проникнуты высокими началами истинной гуманности, человѣколюбія и терпимости, связанными съ прогрессивными и культурными стремленіями, вполнѣ уживавшимися съ глубокой его религіозностью, и тутъ самъ собой напрашивается выводъ, что эти руководящія начала естественно передались по наслѣдству и въ слѣдующія поколѣнія, къ сыну и къ внукамъ пастора, и мы видимъ вновь ихъ широко и ярко выраженными въ государственной, общественной и благотворительной дѣятельности Константина Карловича [1]).

[1]) Достаточно извѣстно, какъ эти принципы проникали всю жизнь и дѣятельность и старшаго его брата, Якова Карловича.

Отецъ К. К., единственный сынъ пастора Грота, служилъ въ Министерствѣ Финансовъ, въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ и умеръ начальникомъ отдѣленія въ 1816 г., сравнительно еще молодымъ человѣкомъ, 46-ти лѣтъ, когда К. К. было всего около 2-хъ лѣтъ, а брату его около 4-хъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о его жизни и характерѣ очень скудны. Дѣти не могли его помнить, а ранняя смерть его лишила ихъ отцовскаго руководства въ воспитаніи, которое всецѣло перешло въ руки матери. Карлъ Ефимовичъ воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ. О способностяхъ его, говоритъ Яковъ Карловичъ въ своей автобіографіи, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ вышелъ первымъ ученикомъ и на выпускномъ экзаменѣ произнесъ рѣчь, о которой Бакмейстеръ упоминаетъ въ своей „Russische Bibliothek". А вотъ и другой фактъ, свидѣтельствующій о способностяхъ К. Е. къ языкамъ и успѣхахъ его въ ихъ усвоеніи уже въ самые юные годы (кромѣ русскаго, яз. нѣмецкаго и французскаго), что по наслѣдству передано имъ и дѣтямъ [1]. „Лѣтъ 14-ти онъ имѣлъ счастіе быть избраннымъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которые во время малолѣтства Императора Александра I-го были призываемы ко двору для практическаго упражненія двухъ старшихъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ,—обстоятельство, упоминаемое самою Императрицею Екатериною II въ письмахъ ея къ Гримму [2]. Этой честью обязанъ онъ былъ почетному положенію, которымъ пользовался дѣдъ мой, какъ пасторъ Екатерининской церкви". „Отецъ мой, прибавляетъ Я. К., былъ человѣкомъ знающимъ, дѣловымъ и въ высшей степени благороднымъ".

К. Е. былъ женатъ на Каролинѣ Ивановнѣ, рожд.

---

[1]) Впрочемъ и отецъ его, Іоакимъ Гротъ, повидимому былъ охотникъ до изученія языковъ: по свидѣтельству Я. К., онъ въ молодости своей, по собственной охотѣ, выучился итальянскому языку, какъ сдѣлалъ потомъ и внукъ его,

[2]) «Сборникъ Имп. Историч. Общества», т. XXIII, стр. 297, 298.

Цизмеръ, петербургской нѣмкѣ, но „почитавшей Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, любившей все русское и воспитавшей дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи“. У нихъ было трое дѣтей: дочь Роза и два сына —Яковъ (род. 1812 г.) и Константинъ (род. 1815 г.). Такъ какъ они выросли и воспитались на рукахъ матери, всю свою душу вкладывавшей въ дѣло этого воспитанія и достигшей наилучшихъ результатовъ, то я не могу не остановиться на маленькой характеристикѣ какъ личности, такъ и семьи этой почтенной женщины. О самомъ Цизмерѣ, отцѣ Каролины Ивановны, къ сожалѣнію у насъ нѣтъ свѣдѣній, но о другихъ членахъ семьи сохранились преданія, которыя передаетъ Яковъ Карловичъ [1]). Вотъ что онъ разсказываетъ о нихъ. „Бабушка моя (по матери) M-me Ziesmer (рожденная Бушъ), держала въ Петербургѣ дѣвичій пансіонъ (въ 1790-хъ годахъ). Въ этомъ ей особенно много помогала старшая дочь ея, Елизавета Ивановна, преумная и препочтенная дѣвица, которая иногда жила и въ гувернанткахъ и въ этомъ качествѣ провела нѣсколько времени въ Германіи, съ фамиліей Медеръ [2]). Е. И. родилась въ 1762 г. Она была связана самою тѣсною дружбою съ братомъ, 10 годами моложе ея, Яковомъ Ивановичемъ [3])—лицомъ также замѣчательнымъ. Не получивъ особеннаго воспитанія, но будучи уменъ, благороденъ, хорошо изучивъ французскій и другіе иностранные языки, имѣя хорошій почеркъ, онъ въ службѣ стоялъ на отличной дорогѣ (служилъ въ иностранной коллегіи). Начальникъ его, графъ Панинъ, такъ полюбилъ его, что считалъ его домашнимъ человѣкомъ, также и графъ Орловъ (Владиміръ), тесть Панина. Съ помощью этихъ господъ дядя могъ ѣздить по разнымъ порученіямъ въ польскія губерніи (1795 г.), въ Пруссію (1807 г., послѣ Тиль-

---

[1]) «Переписка съ Плетневымъ», т. II, стр. 292, 293.

[2]) Кажется, Елизавета Ивановна и послѣ матери держала нѣкоторое время пансіонъ.

[3]) Вѣроятно въ честь его получилъ имя старшій сынъ сестры его.

зитскаго міра), жилъ при посольствѣ въ Дрезденѣ и Берлинѣ. Не знаю, по какому непріятному дѣлу дядя, несправедливо обвиненный, долженъ былъ оставить дипломатическую службу; послѣ онъ опредѣлился по таможенной части—начальникомъ округа въ Либавѣ. Тамъ онъ влюбился въ нынѣшнюю баронессу Рённе (рожд. Оффенбергъ) и женился на ней..." Замѣтимъ кстати, что служившій впослѣдствіи въ Митавѣ племянникъ его, Константинъ Карловичъ, былъ очень хорошо принятъ въ домѣ этой тетки своей, уже бывшей съ тѣхъ поръ во второмъ бракѣ, и былъ съ ней и ея семьей въ дружескихъ отношеніяхъ. О Цизмерѣ сохранилась память какъ о человѣкѣ „благомыслящемъ, честномъ, добромъ, нѣжномъ сынѣ и братѣ".

Мы видимъ такимъ образомъ, что и со стороны матери Константина Карловича были самыя благопріятныя условія, какъ въ смыслѣ семейныхъ (наслѣдственныхъ) предрасположеній и традицій, такъ и въ смыслѣ воспитательныхъ элементовъ. Сама Каролина Ивановна, умная, добрая, разумно-строгая, была беззавѣтно предана воспитанію нѣжнолюбимыхъ дѣтей своихъ. Дѣти платили ей горячею привязанностью, радовавшею ее до конца дней. Вся жизнь ея, по ихъ свидѣтельству, была посвящена заботамъ о нихъ и неуклонному исполненію самыхъ священныхъ обязанностей. Константинъ Карловичъ, подобно другимъ дѣтямъ, горячо любилъ свою мать [1]), часто навѣщалъ ее въ Финляндіи, гдѣ она жила до кончины своей (1853 г.) съ старшимъ сыномъ, и завѣщалъ себя похоронить рядомъ съ нею, въ Гельсингфорсѣ, что и было исполнено.

Матери К. К. помогала въ воспитаніи дѣтей ея сестра Елизавета Ивановна Цизмеръ, о которой рѣчь была выше. Она очень любила племянниковъ, занималась съ ними и учила ихъ, между прочимъ, французскому языку. При скудныхъ средствахъ своихъ Каролина Ивановна всетаки находила возможность нанимать въ помощь себѣ

[1]) «Переписка», т II, стр. 260, 534.

и учителей, но наконецъ „требованіе болѣе серьёзныхъ уроковъ, пишетъ Я. К., побудило ее подумать о помѣщеніи насъ—меня и младшаго брата моего Константина — на казенный счетъ въ лучшее общественное заведеніе того времени — Царскосельскій лицей. Надежда моей матери основывалась на томъ, что покойный отецъ мой былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ Императору, и эта надежда оправдалась“.

Константинъ Карловичъ былъ опредѣленъ въ 1826 г., слѣдовательно 11 лѣтъ, въ Александровскій Царскосельскій пансіонъ, а оттуда поступилъ въ Императорскій Царскосельскій лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1835 г.—по 1-му разряду, съ чиномъ IX класса.

О лицеѣ того времени, о томъ, чему и какъ тамъ учились, въ какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями проходила жизнь лицеиста, достаточно уже писалось, и о курсѣ, предшествовавшемъ курсу К. К., сообщилъ свои воспоминанія его братъ въ своей автобіографіи [1]). О самомъ К. К.—какъ лицеистѣ, къ сожалѣнію, мы никакихъ свидѣтельствъ не имѣемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и на немъ отразились особенности лицейскаго воспитанія и быта, лицейскія литературныя, именно пушкинскія, тогда еще вчерашнія, живыя преданія, вкусы и увлеченія. Что это было такъ, что К. К. не составлялъ исключенія и съ большинствомъ лицеистовъ восторженно преклонялся передъ Пушкинымъ и его геніемъ, и помимо того вообще былъ не чуждъ литературныхъ интересовъ, на это мы имѣемъ довольно краснорѣчивое случайное доказательство. Среди бумагъ его, наиболѣе давнихъ (собранныхъ имъ въ одну папку), сохранился рядъ рукописныхъ отрывковъ, представляющихъ его собственноручныя копіи разныхъ стихотвореній, посвященныхъ преимущественно памяти Пушкина и нѣсколькихъ другихъ литературныхъ воспоминаній. Онѣ относятся очевидно къ 1837 и 1838 гг., слѣдовательно къ первымъ послѣ выхода К. К. изъ лицея. Ли-

---

[1]) Я. К. Гротъ, «Нѣсколько данныхъ», стр. 4—16.

цейская литературная атмосфера продолжала сказываться на немъ, не заглушенная еще интересами служебной и чиновной казенщины. Въ числѣ этихъ автографовъ К. К. находимъ, между прочимъ, списокъ лицеистовъ первыхъ 7-ми курсовъ (7-ой былъ курсъ К. К.)—съ эмблематическими обозначеніями при нѣкоторыхъ именахъ — судьбы или поприща этихъ лицеистовъ; два экземпляра стихотворенія Я. К. Грота „Дань Пушкину" (посвящ. лицейскимъ товарищамъ); стихи Лермонтова „На смерть поэта"; Норова „На смерть А. С. Пушкина"; стихотвореніе самого Пушкина „На выздоровленіе Лукулла"; далѣе стихи, пѣтые на обѣдѣ, данномъ И. А. Крылову 2 февраля 1838 г. (слова Вяземскаго, музыка гр. Вьельгорскаго); стихи В. Бенедиктова „Пиръ 2 февраля 1838 г.", относящіеся къ тому же случаю, а также привѣтствія, обращенныя къ Крылову Жуковскимъ и Одоевскимъ. Эти бумаги (въ собственноручныхъ копіяхъ К. К.) и ихъ бережное храненіе свидѣтельствуютъ ясно о томъ захватывающемъ интересѣ, какой пробуждали въ К. К. такія литературныя событія, какъ смерть Пушкина и юбилейное торжество Крылова. Припомнимъ по этому поводу, что впослѣдствіи К. К. съ особеннымъ сочувствіемъ отозвался на возбужденное его братомъ на лицейскомъ обѣдѣ 19 октября 1870 г. предложеніе вновь поднять вопросъ о памятникѣ Пушкину, и по его, К. К., мысли рѣшено было учредить для веденія этого дѣла комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея, въ составъ котораго вошелъ конечно и онъ. Въ 1871 г. К. К. самъ вызвался съѣздить въ Москву для совѣщанія съ мѣстными авторитетами относительно пункта, наиболѣе подходящаго для постановки памятника, и у кн. Черкасскаго устроилъ собраніе, въ которомъ приняли участіе И. С. Аксаковъ, М. Н. Катковъ, М. П. Погодинъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. И. Миллеръ (лицеистъ VI кл.), П. И. Бартеневъ и гор. голова Ляминъ. Онъ же, по смерти своего товарища Н. А. Шторха, нѣкоторое время (съ конца 1878 г.) завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ комитета и храненіемъ суммъ, и только болѣзнь и поѣздка за границу помѣшали ему довести до конца

исполненіе этихъ обязанностей и лично присутствовать при открытіи памятника въ Москвѣ въ 1880 г. [1]).

Что занятія К. К. въ лицеѣ шли успѣшно и онъ былъ на хорошемъ счету — это доказывается уже его окончаніемъ курса по 1-му разряду съ чиномъ IX класса. При его природныхъ способностяхъ, прилежаніи и добросовѣстности лицейская наука давалась ему — надо думать — довольно легко и усвоеніе ея едва-ли стоило большихъ напряженій. Изъ сохранившагося листка съ лицейскими отмѣтками К. К. видно, что слабѣе нѣсколько, хотя также удовлетворительно, шли занятія математическими науками. По словесности, языкамъ и политическимъ наукамъ — находимъ высшія отмѣтки. Къ тому же домашняя подготовка была хорошая, особенно въ иностранныхъ языкахъ. К. К., если и не въ той же исключительной мѣрѣ, какъ его братъ, все-же имѣлъ явныя способности къ языкамъ, и при выходѣ изъ лицея владѣлъ прекрасно какъ нѣмецкимъ, такъ и французскимъ. Къ изученію еще другихъ новыхъ языковъ его увлекалъ примѣръ старшаго брата: Я. К. разсказываетъ, что, продолжая еще и послѣ лицея свои занятія италъянскимъ языкомъ и литературой, онъ „подбилъ къ тому же и брата своего, который оставался послѣ него въ лицеѣ и далъ уговорить себя переписываться по-итальянски“ [2]). Впослѣдствіи К. К. живя въ Митавѣ, по обязанностямъ службы, долженъ былъ ознакомиться съ латышскимъ языкомъ, и по собственному свидѣтельству съ большою легкостью овладѣлъ имъ. Можно пожалѣть, что К. К. не внесъ въ свою автобіографію никакихъ воспоминаній о пребываніи въ лицеѣ и о томъ, насколько онъ считалъ себя обязаннымъ ему въ своей подготовкѣ и развитіи. Но зная изъ свидѣтельствъ другихъ современниковъ о вообще невысокомъ уровнѣ преподаванія и научныхъ силъ лицея, при значительной снисходительности и предоставляемой лицеистамъ свободѣ, мы позволяемъ себѣ думать, что са-

---

[1]) См. Отчетъ Я. К. Грота о сооруженіи памятника Пушкина. Труды Я. К. Грота, т. III (о Пушкинѣ, стр. 164—167).

[2]) «Нѣсколько данныхъ», стр. 14.

мое это умолчаніе К. К. о его ученіи въ лицеѣ довольно характерно, свидѣтельствуя о томъ, что во всякомъ случаѣ глубокихъ, рѣзкихъ и особенно яркихъ впечатлѣній оно въ немъ не оставило. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что и тутъ самообразованіе и упорная самостоятельная работа по восполненію пробѣловъ [1]) и изученію разныхъ предметовъ государственнаго быта, особенно интересовавшихъ его, главнымъ образомъ уже по выходѣ изъ лицея,—играли первостепенную роль въ развитіи и направленіи способностей и интересовъ К. К. Къ государственной, административной и организаціонной дѣятельности онъ видимо съ самаго начала службы почувствовалъ свое призваніе, а потому и не колебался въ выборѣ поприща дѣятельности.

Но если К. К. не вынесъ изъ лицея обильныхъ сокровищъ въ смыслѣ особеннаго обогащенія своего ума и познаній, то тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ, подобно большинству тогдашнихъ лицеистовъ, свѣтлое и теплое воспоминаніе о лицейской жизни въ Царскомъ Селѣ, съ ея здоровымъ товарищескимъ духомъ, благородными увлеченіями и порывами, и тогда еще довольно невинными проказами и шалостями. По выходѣ изъ лицея онъ постоянно поддерживалъ дружескія отношенія съ своими старыми товарищами, дорожилъ лицейскими преданіями, всегда интересовался и новымъ лицеемъ, котораго былъ нѣкоторое время почетнымъ попечителемъ, какъ главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи, и въ теченіе долгаго времени, почти до послѣднихъ лѣтъ жизни, былъ устроителемъ лицейскихъ обѣдовъ воспитанниковъ старѣйшихъ курсовъ—въ знаменательный день 19-го октября.

[1]) Примѣръ такихъ стремленій и усилій представляетъ одно мѣсто путевого дневника К. К. 1847 г., см. Приложеніе къ этой статьѣ, стр. 14.

II.

Первые шаги на службѣ. Придворное Вѣдомство. Министерство Государственныхъ Имуществъ. Митавскій періодъ.

(1835—1845).

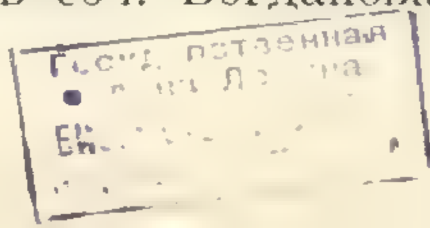
Окончивъ курсъ въ лицеѣ, К. К., не имѣвшій еще вполнѣ опредѣленныхъ служебныхъ плановъ, воспользовался сдѣланнымъ ему на первыхъ же порахъ предложеніемъ и поступилъ, по рекомендаціи барона М. А. Корфа (дружественно относившагося къ семьѣ Гротовъ), на службу въ придворное вѣдомство на должность секретаря при президентѣ гофъ-интендантской конторы, завѣдывавшей всѣмъ движимымъ имуществомъ петербургскихъ дворцовъ и имѣвшей главное наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ въ нихъ.

Въ бумагахъ К. К. сохранилось его прошеніе объ опредѣленіи на службу, поданное на имя тогдашняго президента этой конторы, сенатора графа Павла Ивановича Кутайсова (извѣстнаго покровителя искусствъ), помѣченное октябремъ 1835 года [1]). А 30-го ноября уже состоялось его назначеніе. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ К. К. разсказываетъ слѣдующее о первомъ знакомствѣ съ будущимъ начальникомъ. „Когда онъ явился въ первый разъ къ гр. Кутайсову, послѣдній объявилъ, что долженъ предварительно опредѣленія на службу

[1]) Сохранилось также письмо гр. Кутайсова къ бар. М. А. Корфу, который рекомендовалъ ему К. К. Мы приведемъ его ниже, въ приложеніи.

подвергнуть его небольшому испытанію, и тутъ же передавъ К. К. письмо фрейлины Б. Императрицы Александры Өеодоровны о постановкѣ въ ея квартиру въ Зимнемъ дворцѣ еще одного комода, приказалъ отказать въ этой просьбѣ учтивымъ образомъ на французскомъ языкѣ, въ сосѣдней комнатѣ. Приказаніе было тотчасъ исполнено и, по прочтеніи французскаго отвѣта, гр. Кутайсовъ остался имъ вполнѣ доволенъ и объявилъ К. К., что онъ будетъ принятъ на службу".

Гр. Кутайсовъ очень скоро оцѣнилъ и полюбилъ К. К., приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ его вхожимъ въ свой домъ и „независимо отъ офиціальныхъ дѣлъ возлагалъ на него нерѣдко разныя частныя порученія, между прочимъ просмотръ въ редакціонномъ отношеніи своихъ литературныхъ трудовъ, которые онъ всегда писалъ на французскомъ языкѣ". Но не долго суждено было К. К. служить по придворному вѣдомству. По поводу извѣстнаго большого пожара Зимняго Дворца въ концѣ 1837 г., стали обвинять гр. Кутайсова (въ отсутствіе котораго это случилось) въ недостаточной предусмотрительности и въ неудовлетворительномъ состояніи пожарной части въ Зимнемъ Дворцѣ, и онъ рѣшился оставить свою должность, а за нимъ послѣдовалъ и К. К. Къ характеристикѣ добросовѣстной и усердной службы К. К. и отношенія его къ своимъ обязанностямъ въ этой первой его должности могутъ служить случайно сохранившіяся въ его бумагахъ два письма его къ гр. Кутайсову—объ этомъ несчастномъ происшествіи пожарѣ Зимняго Дворца. По обязанностямъ службы К. К. принималъ дѣятельное участіе какъ въ первомъ дознаніи о причинахъ пожара, такъ и въ многочисленныхъ распоряженіяхъ и порученіяхъ, имъ вызванныхъ. Въ упомянутыхъ письмахъ, которыя будутъ сообщены въ приложеніяхъ къ этой статьѣ, онъ даетъ своему начальнику предварительный краткій отчетъ обо всемъ происшедшемъ. Рядомъ съ этими письмами сохранилась — на трехъ сшитыхъ въ одну тетрадь листахъ собственноручная выпись или извлеченіе К. К. о Зимнемъ Дворцѣ съ его описаніемъ изъ соч. Богданова (изд. Рубана, 1779 г.).



„Историческое, географическое и топографическое описаніе Петербурга“. Надо полагать, что это извлеченіе, какъ историческая справка, было написано К. К. все по случаю того же пожара, быть можетъ по порученію учрежденной тогда комиссіи для возобновленія Зимняго Дворца, обращавшейся, по словамъ К. К. (въ письмѣ къ гр. Кутайсову), „съ безпрестанными требованіями о доставленіи ей плановъ по дворцу“ — въ гофъ-интендантскую контору. Прослуживъ лишь два года съ небольшимъ въ придворномъ вѣдомствѣ, К. К. оставилъ его въ февралѣ 1838 г.

Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ К. К. уже въ другомъ вѣдомствѣ: онъ перешелъ во вновь образованное Министерство Государственныхъ Имуществъ, на должность помощника столоначальника во 2-мъ департаментѣ. Но въ это время организовались губернскія комиссіи для передачи государственныхъ имуществъ изъ Министерства Финансовъ въ новое вѣдомство, и К. К. рѣшился, по приглашенію председателя Курляндской Комиссіи бар. А. Н. Оффенберга, знавшаго его по родственнымъ связямъ его дяди Цизмера въ Курляндіи, принять мѣсто члена этой комиссіи: самъ Оффенбергъ не зналъ русскаго языка, и ему важно было имѣть чиновника, столь образованнаго и владѣвшаго нѣсколькими языками. Объ этомъ первомъ времени пребыванія въ Митавѣ въ замѣткахъ К. К. находимъ лишь коротенькое извѣстіе: „Занятія пріемной комиссіи протянулись вмѣсто назначенныхъ шести мѣсяцевъ слишкомъ два года; въ продолженіе этого времени (1838—41) К. К. успѣлъ познакомиться съ митавскимъ обществомъ, и не смотря на свое русское происхожденіе и воспитаніе, былъ радушно принятъ въ первыхъ дворянскихъ домахъ Митавы, что̀ при существовавшихъ тогда сословныхъ кастахъ въ Курляндіи могло считаться довольно рѣдкимъ исключеніемъ“.

Съ 1840 г. мы имѣемъ о К. К. и его жизни въ Митавѣ нѣсколько больше извѣстій изъ одного историко-литературнаго источника, изъ извѣстной переписки его брата съ Плетневымъ—благодаря постояннымъ сношеніямъ К. К. съ этими лицами и его поѣздкамъ въ Петербургъ и въ

Гельсингфорсъ къ матери, сестрѣ и брату. Сблизившись съ П. А. Плетневымъ, полюбившимъ его не только какъ брата своего гельсингфорсскаго ученаго друга, но и за личныя качества, К. К., пріѣзжая въ Петербургъ, находилъ всегда въ домѣ Плетнева самый радушный пріемъ и часто у него останавливался.

Семья К. К., т. е. его братъ съ матерью и сестрой переѣхали изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ лѣтомъ 1840 г. (передъ юбилейнымъ 200-лѣтнимъ торжествомъ Александровскаго университета). Плетневъ, въ восторгѣ отъ своего пребыванія тамъ въ гостяхъ у друга (въ дни юбилея) и отъ всего видѣннаго и испытаннаго, безъ сомнѣнія совѣтовалъ и К. К. не откладывая навѣстить тамъ своихъ родныхъ. К. К. конечно и самъ мечталъ о томъ, но при тогдашнихъ его маленькихъ средствахъ это не такъ легко было осуществить. Очевидно объ этомъ идетъ рѣчь, когда въ концѣ сентября 1840 г. Яковъ Карловичъ пишетъ Плетневу: „Братъ много благодаритъ Васъ за совѣтъ, но велитъ напомнить Вамъ, что нашъ братъ-чиновникъ живетъ однимъ жалованьемъ и на разъѣзды нѣтъ у него ни копѣйки“ [1]). Однакожъ мысль о поѣздкѣ въ Финляндію была слишкомъ соблазнительна, тѣмъ болѣе, что съ ней связывался и заѣздъ въ Петербургъ, и вотъ К. К., сколотивъ нужную сумму, въ началѣ ноября ѣдетъ въ столицу, гдѣ у него повидимому было достаточно дѣла, ибо онъ остается здѣсь болѣе мѣсяца, а 20 декабря пускается наконецъ въ путь въ Финляндію. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ встрѣтила его семья. „Братъ, пишетъ Я. К. Плетневу 30 декабря, пріѣхалъ въ воскресенье за недѣлю (22-го), когда мы только что встали изъ за стола. Я отъ его пріѣзда такъ развеселился, что началъ шумѣть и пить съ нимъ пуншъ, при чемъ разбилъ въ дребезги одну рюмку. Вы никогда не видѣли меня въ такомъ веселомъ расположеніи духа, которое въ моей природѣ, но послѣ дѣтскихъ лѣтъ возвращалось

[1]) «Переписка» т. I, стр. 67.

рѣдко подъ тягостью обстоятельствъ“ [1]). Уже 30 декабря К. К. выѣхалъ въ обратный путь; братъ его проводилъ до Борго, гдѣ хотѣлъ навѣстить поэта Рунеберга [2]), съ которымъ успѣлъ при этомъ случаѣ познакомить и К. К. Тутъ они всѣ трое пили здоровье Плетнева [3]).

Изъ этой первой поѣздки въ Финляндію К. К. вынесъ несомнѣнно самыя пріятныя впечатлѣнія. Я. К., конечно, не упустилъ случая познакомить его въ эту недѣлю хоть бѣгло со столицей Финляндіи, мѣстнымъ обществомъ, его бытомъ, культурой и интересами, а также со своими занятіями и ихъ результатами. Онъ тогда готовилъ къ печати переводъ „Фритіофа“ и уже напечаталъ (въ русскихъ журналахъ и отдѣльными оттисками) нѣсколько очерковъ о Финляндіи, финнахъ, Гельсингфорсѣ и пр. К. К. съ интересомъ знакомился съ работами и планами своего брата, и какъ человѣкъ практическій, давалъ ему совѣты относительно сбыта его изданій. Я. К. вспоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Плетневу въ іюлѣ слѣдующаго года, разсказывая объ отдачѣ въ книжную лавку оставшихся у него 25 экземпляровъ статьи „Гельсингфорсъ“. „Скажи брату, прибавляетъ онъ, что я такимъ образомъ исполнилъ его зимній совѣтъ“ [4]). Вернувшись въ Петербургъ 1 января 1841 г., К. К. на другой же день вечеромъ явился съ поклонами и отчетомъ о поѣздкѣ къ Плетневу, который передаетъ затѣмъ своему другу радость этого свиданія: „я бросился обнимать его. Весь вечеръ посвященъ былъ разспросамъ“ [5]). Мы не знаемъ, возвращался ли К. К., послѣ этой финляндской поѣздки, еще въ Митаву, ибо роль его какъ члена вышеупомянутой Курляндской коммиссіи, съ упраздненіемъ ея, уже въ то время кончилась; но въ началѣ марта онъ уже опять въ Петербургѣ. Плетневъ 3 марта сообщаетъ Я. К., что

---

[1]) Тамъ же, стр. 188.
[2]) Тамъ же, стр. 187.
[3]) Тамъ же, стр. 212.
[4]) Тамъ же, стр. 369
[5]) Тамъ же, стр. 195.

опять навѣстилъ его К. К., котораго онъ такъ давно не видалъ. „Я вручилъ ему прочесть всѣ твои письма, которыхъ онъ не читалъ еще. Довольно долго толковали мы о разномъ. Онъ не увѣренъ, воротится ли въ Митаву, потому что прежнее его мѣсто было временное...“ [1]). Между тѣмъ въ Митавѣ была открыта Палата Государственныхъ Имуществъ, управляющимъ которой былъ назначенъ тотъ же бар. Оффенбергъ. Онъ звалъ К. К. занять въ новой палатѣ должность ассесора. К. К. вѣроятно не сразу рѣшился и нѣкоторое время колебался. Это было извѣстно и его роднымъ, которымъ, конечно, хотѣлось имѣть его поближе. Не удивительно поэтому, что у нихъ явилась даже мысль о возможности устройства К. К. въ Гельсингфорсѣ. 1 мая 1841 г. Я. К. пишетъ Плетневу: „Гартманъ (сенаторъ) далъ мнѣ порученіе. Его теперешній чиновникъ, родъ секретаря, переселяется въ Петербургъ; на мѣсто его нуженъ Гартману кто-нибудь изъ Петербурга, кто бы хорошо зналъ русскій языкъ, французскій и нѣмецкій для перевода и сочиненія бумагъ и веденія переписки. Работы иногда много, иногда вовсе нѣтъ. Передай это брату моему, чтобы онъ или между своими знакомыми поискалъ такого человѣка, или самъ сообразилъ, не взять ли ему эту должность“ [2]). Повидимому Я. К., пиша это, мало расчитывалъ на то, что это предложеніе соблазнитъ его брата. Но Плетневу оно видимо понравилось и онъ, когда К. К. ему по этому поводу сообщилъ свое рѣшеніе принять митавское мѣсто, отвѣчаетъ своему другу съ нѣкоторымъ какъ-будто огорченіемъ: „Передалъ К. К. порученіе твое касательно мѣста при Гартманѣ. Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ очень нравится мысль, чтобы всѣ опять соединились въ одномъ городѣ. Онъ же собирается опять въ свою Митаву“ [3]). Это назначеніе послѣдовало впрочемъ только осенью: 1 сентября К. К. опредѣленъ ассесоромъ въ Курляндскую Палату Государственныхъ Имуществъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 266.
[2]) Тамъ же, стр. 338.
[3]) Тамъ же, стр. 342.

Какъ мы уже выше видѣли, бар. Оффенбергъ, самъ не знавшій русскаго языка, чрезвычайно дорожилъ К. К. и конечно всячески старался удержать его у себя; но служба К. К. была не легкая. „Кромѣ него, читаемъ мы въ замѣткахъ К. К., и переводчика, мѣстнаго нѣмца, во всей палатѣ никто не зналъ русскаго языка, почему сначала ему приходилось отдавать почти все свое время на веденіе переписки палаты и управляющаго съ министерствами и другими учрежденіями внѣ Остзейскаго края". Хотя послѣдняя и велась на нѣмецкомъ языкѣ, но прилагавшійся русскій переводъ былъ обыкновенно „такъ написанъ, что требовалъ постоянно поправокъ, а нерѣдко и совершенной передѣлки". Впослѣдствіи, когда К. К. „началъ объѣзжать и ревизовать крестьянскія управленія и казенныя имѣнія, гдѣ исключительно употреблялся латышскій языкъ населенія, онъ убѣдился въ необходимости болѣе близкаго знакомства съ латышскимъ языкомъ, принялся за его изученіе и успѣлъ въ этомъ черезъ нѣкоторое время такъ хорошо, что могъ свободно говорить и читать по-латышски. Оторванный отъ своей родной почвы и окруженный инородческимъ элементомъ, то нѣмецкимъ, то латышскимъ", не питавшими особенной дружбы къ русскимъ, К. К. не могъ не чувствовать нѣсколько своего одиночества и не тосковать иногда по Петербургѣ и по родной семьѣ, не смотря на все личное расположеніе и радушіе, которое онъ встрѣчалъ въ родственномъ домѣ тетки, вдовы его дяди Цизмера, баронессы Ренне и въ ея нѣмецкомъ родствѣ. При несовершенствѣ и медленности тогдашнихъ сношеній, а также отсутствіи въ мѣстномъ обществѣ интересовъ ко всему русскому, К. К. не доставало умственной, духовной пищи въ видѣ русскихъ книгъ и русскаго чтенія, на что онъ вѣроятно жаловался въ своихъ письмахъ роднымъ. И вотъ уже весной 1842 г. братъ его озабоченъ этимъ обстоятельствомъ и сносится по этому поводу съ Плетневымъ. Вотъ что онъ пишетъ ему 4 марта: „Такъ какъ я получаю „Сынъ Отечества" черезъ нашу библіотеку, то желалъ бы даровой экземпляръ обратить въ пользу моего брата, который очень

нуждается въ русскихъ книгахъ. Поэтому я велю Юнгмейстеру посылать этотъ журналъ всегда къ тебѣ (подъ тѣмъ видомъ, что ты мнѣ будешь доставлять его въ университетъ), а ты вѣрно не найдешь затрудненія посылать его въ Митаву хоть съ „Современникомъ", или какъ ты полагаешь? Вообще если у тебя будутъ два экземпляра какой-нибудь книги и ты не будешь знать, куда дѣвать 2-ой экземпляръ, то отсылай его для брата". Что вообще служба и жизнь въ Митавѣ не были особенно по душѣ К. К., объ этомъ свидѣтельствуютъ начавшіяся уже съ 1842 г. попытки со стороны его друзей (именно Плетнева) выхлопотать переводъ его въ Петербургъ. Разумѣется, это дѣлалось съ его вѣдома и согласія.

Первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ Плетневымъ осенью 1842 г. при посредствѣ служившаго тогда въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и, по отзыву Н. А., много значившаго при министрѣ (Перовскомъ) В. И. Даля [1]), извѣстнаго писателя и будущаго лексикографа, но не увѣнчался успѣхомъ. Плетневъ имѣлъ въ виду для К. К. какую-то опредѣленную должность, но какую — мы точнѣе не знаемъ: видно только, что она не соотвѣтствовала тогдашнему рангу и чину К. К., и вѣроятно, это было главной причиной неудачи. Вотъ что находимъ объ этомъ эпизодѣ въ перепискѣ друзей: 31 окт. Плетневъ пишетъ Як. К—чу (изъ журнала 28-го): „Я получилъ отвѣтъ К. К. (т. е. на проектъ Плетнева). Онъ не отказывается отъ мѣста, но говоритъ о себѣ такъ скромно и умно, что Александра Осиповна [2]) была восхищена письмомъ. Послѣ стола, чтобы не потерять ни минуты, я сѣлъ писать къ Далю о К. К. и истощилъ все свое дипломатическое краснорѣчіе", и далѣе (изъ журнала 29-го): „Рано утромъ пришли извѣстить меня, что сегодня уже доставили въ руки Даля мое письмо о К. К. Это меня

[1]) Даль помогалъ Н. А. пристраивать въ Министерство студентовъ, которыхъ тотъ ему рекомендовалъ послѣ выпуска. См. Переписка, т. I, стр. 617.

[2]) Ишимова, извѣстная писательница, большой другъ семьи Плетнева и Грота.

обрадовало. Не знаю, чѣмъ кончится проектъ, но мнѣ представляется, что я сдѣлалъ одно изъ самыхъ добрыхъ дѣлъ въ моей жизни“ [1]). Я. К. на это отвѣчаетъ: „Меня очень радуетъ, что письмо брата такъ понравилось тебѣ и Александрѣ Осиповнѣ. Онъ точно премилый и преумный юноша. Сердечно желаю, чтобы твое ходатайство было успѣшно; впрочемъ, во всякомъ случаѣ лучшимъ будетъ то, что устроится по волѣ судьбы“ [2]). Вскорѣ затѣмъ Плетневъ сообщаетъ: „получилъ отвѣтъ Даля. Министръ хотя и говоритъ, что мѣсто это въ V классѣ, однако если бы, познакомясь съ К. К., нашелъ его такимъ, какого желаетъ, то нашелъ бы способъ умирить законъ съ необходимостью. Я сейчасъ это письмо и свое послалъ въ Митаву. Богъ вѣсть, что будетъ съ обѣихъ сторонъ“ [3]). Изъ дальнѣйшаго оказывается, что К. К. (въ ноябрѣ) не прочь пріѣхать въ Петербургъ и самъ готовъ просить о переводѣ своемъ, но „не много надѣется на успѣхъ“. Очень возможно и то, что онъ, не получивъ во-время отпуска, опоздалъ своевременно представиться, и мѣсто было занято другимъ. Во всякомъ случаѣ, если дѣло на этотъ разъ и не выгорѣло, то рекомендація Плетнева всетаки даромъ не прошла: она имѣла значеніе для будущаго: имя К. К. въ благопріятномъ свѣтѣ стало извѣстнымъ въ министерскомъ управленіи и могло остаться въ памяти у министра Перовскаго. Въ январѣ 1843 г. К. К. былъ въ Петербургѣ и съѣхался тутъ съ братомъ Я. К., и оба они развлекали Плетнева въ его одиночествѣ, которое стало тѣмъ чувствительнѣе для него послѣ ихъ отъѣзда [4]). Въ маѣ мѣсяцѣ К. К. опять былъ на короткое время въ Петербургѣ. Зато лѣтомъ этого года онъ долженъ былъ сидѣть въ Митавѣ и отказаться отъ удовольствія посѣтить своихъ въ Гельсингфорсѣ. Онъ былъ впрочемъ вознагражденъ за

---

[1]) Переписка, т. I, стр. 629, 630.

[2]) Тамъ же, стр. 632.

[3]) Стр. 635.

[4]) Переписка, т. II, стр. 3. Плетневъ, тогда вдовецъ, жилъ одинъ; дочь свою отъ перваго брака, Ольгу, онъ помѣстилъ къ ея воспитательницѣ А. О. Ишимовой.

это самымъ пріятнымъ для себя образомъ: въ первой половинѣ августа 1843 г. его навѣстилъ въ Митавѣ братъ съ своимъ другомъ П. А., у котораго Я. К. гостилъ лѣтомъ въ Петербургѣ и котораго онъ подбилъ совершить вмѣстѣ это путешествіе. Нѣкоторыя подробности о послѣднемъ сохранились въ письмахъ Я. К. къ роднымъ съ дороги и изъ Митавы. Свиданіе братьевъ было самое радостное. Вспомнимъ первую встрѣчу ихъ въ Гельсингфорсѣ, столь краснорѣчивую для характеристики ихъ дружбы [1]). Я. К. живо описываетъ свой пріѣздъ и нетерпѣніе увидѣть брата. „...Спрашиваемъ у какого-то полицейскаго, гдѣ живетъ Herr von Grot, спрашиваемъ о томъ же у жида — все неопредѣленные отвѣты. Ѣдемъ въ домъ Палаты и тамъ получаемъ точный адресъ г-на ассесора. Меня ведетъ къ нему какой-то жидъ, факторъ. Смотрю съ нетерпѣніемъ и большимъ опасеніемъ, что его нѣтъ дома, въ его окно, и — о радостная минута! вижу у окна: онъ и Эдуардъ Рённе важно разсматриваютъ какую-то нѣмецкую трубку. Тотчасъ я вбѣжалъ къ нему. Онъ надѣлъ сюртукъ и прибѣжалъ къ коляскѣ, въ которой еще сидѣлъ Плетневъ... Костя очень мило живетъ. Все это легче разсказать, нежели описать... Этотъ вечеръ былъ для меня одинъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни" [2])... Друзья провели въ Митавѣ болѣе недѣли и остались очень довольны своимъ пребываніемъ. При отъѣздѣ К. К. проводилъ ихъ до Риги. Въ слѣдующемъ 1844 г. весной К. К. прибылъ опять въ Петербургъ — хлопоталъ о своемъ переводѣ. Кажется, онъ мечталъ проѣхать и въ Гельсингфорсъ сюрпризомъ для своихъ. По крайней мѣрѣ Плетневъ, сообщая Я. К. о пріѣздѣ К. К., прибавляетъ о немъ: „здоровъ и веселъ, не сказывай этого дома" [3]) (т. е. о его

---

[1]) Въ другой разъ, когда Плетневъ предлагалъ Я. К. пріѣхать къ нему, пока К. К. будетъ у матери, Я. К. отвѣчалъ: «на это я не согласенъ, я такъ рѣдко съ нимъ вижусь, что не упущу этого случая побыть вмѣстѣ». Переписка, т. II, стр. 805.

[2]) Переписка, т. II, стр. 101.

[3]) Тамъ же, стр. 223.

пріѣздѣ). Однакожъ поѣздка эта не состоялась. Вѣроятно хлопоты и представленія заняли все время, да къ тому же К. К. и прихворнулъ въ Петербургѣ.

По пріѣздѣ его Плетневъ, не медля, принялся ему помогать. Въ журналѣ его отъ 2 апрѣля читаемъ: „Рано утромъ ѣздилъ съ К. К. къ Лексу"— М. И. Лексъ былъ директоръ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — „переговорить о перемѣщеніи его сюда изъ Митавы. Тамъ К. К. познакомился съ нимъ и со всѣмъ его семействомъ. Лексъ назначилъ, чтобы онъ побывалъ у него утромъ одинъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ". Отъ 7-го апр.: „К. К. опять ѣздилъ къ Лексу и нашелъ его дома. Тотъ просилъ его явиться еще къ нему въ четвергъ, чтобы свозить его къ министру, но не какъ принимаемаго уже чиновника, а какъ стоящаго у нихъ въ виду. Это — не большая отрада" [1]). Изъ этого видно, что и на этотъ разъ, хотя дѣло и подвинулось впередъ, но ничего опредѣленнаго еще не было обѣщано. Между тѣмъ и самъ К. К. и его близкіе только и мечтали объ этомъ переходѣ. Отвѣчая Плетневу, Я. К. пишетъ: „Отъ имени маменьки и отъ своего благодарю тебя за представленіе брата Лексу; дай Богъ, чтобы эта попытка имѣла лучшій успѣхъ, нежели прежняя". Заботы Я. К. о своемъ братѣ —между прочимъ—по поводу его здоровья, нѣсколько расклеившагося въ Петербургѣ, характеризуются слѣдующими его строками (въ томъ же письмѣ): „Прилагаемое письмо отдай Костѣ. Пожалуйста, подтверди ему мои совѣты и смотри за нимъ повнимательнѣе. Однимъ словомъ, я тебѣ совершенно передаю власть старшаго брата надъ нимъ и прошу исполнить ее... Духъ у него бодръ, но плоть слаба"; и далѣе: „Къ чему это Костя разъѣзжаетъ по гостямъ и особливо на обѣды? Мало ему, что разстроилъ свои бока ѣздою въ телѣгѣ по нынѣшнимъ дорогамъ? Онъ хочетъ доконать себя" [2]).

15-го апрѣля состоялось представленіе К. К. мини-

---

[1]) Тамъ же, стр. 224, 226.

[2]) Тамъ же, стр. 226—227.

стру Перовскому; сообщая объ этомъ, Плетневъ прибавляетъ: „кажется дѣло его (К. К.) идетъ хорошо, но я ни на что прежде окончанія не полагаюсь“ [1]). Мы уже знаемъ, что Плетневъ былъ правъ въ своихъ сомнѣніяхъ. Судьба К. К. еще оставалась невыясненною. Въ концѣ апрѣля (27-го) онъ уѣзжаетъ обратно въ Митаву, обнадеженный, впрочемъ, Лексомъ относительно возможно скораго перевода въ Петербургъ, и именно чиновникомъ особыхъ порученій. Лѣтомъ онъ зоветъ свою мать гостить къ себѣ въ Митаву, но тщетно: она не рѣшается предпринять такое далекое и сложное путешествіе [2]). Осенью К. К. проситъ Плетнева „напомнить Лексу объ обѣщаніи принять его въ чиновники особыхъ порученій“. Конечно, его просьба была немедленно исполнена [3]). Служба въ Митавѣ уже стала видимо тяготить К. К. Къ тому же частые разъѣзды по деревнямъ сопровождались обыкновенно большими неудобствами и непріятностями. Въ мартѣ 1845 г. Я. К. пишетъ своему другу: „На дняхъ получилъ письмо отъ Кости изъ одной корчмы въ 50 верстахъ отъ Митавы. Онъ туда пріѣхалъ для какого-то слѣдствія, но днемъ ранѣе, чѣмъ нужно было, и долженъ былъ цѣлыя сутки даромъ провести въ холодной корчмѣ [4]). Наконецъ весной 1845 г. дѣло перевода К. К. принимаетъ болѣе рѣшительный оборотъ. Плетневъ сообщаетъ въ маѣ К. К. о томъ, что Лексъ самъ будетъ скоро въ Митавѣ и лично переговоритъ съ нимъ о его переводѣ въ Петербургъ. Принципіально вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ: Лексъ успѣлъ увѣдомить Петра Александровича, что Перовскій (министръ Вн. Дѣлъ) дозволилъ ему приступить къ переводу К. К. изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ [5]). Плетневъ надѣялся еще на содѣйствіе одного лица. „Еще передалъ я объ этомъ заботу Ханыкову, товарищу К. К. по лицею: онъ взялся намъ помогать“,

---

[1]) «Переписка», стр. 233.

[2]) Тамъ же, стр. 260.

[3]) Тамъ же, стр. 346.

[4]) Тамъ же, стр. 430.

[5]) Тамъ же, стр. 480.

*

пишетъ онъ тогда же Я. К. [1]). Объ этомъ дѣйствительно и состоявшемся, вѣроятно лѣтомъ, пріѣздѣ Лекса въ Митаву и о предложеніи, сдѣланномъ имъ К. К. перейти въ Министерство Внутр. Дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій, упоминается и въ автобіографическихъ замѣткахъ К. К., только по ошибкѣ все это отнесено къ 1844 г., тогда какъ происходило въ 1845 г. Уже 1-го сентября Плетневъ извѣщаетъ Я. К.: „...Дома я нашелъ отвѣтъ Лекса и вотъ тебѣ копія съ него, вчера же равномѣрно отправленная къ К. К.: „Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, что просьба г-на Грота получена, доложена г. Министру и въ первой половинѣ сентября послѣдуетъ окончательное, къ удовлетворенію его желанія, распоряженіе" [2]). Однако-жъ въ дѣйствительности лишь въ концѣ ноября вышло наконецъ это назначеніе К. К. сперва временно чиновникомъ особыхъ порученій VIII-го класса при Хозяйственномъ Департаментѣ Министерства Внутр. Дѣлъ, а уже въ февралѣ слѣдующаго года онъ перемѣщенъ на ваканцію чиновника особыхъ порученій VI-го класса при томъ же Департаментѣ. Итакъ въ концѣ 1845 г. давнишняя мечта К. К., его родныхъ и друзей осуществилась, и онъ, не замедливъ переѣздомъ въ Петербургъ, уже провелъ тамъ Рождество того года съ пріѣхавшимъ изъ Финляндіи своимъ братомъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 478, 480.
[2]) Тамъ же, стр. 542.

III.

Служба въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ. Петербургъ и командировки.

(1846—1848).

Съ 1846 г. на К. К. возлагаются Министерствомъ различныя немаловажныя офиціальныя порученія и начинается рядъ его командировокъ по Россіи, такъ что жизнь его на нѣкоторое время становится, такъ сказать, кочевою. Уже изъ характера этихъ порученій, требовавшихъ большой осторожности, твердости и такта, можно заключить, что К. К. съ самаго начала умѣлъ пріобрѣсти довѣріе своего начальства и имѣлъ случай выказать свои выдающіяся способности, свою распорядительность, энергію и тактичность. Первымъ порученіемъ была его командировка въ г. Слуцкъ Минской губ. въ Высочайше утвержд. Коммиссію для переоцѣнки доходовъ этого города, по случаю его покупки въ казну у кн. Витгенштейна. Въ половинѣ февраля 1846 г. К. К. выѣхалъ изъ Петербурга сперва въ Митаву на 5 дней, а затѣмъ на мѣсто назначенія. Но къ этому дѣлу скоро присоединились и другія порученія, занявшія всю весну и часть лѣта. Именно ему было поручено министромъ въ бытность его въ Минской губерніи объѣхать всѣ уѣзды этой губерніи, для собранія свѣдѣній и составленія предположенія о способахъ продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ; кромѣ того ему было поручено произвести дознаніе о справедливости жалобы флиг.-адъют. кн. Радзивилла касательно жестокаго обращенія нѣкоторыхъ арендаторовъ съ крестьянами его (въ

Минской губерніи). Всѣ эти порученія были исполнены К. К. „съ отличнымъ успѣхомъ". Изъ періода этой командировки мы находимъ въ перепискѣ его брата съ Плетневымъ лишь одно извѣстіе, именно въ концѣ апрѣля Я. К. пишетъ: „Костя писалъ изъ Бобруйска. На станціяхъ много терпитъ недостатковъ. На одной, у жида, лежалъ на такой кровати, что ночью съ ужаснымъ трескомъ провалился. Я много хохоталъ по случаю этой бѣды. Ѣздитъ и по помѣщикамъ и любезничаетъ съ помѣщицами" [1]). Такимъ образомъ К. К. имѣлъ возможность знакомиться съ крестьянскимъ и помѣщичьимъ бытомъ, съ дореформенными порядками, и такіе разъѣзды по провинціальнымъ захолустьямъ, рядомъ съ посѣщеніемъ губернскихъ центровъ, продолжавшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, были для него прекрасной школой и дали ему собрать большой запасъ наблюденій, фактическихъ данныхъ и разносторонней опытности.

По возвращеніи К. К. въ Петербургъ въ іюнѣ, онъ имѣлъ намѣреніе съѣздить въ Гельсингфорсъ къ своимъ, разсчитывая при этомъ на предположенную было командировку его въ Ревель, но вмѣсто того онъ былъ командированъ въ Тверь, и финляндскіе планы разстроились. Это была первая въ цѣломъ рядѣ однородныхъ командировокъ К. К. по спеціальному дѣлу, занимавшему тогда Министерство, о чемъ разсказывается въ замѣткахъ К. К. слѣдующее: „Вице-директоромъ хозяйственнаго департамента былъ въ то время Н. А. Милютинъ, который тогда былъ особенно занятъ мѣрами къ улучшенію состоянія приказовъ общественнаго призрѣнія и образованіемъ въ Петербургѣ новаго городского общественнаго управленія. Директоръ департамента М. И. Лексъ поручилъ Милютину занять К. К., и вслѣдъ затѣмъ на него было возложено обревизованіе въ первый разъ значительнаго числа приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, особенно въ Западномъ краѣ". „Это сложное дѣло, говорится далѣе, было исполнено К. К. настолько

---

[1]) Тамъ же, стр. 746—747.

удовлетворительно, что дало ему сразу прочное положеженіе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и на него возлагалось такъ много порученій, притомъ требовавшихъ особаго довѣрія, что онъ даже не имѣлъ въ Петербургѣ постоянной квартиры, состоя безпрестанно въ разъѣздахъ". Мы уже знаемъ, что онъ всегда встрѣчалъ радушный пріютъ въ домѣ дружески расположеннаго П. А. Плетнева, который принималъ его съ распростертыми объятіями и у котораго онъ находилъ всегда самыя свѣжія и подробныя извѣстія о своей семьѣ изъ Финляндіи [1]). Отъ Плетнева же онъ поѣхалъ лѣтомъ 1846 г. и въ вышеупомянутую командировку въ Тверь. Тамъ ему поручалась провѣрка дѣлъ Тверскаго Приказа общественнаго призрѣнія (съ 1839 г.) и производство слѣдствія о растраченныхъ суммахъ непремѣннымъ членомъ Приказа кол. сов. Никифоровымъ. Объ отъѣздѣ его П. А. сообщаетъ въ Гельсингфорсъ отъ 6-го іюля: „Въ четвергъ (4-го) мы всѣ отправились въ городъ (т.-е. съ дачи Спасской мызы). Я дома засталъ К. К., приготовляющагося въ Тверь для ревизіи Приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло довольно важное — и онъ тамъ пробудетъ съ мѣсяцъ". Плетневъ его ждалъ еще на дачу, но не дождался. „Сегодня же, продолжаетъ онъ, нашелъ его комнату пустою. Вчера онъ отправился. Ему опять выдали на подъемъ 400 руб. сер. Это все очень честно и для него чрезвычайно выгодно. Вещи свои и часть денегъ онъ оставилъ у меня" [2]). Въ тверской командировкѣ К. К. провелъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ и вернулся въ Петербургъ только въ концѣ сентября. Несомнѣнно, эта командировка являлась не только

---

[1]) У Плетнева К. К. имѣлъ случай познакомиться со многими представителями науки и литературы. Какъ разъ въ это лѣто онъ случайно познакомился съ Погодинымъ. Изъ письма Плетнева мы узнаемъ, что «Погодинъ проѣздомъ за границу — зайдя въ городъ ко мнѣ и узнавъ, что у меня живетъ Гротъ, вбѣжалъ къ К. К., крича «Мы знакомы»! А тотъ изъ вѣжливости сказалъ: «Да, кажется, только не вспомню, гдѣ я видѣлъ Васъ». Наконецъ оба вышли изъ заблужденія при словѣ Гельсингфорсъ». «Переписка», т. II, стр. 809.

[2]) Тамъ же, II, стр. 802.

весьма серьёзной по главной своей задачѣ, но и щекотливой и весьма отвѣтственной въ отношеніи къ порученному разслѣдованію; повидимому К. К. приходилось считаться съ образовавшимися въ мѣстномъ обществѣ противными партіями и различными на дѣло взглядами. Лишь нѣсколько мимолетныхъ извѣстій все въ той же „Перепискѣ" бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на эту командировку и на ея конечный результатъ. Я. К. въ одномъ изъ своихъ писемъ (въ сентябрѣ) пишетъ Плетневу: „Спроси Костю, чьей-то онъ партіи держался въ Твери" [1]), но К. К. въ то время еще не вернулся изъ Твери, и вопросъ остался безъ отвѣта; зато Плетневъ вскорѣ затѣмъ спѣшилъ сообщить своему другу извѣстіе о К. К.: „Я забылъ въ предыдущемъ письмѣ прибавить тебѣ, что тверская губернаторша Бакунина говорила мнѣ много пріятнаго о К. К., называя его самымъ интереснымъ кавалеромъ. Онъ съ другими слѣдователями дѣла у нихъ бываетъ и всѣ они очень понравились семейству губернаторскому" [2]). Наконецъ о возвращеніи К. К. 27-го сентября въ Петербургъ Плетневъ сообщаетъ: „...Самое радостное событіе въ этотъ день было то, что пріѣхалъ наконецъ К. К. Онъ остановился было въ трактирѣ, но я сказалъ, чтобы онъ переѣзжалъ ко мнѣ. И зачѣмъ ему особую квартиру, когда его безпрестанно будутъ командировать! Вслѣдствіе ихъ ревизіи Лажечниковъ (исправлявшій должность губернатора въ эпоху совершившагося злоупотребленія) принужденъ будетъ заплатить въ казну тысячъ до 70, такъ что пріобрѣтенную романами деревушку придется ему бѣдному продать. К. К. очень хвалилъ его, какъ человѣка, и жалѣетъ о немъ" [3]).

Вопреки вышеупомянутымъ соображеніямъ Плетнева о помѣщеніи К. К., онъ все-таки нанялъ себѣ особую квартирку, о чѣмъ Плетневъ пишетъ въ началѣ октября: „К. К. объявилъ, что неудобно ему исполнить желаніе

---

[1]) II, стр. 820.
[2]) Тамъ же, стр. 824.
[3]) Тамъ же, стр. 832.

мое относительно перемѣщенія его на мою квартиру, такъ какъ у него есть въ виду выгодная квартира, на которой хочется прожить ему довольно долгій, по его предположенію, срокъ до новой командировки. Я отдалъ ему финскіе сапоги, привезенные тобою изъ Торнео, — онъ былъ, видимо, доволенъ подаркомъ твоимъ“ [1]). Слѣдующая командировка К. К. состоялась въ январѣ 1847 г., слѣдовательно К. К. могъ разсчитывать приблизительно на три мѣсяца покоя, и на этотъ срокъ онъ естественно предпочиталъ имѣть свой собственный уголъ. Но возможно и то, что онъ уже въ то время имѣлъ въ мысляхъ и возможность устройства въ Петербургѣ на постоянное жительство. По крайней мѣрѣ въ концѣ ноября Плетневъ сообщаетъ: „Вечеромъ былъ у насъ Константинъ Карловичъ. Подъ величайшимъ секретомъ онъ сказалъ мнѣ, что ему наваливаютъ въ 2 т. р. с. мѣсто члена въ думѣ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но онъ еще не рѣшился, взять его или нѣтъ. Я совѣтовалъ. Не нужно таскаться по слѣдствіямъ“ [2]). Однакожъ на сей разъ планъ не осуществился и прикомандировка К. К. къ думѣ состоялась, какъ увидимъ, лишь въ 1848 г. Между тѣмъ въ концѣ 1846 г. К. К. стремился навѣстить своихъ въ Гельсингфорсѣ до новой командировки и исполнилъ свое намѣреніе на Рождествѣ. Гостившій въ это время у Плетнева братъ его, вернувшись домой къ новому году, засталъ К. К. еще въ Гельсингфорсѣ. Вѣроятно около половины января 1847 г. К. К. пустился въ долгій путь по новому порученію: ему предстояло по плану Министерства посѣтить города: Ярославль, Казань, Саратовъ, Полтаву, Кіевъ и Житоміръ для обозрѣнія и приведенія въ порядокъ счетоводства въ приказахъ общественнаго призрѣнія; это порученіе было затѣмъ распространено и на Курляндскую губернію [3]). Одновременно по предписанію, догнавшему его уже въ Рязани, онъ долженъ былъ обо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 834.
[2]) Тамъ же, стр. 861.
[3]) Зато Казань была почему-то опущена и замѣнена Рязанью.

зрѣть въ тѣхъ же пунктахъ богоугодныя заведенія, а также во время разъѣздовъ по губерніямъ хлѣбные запасные магазины въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]). Изъ путевыхъ впечатлѣній К. К. въ той же „Перепискѣ“ сохранились лишь немногія черты, но зато сохранился въ бумагахъ Я. К. цѣликомъ самый источникъ этихъ сообщеній, т.-е. путевыя письма К. К. Дѣло въ томъ, что онъ писалъ въ пути все время родъ дневника, листки котораго и посылалъ роднымъ. „Чтобъ удовлетворить Вашему желанію имѣть обо мнѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія, пишетъ онъ имъ, я придумалъ другой способъ корреспонденціи, т.-е. я буду писать ежедневно, что видѣлъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ и съ каждою почтою или разъ въ недѣлю буду Вамъ пересылать этотъ журналъ, если можно такъ назвать пустяки, которыми мои листки будутъ наполнены. Я боюсь только, чтобъ эти подробности не надоѣли Вамъ, касаясь только самыхъ обыкновенныхъ общежитейскихъ дѣлъ, потому что къ важнѣйшимъ предметамъ я не имѣю ни времени, ни средствъ обращаться“. Однако-жъ, вопреки скромному мнѣнію автора, дневникъ этотъ, давая много матеріала для характеристики личности молодого дѣятеля, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ много любопытнаго и поучительнаго въ смыслѣ правдиваго и живого изображенія русской провинціи 40-хъ годовъ съ ея чиновничьимъ бытомъ, нравами и общественной жизнью. Объ интересѣ этихъ писемъ можно судить по приведеннымъ нами ниже (въ приложеніяхъ) отрывкамъ. „Братъ пишетъ Я. К. въ февралѣ Плетневу, присылаетъ намъ изъ Ярославля почти съ каждой почтой записки, которыя ведетъ тамъ. Его принимаютъ какъ гоголевскаго ревизора, съ большимъ почетомъ, часто въ мундирахъ даже являются къ нему чиновники цѣлой ордой. Теперь онъ уже по дорогѣ въ Москву“ [2]). Тамъ же, отъ 27-го февраля читаемъ: „Мы получили отъ брата письмо уже изъ Рязани. Онъ подробно разсказываетъ,

---

[1]) Это послѣднее порученіе К. К. получилъ уже будучи въ Саратовѣ.
[2]) «Переписка», III, стр. 19.

какъ въ Москвѣ былъ обласканъ Шевыревымъ, благодаря твоей (т.-е. Плетнева) рекомендаціи. Шевыревъ самъ водилъ его въ Кремль и по городу, потомъ въ какомъ-то русскомъ трактирѣ угостилъ обѣдомъ и, наконецъ, далъ ему билетъ на свою публичную лекцію. Послѣ этой лекціи братъ уже не видѣлъ его, хотя и старался найти случай поблагодарить его“ [1]). Изъ дальнѣйшаго видно, что К. К. самъ писалъ и благодарилъ его изъ Рязани, о чемъ Шевыревъ сообщаетъ Я. К—чу и въ то же время пишетъ Плетневу: „Благодарю Васъ за знакомство съ К. К. Гротомъ, который съ перваго раза полюбился мнѣ и далъ мнѣ предчувствовать своего брата“ [2]). К. К. проѣздилъ въ этой командировкѣ весну и почти все лѣто. Плетневъ тщетно ждалъ его въ іюнѣ въ Петербургъ. На обратномъ пути съ юга онъ ѣхалъ черезъ Митаву, куда имѣлъ тѣ же порученія. Характеренъ отзывъ о немъ брата въ письмѣ къ другу въ іюнѣ: „Братъ мой теперь долженъ быть уже въ Митавѣ или на дорогѣ туда. Сегодня мы получили отъ него письмо изъ Кіева и изъ Житоміра. Изъ писемъ его я болѣе прежняго убѣдился, какъ въ дѣйствіяхъ его много прямоты, ровности, опредѣленности и твердости. Онъ самъ нынче пишетъ: „Какъ флегматикъ, я дѣйствую хладнокровно, но не слабо“. Забавно, что нѣсколько разъ пытались подкупить его, и въ Кіевѣ даже поднесли ему пакетъ депозитныхъ билетовъ. Само собой разумѣется, какъ принималъ онъ это“ [3]). Нужно-ли говорить, что въ этой характеристикѣ мы узнаемъ вполнѣ столь знакомыя намъ черты будущаго выдающагося администратора и государственнаго дѣятеля? Только 4-го августа К. К. вернулся въ Петербургъ (прямо на квартиру къ Плетневу), но и то лишь благодаря тому, что его торопили изъ Министерства. „Онъ разсказывалъ мнѣ, — пишетъ Плетневъ,—что еще не думалъ такъ скоро явиться въ Петербургъ, но министръ

---

[1]) Тамъ же, стр. 21.
[2]) Тамъ же, стр. 37.
[3]) Тамъ же, стр. 91.

назначилъ ему ускорить возвращеніе, и онъ готовился уже представиться ему. Я не видалъ его послѣ и не знаю результата ихъ свиданія... Онъ совсѣмъ не перемѣнился, здоровъ, веселъ, доволенъ своею поѣздкою и даже загорѣлъ не очень много. Со всѣми губернаторами разстался онъ мирно, кромѣ (вотъ удивленіе!) Оффенберга. Не понимаю, за что эти нѣмцы прослыли аккуратными. К. К. говоритъ, что старый пріятель его и не понимаетъ, что такое аккуратность въ исправленіи должности" [1]).

Ускореніе возвращенія К. К. въ Петербургъ вызвано было новыми на него видами. Едва онъ успѣлъ вернуться 4-го августа, какъ ему уже 6-го августа было дано новое порученіе. Оно состояло въ прикомандированіи къ сенатору М. Н. Муравьеву, отправленному по Высочайшему повелѣнію для собранія свѣдѣній и личныхъ переговоровъ съ губернаторами съ цѣлью преобразованія полиціи, въ Москву и въ разныя великорусскія губерніи „для обозрѣнія дѣлопроизводства въ земскихъ судахъ и составленія, какъ по сему предмету, такъ и по раздѣленію уѣздовъ на станы, новыхъ предположеній". Это порученіе было окончено К. К. въ октябрѣ „съ отличнымъ успѣхомъ" и „по засвидѣтельствованіи о семъ сенатора Муравьева — министръ изъявилъ К. К. за этотъ трудъ совершенную свою признательность". Самъ К. К. въ своихъ замѣткахъ называетъ это порученіе однимъ изъ „наиболѣе выдающихся". Я. К. Гротъ въ эту осень 1847 г. путешествовалъ по Швеціи, и письма его Плетневъ пересылалъ К. К., который опять очутился въ центральной Россіи: въ началѣ сентября онъ живетъ въ Тамбовѣ, куда Плетневъ и пересылаетъ письма его брата. Послѣдній, посылая ему поклоны, замѣчаетъ: „Далеко другъ отъ друга мы странствуемъ. Нетерпѣливо ожидаю возможности прочесть его письма съ дороги" [2]). Черезъ нѣсколько дней Я. К. пишетъ: „Какія извѣстія отъ Кости? Близость отъ него холеры, о которой здѣсь много говорятъ, нѣсколько

[1]) Тамъ же, стр. 108.
[2]) Тамъ же, стр. 125.

безпокоитъ меня“ [1]). Но уже вскорѣ затѣмъ, въ началѣ октября К. К. благополучно вернулся въ Петербургъ и остановился на этотъ разъ у своего товарища по лицею и по службѣ А. К. Гирса [2]), „чтобы ближе быть къ Департаменту“. Съ Гирсомъ онъ жилъ съ тѣхъ поръ до вступленія въ бракъ послѣдняго. „У меня, пишетъ П. А., не бываетъ онъ часто... Впрочемъ знаю, что онъ здоровъ и доволенъ своимъ положеніемъ“ [3]). Въ то же время Плетневъ сообщаетъ Я. К. о какой-то вновь предстоящей К. К. поѣздкѣ въ Новгородъ. Однако-жъ въ дальнѣйшемъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы таковая состоялась. Въ половинѣ декабря К. К. еще въ Петербургѣ: Плетневъ разсказываетъ, что съ К. К. читалъ письмо его брата: „Я объявилъ ему, что всякій разъ лишь утромъ на него пожалуюсь я тебѣ, онъ непремѣнно придетъ ко мнѣ вечеромъ...“ Далѣе читаемъ: „К. К. вызвался подслужиться Александрѣ Осиповнѣ (т.-е. Ишимовой). Онъ напишетъ ко всѣмъ знакомымъ ему губернаторамъ, чтобы они постарались о распространеніи „Звѣздочки“ во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ“ [4]). Вторую половину декабря и Рождество Я. К. провелъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ первыхъ числахъ января 1848 г. уѣхалъ обратно въ сопровожденіи К. К., который давно стремился навѣстить своихъ гельсингфорсцевъ. Путешествіе прошло совершено незамѣтно, безъ скуки и не безъ пользы для обоихъ: между прочимъ сокращали время тѣмъ, что Я. К. „разсказывалъ своему брату русскую исторію (онъ читалъ этотъ предметъ въ Александровскомъ университетѣ): дошли до царя Іоанна Васильевича Грознаго“. К. К. въ свою очередь разсказывалъ Я. К. свои впечатлѣнія и наблюденія изъ разъѣздовъ по Россіи [5]). К. К. пробылъ у своихъ дней 10, и разумѣется его пріѣздъ былъ большимъ праздникомъ для

---

[1]) Тамъ же, стр. 129.

[2]) Впослѣдствіи товарищъ министра финансовъ † 1880 г.

[3]) Тамъ же, стр. 136.

[4]) Тамъ же, стр. 166.

[5]) Тамъ же, стр. 168—169.

семьи. „Костя, пишетъ его братъ своему петербургскому другу, произвелъ большое оживленіе въ нашемъ домѣ. Благодаря ему, я эти дни много смѣялся, чего уже не было очень давно. Большую часть утра мы сидимъ въ одной комнатѣ и читаемъ или разговариваемъ и шалимъ; отъ часу до двухъ гуляемъ или таскаемся по магазинамъ; послѣ обѣда сидимъ часа два у дамъ, а потомъ опять уходимъ къ себѣ. Ночуетъ онъ въ особой комнаткѣ, въ другомъ домѣ на нашемъ дворѣ“ [1]). 15-го января К. К. уѣхалъ изъ Гельсингфорса, оставивъ о своемъ пребываніи самое пріятное воспоминаніе. „Мнѣ безъ него, — пишетъ Я. К. все еще кажется пусто въ нашемъ домѣ, но по крайней мѣрѣ вездѣ есть воспоминанія“ [2]). Въ 1848 г. новыхъ командировокъ въ провинцію К. К. уже не получалъ, но дѣятельности его въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было дано новое направленіе уже въ самомъ Петербургѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 171.
[2]) Тамъ же, стр. 177.

IV.

Служба по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Участіе въ организаціи новаго общественнаго управленія въ столицѣ.

(1848—1853).

Весною 1848 г. К. К. устроился, наконецъ, болѣе прочно въ Петербургѣ, на новой уже самостоятельной квартирѣ, нанятой имъ въ томъ самомъ домѣ Погребова, близъ Владимірской церкви, на Загородномъ проспектѣ, гдѣ поселился женившійся въ это время его товарищъ А. К. Гирсъ, а также его будущій свойственникъ, молодой ученый П. П. Семеновъ. О практичности и хозяйственности К—а К—ча такъ отзывается Плетневъ по этому поводу: „К. К. все устраивается на будущемъ новоселіи. Вчера часа три провозился его лакей подъ личнымъ надзоромъ его въ комнатѣ моего швейцара. Изъ сундуковъ всѣ вещи были вынуты, выколочены, вычищены и вновь уложены. Это примѣрное домоводство“ [1]). Новое дѣло, къ которому теперь былъ привлеченъ К. К. и которое на нѣкоторое время его привязало къ столицѣ, было подготовлявшееся тогда Н. А. Милютинымъ введеніе въ Петербургѣ новаго общественнаго управленія. Первыя порученія, данныя К. К. въ этой сферѣ, относятся уже къ веснѣ 1848 г. Между прочимъ ему было поручено освидѣтельствовать суммы С.-Петербургской мѣщанской управы и сдѣлать разысканіе о разныхъ злоупотреб-

---

[1]) Тамъ же, стр. 216.

леніяхъ по должности старшины управы; затѣмъ осенью онъ долженъ былъ произвести ревизію суммъ ремесленной казны въ С.-Петербургской ремесленной управѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ по наблюденію за дѣлами городского хозяйства въ Петербургѣ, а наконецъ назначенъ и членомъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной для введенія новаго общественнаго управленія въ столицѣ, и на него особо возложено устройство и приведеніе въ порядокъ С.-Петербургскихъ сословныхъ управъ купеческой, мѣщанской и двухъ ремесленныхъ: русской и иностранной. Это дѣло занимало его нѣсколько лѣтъ, почти до самаго назначенія губернаторомъ въ Самару въ 1853 г. Онъ сдѣлался, можно сказать, правой рукой Н. А. Милютина во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ преобразованіяхъ въ городскомъ управленіи, причемъ его сотрудничество было тѣмъ болѣе дорого Н. А. Милютину, что всѣ вопросы, обдуманные Милютинымъ со свойственнымъ ему талантомъ, Константинъ Карловичъ умѣлъ ставить съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, твердостью и выдержанностью на практическую почву, преодолѣвая всѣ поставляемыя противниками полезныхъ реформъ препятствія. Для характеристики дѣятельности К. К. и ея успѣшности по этому важному и самостоятельному порученію всего лучше привести собственныя слова его объ этой работѣ въ его автобіографическихъ замѣткахъ. „Это была первая организаціонная работа, порученная К. К. Означенныя два сословныя учрежденія (т.-е. ремесленная и мѣщанская управы) находились въ самомъ жалкомъ положеніи и по своей организаціи и по своему внѣшнему виду. Въ видахъ внѣшняго порядка между прочимъ рѣшено было учредить въ управахъ, по образцу частныхъ банкирскихъ конторъ, рѣшетки для отдѣленія публики отъ должностныхъ лицъ. Это нововведеніе, служащее теперь необходимою принадлежностью присутственныхъ мѣстъ, гдѣ приходится выдавать многочисленной публикѣ квитанціи въ пріемѣ сборовъ, разныхъ документовъ и т. п., встрѣчено было въ то время ропотомъ въ средѣ членовъ

управъ, избиравшихся изъ мѣщанъ и ремесленниковъ, которые находили для себя унизительнымъ сидѣть за рѣшетками, и лишь, когда они привыкли къ новому порядку, они сами удивлялись, какъ они могли прежде заниматься окруженные грязной толпою, которая бродила по канцеляріи управъ и шумѣла. По открытіи въ Петербургѣ новаго городского общественнаго управленія К. К. продолжалъ еще свое занятіе по этому управленію въ качествѣ руководителя со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ"...

Съ прочнымъ поселеніемъ К. К. въ Петербургѣ, его сношенія съ семьей стали легче и правильнѣе, и онъ по природной своей добротѣ и семейнымъ привязанностямъ охотно бралъ на себя разныя порученія, и всячески старался быть полезнымъ своимъ близкимъ; такъ онъ подписывается для своей матери на газету „Messager de St.-Pétersbourg", а брату своему черезъ своихъ остзейцевъ досталъ нужныя ему книги. Съ П. А. Плетневымъ онъ поддерживалъ сердечныя, дружескія отношенія и, сколько позволяло время, навѣщалъ его. Въ январѣ 1849 г. онъ долженъ былъ быть шаферомъ на свадьбѣ Плетнева, но по нездоровью лишенъ былъ возможности исполнить эту дружескую услугу [1]). Женитьба Плетнева не измѣнила ихъ старой взаимной дружбы; напротивъ, послѣдняя еще упрочилась и выиграла благодаря присоединенію къ ней новаго элемента—любящей, чуткой, истинно-христіанской души А. В. Плетневой († 29-го декабря 1901 г.), женщины высокообразованной, тонкаго ума и изящнаго вкуса, умѣвшей оцѣнить лучшихъ друзей своего мужа и сохранившей къ нимъ и по смерти П. А. въ 1865 г. въ теченіе долгихъ лѣтъ до самой ихъ смерти (Я. К. Грота въ 1893 и К. К. въ 1897 г.) самую искреннюю, какъ-бы родственную пріязнь и сердечную преданность.

Лѣтомъ 1849 г. К. К. мечталъ навѣстить своихъ въ Гельсингфорсѣ, но повидимому не получилъ отпуска. Впро-

---

[1]) «Переписка», III, стр. 379. Плетневъ вступилъ во 2-й бракъ съ кн. А. В. Щетининой.

чемъ съ братомъ онъ все-таки видѣлся это лѣто: Я. К., задумавшій тогда совершить поѣздку въ Москву и ея окрестности, провелъ часть іюня въ Петербургѣ у своего брата. Остальную часть лѣта К. К. провелъ на дачѣ, на Черной рѣчкѣ. Отдаленность, а можетъ быть и дѣла мѣшали бывать ему у Плетневыхъ на Спасской мызѣ столь же правильно, какъ бывало, и Плетневъ сѣтовалъ на это въ письмахъ къ Я. К., который попрежнему часто пользовался услугами своего друга въ сношеніяхъ съ братомъ. Въ перепискѣ друзей, которая не обрывается и съ женитьбой Плетнева, продолжаетъ и въ эту эпоху часто мелькать имя К. К. и сообщаются о немъ извѣстія. Такъ въ октябрѣ 1849 г. Плетневъ пишетъ: „Я просилъ К. К. постараться достать намъ билетъ къ представленію Эльслеръ, до чего мы, по милости Гедеонова, добиваемся напрасно второй годъ. К. К. прислалъ намъ этотъ вожделѣнный билетъ во вторникъ—и мы наслаждались пляскою Эльслеръ цѣлый вечеръ въ „Тщетной предосторожности“ [1]). Въ ноябрѣ того же года Плетневъ такъ отзывается объ образѣ жизни К. К.: „Я радуюсь на его теперешнюю жизнь. Какъ онъ успѣваетъ при ограниченномъ жалованьи своемъ извлечь изъ него для жизни все полезное и пріятное. Ты знаешь, что для итальянской оперы у него есть абонированное кресло. Пустыхъ развлеченій онъ не позволяетъ себѣ. Въ должность отправляется въ 11 часовъ. Такимъ образомъ въ его распоряженіи лучшая часть дня“ [2]).

Въ началѣ слѣдующаго 1850 г. К. К. принялъ живое и сердечное братское участіе въ важномъ семейномъ событіи: женитьбѣ своего брата Я. К. на Натальѣ Петровнѣ Семеновой, которую тотъ встрѣтилъ въ домѣ ея родственника (черезъ Буниныхъ) А. К. Гирса, товарища К. К., пріѣхавъ гостить къ послѣднему на Рождество 1849 г. К. К. жилъ, какъ мы видѣли, рядомъ съ Гирсомъ и братомъ На-

---

[1]) Тамъ же, стр. 484.
[2]) Тамъ же, стр. 495.

тальи Петровны, Петромъ Петровичемъ Семеновымъ [1]) въ томъ же домѣ. Объ этомъ событіи и объ участіи въ немъ К. К. мы имѣемъ интересный разсказъ самой Н. П. Гротъ въ ея воспоминаніяхъ [2]). Хотя разсказъ этотъ и содержитъ въ себѣ много частныхъ и интимныхъ подробностей, мы все-же считаемъ умѣстнымъ извлечь изъ него нѣсколько отрывковъ, касающихся К. К., такъ какъ въ нихъ весьма рельефно рисуется симпатичный и благородный образъ Константина Карловича. „Гирсы,—разсказываетъ Н. П.,— занимали отдѣльный домикъ-особнякъ на дворѣ большого дома Погребова—у Пяти угловъ, на Загородномъ проспектѣ. Рядомъ съ уютнымъ двухъ-этажнымъ домикомъ на дворѣ же былъ большой трехъ-этажный каменный домъ, гдѣ внизу занималъ небольшую квартиру братъ Петръ Петровичъ, а вверху надъ нимъ по той же лѣстницѣ жилъ Константинъ Карловичъ Гротъ. Такимъ образомъ мы видѣлись съ братомъ по нѣсколько разъ въ день, а Гротъ тоже заходилъ къ Гирсамъ ежедневно, иногда и болѣе раза. Служа въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, оба лицейскіе товарища, по порученію Министра, составляли думское положеніе и, слѣдовательно, безпрестанно имѣли общія дѣла и сношенія“ [3]).

Говоря о первой своей встрѣчѣ съ будущимъ мужемъ, Н. П. замѣчаетъ: „Я уже познакомилась съ братомъ его, Константиномъ Карловичемъ, котораго я ставила выше всѣхъ молодыхъ людей, встрѣчавшихся у Гирсовъ. Онъ казался мнѣ представителемъ высшей порядочности и благовоспитанности, а расположеніе его къ семейству Буниныхъ было самое сердечное и внимательное“. К. К. суждено было стать посредникомъ, довѣрен-

---

[1]) Извѣстный ученый географъ и статистикъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и вице-предсѣдатель Императорскаго Географическаго Общества, тогда еще не служилъ и готовился къ магистерской степени по ботаникѣ, вскорѣ затѣмъ (май 1851 г.) и полученной.

[2]) «Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ», Наталіи Гротъ. С.-Пб. 1900, стр. 125 и слѣд.

[3]) «Воспоминанія», стр. 125.

*

нымъ лицомъ своего брата въ передачѣ письменно его чувствъ и предложенія руки Натальѣ Петровнѣ, такъ какъ Я. К. только уже по отъѣздѣ своемъ въ Гельсингфорсъ рѣшился сдѣлать предложеніе. Однажды, когда Н. П. осталась одна дома, ей доложили, что ее спрашиваетъ К. К. Гротъ. „Зная, что онъ часто, въ разные часы заходилъ къ Гирсу по дѣламъ, я отвѣчала, что вѣрно ему нуженъ Александръ Карловичъ или какая-либо бумага и велѣла просить его войти въ кабинетъ поискать ее, а сама опять затворила свою дверь. Но лакей вернулся, говоря: „Нѣтъ, они васъ желаютъ видѣть“. Я изумилась и вышла къ нему въ кабинетъ. Онъ поздоровался, но видимо былъ смущенъ и послѣ нѣсколькихъ фразъ подошелъ къ окну и сталъ пальцами ударять по стеклу. Въ недоумѣніи отъ его волненія я сама пришла въ смущеніе и не знала что начать, пока, наконецъ, онъ не вынулъ изъ кармана письмо и молча не подалъ его мнѣ. Я съ изумленіемъ его распечатала... Ужъ съ первыхъ строкъ угадала я, отъ кого оно и что рѣчь идетъ о всей моей будущности“... Въ полномъ смущеніи Н. П. убѣжала въ свою комнату... „Обливаясь слезами, я прочла письмо до конца и, совсѣмъ забывъ о своемъ гостѣ, сидѣла неподвижно, продолжая плакать... Но вотъ скромно пріотворилась дверь, и К. К. сказалъ мнѣ, что вечеромъ придетъ за отвѣтомъ“... Когда Н. П. стала невѣстой, всѣ родные и близкіе ея наперерывъ выражали ей участіе и устраивали въ честь ея обѣды, на которыхъ пили за здоровье жениха и невѣсты. „Его (т.-е. жениха), отсутствующаго, представлялъ братъ его, К. К., котораго сажали рядомъ со мною. Послѣдній также созвалъ свой кружокъ, чтобы познакомить меня со своими друзьями, между прочимъ семействомъ Корфовъ, давно столь близкимъ съ Гротомъ по отношеніямъ, также съ Шторхами, Кавелинымъ и др. Вообще вниманіе ко мнѣ и доброта моего будущаго деверя были выше всякой похвалы. Никогда ни отъ кого не видала я столько предупредительности и участія къ моему положенію, столько старанія быть пріятнымъ невѣстѣ своего брата. Къ брату же писалъ онъ

письма, полныя трогательныхъ заботъ о его устройствѣ, давая практическіе совѣты, предлагалъ свои услуги, исполнялъ всѣ его порученія съ величайшею сердечностью, да и меня выручалъ во всѣхъ матеріальныхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ" [1]). И въ хлопотахъ по устройству самой свадьбы, состоявшейся 24-го февраля 1850 г., К. К. принималъ самое дѣятельное участіе. Между тѣмъ служебной работы у К. К. было очень много: кромѣ главнаго возложеннаго на него дѣла — по организаціи мѣщанской и ремесленной управъ, ему давалось множество экстренныхъ порученій, связанныхъ съ городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ и требовавшихъ распорядительности, такта и способностей въ сферѣ государственной экономіи и финансовъ, которыя К. К. видимо успѣлъ обнаружить. Весной и лѣтомъ 1850 г. ему были даны двѣ командировки и въ провинцію: сперва въ Олонецкую губернію (г. Вытегру) для собранія свѣдѣній и составленія подробныхъ соображеній о лучшемъ устройствѣ тамъ постойной повинности послѣ бывшаго тамъ пожара, а затѣмъ въ Остзейскій край (между прочимъ и въ Митаву) для обозрѣнія вновь введеннаго тамъ способа раскладки податей въ податныхъ сословіяхъ и составленія соображеній относительно устройства таковыхъ раскладокъ въ С.-Петербургѣ. Въ самой столицѣ ему безпрестанно давали новыя порученія, какъ это видно изъ его послужного списка. Исполнительность и энергическая дѣятельность К. К. видимо цѣнились въ Министерствѣ, а потому по справедливости вознаграждались его начальствомъ. На медленность въ производствахъ К. К. кажется не имѣлъ случая жаловаться. 7-го октября 1850 г. Плетневъ пишетъ Я. К.: „Какъ меня обрадовало, когда въ газетахъ увидѣлъ я, что Константинъ Карловичъ произведенъ за отличіе въ статскіе совѣтники. Увидишь какъ теперь быстро онъ перегонитъ насъ съ тобой. Ученая служба туга на отличія. Впрочемъ, дай Богъ ему скорѣе попасть на дорогу настоящую, напримѣръ, въ губернаторы куда-

---

[1]) Тамъ же, стр. 135.

нибудь“ [1]). Мы знаемъ, что выраженныя здѣсь пророчество и пожеланія сбылись очень скоро.

Дружба съ А. К. Гирсомъ и близкія, постепенно обратившіяся въ дружественныя отношенія къ Н. А. Милютину вовлекли К. К. въ новую и до тѣхъ поръ незнакомую ему сферу дѣятельности, которая не мало способствовала расширенію его кругозора. Въ 1850 г. К. К. былъ избранъ въ члены Имп. Рус. Географич. Общества и сталъ постоянно посѣщать его собранія, проявляя живой интересъ къ разнообразной дѣятельности общества, направленной къ изученію Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ. Желая принести посильную пользу Обществу, онъ въ 1852 г. принялъ на себя обязанности казначея Общества, что и ввело его въ частыя сношенія съ главными его дѣятелями, тѣми просвѣщенными патріотами, съ которыми ему впослѣдствіи, въ эпоху великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, пришлось дружно работать на пользу родины. К. К. оставилъ свою дѣятельность по Географич. Обществу въ 1853 г. вслѣдствіе своего назначенія Самарскимъ губернаторомъ, но и впослѣдствіи оказывалъ вездѣ гдѣ возможно самое теплое содѣйствіе и покровительство работамъ Общества, а въ 1880 г. пожертвовалъ Обществу изъ своихъ скромныхъ личныхъ средствъ 5.000 р. для изслѣдованія о. Сахалина, имѣвшаго цѣлью опредѣлить, насколько Сахалинъ пригоденъ для осѣдлой колонизаціи.

Успѣхи К. К., конечно, чрезвычайно радовали его родныхъ, но эта радость нѣсколько омрачалась безпокойствомъ о здоровьѣ К. К., которое, именно со стороны зрѣнія, въ послѣднее время немного разстроилось, вѣроятно отъ усиленныхъ занятій и напряженія. На приведенное выше сообщеніе Плетнева Я. К. отвѣчалъ: „О производствѣ брата моего въ статскіе совѣтники сказывалъ онъ мнѣ еще въ Петербургѣ. Теперь онъ догналъ счастливѣйшихъ изъ своихъ товарищей въ службѣ, но

---

[1]) Тамъ же, стр. 521.

одно только меня безпокоитъ: это чрезвычайная слабость его глазъ, которая постоянно увеличивается [1]). Когда ты увидишься съ нимъ, посовѣтуй ему и съ своей стороны серьёзно заняться своимъ зрѣніемъ. Я уже не разъ писалъ ему о томъ. Ужели въ Петербургѣ нѣтъ ни одного врача, который бы понялъ его глазную болѣзнь съ настоящей стороны?" [2]).

Въ январѣ 1851 г., какъ мы читаемъ въ той же „Перепискѣ", К. К. былъ шаферомъ у вышедшей замужъ (за г. Лакьера) дочери П. А. Плетнева Ольги, а затѣмъ въ мартѣ онъ оказывается уже вновь въ командировкѣ за городомъ [3]). Изъ формуляра его видно, что на него было возложено „обозрѣніе существующаго въ уѣздныхъ городахъ С.-Петербургской губ. цехового устройства и представленіе заключенія о средствахъ къ образованію цеховыхъ управленій въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ".

Лѣтомъ 1851 г. К. К. для поправленія своего здоровья предпринялъ поѣздку за границу, между прочимъ въ Киссингенъ, по совѣту врачей. На этотъ разъ онъ получилъ довольно продолжительный отпускъ и вернулся лишь позднею осенью. Онъ оставилъ Петербургъ повидимому уже въ половинѣ мая. Братъ его 15-го мая пишетъ Плетневу: „Кажется завтра братъ ѣдетъ за границу. Какъ намъ жаль, что мы не можемъ на минуту перелетѣть въ Петербургъ, чтобы проститься съ нимъ"! Плетневъ пишетъ вскорѣ затѣмъ: „К. К. передъ отъѣздомъ былъ еще у насъ въ городѣ. Онъ очень въ духѣ—и я радъ за него. Это путешествіе должно благотворно подѣйствовать не только на физическое его состояніе, но и на моральное. Къ нему въ спутники скоро отправится и Герцъ [4]), ко-

---

[1]) Это болѣзненное состояніе глазъ было вѣроятно въ связи съ произведенной К. К. еще въ годы ученія или вскорѣ послѣ того глазной операціи, вызванной незначительной косиной.

[2]) Тамъ же, стр. 522.

[3]) Тамъ же, стр. 532 и 540.

[4]) Карлъ Карл., будущій проф. исторія и теоріи искусствъ въ Московскомъ Университетѣ († 1882 г.).

торый располагаетъ прожить за границею года два“ [1]). О путешествіи К. К. мы къ счастью также находимъ свѣдѣнія въ томъ же источникѣ. Въ іюлѣ Я. К. пишетъ своему другу: „Получили мы второе письмо отъ К. К. изъ-за границы. Первое было изъ Киссингена, куда онъ доѣхалъ благополучно въ концѣ мая. Въ Гамбургѣ простился онъ съ Корфскими (семьей бар. М. А. Корфа) и поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ пробылъ дня четыре: тамъ у него нашелся лицейскій товарищъ Ренненкампфъ. Оттуда онъ черезъ Готу и Мейнингенъ отправился въ Баварію и прибылъ въ Киссингенъ въ коляскѣ, которую онъ нанялъ вмѣстѣ съ мекленбургскимъ офицеромъ Блюхеромъ. Онъ и поселился тамъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ въ одномъ домѣ, изъ котораго прекрасный видъ на городъ. У нихъ и докторъ одинъ—по имени Баллингъ, который сказалъ Костѣ, что слабость глазъ его происходитъ, вѣроятно, отъ желудка, и что въ такомъ случаѣ Киссингенскія воды и ванны должны помочь ему. Въ концѣ іюня (ст. ст.) онъ думаетъ отправиться въ Остенде или Парижъ, смотря по состоянію здоровья“ [2]). Однако-жъ, судя по дальнѣйшимъ извѣстіямъ, надежды на Киссингенъ для больныхъ глазъ К. К. не оправдались. 11-го августа Я. К. сообщаетъ о немъ: „Отъ моего брата получили мы на прошлой недѣлѣ, къ великому удивленію нашему, письмо изъ Швейцаріи. Семейство Моллеръ, съ которымъ онъ съѣхался на Рейнѣ, уговорило его ѣхать вмѣстѣ въ Гейдельбергъ и Баденъ, а оттуда въ Базель, Цюрихъ, на Риги и далѣе въ кантонъ Бернъ, откуда онъ и писалъ намъ—изъ деревни Мейрингенъ. Изъ Швейцаріи намѣревался онъ проѣхать въ Гренобль, чтобы тамъ погостить у бывшей Скрипицыной (Dupont Delporte) [3]) и потомъ черезъ Парижъ въ Діеппъ, гдѣ онъ рѣшилъ купаться въ морѣ вмѣсто Остенде, куда было бы уже слиш-

---

[1]) «Переписка», стр. 546.
[2]) Тамъ же, стр. 548.
[3]) См. примѣчаніе ниже.

комъ далеко. Глаза его все еще въ томъ же положеніи, но знаменитый Гейдельбергскій врачъ Геллiусъ подалъ ему надежду, что морское купанье и время доставятъ ему облегченіе. Самъ онъ, кажется, мало надѣется“ [1]). Болѣзнь К. К. безпокоила и Плетнева; какъ разъ въ это время терялъ свое зрѣніе и В. А. Жуковскій и сообщалъ Плетневу о своемъ горѣ и стараніяхъ помочь себѣ, о чемъ въ свою очередь разсказываетъ П. А. своему гельсингфорскому другу; въ письмѣ послѣдняго отъ 22-го сентября читаемъ: „Все, что ты сообщаешь о Жуковскомъ и Вяземскомъ, чрезвычайно интересно. Любопытно было бы узнать устройство машинки, придуманной первымъ на случай слѣпоты. Такою же нужно бы завестись моему брату, котораго зрѣніе все такъ же плохо, какъ было. Въ Парижѣ одинъ докторъ сказалъ ему, что глаза его ничѣмъ уже нельзя поправить, какъ развѣ постепеннымъ ослабленіемъ очковъ и упражненіемъ глядѣть вдаль. Поэтому я бы серьёзно просилъ тебя, если машинка Жуковскаго въ подробности тебѣ неизвѣстна, попроси у него описанія“ [2]). Плетневъ на это отвѣтилъ: „Машинки Жуковскаго я не знаю. Мнѣ кажется, это что-нибудь деревянное съ линейками въ видѣ бумажныхъ транспарантовъ, по которымъ пишутъ не умѣющіе вести строкъ прямо. Говорятъ, что въ Англіи давно выдумана подобная машинка. Удивительно, что К. К. не могли помочь парижскіе доктора“. Кстати будетъ замѣтить по этому поводу, что К. К. всегда и впослѣдствіи имѣлъ слабое зрѣніе, несмотря на всевозможные испытанные имъ методы лѣченія, но рокового исхода, т. е. полной потери зрѣнія, эта болѣзнь все-же не имѣла, хотя К. К. всегда этого боялся, особенно въ послѣдніе годы своей долгой жизни, когда глаза стали дѣйствительно ему измѣнять все болѣе. Извѣстно, что его рано пробудившійся человѣколюбивый интересъ къ лишеннымъ зрѣнія и вся его замѣчательная

[1]) Тамъ же, стр. 552.
[2]) Тамъ же, стр. 557.

дѣятельность на пользу слѣпыхъ находятся въ нѣкоторой связи съ личными его переживаніями и испытаніями, доставленными ему плохимъ его зрѣніемъ и всегдашней угрозой слѣпоты.

Изъ-за границы К. К. вернулся не ранѣе октября. Однако-жъ здоровье его еще и зимою того года не успѣло вполнѣ установиться, какъ это видно изъ нѣсколькихъ о томъ упоминаній. Между тѣмъ К. К. старается укрѣпить себя строгимъ и правильнымъ режимомъ; въ декабрѣ Плетневъ сообщаетъ о немъ: „Онъ теперь принялся за образъ жизни, похожій на мой: встаетъ рано и гуляетъ до кофе". Въ январѣ 1852 г. читаемъ: „К. К. бываетъ у насъ не очень часто. Онъ, кажется, все не можетъ попасть на прежнюю дорогу здравія".

Между тѣмъ К. К. энергично принялся опять за порученное ему дѣло по организаціи городского самоуправленія, именно ремесленнаго и цехового устройства, и видимо съ интересомъ и увлеченіемъ имъ занимался. Любопытны и характерны слѣдующіе отзывы о немъ Плетнева и брата его Я. К. весной 1852 г. „На-дняхъ,— пишетъ П. А.— 26-го марта, былъ у насъ К. К. Онъ большой философъ. Сидитъ себѣ со своими цеховыми, входитъ во всѣ интересы ихъ ремесленнáго быта и не скучаетъ. Онъ даже не увлекается и мечтами о какой-либо поѣздкѣ лѣтомъ. Теперь онъ не жалуется на здоровье, но все-же оно не образцовое". Вступившіе передъ тѣмъ въ семейную жизнь (Плетневъ уже вторично) и нашедшіе въ ней истинное удовлетвореніе и счастіе оба друга удивлялись К. К — чу, не обнаружившему никакого стремленія къ такой перемѣнѣ въ жизни [1]). На при-

---

[1]) Нельзя сказать, чтобы К. К. былъ недоступенъ обаянію женщинъ, ихъ красоты, ума и т. п., или чтобъ онъ отрицательно относился къ брачной жизни. И у него были увлеченія и въ тѣ молодые годы, напр., большой его симпатіей пользовалась вышеназванная Скрипицына, платившая ему взаимностью, но по природной сдержанности и замкнутости К. К. дѣло какъ-то не дошло до объясненія, и Скрипицына вышла замужъ за француза. Но доброе знакомство и взаимное дружеское расположеніе ихъ продолжалось и впослѣдствіи, и К. К. навѣщалъ всегда за границей любившую его семью Dupont Delporte.

веденную тираду Плетнева Я. К. отвѣчалъ: „К. К. въ своемъ родѣ истинный мудрецъ: раздѣляетъ свое время между службой и обществомъ и иногда созываетъ къ себѣ веселыхъ друзей. Брачное состояніе не имѣетъ для него ничего привлекательнаго. Все это было бы пожалуй и хорошо, или простительно, если бы только здоровье его совсѣмъ поправилось“ [1]). Приблизительно въ то же время Плетневъ сообщаетъ небезынтересное извѣстіе о К. К.: „Его старые друзья зовутъ его въ Митаву занять мѣсто вице-губернатора; но онъ находитъ, что *теперь* это для него уже не находка, а проигрышъ“ [2]). Какъ показало ближайшее будущее, расчетъ К. К. былъ вполнѣ вѣренъ. Лѣтомъ К. К. никуда въ отпускъ не уѣзжалъ, но въ концѣ іюля онъ съѣздилъ на недѣлю въ Гельсингфорсъ повидаться съ матерью и братомъ. Въ это лѣто тамъ свирѣпствовала желудочная эпидемія (диссентерія), и Я. К. также прихворнулъ ею довольно сильно. „Моя болѣзнь,— пишетъ онъ 29-го іюля П. А.,—тѣмъ болѣе не кстати, что у насъ гоститъ К. К. Онъ пріѣхалъ въ прошлую среду, а послѣ завтра, въ четвергъ, уже уѣзжаетъ. Онъ остановился у меня, а маменьку каждый день навѣщаетъ. Мнѣ очень больно, что я по своему нездоровью такъ мало могъ пользоваться его присутствіемъ и совсѣмъ не выходилъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дому. Онъ всякій день купался въ морѣ. Сестра моя пріѣхала за недѣлю до него“. Это было послѣднее свиданіе К. К. съ его нѣжно любимой матерью. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того великое горе посѣтило семью Гротовъ. „Ты вѣроятно знаешь уже отъ брата моего,—пишетъ Я. К.,—какой тяжелый ударъ постигъ насъ неожиданно. Эпидемія, которая свирѣпствовала здѣсь все лѣто, наконецъ, похитила и маменьку. Она скончалась 24-го августа въ 7 час. утра“. Бывшій въ это время въ отъѣздѣ по инспекціи школъ въ Финляндіи Я. К. едва успѣлъ вернуться домой наканунѣ кончины матери, а К. К. поспѣлъ пріѣхать только

[1]) «Переписка», III, стр. 578, 579.

[2]) Тамъ же, стр. 583.

къ похоронамъ ея. Мы можемъ себѣ представить, какъ глубоко отозвалась на немъ эта потеря и какъ онъ долженъ былъ благословлять судьбу, что ему удалось провести съ нею хоть нѣсколько дней незадолго передъ тѣмъ и какъ-бы проститься съ ней. Память о дорогой матери всегда благоговѣйно чтилась К. К., и достаточно знаменательна для насъ его послѣдняя воля—быть похороненнымъ въ Гельсингфорсѣ рядомъ съ матерью и сестрой.

Вслѣдъ за кончиной старушки К. И. Гротъ возникли предположенія и планы перехода Я. К. на службу въ Петербургъ—на каѳедру въ Александровскій лицей, а затѣмъ, по рекомендаціи Плетнева, и въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ, августѣйшимъ дѣтямъ Наслѣдника престола. Въ хлопотахъ и заботахъ по осуществленію этого плана принялъ самое дѣятельное, истинно-братское участіе и Константинъ Карловичъ. Онъ совмѣстно съ Плетневымъ исполнялъ порученія своего брата, велъ переговоры съ директоромъ лицея Броневскимъ, а когда вопросъ о переселеніи былъ наконецъ рѣшенъ, вмѣстѣ съ П. А. готовилъ своимъ и квартиру въ Петербургѣ. Понятно, какъ его радовала перспектива соединенія, наконецъ, съ братомъ въ томъ же городѣ. Но этому пока еще не суждено было исполниться... Дѣйствительно Я. К. съ женой и сыномъ первенцомъ [1]) переѣхали въ Петербургъ въ концѣ января 1853 г., но уже черезъ три мѣсяца, въ маѣ, К. К. получилъ новое лестное и выгодное для него назначеніе—губернаторомъ (сперва исправляющимъ должность губернатора) въ Самару, а въ іюнѣ онъ уже отправился на мѣсто своего новаго служенія.

Въ жизни и дѣятельности К. К. наступаетъ новая эпоха. Передъ нимъ открывается новое широкое и благодарное поле дѣятельности. Онъ, полный молодой энергіи и свѣжихъ жизненныхъ силъ, вооруженный уже значительнымъ служебнымъ опытомъ и съ самымъ просвѣщеннымъ и гуманно-прогрессивнымъ направленіемъ мы-

---

[1]) Николай Яковл., родив. 18-го апрѣля 1852 г., † 23-го мая 1899 г.

слей принимается за самостоятельную, обдуманную административную и организаторскую работу, въ которой нашли себѣ полное примѣненіе его недюжинныя способности и трудолюбіе, благородный и прямой характеръ, настойчивая воля и высокія душевныя стремленія.

К. Г.

САМАРСКОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО.

(1853 — 1860).

К. К. Гротъ
въ концѣ сороковыхъ годовъ

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. Петроградъ

Къ концу 1852 и началу 1853 г. относится еще одинъ эпизодъ въ дѣятельности К. К. Грота, который хоть и былъ уже упомянутъ выше, но заслуживаетъ быть еще особо отмѣченнымъ. Это—привлеченіе его на должность казначея въ И. Русское Географическое Общество.

Это Общество, основанное въ 1845 г. и состоявшее подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, переживало въ началѣ 1850-хъ годовъ, подъ вліяніемъ вступившихъ въ него молодыхъ энергичныхъ русскихъ людей, важный моментъ своего обновленія въ самобытномъ національномъ направленіи, отвѣчавшемъ тѣмъ высокимъ задачамъ изученія быта, духовной жизни, экономическаго положенія и потребностей русскаго народа, т. е. главнымъ образомъ крестьянства, которыя ставило себѣ это передовое поколѣніе русской интеллигенціи 1840-хъ и 1850-хъ годовъ. Съ февраля 1850 года вице-предсѣдателемъ Общества сталъ М. Н. Муравьевъ, а въ числѣ его дѣятелей выдвинулись такія силы, какъ Н. И. Надеждинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Д. А. Милютинъ, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Я. И. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ—почти все будущіе выдающіеся работники по крестьянской реформѣ.

Такимъ образомъ привлеченіе въ Общество К. К. Грота, принадлежавшаго и по убѣжденіямъ, и по стремленіямъ, и по личнымъ связямъ къ этому кружку и уже съ 1850 г. состоявшаго членомъ Общества, было вполнѣ естественно—благодаря той отличной репутаціи, которую онъ успѣлъ пріобрѣсти всей своей предшествующей служебной дѣятельностью.

Прежній казначей Общества А. Ф. Постельсъ оставилъ свою должность въ 1852 г., и 30 ноября этого года былъ

единогласно избранъ на его мѣсто „по единодушному желанію Общества", какъ выражается въ своемъ увѣдомленіи М. Н. Муравьевъ, К. К. Гротъ, который принялъ эту должность и вступилъ въ нее въ январѣ 1853 г., какъ оказалось впрочемъ, на самый краткій срокъ.

Въ это время, какъ выше уже разсказано, К. К., видя осуществленіе своей давней мечты — въ переѣздѣ въ Петербургъ изъ Финляндіи своего старшаго брата Якова Карловича (съ семьей), дѣятельно участвовалъ во всѣхъ хлопотахъ и заботахъ, связанныхъ съ этимъ переселеніемъ, и радовался перспективѣ соединенія съ братомъ въ одномъ городѣ послѣ долгой разлуки.

Но судьба рѣшила иначе: на этотъ разъ совмѣстной ихъ жизни суждено было продлиться всего нѣсколько мѣсяцевъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній, какъ произошло избраніе К. К. на новое, болѣе трудное и особенно отвѣтственное служебное поприще. Иниціатива дѣла могла принадлежать самому назначенному въ 1851 г. (уже вторично на этотъ постъ) Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору В. А. Перовскому, по словамъ автобіографіи К. К., „знавшему его уже ранѣе и имѣвшему къ нему полное довѣріе".

Вѣроятно не обошлось и безъ участія его бывшаго начальника, передъ тѣмъ оставившаго Министерство Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскаго, успѣвшаго хорошо узнать К. К. и несомнѣнно давшаго о немъ самый лестный отзывъ не только своему брату, но и новому Министру, своему преемнику, Д. Г. Бибикову. К. К. былъ ими намѣченъ для занятія открывавшейся ваканціи Самарскаго губернатора, и такимъ образомъ опредѣлилась его дальнѣйшая служебная карьера.

I.

Въ началѣ мая 1853 г. К. К. получилъ увѣдомленіе о командированіи его въ полное распоряженіе Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора съ предписаніемъ „въ самомъ непродолжительномъ времени отпра-

виться къ мѣсту назначенія“, а уже 12-го мая послѣдовало его назначеніе исправляющимъ должность Самарскаго гражданскаго губернатора, причемъ вновь подтверждалась необходимость ускорить отъѣздъ „по нѣкоторымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ“. Возможно быстро собравшись, К. К. не замедлилъ отправиться къ мѣсту своей службы, гдѣ его ожидало столь для него новое, интересное, но трудное и по тѣмъ временамъ почти необъятно-широкое поле дѣятельности.

Самарская губернія была образована только въ 1851 году и вмѣстѣ съ Оренбургской составляла особое генералъ-губернаторство. По своимъ внутреннимъ условіямъ, по чрезвычайной пестротѣ своего инородческаго и пришло-русскаго народонаселенія, а слѣдовательно по своимъ бытовымъ особенностямъ она представляла совершенно своеобразную и нелегкую для управленія и организаціи административную величину. Рядомъ съ многочисленными инородцами, какъ финнами, перешедшими изъ сосѣднихъ приволжскихъ краевъ, такъ и прикочевавшими съ востока племенами башкиръ, калмыковъ, киргизовъ и татаръ-ногайцевъ, здѣсь въ разное время (съ XVII в.) отчасти были разселяемы самимъ правительствомъ русскіе поселенцы, казаки и крестьяне-великороссы и малороссы, раскольники изъ-за границы, польская мелкая шляхта, нѣмецкіе колонисты изъ различныхъ краевъ Германіи и наконецъ русскіе „малоимущіе дворяне“, которымъ отводились майоратные участки,—отчасти же находили себѣ здѣсь убѣжище случайные пришельцы, разные бѣглые и бездомные люди изъ внутреннихъ губерній Россіи, однимъ словомъ всякій сбродъ.

Понятно, что такая едва устроенная губернія съ подобнымъ разношерстнымъ народонаселеніемъ представляла мало благопріятный матеріалъ для организаторской и культурно-прогрессивной дѣятельности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что сфера и предѣлы дореформенной губернаторской власти и компетенціи были всеобъемлющи. Въ вѣдѣніе губернатора входили, кромѣ общихъ административныхъ функцій и заботъ о порядкѣ, спокойствіи и безопасности

въ губерніи, еще судебное и тюремное дѣло, пути сообщенія, городское благоустройство, правильное поступленіе повинностей, рекрутскіе наборы, откупа, торговыя и экономическія отношенія, борьба съ расколомъ, въ извѣстной мѣрѣ школьное дѣло, общественное призрѣніе, наблюденіе за дворянскими дѣлами и проч., не говоря о чрезвычайныхъ дѣлахъ и порученіяхъ, которыхъ было особенно много въ эту эпоху. Если сопоставить съ этой шириною и разнообразіемъ сферы дѣятельности вышеуказанныя внутреннія этническія и бытовыя условія Самарской губерніи, то будетъ ясно, какія сложныя и трудныя задачи, какъ много работы и серіозныхъ заботъ ожидали новаго хозяина губерніи, исполненнаго сознанія своего долга и пламеннаго стремленія оправдать довѣріе Монарха и принести пользу родинѣ и ввѣренному его заботамъ краю. А таковъ былъ именно К. К. Гротъ.

Повидимому предшественникъ К. К. не стоялъ на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя выпали на его долю, какъ на перваго правителя новой губерніи. По отзыву К. К., онъ (тайн. сов. Волховской) былъ, хоть и трудолюбивымъ и вполнѣ честнымъ человѣкомъ, но старымъ, болѣзненнымъ и уже свыкшимся съ существовавшими внутри Россіи порядками. Быть можетъ отсутствіе твердой власти и вызвало распоряженіе объ ускореніи прибытія новаго губернатора, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій долженъ былъ выступить въ походъ противъ кокандцевъ.

По водвореніи своемъ въ Самарѣ К. К. не замедлилъ воочію убѣдиться въ сложности и огромности ввѣреннаго ему административнаго и организаціоннаго дѣла и въ неимовѣрныхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, которыя ему предстояло преодолѣвать при проведеніи началъ права и законности въ службѣ и управленіи и въ борьбѣ со всяческими злоупотребленіями, съ глубоко укоренившимся взяточничествомъ и произволомъ. Въ первое время онъ приходилъ даже въ нѣкоторое уныніе отъ трудности своего положенія и лежавшаго на немъ бремени. Общая неудовлетворительность и грѣхи нашей провинціальной адми-

нистраціи, чиновничьяго быта и общественныхъ нравовъ находили здѣсь въ добавокъ особенно благопріятную почву въ некультурности и даже дикости населенія и его пестромъ составѣ, въ которомъ было не мало порочныхъ и вообще очень сомнительныхъ элементовъ, проникавшихъ и въ среду мелкаго чиновничества и уѣздной администраціи.

Такія впечатлѣнія и сознаніе всей трудности своего положенія отражаются въ письмахъ К. К. за это первое время. Нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, а равно и изъ послѣдующей переписки, изъ которой, къ сожалѣнію, дошли до насъ лишь небольшіе обрывки, всего лучше познакомятъ читателя съ тѣми условіями, въ которыхъ началась и продолжалась губернаторская дѣятельность К. К., и съ внутренней, субъективной стороной его жизни. Но предварительно я позволю себѣ привести маленькую характеристику Самарскаго края и его населенія изъ сообщеній другого почтеннаго дѣятеля, попавшаго въ Самару приблизительно въ ту-же эпоху, притомъ изъ другого болѣе культурнаго и благоустроеннаго русскаго края, и выражающагося о своихъ впечатлѣніяхъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко, хотя быть можетъ и не безъ сгущенія красокъ.

Большой другъ Гротовъ Д. С. Протопоповъ, переведенный въ 1850-хъ годахъ управляющимъ казенной палатой въ Самару (изъ Смоленска), такъ отзывается въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей о новомъ мѣстѣ службы: „Душа не лежитъ къ Самарѣ. Край изобильный, но односторонне-изобильный. Пшеница, пшеница—вотъ источникъ всякаго обогащенія. Но здѣсь ты не встрѣтишь патріархальности нравовъ, какъ въ странѣ отдаленной. Нѣтъ, она населена наплывомъ людей, которымъ честный трудъ на родинѣ былъ не по душѣ. Этотъ народъ отчаянный бросился сюда. Потому куда ни обратишься, вездѣ большею частью встрѣчаешь мошенниковъ. Прислуга — воры наголо, купцы—маклаки, чиновники—выжига, прогнанная на родинѣ изъ службы, крестьяне—выжитые съ родины за негодяйство. Конокрадство, убійство, кляузничество— встрѣчаются здѣсь весьма часто...“ „Ну право, замѣчаетъ

онъ въ другомъ письмѣ, купцы всѣ почти — вчерашніе мужики. Есть одна бестія преумная, молоканъ С—ъ. Помнятъ всѣ, какъ онъ былъ мясникомъ, т. е. сидѣлъ отъ хозяина въ лавкѣ. Теперь богатъ, какъ чертъ. Дѣлаетъ что хочетъ, не боясь никого и ничего За городомъ черезъ рѣку воздвигнулъ хоромы: переводитъ изъ рукъ въ руки фальшивыя деньги и отправляетъ серебряную монету въ Хиву. Все у него подкуплено... Чиновники есть конечно хорошіе; но очень, очень мало: большая часть состоитъ изъ выгнанныхъ изъ службы по другимъ губерніямъ. Воровства и убійства по уѣздамъ пропасть. Арестантовъ, по вѣдомостямъ, здѣсь въ 10 разъ больше, чѣмъ въ Смоленскѣ, тогда какъ народонаселеніе только въ четверо болѣе"... „Ну, братъ, дѣловъ здѣсь не передѣлаешь, пишетъ онъ нѣсколько позже, — это такой непочатый уголъ всего запутаннаго, неурядпаго, безалабернаго... Долго здѣсь оставаться нельзя. Пропадешь въ этомъ омутѣ"...

Разумѣется, К. К. былъ прежде всего озабоченъ прінсканіемъ подходящихъ людей и довѣренныхъ помощниковъ, добросовѣстныхъ исполнителей его порученій. „Ты вполнѣ права, пишетъ онъ своей сестрѣ скоро по вступленіи въ свою должность, что все дѣло въ томъ, чтобы умѣть себя хорошо окружить, но это наука не легкая, особенно тамъ, гдѣ ужасное безлюдье и собраніе разнаго сброда. Губернія моя новая, и потому сюда пріѣзжаютъ все такіе люди, которые у себя не находятъ куска хлѣба; для порядочныхъ людей нѣтъ никакой приманки, и они остаются на мѣстахъ, а искателей приключеній довольно, и я не знаю что̀ съ ними начать. Въ людяхъ способныхъ у меня нѣтъ недостатка, но чрезвычайно мало людей вполнѣ благонадежныхъ, и я никому не могу довѣриться. Впрочемъ я надѣюсь, что со временемъ это измѣнится, потому что я выписалъ себѣ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ молодыхъ людей, которыхъ буду подготовлять на службу, — только бы не испортились въ дурномъ обществѣ..." Въ послѣдующихъ письмахъ онъ хвалитъ прибывшихъ къ нему изъ Петербурга молодыхъ чиновниковъ (Воронова

и Лясковскаго). Жалѣя о потерѣ одного очень полезнаго чиновника (Манна), онъ пишетъ: „теперь пріѣхалъ сюда и живетъ у меня другой молодой человѣкъ Щепкинъ, сынъ извѣстнаго актера: онъ служилъ у меня въ Петербургѣ и пожелалъ перейти сюда. Тоже прекрасный юноша, но въ другомъ родѣ; Маннъ гораздо самостоятельнѣе и былъ у меня въ домѣ, какъ свой человѣкъ, приходилъ и уходилъ когда хотѣлъ, толковалъ, разсуждалъ и проч. Щепкинъ держитъ себя больше какъ подчиненный, титулуетъ меня „Превосходительствомъ“ и очень скроменъ и застѣнчивъ. Выписалъ еще двухъ молодыхъ людей изъ Петербурга...“ Но этими приглашеніями К. К. не ограничился. По его собственному свидѣтельству, онъ обратился къ попечителю Казанскаго учебнаго округа съ просьбою рекомендовать ему для службы въ Самарской губ. молодыхъ людей окончившихъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ. Такимъ образомъ и этимъ путемъ пополнялся у К. К. контингентъ молодыхъ благовоспитанныхъ чиновниковъ съ высшимъ образованіемъ. Впрочемъ, по признанію К. К., онъ не рѣшался посылать этихъ молодыхъ людей на постоянную службу въ уѣздъ — изъ опасенія, чтобы ихъ тамъ, при тогдашней уѣздной обстановкѣ, не развратили карты и водка. Эта интеллигентная и избранная молодежъ составляла, по его выраженію, своего рода лейбъ-стражу, которою онъ пользовался во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны были вѣрные и неподкупные люди. Только въ такой обстановкѣ и окруженный такими помощниками и исполнителями К. К. могъ начать и вести ту неумолимую борьбу съ служебною распущенностью, порочностью и неисчислимыми злоупотребленіями и развить ту разностороннюю организаторскую и — въ предѣлахъ его власти — преобразовательную дѣятельность, которая характеризуетъ его управленіе и въ концѣ концовъ, въ семилѣтнемъ итогѣ, ознаменовалась такими существенными и блестящими результатами.

Однакожъ въ началѣ огромность предлежавшихъ задачъ и непомѣрное обремененіе работой и дѣлами его прямо пугало. Онъ жалуется въ письмахъ къ сестрѣ, что

не знаетъ, какъ раздѣлить время, чтобы успѣть все сдѣлать. „Часто голова идетъ кругомъ,—до того усталъ, что ни за что не хочется взяться и проклинаешь свою судьбу". Сравнивая свое положеніе съ условіями жизни своихъ близкихъ, онъ пишетъ: „Васъ не осаждаютъ съ утра до вечера всякіе докучливые люди и не забрасываютъ кипами бумагъ, для прочтенія и просмотра которыхъ нужно бы имѣть въ суткахъ не 24, а 48 часовъ. Мое положеніе тяготитъ меня болѣе и болѣе и къ сожалѣнію я не вижу никакого исхода... Я несу свое бремя съ твердостью и не показываю никому, какъ оно для меня тяжело, но не знаю, долго ли я буду крѣпиться и на долго ли мнѣ хватитъ силъ". Но глубокое сознаніе долга, чрезвычайная твердость характера и сила воли вмѣстѣ съ огромною работоспособностью К. К. преодолѣли въ концѣ концовъ всѣ трудности, и онъ постепенно привыкъ къ своему положенію и втянулся въ сложное дѣло управленія краемъ и въ послѣдовательное осуществленіе поставленныхъ себѣ цѣлей, которое все болѣе и болѣе принималъ къ сердцу. Тяготило его нерѣдко, особенно въ началѣ, и одиночество, а также роль начальника съ ея атрибутами и оффиціальностью. „Къ одиночеству и новому своему положенію не могу еще вполнѣ привыкнуть и не знаю, скоро ли привыкну, потому что оно что-то не согласно съ моими наклонностями и характеромъ, который трудно измѣнить въ мои лѣта и съ моей натурой". К. К. былъ по природѣ скроменъ, доступенъ и продолжалъ и въ Самарѣ держать себя просто и вести свой обычный образъ жизни, не считая ниже себя, напр., ходить пѣшкомъ по городу [1]). Играть первую роль, быть постоянно предметомъ общаго вниманія и пересудовъ, объектомъ преклоненія и чиновнаго низкопоклонства—было дѣйствительно не по нутру

---

[1]) Однажды онъ писалъ сестрѣ (весной): «Погода у насъ прекрасная, немощенныя мои улицы (при К. К. были заведены мостовыя и тротуары) начинаютъ подсыхать, и я почти единственный во всемъ городѣ гуляю ежедневно пѣшкомъ. Здѣсь это не водится; у всѣхъ есть лошади и предпочитаютъ заставлять себя возить».

К. К., и въ этомъ отношеніи ему особенно тягостны были условія и обстановка дожностныхъ его поѣздокъ по губерніи, которыя все-же были для него очень интересны и важны для ближайшаго и непосредственнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ уѣздахъ и нуждами населенія и которыми онъ дорожилъ, по неволѣ мирясь съ непріятною ихъ внѣшнею, церемоніальною стороною. Вернувшись изъ одной такой поѣздки, онъ писалъ: „Я пробылъ ровно двѣ недѣли въ отсутствіи и радехонекъ, что вернулся. Эти кочеванія по уѣзднымъ городамъ, пріемы и провожаніе чиновниковъ, возьня и тревога по всему городу и во всѣхъ окрестностяхъ ужасно утомляютъ и надоѣдаютъ“... Поглощенный всецѣло дѣлами, служебными обязанностями и отношеніями, онъ сокрушается, что совершенно не принадлежитъ себѣ и почти не имѣетъ личной жизни. „Я живу жизнью официальною, пишетъ онъ,—административною, о которой трудно писать, и для васъ она мало интересна; внутренняя же моя жизнь не существуетъ, и я рѣдко имѣю часъ, въ который бы я могъ со свободною и неозабоченною головою подумать о себѣ и о своихъ дѣлахъ... Въ моей тревожной и суетливой жизни я рѣдко бываю совершенно одинъ и въ спокойномъ расположеніи духа; но и тутъ бываютъ минуты, что одиночество страшно въ тягость и чувствуешь непреодолимую потребность отвести съ кѣмъ-нибудь душу и снять маску, которую я принужденъ носить почти постоянно“...

Конечно, и въ Самарѣ имѣлся кругъ болѣе образованнаго и порядочнаго общества (изъ мѣстнаго дворянства и помѣщиковъ, жившихъ впрочемъ отчасти въ уѣздахъ, въ своихъ помѣстьяхъ), которому принадлежалъ и высшій чиновный составъ, и К. К. старался найти въ немъ достойныхъ и симпатичныхъ людей, съ которыми возможно было бы свести болѣе близкое знакомство и пріязнь, ибо официальные и свѣтскіе пріемы мѣстнаго общества—по обязанности—не могли конечно его удовлетворять, а напротивъ—скорѣе его тяготили. Какъ человѣкъ холостой, онъ дорожилъ знакомствомъ съ

почтенными семейными людьми, въ домахъ которыхъ можно было найти семейный уютъ, патріархальную обстановку и пріятное дамское общество. Такія знакомства онъ имѣлъ и въ уѣздахъ, въ помѣстьяхъ, и охотно навѣщалъ эти семейства во время своихъ странствій по губерніи, о чемъ разсказываетъ сестрѣ въ своихъ письмахъ. Съ одной изъ такихъ поѣздокъ онъ писалъ: „Дорогою дѣлаю кое-гдѣ визиты. Такъ заѣзжалъ на нѣсколько часовъ къ кн. У—у: это прекрасное патріархальное семейство, которое меня очень любитъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется“... Но тутъ же мы находимъ и характерную оговорку, доказывающую, какъ жизнь уже научила его быть осторожнымъ и нѣсколько мнительнымъ въ отношеніяхъ съ людьми: „Въ настоящемъ моемъ положеніи, замѣчаетъ онъ, трудно довѣрять дружбѣ мѣстныхъ жителей: всякій заискиваетъ во мнѣ, если не изъ собственныхъ интересовъ, то изъ самолюбія и тщеславія, потому что всѣ взоры обращены на меня и каждый мой визитъ извѣстенъ во всей губерніи“... Разумѣется, при такихъ условіяхъ К. К., обладавшій большимъ природнымъ тактомъ, не могъ не быть остороженъ и сдержанъ въ завязываніи знакомствъ и отношеній.

Насколько ему не по душѣ были обязанности представительства, всякія почести и царившія кругомъ лесть и угодничество, можно легко себѣ представить, зная его характеръ и вкусы. Въ своей интимной перепискѣ онъ откровенно высказывается въ этомъ смыслѣ. Посылая черезъ сестру поклонъ одной заграничной своей доброй знакомой, онъ пишетъ: „Знаетъ ли она, гдѣ я нахожусь и чѣмъ: дорого обходятся эти triomphes и какъ часто хотѣлось бы бѣжать отъ всѣхъ этихъ почестей и обратиться къ своему прежнему скромному положенію. Мало кто этому вѣритъ, считая меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; но внѣшній блескъ обманчивъ, а въ душу человѣка не проникнешь“... Такъ говорилъ К. К. не по первымъ своимъ впечатлѣніямъ, а уже спустя нѣсколько лѣтъ по своемъ назначеніи. Если онъ чѣмъ-либо дорожилъ на своемъ трудномъ посту, то исключительно внутренней, творческой и организующей стороной своей дѣя-

тельности, успѣхи и благіе результаты которой не могли не быть замѣтны, не радовать его самого и не внушать къ нему всеобщаго уваженія. Всѣ нравственно-низменные, порочные и испорченные элементы во всѣхъ слояхъ населенія, заинтересованные въ сохраненіи старыхъ порядковъ, были конечно не довольны, боялись его и наиболѣе изъ нихъ ловкіе и вліятельные исподтишка вели борьбу противъ его мѣропріятій и начинаній. Но зато вся честная, порядочная и благомыслящая часть общества и чиновнаго сословія скоро сумѣла оцѣнить его задачи и стремленія, его энергію и настойчивость, и въ этой средѣ онъ находилъ себѣ нѣкоторую нравственную поддержку, а въ извѣстной мѣрѣ и доброжелательное содѣйствіе, особенно со стороны болѣе молодыхъ и прогрессивныхъ элементовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ.

Большое значеніе и крупные итоги дѣятельности К. К. по управленію Самарскимъ краемъ, не только въ отношеніи лично-біографическомъ (для его личной характеристики), но и въ смыслѣ значительнаго историческаго факта въ процессѣ внутренняго развитія Россіи, обусловливаются конечно и той важной, знаменательной эпохой, съ которой совпало его губернаторство. Это былъ самый конецъ царствованія Императора Николая Павловича, время несчастной Крымской войны съ ея злополучнымъ, унизительнымъ финаломъ, пробудившей сознаніе верховной власти и общества въ крайней необходимости и неотложности внутреннихъ государственныхъ реформъ, обновленія народной жизни на высшихъ, гуманныхъ началахъ, энергической борьбы съ закоренѣлыми недугами и грѣхами нашего чиновничества и оздоровленія общественныхъ нравовъ,—это былъ моментъ наступленія, съ новымъ царствованіемъ, радостной зари новой эпохи русской жизни, незабвенные годы разработки плана и подготовительныхъ работъ къ намѣченнымъ великимъ реформамъ, и къ крестьянской прежде всего. Наиболѣе просвѣщенные, передовые люди болѣе молодого поколѣнія, къ каковымъ принадлежалъ и К. К., были всего сильнѣе охвачены этимъ новымъ преобразовательнымъ движеніемъ

и горѣли нетерпѣніемъ мочь проводить въ жизнь народа и общества свои завѣтные идеалы, совпадавшіе теперь съ высокими началами, положенными молодымъ Монархомъ въ основу задуманныхъ имъ преобразованій. К. К. Гроту суждено было стать въ своей губерніи какъ бы провозвѣстникомъ новой эпохи, передовымъ государственнымъ дѣятелемъ совершенно новаго типа въ области губернскаго гражданскаго управленія, и заявивъ себя на этомъ посту образцовымъ, по общему признанію и приговору исторіи, администраторомъ и организаторомъ, сыграть роль дѣятельнѣйшаго и вліятельнѣйшаго подготовителя и виднаго участника въ предпринятыхъ государственныхъ реформахъ, равно какъ и настойчиваго проводника столь заглохшихъ на Руси началъ законности и права въ сферѣ управленія ввѣреннымъ ему краемъ.

II.

Намъ слѣдуетъ остановиться теперь на одномъ важномъ обстоятельствѣ, которое въ значительной мѣрѣ благопріятствовало дѣятельности К. К. по управленію и организаціи Самарскаго края и способствовало достиженію имъ тѣхъ результатовъ, какими она увѣнчалась. Оно состояло въ томъ, что онъ не встрѣчалъ помѣхъ и противодѣйствія, а напротивъ пользовался неизмѣннымъ сочувствіемъ и нравственной поддержкой, а во многомъ и содѣйствіемъ со стороны мѣстной—высшей власти, т. е. Самарскаго и Оренбургскаго генералъ-губернатора, имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ Оренбургѣ (гражданскій Оренбургскій губернаторъ жилъ въ Уфѣ). Какъ это ни странно, но гораздо болѣе затрудненій, всякихъ тормазовъ и противодѣйствія ему приходилось преодолѣвать въ Петербургѣ, въ центральныхъ управленіяхъ разныхъ вѣдомствъ. Особенно много обязанъ К. К. сочувственному къ себѣ отношенію и просвѣщеннымъ взглядамъ несомнѣнно дѣятельно участвовавшаго въ привлеченіи его на Самарскій постъ генералъ-губернатора Василія Алексѣевича Перовскаго (впослѣдствіи графа), съ которымъ ему

пришлось прослужить около пяти лѣтъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, съ такимъ замѣчательнымъ и истинно-просвѣщеннымъ дѣятелемъ и человѣкомъ, какимъ былъ Перовскій, пріятно было имѣть дѣло. Но повидимому такія же добрыя отношенія къ К. К. поддерживалъ и преемникъ Перовскаго, генералъ А. А. Катенинъ, старавшійся итти по стопамъ послѣдняго.

Объ отношеніяхъ Перовскаго къ К. К. можно судить, между прочимъ, по сохранившимся нѣкоторымъ письмамъ перваго, отчасти дѣловымъ, отчасти болѣе частнаго характера, въ которыхъ вполнѣ отражаются тѣ уваженіе и довѣріе, какія питалъ этотъ высоко-заслуженный и умудренный опытомъ государственный дѣятель къ своему молодому, но уже подававшему столько надеждъ сослуживцу. Самъ—замѣчательный администраторъ и организаторъ, сдѣлавшій столько для Оренбургскаго края и оставившій тамъ по себѣ такую прочную и свѣтлую память, Перовскій замѣтилъ и умѣлъ оцѣнить въ К. К. такіе же способности и качества, и вполнѣ полагаясь на него, былъ далекъ отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ его дѣятельность. Повидимому Перовскій зналъ уже ранѣе К. К. не только по отзывамъ своего брата-министра внутреннихъ дѣлъ, но и лично, а потому съ самаго начала былъ расположенъ его поддерживать и гдѣ нужно содѣйствовать ему въ его начинаніяхъ. Съ самаго своего вступленія въ должность и до конца своей службы въ Самарѣ К. К. могъ проявлять полную самостоятельность, организаторскую иниціативу и рѣшительность, и держалъ себя въ высшей степени независимо. Это ужъ одно характеризуетъ отношенія къ нему генералъ-губернатора, человѣка суроваго Николаевскаго военнаго закала, бывшаго, какъ извѣстно, строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ, ставившимъ на первое мѣсто дисциплину и субординацію. Да Перовскому и необходимо было имѣть на губернаторскомъ посту въ Самарѣ человѣка, которому можно было бы довѣриться въ полной мѣрѣ, такъ какъ самъ онъ былъ всецѣло поглощенъ нашими отношеніями къ безпокойнымъ и непокорнымъ кочевникамъ и трудными экспедиціями противъ

нихъ, постепенно пролагавшими Россіи путь въ Среднюю Азію, а также дѣлами управленія всѣмъ обширнымъ Оренбургскимъ краемъ.

Мы видѣли выше, что К. К. торопили пріѣздомъ въ Самару „по нѣкоторымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ“. Здѣсь разумѣется безъ сомнѣнія предстоявшее отсутствіе изъ края на неопредѣленное время Генералъ-Губернатора. Дѣйствительно, первые мѣсяцы губернаторства К. К. совпали съ извѣстной удачной экспедиціей (такъ назыв. „секретной“) Перовскаго противъ кокандцевъ (май—августъ 1853 г.), завершившейся взятіемъ Акмечетской крѣпости, переименованной въ „фортъ Перовскій“. Такимъ образомъ К. К. очень не скоро по своемъ вступленіи въ должность могъ повидаться съ Перовскимъ. Вѣроятно это было при слѣдующемъ затѣмъ проѣздѣ послѣдняго черезъ Самару по пути въ Петербургъ, и кажется это свиданіе разумѣетъ К. К. въ одномъ изъ писемъ своихъ въ слѣдующихъ строкахъ: „Я, какъ мнѣ сдается, уже писалъ вамъ о пребываніи Перовскаго въ Самарѣ; онъ былъ такъ боленъ, что я не могъ съ нимъ достаточно поговорить о дѣлахъ, а тѣмъ болѣе о моихъ собственныхъ...“ Перовскій въ это вторичное свое управленіе Оренбургскимъ краемъ, съ 1851 по 1857 годъ [1]), былъ уже въ очень болѣзненномъ состояніи. Онъ страдалъ мучительными припадками астмы, серіознымъ недугомъ, вызваннымъ полученными имъ еще въ молодости раной въ грудь въ турецкую кампанію 1828 г. и еще раньше контузіей при возмущеніи 14 дек. 1825 г. Свиданія его съ К. К. происходили или при его проѣздахъ черезъ Самару, или въ Оренбургѣ, гдѣ онъ проводилъ зиму, а чаще въ мѣстѣ лѣтняго его пребыванія, въ любимой его такъ называемой „Кочевкѣ“, горной, лѣсистой и чрезвычайно живописной мѣстности верстахъ въ 120 отъ Оренбурга, гдѣ онъ съ своей свитой помѣщался въ отдѣльныхъ домикахъ и наслаждался чудной природой. Туда-то ежегодно пріѣзжалъ къ нему К. К. Кромѣ

---

[1]) Первый періодъ управленія въ качествѣ военнаго губернатора (извѣстный Хивинскій походъ) продолжался отъ 1833 по 1842 годъ.

того между ними, особенно когда этого требовали экстренныя дѣла и чрезвычайныя обстоятельства, происходила оживленная переписка. Такъ было, наприм., во время печальныхъ событій Крымской войны, по случаю отправки военныхъ силъ, сбора ополченія, торговъ на поставку провіанта, затѣмъ по случаю неожиданной перемѣны царствованія и вступленія на престолъ Александра II, сопровождавшагося и во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, какъ и повсюду, вѣрноподданническими заявленіями и адресами мѣстнаго дворянства. Наконецъ часть сохранившихся писемъ Перовскаго къ К. К. относится уже ко времени оставленія имъ генералъ-губернаторскаго поста въ 1857 г. вслѣдствіе чрезвычайно обострившагося болѣзненнаго его состоянія и касается его послѣднихъ переѣздовъ по Волгѣ и тѣхъ заботъ и мѣръ, которыя были приняты К. К., дабы сдѣлать ему путешествіе возможно болѣе комфортабельнымъ и сноснымъ. „Благодаря Вашей предусмотрительности и заботѣ, писалъ онъ изъ Нижняго К. К., мнѣ на баржѣ было такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что я бы готовъ былъ прожить на ней цѣлое лѣто. Съ наслажденіемъ и въ особенности съ пользою для моего здоровья готовъ бы я плавать по Волгѣ до морозковъ,— но не то дѣлаешь, чего желаешь: сюда прибылъ я вчера утромъ, сегодня пробылъ (не сходя съ баржи) подъ предлогомъ починки экипажей, а завтра скрѣпя сердце сажусь въ дормезъ, съ смиреніемъ ожидая начала новой пытки...“

Мы упоминали, что исключительное, тревожное и полное важныхъ заботъ время, которое переживала Россія въ годы Крымской войны и внезапной перемѣны царствованія, создало губернской администраціи, слѣдовательно и В. А. Перовскому съ К. К. Гротомъ рядъ экстренныхъ заботъ и хлопотъ, связанныхъ съ военными мѣропріятіями, созывомъ ополченія, а затѣмъ вѣрноподданническими манифестаціями какъ въ послѣдніе дни жизни Императора Николая I, такъ и по воцареніи Александра II. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ прочихъ обычныхъ и особыхъ дѣлахъ и мѣрахъ по управленію губерніей, К. К. пользовался безусловнымъ довѣріемъ Перовскаго, ко-

торый выказывалъ даже заботу о томъ, чтобы К. К. свойственными ему инициативой и самостоятельностью не возстановилъ противъ себя Петербургскія сферы, и давалъ ему соотвѣтственные совѣты.

Дошедшія до насъ письма какъ самого Перовскаго, такъ и его правителя канцеляріи П. Н. Глѣбова, свидѣтельствуютъ о такихъ отношеніяхъ между ними. Такъ Глѣбовъ, передававшій иногда К. К. порученія Перовскаго, писалъ ему въ ноябрѣ 1854 года: „Читая увѣдомленія Ваши, довольно частыя въ послѣднее время, о разныхъ происшествіяхъ по Самарской губ., Василій Алексѣевичъ изволилъ замѣтить, что Вы приняли за правило не доносить о нихъ м-ру внутреннихъ дѣлъ, и потому, опасаясь, чтобъ это не повлекло неудовольствія на Васъ со стороны министерства, приказалъ мнѣ извѣстить Васъ, что при личномъ свиданіи съ Вами онъ просилъ Васъ только означать всякій разъ въ бумагахъ о происшествіяхъ, доводится ли о нихъ до свѣдѣнія министра, дабы не писать м-ву объ одномъ и томъ же, но этою просьбою своею В. А. нисколько не стѣснялъ Васъ посылать непосредственныя донесенія м-ру“... Характеренъ и слѣдующій фактъ. Когда одинъ изъ городничихъ Сам. губ., заслужившій своими поступками крайнее неудовольствіе К. К., приказавшаго ему вслѣдствіе того оставить службу, вздумалъ явиться къ Перовскому съ просьбой перевести его въ другой городъ, то Перовскій, услышавъ отъ него причину пріѣзда, прогналъ его тотчасъ же и приказалъ немедленно ѣхать изъ Оренбурга. Заслуживаетъ упоминанія еще одинъ случай, о которомъ идетъ рѣчь въ перепискѣ, характеризующій образъ дѣйствія Перовскаго и вообще бросающій свѣтъ на его благородный и великодушный характеръ. Послѣ извѣстнаго манифеста 14 дек. 1854 г. Самарское дворянство поспѣшило (слѣдуя примѣру другихъ губерній) обратиться къ Государю съ всеподданнѣйшимъ адресомъ. Но составленный очевидно поспѣшно и недостаточно продуманно, онъ оказался написаннымъ „слабо и маловразумительно на счетъ чувствъ, одушевляющихъ всѣ сословія“ (какъ о немъ отзывался Глѣбовъ). Въ добавокъ губернскій пред-

водитель дворянства совершилъ непростительный промахъ: не только не представилъ предварительно этого акта, но и не прислалъ даже его копіи Перовскому, главному начальнику края, притомъ дворянину и помѣщику Самарской губерніи. Перовскій былъ конечно задѣтъ за живое такимъ поразительнымъ невниманіемъ. Однакожъ онъ не поднялъ изъ этого исторіи, стоя выше этого и понимая, что тутъ не могло быть ничего преднамѣреннаго, и ограничился формальнымъ запросомъ, а когда спохватившееся дворянство хотѣло посылать къ нему депутацію съ извиненіемъ, онъ рѣшительно отклонилъ этотъ шагъ. Онъ отнесся къ этому промаху съ достоинствомъ и великодушіемъ. Когда же К. К. хотѣлъ взять на себя долю отвѣтственности въ немъ, онъ счелъ нужнымъ протестовать и совершенно выгораживалъ К. К. „Поспѣшаю просить Васъ, писалъ онъ ему въ февр. 1855 г., отклонить положительно моимъ именемъ поѣздку гг. дворянскихъ депутатовъ въ Оренбургъ, если бы дѣйствительно гг. дворяне изъявили желаніе лично объяснить мнѣ происшедшее недоразумѣніе относительно ихъ всеподданнѣйшаго отзыва на манифестъ... Прибытіе ихъ сюда обратитъ на себя вниманіе и огласитъ дѣло семейное, которое по моему мнѣнію должно оставаться между нами. Объясняться право не въ чѣмъ. Все произошло отъ того, что гг. дворяне, подъ вліяніемъ весьма похвальнаго нетерпѣнія выразить свои чувства предъ престоломъ, забыли обо мнѣ— совершенно неумышленно... Съ моей стороны имѣя двоякое право о себѣ напомнить, я сдѣлалъ это не въ смыслѣ упрека за прошлое, а въ осторожность для будущаго..." Въ концѣ письма онъ прибавляетъ: „Въ письмѣ Вашемъ Ваше Превосходительство напрасно принимаете на себя большую часть отвѣтственности въ ошибкѣ, которую Вы отвратить не могли, не имѣя ни права, ни возможности слѣдить за дѣлопроизводствомъ дворянскаго собранія. Впрочемъ я не придаю никакой особенной важности этому происшествію и не имѣю на гг. дворянъ ни малѣйшаго неудовольствія; я прошу Ваше Превосходительство ихъ въ томъ увѣрить и докажу это при вся-

комъ случаѣ, гдѣ они встрѣтятъ надобность въ моемъ содѣйствіи“.

Когда вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра II вопросъ о мирѣ былъ рѣшенъ, возбужденное и патріотически настроенное русское общество не сразу примирилось съ этимъ вынужденнымъ и безславнымъ окончаніемъ борьбы. Когда же фактъ совершился и наступило успокоеніе, всѣ почувствовали облегченіе и радовались возобновленію дѣятельности въ нормальныхъ условіяхъ. „Я раздѣляю общую радость, писалъ К. К. своей сестрѣ, по случаю мира,— будетъ и намъ полегче и управленіе пойдетъ лучше. Ополченіе мое еще не вполнѣ кончено, но уже распускается...“ К. К. не могъ не радоваться этому, такъ какъ всѣ эти исключительныя мѣропріятія доставляли ему массу хлопотъ, заботъ и труда, отвлекавшихъ его отъ его прямыхъ задачъ, отъ дѣлъ управленія и предпринятаго устроенія губерніи.

Кстати будетъ замѣтить, что вся эта экстренная дѣятельность ложилась на него вдобавокъ и непосильнымъ матеріальнымъ бременемъ. Самое его устройство на новомъ мѣстѣ сообразно его положенію перваго лица въ губерніи и соединенныя съ этимъ обязанности представительства были для него очень трудны, при отсутствіи иныхъ матеріальныхъ рессурсовъ, и ввели его даже въ долги на первыхъ порахъ. Обстоятельства времени, пріѣзды и пріемы разныхъ начальственныхъ лицъ, дворянскіе съѣзды, собранія и прочее еще болѣе осложнили внѣшнюю обстановку жизни губернатора и требовали отъ него не мало матеріальныхъ жертвъ. Все это вынудило К. К. просить министерство облегчить его положеніе назначеніемъ пособія. Тутъ опять сказалось внимательное и участливое отношеніе къ нему В. А. Перовскаго, который двукратно ходатайствовалъ о томъ у министра в. д. Наконецъ въ февр. 1856 г. просьба была удовлетворена, и К. К. писалъ сестрѣ: „на дняхъ мои фонды нѣсколько поправились: мнѣ дали съ Высочайшаго разрѣшенія пособіе въ три тыс. руб. сер.; я просилъ объ этомъ, чтобы уплатить кое-какіе долги. Это не много, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ

я боялся просить болѣе". Перовскій въ своемъ вторичномъ ходатайствѣ писалъ: „Я не рѣшился бы вторично по тому же предмету просить Ваше В.-Превосходительство, еслибъ не вынуждало меня къ тому крайне затруднительное положеніе, въ которомъ я вижу Грота. Онъ находится въ совершенной невозможности уплатить долгъ, коего не могъ не сдѣлать при перемѣщеніи его изъ Петербурга въ Самару, гдѣ особенно теперь, когда сборъ ополченія непрестанно привлекаетъ дворянъ въ губернскій городъ, начальникъ губерніи неизбѣжно подвергается весьма ощутительнымъ для него экстренным расходамъ. Изъ этого положенія нѣтъ для Самарскаго губернатора никакого исхода, если Ваше В.-Превосходительство не признаете возможнымъ назначить ему испрашиваемое пособіе изъ источниковъ въ распоряженіи Вашемъ имѣющихся. Всегда отличная служба д. с. с. Грота даетъ ему право на Ваше начальническое покровительство, а въ настоящее время усиленные труды его, сверхъ текущихъ дѣлъ, должны тѣмъ болѣе обратить на него благосклонное вниманіе Ваше, что рекрутскій наборъ и вмѣстѣ сборъ и снаряженіе ополченія исполнилъ онъ успѣшно, не имѣя почти помощниковъ..." Это свидѣтельство Перовскаго, вообще крайне добросовѣстнаго и взыскательнаго, весьма цѣнно и знаменательно.

Но недолго пришлось К. К. служить съ Перовскимъ: здоровье послѣдняго уже настолько было разстроено, что просьба его объ увольненіи была наконецъ съ большимъ сожалѣніемъ уважена: уже въ концѣ 1856 г. былъ намѣченъ ему преемникъ, въ лицѣ ген.-адъютанта А. А. Катенина, который нѣкоторое время даже пробылъ при Перовскомъ въ Оренбургѣ, чтобы ознакомиться заранѣе съ мѣстными дѣлами, а вступилъ въ должность въ апр. 1857 г., когда былъ Всемилостивѣйше уволенъ Перовскій. Не легко было послѣднему разстаться съ краемъ. Въ своемъ письмѣ къ А. Я. Булгакову (сент. 1857) онъ трогательно описываетъ свое душевное состояніе, говоря, какъ онъ крѣпился до послѣдней возможности, но что „совѣсть увѣряетъ меня, что дальнѣйшая неуступчивость

была бы вредна службѣ и слѣдовательно краю, которымъ я управляю и который я любилъ больше всего на свѣтѣ... Дай Богъ, чтобы преемникъ мой работалъ съ такою же любовью, которая одушевляла меня въ теченіе 15 лѣтъ...“

Къ счастью для дѣла и для К. К., генералъ Катенинъ остался вѣренъ началамъ и традиціямъ Перовскаго въ управленіи краемъ, и К. К., продолжая пользоваться довѣріемъ и сочувствіемъ генералъ-губернатора, могъ направить свои энергію и предпріимчивость на ту организаторскую и преобразовательную дѣятельность, о которой онъ мечталъ и которая теперь подсказывалась новыми вѣяніями въ правительствѣ и предначертаніями Верховной власти. Онъ не замедлилъ представить новому генералъ-губернатору нѣкоторыя свои предположенія и ходатайства. Объ этомъ мы можемъ заключить изъ письма А. А. Катенина, писаннаго изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ весной 1857 г. вскорѣ по своемъ назначеніи. „Я имѣлъ честь — писалъ онъ — получить письмо Ваше съ разными записками, касающимися до устройства Самарской губерніи. Я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобъ дать этимъ дѣламъ надлежащій ходъ, но по краткости времени, которое мнѣ осталось пробыть въ С.-Петербургѣ, я поставленъ въ совершенную невозможность дождаться по симъ дѣламъ рѣшенія; что же касается до увеличенія числа уѣздовъ Самарской губ., то дѣло это находится еще въ Оренбургѣ, и я обѣщаю Вамъ, тотчасъ по прибытіи туда, заняться этимъ дѣломъ безъ потери времени“.

Для успѣха своихъ начинаній и дѣла управленія К. К. дорожилъ установить и съ новымъ начальникомъ края, какъ это было съ гр. Перовскимъ, частный дѣловой обмѣнъ мнѣній и встрѣтилъ полную къ тому готовность со стороны Катенина, который въ іюлѣ того года писалъ К. К., что „съ особеннымъ удовольствіемъ“ предоставляетъ ему обращаться частнымъ образомъ по всѣмъ дѣламъ, по которымъ онъ признаетъ такого рода сношенія болѣе удобными. При этомъ онъ „спѣшитъ принести ему душевную благодарность за выраженную въ

письмѣ К. К. полную готовность всячески содѣйствовать ему (Катенину) въ дѣлѣ управленія краемъ". Изъ немногихъ сохранившихся обрывковъ дальнѣйшей переписки видно, что Катенинъ и впослѣдствіи относился сочувственно къ энергической и истинно-новаторской дѣятельности Самарскаго губернатора и вообще поддерживалъ его стремленія и начинанія, независимо отъ всегда возможныхъ и возникавшихъ иной разъ мелкихъ недоразумѣній и треній (напр., по поводу связанныхъ съ борьбой съ откупщиками непорядковъ и случаевъ [1]). Свидѣтельствомъ этой полной оцѣнки образцоваго управленія К. К. и прекрасныхъ отношеній между нимъ и Катенинымъ можетъ служить письмо послѣдняго, писанное въ то время, когда вопросъ объ уходѣ К. К., въ виду привлеченія его къ новой дѣятельности, былъ уже рѣшенъ въ принципѣ (въ маѣ 1860 г.). „Ваше Превосходительство, — писалъ онъ, въ недавно полученномъ мною письмѣ Вашемъ выразили между прочимъ, что во всякомъ случаѣ, останетесь ли Вы въ Самарѣ или получите другое назначеніе, служеніе Ваше въ Оренбургскомъ Краѣ, во время моего управленія онымъ, оставитъ Вамъ навсегда воспоминаніе, какъ о лучшемъ времени, проведенномъ Вами на службѣ. Искренно вѣря такому выраженію чувствъ человѣка, котораго я привыкъ любить и уважать, мнѣ весьма пріятно съ своей стороны сказать Вамъ, что труды Ваши на пользу ввѣренной Вамъ губерніи оставятъ во мнѣ также неизгладимое воспоминаніе..."

---

[1]) Сохранилось одно офиціальное письмо Катенина къ К. К. отъ окт. 1859 г. съ довольно рѣзкимъ опроверженіемъ обвиненія его, генералъ-губернатора, чиновниковъ, посланныхъ въ Самар. губ. для усмиренія буйства крестьянъ (по питейному дѣлу -противъ откупщиковъ),—обвиненіе въ жестокой и безчеловѣчной расправѣ. Обвиненіе это исходило отъ управляющаго Самарской казенной палатой, извѣстнаго своею честностью и высокими достоинствами Д. С. Протопопова (очень дружественнаго съ семьей Гротовъ), и было препровождено К. К. Гротомъ къ ген. Катенину, который и вступился горячо за своихъ чиновниковъ и вознегодовалъ на Протопопова, мало ему знакомаго, называя его жалобу клеветой. Дальнѣйшее намъ неизвѣстно, но несомнѣнно все уладилось при личномъ объясненіи съ К. К., который конечно въ свою очередь сумѣлъ защитить высоко почитаемаго имъ Д. С. Протопопова.

III.

Общее направленіе и принципы, главные моменты и черты губернаторской дѣятельности К. К. отмѣчены имъ самимъ въ его автобіографическихъ замѣткахъ (см. выше).

Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ болѣе подробно разсмотрѣть каждую изъ сторонъ или сферъ административныхъ и организаторскихъ трудовъ К. К. въ постепенномъ ихъ развитіи и результатахъ. Но мы должны здѣсь отмѣтить хоть главные моменты и плоды этой обдуманной, послѣдовательной и упорной работы, руководствуясь краткими свидѣтельствами самого К. К. и пополняя и иллюстрируя ихъ данными и свѣдѣніями изъ тѣхъ немногихъ матеріаловъ, которые случайно уцѣлѣли въ его бумагахъ.

Выше уже было отмѣчено, какъ при самомъ вступленіи своемъ въ должность К. К. старался окружить себя подходящимъ для его задачъ, честнымъ и достойнымъ контингентомъ чиновниковъ — ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Но это былъ первый лишь шагъ къ дальнѣйшему обновленію и очищенію губернскаго административнаго персонала, страдавшаго въ Самарской губерніи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, закоренѣлыми грѣхами и слабостями русскаго дореформеннаго чиновнаго быта. Незаконные поборы и взяточничество процвѣтало здѣсь, какъ и повсюду на Руси; впрочемъ этому явленію не мало способствовали условія быта чиновничества и нѣкоторыя язвы и отжившіе порядки въ государственномъ управленіи (напр., откупная система), какъ это сознавали и сами высшіе органы правительства. Губернскіе и уѣздные чиновники были поставлены въ матеріальномъ отношеніи такъ жалко, что были вынуждены добывать себѣ такъ или иначе дополнительныя средства для жизни, а когда не было для того законныхъ путей, человѣческая слабость, при отсутствіи твердыхъ нравственныхъ устоевъ и при постоянныхъ соблазнахъ, толкали ихъ на пути незаконные — всяческихъ злоупотребленій, побла-

жекъ и вымогательствъ. Самымъ обильнымъ и сподручнымъ источникомъ такихъ незаконныхъ доходовъ какъ для чиновниковъ (не только мелкихъ, но и сколько-нибудь вліятельныхъ), такъ и для полиціи служила, конечно, винная откупная система и откупщики, державшіе этимъ путемъ въ рукахъ губернскую администрацію.

Сознавая все это, К. К. принималъ разныя мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія чиновниковъ [1]), къ обузданію откупщиковъ и къ введенію ихъ дѣятельности въ законныя рамки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безпощадно преслѣдовалъ взяточничество и старался обновить личный составъ должностныхъ лицъ—устраненіемъ изъ него всѣхъ неисправимо-вредныхъ и преступныхъ элементовъ. Съ этой цѣлью онъ объѣзжалъ ежегодно всю обширную свою губернію, производя ревизіи и знакомясь непосредственно съ мѣстными учрежденіями и дѣлопроизводствомъ, и, по собственному свидѣтельству, зналъ лично почти всю уѣздную администрацію, а также значительную часть помѣщиковъ.

Среди сохранившихся въ бумагахъ К. К. дѣлъ Самарскаго губернскаго правленія есть нѣсколько, относящихся къ губернаторскимъ ревизіямъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Тамъ имѣется три дѣла „О безпорядкахъ, найденныхъ г. Начальникомъ губерніи“ (еще въ первый его объѣздъ губерніи въ 1853 г.) въ присутственныхъ мѣстахъ трехъ уѣздовъ: Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Бугульминскаго. Содержаніе ихъ доказываетъ, какъ К. К. внимательно слѣдилъ не только за правильностью, но и за надлежащей быстротой въ дѣлопроизводствѣ.

О привлеченіи къ отвѣтственности и устраненіи отъ

---

[1]) Объ одной такой мѣрѣ, навлекшей на него даже преслѣдованіе со стороны Петербургской власти (государственнаго контроля), онъ разсказываетъ въ своей автобіографіи. Это было возвышеніе имъ цѣны пороха, перевыручку съ котораго противъ казенной цѣны онъ назначилъ въ видѣ добавки къ скудному жалованію своихъ канцелярскихъ чиновниковъ. Эта мѣра, какъ формально несогласная съ его правами, была обжалована въ Сенатъ, но дѣло было затѣмъ прекращено, попавъ подъ послѣдовавшій манифестъ.

должности за взятки, незаконные поборы и произволъ чиновъ уѣздной администраціи и полиціи сохранился въ бумагахъ К. К. рядъ дѣлъ, наглядно иллюстрирующихъ какъ тогдашніе порядки и нравы, такъ и борьбу, которую приходилось вести губернаторской власти съ некультурностью и порочностью этой мелко-чиновничьей среды.

Содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣчено въ виду имѣющихся въ нихъ характерныхъ собственноручныхъ замѣчаній и резолюцій К. К.

Нѣкій крестьянинъ Бугурусланскаго уѣзда подалъ жалобу на помощника Бугурсланскаго окружного начальника за незаконные поборы и побои, причененные последнимъ ему и его односельчанамъ. Секретное дознаніе было поручено произвести старшему чиновнику особыхъ порученій (г. Волохову), изъ докладной записки котораго по этому дѣлу видно, что ему не удалось получить несомнѣнныхъ прямыхъ доказательствъ виновности мѣстнаго чиновника въ виду сбивчивыхъ и уклончивыхъ (изъ очевидной боязливости) показаній свидѣтелей, и что онъ—Воловъ—не счелъ себя поэтому въ правѣ начать формальное слѣдствіе. Однако жъ нравственное убѣжденіе въ виновности этого господина было на лицо, и онъ былъ все же устраненъ, какъ это видно изъ собственноручной резолюціи К. К. на рапортѣ: „За сдѣланнымъ распоряженіемъ объ устраненіи Б. отъ должности оставить безъ послѣдствій“, а противъ того мѣста въ докладѣ, гдѣ производившій дознаніе пишетъ, что изъ изложеннаго, видно, что „такихъ фактовъ, кои сколько-нибудь подтверждали бы просьбу Фейзулина (такъ звали просителя), совершенно нѣтъ“ рукою К. К. сдѣлана отмѣтка на поляхъ: „напротивъ того, имѣю полное убѣжденіе, что Б. взялъ вымогательствомъ деньги“...

Другое дѣло (тоже въ 1856 г.) заключалось въ жалобѣ на пристава 4 стана Бугурусланскаго уѣзда П., задержавшаго въ становой квартирѣ крестьянина и за отпускъ его взявшаго съ него (т. е. собственно съ другого крестьянина, за него уплатившаго) 27 р.—за то, что у того про-

живалъ безъ письменнаго вида братъ—отставной солдатъ, который, узнавъ, что его требуютъ, поспѣшилъ отправиться въ прежнее мѣсто своего жительства для выправки себѣ свидѣтельства вмѣсто сгорѣвшаго во время пожара своего паспорта. По прибытіи же его приставъ заключилъ и его и вымогалъ тоже деньги. Произведенное чиновникомъ особыхъ порученій секретное дознаніе, хотя опять-таки не добыло формальныхъ доказательствъ лихоимства пристава, выяснило однако служебное упущеніе въ отсутствіи заведеннаго о провинившихся дѣла и навлекло на пристава большое подозрѣніе въ справедливости принесенной на него жалобы. По этому дѣлу имѣется собственноручная резолюція К. К. въ видѣ секретнаго отношенія къ Бугурусланскому земскому исправнику, которую не можемъ не привести, опуская лишь изложеніе самого дѣла, начинающееся словами: „Мнѣ сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что приставъ и т. д.“... „Между тѣмъ, продолжаетъ К. К., переписки по сему предмету у пристава никакой не было и люди эти не записаны въ книгу о содержащихся подъ стражею. Вслѣдствіе сего предписываю В. В. приказать П. немедленно возвратить крестьянину Ф. взятые имъ у него вымогательствомъ 27 р. сер. и расписку представить ко мнѣ, при чемъ объявить ему, что если я его за этотъ поступокъ не исключаю изъ службы, то это только потому, что не имѣю въ виду способнаго чиновника для замѣщенія этой должности, но что при малѣйшемъ новомъ поводѣ къ сомнѣнію въ его благонадежности, онъ будетъ безусловно уволенъ отъ должности. Вамъ рекомендую я имѣть ближайшее наблюденіе за подвѣдомственными Вамъ чиновниками и принимать мѣры, чтобы подобныхъ неблаговидныхъ дѣйствій ими не было допускаемо, а въ случаѣ удостовѣренія Вашего въ томъ, доводить до моего свѣдѣнія, не дожидаясь, чтобы частныя лица приносили мнѣ жалобы“.

Наконецъ есть еще аналогичное дѣло о взяткахъ слѣдственнаго пристава, вымогательствомъ полученныхъ имъ съ колонистовъ за отпускъ ихъ изъ подъ ареста (куда

они попали тоже неправильно). Рапортомъ новоузенскаго исправника и дознаніемъ посланнаго чиновника особыхъ порученій жалоба пострадавшаго была признана имѣющею основаніе, и слѣдственный приставъ былъ уволенъ. Резолюція К. К. (собственноручная) гласитъ: „За увольненіемъ Л. отъ должности, оставить безъ послѣдствій, а исправнику написать, что Л. утвержденъ въ должности по его, исправника, одобрительному о немъ отзыву, и что до командировки чиновника особыхъ порученій я не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о его крайней неблагонадежности, тогда какъ исправникъ, какъ его ближайшій начальникъ, не могъ этого не знать, тѣмъ болѣе, что всѣ эти поборы происходятъ въ П-ой слободѣ, гдѣ исправникъ безпрестанно бываетъ. Притомъ очень неблаговидно, что никто не жаловался на Л. ему, исправнику, а всѣ обращаются прямо ко мнѣ. Это показываетъ, что не имѣютъ никакой увѣренности, что онъ взыщетъ съ подчиненнаго. Все это обнаруживаетъ непростительную слабость исправника и отсутствіе всякаго надзора за подчиненнымъ; за это сдѣлать ему строгое замѣчаніе, подтвердить, чтобъ строже смотрѣлъ, и предварить, что если это будетъ повторяться, то вся отвѣтственность за неблагонадежность и взяточничество приставовъ падетъ на него. Мало того не брать самому, надо раскрыть глаза и относительно другихъ“...

Какъ эти, такъ и рядъ другихъ подобныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ по строгому и справедливому дознанію и влекшихъ за собой строгія внушенія и наказанія, свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ и безпощадной взыскательностью К. К. слѣдилъ за уѣздной администраціей и какъ онъ преслѣдовалъ всѣ ея злоупотребленія и противозаконныя дѣянія. Такой энергичный и рѣшительный образъ дѣйствій не могъ не имѣть оздоровляющаго вліянія, но не всегда онъ встрѣчалъ сочувствіе даже въ высшемъ, наиболѣе интеллигентномъ кругу мѣстнаго общества. К. К. разсказываетъ въ своей автобіографіи, что когда онъ за незаконные поборы уволилъ одного земскаго исправника, то самарское дворянство

вслѣдъ за тѣмъ выбрало послѣдняго въ предсѣдатели Самарской уголовной палаты, а министръ гр. Панинъ утвердилъ эти выборы. Это поставило К. К. въ очень трудное положеніе: онъ рѣшился на крайнюю мѣру, представлявшую нѣкоторое превышеніе власти: предложилъ уголовной палатѣ не допускать новаго предсѣдателя къ вступленію въ должность, что̀ она и исполнила (должность оставалась незамѣщенною три года). Это распоряженіе поддержалъ и генералъ-губернаторъ гр. Перовскій. Но гр. Панинъ все же передалъ это дѣло на заключеніе въ сенатъ. За подведеніемъ его впослѣдствіи подъ Высочайшій манифестъ оно было прекращено.

IV.

Одной изъ важныхъ сферъ вѣдѣнія и обязанностей губернатора была борьба съ сильно распространявшимся расколомъ, — явленіемъ, обращавшемъ на себя особенное вниманіе въ приволжскихъ губерніяхъ. Церковныя власти оказывались очевидно несостоятельными въ дѣлѣ предупрежденія и подавленія этого печальнаго для церкви движенія (при отсутствіи тогда и миссіонерской дѣятельности), и правительство, озабоченное угрожающимъ ростомъ раскола и ересей, въ своихъ мѣропріятіяхъ прибѣгало къ освѣдомленности и содѣйствію гражданскихъ властей.

К. К. съ самаго начала серіозно отнесся къ этому вопросу и заинтересовался имъ. Онъ старался выяснить себѣ истинныя причины и условія распространенія раскола, командировалъ на мѣста довѣренныхъ и способныхъ лицъ для изученія сектантства (въ особенности молоканской ереси) и составилъ себѣ такимъ путемъ весьма опредѣленное и отчетливое представленіе о положеніи дѣла. Сообразно съ этимъ принимались имъ и всякія мѣры къ устраненію тѣхъ явленій и условій, которыя благопріятствовали отпаденію отъ церкви. Такими условіями были и здѣсь тѣ же испорченность и подкупность низшей администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ невысокій моральный уровень и корыстолюбіе (отчасти впрочемъ

объяснимое тяжелыми, нищенскими условіями существованія) части сельскаго духовенства, которыя были источникомъ всякихъ съ той и другой стороны злоупотребленій, незаконныхъ поборовъ и послабленій.

Бороться съ этими укоренившимися язвами было въ высшей степени трудно, и губернская власть приходила къ безотраднымъ заключеніямъ. К. К. высказывалъ ихъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ: они обратили на себя Высочайшее вниманіе, и по этому поводу сохранилась въ бумагахъ К. К. интересная переписка: его отвѣты на сдѣланныя ему черезъ генералъ-губернатора запросы со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, а также Святѣйшаго Синода, весьма важны въ историческомъ отношеніи и заслуживаютъ полнаго вниманія (мы приводимъ его донесенія въ Приложеніи къ нашему сборнику). Когда К. К. въ Отчетѣ 1857 г. сказалъ, что „всѣ принимаемыя до сихъ поръ мѣры къ ослабленію раскола остаются безъ успѣха и ведутъ только къ увеличенію переписки и злоупотребленій между низшими должностными лицами", то послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „обратить на это особенное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ и истребовать отъ губернатора подробнѣйшія объясненія: въ чемъ заключаются эти злоупотребленія и кто въ нихъ замѣченъ". Объяснивъ, что тутъ разумѣются „во 1-хъ тѣ послабленія, которыя допускаются земскими и городскими полиціями при производствѣ слѣдствій объ уклонившихся въ ересь, и неисполненіе постановленій правительства, служащихъ къ огражденію правъ раскольниковъ, а во 2-хъ предосудительныя дѣйствія сельскаго духовенства, на которомъ лежитъ обязанность предупреждать отпаденіе отъ Св. Церкви", К. К. въ дальнѣйшемъ изложеніи подробно разъясняетъ и мотивируетъ свои наблюденія.

Въ слѣдующемъ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1858 г. К. К. повторилъ свое указаніе на виновность сельскаго духовенства (въ нѣкоторой его части), „которое по корыстолюбію, недостатку образованія и нуждѣ не только не принимаетъ никакихъ мѣръ для привлеченія раскольниковъ къ Св. Церкви, но напротивъ того поддерживаетъ

въ нихъ заблужденія и находится съ ними въ тайныхъ связяхъ". Послѣдовавшее по этому поводу Высочайшее повелѣніе „обратить на это особенное вниманіе Святѣйшаго Синода"—вызвало новую переписку, и К. К. въ дополненіе ко всѣмъ прежнимъ своимъ донесеніямъ представилъ новыя подробныя разъясненія о томъ, на чемъ основано невыгодное заключеніе Самарскаго губернскаго начальства о тамошнемъ духовенствѣ.

Записка эта (приводимая въ Приложеніи) весьма любопытна. Въ ней К. К. дѣлаетъ между прочимъ важную оговорку, что сѣтованія его „не могутъ относиться ко всему духовному сословію губерніи", что въ приходскомъ духовенствѣ есть лица, достойныя своего сана и исполняющія исправно свои обязанности, но что, къ сожалѣнію, число таковыхъ незначительно. „Нельзя также не упомянуть, что содержаніе нѣкоторыхъ священниковъ, особенно въ приходахъ, населенныхъ преимущественно раскольниками, такъ скудно, что нужда заставляетъ ихъ иногда обращаться къ противозаконнымъ дѣйствіямъ и тайнымъ связямъ съ раскольниками". Далѣе читаемъ: „Благополучно царствующему Государю Императору благоугодно было измѣнить образъ дѣйствія съ раскольниками, и гражданское начальство слѣдуетъ строго симъ Высочайшимъ предначертаніямъ; духовныя же лица, къ сожалѣнію, остаются при прежней системѣ безусловнаго притѣсненія раскольниковъ и дѣйствуютъ на нихъ по прежнему не мѣрами кротости и увѣщанія, а страхомъ наказанія и угрозами, забывая, что значеніе духовенства пріобрѣтается и поддерживается исключительно нравственнымъ путемъ, добрымъ примѣромъ, кротостью и терпимостью къ прихожанамъ".

Въ заключеніе К. К. приводитъ одинъ разительный примѣръ недостойнаго служенія и порочнаго поведенія одного лица въ санѣ протоіерея и даже благочиннаго, много разъ даже судившагося за свои неблаговидные и безнравственные поступки...

О дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ этого лица, какъ и нѣсколькихъ другихъ протоіереевъ, сохранился по

дробный рапортъ жандармскаго штабъ-офицера (полковника Андреева), съ изложеніемъ общихъ наблюденій и заключеній о роли сельскаго духовенства, не стоящаго на высотѣ своего сана, въ дѣлѣ распространенія раскола. Однако жъ епархіальное начальство, къ которому К. К. препроводилъ этотъ рапортъ, очень неблагосклонно и сурово отнеслось къ обвиненіямъ священниковъ, какъ оно и вообще ревниво относилось ко всякимъ мѣрамъ администраціи въ отношеніи дѣлъ раскола, стараясь всячески, хоть и безуспѣшно, ихъ защищать и не давать надлежащаго ходу изслѣдованію обнаруженныхъ злоупотребленій. Дѣло это тянулось долго и послѣ оставленія К. К. поста Самарскаго губернатора. На неоднократныя запросы къ Самарской консисторіи со стороны губернатора—о результатахъ дѣла и распоряженіяхъ епархіальнаго начальства, послѣ долгаго отмалчиванія и отписокъ, наконецъ въ сент. 1863 г. консисторія увѣдомила начальника губерніи, что „предписано всѣмъ благочиннымъ Самарской губерніи, чтобы они немедленно доносили Его Преосвященству, если въ какомъ либо приходѣ священнослужители замѣчены будутъ въ вымогательствѣ или безчинныхъ поступкахъ“... При такомъ отношеніи къ дѣлу епархіальныхъ властей, разумѣется, борьба съ сектантскими движеніями была крайне трудна и неблагодарна. Тѣмъ не менѣе К. К. и въ этой области своего вѣдѣнія дѣлалъ все возможное, и ради этого старался поддерживать добрыя отношенія съ Самарскимъ архіереемъ. Объ этомъ есть свидѣтельства въ его письмахъ (къ сестрѣ): въ янв. 1856 г. онъ писалъ напр.: „При первомъ случаѣ пришлю тебѣ сочиненія моего архіерея Евсевія, о которыхъ тебѣ говорили. Мы живемъ съ нимъ въ ладахъ, и онъ снабжаетъ меня преусердно своими сочиненіями“. Въ другой разъ онъ разсказываетъ сестрѣ: „Послѣ завтра въ первый разъ обѣдаетъ у меня архіерей; я давно собирался его позвать, но все какъ-то не удавалось. Надо изобрѣсти пять или шесть рыбныхъ блюдъ. Чтобы развлечь его, я приглашаю тоже дамъ. Онъ большой говорунъ и найдетъ о чемъ съ ними потолковать“...

Близко къ сердцу принималъ К. К. дѣло просвѣщенія и школьнаго образованія, которое считалъ главной основой культурнаго прогресса, а слѣдовательно и моральнаго общественнаго подъема, улучшенія нравовъ и всего уклада и благоустройства жизни въ обществѣ и простомъ народѣ. Хотя эта область (народнаго образованія) была собственно внѣ его непосредственнаго вѣдѣнія, онъ все же старался, сколько могъ, вносить и въ эту сферу свое благотворное вліяніе и полезную иниціативу. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы. Хлопоча въ 1858 г. о скорѣйшемъ замѣщеніи ваканціи директора училищъ Самарской губерніи, К. К. въ письмѣ къ попечителю округа такъ мотивируетъ свое къ нему обращеніе: „Хотя по закону мнѣ не предоставлено прямого вліянія на учебную часть, но имѣя убѣжденіе, что умственное и нравственное образованіе, приспособленное къ потребностямъ и положенію различныхъ классовъ нашего населенія, есть вѣроятно единственное средство къ введенію порядка и благоустройства въ Россіи вообще, а тѣмъ болѣе во ввѣренномъ мнѣ отдаленномъ краѣ, я желалъ бы предоставить всѣ зависящія отъ меня средства къ лучшему устройству существующихъ учебныхъ заведеній и къ открытію таковыхъ вновь, но къ сожалѣнію не всегда встрѣчалъ должное содѣйствіе или лучше сказать рѣдко нахожу случай оказывать свое содѣйствіе въ дѣлѣ образованія“. Въ отвѣтномъ письмѣ попечитель округа, сообщая о ближайшемъ назначеніи директора — опытнаго педагога и прекраснаго человѣка—, благодаритъ К. К. за живое участіе, которое онъ принимаетъ въ положеніи мѣстной гимназіи, прибавляя: „Ваше милостивое вниманіе къ учебнымъ заведеніямъ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій ихъ благосостоянія“.

Въ заботахъ К. К. о школьномъ дѣлѣ въ Самарѣ можно еще убѣдиться изъ другого его письма къ попечителю съ сѣтованіемъ на чрезвычайную медленность въ дѣлѣ открытія учрежденнаго по его иниціативѣ женскаго приходскаго училища, въ чемъ онъ усматриваетъ „отсутствіе

всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго училищнаго вѣдомства къ увеличенію числа учебныхъ заведеній во ввѣренной мнѣ губерніи". Что это училище обязано всецѣло К. К. своимъ возникновеніемъ, видно изъ слѣдующаго начала письма: „Недостатокъ образованія между женщинами низшаго класса мѣстнаго населенія указалъ мнѣ необходимость учрежденія въ г. Самарѣ женскаго приходскаго училища. Въ этихъ видахъ я склонилъ здѣшнее городское общество опредѣлить на этотъ предметъ ежегодное пожертвованіе въ 700 руб. с. изъ собственныхъ средствъ и въ маѣ мѣсяцѣ отослалъ бывшему директору училищъ эту сумму на содержаніе женскаго приходскаго училища въ настоящемъ году"... etc.

Какъ много затрудненій встрѣчала тогда просвѣтительная дѣятельность среди народа и какую подозрительность въ высшихъ чиновныхъ сферахъ вызывали всякая частная иниціатива и усердіе въ этомъ направленіи—видно изъ одного дошедшаго до насъ характернаго дѣла. Лѣтомъ 1858 г. К. К. получилъ конфиденціальное письмо отъ М. Н. Муравьева съ запросомъ о нѣкоей государственной крестьянкѣ въ Покровской слободѣ Самарской губ. (не далеко отъ Саратова), у которой въ училищѣ обучается до 60 крестьянскихъ дѣвочекъ, тогда какъ 6 лѣтъ назадъ обучалось всего 18. Не вѣря въ возможность такого прогресса, высшая власть заподозрила здѣсь нѣчто неладное и предлагала губернатору дознать негласно объ условіяхъ жизни этой крестьянки, о томъ, не причастна ли она расколу, не была ли прежде келейницей, давно ли и на какихъ правилахъ занимается обученіемъ дѣтей и проч. К. К., уже ранѣе достаточно освѣдомленный объ этомъ училищѣ, поспѣшилъ успокоить Муравьева увѣреніемъ въ извѣстной ему благонадежности личности этой женщины-педагога, въ непринадлежности ея къ расколу, въ совершенно нормальномъ развитіи и ростѣ этого училища и въ томъ, что „въ этомъ ученіи, стремленіе къ которому постоянно развивается въ населеніи, не замѣчается ничего вреднаго"... Для провѣрки своихъ свѣдѣній онъ однако командировалъ въ

Покровскую слободу одного изъ своихъ чиновниковъ, который могъ только подтвердить все уже бывшее извѣстнымъ К. К. и отозвался съ большою похвалою какъ о самой воспитательницѣ, такъ и введенныхъ ею порядкахъ и добромъ направленіи въ училищѣ; быстрое же увеличеніе числа воспитанницъ объясняется, по его мнѣнію, сознаніемъ пользы ученія у самихъ родителей. Единственный пробѣлъ оказался въ недостаткѣ книгъ, и К. К. воспользовался этимъ случаемъ, чтобы побудить Самарскую палату государственныхъ имуществъ, къ вѣдомству которой принадлежали воспитанницы, принять мѣры къ снабженію училища запасомъ новыхъ книгъ.

V.

Слишкомъ хорошо извѣстно, что самымъ главнымъ зломъ, деморализующе и пагубно дѣйствовавшимъ на чиновную среду, была питейная откупная система въ лицѣ всесильныхъ откупщиковъ, которые для увеличенія своихъ доходовъ прибѣгали къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ и нарушеніямъ закона и достигали полной безнаказанности путемъ систематическаго подкупа (въ видѣ даже постояннаго содержанія) какъ полиціи, такъ и чиновъ администраціи не только низшей, но и болѣе крупной. Сущность злоупотребленій откупщиковъ заключалась конечно въ спаиваніи народа разбавленной, фальсифицированной водкой, продаваемой по несоотвѣтственной высокой цѣнѣ.

К. К., самъ строгій блюститель закона, глубоко возмущенный беззаконіями и безнравственными пріемами винныхъ откупщиковъ, рѣшилъ объявить имъ безпощадную войну и бить ихъ по самому чувствительному мѣсту, т. е. по карману, настаивая на строгомъ соблюденіи условій откупа. Онъ опубликовалъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ главныя условія, на которыхъ должна производиться раздробительная продажа вина въ питейныхъ заведеніяхъ, т. е. объявилъ въ общее свѣдѣніе

населенія объ установленныхъ откупными условіями цѣнахъ и крѣпости вина, такъ что покупатели могли и стали послѣ этого требовать вино опредѣленной крѣпости и цѣны.

К. К. самъ разсказываетъ, какъ откупщики страшно заволновались и вознегодовали на него, увѣряя, что это распоряженіе можетъ ихъ совершенно раззорить, такъ какъ они, взявъ съ торговъ откупъ, были увѣрены, что все останется по старому, т. е. что вино будетъ продаваться по произвольной цѣнѣ и произвольной крѣпости. Но К. К. стоялъ на своемъ, не смотря на ихъ вопли и даже угрозы. Тогда полетѣли на него жалобы въ Петербургъ—то одному министру, то другому. Петербургская чиновная сфера (въ департаментахъ) стала на сторону своихъ патроновъ-откупщиковъ. Поднялась цѣлая буря, посыпались запросы и требованія объясненій отъ К. К. конфиденціальнымъ путемъ, но онъ ограничивалъ свои объясненія тѣмъ, что онъ поступаетъ на основаніи закона и не можетъ измѣнить своего распоряженія, пока самый законъ не будетъ измѣненъ.. Въ бумагахъ К. К. сохранилось дѣло относящееся къ откупному вопросу, и въ немъ на первомъ мѣстѣ конфиденціальная бумага департамента разныхъ податей и сборовъ (янв. 1859 г.) за подписью министра финансовъ Княжевича — съ характернымъ заголовкомъ „Объ отстраненіи стѣсненія продажи откупщиками водокъ по вольнымъ цѣнамъ“.

Самъ министръ финансовъ негодовалъ на К. К. за его чуть-ли не „преступленіе“, какъ онъ выражался, и въ своихъ отзывахъ въ Петербургѣ говорилъ, что такихъ губернаторовъ слѣдуетъ увольнять отъ должности. Но К. К. оставался непреклоненъ въ глубокомъ сознаніи своей правоты и пользы принятой мѣры, и настойчивость его скоро увѣнчалась успѣхомъ: „откупщики постепенно успокоились, стали продавать вино согласно заключеннымъ условіямъ, и въ Самарской губерніи было всего два случая, когда народъ разбилъ кабаки и разграбилъ изъ нихъ вино по тому поводу, что содержатели

не хотѣли отпускать вина надлежащей крѣпости и цѣны".

Эта борьба К. К. съ откупщиками и его нововведенія и послужили въ нѣкоторой мѣрѣ толчкомъ къ возбужденію или оживленію въ правительственныхъ кругахъ вопроса о своевременности отмѣны всей откупной системы и замѣны ея системою взиманія налога съ вина, т. е. акцизною системою. Дѣло въ томъ, что примѣру К. К. послѣдовали еще нѣкоторые другіе губернаторы, но по разнымъ причинамъ ихъ мѣропріятія имѣли послѣдствіемъ такіе мѣстные безпорядки и неустройства, что поневолѣ заставили правительство серіозно вникнуть въ вопросъ и убѣдиться въ неотложности его рѣшенія, и вотъ дѣло это взяли въ свои руки въ высшихъ петербургскихъ сферахъ—убѣжденные приверженцы назрѣвшей реформы, искренне одобрявшіе К. К. и сочувствовавшіе его боевой противъ откупщиковъ дѣятельности.

Это-то дѣло вскорѣ затѣмъ и опредѣлило дальнѣйшую карьеру К. К., принужденнаго ради него оставить Самарское губернаторство. Подробнѣе объ этомъ призывѣ на новое поприще будетъ разсказано въ слѣдующемъ очеркѣ, но необходимо здѣсь все-же сказать въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, что̀ предшествовало привлеченію К. К. къ акцизной реформѣ, такъ какъ подготовка къ ней началась еще во время его губернаторства, и въ ея проведеніи дѣятельность К. К. въ Самарѣ несомнѣнно сыграла довольно вліятельную роль.

Реформаціонная волна, поднявшаяся въ концѣ 1850-хъ гг. вмѣстѣ съ приступомъ къ великой освободительной крестьянской реформѣ, поставила на очередь и давно наболѣвшій откупной вопросъ, озабочивавшій многихъ тогдашнихъ передовыхъ государственныхъ дѣятелей. Когда образованный по Высочайшему повелѣнію въ 1859 г. особый комитетъ по вопросу о замѣнѣ откупной системы питейнымъ сборомъ выказалъ колебанія и пришелъ къ очень нерѣшительнымъ заключеніямъ, въ соотвѣтствіи съ сомнѣніями самого министра Княжевича, то это дѣло

*

рѣшилъ энергично двинуть назначенный въ 1859 г. статсъ-секретаремъ департамента законовъ государственнаго совѣта А. П. Заблоцкій-Десятовскій, ярый приверженецъ реформы. Онъ въ сотрудничествѣ съ К. К. заготовляетъ обширный матеріалъ по реформѣ и добивается принципіальнаго положительнаго рѣшенія вопроса государственнымъ совѣтомъ, который затѣмъ и начерталъ главныя основанія акцизной системы. Для окончательной же разработки и рѣшенія всѣхъ вопросовъ была образована при государственномъ совѣтѣ особая комиссія подъ предсѣдательствомъ того же А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, ставшаго, по выраженію К. К. „душою всего дѣла“, въ которую вошли какъ должностныя лица разныхъ вѣдомствъ, такъ и представители изъ числа заинтересованныхъ и близкихъ къ дѣлу дѣятелей (винокуренныхъ заводчиковъ, помѣщиковъ, техниковъ), и понятно, что въ эту комиссію былъ приглашенъ и К. К. Гротъ.

Когда новый проектъ положенія объ акцизномъ съ питей сборовъ былъ выработанъ къ началу 1861 г. и затѣмъ Высочайше утвержденъ, то приведеніе его въ исполненіе оттягивалось вслѣдствіе довольно холоднаго и малосочувственнаго реформѣ отношенія самого министра финансовъ, а также „стараго рутиниста“ директора департамента податей и сборовъ т. с. Переверзева. Энергическій толчокъ реформѣ дало вмѣшательство великаго князя Константина Николаевича, который сталъ первымъ сотрудникомъ и совѣтникомъ Государя въ его реформаціонныхъ стремленіяхъ и начинаніяхъ, сгруппировавъ около себя лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей административнаго міра. Своею губернаторскою дѣятельностью К. К. успѣлъ уже пріобрѣсти почетную репутацію и глубокія сочувствія въ этой группѣ передовыхъ сановниковъ, и не удивительно, что его стали привлекать къ сотрудничеству въ разныя вновь образуемыя комиссіи по преобразованію отдѣльныхъ частей и отраслей нашего внутренняго управленія, не говоря уже о его участіи по должности въ учрежденіи мѣстнаго комитета по крестьянской реформѣ.

Въ апрѣлѣ 1859 г. К. К. назначенъ членомъ въ коммиссію для начертанія проектовъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, а въ августѣ того-же года министръ внутр. дѣлъ пригласилъ его къ участію въ занятіяхъ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія паспортнаго устава. Тогда-же онъ назначенъ по министерству финансовъ членомъ коммиссій: 1) для изысканія мѣръ къ лучшему устройству банковой и денежной системы, и 2) для начертанія проекта объ устройствѣ земскихъ банковъ. Такимъ образомъ вполнѣ естественно, что въ такомъ вопросѣ, какъ реформа откупной системы, въ борьбѣ съ темными сторонами которой К. К. особенно выдвинулся, взоры правительства обратились къ нему, какъ къ наиболѣе способному для этого дѣла дѣятелю.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, недовольный медлительностью министра финансовъ въ проведеніи уже рѣшенной реформы, взялъ на себя иниціативу въ ускореніи ея осуществленія и—конечно слѣдуя совѣтамъ близко знавшаго К. К. главнаго приверженца акцизной реформы А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго—обратился къ Самарскому губернатору. По собственному разсказу К. К., великій князь „пригласилъ его къ себѣ и, объяснивъ ему всю необходимость, чтобъ онъ принялъ въ свои руки весь вопросъ устройства акцизнаго сбора съ вина, просилъ его перейти на службу въ министерство финансовъ". Это и заставило К. К. рѣшиться на перемѣну службы.

Но до своего перехода въ Петербургъ, ему, какъ начальнику Самарской губерніи, пришлось еще сыграть дѣятельную роль и принести существенную пользу въ подготовительныхъ мѣропріятіяхъ къ разработкѣ на мѣстахъ (т. е. въ Самарѣ) вопросовъ, связанныхъ съ великой реформой освобожденія крестьянъ. Мы увидимъ сейчасъ, что заслуга его въ этомъ дѣлѣ велика и незабвенна уже тѣмъ, что онъ выдвинулъ и привлекъ къ этой исторической работѣ одного изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ ея подвижниковъ Ю. Ѳ. Самарина.

VI.

По отзыву одного изъ славныхъ участниковъ и главныхъ бытописателей крестьянской реформы [1]), „К. К. обратилъ все свое вниманіе на благоустройство сельскаго населенія въ своей губерніи и съ беззавѣтной преданностью задуманному Царемъ-Освободителемъ великому дѣлу сдѣлался едва-ли не лучшимъ исполнителемъ Царской воли изъ всѣхъ губернаторовъ Имперіи. Для внимательнаго изученія дѣла онъ сблизился съ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и публицистовъ по крестьянскому вопросу, Ю. Ѳ. Самаринымъ, крупнымъ дворяниномъ-помѣщикомъ ввѣренной ему губерніи“. Самаринъ жилъ тогда въ Симбирскѣ, въ административной ссылкѣ—за прежнюю свою смѣлую патріотическую дѣятельность въ Прибалтійскомъ краѣ и состоялъ подъ надзоромъ полиціи. „При своемъ рѣдкомъ талантѣ оцѣнивать способности и качества тѣхъ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло,— продолжаетъ историкъ реформы — К. К. Гротъ быстро оцѣнилъ высокую личность Самарина“, и по его настоянію Самаринъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ организуемый комитетъ по улучшенію быта крестьянъ, и онъ-же, К. К., принялъ подъ свое энергическое покровительство творческую дѣятельность Самарина по разрѣшенію вопроса о надлежащемъ устройствѣ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами [2]).

---

[1]) Недавно скончавшагося послѣдняго члена Редакціонныхъ Коммиссій П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. (См. его «Эпоха Освобожденія крестьянъ въ Россіи» въ воспоминаніяхъ, ч. II, стр. 137 и слѣд.).

[2]) Насколько К. К. самъ занимался и вникалъ въ вопросы, касающіеся земельныхъ отношеній крестьянства и помѣщиковъ (которые, были ему знакомы еще по прежней службѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, т. е. въ краю, гдѣ уже не было крѣпостной собственности), можно судить по сохранившейся черновой рукописи (автографу) его большой статьи подъ заглавіемъ «О выгодахъ и невыгодахъ перевода крестьянъ съ барщины на поземельное оброчное положеніе, и обрабатываніи господскихъ полей вольнонаемными рабочими» (статья имѣетъ въ виду преимущественно Прибалтійскія губерніи). Изъ сохра-

Самъ К. К. въ автобіографіи своей отзывается о Самаринѣ, что онъ по своимъ знаніямъ, уму и высокимъ качествамъ не могъ не быть призванъ къ участію въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Самарской губерніи. „Но, разсказываетъ онъ, самарскому дворянству и особенно членамъ крестьянскаго комитета, въ которомъ было не мало крѣпостниковъ, назначеніе Ю. Ѳ. Самарина не понравилось, и большинство вскорѣ обратилось противъ него и не было вообще къ нему расположено. Наконецъ эти неудовольствія между двумя партіями усилились до того, что онѣ не хотѣли больше засѣдать вмѣстѣ, и К. К. былъ вынужденъ просить тогдашняго генералъ-губернатора Катенина пріѣхать въ Самару для успокоенія умовъ. Послѣ этого дѣла комитета пошли болѣе или менѣе гладко. Но меньшинство Самарина значительно окрѣпло и мнѣніе этого меньшинства было принято въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ. Благодаря Ю. Ѳ. Самарину и небольшому числу членовъ, слѣдовавшихъ твердо за нимъ, Самарскій крестьянскій комитетъ считался однимъ изъ передовыхъ и все время обращалъ на себя вниманіе Редакціонныхъ Комиссій“.

Прямое, дѣйствительное сотрудничество К. К. въ работахъ по крестьянской реформѣ выразилось въ его живомъ участіи—также въ качествѣ члена Редакц. Комиссій—въ извѣстной Милютинской правительственной комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, образованной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ маѣ 1859 г. Она состояла изъ высшихъ чиновъ центральнаго управленія, изъ представителей другихъ вѣдомствъ и чиновъ высшей губернской администраціи. Изъ губернаторовъ участвовали и выдвигались трое: Петербургскій - гр. А. А. Бобринскій, Самарскій—К. К.

-

нившихся въ бумагахъ К. К. разныхъ другихъ проектовъ и записокъ по крестьянскому вопросу видно, какъ онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ реформы и его стадіями, всей душой раздѣляя точку зрѣнія и взгляды передовыхъ борцовъ и лучшихъ дѣятелей Редакціонныхъ Комиссій на земельное освобожденіе крестьянъ.

Гротъ и Калужскій—В. А. Арцимовичъ. Комиссія эта оказала великую услугу крестьянской реформѣ проектомъ организаціи уѣздныхъ и губернскихъ крестьянскихъ учрежденій и созданіемъ высокополезнаго и удачнаго института мировыхъ посредниковъ. К. К., какъ всегда строгій блюститель законности, отстаивалъ въ комиссіи взгляды, имѣвшіе цѣлью оградить и личность крестьянъ, и права крестьянскаго общества отъ произвола и излишней опеки администраціи и помѣщиковъ [1]). Въ дѣлѣ введенія въ жизнь положенія 19 февраля К. К—чу не привелось принять участія, такъ какъ онъ уже въ теченіе 1860 г. былъ призванъ къ новой дѣятельности по министерству финансовъ.

На почвѣ строгаго отношенія К. К. къ темнымъ явленіямъ и злоупотребленіямъ крѣпостного права и ко всякому произволу помѣщиковъ и введенной имъ широкой гласности, у К. К. образовались не особенно благопріятныя отношенія съ мѣстнымъ дворянствомъ, т. е. по крайней мѣрѣ съ его крѣпостнической и мало культурной частью. Это сказывалось при всякихъ преобразовательныхъ начинаніяхъ К. К., какъ и въ его борьбѣ со взяточничествомъ и всякими, между прочимъ, и помѣщичьими злоупотребленіями. Мы уже видѣли это на двухъ примѣрахъ—въ выборахъ дворянствомъ уволеннаго К. К. за взятки чиновника и въ отношеніи большинства дворянъ къ избраннику К. К. -Самарину, въ комитетѣ по улучшенію быта крестьянъ. О такомъ особенно обострившемся въ послѣдніе годы губернаторства К. К. неудовольствіи извѣстной части дворянства по его адресу—онъ и самъ свидѣтельствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, въ своей частной перепискѣ.

Послѣдніе два слишкомъ года (1858—1860) К. К. бывалъ часто въ отлучкѣ, бывъ вызываемъ въ Петербургъ по дѣламъ служебнымъ, какъ участникъ ряда комиссій, и хотя эти преобразовательныя начинанія очень его интересовали, онъ все-же нѣсколько тяготился необходи-

[1]) Срв. Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, Москва. 1898, стр. 769.

мостью оставлять на болѣе или менѣе продолжительное время свою губернію, ибо ея управленіе, ея всестороннее переустройство и ея польза, какъ и тѣ успѣхи, которые уже были имъ достигнуты на этомъ пути, были его главнымъ жизненнымъ интересомъ и тѣсно связывали его духовно съ управляемымъ краемъ.

Въ этомъ отношеніи будетъ кстати привести здѣсь маленькія выдержки изъ нѣсколькихъ писемъ его къ сестрѣ, въ которыхъ сказывается его тогдашнее настроеніе и изъ которыхъ видно, какъ ему не легко было въ концѣ концовъ разстаться съ Самарой.

Уже въ 1858 К. К. ѣздилъ въ Петербургъ для объясненій по возникшимъ въ связи съ предпринятой освободительной реформой вопросамъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно дошедшее до насъ письмо къ нему генералъ-губернатора Катенина, который (6 февраля этого года), прося его пріѣхать въ Оренбургъ для личныхъ переговоровъ, пишетъ, что имъ сдѣлано представленіе г-ну министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости вызвать К. К. въ Петербургъ для объясненія по дѣламъ, возникшимъ по вопросу освобожденія крестьянъ, и что онъ хочетъ лично объясниться, „чтобъ составить нашъ взглядъ и наше мнѣніе по сему важному вопросу“. „Сверхъ того, прибавляетъ онъ, для направленія дѣйствія будущаго дворянскаго комитета, мнѣ полезно ознакомиться съ совѣщаніями дворянства, происходившими на бывшихъ выборахъ и которыхъ Вы были свидѣтелемъ“.

Еще до этого вызова, въ январѣ 1858 г., когда уже готовились приступить къ мѣстнымъ губернскимъ работамъ по великой реформѣ, К. К. писалъ своей сестрѣ въ Парижъ: „Въ концѣ февраля хочется мнѣ опять съѣздить въ П-бургъ, но не увѣренъ еще, можно ли мнѣ будетъ отлучиться. Ты вѣрно знаешь изъ газетъ, что у насъ приступаютъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,—15 января здѣшнее дворянство приступитъ тоже къ разсужденіямъ по этому дѣлу, и хлопотъ будетъ вѣроятно не мало и губернаторамъ... Что говорятъ о

нашихъ начинаніяхъ французы? Перестаютъ ли они считать насъ варварами и отдаютъ ли справедливость благороднымъ намѣреніямъ нашего Государя? Я ожидаю много отъ нашего времени, и какъ ни тяжело управлять такою огромною губерніею, какова Самарская, я всетаки радъ, что судьба посадила меня на это мѣсто въ такую многозначительную эпоху. Нерѣдко приходитъ мнѣ желаніе проситься въ другую ближайшую къ столицамъ губернію, гдѣ бы я могъ жить нѣсколько и для себя и имѣть какое-нибудь общество, но съ другой стороны жаль разстаться съ краемъ, въ которомъ мною положено многому начало; хотѣлось бы посмотрѣть, какъ пойдутъ эти начинанія и воспользоваться хотя нѣсколько плодами своихъ трудовъ. Будущее укажетъ что̀ дѣлать,—часто ничтожное обстоятельство даетъ другой оборотъ дѣлу и заставляетъ измѣнять всѣ свои планы и намѣренія... Я встрѣтилъ новый годъ по обыкновенію въ большомъ обществѣ—у меня было до 150 человѣкъ гостей, танцовали, въ 12 час. чокались, во 2-мъ часу ужинали и разъѣхались только въ 4-мъ часу. Зато я сегодня отдыхаю на свободѣ, никого не принимаю и занимаюсь безпрепятственно въ своемъ кабинетѣ. Я каждый разъ радехонекъ, когда кончаются праздники—все вступаетъ опять въ обычную колею, и—конецъ, хотя на время, представительству, пирамъ и т. д. Для меня всѣ эти церемоніи вдвойнѣ тяжелы, потому что я одинъ долженъ самъ заниматься гостями и сопряженными съ ними хлопотами".

Въ 1859 г. по учрежденіи вышеупомянутой Милютинской комиссіи, К. К. (въ іюнѣ) былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ ней. Предстояло болѣе продолжительное его отсутствіе, въ виду котораго К. К—у былъ данъ прощальный обѣдъ, любопытное извѣстіе о которомъ имѣется въ письмѣ его къ сестрѣ. Тогда уже очевидно распространились слухи о возможномъ скоромъ оставленіи К. К. губернаторскаго поста и переводѣ его на болѣе видный и важный постъ въ Петербургѣ, но самъ К. К. еще не собирался окончательно покидать Самару. 31 мая онъ писалъ: „Въ Петербургъ отправлюсь

вѣроятно около 15 іюня и пробуду тамъ вѣроятно мѣсяца три, потому что дѣло, для котораго я вызываюсь, протянется непремѣнно долго, но я надѣюсь, что меня отпустятъ ранѣе конца, такъ какъ губернія не можетъ такъ долго оставаться безъ хозяина". 4-го іюня онъ продолжалъ: „Сейчасъ вернулся я съ великолѣпнаго прощальнаго обѣда, который давали мнѣ разныя должностныя лица Самары. Если вѣрить наружнымъ знакамъ восторга, то я пользуюсь большою любовью и популярностью. Я слишкомъ опытенъ, чтобы вѣрить такимъ изліяніямъ любви и дружбы, но знаю, что у меня есть много приверженцевъ между молодежью, особенно образованною — я ихъ держу довольно свободно и отличаю отъ прочихъ, — вотъ почему они меня цѣнятъ и знаютъ, что безъ меня ихъ давно затерли бы и уничтожили. Зато дворянство меня съ недавняго времени ненавидитъ за то, что, слѣдуя общему порядку, я завелъ у себя гласность и посредствомъ Губернскихъ Вѣдомостей разглашаю разныя скверныя и низкія дѣйствія: это многимъ не по нутру, и они противъ меня вооружаютъ массу дураковъ и крикуновъ. Здѣсь распространили слухъ, что я уѣзжаю съ тѣмъ, чтобы не вернуться. Есть дѣйствительно предположеніе перевести меня въ Петербургъ, но я этого нисколько не желаю и предполагаю вернуться сюда. Я свыкся съ здѣшнимъ краемъ и людьми, управляю не безъ труда, но по крайней мѣрѣ сознательно — и свободенъ и независимъ, а это для меня всего важнѣе"...

VII.

Намъ остается отмѣтить еще нѣсколько существенныхъ сторонъ или сферъ дѣятельности К. К. въ Самарѣ, успѣхами въ которыхъ онъ еще крѣпче упрочилъ въ Самарскомъ краѣ значеніе и славную память своего губернаторства. Тюремное дѣло, которому онъ не мало послужилъ впослѣдствіи, уже въ званіи члена государственнаго совѣта, посвятивъ его изученію много труда и времени, и во главѣ котораго на правахъ министра онъ

былъ поставленъ въ послѣдній годъ царствованія Царя Освободителя, но пробылъ по измѣнившимся обстоятельствамъ очень не долго, пользовалось его особеннымъ попечительнымъ вниманіемъ уже въ Самарѣ.

При немъ въ самой Самарѣ и въ уѣздныхъ городахъ были улучшены и перестроены тюрьмы, и Самарская тюрьма, по свидѣтельству К. К., была первая въ Россіи, въ которой были тогда же введены внутреннія работы (ремесла) для арестантовъ, а также обученіе чтенію и письму взрослыхъ арестантовъ. За успѣшную дѣятельность К. К. по Самарскому тюремному комитету ему было объявлено въ 1856 г. особенное Высочайшее благоволеніе.

Замѣчательны и незабвенны результаты достигнутые К. К. въ дѣлѣ благоустройства и внѣшне-культурнаго подъема самого города Самары, который за семь съ небольшимъ лѣтъ губернаторства К. К. изъ ничтожнаго уѣзднаго городка (губернія была образована за 2 года до его назначенія) превратился въ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и благоустроенныхъ городовъ Приволжья. Въ то время не было еще городского самоуправленія, и К. К., по собственному признанію, широко пользовался распорядительною властью губернатора въ дѣлѣ отстройки, приведенія въ порядокъ, украшенія и вообще всяческаго благоустроенія городовъ ввѣреннаго ему края и прежде всего, конечно, города Самары.

Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что К. К. передъ самымъ назначеніемъ въ Самару нѣсколько лѣтъ работалъ подъ руководствомъ Н. А. Милютина въ коммиссіи по введенію новаго общественнаго управленія въ Петербургѣ, былъ правой рукой послѣдняго, осуществляя на практикѣ его программу, и былъ поэтому близко знакомъ съ дѣлами и подробностями городского хозяйства. Свойственный ему большой практическій смыслъ, настойчивость и твердость помогли ему теперь на новомъ дѣлѣ—въ дорогомъ его сердцу устройствѣ города Самары—самостоятельно примѣнять свои знанія и опытность и достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ.

Что касается внѣшности города, то онъ при К. К. постепенно получилъ культурный и благоустроенный видъ: появились мостовыя и тротуары, сдѣланы первыя разысканія для устройства водопровода (который, впрочемъ, послѣ К. К. былъ осуществленъ очень не скоро), регулировано и усовершенствовано дѣло сооруженія новыхъ домовъ и общественныхъ зданій. На обширномъ мѣстѣ, пріобрѣтенномъ стараніями К. К., былъ разведенъ большой и прекрасный городской садъ, ставшій любимымъ мѣстомъ гулянья самарскихъ жителей. Имъ-же основана и оборудована городская общественная библіотека, капитальное учрежденіе, разросшееся и обогатившееся впослѣдствіи (насчитываетъ нынѣ много десятковъ тысячъ томовъ) отчасти также стараніями и пожертвованіями К. К.

О заботахъ его, удѣляемыхъ мѣстнымъ учебнымъ заведеніямъ, было уже упомянуто. Ему-же Самара была обязана и устройствомъ перваго театра [1]). Однимъ словомъ Самара черезъ нѣсколько лѣтъ стала неузнаваема, и все ея дальнѣйшее развитіе опирается на то прочное и широкое основаніе, которое было положено К. К—мъ.

Я не могу, къ сожалѣнію, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ исчерпать всѣ разнородные и обильные во всѣхъ сферахъ быта и жизни населенія и управленія краемъ — плоды административной и творческой дѣятельности К. К. Для этого у насъ и мало матеріаловъ, а самъ К. К. отмѣчаетъ въ общихъ контурахъ лишь самое крупное изъ

---

[1]) Въ іюнѣ 1855 г. К. К. писалъ (сестрѣ): «Сегодня пріѣхала сюда труппа актеровъ изъ Симбирска, проѣздомъ на Сѣрныя воды, между прочимъ извѣстный комикъ московскій Живокини. Театръ у меня недавно сгорѣлъ, и потому я отвелъ имъ вокзалъ въ городскомъ саду, гдѣ хлопочутъ и устраиваютъ сцену, чтобы 26-го играть». Въ другомъ письмѣ (попозже) читаемъ: «Сейчасъ вернулся изъ театра: давали «Записки Демона», пер. съ франц. Взяли пьесу не по силамъ, но всетаки шла довольно хорошо. Я вижу обыкновенно только конецъ, потому что никакъ не могу пріѣхать рано; впрочемъ оно частью хорошо; врядъ ли у меня достало бы терпѣнья высиживать долго и видѣть и слушать большею частью одно и тоже. Мнѣ однако удалось развить здѣсь вкусъ къ театру; прежде театръ былъ совершенно пустъ, а теперь бываютъ дни, что нѣтъ ни одного пустого мѣста».

своихъ дѣлъ,—но и всего изложеннаго достаточно, чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, чѣмъ Самарская губернія обязана своему первому организатору и какую память онъ оставилъ по себѣ въ Самарѣ.

Выше упоминалось о томъ, что слухи объ уходѣ К. К. сопровождали уже его вызовы въ Петербургъ съ 1858 г. по привлеченію его къ участію въ намѣчаемыхъ реформахъ и образуемыхъ съ этими цѣлями комиссіяхъ. Скоро эти слухи оправдались. Въ ноябрѣ 1860 г. онъ былъ назначенъ членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ комиссію для составленія новаго проекта положенія объ акцизномъ съ питей сборѣ въ Имперіи; а уже 1 янв. 1861 г. онъ былъ назначенъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ (впослѣдствіи неокладныхъ сборовъ).

Уходъ его изъ Самары былъ разумѣется огромной потерей для края и вызвалъ въ мѣстной администраціи и большинствѣ мѣстнаго общества горячія и искреннія чувства сожалѣнія и глубокой къ нему симпатіи и благодарности. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ рядъ фактовъ и документовъ, которые заслуживаютъ быть отмѣченными. Но самымъ прочнымъ и неувядаемымъ памятникомъ дѣятельности К. К., какъ Самарскаго губернатора, служитъ все то въ области культуры, какъ матеріальной такъ и духовной, что онъ создалъ тамъ или чему положилъ начало и чѣмъ онъ навѣки неразрывно вписалъ свое имя въ культурную исторію Самарскаго края.

К. К. принужденъ былъ оставить свой постъ ради новаго назначенія повидимому все-же довольно неожиданно въ одну изъ своихъ служебныхъ поѣздокъ въ Петербургъ. Благодаря отчасти этому обстоятельству сохранился письменный обмѣнъ впечатлѣній и чувствъ между его главными самарскими сослуживцами и имъ, относящійся къ тому моменту, когда въ Самарѣ, повидимому, все еще надѣялись, что онъ вернется, и свидѣтельствующій о тѣхъ теплыхъ и искреннихъ отношеніяхъ, которыя между ними установились, и о тѣхъ чувствахъ глубокаго ува-

женія, преданности и благодарности, которыя питали къ нему ближайшіе его подчиненные и сотрудники.

Вотъ что они ему писали 21 мая 1860 г., въ день его ангела, задумавъ подарить ему альбомъ съ портретами его сослуживцевъ.

„Каждый хранитъ какъ святыню память о свѣтлыхъ минутахъ жизни. Въ нашей жизни конечно самое отрадное, самое свѣтлое время—то, когда мы имѣли счастье служить подъ начальствомъ В. П. Мы хранимъ объ этомъ самое живое воспоминаніе, а потому не могли лишить себя удовольствія собраться сегодня и вспомнить прошлое, когда мы проводили этотъ день въ присутствіи Вашемъ и лично высказывали наши искреннія желанія Вамъ всего лучшаго въ жизни. Теперь мы лишены этого счастья, но желанія наши все тѣ же, кромѣ одного новаго — видѣть Васъ скорѣе въ нашей средѣ. Мы убѣждены, что Вы принимаете нашу преданность и потому рѣшились представить Вамъ портреты людей, проникнутыхъ къ Вамъ глубочайшимъ уваженіемъ“.

К. К. на это письмо отвѣтилъ слѣдующее [1]):

„Любезные мои сотрудники и сослуживцы! Отъ всей души жму Вамъ руку за Вашу добрую обо мнѣ память, выраженіе которой доставило мнѣ несказанное удовольствіе. И для меня всегда пріятно вспоминать о времени, проведенномъ съ Вами, и привязанность Ваша ко мнѣ составляетъ для меня истинное утѣшеніе. Будемъ надѣяться, что то же Провидѣніе, которое такъ внезапно насъ разлучило, столь же неожиданно сведетъ насъ опять вмѣстѣ; а до того времени пусть приложенные снимки напоминаютъ Вамъ иногда обо мнѣ. Еще разъ благодарю Васъ за Ваше дружелюбное ко мнѣ расположеніе и прошу Васъ сохранить мнѣ тѣ же чувства на всегда. Искренне Васъ любящій К. Гротъ 6 іюня 1860 г.“.

На это послѣдовалъ столь же сердечный отвѣтъ отъ 20 іюня.

Но конечно не одни подчиненные и сослуживцы

---

[1]) Сохранилась черновая его отвѣта.

К. К. чувствовали всю тяжесть разлуки съ нимъ. Весь Самарскій край и городъ Самара живо ощущали понесенную въ его лицѣ потерю, глубоко сознавали размѣры той пользы и того блага, которыя онъ принесъ имъ и не могли не чувствовать потребности ярко выразить свою благодарность и глубокое почитаніе, и чѣмъ далѣе, тѣмъ эта оцѣнка дѣятельности К. К. выступала полнѣе и отчетливѣе. И вотъ въ 1864 г. въ апрѣлѣ городъ Самара поднесъ К. К. высшее отличіе —званіе „перваго и почетнаго гражданина города Самары — со внесеніемъ имени его въ особую книгу". Опредѣленіе объ этомъ избраніи заслуживаетъ быть приведеннымъ.

Въ этомъ опредѣленіи Самарскаго купечества и мѣщанства [1]) говорится, что К. К. „своею дѣятельностью развилъ сознательно всѣ отрасли внутренняго городского хозяйства", что онъ, не смотря на всѣ затрудненія, „правильными распоряженіями своими привелъ въ нормальный порядокъ внѣшнее благоустройство города", что онъ безъ обремененія городскихъ сословій усилилъ городскіе доходы съ 20 т. р., каковыхъ они едва достигали при его назначеніи, до свыше 38 т. (въ концѣ 1860 г.), а запасный капиталъ съ 50 т. р. до 96.000. Далѣе отмѣчаются заботы К. К. о развитіи торговой промышленности и школьнаго образованія, указывается, что ему обязана Самара открытіемъ общественнаго банка, женской гимназіи (съ пріобрѣтеннымъ для нея домомъ) и двухъ приходскихъ училищъ" и т. д. Желая за все это выразить К. К. свою искреннюю признательность, „мы—заявляютъ эти самарскіе обыватели (въ лицѣ 225 челов. купцовъ и мѣщанъ)— съ общаго согласія и единодушно изъявляемъ желаніе имѣть Константина Карловича во главѣ нашего городского общества, именуя его, какъ благоразумнаго и просвѣщеннаго дѣятеля, первымъ и почетнымъ гражданиномъ города Самары, со внесеніемъ имени его въ особую книгу".

Было бы излишне распространяться о томъ, какимъ

---

[1]) Мы помѣщаемъ его цѣликомъ въ «Приложеніяхъ».

заслуженнымъ почетомъ и какою широкою популярностью пользовалось имя К. К. въ Самарѣ какъ въ первое время по его уходѣ, такъ и впослѣдствіи, когда его современники уже сошли со сцены, но живая память о немъ и его дѣятельности продолжала свято храниться новыми поколѣніями.

Духовная связь К. К. съ Самарскимъ краемъ не прерывалась при жизни его до самой его кончины и постоянно поддерживалась тѣмъ интересомъ и тою заботливостью, которые онъ самъ всю жизнь проявлялъ къ культурному развитію Самары и ея общественныхъ учрежденій и которые реально выражались между прочимъ въ крупныхъ пожертвованіяхъ, въ видѣ то матеріальнаго участія въ разныхъ общественныхъ предпріятіяхъ, то въ видѣ стипендій учреждаемыхъ имъ въ учебныхъ заведеніяхъ[1]), то въ видѣ книжныхъ вкладовъ, обогащавшихъ городскую публичную библіотеку Самары. Этимъ постояннымъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ десятковъ лѣтъ—теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ нуждамъ и преуспѣянію Самары и ея населенія К. К. еще крѣпче и неразрывнѣе связалъ свое имя съ ихъ исторіей и культурнымъ ростомъ, и надо думать, что память о немъ не перестанетъ чтиться тамъ и впредь.

Въ нашихъ матеріалахъ имѣется нѣсколько свидѣтельствъ и указаній относящихся къ памяти, оставленной К. К. въ Самарѣ и его послѣдующихъ съ ней связей, и отмѣтить ихъ здѣсь будетъ кажется вполнѣ умѣстно.

Года черезъ два по оставленіи К. К-мъ Самары посѣтилъ ее лѣтомъ 1862 г., во время своего волжскаго путешествія (съ научною цѣлью собиранія матеріаловъ о

---

[1]) Кромѣ учрежденныхъ лично К. К. стипендій, были еще стипендіи его имени, учрежденныя въ его честь, тоже не безъ отношенія къ Самарск. губ. Такъ акцизное управленіе по оставленіи имъ должности директора департамента, собрало значительный неприкосновенный капиталъ, на проценты съ котораго должны содержаться стипендіаты и стипендіатки въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, а также въ разныхъ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ, откуда эти оканчивающіе курсъ учителя и учительницы обязаны поступать на службу въ народныя школы Самарской губерніи.

Державинѣ), его братъ академикъ Я. К. Гротъ. Ему было интересно побывать въ краю и въ городѣ, гдѣ все было полно воспоминаній и слѣдовъ плодотворной дѣятельности К. К., а мѣстныя власти и дѣятели, новый губернаторъ Н. А. Замятинъ, старый другъ Я. К.—Д. С. Протопоповъ и Ю. О. Самаринъ спѣшили познакомить его со всѣмъ, чѣмъ Самара была обязана управленію, энергіи и инициативѣ его брата. Описывая въ письмѣ къ женѣ свои самарскія впечатлѣнія, Я. К. разсказываетъ, какъ губернаторъ и Протопоповъ ему показывали домъ, въ которомъ жилъ К. К., и объясняли все въ подробностяхъ. „Послѣ осмотра дома, пишетъ онъ, мы пили чай у губернатора, къ которому пришли также Рычковъ и Самаринъ. Городской садъ, въ которомъ находится лѣтняя губернаторская квартира, очень хорошъ. Это одинъ изъ памятниковъ управленія Константина, который въ самомъ дѣлѣ оставилъ здѣсь много слѣдовъ своей дѣятельности. Съ особеннымъ восторгомъ говорилъ о немъ здѣшній вице-губернаторъ Ушаковъ, который, хотя поступилъ и послѣ него, но наслышался о всемъ, что онъ сдѣлалъ для края“.

Когда въ началѣ 1870-хъ гг. надъ Самарскимъ краемъ разразилось ужасное бѣдствіе неурожая и голода, К. К. разумѣется принялъ самое горячее участіе въ дѣлѣ облегченія этого бѣдствія. Въ его маленькомъ архивѣ сохранилась порядочная кипа бумагъ, относящихся къ самарскому голоду.

Въ 1886 г. (29 авг.) городъ Самара праздновалъ 300-лѣтнюю годовщину своего основанія.

На такое знаменательное событіе не могъ не откликнуться ея первый почетный гражданинъ, сохранившій самыя теплыя къ ней чувства. Къ сожалѣнію, онъ не могъ лично присутствовать на торжествѣ, находясь въ ту пору за границей. Но душой онъ, конечно, участвовалъ въ немъ. Въ описаніи торжества въ рѣчи городского головы, произнесенной въ экстренномъ торжественномъ собраніи думы, читаемъ: „Почетный гражданинъ Самары, столь чтимый обществомъ этого города, статсъ-

секретарь К. К. Гротъ въ двухъ телеграммахъ (одна изъ Баденъ-Бадена, другая изъ Люцерна) на наше имя говоритъ: „Искренне поздравляю васъ и городское управленіе по случаю великаго юбилея, выражая лучшія пожеланія для будущности столь мнѣ дорогой Самары и моихъ согражданъ“. Въ книжкѣ П. Алабина „Трехъвѣковая годовщина города Самары“ (Самара 1887), въ историческомъ очеркѣ Самары (особенно подробномъ за послѣдніе 25 лѣтъ)—К. К-чу и его дѣятельности посвящены теплыя строки: „Мѣстнымъ старожиламъ, говоритъ авторъ, извѣстно, что̀ сдѣлалъ К. К. Гротъ для водворенія во всѣхъ отрасляхъ управленія необходимаго порядка и для развитія въ офиціальныхъ служебныхъ дѣятеляхъ чувства долга. Усилія К. К. имѣли прямымъ послѣдствіемъ искорененіе взяточничества въ Самарскомъ краѣ,—особенность, которою этотъ край съ того времени сталъ справедливо гордиться“... Послѣ ухода К. К. „между городскимъ обществомъ и нимъ установились самыя теплыя отношенія, сохранившіяся до послѣдняго времени, что̀ свидѣтельствуется не только тѣмъ живымъ, сердечнымъ участіемъ, которое К. К. доселѣ принимаетъ во всѣхъ событіяхъ, имѣющихъ для города общественное значеніе особой важности, но и фактическими проявленіями, какъ напримѣръ учрежденіемъ К. К. стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ города и тѣми въ широкихъ размѣрахъ совершенными вкладами, которыми онъ до послѣдняго времени не перестаетъ обогащать мѣстную Публичную Библіотеку“ [1]).

Нѣсколько позже, въ 1893 г., Самарскій городской голова, выражая К. К. искреннѣйшую благодарность отъ лица городской думы за новый книжный даръ, исчисляетъ количество до тѣхъ поръ разновременно пожертвованныхъ имъ книгъ и изданій цифрой 2703 наименованій въ 4585 томахъ, упоминая еще объ особой залѣ Императора Александра II съ 12 наименованіями и 18 томами и о томъ,

---

[1]) Алабинъ. Трехъ-вѣковая годовщина гор. Самары. Самара. 1887, стр. 127—8.

что въ числѣ пожертвованій имѣется много библіографическихъ рѣдкостей и дорогихъ иллюстрированныхъ изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Свое благодарственное письмо онъ оканчиваетъ выраженіемъ твердой увѣренности, что „заботы“ его объ умственномъ преуспѣяніи населенія этого города „останутся незабвенными и въ будущихъ поколѣніяхъ“.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть еще, что послѣ кончины К. К., согласно его завѣщанію, оставшаяся библіотека его досталась также гор. Самарѣ—помимо завѣщанныхъ имъ еще крупныхъ суммъ туда же на просвѣтительныя цѣли.

К. Г.

К. К. ГРОТЪ—ДѢЯТЕЛЬ АКЦИЗНОЙ РЕФОРМЫ.

(1861—1869 г.г.).

I.

Изъ предыдущаго очерка и автобіографической записки К. К. Грота мы видѣли, что еще будучи Самарскимъ губернаторомъ Гротъ велъ съ откупщиками ожесточенную борьбу. Принявъ управленіе вновь учрежденной губерніею, глубокогуманный К. К. былъ пораженъ прискорбными проявленіями въ ней двухъ гнетущихъ народъ началъ—крѣпостного права и откупной системы, и со свойственною ему смѣлою, но спокойною и безстрашною твердостью и безукоризненною справедливостью, началъ преслѣдованіе всякаго незаконнаго проявленія этихъ золъ. Обновленіе личнаго состава чиновниковъ, запрещеніе откупной дани въ какой бы то ни было формѣ, настойчивое требованіе выставки на вино цѣнъ, утвержденныхъ сенатомъ,—уже тогда дали почувствовать откупу непреклонность и энергію новаго врага. Передъ К. К. не разъ вставалъ призракъ отвѣтственности за превышеніе власти, въ Петербургѣ на него хмурились, отмѣняли его распоряженія, но онъ не унывалъ [1]).

Могъ ли кто либо думать, что на долю К. К. всего черезъ нѣсколько лѣтъ выпадетъ честь стать тѣмъ доблестнымъ витяземъ, которому суждено было свершить великое и страшно трудное дѣло—сразить и уничтожить навсегда стоглавую гидру, которою являлся питейный откупъ?

Когда послѣ крымской войны надъ Россіей занималась заря свѣтлыхъ реформъ новаго царствованія, на

---

[1]) Автобіографическая записка, 8—9.—П. П. Семеновъ. Русск. Стар., 1898 г., IV—А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, II, 410.

пути всякаго улучшенія государственнаго управленія неумолимыми препятствіями стояли жестокое крѣпостное право, питейный откупъ и рекрутство—три главныхъ устоя внутренней жизни Россіи. Среди нихъ ютился судъ, „полный неправды черной", по выраженію Хомякова, и, какъ рѣдкіе островки въ морѣ тьмы, свѣтились университеты [1]).

Крѣпостное право и откупъ, замѣчаетъ И. Прыжовъ, возникли и окрѣпли на Руси почти одновременно, въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ (1592—1611 г.г.) и. по странному совпаденію, судьбѣ угодно было, чтобы черезъ 250 слишкомъ лѣтъ они также одновременно свергнуты были съ плечъ русскаго народа [2]). Тотъ же авторъ, посвятившій изученію питейнаго дѣла въ Россіи замѣчательный трудъ, въ свое время навлекшій страшный гнѣвъ цензуры за безпощадную критику вѣковыхъ отношеній правительства къ вопросу о борьбѣ съ народною нетрезвостью, долженъ былъ признать, что уничтоженіе откупа составило лучшую страницу царствованія Александра II [3]).

Прекращеніе откупной системы является у насъ не особнякомъ стоящею соціальною и финансовою мѣрою, а было крѣпкимъ звеномъ въ ряду цѣлаго ряда исторически назрѣвшихъ преобразованій, осуществленныхъ въ царствованіе императора Александра II. Подобно крестьянской реформѣ, отмѣна откуповъ по своему универсальному значенію сдѣлалась точкою отправленія для цѣлой системы послѣдующихъ реформъ—судебной, земской, военной и проч. Какъ не могло быть рѣчи о водвореніи права въ Россіи безъ освобожденія гражданской личности народа,—такъ и невозможно было расчитывать на жизненность реформъ безъ уничтоженія одной изъ самыхъ отвратительныхъ государственныхъ язвъ—безъ очищенія авгіевыхъ конюшенъ виннаго откупа.

Общество шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія,

---

[1]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, II, 408.

[2]) И. Прыжовъ. Исторія Кабаковъ въ Россіи, I, 45—50, 67—85.

[3]) Тамъ же, стр. 298.

радостно привѣтствовавшее рѣшимость правительства уничтожить застарѣлые недуги государственнаго организма, разсматривало питейную реформу, за небольшимъ исключеніемъ, безъ историческихъ перспективъ—не болѣе какъ актъ смѣлаго видоизмѣненія способовъ взиманія питейнаго налога, обѣщавшій увеличить поступленія казенныхъ сборовъ съ крѣпкихъ напитковъ и дать народу болѣе дешевое и доброкачественное вино. Но что скрыто было отъ глазъ массы общества, то ясно видѣлъ съ высоты своего призванія Царь-Освободитель. Онъ видѣлъ, что, при развращающемъ вліяніи откупа, всѣ государственныя преобразованія, подобно зернамъ, брошеннымъ на неприготовленную ниву, обречены будутъ на жалкое прозябаніе или даже на гибель [1]).

Безъ исторической экскурсіи трудно и въ наше время представить себѣ размѣры и пространство силы, захваченной откупщиками по всей Россіи, и все значеніе задачи, которую брали на себя сподвижники Александра II, рѣшаясь на окончательную отмѣну откуповъ послѣ 250-лѣтняго колебанія русскаго правительства въ выборѣ способа взиманія налога съ крѣпкихъ напитковъ.

II.

Способъ питейнаго сбора изстари былъ у насъ двоякій. Правительство получало этотъ сборъ или посредствомъ своего собственнаго, такъ называемаго казеннаго управленія, или посредствомъ отдачи его на откупъ: въ первомъ случаѣ оно поручало свои кабаки головамъ, избраннымъ общинами или непосредственно назначеннымъ отъ правительства; во второмъ—за условленную плату предоставляло винную торговлю желающимъ, и эти желающіе или откупщики были уже сами, такъ сказать, кабацкіе головы. Въ общемъ преобладалъ откупной способъ питейнаго сбора. О казенномъ

---

[1]) Краткій оч. 50-лѣтія акцизной системы взиманія налога съ крѣпк. напитк., II—111.

управленіи въ московскомъ государствѣ встрѣчаются положительныя свѣдѣнія съ XVII столѣтія. Оно существовало на ряду съ откупнымъ содержаніемъ этихъ сборовъ. Въ 1651 году были уничтожены откупа, но такъ какъ эта мѣра была причиною упадка государственныхъ доходовъ, а между тѣмъ война съ Польшею требовала чрезвычайныхъ издержекъ, то въ 1663 году откупное содержаніе, какъ болѣе выгодное для казны вслѣдствіе соперничества откупщиковъ, было возстановлено. Новое уничтоженіе откуповъ послѣдовало не ранѣе 1681 г.; съ того времени казенное управленіе продолжалось до временъ Елисаветы. Когда въ 1755 году казенное управленіе снова было замѣнено отдачею питейныхъ сборовъ на откупъ, то ожиданія отъ этой реформы не достаточно оправдались, какъ видно изъ указа Екатерины 1764 г. Финансовая комиссія, учрежденная въ этомъ году, раскрывъ безпорядки и злоупотребленія, лишившія казну важныхъ выгодъ, какія долженствовали быть отъ виннаго сбора, признала, однакожъ, способъ отдачи этихъ сборовъ въ откупное содержаніе выгоднѣйшимъ для казны. Въ 1819 году былъ сдѣланъ новый опытъ казеннаго управленія питейными сборами, но онъ былъ не удачнѣе прежнихъ многократныхъ опытовъ, и правительство рѣшилось отдать питейную продажу въ частныя руки на откупъ съ публичныхъ торговъ. Съ того времени по 1863 годъ питейные сборы исключительно отдавались съ торговъ въ правительствующемъ сенатѣ, производимыхъ единовременно въ каждые четыре года, и обыкновенно въ каждомъ изъ этихъ періодовъ откупная сумма была возвышаема противъ предыдущаго четырехлѣтія.

Въ послѣднее четырехлѣтіе существованія откупной системы было сдѣлано измѣненіе противъ бывшей системы акцизно-откупного комиссіонерства: прежде можно было торговаться разомъ на цѣлую губернію; теперь же было положено отдавать отдѣльно каждый городъ съ принадлежащимъ къ нему уѣздомъ, кромѣ губерній и областей Сибири. Владимірская губернія давала 515.000 р. ежегоднаго откупа; на послѣднихъ же торгахъ цѣна эта

поднялась до 1.416.000 рублей. Ярославская губернія давала прежде 596.000 руб. откупа; теперь эта цифра дошла до 1.355.000 руб. Сильная борьба происходила за Восточную Сибирь. Въ Западной и Восточной Сибири торговались не на количество откупной платы, а на количество ведеръ вина, которое откупщикъ обязуется ежегодно выбирать у казны. Въ Восточной Сибири прежде выбиралось 554.000 ведеръ, на послѣднихъ же торгахъ въ ней обязались выбирать по 1.040.000 ведеръ. Западная Сибирь взята Мамонтовымъ, который вмѣсто двухъ милліоновъ ведеръ сталъ выбирать почти три милліона. Губерніи Нижегородская и Казанская, составлявшія совокупный откупъ, розданы по уѣздамъ съ огромнымъ повышеніемъ цѣнъ. Нижегородская, вмѣсто прежнихъ 523.000, пошла въ 1.250.000. Казанская съ 102.000 поднялась до 760.000. Но въ особенности наддано было на города, которые лежали на пути желѣзныхъ дорогъ. Вообще наддано было на годъ 39.000.000 руб. сер., и доходъ казны отъ питейныхъ откуповъ поднялся до 160 милліоновъ рублей.

Такая громадная наддача въ тѣ годы удивляла всѣхъ. Вызвана она была отчасти дробленіемъ откуповъ на послѣднихъ торгахъ, которое дало небольшимъ капиталамъ возможность вступить кое-гдѣ въ состязаніе съ капиталами громадными; главнымъ же образомъ она объяснялась желаніемъ откупщиковъ утвердить въ выгодѣ откупной системы правительство, которое въ то время уже стало сильно озабочивать слышавшіяся по всему государству жалобы на откупъ, и надеждами откупщиковъ возвратить сторицею свои затраты отъ ожидавшихся большихъ выгодъ—проведенія желѣзныхъ дорогъ, освобожденія крестьянъ и оживленія другихъ сторонъ народной жизни. Заря новыхъ дней уже въ то время чувствовалась всѣми, и откупщики учитывали по своему грядущее возрожденіе Россіи.

Вотъ разговоръ, подслушанный во время торговъ въ сенатѣ:

„Ваша губернія пошла вчетверо выше“... — „Ну, да.

Да вѣдь тамъ желѣзная дорога пойдетъ, рабочаго народа будетъ много; деньги большія въ народѣ будутъ"... — „Да и ваша пошла никакъ впятеро"... — „Такъ-съ; только я сильно надѣюсь на муцыпацію (эмансипацію)".

Счастливчикъ и выговорить слова не умѣлъ, а возлагалъ на него всѣ свои упованія.

Окрыляли надежды откупщиковъ народныя бѣдствія—война, холера, голодъ и обѣднѣніе цѣлыхъ уѣздовъ [1]).

Лицъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ откупахъ на 4-лѣтіе съ 1859 по 1863 гг., числилось всего 146. Тутъ были греки, русскіе купцы, дворяне и разночинцы. Во главѣ всѣхъ стоялъ отставной поручикъ Бенардаки, уплачивавшій ежегодно 19.015.422 руб., далѣе слѣдовали 3 лица, уплачивавшія каждый свыше 5 милліоновъ, 24—отъ 1 до 5 милл., 30—отъ 500 тысячъ до 1 милл.; каждый изъ остальныхъ уплачивалъ менѣе 500 тысячъ руб. серебромъ. Въ распоряженіи этихъ лицъ въ однѣхъ только великороссійскихъ губерніяхъ находилась цѣлая армія служащихъ разныхъ степеней, по офиціальнымъ даннымъ—въ числѣ 36.148 человѣкъ, все благосостояніе которыхъ находилось въ рукахъ откупщиковъ. Нѣтъ свѣдѣній о числѣ служащихъ при откупахъ въ привилегированныхъ губерніяхъ и въ Сибири; но если принять во вниманіе, что означенные 36.148 человѣкъ обслуживали 18.894 разныхъ питейныхъ заведеній въ великороссійскихъ губерніяхъ, общее же число всѣхъ питейныхъ заведеній въ имперіи (по сенатскимъ реестрамъ къ торгамъ на откупъ) составляло въ 1859 г. — 77.838, то, по пропорціи, общій составъ откупныхъ служащихъ долженъ былъ доходить до 280.000 человѣкъ [2]).

Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо принять во вниманіе, что въ то время все населеніе Россіи не превышало 75 милліоновъ душъ. Не учитывая громаднаго роста съ тѣхъ поръ всѣхъ производительныхъ силъ страны и платежной способности на-

---

[1]) Бирж. Вѣд. 1864 г., прибавл. 9.

[2]) Краткій оч. 50-лѣтія акцизной системы, 10.

селенія,—только на одной пропорціи къ населенію, насчитываемому въ настоящее время (около 160 милліоновъ душъ), это было равносильно тому, какъ если бы теперь въ Россіи имѣлось 166.000 мѣстъ продажи вина при 597.280 агентахъ откупа [1]).

Вся эта армія, дисциплинированная въ духѣ соблюденія хозяйскаго и своего интереса всякими правдами и неправдами, преслѣдовала основную цѣль откупа, теоретически обоснованную въ 1844 году В. А. Кокоревымъ, управлявшимъ однимъ изъ откуповъ, который доказывалъ, что откупа *идутъ невыгодно* отъ дурного устройства ихъ хозяйствъ, и поэтому же *часть денегъ остается невыбранною изъ капитала, обращающагося въ народѣ*, и предлагалъ новую систему сборовъ. Система эта состояла въ томъ, чтобы—1) продавать болѣе разлитыхъ питей, и въ особенности спеціальныхъ водокъ, какъ продукта болѣе цѣннаго (въ условіяхъ казны съ откупщиками не устанавливалось предѣльныхъ цѣнъ „спеціальныхъ водокъ"); 2) замѣнить всѣхъ сидѣльцевъ и повѣренныхъ откупа такими людьми, которые „трудятся изъ насущнаго лишь хлѣба", а доходы ихъ обратить на откупъ; 3) вообще „дать дѣлу утонченно-торговый видъ и уничтожить соперничество, встрѣчаемое откупами отъ нѣкоторыхъ торговлей" [2]).

По окончаніи торговъ откупщики, сохраняя всѣ вѣками усвоенныя мерзости откупа, немедленно приступили къ наверстанію своихъ потерь (отъ большихъ наддачъ на торгахъ) непомѣрнымъ произвольнымъ повышеніемъ цѣнъ на вино при страшномъ пониженіи его качества.

---

[1]) По отчетамъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, въ 1911 году общее число казенныхъ и частныхъ заведеній, изъ которыхъ производилась продажа казенныхъ питей, было только 49915, и даже въ періодъ, предшествовавшій введенію казенной продажи питей, при свободной торговлѣ крѣпкими напитками, число заведеній торгующихъ спиртомъ и виномъ не превышало 114830 (1894 г.).

[2]) Сводъ свѣд. о пит. сб. въ Россіи. Изд. Гос. Сов., 1860 г. I, 131; III, 237—242.

III.

Вся откупная система была основана на обманѣ. Откупщикъ обманывалъ казну, обходя откупныя условія; онъ же обманывалъ своихъ повѣренныхъ и сидѣльцевъ, возвращая себѣ штрафами жалованье, которое давалъ имъ за службу; что онъ обманывалъ народъ, давая ему низкопробную водку по дорогой цѣнѣ, — объ этомъ говорятъ всѣ жалобы на откупщиковъ безъ исключенія. Современные отчеты министра внутреннихъ дѣлъ всѣ волненія и безпорядки, происходившіе въ послѣдніе годы откупной системы, приписываютъ исключительно злоупотребленіямъ откупщиковъ, отпускавшихъ вмѣсто вина грязную разведенную примѣсями жидкость [1]).

Въ свою очередь, повѣренный обманывалъ откупщика, входя въ соглашеніе съ сидѣльцами и покровительствуя ихъ поборамъ. А сидѣльцы обманывали и повѣренныхъ, и откупщиковъ, и народъ, разбавляя вино водою.

По самому осторожному расчету, помѣщенному въ свѣдѣніяхъ о питейныхъ сборахъ въ Россіи [2]), откупщики на 17 милліоновъ ведеръ добавляли 5 милліоновъ ведеръ воды, и народъ за эту воду платилъ въ годъ 40 милліоновъ рублей, полагая въ среднемъ ведро по 8 руб. Потребитель не былъ гарантированъ даже въ томъ случаѣ, если покупалъ вино въ запечатанной посудѣ. Отпечатавъ посуду и убѣдившись въ недоброкачественности вина, онъ не могъ никуда жаловаться: ему не вѣрили, и дурное качество вина объясняли намѣренной поддѣлкой, такъ какъ и чиновники были обыкновенно „на откупѣ“ у монополистовъ-откупщиковъ. Само законодательство давало откупщикамъ средства къ злоупотребленіямъ. Кромѣ обыкновеннаго полугарнаго вина откупщики имѣли право продавать такъ называемую „специальную“ водку. Про-

---

[1]) И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россіи, 1, 287.

[2]) Изд Д-та Госуд. Экономіи Госуд. Совѣта, 1860 г., т. II.

давать эту водку было несравненно выгоднѣе, такъ какъ здѣсь откупщикамъ было предоставлено право назначать цѣну произвольную. Отвѣтственности за неимѣніе полугара не было указано въ законѣ; поэтому простого вина откупщикъ обыкновенно „не имѣлъ"; такъ по крайней мѣрѣ онъ заявлялъ всѣмъ тѣмъ, кто, по его разсчету, долженъ былъ согласиться взять и „специальной", хотя по цѣнѣ несравненно высшей. Министерство финансовъ не только не противодѣйствовало этому злоупотребленію, но, напротивъ, ссылаясь на сдѣланныя откупщиками значительныя наддачи, наверстать которыя откупщики могутъ только широкимъ распространеніемъ по произвольнымъ цѣнамъ „специальныхъ" водокъ, конфиденціально просило губернаторовъ, въ случаѣ стѣсненія этой продажи, давать мѣстнымъ начальствамъ разрѣшенія и предписанія „объ отстраненіи" встрѣчаемыхъ откупщиками препятствій [1]). Да и по закону простой полугаръ можно было продавать только въ ведерныхъ лавкахъ, а не распивочно. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда потребитель желалъ купить вина въ количествѣ незначительномъ, онъ по необходимости долженъ былъ платить ту цѣну, которую назначилъ самъ откупщикъ [2]). Но и тамъ, гдѣ цѣна вина опредѣлялась закономъ, произволъ откупщика все-таки не устранялся. Напр., § 10 дѣйствовавшаго тогда устава о торговлѣ питьями требовалъ продажи улучшеннаго вина въ полугарѣ, обязательно въ стеклянной закрытой посудѣ, не дороже 4 рублей 50 коп. за ведро; § 69 дозволялъ $^1/_4$ и $^1/_8$ штофа продавать безъ печатныхъ ярлыковъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ откупщикъ могъ наливать въ посуду водку дурно очищенную или низкопробную, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда въ правительственномъ чиновникѣ покупатель не встрѣчалъ защитника своихъ интересовъ.

---

[1]) Сообщеніе министра финансовъ Княжевича на имя начальника Самарской губерніи, отъ 19 января, 1859 г., за № 155.

[2]) Архивъ Гл. Упр. н. сб. и каз. прод. пит. Д. № 1, за 1852 г. I отд., I ст.

А каковы могли быть эти защитники, можно напримѣръ судить по тому, что классная должность виннаго пристава оплачивалась казною всего только 114 руб. въ годъ [1]).

Не устранялось въ указанныхъ случаяхъ и злоупотребленіе, которое имѣлось въ виду § 129 устава о питейной торговлѣ, которымъ „испорченное вино примѣсью одной воды дозволялось откупщикамъ сдабривать подъ наблюденіемъ мѣстной полиціи". Полиція, которая не гарантировала потребителя отъ покупки плохого вина подъ хорошимъ ярлыкомъ, не могла служить порукой въ томъ, что сдабриваніе произведено безъ извѣстныхъ откупщикамъ специй, вредно влiявшихъ на здоровье народа. Если даже водку „специальную", за которую цѣна назначалась почти вдвое дороже противъ обыкновенной, откупщики ухитрялись приготовлять изъ незначительнаго количества процентовъ алкоголя съ примѣсью воды, сахара, имбиря и др. дешевыхъ продуктовъ, то при сдабриваніи вина испорченнаго, разсчитаннаго уже на цѣну пониженную, обращалось вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобы при небольшихъ расходахъ вино было крѣпкимъ, такъ какъ крѣпость лучше всего покрываетъ его недостатки.

По свидѣтельству И. Прыжова, въ послѣдніе годы существованія откуповъ водку смѣнила „мутная жижа", получившая названіе, по цвѣту своему, *сивухи, сиволдая;* названія же водокъ были вульгарны и даже кощунственны: Райская влага, Царская, Чѣмъ тебя я огорчила, Пожиже воды, Пользительная дурь, Дешевая, Продажный разумъ, Сиротскія слезы, Подвздошная, Крякунъ, Горемычная,

---

[1]) Б. К. Кубель — единственный изъ остававшихся донынѣ въ живыхъ (скончался въ іюнѣ сего 1914 г., къ сожалѣнію не доживъ до выхода настоящаго сборника) бывшихъ управляющихъ акцизными сборами, впервые назначенныхъ К. К. Гротомъ на эту должность, въ своихъ воспоминаніяхъ (не напечатаны) къ 50-лѣтнему юбилею акцизной системы свидѣтельствуетъ, что винные пристава получали обыкновенно не менѣе 1000 руб. въ годъ отъ откупщика и усерднѣе служили интересамъ откупа, нежели интересамъ казны.

Прильне языкъ, Сильвупле, Французская 14 класса и т. п. [1]).

Если къ этому прибавить, что штрафы за обмѣры и примѣсь воды предоставлено было взыскивать съ сидѣльцевъ самимъ же откупщикамъ,—то полная безпомощность потребителя станетъ очевидною.

Но откупъ былъ обременителенъ и для сторонней публики (когда она не была въ роли потребителя). Отдача губерній, уѣздовъ и отдѣльныхъ городовъ на откупъ дѣлила Россію на отдѣльныя какъ-бы вотчины или герцогства, окруженныя заставами, въ родѣ таможенъ, съ откупною стражею, которая останавливала проѣзжихъ, шарила въ экипажахъ и наносила оскорбленія, а существовавшая значительная разница въ размѣрѣ питейнаго налога, падавшаго на одно ведро спирта, колеблясь по отдѣльнымъ откупамъ отъ 1 руб. 12 коп. до 15 руб. 14 коп. и дополняя означенное сходство, въ сильной степени должна была поощрять корчемство и недозволенный провозъ вина изъ границъ одного района (дешеваго) въ предѣлы другого (гдѣ вино обходилось дороже). При обыскѣ клади (воза) откупная стража или употребляла „щупы"—длинные острые шесты и прутья, которыми пронизывали кладь, или часто обходилась безъ нихъ, но зато разбрасывала возъ. „Щупы" часто портили нѣкоторыя вещи, а при второмъ способѣ, послѣ контроля кордонной стражи, проѣзжій часто не могъ продолжать путь, такъ какъ привести возъ въ должный порядокъ одному было не подъ силу. Въ такихъ случаяхъ оставался единственный исходъ: заплатить стражѣ, вообще—просить милости, но не возражать. Для тѣхъ, кто позволялъ себѣ вступать въ пререканія, была страшная угроза: кордонные подкидывали вино, уличали и давали знать ближайшей полиціи, а пока та, занятая своими дѣлами, медлила,—держали проѣзжаго подъ стражей. Тянулась такая проволочка долго, но и дальнѣйшая

---

[1]) И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россіи. I, 287. К. Ф. Станкевичъ.—Записки (ненапеч.).

судьба лица, попавшаго подъ опалу у откупа, была неутѣшительна: допросъ, отсутствіе доказательствъ, судъ и подачки. Эту участь приходилось испытывать даже и нѣкоторымъ помѣщикамъ, возбуждавшимъ почему-либо недовольство кордонныхъ [1]). Тѣмъ болѣе не могли бороться съ такимъ злоупотребленіемъ поселяне.

Статья закона, относившаяся къ этому пункту, была также тягостна для населенія. Вотъ что предписывалъ § 279 устава о питейной торговлѣ: „Для удобнѣйшаго искорененія запрещеннаго провоза питей“ (черезъ границу откупа) „и для отвращенія всякой медленности въ преслѣдованіи этого зла, постановляется, чтобы сельское начальство, по свѣдѣнію, дошедшему о такомъ провозѣ, назначало тотчасъ, не ожидая приказанія отъ своего начальства, потребное число понятыхъ, коимъ вмѣняется въ обязанность преслѣдовать виновныхъ провозителей, и если бы понятые не могли поймать ихъ въ своемъ уѣздѣ, то продолжать преслѣдованіе въ города и сосѣдніе уѣзды другихъ великороссійскихъ и на другихъ правахъ стоящихъ губерній, давая въ то же время знать по принадлежности ближайшему чиновнику городской или земской полиціи или сельскому же начальству для дальнѣйшаго съ ихъ стороны преслѣдованія и поимки. Впрочемъ не возбраняется стражѣ откупщиковъ задерживать упомянутыхъ провозителей и отводить ихъ къ ближайшему ихъ сельскому начальству, отнюдь не дозволяя себѣ дерзкихъ поступковъ при отводѣ“.

Такимъ образомъ, при существованіи откупа были какъ-бы постоянныя облавы, которыя обременительно ложились и на проѣзжихъ вблизи пограничной черты, и на тѣхъ, которые могли расчитывать не имѣть никакихъ отношеній къ кордоннымъ: въ самую неожиданную минуту

---

[1]) Помѣщику Волынской губерніи I. Запольскому судебная волокита по поводу столкновенія съ кордонною стражею откупщика и чинами земской полиціи, при которыхъ Запольскій, считая себя неосновательно задержаннымъ и обысканнымъ, избилъ палкою служителей откупа,—обошлась свыше 8000 руб. (К. Ф. Станкевичъ.—Записки).

ихъ могли потребовать въ качествѣ понятыхъ и. отвлекая отъ ихъ обычныхъ занятій. заставить отправиться на поиски нарушителей чужихъ интересовъ,—интересовъ откупщиковъ.

Наконецъ излюбленнымъ пріемомъ откупщиковъ было подбрасываніе вина въ дома зажиточныхъ поселянъ [1]).

Многія тысячи людей, признанныхъ корчемниками, заполняли тюрьмы или шли въ Сибирь [2]). По словамъ Аверина, не было ни у кого достаточной безопасности отъ поклепа корчемствомъ [3]). Страсть къ корчемству имѣла гибельное вліяніе и на самихъ блюстителей порядка: потворство полиціи становилось во многихъ случаяхъ очевиднымъ [4]).

Помимо стороны экономической, откупъ былъ вреденъ и въ отношеніи нравственномъ, такъ какъ для бóльшаго сбыта вина откупщики старались завлекать къ себѣ народъ, не разбираясь въ средствахъ. Балалайки. шарманки, крики, пляски, пѣсни, драки — особенно въ праздничные дни,—вотъ что собирало толпу возлѣ питейныхъ домовъ. И откупщики не только не заботились о пресѣченіи такихъ безобразій, но дѣлали съ своей сто-

---

[1]) Ист. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 145, 346.

[2]) По отчетамъ министерства юстиціи, число подсудимыхъ по нарушенію устава о питейной торговлѣ только по дѣламъ, бывшимъ на разсмотрѣніи уголовныхъ палатъ и равныхъ имъ мѣстъ, въ десятилѣтіе съ 1840 года простиралось до 60480 человѣкъ, т. е. по 6048 человѣкъ ежегодно. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Смоленской, Орловской, Курской) число виновныхъ противъ питейнаго устава составляло около трети числа всѣхъ подсудимыхъ. Въ Вятской губерніи число подсудимыхъ по питейнымъ дѣламъ доходило въ 1853—1858 г.г. до 13420 человѣкъ. Въ 1858 году общее число подсудимыхъ по питейнымъ дѣламъ простиралось до 110976 человѣкъ. Сообразно увеличенію числа корчемниковъ и нарушителей питейнаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ пьяницъ и бѣдняковъ, увеличивалось и общее число арестантовъ: по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1845 году арестантовъ считалось 176239, а въ 1855 году уже 324391 человѣкъ. (И. Прыжовъ, Истор. кабаковъ въ Россіи, I, 283. Свѣд. о пит. сб. въ Россіи, офиц. изд. 1860 г., III, 66—70).

[3]) «Чтеніе», 1858 г., IV.

[4]) Отчетъ М-ва Вн. Дѣлъ, 1854 г., 346.

роны все возможное, чтобы привлечь покупателей. Если гдѣ либо въ населенiи замѣчалось стремленiе къ трезвости, откупщикъ спѣшилъ принять свои мѣры; распространеннымъ средствомъ въ такихъ случаяхъ служило устройство въ питейныхъ домахъ „гулянiй“ — сидѣльцу давался приказъ „гулять“ самому и угощать безплатно виномъ всѣхъ желающихъ; передъ корчмами выставлялись цѣлыя бочки дарового вина [1]). По соображенiю и желанiю откупщика, такой разгулъ продолжался обыкновенно до двухъ недѣль. Откупщики продавали вино не только изъ питейныхъ домовъ и временныхъ выставокъ (что было дозволено закономъ), но и въ магазинахъ (при которыхъ для этой цѣли были устроены особыя помѣщенiя); въ мелочныхъ лавкахъ, постоялыхъ дворахъ и баняхъ вино тоже продавалось, и откупщики брали съ торговцевъ акцизъ по личному соглашенiю въ такихъ размѣрахъ, что содержатели этихъ заведенiй съ своей стороны вынуждались завлекать народъ различными приманками. Не одно только спаиванье, но и всѣ тѣ сцены безобразiй, свидѣтелемъ которыхъ былъ народъ возлѣ питейныхъ домовъ, вносили деморализацiю въ общественный организмъ.

Винокуренная промышленность при господствѣ откупа была въ сильной степени угнетена, и техника ея въ Россiи являлась весьма отсталою. Силой ли своего влiянiя, или денежными обязательствами, откупщикъ, какъ паукъ въ сѣтяхъ, опутывалъ каждаго заводчика и заставлялъ покориться себѣ. Откупщики имѣли возможность по личнымъ своимъ соображенiямъ оживить винокуренiе въ одной мѣстности и совершенно убить его въ другой. Винокуренiе было совершенно оторвано отъ земледѣлiя и развивалось безъ всякаго отношенiя къ нему. Чаще всего оно носило случайный характеръ: въ мѣстахъ, гдѣ винокуренiе могло бы служить поддержкой земледѣ-

---

[1]) Въ перiодъ откуповъ, подъ влiянiемъ небывалаго пьянства, въ мiрѣ народныхъ повѣрiй возникъ и сложился образъ *Ярилы*—бога водки, великороссiйскаго Бахуса (И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россiи, I, 265).

лію, оно совершенно глохло, развиваясь въ то же время тамъ, гдѣ совокупность благопріятныхъ почвенныхъ или промышленныхъ условій исключала необходимость въ подобномъ промыслѣ. Развитіе винокуренія было поставлено въ зависимость отъ предполагаемыхъ сборовъ и интереса откупной системы.

Водочное производство, пивоваренная промышленность и сродное съ нею медовареніе въ общемъ раздѣляли судьбу винокуренной промышленности, при чемъ въ особенности подвержены были гнету откуповъ пивоваренные заводы, производительность которыхъ, напримѣръ, передъ послѣдней сдачею откуповъ въ одинъ годъ упала на 50%.

При откупномъ способѣ взиманія налога съ крѣпкихъ напитковъ правительство теряло всякую возможность регулировать этотъ налогъ, и тяжесть его, вслѣдствіе этого, ложилась на населеніе поразительно неравномѣрно, колеблясь (1859 г.) отъ 17 коп. до 9 руб. 67 коп. на душу [1]). Сообразно съ этимъ и размѣръ душевого потребленія вина колебался въ очень широкихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ, отъ питейныхъ откуповъ страдали и потребители, и не потреблявшіе вина обыватели, и промышленность, и интересы сельскаго хозяйства.

---

[1]) По офиціальнымъ свѣдѣніямъ 1859 г. питейный налогъ распредѣлялся на душу по отдѣльнымъ губерніямъ въ слѣдующемъ размѣрѣ, въ рубляхъ: С.-Петербургская—9,67, Московская —6,10, Енисейская—5,39, Ставропольская—3,99. Херсонская—3,49, Астраханская—2,67, Ярославская —2,47, Таврическая—2,43, Воронежская—2,06, Владимірская —2,05, Нижегородская—1,92, Орловская—1,90, Тульская и Екатеринославская—1,88, Томская—1,79, Тверская—1,77, Иркутская—1,75, Рязанская—1,69, Саратовская—1,62, Калужская—1,59, Курская, Тамбовская и Кіевская—1,58, Архангельская—1,49, Тобольская—1,45, Псковская—1,40, Самарская—1,39, Харьковская—1,31, Черниговская—1,25, Пермская—1,22, Пензенская—1,19 Бессарабская и Полтавская—1,18, Смоленская —1,17, Казанская —1,12, Симбирская—1,10, Подольская—1,06, Волынская—1,03, Вологодская—1,01, Олонецкая—0,99, Оренбургская, Минская и Гродненская—0,93, Вятская—0,92, Могилевская—0,86, Витебская—0,78, Виленская—0,61, и Ковенская—0,17. (Труды Комис. для составл. проекта полож. объ акц. съ пит. 1862 г., стр. 220—221).

IV.

Повидимому, было бы странно включать въ число потерпѣвшихъ и государственную казну; но это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію:

Ущербъ наносился государственной казнѣ въ огромныхъ размѣрахъ. И не удивительно: откупщики употребляли всѣ усилія, чтобы выгоды монополіи прошли мимо государственнаго казначейства.

Особенно рѣзко выдѣлялось то обстоятельство, что откупщики были сами корчемниками. Не выбирая изъ казны условленнаго количества вина, отговариваясь напускомъ корчемнаго вина изъ сосѣднихъ губерній, они de facto держали шинки, которые скупали „дешевку“, замѣнявшую вино казенныхъ подваловъ, закупленное у частныхъ заводчиковъ правительствомъ и сохранявшееся подъ присмотромъ казенныхъ приставовъ. Откупщики должны были слѣдить за корчемствомъ заводчиковъ, но и у этихъ они сами покупали вино, если нельзя было достать „дешевки“ изъ губерній привилегированныхъ. За корчемствомъ, вообще, откупщики слѣдили только тогда, когда могли нарушаться ихъ интересы; въ тѣхъ же случаяхъ, когда контрабанда увеличивала ихъ прибыль, они и сами занимались корчемствомъ и охотно ему покровительствовали.

Не смотря на то, что откупная сумма обезпечивалась залогомъ (въ размѣрѣ $^1/_3$ годового взноса) и имуществомъ откупщика, казна ежегодно не добирала объявленной откупной суммы, благодаря постояннымъ разсрочкамъ и сложеніямъ долговъ по несостоятельности, которая очень часто была не чѣмъ инымъ, какъ злостнымъ банкротствомъ. Это подтверждаютъ тѣ случаи, когда откупщики, накопившіе недоимку, не только не бросали своего откупа на слѣдующее четырехлѣтіе, но старались взять его на условіяхъ даже болѣе выгодныхъ.

Несостоятельный откупщикъ, по закону, долженъ былъ передать свой откупъ въ вѣдѣніе казны. Но казна

отъ этого не выигрывала. Откупщикъ, предвидѣвшій гибель своего откупа или имѣвшій въ виду покончить съ нимъ намѣреннымъ заявленіемъ о своей несостоятельности, покупалъ вино у частныхъ заводчиковъ и пускалъ его по небывало дешевымъ цѣнамъ, лишь бы покрыть свой залогъ. Сбытъ выходилъ очень выгодный, залогъ быстро возмѣщался, а казна, взявъ откупъ въ свои руки, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, перваго года страшно недобирала. Что взятіе откупа въ казну вообще было невыгодно для правительства, объ этомъ можно судить уже и по тому, что эта мѣра, въ случаѣ недоразумѣній между правительствомъ и откупомъ, выставлялась какъ угроза именно со стороны, откуда ее труднѣе всего было бы ожидать,— со стороны откупщиковъ: они часто грозили, что бросятъ откупъ, т. е. заставятъ казну волей-неволей взять его въ свои руки.

Казна вынуждалась дѣлать уступки. Безспорно, что нерѣдко это нужно было сдѣлать и въ интересахъ неписаннаго закона милости, хотя бы вопреки буквѣ статей контракта. Но и тутъ было нарушеніе справедливости, такъ сказать, государственной,—нарушеніе равновѣсія въ поступленіи государственныхъ доходовъ. Дѣлая разсрочки и сложенія платежей тѣмъ откупщикамъ, въ рукахъ которыхъ оказались мѣстности, пострадавшія отъ какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствій (голодъ, эпидемія, пожары и т. п.), казна терпѣла двойной проигрышъ: она участвовала въ убыткахъ одной половины имперіи, не участвуя или, по крайней мѣрѣ, очень мало участвуя въ то же время въ барышахъ другой. Откупщики тѣхъ мѣстностей, которыя обогащались на счетъ потерпѣвшихъ, получали доходъ значительно превышавшій сумму обычную, но этимъ излишкомъ они дѣлились бы съ казной лишь въ томъ случаѣ, если-бы излишекъ потребляемаго народомъ вина выбирался изъ казенныхъ подваловъ. Между тѣмъ, было не мало даже такихъ откупщиковъ, которые не хотѣли полностью выбирать и обязательное количество ведеръ, предпочитая записаться въ число недоимщиковъ и торговать „дешевкой“. Излишнее количе-

ство, которое предлагалось уже на льготныхъ условіяхъ, изъ казенныхъ подваловъ брали откупщики очень немногіе.

Самая разсрочка откупныхъ недоимокъ высчитывалась такимъ образомъ, что было въ прямыхъ интересахъ откупщика сдѣлать недоимку. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ такъ называемый секретный комитетъ. Онъ раскладывалъ недоимку на нѣсколько лѣтъ безъ процентовъ; но если при этомъ откупщикъ вносилъ недоимку или часть ея раньше назначеннаго срока, то комитетъ учитывалъ ему 6% на весь льготный срокъ, оставшійся до времени уплаты. При такихъ льготахъ былъ разсчетъ заявить о недоимкѣ и потомъ внести ее тотчасъ же послѣ разсрочки.

Правительство знало, что откупщики скрываютъ значительную часть своихъ доходовъ. По имѣющимся положительнымъ свѣдѣніямъ въ отношеніи только 16 привилегированныхъ губерній за время съ 1851 по 1859 годъ видно, что, напримѣръ, сумма одного полученнаго ими акциза по ярлыкамъ, которые выдавались на отпускъ вина съ заводовъ, т. е. по одной оптовой продажѣ, превышала на 73% сумму откупа, уплачивавшагося ими въ казну, и ни разу не была ниже 36% [1]). Сколько же наживали откупщики при раздробительной продажѣ вина — этого опредѣлить невозможно. По приблизительному только исчисленію Бабста, ежегодный доходъ откупщиковъ простирался по всей имперіи до 600 милліоновъ рублей (въ одной Великороссіи — отъ 182 до 202 милл.), по Плишу — отъ 500 до 600 милл., а по Закревскому — до 781.250.000 руб. сер. Сюда не входятъ громадныя суммы, оставшіяся въ недоимкѣ за откупщиками и украденныя ими. Такъ, недочетъ на откупщикѣ Логиновѣ простирался до 2 милліоновъ рублей. Гарфункель, бывшій откупщикомъ, *задолжалъ* казнѣ 1.125.000 руб. сер., бѣжалъ заграницу и сдѣлался французскимъ гражданиномъ [2]).

---

[1]) Свѣд. о пит. сборѣ въ Россіи, III, 15.

[2]) И. Прыжовъ. Ист. кабаковъ въ Россіи, I, 286.

V.

Откупные способы взиманія косвенныхъ налоговъ присущи были всѣмъ государствамъ Западной Европы въ періоды низкаго развитія финансовой техники; однако исторія не знаетъ примѣра, гдѣ бы сборъ налога съ спиртныхъ напитковъ сопровождался бо́льшимъ чѣмъ въ Россіи, въ періодъ господства откуповъ, отягченіемъ народа.

Если принять во вниманіе, что весь государственный бюджетъ Россіи (*обыкновенные* и оборотные доходы) во второй половинѣ прошлаго столѣтія до отмѣны откуповъ въ среднемъ достигалъ только 308 милл. рублей въ годъ, что добывающая и обрабатывающая промышленность въ Россіи тогда едва только зарождалась, что государство было истощено войной съ европейской коалиціей, — станетъ яснымъ, насколько чудовищно-кошмаренъ былъ частный бюджетъ откупа въ приложеніи къ странѣ съ 70—75 милліоннымъ населеніемъ, и какое громадное вліяніе откупная система должна была оказывать на всѣ стороны народной жизни.

Но самая печальная ея сторона, по признанію всѣхъ изслѣдователей эпохи, заключалась въ развращающемъ вліяніи откупа на всю периферію правительственнаго механизма — губернскую и уѣздную администрацію, и въ томъ, что правительство, для поддержанія питейнаго дохода отъ возможнаго паденія, было поставлено въ необходимость относиться къ дѣйствіямъ откупщиковъ снисходительно.

Кромѣ обирательства народа черезъ разбавленіе вина водою и приправленіе его дурманомъ, а также всякихъ насилій подъ флагомъ борьбы съ корчемствомъ, „чрезмѣрная доходность откупа“ говоритъ А. Ѳ. Кони „достигалась развращеніемъ чиновниковъ путемъ опредѣленной дани всѣмъ отъ мала до велика. Ко всему этому мѣстныя власти, при помощи дружескаго союза между услужливымъ закономъ и податливымъ судомъ, относились съ

благосклоннымъ попустительствомъ и ласковымъ опасеніемъ, что откупщикъ можетъ „не устоять". На этой почвѣ выросталъ и пускалъ корни мѣстный провинціальный питейный меценатъ и покровитель искусствъ, низкопоклонный предъ властями въ Петербургѣ, надменный въ губернскомъ городѣ съ низшими, вкрадчивый съ равными, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированный насильникъ въ защиту своихъ правъ на это" [1]). Администрація получала правильное жалованье отъ откуповъ, но это не считалось взяткой, а безгрѣшнымъ приношеніемъ, прибавочнымъ къ казенному жалованью [2]). Взявъ откупъ, откупщикъ старался прежде всего задобрить чиновниковъ. Изъ подлиннаго откупного учета одного изъ *небогатыхъ* городовъ Новгородской губерніи оказывается, по свидѣтельству профессора Киттары, что въ этомъ захудаломъ откупѣ въ 1856 году было роздано чиновникамъ натурою 836 ведеръ вина (при цѣнѣ 8 рублей за ведро—на сумму 6688 руб.). Кромѣ того откупщики платили жалованье чуть ли не всей полиціи [3]).

---

[1]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, I, 410.

[2]) Проф. И. Х. Озеровъ. Основы финансов. науки, I, 162.

[3]) Киттара. Лекціи о винок. I.—Въ «Свѣдѣніяхъ о питейныхъ сборахъ въ Россіи», изданныхъ 1860 году Государственною Канцеляріею, находится слѣдующій реестръ экстраординарныхъ расходовъ откупщика:

	По губернскому откупу.	По уѣздному откупу.
Губернатору (на улучшеніе города или дѣтскихъ пріютовъ)	3.000	—
На канцелярію его	1.200	—
Полицеймейстеру	1.200	—
Городничему	—	420
Секретарю полиціи	300	200
Частнымъ приставамъ	720	240
Квартальнымъ надзирателямъ	360	120
Исправнику	600	420
Окружному	500	420
Становымъ	720	540
Непремѣнному засѣдателю	300	240

Имѣть дѣло съ откупомъ было всегда выгодно, и въ губерніяхъ всѣ расчеты по этимъ дѣламъ лежали на вице-губернаторахъ. По этому поводу разсказывали анекдотъ (извѣстный еще А. С. Пушкину): когда у зданія сената однажды былъ большой съѣздъ экипажей, то на вопросъ императора Александра I—что̀ это значитъ—одинъ изъ его приближенныхъ А. Л. Нарышкинъ отвѣтилъ, что это съѣхались губернаторы проситься на должность вице-губернатора [1]).

Вліяніе откупщиковъ было такъ велико, что ихъ служащіе могли быть арестованы лишь съ вѣдома самого откупщика—и то только по уголовнымъ преступленіямъ. Заинтересованные въ народномъ пьянствѣ, откупщики свирѣпствовали противъ обществъ трезвости и духовенства: они выставляли тѣхъ, кто рѣшался вести трезвую жизнь, опасными для государства, обращались къ доносу, прежде всего напускали на мужиковъ исправника, который пріѣзжалъ, начиналъ придираться—нѣтъ ли безпаспортныхъ, всѣ ли внесены повинности, отчего дурна дорога, убѣждалъ населеніе, чтобы оно пило водку [2]). „Казенное управленіе“ въ томъ смыслѣ, какъ его принято понимать въ настоящее время, и откупъ—были синонимами [3]), и отказывать въ содѣйствіи откупу

	По губернскому откупу.	По уѣздному откупу.
Секретарю земскаго суда	300	180
Предсѣдателю казенной палаты . . .	2.000	—
Совѣтнику питейнаго отдѣленія . . .	600	—
Столоначальнику и на канцелярію стола	600	—
Винному приставу	600	420
Итого	13.000	3.700

Въ источникѣ, изъ котораго свѣдѣнія эти заимствованы, содержится оговорка, что въ другихъ случаяхъ подобнаго рода расходы бывали *гораздо значительнѣе.* Свѣд. о пит. сб. въ Россіи, III, 114—115.

[1]) «Новое Время», № 7852. К. Ф. Станкевичъ—Записки.

[2]) И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россіи, I, 293.

[3]) Указомъ императрицы Екатерины II отъ 1 августа 1765 г., повелѣно было, вслѣдствіе того, что «отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе ка-

значило итти противъ интереса государственнаго казначейства. Самарскій губернаторъ (въ то время имъ былъ уже К. К. Гротъ) объявлялъ, что чиновники смотрятъ на распоряженія, касающіяся нарушеній откупщиками откупныхъ правилъ, какъ на одну лишь формальность, не требующую дѣйствительнаго исполненія [1]).

Параличъ власти по отношенію къ откупщикамъ, впрочемъ, не ограничивался чинами губернской и уѣздной администраціи. Наглость и вліяніе откупщиковъ доходили до того, что они допускали всѣ свои злоупотребленія и въ С.-Петербургѣ—на глазахъ у всего высшаго правительства. По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ 1 ноября 1850 года послѣдовало Высочайшее повеленіе о производствѣ слѣдствія о злоупотребленіяхъ откупа въ столицѣ, но откупщики сумѣли представить дѣло такъ, что уже черезъ десять дней состоялось другое Высочайшее повелѣніе о прекращеніи этого слѣдствія [2]). Когда нѣкоторые губернаторы указывали откупщикамъ на нарушенія откупныхъ правилъ, вызывавшія ропотъ и жалобы, откупщики прямо ссылались на директивы правительства, которыми имъ предоставлено не стѣсняться въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовать по своему усмотрѣнію къ выгодамъ откупа, а представленія губернаторовъ высшему начальству о безобразіяхъ откупщиковъ обыкновенно встрѣчались холодно или даже съ открытымъ недовѣріемъ [3]).

Дѣло доходило до того, что министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, по настоя-

---

бака сдѣлалось весьма подло и безчестно, хотя въ самомъ дѣлѣ безчестно токмо худое питья употребленіе», названіе кабака уничтожить, замѣнивъ его «питейнымъ домомъ», продажу «именовать и почитать казенною и откупщиковъ, во время ихъ откупа, коронными повѣренными служителями, дозволяя имъ для того носить шпагу».

[1]) Самарск. Губ. Вѣд. 1859 г., № 24.

[2]) При слѣдствіи этомъ сидѣльцы оказывали чиновникамъ «упорство», а одинъ даже сказалъ, что никого, кромѣ питейной конторы, слушаться не намѣренъ.

[3]) И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россіи, 1, 284.

нію откупщиковъ, предписали не допускать совершеннаго запрещенія питья водки, такъ какъ это противно не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе. Изданная брошюра о братствѣ трезвости была отобрана изъ типографіи, было предписано объявить публично въ церкви народу, что данные обѣты и присяги относятся единственно въ воздержанію отъ излишняго употребленія напитковъ, а не къ умѣренному употребленію вина, которое не только не вредно, но даже необходимо. Велѣно было приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воспрещеніи употребленія вина уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ не допускать... [1]). Въ 1859 году министръ финансовъ, все подъ тѣмъ же опасеніемъ, что при пропагандѣ трезвости содержатели откуповъ „не устоятъ“ и, слѣдовательно, важнѣйшая часть государственныхъ доходовъ понесетъ ущербъ, и можетъ остановиться производство важнѣйшихъ государственныхъ расходовъ, даже пробовалъ воздѣйствовать на Святѣйшій Синодъ, но послѣдній отвѣтилъ, что содѣйствіе православнаго духовенства къ поддержанію рѣшимости прихожанъ воздержаться отъ употребленія вина вполнѣ приличествуетъ пастырскому служенію [2]). На пространствѣ исторіи откуповъ было не мало примѣровъ, когда даже люди святой жизни падали подъ происками откупа. Епископъ воронежскій Тихонъ, по доносу откупщиковъ о томъ, что онъ смущаетъ народъ, учитъ не пить водки и тѣмъ подрываетъ казенный интересъ, въ 1767 году долженъ былъ отправиться на покой... Народъ проводилъ своего епископа со слезами, и впослѣдствіи св. Тихонъ является однимъ изъ угодниковъ, наиболѣе близкихъ народному сердцу [3]).

Къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія зло-

[1]) Свѣд. о пит. сб. въ Россіи, I, 202—207; II, 218—242.
[2]) Свѣд. о пит. сб. въ Россія, II, 236—240.
[3]) И. Прыжовъ. Ист. каб. въ Россіи, I, 265.

употребленія откупщиковъ повсемѣстно приняли вообще такіе размѣры, что далѣе не могли быть терпимы, и самое обновленіе Россіи, задуманное императоромъ Александромъ II, не могло быть уложено рядомъ съ гнусностью и всеразвращающимъ вліяніемъ виннаго откупа.

VI.

Попытка ввести казенную продажу вина въ 1819 году, неудавшаяся въ фискальномъ отношеніи, а также разныя частныя мѣропріятія, осуществляемыя то въ видѣ отдѣльныхъ законоположеній, то въ видѣ измѣненія откупныхъ условій, доказывали, что въ правительствѣ, въ теченіе всего откупного періода, никогда не терялось сознаніе о глубокомъ вредѣ установившихся порядковъ взиманія питейнаго сбора; но бороться съ откупами, не уничтоживъ окончательно откупа, было невозможно.

Мысль о замѣнѣ откуповъ чисто акцизной системой возникла еще при министрѣ финансовъ графѣ Гурьевѣ, и введенная при немъ казенная продажа вина должна была, по его мнѣнію, служить переходной мѣрой къ акцизной системѣ [1]). Государственный совѣтъ еще въ

[1]) Небезинтересны взгляды провалившаго тогда эту систему графа Канкрина, въ небывало долгое пребываніе котораго на посту министра финансовъ (1823 – 1844 г.г.) питейные откупа получили полное господство и развитіе, равно какъ достигла также полнаго апогея финансовая система, первымъ основаніемъ которой послужило введеніе подушной подати. т. е. обложеніе наименѣе имущихъ податныхъ классовъ. Въ 1826 году во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Канкринъ изъяснялъ, что казенное управленіе показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по этой части обращались непосредственно въ упрекъ правительству, сословіе чиновниковъ развращалось, а публика приписывала затруднительное время и дешевизну хлѣба отмѣнѣ откуповъ. Если пьянство уменьшилось, то это происходитъ болѣе отъ перемѣны нравовъ; но *желать должно, чтобы умѣренное употребленіе вина между простолюдиновъ умножилось*, ибо въ государствѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ главное занятіе, а городовъ мало, хлѣбъ можетъ находить свое употребленіе только превращеніемъ въ вино. Публика полагаетъ, говорилъ далѣе гр. Канкринъ, что возобновленіемъ откуповъ оживилась бы внутренняя промышлен-

1848 году отдавалъ предпочтеніе чисто акцизной системѣ и въ то-же время указалъ главныя ея основанія, но по непринятію тогда мѣръ къ развитію выраженныхъ государственнымъ совѣтомъ началъ, откупа не только не были отстранены, а, напротивъ, получили еще бо́льшее развитіе, почему увеличились и всѣ вредныя ихъ послѣдствія.

Каждый разъ, какъ только возникалъ вопросъ объ отмѣнѣ откуповъ, въ качествѣ рѣшающаго аргумента выставлялся недостатокъ въ Россіи благонадежныхъ людей, которымъ можно было бы поручить сборъ акциза.

Акцизная система имѣла очень много враговъ, и не только изъ среды тѣхъ, чьи интересы были связаны съ откупомъ, но и со стороны лицъ, враждебно относившихся къ послѣднему. Несмотря на то, что государственный совѣтъ, какъ было упомянуто, еще въ 1848 году пришелъ къ мысли о необходимости системы чисто-акцизной [1]), проекты устройства питейныхъ сборовъ на иныхъ основаніяхъ не переставали послѣ того возникать и служили предметомъ разсмотрѣнія правительственныхъ сферъ. Таковъ, напримѣръ, проектъ нѣкоего Любимова (который написалъ нѣсколько статей по питейному вопросу и въ періодическихъ изданіяхъ), отрицавшій акцизную систему только потому, что его авторъ не вѣрилъ въ честность чиновника. Этотъ проектъ восходилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, но былъ отвергнутъ [2]).

ность, многіе могли бы поправить разстроенное состояніе законнымъ образомъ, *корчемство уменьшилось бы надзоромъ откупщиковъ*, вредный классъ виноторговцевъ уничтожился бы, тогда какъ *прибытки откупщиковъ всегда были умѣреннѣе и доставались въ руки, которыя могли употребить капиталы свои съ лучшею пользою.* Кромѣ того *откупъ и казенное управленіе*, по давно принятому финансовому правилу, *служатъ другъ другу повѣркою въ количествѣ дохода и даже ведутъ къ прерванію вкоренившихся въ той или другой части злоупотребленій.*

Подъ взглядами этими могъ бы подписаться каждый изъ откупщиковъ.

[1]) Свѣд. о пит. сб. въ Россіи, II, 172.

[2]) Архивъ департамента неокладныхъ сборовъ. Дѣло № $^{4}{}_{4}$а 1862 г. I отд.

Императоръ Александръ II никогда не скрывалъ своего отвращенія къ откупной системѣ, которую онъ назвалъ *«пагубною»;* но не сразу новое царствованіе могло развернуть свой великій освободительный стягъ, который долженъ былъ обезпечить за Александромъ II завидное право „жить для вѣковъ въ величіи народномъ“ [1]) и вѣнчаться въ благодарной памяти потомства эпитетомъ *Освободитель.* Не только находившееся на рукахъ тяжкое наслѣдіе въ видѣ войны съ европейской коалиціею, но и засидѣвшіеся на мѣстахъ бюрократы стараго закала мѣшали ему сразу и рѣшительно повернуть руль государственнаго корабля.

По свидѣтельству П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, одновременно съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ въ той же группѣ участниковъ великаго дѣла возбудился вопросъ и о своевременности отмѣны откуповъ. Первый председатель Редакціонныхъ коммисій по составленію положенія о крестьянахъ, Я. И. Ростовцевъ, придавалъ такое значеніе этому вопросу, что хотѣлъ взяться самъ за его осуществленіе, но „удержанный благоразумными совѣтами“, отложилъ эту попытку [2]). Передавали какъ положительный фактъ, что мысль объ отмѣнѣ откуповъ крестьянъ была оставлена Я. И. Ростовцевымъ подъ вліяніемъ нежеланія увеличивать число своихъ враговъ (крѣпостниковъ) новыми сильными врагами (откупщиками); наконецъ Я. И. Ростовцевъ получилъ, будто бы, прямыя предостереженія [3]). Умеръ Ростовцевъ (20 февраля 1860 г.) на рукахъ молодого императора Александра II, котораго до послѣдняго вздоха всячески ободрялъ, успокаивалъ и укрѣплялъ въ рѣшимости довести до конца святое дѣло реформъ и тутъ же получилъ обѣщаніе своего Государя поставить вопросъ объ отмѣнѣ откуповъ на очередь не-

---

[1]) В. А. Жуковскій.

[2]) Рѣчь П. П. Семенова на празднованіи XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ (Русск. Стар. 1898 г., IV, 217—223).

[3]) К. Ф. Станкевичъ. Записки.

медленно по освобожденіи крестьянъ. „Не бойтесь“ были послѣднія слова Ростовцева [1]).

Сподвижникамъ императора Александра II по его реформамъ, повидимому, казалось легче переносить озлобленное шипѣнье безчисленныхъ враговъ крестьянской свободы, нежели вести борьбу съ 146 откупщиками и ихъ приверженцами.

Въ 1859 году откупа продолжены были еще на четыре года, а образованный по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ августѣ 1858 г., особый комитетъ для обсужденія вопроса, „на какихъ началахъ долженъ быть установленъ питейный сборъ по прошествіи четырехлѣтія и для начертанія основаній той системы сего сбора, которая окажется удобопримѣнимою къ государству“, вынесъ заключеніе двойственное и нерѣшительное.

Комитетъ, хотя и остановился на мысли о введеніи акцизной системы повсемѣстно въ Россіи, составивъ въ этомъ смыслѣ рядъ предположеній, но видѣлъ затрудненія при практическомъ осуществленіи послѣднихъ. Главнѣйшее изъ этихъ затрудненій заключалось, по мнѣнію комитета, въ томъ, что поступленіе по новой системѣ дохода съ питей, составлявшаго половину государственнаго бюджета, будетъ обезпечено только одною добросовѣстностью лицъ, которымъ ввѣрится надзоръ за питейною частью, между тѣмъ какъ въ этомъ дѣлѣ такое обезпеченіе, не смотря на назначеніе хорошаго вознагражденія служащимъ, казалось крайне невѣрнымъ. А потому комитетъ высказалъ, что порученіе чиновникамъ надзора за столь огромнымъ и необходимымъ для государства доходомъ будетъ сопряжено съ величайшимъ рискомъ для казны и что, въ случаѣ недопоступленія опредѣленнаго по росписи дохода, государственное казначейство будетъ поставлено въ большое затрудненіе по удовлетворенію текущихъ расходовъ. Поэтому комитетъ

[1]) П. П. Семеновъ. Освоб. крестьянъ въ царств. Императора Александра II. 1889—1893.—Рѣчь П. П. Семенова на празднованіи XXXVII годовщины освоб. крестьянъ (Русск. Стар. 1898 г. IV).

полагалъ болѣе удобнымъ — въ губерніяхъ великороссійскихъ и сибирскихъ „впредь до опредѣленія и развитія въ нихъ началъ, необходимыхъ для чисто акцизной системы“, ввести, въ видѣ переходной мѣры, акцизную систему съ частнымъ комисіонерствомъ [1]), а въ губерніяхъ привилегированныхъ оставить существовавшій тамъ порядокъ, какъ „весьма удовлетворительный“, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и дополненіями. Министръ финансовъ Княжевичъ, раздѣляя опасенія комитета и не высказывая опредѣленнаго мнѣнія въ пользу той или другой изъ разсмотрѣнныхъ комитетомъ системъ взиманія питейнаго дохода, вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ государственному совѣту, что „для исправнаго поступленія въ казну столь огромнаго дохода и отвращенія корчемства виномъ съ заводовъ необходимо учредить болѣе чѣмъ въ 4000 мѣстахъ строгій надзоръ изъ лицъ испытанной и непоколебимой честности“, и что, въ случаѣ утвержденія этой системы, онъ будетъ поставленъ въ большое затрудненіе въ пріисканіи даже половины такихъ чиновниковъ, какъ для центральнаго, такъ и для губернскаго управленія. Кромѣ того Княжевичъ считалъ своею обязанностью высказать еще одно важное опасеніе, заключающееся въ томъ, что „неисправное управленіе чисто акцизною системою, если оно произойдетъ по введеніи ея въ дѣйствіе, неизбѣжно разстроитъ питейные сборы на всемъ пространствѣ 50 губерній, и тогда правительство, какія-бы ни были изысканы системы, не скоро возстановитъ въ нихъ порядокъ и доведетъ доходъ до нынѣшней цифры, а до того времени вынуждено будетъ, для пополненія недовыручки, обратиться къ новымъ въ обремененіе народа налогамъ“ [2]).

---

[1]) Система эта въ сущности перемѣняла только названіе «откупщикъ» на новое—«комисіонеръ», подобно тому, какъ незадолго передъ тѣмъ предложенная (и не введенная по случаю севастопольской войны) реформа мѣняла откупную систему на *распорядительную*.

[2]) Свѣд. о пит. сб. въ Россіи, V, 48.—Н. С. Терскій. Пит. сборы и акцизная система, 66.

Добросовѣстность откупщиковъ комитетомъ и министромъ финансовъ поставлялась выше добросовѣстности чиновниковъ въ глазахъ самихъ же представителей бюрократіи...

VII.

Неизвѣстно, какія судьбы постигли бы откупъ послѣ смерти Я. И. Ростовцева и такого заключенія приверженцевъ ветхозавѣтныхъ традицій старой системы, если бы еще при жизни Я. И. Ростовцева дѣло это не попало въ вѣрныя руки А. П. Заблоцкаго - Десятовскаго и К. К. Грота.

Обоихъ этихъ государственныхъ людей давно сближала и совмѣстная прошлая служба по министерству внутреннихъ дѣлъ, и работа по введенію общественнаго управленія въ гор. С.-Петербургѣ, и общій кругъ друзей въ петербургскихъ сферахъ — политической, общественной и научно-литературной [1]).

Назначенный въ 1859 году статсъ - секретаремъ департамента законовъ государственнаго совѣта, въ который должно было поступить въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи дѣло о реформѣ питейныхъ сборовъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій—этотъ дѣятель освободительной эпохи, который, по выраженію К. Д. Кавелина, „открывалъ дверь въ будущую Россію“, — лихорадочно принимается, несмотря

---

[1]) Ближайшими политическими друзьями обоихъ ихъ являлись: братья Милютины—Дм. Алекс., профессоръ академіи генеральнаго штаба, а впослѣдствіи военный министръ, Ник. Алексѣевичъ—организаторъ редакціонной комиссіи по освобожденію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ; К. Д. Кавелинъ, В. А. Арцимовичъ, Ю. Ф. Самаринъ, Гр. Гр. Даниловичъ, М. М. Стасюлевичъ и др. При посредствѣ нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ К. К. Гротъ знакомится съ баронессой Э. Ф. Раденъ—фрейлиной, впослѣдствіи гофмейстериной двора великой княгини Елены Павловны, и наконецъ дѣлается не только извѣстнымъ лично самой великой княгинѣ, но пользуется ея вниманіемъ и расположеніемъ, что имѣло особое значеніе при томъ широкомъ и вліятельномъ участіи, какое, какъ извѣстно, принимала Елена Павловна въ реформахъ царствованія Александра II.

*

на сильнѣйшее противодѣйствіе съ различныхъ сторонъ, за подготовку къ внесенію на разсмотрѣніе государственнаго совѣта дѣла объ отмѣнѣ откуповъ, провалъ котораго уже привѣтствовался откупщиками и казался всѣмъ неизбѣжнымъ послѣ отношенія, какое встрѣтилъ къ себѣ въ 1858 году со стороны особаго комитета и министра финансовъ Княжевича. Понимая, что въ томъ слабомъ освѣщеніи, при которомъ вопросъ объ отмѣнѣ откуповъ до сихъ поръ вносился на обсужденіе министерствомъ финансовъ, онъ будетъ и впредь только безполезно жеваться, А. И. Заблоцкій менѣе чѣмъ въ годъ въ сотрудничествѣ съ К. К. Гротомъ [1]) готовитъ—въ качествѣ справки къ дѣлу „О главныхъ основаніяхъ взиманія питейныхъ сборовъ“ — огромный историко - статистическій трудъ къ вопросу о состояніи питейнаго дѣла въ Россіи, въ которомъ съ небывалою до того полнотою и документальною аргументаціей подводитъ современниковъ къ государственному пониманію и разрѣшенію вопроса [2]). Изъ архивныхъ документовъ того времени не видно, какіе отдѣлы этого труда обработаны были К. К. Гротомъ, и самъ К. К. въ автобіографической запискѣ, со свойственной ему скромностью, обходитъ это обстоятельство молчаніемъ; но что участіе его въ составленіи „Свѣдѣній о питейныхъ сборахъ въ Россіи“ было очень значительно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Среди вѣдомства трудъ этотъ съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ сталъ извѣстенъ преимущественно подъ названіемъ „Гротовскаго сборника“ [3]).

---

[1]) Участіе К. К. въ этой работѣ началось негласно въ бытность его членомъ учрежденной въ С.-Петербургѣ комиссіи по устройству банковой и денежной системы, въ занятіяхъ которой принималъ участіе и А. И. Заблоцкій. Офиціально К. К. привлеченъ былъ къ составленію Положенія объ акцизномъ сборѣ съ питей лишь съ 14 ноября 1860 года.

[2]) Трудъ этотъ подъ скромнымъ заглавіемъ «Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи» до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равнаго по полнотѣ и служитъ у насъ наиболѣе достовѣрнымъ справочникомъ при всякомъ соприкосновеніи съ исторіей питейнаго дѣла въ Россіи.

[3]) Авторъ настоящаго очерка при изслѣдованіи въ 1898 г. происхож-

Послѣ такой новой подготовки вопроса объ отмѣнѣ откуповъ вышеупомянутыя предположенія комитета 1858 г. и сужденія министра финансовъ Княжевича были разсмотрѣны въ департаментѣ государственной экономіи и затѣмъ внесены въ общее собраніе государственнаго совѣта, который 3 и 8 октября 1860 года окончательно разсмотрѣлъ представленное ему дѣло „О главныхъ основаніяхъ взиманія питейныхъ сборовъ“. Высказавъ прежде всего уваженіе къ тому огромному историко-статистическому труду, который предшествовалъ разсмотрѣнію дѣлъ въ департаментѣ государственной экономіи, общее собраніе признало, что „оставленіе послѣ 1862 года настоящей откупной системы въ какомъ бы то ни было видѣ, даже хотя на нѣкоторое время, будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ увеличеніе связанныхъ съ нею злоупотребленій, терпѣть которыя было бы несовмѣстимо ни съ достоинствомъ, ни съ обязанностью правительства, тѣмъ болѣе, что самъ Государь Императоръ изволилъ признать откупную систему пагубною“. Затѣмъ, государственный совѣтъ призналъ, что съ 1-го января 1863 года должна быть введена въ Россіи одна общая акцизная система взиманія питейныхъ сборовъ при посредствѣ казеннаго управленія. По поводу же главнаго возраженія противъ такой мѣры — невозможности найти достаточное число благонадежныхъ чиновниковъ — государственный совѣтъ выразилъ, что такой доводъ, какъ неблагонадежность чиновниковъ, можетъ быть примѣненъ почти ко всѣмъ частямъ администраціи и государственнаго хозяйства; но это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не можетъ останавливать и вообще не останавливаетъ полезныхъ мѣропріятій. Взиманіе казенныхъ доходовъ по таможенной,

---

денія и пространства пропинаціоннаго права въ Царствѣ Польскомъ видѣлъ въ архивныхъ дѣлахъ бывшей коммиссіи по устройству питейно-акцизныхъ сборовъ въ Царствѣ Польскомъ письмо I. Н. Огризко (вице-директора деп-та неокладныхъ сборовъ въ бытность К. К. Грота директоромъ послѣдняго) къ члену-дѣлопроизводителю Коммиссіи Н. Семенову, въ которомъ упоминаемыя здѣсь «Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи» названы *«Гротовскими матеріалами»*.

соляной, горной, почтовой и другимъ частямъ государственнаго хозяйства также требуетъ благонадежныхъ чиновниковъ, какъ и сборъ акциза съ вина; хотя по означеннымъ частямъ и встрѣчаются недостатки и упущенія, но тѣмъ не менѣе доходы казны поступаютъ постоянно и даже въ возрастающемъ количествѣ, и правительство доселѣ не считало нужнымъ прибѣгать къ другимъ способамъ взиманія оныхъ. Какова бы ни была администрація по сбору акциза, разстройство ея не можетъ быть повсемѣстнымъ уже по одному тому, что высшее правительственное учрежденіе никогда не можетъ допускать всеобщаго послабленія злоупотребленіямъ; избѣжать ихъ вовсе нѣтъ возможности, но злоупотребленія въ одной или нѣсколькихъ мѣстностяхъ не могутъ имѣть никакого вліянія на сборъ дохода въ другихъ мѣстностяхъ [1]).

Тогда же государственнымъ совѣтомъ были начертаны общія основанія акцизной системы, при принципіальномъ положеніи, что „стѣснительныя для промышленности ограниченія въ торговлѣ крѣпкими напитками несовмѣстны съ самымъ существомъ акцизной системы, которая можетъ имѣть желаемый успѣхъ въ такомъ только случаѣ, когда напитки, оплаченные акцизомъ при выходѣ изъ рукъ производителя, не будутъ подвергаться затѣмъ стѣснительнымъ мѣрамъ ни въ движеніи своемъ, ни въ продажѣ [2]).

Всѣ предположенія государственнаго совѣта были Высочайше утверждены 26 октября 1860 года, и такимъ образомъ такъ долго угнетавшая Россію система откуповъ была признана окончательно негодною и подлежащею уничтоженію.

Дальнѣйшая подробная разработка вопроса объ условіяхъ и порядкѣ примѣненія въ Россіи акцизной системы была возложена на особую Высочайше учрежденную (нояб. 1860 г.) комиссію, председателемъ которой былъ назначенъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ составъ ко-

---

[1]) Свѣд. о пиг. сб. въ Россіи, V, 45—48, 126—127.

[2]) Тамъ же.

миссіи вошли многіе изъ пребывавшихъ въ Петербургѣ дѣятелей великой крестьянской реформы [1]).

Съ этого момента начинается гласное участіе К. К. Грота въ законодательной, а затѣмъ и въ организаціонной работѣ по установленію новыхъ началъ взиманія у насъ налога съ крѣпкихъ напитковъ. К. К. отдается этому дѣлу со всею своею энергіею, постепенно овладѣваетъ вниманіемъ комиссіи къ высказываемымъ имъ сужденіямъ въ защиту и по построенію акцизной системы и вступаетъ въ борьбу съ откупомъ, на этотъ разъ во всемъ его цѣломъ,— не смущаясь ни враждой, ни клеветой, вѣрный высказанному имъ однажды правилу: *„была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость“* [2]).

Комиссія начала свои засѣданія въ концѣ 1860 года и окончила уже въ апрѣлѣ 1861 года. По словамъ П. П. Семенова, участіе К. К. Грота въ работахъ комиссіи, какъ и во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ продолжалъ состоять въ этотъ періодъ времени, вполнѣ соотвѣтствовала его характеру. Онъ не принималъ непосредственнаго участія въ составленіи и редактированіи самого положенія объ акцизѣ съ питей, но всегда твердо и основательно высказывалъ свои взгляды относительно практической возможности выполненія того или другого изъ предлагаемыхъ пра-

---

[1]) Членами комиссіи, кромѣ К. К. Грота, состояли: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Гирсъ, отъ министерства государственныхъ имуществъ д. с. с. Кондыревъ, отъ министерства удѣловъ с. с. Тютчевъ, отъ министерства военнаго д. с. с. Крыловъ и отъ министерства финансовъ Голубевъ, де-Роберти, Киселевъ, Ганъ и Княжевичъ. Кромѣ того, по особому приглашенію министра финансовъ, въ комиссіи состояли членами: статсъ-секретарь Рейтернъ, д. с. с. Стояновскій, д. с. с. Домонтовичъ, с. с. Абаза, п. с. Семеновъ, Федоровичъ, Кошелевъ и Гагемейстръ. Въ качествѣ экспертовъ въ комиссію были приглашены: ординарные академики д. с. с. Купферъ, Ленцъ, Фрицше и Якоби, преподаватель въ технологическомъ институтѣ Ильинъ, а также нѣкоторые помѣщики, винокуренные и пивоваренные заводчики и механики.

[2]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, II, 408.

вилъ [1]). До 1 января 1861 года К. К., состоявшій еще Самарскимъ губернаторомъ, принималъ участіе въ засѣданіяхъ комиссіи въ качествѣ члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; но уже вскорѣ твердость и административныя способности, обнаруженныя при этомъ К. К., и, съ другой стороны, внушавшія опасенія за судьбу реформы бездѣйствіе и несочувствіе по отношенію къ ней министра финансовъ [2]) побудили великаго князя Константина Николаевича [3]), предложить К. К. принять въ свои руки „весь вопросъ устройства акцизнаго сбора съ вина“, на что онъ и долженъ былъ согласиться, хотя дорожилъ мѣстомъ губернатора [4]). 1 января 1861 года состоялось назначеніе К. К. на должность директора департамента податей и сборовъ (впослѣдствіи департаментъ неокладныхъ сборовъ) — при обстоятельствахъ, о которыхъ онъ подробно разсказываетъ въ своей автобіографіи.

Выработанныя комиссіею подъ предсѣдательствомъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, при дѣятельномъ участіи К. К., предположенія объ отмѣнѣ откуповъ были разсмотрѣны въ общемъ собраніи государственнаго совѣта и легли въ основу Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1861 года новаго Положенія о питейномъ сборѣ. Труды комиссіи, по представленію государственнаго совѣта, были удостоены Монаршаго одобренія. Государь Императоръ на меморіи совѣта собственноручно написалъ: „*Объявить имъ особое Мое благоволеніе*“ [5]).

---

[1]) Русская Старина 1898 г., IV, 217—223.

[2]) Какъ видно изъ автобіографической записки К. К., никто изъ тогдашняго состава министерства финансовъ не сочувствовалъ реформѣ.

[3]) Великій князь Константинъ Николаевичъ въ это время былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и вообще принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ императора Александра II.

[4]) По словамъ К. Д. Кавелина, А. П. Заблоцкій-Десятовскій съ своей стороны «много содѣйствовалъ тому, чтобы приведеніе акцизной реформы въ исполненіе попало въ надежныя и вѣрныя руки К. К. Грота» (К. Д. Кавелинъ. Собр. соч., II, 1240),

[5]) Архивъ б. Д-та Податей и Сборовъ. Д. 1861 г. I отд. № 3/5.

VIII.

Сущность принятой съ 1863 года акцизной системы, замѣнившей откупа, покоилась на слѣдующихъ принципахъ: 1) свобода производства спиртныхъ напитковъ; 2) свобода торговли ими; 3) извлеченіе казной дохода посредствомъ обложенія выкуриваемаго спирта (акцизъ) и посредствомъ обложенія мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ (патентный сборъ), и 4) правительственный надзоръ какъ за производствомъ, такъ и за торговлей спиртными напитками.

Единицею обложенія готоваго продукта былъ принятъ градусъ алкоголя или одна сотая часть ведра безводнаго спирта. Для учета акциза были опредѣлены нормальные выходы спирта изъ всѣхъ матеріаловъ, употребляемыхъ при винокуреніи. Размѣръ нормъ былъ выведенъ опытнымъ путемъ, причемъ законъ, желая гарантировать казнѣ поступленіе акциза въ болѣе или менѣе опредѣленной суммѣ и побудить заводчика совершенствовать технику производства, при винокуреніи по высшей нормѣ весь перекуръ предоставлялъ въ пользу заводчика безъ оплаты акцизомъ, при винокуреніи же по низшей нормѣ заводчику отчислялась безакцизно только половина полученнаго сверхъ нормы вина.

Спиртъ и водки виноградныя и фруктовыя, а также и портеръ, пиво и медъ были обложены акцизомъ соразмѣрно силѣ и продолжительности дѣйствія заводовъ, на которыхъ приготовляются.

Платежъ акциза за выкуренный на заводѣ спиртъ производится по мѣрѣ выпуска его въ продажу. Кромѣ того, были допущены отпуски спирта съ заводовъ съ разсрочкою акциза и съ перечисленіемъ его на покупателя, но не иначе, какъ подъ установленные залоги.

Независимо отъ акциза съ вина, винокуренные заводы были обложены особымъ патентнымъ сборомъ, размѣръ котораго исчислялся соразмѣрно совокупной емкости квасильныхъ чановъ на заводѣ. Патентнымъ сборомъ

были обложены и всѣ другіе заводы для выдѣлки крѣпкихъ напитковъ и издѣлій изъ вина и спирта.

Согласно Положенію о питейномъ сборѣ 4 іюля 1861 г., оптовая и раздробительная продажа питей составила предметъ свободнаго промысла, подъ условіемъ лишь уплаты въ казну опредѣленнаго патентнаго сбора съ каждаго отдѣльнаго вида мѣстъ продажи питей. Распредѣленіе числа мѣстъ и видовъ питейной продажи среди населенія должно было обусловливаться исключительно потребностью населенія и тѣми выгодами, которыя могли получить виноторговцы отъ устройства своихъ заведеній въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Питейная торговля, какъ промыселъ, была вполнѣ приравнена ко всѣмъ остальнымъ отраслямъ торговли. Въ основаніи всей системы лежала мысль, что свободное развитіе винокуренной промышленности и торговли спиртными напитками само собой уничтожитъ всѣ вредныя послѣдствія откупной системы (въ томъ числѣ и пьянство) и что государственное вмѣшательство, построенное на строго опредѣленныхъ правилахъ, не должно итти дальше закономъ опредѣленныхъ интересовъ фиска. Для предупрежденія въ питейной торговлѣ возникновенія монополіи было постановлено, что питейная продажа въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу, или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ.

Всѣ виды мѣстъ продажи питей, по характеру этой продажи, распадались на три самостоятельныя группы: заведенія для торговли на выносъ, заведенія для торговли на выносъ и распивочно и, наконецъ, только распивочно. Заведенія съ продажей питей на выносъ Положеніе 1861 года относило къ обыкновеннымъ торговымъ заведеніямъ и не вносило въ порядокъ ихъ открытія никакихъ особенныхъ условій. Только для тѣхъ заведеній съ питейною продажею, которымъ предоставлялась торговля на выносъ и распивочно, были установлены особыя ограниченія; а именно, въ предупрежденіе вредныхъ

вліяній, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ могли имѣть эти питейныя заведенія, открытіе ихъ было поставлено въ зависимость отъ мѣстныхъ учрежденій и лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ: оно могло послѣдовать въ городскихъ поселеніяхъ не иначе, какъ съ разрѣшенія городскихъ думъ и замѣнявшихъ ихъ учрежденій, а на мірской землѣ въ селеніяхъ и казачьихъ станицахъ—съ согласія сельскихъ обществъ или станичныхъ сборовъ, по мірскимъ приговорамъ, при чемъ требовалось, чтобы въ селеніяхъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ приговоры утверждались, по принадлежности, палатами государственныхъ имуществъ или удѣльными конторами: въ селеніяхъ же временно-обязанныхъ крестьянъ—требовалось, кромѣ мірского приговора, согласіе помѣщика.

Вмѣстѣ съ введеніемъ акцизной системы для наблюденія за правильнымъ поступленіемъ акциза и патентнаго сбора съ заводовъ и питейныхъ заведеній, а равно для надзора за производствомъ крѣпкихъ напитковъ и за торговлею ими, въ губерніяхъ были учреждены, подъ вѣдомствомъ министерства финансовъ, особыя акцизныя управленія, въ лицѣ управляющаго акцизными сборами и подчиненныхъ ему ревизоровъ, окружныхъ надзирателей, ихъ помощниковъ и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, было первоначальное содержаніе введенной съ 1 января 1863 года акцизной системы. Система эта составляла, какъ мы видимъ, полную противоположность прежнимъ способамъ извлеченія питейнаго дохода при посредствѣ казеннаго управленія или отдачи въ откупное содержаніе. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ питейная торговля являлась монополіею казны и затѣмъ доходъ отъ этой монополіи извлекался или черезъ отдачу ея въ арендное содержаніе на опредѣленныхъ условіяхъ, или хозяйственнымъ способомъ съ производствомъ продажи напитковъ за счетъ самой казны въ казенныхъ же питейныхъ заведеніяхъ; при этомъ крѣпкіе напитки непосредственно почти не подлежали ника-

кому обложенію, но производство ихъ естественнымъ образомъ было стѣснено и ограничено запрещеніемъ продажи приготовляемыхъ издѣлій иначе, какъ въ казну или откупщикамъ. При акцизной системѣ, наоборотъ, главнѣйшимъ источникомъ дохода является обложеніе самаго предмета потребленія, т. е. выдѣлываемыхъ на заводахъ напитковъ. Производство означенныхъ напитковъ и торговля ими предоставлены при этомъ свободной конкуренціи, подъ условіемъ лишь взноса въ казну извѣстной суммы акцизнаго и патентнаго сбора за пользованіе принадлежащей казнѣ регаліею.

Отдавая предпочтеніе акцизной системѣ передъ всѣми другими, главнымъ образомъ, въ виду принятаго въ основаніе ея правила, „по которому предметъ промысла, бывъ единожды оплаченъ акцизомъ при самомъ выходѣ его изъ рукъ производителя, не подвергается уже затѣмъ никакимъ преслѣдовательнымъ мѣрамъ ни въ движеніи своемъ, ни въ продажѣ, и правительство, ограничиваясь наблюденіемъ за предметомъ промысла при источникѣ его производства, оставляетъ затѣмъ промыселъ свободнымъ", — государственный совѣтъ разсуждалъ, что „основанная на такихъ началахъ акцизная система устранитъ всѣ стѣснительныя мѣры и всѣ безполезныя формальности, не потребуетъ никакихъ ограниченій въ правахъ владѣльцевъ имѣній по содержанію заводовъ, не стѣснитъ ни народной промышленности, ни издавна введеннаго и необходимостью вынужденнаго порядка хозяйства и охранитъ цѣнность дворянскихъ имѣній, не причинитъ казнѣ излишнихъ расходовъ для взиманія налога, не подвергнетъ народъ безъ всякой пользы для казны тѣмъ тяжестямъ и притѣсненіямъ, которыя неразлучны съ системою откуповъ, не оставитъ дохода казны въ гадательномъ положеніи и уменьшитъ число случаевъ къ злоупотребленіямъ". По мнѣнію государственнаго совѣта, акцизная система имѣетъ на сторонѣ своей еще и то важное преимущество, что ведетъ къ предположенной правительствомъ цѣли — улучшенію народной нравственности путемъ болѣе вѣрнымъ и наименѣе стѣснительнымъ, и не только устра-

няетъ всякое опасеніе на счетъ уменьшенія нынѣшняго питейнаго дохода, но представляетъ полную возможность въ достиженіи гораздо выгоднѣйшихъ результатовъ [1]).

IX.

По свидѣтельству П. П. Семенова, только подъ сильнымъ впечатлѣніемъ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. коммиссіи А. П. Заблоцкаго удалось, безъ всякаго шума, сокрушить ненавистную всѣмъ честнымъ людямъ Россіи откупную систему [2]).

Казалось бы, что теперь, когда предположенія правительства ликвидировать откупа получили силу закона, вопросъ о томъ, „быть или не быть“ откупамъ—разрѣшался окончательно и безповоротно. Но не такъ думали всесильные откупщики. Обнадеживаемые наступившими признаками реакціи, они напрягли послѣднія свои усилія къ сохраненію откупа — своего благодѣтеля - кормильца, и нельзя не признать, что моментъ, выбранный ими для такого выступленія, былъ какъ нельзя болѣе удачнымъ.

Послѣ длительнаго застоя въ развитіи внутренняго строя Россіи, броженіе умовъ, возбужденныхъ реформами новаго царствованія, не могло не быть сильнымъ, и какъ вездѣ и всегда, не обошлось безъ прискорбныхъ увлеченій и крайностей, которыя были тѣмъ естественнѣе, что современное общество встрѣтило новое время съ большимъ запасомъ горечи и съ крайне слабымъ запасомъ знанія, мысли и практической опытности. Важные интересы общественные, матеріальные и нравственные, затронутые освобожденіемъ крестьянъ, еще усилили броженіе; а вдобавокъ, одновременно съ тѣмъ, подготовлялось польское возстаніе, разразившееся въ началѣ 1863 года. Извѣстная клика, состоявшая изъ горсти людей, ловко воспользовалась этими обстоятельствами. Броженіе истолковано было ею въ глазахъ власти, какъ революціонное движеніе. При помощи

[1]) Кратк. очеркъ. 50-лѣтія акц. системы, 19—30.
[2]) «Русск. Стар.» 1898 г., IV, 217—223.

искусственной подтасовки, люди, сочувствовавшіе преобразованіямъ, смѣшаны были въ одинъ разрядъ съ увлекавшимися юношами. Мало-по-малу вопросъ былъ чудовищно извращенъ: кто сочувствовалъ новымъ порядкамъ, вводимымъ правительствомъ, тотъ сталъ слыть за революціонера, противника верховной власти; а тѣ, которые противились преобразованіямъ, выдавались за друзей порядка и правительства. Крупные землевладѣльцы, захваченные врасплохъ освобожденіемъ крестьянъ, возможности котораго не вѣрили до конца, представляли для видовъ клики самую удобную среду и самый обильный матеріалъ: къ нимъ присоединились и всесильные откупщики съ полмилліонною арміею слугъ откупа и приверженцевъ стараго порядка. Уже въ апрѣлѣ 1861 года подъ происками реакціи пали Н. А. Милютинъ и добродушный, сочувствовавшій реформамъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланской [1]). А. П. Заблоцкій-Десятовскій, проведя дѣло объ отмѣнѣ откуповъ черезъ государственный совѣтъ и передавъ дальнѣйшую судьбу его въ руки К. К. Грота, считалъ задачу свою покопченною и вскорѣ также былъ „сданъ въ архивъ" — переведенъ въ члены комитета финансовъ. Константинъ Карловичъ одинъ долженъ былъ возымѣть твердую и благородную рѣшимость до конца отстоять акцизную реформу и принять ту горькую чашу тяжкихъ огорченій, навѣтовъ и клеветъ, на которыя такъ были щедры озлобленные откупщики.

Несмотря на то, что новое Положеніе о питейномъ сборѣ было уже Высочайше утверждено и правительство занялось подготовительными распоряженіями по введенію акцизной системы въ дѣйствіе, главари откупного міра — Кокоревъ, Мамонтовъ, Бенардаки и др. — все еще были увѣрены, что не только путемъ обхода закона они останутся монополистами, но получатъ право монополіи и въ порядкѣ законодательномъ. Въ своихъ засѣданіяхъ совѣтъ откупщиковъ старался измыслить такой проектъ, который

---

[1]) Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris. 1884, .d 87—88. К. Д. Кавелинъ. Собр. соч., II, 873—874.

привлекъ бы на его сторону не только мелкихъ откупщиковъ, но и правительство. Для бо́льшаго оживленія откупного міра, совѣтъ пустилъ слухъ, что откупъ будетъ возстановленъ. Телеграммы отъ совѣта откупщиковъ произвели большой переполохъ; когда же совѣтъ составилъ свой проектъ „агенства по питейной части“ и „товарищества для устройства желѣзныхъ дорогъ“, откупщики стали дѣлать взносы въ фондъ новой компаніи, которую предлагалъ проектъ, и старались захватить въ свои руки частные питейные дома. Средствъ откупщики не жалѣли и законтрактовали очень много и питейныхъ домовъ и складовъ. Агитація коснулась самыхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи,—и въ короткое время подписка на паи новой компаніи дала болѣе 30 милліоновъ рублей. Какъ сорили деньгами откупщики, можно видѣть изъ того, что ими, съ цѣлью затормозить дѣло питейной реформы, была сдѣлана попытка дать взятку К. К. Гроту въ 1.000.000 руб. [1]). Въ то же время, подобно тому, какъ редакціонныя коммисіи по составленію положенія о крестьянахъ называли „очагомъ красныхъ революціонеровъ“, К. К. Грота откупщики награждали эпитетами „дьявола“ и „революціонера“ [2]).

Распускаемые откупщиками слухи и усиленное движеніе откупщиковъ смутило всѣхъ будущихъ вольнопромышленниковъ. Частная конкурренція дѣйствовала очень вяло, думая совсѣмъ отказаться отъ неравной борьбы, такъ какъ проектъ обѣщалъ тотъ же откупъ подъ другимъ именемъ, и всѣ питейные дома захватывались откупщиками.

О такомъ тревожномъ настроеніи министръ финансовъ докладывалъ Государю и полагалъ немедленно потребовать записку откупщиковъ — чего они желаютъ. Въ отвѣтъ на такое требованіе откупщики представили свой

[1]) Узнавъ о неподкупности К. К., императоръ Александръ II предложилъ ему тоже награду въ 1 милліонъ, но конечно онъ отказался (Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, 771).

[2]) К. Ф. Станкевичъ. Записки.—Съ этою цѣлью была использована и извѣстная исторія скомпрометированнаго въ польскомъ возстаніи 1863 г. вице-директора д-та неокл. сб. Огрызка, обманувшаго довѣріе К. К—ча. См. ниже.

проектъ, иначе говоря—сдѣлали извѣстнымъ и правительству планъ дѣйствій, который доселѣ былъ извѣстенъ только откупному міру.

Согласно означенному проекту, агентство управляется совѣтомъ изъ пайщиковъ, при членѣ отъ правительства, а на мѣстахъ дѣйствія агентства находится подъ контролемъ акцизныхъ чиновниковъ. Агентство производитъ торговлю только оптовую; раздробительная торговля и питейные дома остаются въ вѣдѣніи казны, которая раздаетъ ихъ по жребію въ городскихъ думахъ и волостныхъ правленіяхъ. Агентство платитъ казнѣ ежегодный взносъ[1]), который выбираетъ черезъ взысканіе акциза и цѣны за патенты. Агентство составляется изъ пайщиковъ—на одиннадцать лѣтъ. Пайщики агентства составляютъ, кромѣ того, „товарищество для устройства желѣзныхъ дорогъ", съ капиталомъ въ 60 милліоновъ рублей, которое „безъ субсидіи правительства" обязуется построить 2800 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Права выговаривало себѣ агентство слѣдующія: агентство наблюдаетъ за доброкачественностью вина частныхъ винопромышленниковъ. При раздачѣ питейныхъ домовъ по жребію требуетъ напередъ обезпеченія во взятіи патента. Размѣръ залоговъ агентство уменьшаетъ: вмѣсто 1/3 годовой суммы, какъ было при откупахъ, оно вноситъ въ казну только 1/6 часть; обезпеченія имуществомъ, что было при откупахъ, отъ агентства не требуется. При первомъ взносѣ годовой суммы агентство выговаривало себѣ льготный мѣсяцъ и разсрочку 10%, а въ послѣдующіе годы 5%, а, кромѣ того, выдачу въ первый годъ отъ правительства 31 милл. рублей на заготовленіе вина, обязуясь покрыть эту сумму въ теченіе 11 лѣтъ. По бумагамъ „товарищества" правительство обязуется платить проценты, по мѣрѣ устройства товариществомъ желѣзныхъ дорогъ, а расходы эти покрываются доходами отъ эксплоатаціи, причемъ правительству предоставляется

---

¹) За норму былъ принятъ откупной взносъ послѣдняго четырехлѣтія (1859—1863) въ 105 милліоновъ рублей.

пріобрѣтать капиталы и строить новыя желѣзныя дороги подъ обезпеченіе дорогами товарищества. Въ случаѣ возвышенія количества проданнаго агентствомъ вина болѣе 45 милліоновъ ведеръ, агентство уплачиваетъ правительству половину прибыли съ количества, превысившаго эту норму.

Компанія, составлявшая проектъ агентства, между прочимъ выставляла на видъ, что, въ случаѣ принятія проекта, разлитіе въ народѣ капиталовъ на постройку дорогъ поддержитъ обороты внутренней торговли, расширеніе которыхъ увеличитъ отпускъ товаровъ заграницу и воздѣйствуетъ на повышеніе нашего курса. Наконецъ— писали откупщики — одинъ слухъ о томъ, что Россія нашла въ самой себѣ средства построить 2800 верстъ дорогъ, возвыситъ кредитъ нашъ въ Европѣ и ободритъ упавшую промышленность и разрушающееся сельское хозяйство надеждами на прочное ихъ развитіе.

Въ исторіи откуповъ это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ и опаснѣйшихъ моментовъ: отъ такого или иного отношенія къ этому проекту зависѣла дальнѣйшая судьба питейнаго дѣла. Достаточно сказать, что правительство, несмотря на законченныя работы по введенію акцизной системы, не отвергло безъ разсмотрѣнія предложенія откупщиковъ, а нашло необходимымъ подвергнуть его самому внимательному обсужденію. Если же при этомъ была хоть доля правды въ пущенномъ откупщиками слухѣ, что нѣкоторыя вліятельныя лица обѣщали имъ свою поддержку въ дѣлѣ возстановленія откупа, несмотря на выработанное и уже утвержденное Положеніе 4 іюля 1861 г., то принадлежащая К. К. Гроту заслуга въ отверженіи проекта откупщиковъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Получивъ порученіе министра финансовъ дать свое заключеніе на проектъ [1]), К. К., несмотря на заманчивыя обѣщанія проекта, очень основательно доказалъ, что предлагаемое „агентство по питейной части“ являлось бы

---

[1]) О чемъ говоритъ собственноручная помѣтка министра и замѣчанія К. К. Грота на поляхъ проекта.

ничѣмъ инымъ, какъ откупомъ, и не только не могло дать обогащенія казны, но и приносило бы убытки, въ отношеніи нравственномъ, и экономическомъ являясь болѣе опаснымъ, чѣмъ откупъ [1]).

Вотъ краткій сводъ соображеній составленнаго К. К. доклада:

Агентство обѣщало всю раздробительную торговлю отдать въ руки частныхъ лицъ, оставивъ за собой только оптовую. Но такому обѣщанію противорѣчило его условіе: при раздачѣ питейныхъ домовъ по жребію агентство выговаривало себѣ право напередъ требовать обезпеченіе во взятіи патента; при такомъ условіи право торговли могли бы получить только немногіе вольнопромышленники, и подставныя лица откупщиковъ, получившія отъ нихъ необходимую сумму для залоговъ, сосредоточили бы всю торговлю въ однѣхъ рукахъ. Финансовая сторона проекта была найдена также очень слабой: первый годъ, за вычетомъ изъ годового взноса 10% разсрочки, взноса за льготный мѣсяцъ и 31 милл. рублей на заготовленіе вина, правительство получило бы всего только 54.750.000 рублей. За исправное поступленіе дохода въ слѣдующіе годы правительство не имѣло никакихъ гарантій: если при откупѣ, когда откупная сумма обезпечивалась залогомъ въ $^1/_3$ ея и всѣмъ имуществомъ откупщиковъ, оно терпѣло убытки, то тѣмъ болѣе было бы безпомощно правительство при значительно уменьшенныхъ гарантіяхъ, предлагавшихся агентствомъ. Судя по секретнымъ письмамъ Кокорева [2]), въ случаѣ самомъ неблагопріятномъ агентство имѣло бы чистой прибыли болѣе 60 милліоновъ, а въ благопріятномъ—болѣе 80. И это—только съ одной оптовой продажи. Но и раздроби-

---

[1]) Небезынтересно вспомнить, что нѣчто подобное существовало въ строѣ откуповъ во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и революціонный трибуналъ 1793 г. приговорилъ откупщиковъ (числомъ 30) къ смерти. Въ ихъ числѣ не былъ пощаженъ даже знаменитый «отецъ химіи» Лавуазье. (De Nervo. Les finances françaises. 1863).

[2]) По донесеніямъ частныхъ лицъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ, имѣющимся въ его архивѣ.

тельная была бы вся въ рукахъ агентства, такъ какъ, „право слѣдить за доброкачественностью вина частныхъ промышленниковъ“ и „требовать напередъ (на торгахъ) обезпеченіе во взятіи патента“ было бы вытѣсненіемъ частной конкуренціи. Такимъ образомъ, агентство было бы въ огромныхъ барышахъ, а казна — въ полной отъ него зависимости, безъ всякихъ гарантій. Кромѣ того, былъ еще одинъ пунктъ убивавшій частную конкурренцію и сосредоточивавшій весь доходъ въ рукахъ агентства: сумму акциза агентство опредѣляло „въ размѣрѣ разности между заготовительной стоимостью вина и продажной цѣной“, въ то время какъ Положеніе 4 іюля 1861 года назначало акцизъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Пользуясь своимъ правомъ, агентство могло бы увеличивать акцизъ до небывалыхъ размѣровъ, входя въ фиктивную сдѣлку съ заводчиками о заготовительной цѣнѣ вина.

Обѣщанія же откупщиковъ построить желѣзную дорогу найдены были сомнительными; но если и можно было на нихъ положиться, нельзя было забывать, что, кромѣ интересовъ финансовыхъ, правительство должно заботиться и объ интересахъ нравственныхъ. Это и отмѣтилъ К. К. въ одномъ изъ своихъ замѣчаній на проектѣ:

— „Что выгоднѣе — ставятъ вопросъ откупщики — меньшій ли налогъ на вино и неимѣніе сообщеній, или увеличеніе налога съ устройствомъ дорогъ?“.

— „Вопросъ надо иначе поставить“, — отвѣчаетъ замѣчаніе К. К. — Что выгоднѣе: имѣть дороги во что бы то ни стало съ разореніемъ народа, или обождать нѣсколько лѣтъ, въ видахъ (охраненія) [1]) народа отъ притѣсненій и администраціи отъ разврата“ [2]).

Характерно, что докладъ К. К. заканчивается просьбой

---

[1]) По свидѣтельству И. Прыжова (Истор. каб. въ Россіи, I, 298—299) говорили, будто смыслъ проекта постройки дорогъ былъ таковъ, что агентство, истративъ на дороги 224 милл. рублей, надѣялось получить на нихъ свыше милліарда.

[2]) Слово, очевидно, пропущенное.

къ Государю не только оставить проектъ безъ послѣдствій, но и объявить Высочайшую по сему предмету волю въ такой формѣ, чтобы прекратить распространившуюся по всей Россіи неизвѣстность относительно будущаго устройства подати, ибо эта неизвѣстность произвела тревогу".

На докладѣ Государь Императоръ положилъ 1 іюня 1861 г. рѣзкую резолюцію: „Объявить имъ (откупщикамъ), что проектъ ихъ рѣшительно отвергается и что Моя непремѣнная воля состоитъ въ томъ, чтобы утвержденная Мною новая акцизная система была введена въ дѣйствіе съ 1 января 1863 г.".

Министръ финансовъ, согласно настоятельнымъ представленіямъ К. К. Грота, просилъ, чтобы Высочайшая воля была напечатана во всѣхъ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ вмѣстѣ съ проектами „агентства по питейной части" и „товарищества для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи", — на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе [1]).

Съ отверженіемъ проекта „агентства по питейной части" вопросъ объ акцизной системѣ былъ рѣшенъ безповоротно. К. К—чъ занялся подготовительными распоряженіями по организаціи акцизныхъ управленій.

X.

Задача введенія акцизной системы была не легка. Нужно было организовать дѣло совершенно новое и при этомъ дѣло весьма сложное, для котораго необходимо было привлечь къ участію тысячи людей, и людей вполнѣ благонадежныхъ. Между тѣмъ въ то время наши правительственныя и административныя учрежденія такими людьми

---

[1]) К. Д. Кавелинъ писалъ К. К. Гроту 15/27 іюня 1862 г. изъ Эмса: . . . «Читалъ съ восторгомъ резолюцію Государя по предложенію откупщиковъ. *У насъ* (т. е. среди русской колоніи въ Эмсѣ, гдѣ тогда находился и Н. А. Милютинъ) *ходили слухи, что откупщики имѣютъ шансы выиграть дѣло*; мнѣ это казалось очень неправдоподобнымъ, и я до смерти радъ, что мои предположенія сбылись. Безобразно было бы, если бы вышло иначе» («Русск. Стар.» 1899; I, 140).

были далеко не богаты, такъ что выборъ ихъ представлялъ очень большія затрудненія, и было легко впасть въ ошибку. А подобныя ошибки на первыхъ порахъ могли если не погубить, то значительно испортить все дѣло. Нужно вспомнить ту среду, которая „работала“ около откуповъ, чтобы понять все значеніе заслуги К. К. Грота въ этомъ дѣлѣ. Если продажность составляла обычное явленіе въ старой чиновничьей средѣ, то чиновники, причастные къ откупамъ, отличались въ этомъ отношеніи особымъ безстыдствомъ, и на нихъ нельзя было разсчитывать [1]).

На обычное у насъ опасеніе министра финансовъ Княжевича, что не найдется людей для добросовѣстнаго выполненія акцизнаго надзора, К. К. утверждалъ, что люди есть,—надо только умѣть ихъ найти. Назначенный директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, онъ осуществилъ эту увѣренность, и „на кличъ его“, говоритъ А. Ф. Кони, „собрались честные и умѣлые дѣятели, образовавшіе безупречное вѣдомство, съ которымъ Гротъ остался навсегда въ тѣсной дружбѣ и нравственномъ единеніи“ [2]).

Но не безъ борьбы удалось К. К. сформировать безупречное вѣдомство. По этому поводу, подтверждаетъ Ф. Г. Тернеръ, „съ самаго начала произошли размолвки между А. М. Княжевичемъ и Гротомъ. А. М. Княжевичъ, человѣкъ чрезвычайно мягкій и находившійся подъ вліяніемъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, пообѣщалъ по ихъ ходатайствамъ, разнымъ лицамъ мѣста акцизныхъ управляющихъ въ губерніяхъ. Гротъ находилъ, что многіе изъ кандидатовъ Княжевича не представляютъ достаточной гарантіи для удачнаго веденія дѣла, и потому не хотѣлъ согласиться на ихъ назначеніе. Княжевичу, какъ министру, очевидно, трудно было не исполнить данныхъ имъ обѣщаній, и потому ни одна сторона не могла уступить въ дѣлѣ выбора новыхъ чиновниковъ. Тогда Гротъ,

---

[1]) Н. С. Терскій. Пит. сборы и акц. сист. въ Россіи, 76—77.—Ф. Г. Тернеръ. Воспоминанія жизни («Русск. Стар.» 1910, кн. I и V).

[2]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, II, 411.

объявивъ, что при такомъ составѣ мѣстныхъ дѣятелей, онъ не можетъ ручаться за успѣхъ дѣла, подалъ въ отставку"... „Какъ человѣкъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный, А. М. Княжевичъ хорошо понималъ, что веденіе акцизнаго дѣла, которое тогда обращало всеобщее на себя вниманіе, безъ Грота обойтись не можетъ, такъ какъ К. К. именно для этого и былъ назначенъ директоромъ департамента; онъ прямо высказалъ, что если кому слѣдуетъ выходить, то это не Гроту, только что поставленному во главѣ столь важной реформы, а ему самому, и дѣйствительно сложилъ съ себя званіе министра финансовъ. На его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ, который тогда уже былъ статсъ-секретаремъ, членомъ комитета финансовъ, считался хорошимъ финансистомъ и пользовался сильной поддержкой какъ великаго князя Константина Николаевича, такъ и графа Нессельроде, бывшаго въ то время предсѣдателемъ комитета финансовъ" [1]).

До вступленія К. К. Грота въ должность директора въ департаментѣ было очень немного лицъ съ высшимъ образованіемъ. К. К. набиралъ въ составъ департамента и вновь учрежденныхъ акцизныхъ управленій очень много людей образованныхъ, не взирая на ихъ чины и сословное происхожденіе, и умѣлъ сплотить возлѣ себя кадръ служащихъ, проникнутыхъ сознаніемъ важности реформы не только въ интересахъ фиска, но и въ интересахъ общественныхъ. Врачи, офицеры лучшихъ частей войскъ, расквартированныхъ въ столицѣ, охотно „шли въ акцизъ" въ провинцію, гдѣ вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями крестьянской реформы и другими образовывали оазисы людей новаго вѣянія, хорошо сознававшихъ значеніе поворота въ судьбахъ Россіи [2]).

Несомнѣнно, что въ то время къ государственной и общественной работѣ были привлечены всѣ лучшія силы русскаго народа. По волѣ Великаго Государя вся Россія

---

[1]) Ф. Г. Тернеръ. Воспоминанія жизни. («Русск. Стар.» 1910 г., кн. I и V).

[2]) Ник. Полевой. «Русск. Стар». 1910, II, 255.

обновлялась: не говоря уже объ освобожденіи крестьянъ, реформировался судъ, мѣстное управленіе, подготовлялась реформа воинской повинности, усилились всѣ виды образованія, начата была постройка желѣзныхъ дорогъ, и вездѣ требовались образованные и честные люди. И они явились не въ одномъ только финансовомъ вѣдомствѣ. Очевидно, тотъ подъемъ духа всего русскаго общества, который характеризовалъ начало царствованія императора Александра II, то сознаніе своего громаднаго долга, которое пробудилось во всѣхъ слояхъ общества, — все это дало возможность найти достаточное число честныхъ людей для проведенія въ жизнь всѣхъ реформъ, а въ томъ числѣ и акцизной [1]).

Всецѣло отдавшись новому дѣлу, К. К. Гротъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью подчиненныхъ и въ случаяхъ нарушенія долга службы прибѣгалъ къ мѣрамъ очень рѣшительнымъ. Чиновниковъ, замѣченныхъ въ бездѣйствіи, въ видѣ временной исправительной мѣры лишалъ жалованья, а въ случаѣ, если эта мѣра оказывалась недѣйствительною, отказывалъ отъ службы. При этомъ проявлялась свойственная только Гроту настойчивость: никакія рекомендаціи высокопоставленныхъ лицъ не могли смягчить его приговора [2]). Кто не хочетъ работать, не можетъ состоять на службѣ—вотъ принципъ который проводилъ Гротъ въ качествѣ начальника служащихъ. Въ отношеніи къ характеру работы, онъ часто не стѣснялся офиціально-служебнымъ положеніемъ чиновника и въ случаѣ нужды требовалъ отъ него такой работы, которая не входила въ кругъ его обязанностей, какъ работа низшаго порядка [3]).

Больное мѣсто въ служебномъ мірѣ составляли родственныя и „покровительственныя“ отношенія служащихъ, неразрывно связанныя съ несправедливостью къ подчиненнымъ и съ нарушеніемъ интересовъ самаго дѣла. К. К. Гротъ обратилъ вниманіе и на это злоупотребленіе, и двумя циркулярами предписалъ, чтобы на должности

---

[1]) Краткій оч. 50-лѣтія акцизной системы въ Россіи, 23.
[2]) Архивъ Д-та неокл. сб., дѣло № 4/109, св. 122.
[3]) Тамъ же, д. 17/7.

подчиненныхъ не назначались родственники и чтобы при перемѣщеніяхъ управляющіе акцизными сборами не переводили ихъ съ собою на новыя мѣста службы.

Необезпеченность чиновниковъ, служившихъ по питейному дѣлу при откупѣ, была не маловажной причиной того, что интересы казны часто забывались ради интересовъ личныхъ, и чиновникъ поддавался соблазну принять взятку. Для устраненія повода къ такому соблазну К. К. Гротъ, помимо обезпеченія чиновниковъ жалованьемъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ, старался усилить ихъ ревность къ исполненію служебныхъ обязанностей такимъ вознагражденіемъ, въ которомъ были бы тѣсно связаны интересы и казенные, и личные, такъ что увеличеніе этого вознагражденія зависѣло отъ доходовъ казны. Это—такъ называемое 2%-ое вознагражденіе, отчисляемое отъ акцизныхъ доходовъ на основаніи существовавшихъ особыхъ о семъ правилъ [1]. Такою мѣрою обезпечена была возможность не только удержать въ вѣдомствѣ первоначальный контингентъ служащихъ, но и привлекать въ будущемъ на акцизную службу лицъ вполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ, все болѣе и болѣе совершенствуя личный составъ акцизныхъ управленій.

До чего К. К. былъ внимателенъ къ нуждамъ своихъ служащихъ и питалъ отвращеніе къ проявленію своевластія старшихъ надъ младшими, доказываетъ слѣдующій случай, сообщенный однимъ изъ сослуживцевъ К. К—ча (В. М. Драницынымъ). Къ празднику Рождества Христова чиновникамъ, обыкновенно, назначались награды или пособія. Такъ какъ эти награды выдавались ежегодно, то — естественно — на нихъ было разсчитано удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей, и задержка выдачи наградныхъ ставила многихъ служащихъ въ крайне затруднительное положеніе... Былъ, однако-жъ годъ, когда утвержденный министромъ на-

---

[1]) Въ настоящее время, съ введеніемъ казенной продажи питей, это %-ное вознагражденіе замѣнено постояннымъ «добавочнымъ» содержаніемъ.

градной листъ правитель канцеляріи заперъ у себя въ столѣ, а самъ пересталъ ходить на службу. Узнавъ объ этомъ въ канунъ праздника, К. К. приказалъ немедленно явиться правителю канцеляріи и, когда тотъ пріѣхалъ, потребовалъ отъ него выдачи пособія всѣмъ чиновникамъ, самъ же сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока всѣ получили награду, и это кончилось около 9 часовъ вечера 24 декабря. Когда же и на слѣдующій годъ правитель канцеляріи повторилъ такое самовластіе, то былъ удаленъ отъ должности.

Заботы о прекращеніи своеволія и ревностномъ исполненіи служебныхъ обязанностей составляли характерную черту К. К. Самъ, не покладая рукъ, работавшій надъ освобожденіемъ Россіи отъ власти откупщиковъ и увеличеніемъ доходовъ государственной казны, Гротъ настойчиво требовалъ, чтобы и всѣ его сотрудники,—каждый въ отмежеванной ему сферѣ дѣятельности,—были усердными исполнителями закона и порядка. Выказывая свое заступничество за тѣхъ, кто трудился на службѣ (примѣромъ могутъ служить хотя бы его резолюціи по вопросу о назначеніи пенсій), К. К. строго поступалъ съ тѣми, кто относился къ дѣлу съ небрежностью. Въ архивѣ бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ сохранилось очень интересное съ этой стороны дѣло. Управляющій акцизными сборами Виленской губерніи доносилъ, что смотритель пограничной корчемной стражи утерялъ при проѣздѣ сумку съ 1856 руб. 66 коп. казенныхъ денегъ. Несмотря на то, что заподозрить смотрителя въ злонамѣренности, повидимому, не было никакихъ основаній, К. К. Гротъ по прочтеніи донесенія распорядился „Приказать уволить отъ должности и замѣнить другимъ“.

Дѣйствуя строго на нарушителей интересовъ акцизнаго дѣла, К. К. Гротъ имѣлъ случаи убѣждаться, что въ составѣ его служащихъ, даже отдаленныхъ отъ него и по офиціальному положенію, и по району дѣятельности, есть не мало лицъ безкорыстно преданныхъ своему дѣлу въ ущербъ даже своимъ личнымъ интересамъ. Извѣстенъ фактъ, что нѣкоторые чиновники, во избѣжані

обвиненій въ корыстныхъ разсчетахъ, отказывались отъ причитавшейся имъ части вознагражденія за открытіе нарушеній акцизныхъ уставовъ. Гротъ въ своемъ циркулярѣ ставилъ на видъ такихъ чиновниковъ и приглашалъ другихъ послѣдовать ихъ хорошему примѣру. И призывъ этотъ не былъ простой воспитательной фразой,— онъ исходилъ изъ глубины этическихъ воззрѣній Константина Карловича [1]).

Дѣятельность акцизнаго вѣдомства на первыхъ же порахъ по открытіи акцизныхъ управленій показала, что К. К. Гроту съ полнымъ правомъ принадлежитъ честь опытнаго государственнаго дѣятеля, безкорыстнаго труженика и рѣшительнаго, не уступавшаго предъ препятствіями, реформатора. Сужденія министра финансовъ Княжевича о томъ, что въ Россіи не найдется достаточно людей для осуществленія акцизной реформы, были послѣднимъ отзвукомъ того нравственнаго убожества, которое влачила администрація, причастная къ откупамъ: не безъ основанія же опасались положиться на чиновниковъ только въ питейномъ дѣлѣ.

XI.

Но наилучшимъ подборомъ должностныхъ лицъ задача организаціи акцизной системы далеко не исчерпы-

---

[1]) Взявъ въ 1872 году 10-ти мѣсячный отпускъ, К. К. Гротъ отказывался отъ жалованья по званію члена государственнаго совѣта. По этому случаю К. Д. Кавелинъ писалъ К. К. Гроту (15 ноября 1872 года): «Тютчевъ передалъ мнѣ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и сочувствія, о вашемъ служебномъ заявленіи, сдѣланномъ по случаю долговременнаго вашего отпуска. Мнѣ оно показалось, какъ идущее отъ васъ, совершенно естественнымъ, въ порядкѣ вещей; скорѣй бы меня удивило, если бы вы поступили иначе: это было бы не похоже на васъ. Само собою также разумѣется, что вамъ отказали. Vous établisser un malheureux antécédent, противъ котораго натурально должны вопиять всѣ чиновники. Вы имъ мѣсто портите. Замѣчательно, что не этими словами, но въ этомъ смыслѣ выразились нѣкоторыя лица изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Вотъ какъ глубоко сидятъ чиновничьи преданія и привычки даже въ людяхъ безспорно порядочныхъ и образованныхъ» («Русск. Стар.» 1899 г., I; 151—152).

валась. Нужно было еще предусмотрѣть всѣ подробности практическаго ея примѣненія, своевременно устранять и разрѣшать всѣ возникающія на практикѣ затрудненія и вообще самымъ тщательнымъ образомъ руководить всѣми дѣйствіями вновь созданнаго сложнаго механизма системы.

Положеніе 4 іюля 1861 года не было чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ, дававшихъ поводъ къ злоупотребленіямъ; въ новомъ уставѣ было, кромѣ того, не мало и такихъ статей, которыя, не соотвѣтствуя бытовымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей, служили стѣсненіемъ и винокуренныхъ заводчиковъ, и виноторговцевъ, и населенія. Дальнѣйшее теченіе акцизнаго дѣла въ Россіи соотвѣтственно началамъ положенія могло итти правильно только подъ условіемъ исправленія допущенныхъ ошибокъ.

Со стороны публики начали поступать въ Департаментъ многочисленныя „замѣчанія“ на Положеніе 4 іюля 1863 года. Большая часть сочувственно относилась къ новой реформѣ, и лишь незначительное меньшинство указывало на нѣкоторые недостатки, выражая опасенія за успѣшный ходъ дѣла. Авторы нѣкоторыхъ замѣчаній опасались за напускъ корчемнаго вина съ открытіемъ акцизныхъ управленій и указывали мѣры къ предупрежденію этого злоупотребленія. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, проектъ одного частнаго лица (Новосильскаго), предлагавшаго для этой цѣли ввести новое Положеніе не съ 1 января 1863 года, а съ октября 1862 года (неожиданно), а для удовлетворенія откупщиковъ, у которыхъ отнималось бы, такимъ образомъ, три законтрактованныхъ мѣсяца, разрѣшить имъ возвысить акцизъ. Проектъ заслуживаетъ вниманія собственно потому, что отмѣченъ резолюціей К. К. Грота, которая рисуетъ его, какъ блюстителя законности, считавшаго несправедливымъ поддерживать интересы казны нарушеніемъ законныхъ интересовъ частныхъ лицъ, хотя бы и враговъ новаго порядка—откупщиковъ: „Нельзя не удивиться,“—говоритъ эта резолюція—„что человѣкъ, ворочающій огромными комерческими дѣлами, предлагаетъ мѣры, нарушающія контракты и клонящіяся къ явному вреду част-

ныхъ лицъ. Что сказалъ бы г. Новосильскій, если бы правительство отняло у него безъ вознагражденія хотя малую часть данныхъ ему огромныхъ преимуществъ"...

Эти заботы о соблюденіи законности заставляли К. К., съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности, пополнять Положеніе 4 іюля 1861 года многочисленными разъясненіями, охранявшими новый путь отъ тѣхъ искривленій, которыя злонамѣренно дѣлали бывшіе откупщики, чтобы обойти законъ и захватить монополію по прежнему въ свои руки. За ними то особенно внимательно слѣдилъ К. К., и въ ряду его распоряженій тѣ, которыя направлены противъ откупщиковъ, занимали самое видное мѣсто.

Насколько откупщики были увѣрены въ возможности продолжать свое дѣло и послѣ введенія Положенія 4 іюля 1861 г., можно судить уже по тому, что откупщикъ Пензенской губерніи объявилъ всѣмъ служившимъ у него по откупу лицамъ, что со введеніемъ въ дѣйствіе акцизной системы никто не будетъ у него уволенъ (такъ былъ онъ увѣренъ, что всѣмъ найдется мѣсто). Онъ имѣлъ въ виду законтрактовать лучшіе винокуренные заводы, захватить оптовые склады и, имѣя свои заводы для перегонки и разсиропки вина, открыть конкуренцію, посредствомъ своихъ агентовъ, съ правительственной системой питейнаго дѣла [1]). Вообще, бывшіе откупщики не теряли случая удержать за собой монополію и при дѣйствіи новаго устава. Они старались задобрить мірскіе сходы, и послѣдніе давали разрѣшенія на содержаніе питейныхъ заведеній тѣмъ лицамъ, которыхъ подставляли откупщики; а такъ какъ эти подставныя лица были въ полной зависимости отъ откупщиковъ, питейная торговля оказалась въ рукахъ послѣднихъ. Нѣкоторые откупщики, вопреки закону, „отбирали руки" отъ крестьянъ и добивались приговоровъ, предоставлявшихъ право торговли только имъ. Появился, такимъ образомъ — по выраженію К. К. Грота — «старый откупъ въ новомъ платьѣ".

К. К. Гротъ настойчиво проводилъ идею свободной

---

[1]) Архивъ Д-та Необл. Сб. Дѣла I разр., № 5/5, 1 отд. 3 ст.

торговли и на проявленія злоупотребленій откупщиковъ отвѣчалъ распоряженіями о признаніи ихъ приговоровъ не дѣйствительными. Эти распоряженія, въ которыхъ неизмѣнно проводилась мысль, что 1) право торговли питьями принадлежитъ всѣмъ лицамъ, за исключеніемъ устраняемыхъ закономъ, какъ неблагонадежныхъ, 2) плата допускается только за помѣщеніе, а не за право торговли питьями, и 3) предоставленіе права продажи питей только одному лицу, хотя бы и съ согласія общества, не дѣйствительно, — эти распоряженія заставили откупщиковъ сознать свое безсиліе. Не имѣя отъ схода гарантіи въ томъ, что онъ не позволитъ торговать питьями еще и другому лицу или даже многимъ другимъ лицамъ—конкурентамъ, т. е. не имѣя гарантіи, что извѣстный округъ будетъ оффиціально законтрактованъ въ однѣ руки; не имѣя возможности купить эту гарантію, такъ какъ плата за право торговли питьями объявлялась незаконной, — откупщики должны были сложить оружіе.

Въ противоположность обычаямъ дореформенной бюрократіи, К. К. во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ былъ большимъ приверженцемъ гласности. При немъ всѣ распоряженія департамента, касавшіяся питейнаго вопроса, печатались въ газетахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта мѣра имѣла и другую, практическую цѣль по возможности сократить количество оффиціальной переписки, но безспорно, что главнымъ основаніемъ этого нововведенія было желаніе К. К. дѣлать извѣстными публикѣ правительственныя мѣропріятія, — вообще уваженіе къ общественному мнѣнію. Иногда у него даже возникали изъ-за этого принципа пререканія съ министромъ финансовъ Рейтерномъ. „Мнѣ кажется“, —писалъ К. К. въ одномъ изъ такихъ случаевъ—„что правительство не только не роняетъ своего достоинства, объясняя публикѣ причины и побужденія, заставляющія его дѣйствовать такъ или иначе, но напротивъ того пріобрѣтаетъ черезъ это силу и довѣріе и даетъ примѣръ разумнаго и справедливаго дѣйствія. Особенно нужно это, по моему мнѣнію, въ каждомъ новомъ дѣлѣ, подающемъ всегда поводъ къ разнымъ нелѣпымъ

толкамъ и сужденіямъ, которые могутъ быть устраняемы только правительственнымъ поясненіемъ и указаніемъ... Пора стать на правильную и прямую дорогу, чего можно достигнуть единственно путемъ гласности твердой и ни для кого не обидной“ [1]).

Говоря о заслугахъ К. К. Грота въ дѣлѣ устройства акцизной системы, нельзя не упомянуть, кромѣ того, о слѣдующихъ двухъ его начинаніяхъ, оказавшихъ огромное вліяніе на правильную постановку въ Россіи акцизнаго дѣла: принятіе для учета спирта на винокуренныхъ заводахъ контрольныхъ спиртоизмѣряющихъ снарядовъ [2]) и основаніе при департаментѣ неокладныхъ сборовъ спеціальнаго учрежденія для руководства технической стороною акцизнаго дѣла.

Акцизная система, основанная на взиманіи питейнаго налога съ емкости винокуренной посуды и съ количества перекуриваемыхъ соотвѣтственно этой емкости хлѣбныхъ припасовъ, должна обусловливаться цѣлымъ рядомъ формальностей, болѣе или менѣе стѣснительныхъ для винокуреннаго производства. Регламентируя, въ силу необходимости и не рѣдко до мелочей, такую важную отрасль промышленности страны, какою представляется винокуренное дѣло, законодательство должно было вначалѣ основать успѣхъ вводимой системы исключительно на мѣстномъ акцизномъ надзорѣ и на степени дѣятельности и добросовѣстности его въ достиженіи фискальныхъ цѣлей. Введеніе контрольныхъ снарядовъ, учитывающихъ выкуриваемый спиртъ автоматически, послужило могучимъ средствомъ, содѣйствовавшимъ правильной постановкѣ дѣла учета акциза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ, давшимъ возможность облегчить самое производство спирта отъ строгой регламентаціи, неизбѣжно связанной съ высокимъ

---

[1]) Архивъ департамента неокладныхъ сборовъ, дѣло № 1, отд. I, разр. I, св. 7).

[2]) При К. К. Гротѣ дѣло это было начато постановкою, въ видѣ опыта, на нѣкоторыхъ заводахъ снаряда системы Шгумпе. Впослѣдствіи снарядъ этотъ былъ замѣненъ болѣе совершеннымъ—системы Сименса и К°, который постепенно былъ введенъ въ употребленіе на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ.

обложенiемъ. Давая возможность безъ затрудненiя учитывать дѣйствительную выкурку вина, уничтожая цѣлый рядъ злоупотребленiй, прекратить которыя акцизный надзоръ былъ бы безъ этого не въ силахъ при высокомъ акцизѣ на вино, контрольные снаряды немедленно повлiяли на поступленiе самаго сбора. Впослѣдствiи же контрольные снаряды, за повсемѣстнымъ ихъ введенiемъ, привели къ окончательному уничтоженiю нормъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перекура, и сельско-хозяйственные мелкiе заводы, страдавшiе отъ конкуренцiи въ процентѣ получаемаго безакцизнаго перекура со стороны болѣе усовершенствованныхъ крупныхъ заводовъ, приближающихся къ комерческому характеру производства, теперь имѣютъ возможность существовать бокъ-о-бокъ съ послѣдними [1]).

Для провѣрки алкоголо-метрическихъ приборовъ и для разрѣшенiя разныхъ техническихъ вопросовъ, возникавшихъ въ практикѣ акцизнаго дѣла, при департаментѣ въ 1862 г., была учреждена, по мысли К. К. Грота, „экспедицiя для провѣрки спиртомѣровъ", переименованная вскорѣ въ „техническiй комитетъ". И здѣсь сказалось замѣчательное умѣнье К. К. находить и привязывать людей къ дѣлу. Въ число членовъ комитета имъ приглашенъ былъ тогда еще мало извѣстный лекторъ по химiи при С.-Петербургскомъ университетѣ коллежскiй ассесоръ Д. И. Менделѣевъ, которому едва минуло 27 лѣтъ, и служба въ техническомъ комитетѣ толкнула Менделѣева написать такiя крупныя изслѣдованiя, какъ его „Сахарное производство (1862 г.)", „О винокуренiи и алкоголометрiи (1862 г.)" и наконецъ, классическое сочиненiе — „О соединенiи спирта съ водою (1865 г.)", доставившее автору степень доктора химiи.

XII.

Уничтоженiе откуповъ — въ приспособленiи и развитiи началъ, положенныхъ въ основанiе закона 4 iюля

---

[1]) Краткiй оч. 50-лѣтiя акц. системы; стр. 43—48.

1861 года къ нуждамъ земледѣлія и условіямъ быта раскрѣпощеннаго населенія—имѣло огромное значеніе для всего строя народно-хозяйственной жизни государства.

По отношенію къ великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ дѣйствіе откупа проявлялось съ наибольшей силой, акцизная система освободила винный промыселъ отъ множества стѣсненій, которыми онъ былъ окруженъ во время откуповъ; въ западной же половинѣ имперіи, гдѣ лишь въ части городовъ существовали откупа, а на всемъ остальномъ пространствѣ почти полная свобода винокуренія и торговли виномъ,—акцизная система, напротивъ, значительно стѣснила то и другое. Сообразно съ этимъ различны были въ обѣихъ половинахъ имперіи и послѣдствія акцизной системы въ отношеніи къ сельскому хозяйству, винокуренному производству и размѣрамъ народнаго потребленія вина. Въ послѣдній періодъ откуповъ въ Великороссіи существовало незначительное число (около 700) крупныхъ винокуренныхъ заводовъ. Напротивъ, въ западной части имперіи, благодаря свободѣ виннаго промысла и очень слабому обложенію вина, дѣйствовало въ десять разъ большее число винокуренныхъ заводовъ (около 7000) съ весьма незначительной средней производительностью. Винокуренные заводы Великороссіи снабжали виномъ весь откупной районъ, винокуренные же заводы западной половины имперіи спаивали дешевымъ виномъ преимущественно мѣстное населеніе, расположенное вблизи заводовъ. Новое положеніе безъ всякой потери казеннаго дохода, повело къ уравненію потребленія вина, которое во многихъ мѣстностяхъ сократилось почти втрое. Явленіе это не могло не повлечь закрытія огромнаго числа заводовъ, но техника винокуренія при этомъ значительно выиграла. Закрывались заводы самые мелкіе, въ техническомъ и комерческомъ отношеніи плохо обставленные.

Огромное вліяніе на развитіе техники винокуренія акцизная система оказала безакцизнымъ отчисленіемъ въ началѣ всего, а впослѣдствіи части перекура сверхъ нормы, что явилось сильнымъ побужденіемъ заводчиковъ

къ примѣненію всевозможныхъ усовершенствованій. Постоянное улучшеніе аппаратовъ и пріемовъ производства привело къ тому, что въ настоящее время выходы спирта изъ пуда припасовъ удвоились по сравненію съ прежними выходами, и винокуреніе въ Россіи по техникѣ не только стало на одномъ уровнѣ съ западной Европой, но во многомъ даже превзошло его [1]). Съ другой стороны установленныя по Положенію 4 іюля 1861 года болѣе льготныя для картофеля нормы выходовъ спирта вели къ постепенной замѣнѣ зерновыхъ матеріаловъ картофелемъ и, способствуя, такимъ образомъ, сбыту этого продукта, дали возможность вводить въ плодосмѣнъ это корнеплодное растеніе и, посредствомъ измѣненія системы полеводства, переходить къ болѣе интенсивному хозяйству.

Финансовые результаты акцизной системы нельзя тоже не признать отличными. Въ послѣдній откупной періодъ (съ 1859 по 1862 г.г.) общая сумма поступленій давала, за исключеніемъ Привислинскаго края, 106 милліоновъ рублей чистаго дохода (за вычетомъ суммъ, израсходованныхъ казною на заготовку вина). Вопреки опасеніямъ [2]), въ 1863 году питейный доходъ не только не уменьшился, но далъ даже 138 милліоновъ рублей (также за исключеніемъ Привислинскаго края), и этотъ прогрессъ продолжался съ тѣхъ поръ постоянно, за исключеніемъ немногихъ неблагопріятныхъ годовъ.

XIII.

Казалось бы, что блистательный во всѣхъ отношеніяхъ успѣхъ акцизной системы долженъ былъ обезоружить противниковъ К. К.; но служители старыхъ откуповъ не унимались. По выраженію А. Ф. Кони, „послѣ неудачныхъ попытокъ подкупа, клевета стала бросать (въ Грота) уже не камнями, а цѣлой мостовой, заподозрѣвая политическую благонадежность его помощниковъ“ [3]).

[1]) Краткій оч. 50-лѣтія акц. системы въ Россіи, 33.

[2]) См. Автобіографическая Записка, стр. 17.

[3]) А. Ф. Кони. На жизненномъ пути, II, 411.

чиновники, „не бравшіе взятокъ“ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, представляли столь исключительное явленіе, что уже по одному этому они показались консерваторамъ подозрительными [1]), а та естественная осторожность, съ которою должностныя лица акцизныхъ управленій знакомились на мѣстахъ съ еще остававшимися въ провинціи чиновниками стараго направленія, навлекала на нихъ подозрѣніе въ конспираціи. Гр. М. Н. Муравьевъ въ числѣ неблагонамѣренныхъ лицъ, о которыхъ доносилъ въ комитетъ министровъ, считалъ и управляющаго акцизными сборами Казанской губерніи Соловьева — на томъ только основаніи, что у него нѣсколько поляковъ и самъ онъ „не подчиняется принятымъ условіямъ“, какъ въ отношеніи старшихъ въ городѣ, такъ и въ отношеніи равныхъ себѣ; чуждъ всякаго знакомства и живетъ совершенно замкнуто, будучи посѣщаемъ только подвѣдомственными ему чиновниками и лицами, имѣющими до него служебныя дѣла. Далѣе говорится въ донесеніи, что не только управляющій, но и всѣ лица, служащія въ акцизномъ управленіи, носятъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ и характеръ въ своихъ дѣйствіяхъ: всѣ они считаютъ себя и слывутъ за „людей передовыхъ“. Этотъ „особый отпечатокъ“ заключался, такимъ образомъ, въ томъ, что казанскіе „акцизники“ были съ университетскими дипломами и, боясь провинціальной тины, сторонились банальныхъ знакомствъ и не находили нужнымъ скрывать свое нерасположеніе къ нимъ [2]).

Провинціальныя инсинуаціи подобнаго рода вскорѣ приняли такіе размѣры, что для повѣрки ихъ изъ Петербурга былъ командированъ въ нѣкоторыя губерніи довѣренный генералъ-адъютантъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дознаніе оказалось безусловно благопріятнымъ для избранниковъ К. К. Грота, вся вина которыхъ была въ томъ, что они отстаивали интересы казны и не мирво-

---

[1]) Г. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, 772.

[2]) А. П. Фарсовъ («Истор. Вѣстн.» 1904 г.: X, 205—209).

лили мѣстнымъ тузамъ изъ бывшихъ крѣпостниковъ и откупщиковъ [1]).

Повидимому, для К. К. долженъ былъ наступить теперь покой, необходимый для укрѣпленія началъ осуществленной имъ реформы. Но судьбѣ угодно было еще продлить выпавшія на его долю испытанія.

Подъ вліяніемъ событій 1863 года въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ, имѣть поляковъ въ числѣ чиновниковъ вообще считалось въ то время признакомъ направленія неодобрительнаго. Нужно же было случиться такъ, что ближайшій помощникъ К. К.—его вице-директоръ Іосафатъ Огризко былъ скомпрометированъ документами, найденными въ Вильнѣ при арестѣ лицъ, прикосновенныхъ къ польскому мятежу 1863 года. Въ ноябрѣ 1864 года Огризко, по требованію М. Н. Муравьева, былъ схваченъ и увезенъ въ Вильну — такъ тайно, что даже К. К. нѣкоторое время ничего не зналъ объ его арестѣ. Послѣ процесса, продолжавшагося около года, Огризко былъ присужденъ къ смертной казни и только по заступничеству въ Петербургѣ, гдѣ у него было много связей, сосланъ на 20 лѣтъ въ каторжныя работы [2]).

Клика враговъ К. К. торжествовала, найдя явное подтвержденіе неблагонамѣренности акцизнаго вѣдомства „съ головы до низовъ“.

Политическое недовѣріе къ К. К. Гроту проникло до самыхъ высокихъ сферъ. Ф. Г. Тернеръ [3]), характеризуя рано проявившуюся въ государѣ наслѣдникѣ Александрѣ Александровичѣ замѣчательную твердость въ отстаиваніи разъ сложившихся у него убѣжденій и мнѣній, въ своихъ „Воспоминаніяхъ жизни“ приводитъ, какъ примѣръ, разговоръ, который происходилъ съ цесаревичемъ по поводу эпизода съ Огризко. „Великій князь замѣтилъ согласно ходившему тогда въ нѣкоторыхъ ультраконсерва-

---

[1]) Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, 772.

[2]) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ, I, 174, 178. Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона, кн. 42, стр. 710.

[3]) Онъ преподавалъ въ 1865—1866 гг. политическую экономію и статистику наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу.

*

тивныхъ кружкахъ мнѣнію, что вообще личный составъ министерства финансовъ, по своему крайнему либерализму, не вселяетъ къ себѣ особеннаго довѣрія въ благонадежности. Въ продолжавшемся между нами разговорѣ я старался разубѣдить его въ этомъ. Особенно относительно К. К. Грота... Я объяснялъ ему, какъ легко ошибиться, приблизивъ къ себѣ человѣка, необыкновенно способнаго и умѣющаго до времени скрывать свои потаенныя убѣжденія и планы, такъ какъ подобная ошибка можетъ случиться со всякимъ, даже самымъ благомыслящимъ человѣкомъ. На это Его Высочество мнѣ ничего не возражалъ, но, повидимому, остался при своемъ мнѣніи" [1]).

Подобныя настроенія могли отозваться на личномъ положеніи К. К. въ министерствѣ финансовъ, но—говоритъ автобіографическая записка Грота—министръ Рейтернъ всегда такъ твердо стоялъ за него, что о колебаніи его положенія не могло быть и рѣчи. Государь императоръ Александръ II, зная о всѣхъ нареканіяхъ на К. К., на время продолжительнаго отпуска М. Х. Рейтерна въ 1865 году [2]), поручилъ управлять министерствомъ не товарищу министра, а К. К-чу—явленіе небывалое ни до, ни послѣ того, и поступая такъ, государь, надо думать, желалъ явить знакъ полнаго своего довѣрія

---

[1]) «Впослѣдствіи, свидѣтельствуетъ тамъ же Ф. Г. Тернеръ,—когда онъ (императоръ Александръ Александровичъ, тогда государь наслѣдникъ) могъ ближе оцѣнить личность Грота, недовѣріе къ нему совершенно устранилось. К. К. занялъ въ его царствованіе высокое положеніе. Но общее недовѣріе къ крайнему либерализму чиновниковъ министерства финансовъ у него оставалось до конца, и только по своему расположенію къ Н. Х. Бунге онъ не настаивалъ на измѣненіи состава его вѣдомства. Когда же былъ назначенъ министромъ финансовъ Вышнеградскій, государь прямо высказалъ ему свое опасеніе, что составъ министерства финансовъ не вполнѣ благонадеженъ» (Ф. Г. Тернеръ. Воспоминанія жизни. «Русск. Стар.» 1910 г. IV, 215—216).

[2]) Автобіографическая записка (стр. 16) относитъ событіе это къ 1864 г.; но это—ошибка: К. К. завѣдывалъ министерствомъ во время заграничнаго отпуска М. Х. Рейтерна въ 1865 г.—съ 16 іюня по 16 августа. Точное установленіе этой даты важно въ томъ отношеніи, что довѣріе государя къ К. К. было такъ открыто обнаружено именно послѣ ареста Огризко, а не до того времени.

и тѣмъ положить предѣлъ злостнымъ инсинуаціямъ противъ К. К. Грота. При этомъ случаѣ государь императоръ, въ присутствіи Рейтерна, сказалъ К. К. съ милостивою улыбкою, что его обвиняютъ въ двухъ вещахъ— въ распространеніи пьянства и наполненіи акцизнаго управленія поляками. Когда же К. К. позволилъ себѣ доложить, что это клевета, то государь съ тою же милостивою улыбкою прибавилъ: „Я не утверждаю, а передаю тебѣ только слухи“.[1]).

Не такъ скоро примирилась администрація 60-хъ годовъ съ „особымъ отпечаткомъ“ чиновниковъ акцизнаго управленія въ провинціи.

Высшее губернское общество раздражали и высокіе оклады содержанія, присвоенные чиновникамъ акцизнаго управленія [2]), такъ-же какъ непривычное привилегированное положеніе акцизнаго управленія въ ряду губернскихъ учрежденій. Образованныя положеніемъ 4 іюля 1861 года мѣстныя акцизныя управленія были подчинены непосредственно министерству финансовъ и отнесены къ тѣмъ казеннымъ управленіямъ, которыя не стоятъ въ прямой зависимости отъ губернаторовъ; послѣднимъ въ этомъ отношеніи были предоставлены лишь общія полномочія. Губернаторы не имѣли права вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія управляющаго акцизными сборами; вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторы были обязаны содѣйствовать акцизнымъ управленіямъ и давать знать управляющимъ акцизными сборами о замѣченныхъ безпорядкахъ или злоупотребленіяхъ по акцизному управленію.

Такъ какъ придраться къ благонадежности должностныхъ лицъ акцизнаго управленія не было никакихъ основаній, то многіе старались чѣмъ-нибудь унизить „акцизниковъ“. Точно по какому-нибудь сигналу, наступило на нихъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ гоненіе за ношеніе бороды и усовъ.

---

[1]) Автобіографическая записка, стр. 16.

[2]) Жалованье губернаторовъ въ то время составляло 6.000 руб., прокурора — 3.000 руб., тогда какъ управляющіе акцизными сборами получали въ годъ, вмѣстѣ съ % вознагражденіемъ, около 8.000 рублей.

Въ § 71 приложенія къ ст. 975 стараго устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства воспрещалось чиновникамъ вообще носить усы и бороду. Хотя законъ этотъ въ эпоху реформъ императора Александра II былъ смягченъ до послѣдней степени, тѣмъ не менѣе, и въ то время въ разстроенномъ воображеніи нѣкоторыхъ администраторовъ бороды нерѣдко казались признакомъ либерализма и неблагонадежности; ношеніе же бородъ акцизными чиновниками, которые вели еще „ничѣмъ необъяснимый замкнутый образъ жизни и имѣли въ своей средѣ чиновниковъ-поляковъ“, тѣмъ болѣе должно было казаться подозрительнымъ. Началось съ того, что въ концѣ директорства К. К. Грота неожиданно поступило въ департаментъ неокладныхъ сборовъ прошеніе управляющаго акцизными сборами Тверской губерніи Юнга, въ которомъ онъ, прилагая нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ о часто повторяющихся у него горловыхъ болѣзняхъ, просилъ объ исходатайствованіи ему Высочайшаго разрѣшенія носить бороду и усы. Не успѣлъ департаментъ прійти въ себя отъ удивленія, почему Юнгъ желаетъ офиціально получить право носить бороду, которую онъ давно носилъ неофиціально, но безпрепятственно, какъ обнаружилось, что предусмотрительность Юнга объ офиціальномъ правѣ носить сплошную бороду не была празднымъ вопросомъ: вслѣдъ за прошеніемъ Юнга въ департаментъ стали поступать многочисленныя новыя прошенія служащихъ лицъ по акцизному вѣдомству объ исходатайствованіи правъ на тѣ же сплошныя бороды.

Управляющій акцизными сборами Тульской губерніи Меркуловъ доносилъ въ департаментъ, что, получивъ отъ губернатора требованіе о неношеніи акцизными чиновниками бородъ, онъ „полагалъ, что такое же требованіе обращено и къ другимъ вѣдомствамъ, такъ какъ не могъ г. губернаторъ не замѣтить, что бороду носятъ не только чиновники, ему подчиненные, какъ, напримѣръ, предсѣдатель и прокуроръ окружного суда, управляющій казенною палатою, но даже чины губернаторской канцеляріи

и губернскаго правленія. Но оказывается, что означенное требованіе обращено исключительно къ акцизному управленію. Подобное дѣйствіе болѣе нежели несправедливо. Оно оскорбительно для цѣлаго вѣдомства, которое законодатель заботился составить изъ способныхъ и надежныхъ къ охраненію казенныхъ интересовъ лицъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Не говоря уже о значеніи бороды для охраненія горла отъ простуды, акцизному чиновнику, проводящему большую часть времени въ разъѣздахъ, некогда заниматься бритьемъ и запасаться необходимыми для этого принадлежностями, когда ему не вездѣ возможно запастись даже необходимыми съѣстными припасами. Поэтому отъ акцизныхъ чиновниковъ менѣе, нежели отъ кого-либо, можно требовать бритья бородъ. Принужденіе же къ этому ихъ однихъ, при безпрепятственномъ ношеніи бородъ по другимъ вѣдомствамъ, могло бы произвести неблагопріятное для нихъ впечатлѣніе, предупрежденіе котораго желательно для пользы службы. Если указываемый г. губернаторомъ 71 п. прил. къ 975 ст. уст. о службѣ долженъ быть исполняемъ безусловно, то въ виду отступленій отъ этого закона по всѣмъ вѣдомствамъ, безпристрастіе требовало бы, чтобы подтвержденіе о соблюденіи этого закона не было обращено исключительно къ одному этому вѣдомству“.

Вслѣдъ за этимъ на имя министра финансовъ поступила бумага и отъ Тульскаго губернатора Шидловскаго [1]), въ которой послѣдній жаловался на то, что чиновники акцизнаго вѣдомства въ Тулѣ приписываютъ требованіе не носить бороды личной неприязни губернатора къ г. Меркулову, и поэтому въ городѣ ими возбуждается агитація. Губернаторъ настаивалъ, чтобы его предложеніе о ношеніи бороды акцизными чиновниками было исполнено [2]). При К. К. Гротѣ врядъ-ли можно

---

[1]) Шидловскій—тотъ самый губернаторъ, съ которымъ энергично боролся и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, служа въ Тулѣ управляющимъ казенной палатой.

[2]) А. И. Фаресовъ. Исторія бороды и усовъ («Ист. Вѣстн.» 1904 г., X, 205—209.

было сомнѣваться въ благополучномъ для акцизныхъ чиновниковъ исходѣ этого дѣла; но вопросъ о бородѣ пришлось уже рѣшать въ 1869 году заступившему въ это время мѣсто К. К. Грота на посту директора департамента неокладныхъ сборовъ барону Г. О. Розену. Послѣдній нашелъ „не совсѣмъ удобнымъ испрашивать на ношеніе бороды Высочайшаго соизволенія“, не смотря на то, что изъятія изъ общаго правила официально были уже допущены по многимъ вѣдомствамъ (военному, придворному, таможенному, горному, межевому, путей сообщенія и полицейскому). Министерство финансовъ, уступая политическому настроенію, окрѣпшему послѣ покушенія *поляка* Березовскаго на жизнь русскаго императора въ Парижѣ (1868 г.) и вступленія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашева, приняло сторону губернаторовъ и циркулярно приказало всѣмъ акцизнымъ чиновникамъ сбрить бороды.

Такъ въ предсмертныхъ своихъ судорогахъ нравственно убогой дореформенной администраціи удалось лягнуть, въ лицѣ акцизнаго управленія, шедшихъ ей на смѣну ненавистныхъ дѣятелей новаго направленія.

Не сошло, однако, со сцены и одно поколѣніе чиновниковъ, какъ съ высоты самаго Трона акцизное вѣдомство, надъ созданіемъ котораго К. К. Гротъ трудился съ такимъ самоотверженіемъ, удостоено было весьма милостиваго признанія. Высочайшій рескриптъ отъ 13 ноября 1896 года С. В. Маркову, бывшему начальнику главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей (образованнаго изъ бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ), заключаетъ въ себѣ нижеслѣдующія знаменательныя слова нынѣ благополучно царствующаго Монарха: *„Представляя собою образецъ высокой честности и безкорыстнаго служенія Престолу и Отечеству, вы являетесь истиннымъ выразителемъ тѣхъ нравственныхъ взглядовъ и того сознанія долга, которые, къ Моему удовольствію, присущи акцизному вѣдомству“*... Духъ, который вдохнулъ К. К. въ созданное имъ вѣдомство, позволилъ правительству опереться на акцизныя управленія въ проведеніи въ

жизнь реформъ, которыя не имѣли для себя примѣра и казались неосуществимыми; но акцизный надзоръ не останавливался ни передъ какими трудностями, и идя впереди съ сознаніемъ долга и съ вѣрою въ конечную побѣду, стяжалъ себѣ въ послѣдніе годы и со стороны народнаго представительства названіе вѣдомства *безупречнаго*.

XIV.

Дѣятельность К. К. Грота въ качествѣ директора департамента неокладныхъ сборовъ закончилась 1868 годомъ. 1 января 1869 года, вслѣдствіе утомленія, онъ оставилъ эту должность. Разставаясь со своимъ ближайшимъ сотрудникомъ и главнѣйшимъ дѣятелемъ по введенію акцизной системы, министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ предложилъ ему ходатайствовать о назначеніи его сенаторомъ; но подобно тому, какъ, вступая въ должность директора департамента разныхъ податей и сборовъ, К. К. отказался отъ званія товарища министра, такъ и теперь онъ не согласился на сдѣланное ему предложеніе и предпочелъ быть причисленнымъ къ министерству финансовъ съ принятіемъ на себя разныхъ обязанностей по этому званію. Въ качествѣ причисленнаго къ министерству финансовъ, онъ участвовалъ въ учрежденной при государственной канцеляріи особой коммиссіи для разсмотрѣнія внесеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ проекта облегчительныхъ паспортныхъ правилъ; предсѣдательствовалъ въ Высочайше учрежденной при министерствѣ финансовъ коммиссіи для разсмотрѣнія вопроса о способѣ оплаты казенной корреспонденціи; былъ членомъ отъ министерства финансовъ въ учрежденной при 2-мъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи коммиссіи для разсмотрѣнія городового положенія, по прежнему оставался членомъ отъ министерства финансовъ въ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ и проч.

Покинувъ вѣдомство, во время службы въ которомъ ему пришлось сыграть такую видную роль, К. К., хотя и

не принималъ болѣе офиціальнаго участія въ акцизномъ дѣлѣ, но не разрывалъ связующихъ его съ этимъ дѣломъ нитей и повидимому всегда сильно интересовался этимъ дѣломъ, горячо принимая къ сердцу дальнѣйшее его развитіе. Это, конечно, совершенно естественно: осуществленіе, проведеніе въ жизнь акцизной системы было дѣтищемъ К. К., и онъ не могъ его не любить. Связующими звеньями являлись лица, замѣнявшія впослѣдствіи К. К. на посту директора департамента неокладныхъ сборовъ (баронъ О. Г. Розенъ, А. С. Ермоловъ и С. В. Марковъ), считавшіе его экспертомъ, компетентнымъ судьею въ многочисленныхъ и разнообразныхъ акцизныхъ вопросахъ, а потому нерѣдко пользовавшіеся его совѣтомъ и указаніями, а затѣмъ и многіе изъ управляющихъ акцизными сборами, которые пріѣзжали въ столицу, считали долгомъ посѣщать Константина Карловича и дѣлиться съ нимъ своими радостями и горемъ въ дорогомъ для нихъ акцизномъ дѣлѣ.

Должностныя лица акцизнаго вѣдомства всегда отвѣчали сыновнею любовью на отечески-теплыя чувства, которыя питалъ къ нимъ К. К. Объ этомъ живо свидѣтельствуютъ 15 стипендій его имени, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ на средства, собранныя чинами акцизнаго вѣдомства, а также то дѣятельное участіе, которое тѣ же должностныя лица принимаютъ въ дѣлахъ *попечительства о слѣпыхъ*, организація и завѣдываніе которымъ составляло призваніе К. К. въ послѣдніе годы его жизни.

Сторонникомъ идеи свободной торговли крѣпкими напитками К. К. оставался всю свою жизнь, и никакіе противоположные доводы не могли поколебать его убѣжденія.

...„Не знаю“,—писалъ Константину Карловичу К. Д. Кавелинъ въ 1873 году изъ деревни—„правы ли вы. Я не думаю, чтобы свобода торговли виномъ могла быть удержана гдѣ бы то ни было, а у насъ меньше чѣмъ гдѣ-нибудь... Не даромъ даже въ Англіи издаются драконовскіе законы о торговлѣ виномъ. А разъ свобода тор-

говли крѣпкими напитками невозможна, я не нахожу справедливымъ относить ее къ числу articles de foi политическаго убѣжденія. Скажу вамъ, что безобразіе пьянства и бюджета, въ которомъ треть доходовъ покрывается водкой, бросаются въ глаза всѣмъ, и нѣтъ человѣка, который бы съ радостью не встрѣтилъ теперь въ Россіи (законы), ограничивающіе свободную торговлю крѣпкими напитками“ [1]).

И всетаки, когда въ семидесятыхъ годахъ по всей Европѣ шумѣлъ профессоръ парижскаго юридическаго факультета Эм. Альглавъ, рьяно пропогандировавшій идею государственной монополизаціи питейной торговли, и позже — въ восьмидесятыхъ годахъ, когда при министрѣ финансовъ Н. Х. Бунге возникали у насъ предположенія о введеніи казенной продажи питей, Константинъ Карловичъ убѣжденно высказывался, что пьянство должно само собою сократиться по мѣрѣ развитія Россіи, что на этомъ пути существующая акцизная система стоитъ далеко не главнымъ препятствіемъ, и что самый вопросъ о борьбѣ съ нетрезвостью во всѣ времена разрѣшался легче извѣстными ограничительными и карательными постановленіями при свободной продажѣ крѣпкихъ напитковъ, нежели при монополіяхъ—будь то монополія частная или казенная. Даже спустя четверть вѣка по оставленіи поста директора департамента неокладныхъ сборовъ, при разсмотрѣніи въ 1893 году государственнымъ совѣтомъ внесеннаго министромъ финансовъ С. Ю. Витте проекта введенія, въ видѣ опыта, казенной продажи питей въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, К. К. представилъ свое особое мнѣніе по означенному проекту, проникнутое тѣмъ же непоколебимымъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости сохраненія у насъ свободы питейной торговли. Весь безпорядокъ въ акцизной системѣ вызванъ былъ, по его мнѣнію, искаженіями, постепенно внесенными министерствомъ финансовъ въ первоначаль-

[1]) Письма К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту. («Русск. Стар.», 1899. Кн. II, 377).

ныя начала ея, особенно учрежденіемъ губернскихъ и уѣздныхъ присутствій по питейнымъ дѣламъ, съ предоставленіемъ имъ права разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній безъ всякаго согласія крестьянскихъ обществъ,—что внесло въ питейную торговлю полный произволъ.

Глубоко вкорененная непоколебимая честность, ясный, точный и послѣдовательный умъ, благородство мысли, гуманность міровоззрѣнія, замѣчательная стойкость и твердость убѣжденій, доходящая иногда до прямолинейности, неуклонная настойчивость въ проведеніи въ жизнь тѣхъ началъ, которыя признаны справедливыми, полезными и необходимыми для блага страны и народа, спокойствіе духа въ борьбѣ съ элементами, враждебными означеннымъ началамъ, неутомимая энергія, чрезвычайное трудолюбіе, необыкновенныя административныя способности наряду съ пріобрѣтенною очень рано опытностью, осторожное и вдумчивое отношеніе къ дѣлу, рѣдкое умѣнье прінскивать даровитыхъ, дѣльныхъ и полезныхъ сотрудниковъ и убѣжденное стремленіе къ гласности—вотъ черты духовнаго облика К. К., какими онъ обрисовывается за то время его жизни, когда онъ стоялъ во главѣ учрежденія, завѣдывавшаго акцизными сборами, и какимъ до сихъ поръ запечатлѣнъ онъ въ памяти акцизнаго вѣдомства. Синтетически черты эти прекрасно характеризовалъ А. А. Абаза въ привѣтственной рѣчи на обѣдѣ, данномъ К. К. Гроту въ кругу друзей его по оставленіи имъ должности директора департамента неокладныхъ сборовъ. Упомянувъ съ глубокимъ уваженіемъ къ государственной дѣятельности К. К., о собранномъ имъ за время восьмилѣтняго управленія неокладными сборами въ имперіи 1.300,000,000 рублей государственнаго дохода [1]), о преодолѣнныхъ, рѣдкою энергіею К. К., естественныхъ и искусственныхъ препятствіяхъ, о томъ элементѣ высокой честности, который онъ твердою рукою внесъ въ обшир-

---

[1]) Излишне полученнаго противъ суммъ, какія могли быть собраны при откупной системѣ.

ное управленіе акцизными сборами,—А. А. Абаза выразилъ, что девизомъ всей дѣятельности К. К. могутъ служить два слова: *долгъ* и *честь*. И тѣсный кругъ политическихъ друзей пилъ тостъ за широкое распространеніе на Руси его девиза... [1]).

К. Л.

---

[1]) Текстъ рѣчи, писанный рукою А. А. Абазы, сохранился въ бумагахъ К. К. Грота.

К. К. ГРОТЪ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ

(съ 1870 г.—до кончины въ 1897 г.).

К. К. Гротъ
въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Назначенный 5 октября 1870 года членомъ государственнаго совѣта [1]) и вскорѣ затѣмъ къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи, Константинъ Карловичъ Гротъ съ первыхъ дней пребыванія своего въ совѣтѣ, въ теченіе 27 лѣтъ, неизмѣнно принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ этого высокаго учрежденія.

Назначеніе въ государственный совѣтъ и связанныя съ нимъ новыя обязанности не отвлекли, однако, Константина Карловича отъ его прежнихъ занятій въ учрежденной по Высочайшему повелѣнію подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Съ согласія Константина Карловича, Августѣйшій предсѣдатель государственнаго совѣта, великій князь Константинъ Николаевичъ испросилъ всеподданнѣйшимъ докладомъ соизволеніе Государя на оставленіе статсъ-секретаря Грота членомъ означенной коммиссіи „съ предоставленіемъ ему, впрочемъ, присутствовать въ сей коммиссіи въ тѣхъ только случаяхъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ лично предсѣдательствовать". Равнымъ образомъ, по докладу великаго князя, вновь назначенному члену государственнаго совѣта было всемилостивѣйше разрѣшено оставаться предсѣдателемъ Высочайше учрежденной въ 1869 году при

[1]) При оставленіи прежней должности 1 янв. 1870 г. К. К., отклонивъ предложеніе министра финансовъ Рейтерна ходатайствовать о назначеніи его сенаторомъ, предпочелъ быть причисленнымъ къ министерству финансовъ съ возложеніемъ на него разныхъ занятій по этому министерству. Въ тоже время онъ оставался членомъ разныхъ коммиссій. Въ государственный совѣтъ онъ былъ назначенъ по инициативѣ того-же Рейтерна. См. выше, стр. 17, 19; 201.

министерствѣ финансовъ комиссіи о способѣ оплаты казенной корреспонденціи, пересылаемой по почтѣ.

Черезъ полгода по назначеніи въ совѣтъ, Константинъ Карловичъ былъ осчастливленъ новымъ проявленіемъ милостиваго довѣрія къ нему Монарха. Государю благоугодно было 8 марта 1871 года призвать статсъ-секретаря Грота, въ числѣ немногихъ лицъ, къ участію въ трудахъ учрежденнаго при государственномъ совѣтѣ *особаго присутствія* для разсмотрѣнія представленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія гофмейстеромъ графомъ Д. А. Толстымъ проектовъ по части народнаго образованія, по слѣдующимъ тремъ вопросамъ:

1) Объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ Высочайше утвержденномъ 19 ноября 1864 года, уставѣ гимназій и прогимназій; 2) о преобразованіи реальныхъ гимназій въ реальныя училища и 3) по проектамъ положеній и штатовъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Это присутствіе было образовано подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта графа Строганова. Кромѣ двухъ Высочайшихъ Особъ — Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Александра Александровича и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ его составъ входили нѣкоторые изъ членовъ государственнаго совѣта, а также министры: военный, финансовъ, народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Согласно Высочайшему повелѣнію объ учрежденіи названнаго присутствія, ему предоставлялось разсмотрѣть, на правахъ департамента государственнаго совѣта, указанные выше проекты министра народнаго просвѣщенія, которымъ придавалось особо важное государственное значеніе, и засимъ, заключеніе свое внести въ общее собраніе совѣта.

Приступивъ къ исполненію возложенной на него задачи въ апрѣлѣ 1871 года, особое присутствіе завершило свои труды лишь въ мартѣ слѣдующаго года. Сохранившіеся въ журналахъ присутствія данныя о происходившихъ въ немъ дебатахъ представляютъ матеріалъ для

общей характеристики взглядовъ К. К. Грота на вопросы о классическомъ, реальномъ и профессіональномъ образованіи.

Вопросы эти весьма занимали современное К. К. Гроту общество и вызывали горячіе, а иногда и весьма страстные споры при обсужденіи ихъ въ печати. Рѣзкое различіе взглядовъ проявилось также и при разрѣшеніи ихъ въ государственномъ совѣтѣ. Такъ, прежде всего въ средѣ присутствія обнаружилось коренное разномысліе по вопросу о томъ, могутъ и должны ли реальныя училища состоять съ университетами въ такой же связи, какъ классическія среднія учебныя заведенія, въ частности, должны ли на ряду съ классическими гимназіями существовать и гимназіи реальныя, дающія также право поступленія безъ экзамена въ университетъ.

К. К. Гротъ, какъ въ особомъ присутствіи, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, гдѣ возникшее среди членовъ присутствія разномысліе по указанному вопросу также обнаружилось въ полной силѣ, не могъ согласиться съ министромъ народнаго просвѣщенія и поддерживалъ слѣдующій взглядъ:

„1) Въ виду быстраго развитія, которое получили въ послѣднее время науки естественныя, и дознанной уже общеобразовательной силы ихъ, а также для удовлетворенія, въ благоразумныхъ размѣрахъ, видимо возрастающей потребности общества въ знаніяхъ по этимъ наукамъ, необходимо предоставить математикѣ и естествовѣдѣнію должное мѣсто въ общей системѣ образованія въ государствѣ.

2) Посему мысль, положенная въ основаніе устава 1864 года, что для средняго общаго образованія существуютъ два способа: классическій и реальный, должна и впредь служить основаніемъ нашихъ законоположеній для среднихъ учебныхъ заведеній.

3) Вслѣдствіе этого денежныя средства, предоставленныя министерству народнаго просвѣщенія на среднее общее образованіе, должны по справедливости и по настоятельной государственной потребности быть равно-

мѣрно употреблены на учебныя заведенія, въ которыхъ главнымъ способомъ развитія служатъ древніе языки, и на тѣ заведенія, гдѣ для сего употребляются науки естественныя и математика.

4) Слѣдуя этой основной мысли, изъ всего числа нынѣшнихъ гимназій—съ двумя древними языками, съ однимъ латинскимъ языкомъ и реальныхъ, должно бы имѣть половинное число классическихъ, а другую половину преобразовать постепенно въ реальныя, съ 8-лѣтнимъ курсомъ и приготовительнымъ классомъ.

5) Въ сіи послѣднія гимназіи ввести факультативное изученіе латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы окончившіе въ нихъ курсъ и изучившіе латинскій языкъ были допускаемы на общемъ основаніи въ физико-математическій и медицинскій факультеты университетовъ".

Хотя приведенныя мысли, раздѣлявшіяся Константиномъ Карловичемъ и меньшинствомъ членовъ присутствія, были поддержаны въ общемъ собраніи совѣта большинствомъ его членовъ, тѣмъ не менѣе осуществиться имъ не было суждено.

Они вызвали рѣзкія возраженія со стороны меньшинства членовъ совѣта, составившагося главнымъ образомъ изъ лицъ въ то время наиболѣе вліятельныхъ. Противники вышеприведеннаго мнѣнія находили, что „осуществленіе таковаго предположенія, безпримѣрнаго въ исторіи европейской цивилизаціи, могло имѣть лишь самыя пагубныя послѣдствія для умственнаго и нравственнаго благосостоянія Россіи, даже и въ томъ случаѣ, если бы оно произведено было и не въ столь обширныхъ размѣрахъ".

„Во всѣхъ государствахъ Европы только гимназіи, основными предметами коихъ служатъ оба древніе языка и математика, признаются приготовительными къ университетамъ учебными заведеніями, и вездѣ, гдѣ только процвѣтаютъ науки, въ томъ числѣ и науки естественныя и медицинскія, однѣ гимназіи съ полнымъ классическимъ курсомъ называются учеными школами и только даваемое ими образованіе признается пригод-

нымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ".

По такимъ соображеніямъ меньшинство государственнаго совѣта полагало: „не допускать, согласно и съ дѣйствовавшими постановленіями, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ ни въ одинъ изъ факультетовъ университетовъ".

По постановленію совѣта, происшедшія въ немъ разныя мнѣнія были представлены на Высочайшее воззрѣніе, и Государю угодно было утвердить мнѣніе меньшинства. Такимъ образомъ доступъ въ университеты для лицъ съ реальнымъ образованіемъ открытъ не былъ.

Въ слѣдующемъ 1872 году, принимая участіе въ трудахъ присутствія при обсужденіи предположеній о преобразованіи реальныхъ гимназій въ реальныя училища, въ связи съ дополнительно внесенными по этому предмету министромъ народнаго просвѣщенія измѣненіями его первоначальнаго проекта, К. К. Гротъ снова выступилъ противникомъ предположеній графа Толстого. Послѣдній, исходя изъ того соображенія, что „главный недостатокъ реальныхъ гимназій заключается въ отсутствіи какого-либо приноравленія курса ихъ къ спеціальнымъ потребностямъ различныхъ отраслей промышленности", находилъ нужнымъ „совершенно преобразовать реальныя гимназіи въ такія училища, которыя давали бы образованіе, приспособленное къ занятіямъ различными отраслями промышленности и торговли, разумѣя тѣ отрасли, для которыхъ не нужно высшее спеціальное образованіе, а достаточна только нѣкоторая спеціальная умственная подготовка, превышающая доставляемое народными школами начальное образованіе". При этомъ графъ Толстой полагалъ, что „общеобразовательный курсъ можетъ продолжаться во время ученья параллельно съ курсомъ спеціальнымъ". Изложенное мнѣніе министра народнаго просвѣщенія встрѣтило поддержку лишь у меньшинства присутствія и вызвало горячія возраженія со стороны нѣкоторыхъ его членовъ, и въ томъ числѣ К. К-ча. Послѣдніе находили, что отсутствіе приноравленія курса реальныхъ гимназій къ по-

требностямъ промышленности совсѣмъ не представляетъ недостатка. Цѣль сихъ учебныхъ заведеній въ томъ, „чтобы развивая стройно умственныя способности и доводя до извѣстной степени умственной зрѣлости, сообщать учащимся общія полезныя для всѣхъ свѣдѣнія, т. е. давать общее образованіе посредствомъ математики, наукъ естественныхъ и языковъ отечественнаго и новѣйшихъ и подготовлять къ поступленію въ высшія спеціальныя заведенія“.

Что касается желанія министра народнаго просвѣщенія создать училища, которыя давали бы образованіе, приспособленное къ занятіямъ промышленностью и торговлею, то по существу вполнѣ его раздѣляя, противники графа Толстого вмѣстѣ съ К. К. Гротомъ полагали, что „оно должно быть удовлетворено отдѣльнымъ учрежденіемъ весьма полезныхъ училищъ собственно техническихъ, промышленныхъ, профессіональныхъ, но не училищъ общеобразовательныхъ, имѣющихъ другое значеніе. Что же касается совмѣщенія „въ одинъ учебный курсъ одного и того же училища и параллельнаго преподаванія въ немъ тѣхъ и другихъ предметовъ, то это невозможно безъ нарушенія правильности умственнаго развитія учащихся“. По такимъ соображеніямъ, сторонниками мнѣнія, которое отстаивалъ К. К., предполагалось:

1) существующія реальныя гимназіи преобразовать въ семиклассныя реальныя училища съ приготовительнымъ классомъ, на основаніи особаго устава и штата;

2) въ эти реальныя училища ввести учебный курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, не допуская въ составъ курса никакихъ прикладныхъ реальныхъ предметовъ;

3) на этихъ основаніяхъ учреждать и новыя реальныя училища по мѣрѣ денежныхъ средствъ, и притомъ начиная преимущественно съ центральныхъ внутреннихъ губерній и переходя постепенно къ другимъ, болѣе отдаленнымъ;

4) для помянутыхъ реальныхъ училищъ издать особый уставъ, сдѣлавъ для сего въ проектѣ устава, пред-

ставленномъ министромъ народнаго просвѣщенія, перемѣны и дополненія,

и 5) за удержаніемъ для реальныхъ училищъ, какъ сказано выше, значенія исключительно общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, предоставить отдѣльнымъ вѣдомствамъ, по соглашенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а земству, городскимъ и земскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, учреждать техническія спеціальныя училища разнаго рода (ремесленныя, промышленныя, профессіональныя) и открывать публичныя чтенія и курсы спеціальныхъ предметовъ по мѣрѣ надобности и по денежнымъ средствамъ".

Разномысліе, возникшее въ присутствіи повторилось и въ общемъ собраніи. Высочайшаго же утвержденія и на этотъ разъ удостоилось мнѣніе, поддерживавшее предположенія графа Толстого.

Нѣсколько позднѣе К. К. Гротъ снова выказалъ себя сторонникомъ насажденія у насъ реальнаго образованія. Это произошло въ 1874 году при разсмотрѣніи въ соединенныхъ департаментахъ представленія министра народнаго просвѣщенія о дозволеніи открывать прогимназіи въ 4-хъ и 6-ти классномъ составѣ. К. К. Гротъ вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ соединеннаго присутствія (Мельниковымъ) выступилъ съ возраженіями противъ предположеній графа Толстого о цѣлесообразности учрежденія новыхъ шестиклассныхъ прогимназій или обращенія существующихъ четырехклассныхъ прогимназій въ шестиклассныя. Онъ считалъ эту мѣру „преждевременною, съ одной стороны, потому, что самое преобразованіе гимназій и прогимназій началось только въ 1871 году, такъ что необходимость въ какихъ-либо измѣненіяхъ или дополненіяхъ къ гимназическому и прогимназическому уставу 1871 года не могла еще достаточно выясниться и опредѣлиться на практикѣ, а съ другой стороны—по той причинѣ, что заявленія и пожертвованія мѣстныхъ обществъ, постоянно увеличивающіяся, прямо свидѣтельствуютъ о крайней насущной необходимости скорѣйшаго

учрежденія внутри Россіи возможно большаго числа реальныхъ училищъ“.

Вслѣдствіе сего К. К. находилъ нужнымъ „не утверждая предположеній графа Толстого, ассигновать въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія испрашиваемые имъ 86.025 руб., предоставивъ ему употреблять эту сумму на увеличеніе числа реальныхъ училищъ, на основаніи устава о сихъ училищахъ, по мѣрѣ заявленія городскими и земскими обществами, а также частными лицами, готовности дѣлать пожертвованія деньгами или инымъ способомъ на учрежденіе подобнаго рода училищъ, а если бы и затѣмъ изъ означенной суммы были остатки, то употреблять оные на учрежденіе четырехклассныхъ прогимназій въ тѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ которыхъ таковыхъ заведеній еще вовсе не существуетъ и которые нуждаются въ оныхъ, не имѣя собственныхъ средствъ для открытія и содержанія ихъ“.

1 января 1872 года Константинъ Карловичъ былъ назначенъ присутствовать въ департаментѣ законовъ, въ составѣ котораго оставался затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ, дѣятельно участвуя въ обсужденіи поступавшихъ на его разсмотрѣніе выдающихся по своему государственному значенію и сложности дѣлъ.

Почти одновременно съ назначеніемъ въ департаментъ законовъ, въ январѣ того же 1872 года, К. К., по Высочайшему повелѣнію, принялъ участіе въ занятіяхъ коммиссіи „по дѣламъ столичнаго управленія“, замѣнивъ, въ качествѣ предсѣдателя ея, скончавшагося передъ тѣмъ тайнаго совѣтника Троицкаго.

Руководя трудами названной коммиссіи, К. К. Гротъ имѣлъ случай выступить въ роли защитника скорѣйшаго проведенія въ жизнь по отношенію къ С.-Петербургу началъ городского самоуправленія по положенію 1870 года. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Незадолго до назначенія Константина Карловича въ означенную коммиссію, въ ноябрѣ 1871 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, внесъ въ

государственный совѣтъ записку о примѣненіи Высочайше утвержденнаго 16 іюня 1870 года городового положенія къ столицамъ и городу Одессѣ. Но такъ какъ на основаніи пункта 8 Высочайшаго повелѣнія 17 іюня 1871 года одновременно съ введеніемъ въ С.-Петербургѣ новаго городового положенія должно было послѣдовать и примѣненіе къ столицѣ новаго положенія о градоначальствѣ, то министръ внутреннихъ дѣлъ въ февралѣ 1872 года просилъ государственнаго секретаря предложить указанную записку на разсмотрѣніе государственнаго совѣта одновременно съ подлежавшими вскорѣ за тѣмъ внесенію въ совѣтъ соображеніями министерства о новомъ устройствѣ управленія столицею. Возникшіе же въ связи съ означеннымъ устройствомъ управленія вопросы были переданы на разсмотрѣніе комиссіи „по дѣламъ столичнаго управленія“ предсѣдателемъ которой, какъ указано выше, былъ только-что назначенъ К. К. Гротъ.

Положившій не мало трудовъ, до назначенія своего въ государственный совѣтъ, въ качествѣ члена комиссіи (отъ министерства финансовъ) по составленію городового положенія [1]), на защиту расширенія самодѣятельности городского общественнаго самоуправленія и удостоившійся не задолго передъ тѣмъ Высочайшей благодарности (въ 1870 году) за содѣйствіе къ успѣшному окончанію составленія проекта новаго городового положенія, Константинъ Карловичъ являлся всегда горячимъ сторонникомъ новыхъ началъ городского самоуправленія и потому не задержалъ съ своей стороны возможности примѣненія ихъ къ столицѣ. Въ качествѣ предсѣдателя

---

[1]) См. выше, стр. 201.—Къ этой дѣятельности по реформѣ городского управленія онъ былъ отлично подготовленъ своими трудами и опытностью въ прежніе періоды службы, именно въ 1848—1852 гг., когда принималъ самое живое и видное участіе, подъ руководствомъ Н. А. Милютина, во введеніи въ столицѣ новаго общественнаго управленія, организуя столичныя сословныя управы: купеческую, мѣщанскую и ремесленныя и затѣмъ въ эпоху губернаторства въ Самарѣ, гдѣ онъ столько сдѣлалъ для городского благоустройства. См. выше, стр. 63—65, 69; 124—125.

коммиссіи по дѣламъ столичнаго управленія, онъ вскорѣ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что предстоящія названной коммиссіи занятія не только не вызываютъ надобности въ пріостановленіи разсмотрѣнія внесеннаго въ совѣтъ представленія о примѣненіи городового положенія къ С.-Петербургу, но что напротивъ, окончательное разрѣшеніе этого представленія облегчило бы для коммиссіи исполненіе возложенныхъ на нее задачъ. Такимъ образомъ, устранились препятствія къ разсмотрѣнію означеннаго представленія, и оно безъ задержки было разсмотрѣно соединенными департаментами, а затѣмъ слушалось въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Здѣсь Константинъ Карловичъ снова проявилъ себя сторонникомъ скорѣйшаго примѣненія къ столицѣ городового положеженія 1870 года.

Когда часть членовъ общаго собранія возбудила вопросъ о томъ, „въ какой мѣрѣ представляется удобнымъ утверждать правила о примѣненіи городового положенія къ С.-Петербургу прежде окончательнаго разсмотрѣнія разрабатываемыхъ въ особой коммиссіи предположеній объ образованіи С.-Петербургскаго градоначальства", мнѣнія въ общемъ собраніи раздѣлились. К. К., какъ видно изъ журнала общаго собранія 15 мая 1872 года, выступилъ съ заявленіемъ, „1) что проектируемое въ коммиссіи подъ его предсѣдательствомъ положеніе о С.-Петербургскомъ градоначальствѣ не можетъ повлечь за собою никакихъ измѣненій въ правилахъ о примѣненіи городового положенія, такъ какъ оно имѣетъ предметомъ устройство административнаго управленія столицею и не касается вопроса объ управленіи муниципальномъ, и 2) что вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли пріостановиться разсмотрѣніемъ въ законодательномъ порядкѣ предположеній о примѣненіи городового положенія къ С.-Петербургу впредь до окончанія Высочайше возложеннаго на эту коммиссію порученія, возбуждался въ самой коммиссіи, но по всестороннемъ обсужденіи его при участіи С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, коммиссія пришла къ единогласному заключенію, что предстоящія ей занятія

не только не вызываютъ необходимости пріостанавливаться разрѣшеніемъ дѣла о примѣненіи городового положенія къ С.-Петербургу, а напротивъ, съ окончательнымъ утвержденіемъ предположеній по сему послѣднему предмету облегчилось бы для комиссіи исполненіе возложенныхъ на нее обязанностей по опредѣленію предметовъ вѣдомства С.-Петербургскаго градоначальника".

Большинство членовъ совѣта признало дальнѣйшее замедленіе въ обсужденіи и представленіи на Высочайшее утвержденіе проекта правилъ о примѣненіи новаго городового положенія къ С.-Петербургу не нужнымъ и крайне неудобнымъ.

Государь Императоръ 7 іюня 1872 года утвердилъ мнѣніе большинства.

Обозрѣвая дѣятельность статсъ-секретаря Грота въ государственномъ совѣтѣ, нельзя не признать, что онъ „внесъ голосъ своего житейскаго и служебнаго опыта" во всѣ вопросы государственной жизни, проходившіе черезъ это учрежденіе за много лѣтъ его пребыванія въ немъ. Достойно вниманія, съ какою твердостью и нелицепріятіемъ Константинъ Карловичъ отстаивалъ мнѣнія, признаваемыя имъ справедливыми. Какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи можно указать на слѣдующій случай.

Въ концѣ 1873 г. и въ началѣ 1874 г. въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а также въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, разсматривалось дѣло объ упраздненіи С.-Петербургской управы благочинія. Такъ какъ на названной управѣ лежала между прочимъ обязанность по производству дѣлъ по вексельнымъ изысканіямъ, то возникъ вопросъ, въ вѣдѣніе какого именно учрежденія, за упраздненіемъ управы, должны быть переданы производящіяся въ ней дѣла указаннаго рода?

По этому предмету въ департаментахъ послѣдовало разномысліе. К. К. Гротъ и еще одинъ членъ соединен-

наго присутствія (князь Д. Оболенскій), вопреки мнѣнію большинства (19 членовъ), держались того взгляда, что разъ на основаніи общаго губернскаго учрежденія дѣла о взысканіяхъ по векселямъ находятся въ вѣдѣніи губернскихъ правленій, то и съ упраздненіемъ С.-Петербургской управы благочинія слѣдовало бы перенести лежащія на ней обязанности по вексельнымъ дѣламъ на губернское правленіе, присоединивъ къ нему нынѣшнее исковое отдѣленіе управы.

Въ общемъ собраніи къ мнѣнію этому присоединился всего одинъ членъ (графъ Левашевъ). Противъ же высказалось подавляющее большинство (38 лицъ). Тѣмъ не менѣе К. К. Гротъ своей точки зрѣнія не измѣнилъ, и возникшія въ совѣтѣ разныя мнѣнія были представлены на Высочайшее благовоззрѣніе. Утверждено однако было Государемъ мнѣніе большинства, полагавшаго цѣлесообразнымъ, по изложеннымъ въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ соображеніямъ, безотлагательно упразднить управу благочинія въ полномъ ея составѣ, и находившаго наиболѣе удобнымъ возложить производство всѣхъ вообще вексельныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и уѣздѣ его, не исключая и малоцѣнныхъ (до 500 руб.), на комерческій судъ [1]).

---

[1]) Ту же черту упорства въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и взглядовъ, не считаясь съ соображеніями личныхъ отношеній и интересовъ, иллюстрируетъ случай между К. К. и Вел. Княз. Константиномъ Николаевичемъ въ государственномъ совѣтѣ, о которомъ разсказываетъ А. Ѳ. Кони въ кн. «На жизненномъ пути» (т. II 1913, стр. 454).

Не задолго до отъѣзда за границу, въ маѣ 1879 г., К. К. Гротъ участвовалъ въ разсмотрѣніи въ общемъ собраніи государственнаго совѣта представленія министра финансовъ генералъ-адъютанта Грейга о разрѣшеніи французскому акціонерному обществу «Crédit Lyonnais» учредить въ С.-Петербургѣ агентство. Дѣлу этому, какъ видно изъ журналовъ совѣта, было придано нѣсколько болѣе широкое значеніе, чѣмъ оно того заслуживало. Въ общемъ собраніи мнѣнія членовъ раздѣлились. К. К. Гротъ былъ въ числѣ тѣхъ членовъ совѣта, которые высказывались за отклоненіе предположеній министра финансовъ. Онъ убѣжденно и рѣшительно отстаивалъ свое мнѣніе. Великій князь нѣсколько разъ «рѣзко прерывалъ, въ качествѣ предсѣдателя государственнаго

Усиленная работа и широкая, многообразная, всегда самоотверженная дѣятельность не могли не отзываться на здоровьѣ К. К. Грота. Уже въ первый годъ своего пребыванія въ совѣтѣ, весною 1871 года, Константинъ Карловичъ принужденъ былъ просить „для излѣченія болѣзни“ продлить свой заграничный отпускъ сверхъ вакантнаго времени еще на мѣсяцъ. Но захворавъ въ Берлинѣ, при возвращеніи въ Россію, онъ былъ принужденъ продлить его еще на нѣкоторое время.

Болѣзнь видимо не оставляла Грота и въ слѣдующемъ году. Находясь осенью въ Берлинѣ, онъ писалъ государственному секретарю: „Разстроенное состояніе моего здоровья вынуждаетъ меня, по совѣту врачей, пробыть предстоящіе осенніе и зимніе мѣсяцы въ умѣренномъ климатѣ, а съ наступленіемъ весны продолжать начатое мною истекшимъ лѣтомъ за границею лѣченіе. При такихъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности возвратиться въ Петербургъ ко времени открытія засѣданій государственнаго совѣта, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство довести о семъ до свѣдѣнія Августѣйшаго предсѣдателя государственнаго совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя трудъ ходатайствовать объ испрошеніи мнѣ десятимѣсячнаго отпуска, считая съ 15 сентября, для пребыванія за границею“. О болѣзни Грота былъ освѣдомленъ Государь, въ бытность свою въ Берлинѣ въ 1872 году, и, какъ видно изъ того же письма, начало котораго приведено выше, соизволилъ разрѣшить Константину Карловичу ходатайствовать объ отпускѣ въ установленномъ порядкѣ [1]).

совѣта, соображенія, представленныя статсъ-секретаремъ Гротомъ». Но такъ какъ, по свидѣтельству того же повѣствователя, «впадая въ рѣзкій и страстный тонъ среди преній, Константинъ Николаевичъ, остывъ, не рѣдко сознавалъ свою ошибку и не отдавался чувству ложнаго самолюбія», то онъ, великій князь, «разыскалъ въ Парижѣ уѣхавшаго туда оскорбленнаго Грота и, прямодушно признавъ свою вину, просилъ его забыть происшедшее».

[1]) О болѣзни К. К. Грота, въ письмѣ къ нему отъ 20 сентября 1872 г. («Русская Старина», 1899 г., Январь, стр. 146), другъ его К. Д. Кавелинъ говоритъ: «Я утѣшалъ себя мыслью, что ваше отсутствіе изъ Петербурга на

Въ 1875 году, помимо занятій въ департаментѣ законовъ, Константинъ Карловичъ принималъ также участіе въ работахъ учрежденнаго при государственномъ совѣтѣ особаго присутствія по вопросу объ охотѣ. Присутствіе это было образовано по Высочайшему повелѣнію 19 января 1875 года. Въ составъ его вошли великій князь Владиміръ Александровичъ, члены департаментовъ, нѣкоторые члены совѣта, „практически знакомые съ условіями производства охоты“, и министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи. Въ присутствіе приглашались также и свѣдущія лица, „имѣющія спеціальныя познанія и опытность въ дѣлѣ охоты“. Закону объ охотѣ придавалось, съ государственной точки зрѣнія, важное значеніе.

Въ мартѣ того же 1875 года К. К. Гроту Высочайшимъ указомъ было Всемилостивѣйше повелѣно быть предсѣдателемъ совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны.

Всегда склонный, по природной мягкости своего сердца и по нравственнымъ своимъ принципамъ, къ дѣламъ благотворительности, одухотворенный любовью къ ближнимъ и всегда готовый протянуть руку помощи больному и обездоленному, Константинъ Карловичъ, за все время пребыванія своего во главѣ названнаго совѣта (до конца 1882 года), неизмѣнно оставался на высотѣ тѣхъ высокихъ задачъ, къ осуществленію которыхъ онъ былъ призванъ этою ролью руководителя вѣдомства, учрежденнаго ознаменованіе заслугъ великой княгини Елены Павловны на поприщѣ милосердія, человѣколюбія и просвѣщенія.

такое долгое время вызвано болѣзнью политическаго свойства, но въ этомъ разочаровалъ меня вашъ братъ и Тютчевы, которые остались весьма недовольны вашимъ внѣшнимъ видомъ. Такъ долго васъ не видѣть и вдобавокъ знать, что вы и здоровьемъ плохи—это два горя». Изъ другого письма Кавелина (отъ 15 ноября) мы знаемъ, что К. К., взявъ этотъ отпускъ, отказывался отъ жалованья по званію члена госуд. совѣта, на что однако-жъ не послѣдовало согласія,—до того это противорѣчило порядкамъ и общему духу чиновнаго міра. «Русск. Стар.» 1899 Янв., стр. 151. См. выше, стр. 186, примѣч.

Одновременно съ пребываніемъ въ совѣтѣ управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны, но нѣсколько позднѣе (съ 1877 года), К. К. Гротъ былъ привлеченъ къ участію въ организаціи дѣятельности состоявшаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ государыни императрицы Маріи Александровны главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, и былъ назначенъ предсѣдателемъ сего попечительства. По дѣламъ послѣдняго, въ апрѣлѣ 1878 года, К. К. ѣздилъ на нѣкоторое время въ Германію. Эта работа Константина Карловича въ попечительствѣ привела его вскорѣ къ тому большому дѣлу, которому онъ посвятилъ послѣдній періодъ своей жизни: къ борьбѣ со слѣпотой и оказанію помощи обездоленнымъ судьбою и лишеннымъ одного изъ лучшихъ даровъ природы—зрѣнія.

Обзору этой стороны дѣятельности К. К. Грота будетъ посвященъ ниже особый очеркъ. Такой же отдѣльный очеркъ будетъ здѣсь удѣленъ тому, что сдѣлалъ К. К., еще гораздо ранѣе, въ періодъ расцвѣта своей дѣятельности по государственному совѣту, именно въ борьбѣ съ другого рода слѣпотою, не въ прямомъ, а переносномъ смыслѣ слова. Но объ этихъ трудахъ его, какъ непосредственно входящихъ въ сферу работъ государственнаго совѣта, нельзя не сказать и здѣсь—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ.

„Слѣпцомъ по своей или чужой винѣ", какъ говоритъ А. Ѳ. Кони [1]), является преступникъ. Мысль о томъ, что наказаніе преступника должно имѣть въ виду не одно только воздаяніе, а также и исправленіе, уже давно занимала Константина Карловича.

При своей разносторонней дѣятельности, онъ не могъ не видѣть, что наши старыя мѣста заключенія были весьма далеки отъ того, чтобы служить задачамъ исправленія содержавшихся въ нихъ преступниковъ и вести ихъ на путь прозрѣнія. К. К. Гротъ сознавалъ, что послѣднее возможно только при разумной постановкѣ дѣла исправ-

---

[1]) А. Ѳ. Кони. «На жизненномъ пути» т. II. К. К. Гротъ, стр. 503.

ленія виновныхъ, построенной на пониманіи особенностей различныхъ сторонъ человѣческой природы. Прежняя же тюрьма, какъ свидѣтельствуетъ А. Ѳ. Кони [1]) „въ грубыхъ и неопытныхъ рукахъ, подъ бездушнымъ бюрократическимъ надзоромъ, была во многихъ отношеніяхъ безчеловѣчна, лишь усугубляя нравственную слѣпоту заключенныхъ“.

„Необходима была реформа не только въ учрежденіяхъ, но и въ людяхъ, и этому дѣлу отдался Гротъ въ своихъ работахъ по тюремному преобразованію, въ своихъ участіяхъ въ тюремныхъ конгрессахъ, и въ своемъ завѣдываніи главнымъ тюремнымъ управленіемъ, во главѣ котораго онъ состоялъ (1881—1882), пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему безпочвенности его усилій“.

Начало трудовъ К. К. въ этой области слѣдуетъ отнести къ 1877 году, когда Государь Императоръ призвалъ его къ работамъ по преобразованію тюремной части. Дѣлу этому Константинъ Карловичъ былъ преданъ всею душою и служенію ему посвятилъ всю широту своихъ умственныхъ и духовныхъ силъ, неразрывно связавъ свое имя на страницахъ русской государственной лѣтописи съ исторіей возрожденія тюремнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Плоды его работы понынѣ живы и являются лучшимъ свидѣтельствомъ полезности его трудовъ.

По Высочайшему повелѣнію 28 февраля 1877 г., подъ предсѣдательствомъ Грота, была учреждена при государственномъ совѣтѣ особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ 2 главы 1 раздѣла уложенія о наказаніяхъ.

Вопросы о новой лѣстницѣ наказаній и о тюремномъ преобразованіи разрабатывались вѣдомствами въ 1860—70-хъ годахъ, и въ видѣ окончательныхъ проектовъ были внесены въ 1875 году, въ государственный совѣтъ, гдѣ, по важности и сложности своей потребовали тщательнаго и

---

[1]) А. Ѳ. Кони. «На жизненномъ пути», т. II. К. К. Гротъ, стр. 504.

всесторонняго обсужденія до разсмотрѣнія ихъ въ общемъ собраніи.

Еще за долго до своего назначенія предсѣдателемъ комиссіи К. К. Гротъ изучилъ исторію тюремнаго дѣла и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ знатоками этого дѣла въ Западной Европѣ. Вскорѣ же по своемъ назначеніи, въ іюнѣ 1877 года, онъ получилъ по Высочайшему повелѣнію порученіе ознакомиться, путемъ личнаго осмотра въ лѣтніе мѣсяцы, съ состояніемъ тюремныхъ учрежденій въ имперіи. Обозрѣніе послѣднихъ, какъ указано въ статьѣ, посвященной памяти статсъ-секретаря К. К. Грота въ „Тюремномъ Вѣстникѣ" за ноябрь 1897 года, привело Константина Карловича къ убѣжденію, что „въ нашемъ отечествѣ тюремная реформа должна итти инымъ путемъ, чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей. Вмѣсто того, чтобы начинать дѣло съ устройства образцовыхъ мѣстъ заключенія и съ выработки пенитенціарной системы, надлежало прежде всего организовать общее управленіе тюремною частью и тюремное хозяйство. Наилучшимъ способомъ для этого являлось созданіе центральнаго административнаго органа, на который было бы возложено изслѣдованіе во всѣхъ подробностяхъ положенія дѣла и постепенное его усовершенствованіе на основаніи указаній опыта".

Слѣдствіемъ трудовъ комиссіи К. К. Грота [1]), было учрежденіе въ 1879 году въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ главнаго тюремнаго управленія.

На вновь учрежденное управленіе, какъ указываетъ въ своей замѣткѣ „Матеріалы къ исторіи тюремной реформы въ Россіи" М. Н. Галкинъ-Враской [2]), правительство возложило обязанность постепенно подготовлять и проводить въ жизнь тѣ мѣропріятія по усовершенствова-

[1]) Подробный обзоръ трудовъ комиссіи К. К. Грота и характеристику его дѣятельности и участія въ преобразованіи тюремной части, какъ и въ подготовительныхъ шагахъ и работахъ въ государств. совѣтѣ, въ командировкахъ его на тюремный конгрессъ въ Стокгольмѣ и въ разныя мѣстности Россіи для обозрѣнія тюремъ читатель найдетъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

[2]) Журналъ Министерства Юстиціи, 1901 г. № 9, стр. 283.

нію тюремной части, необходимость коихъ обусловливалась бы потребностями даннаго времени и цѣлесообразность коихъ оправдывалась бы указаніями опыта, „причемъ послѣдовательность преобразованія не была предрѣшена опредѣленною программою и лишь въ видѣ указанія конечной цѣли реформы—къ руководству управленія были преподаны Высочайше утвержденныя основныя начала новой лѣстницы наказаній".

Имѣя въ виду предстоявшую новому управленію трудную задачу преобразовательной дѣятельности—въ связи съ текущимъ дѣлопроизводствомъ по завѣдыванію тюремными учрежденіями имперіи, пересыльною частью и ссылкою, Константинъ Карловичъ, само собой разумѣется, былъ весьма озабоченъ „первоначальною организаціею управленія и выборомъ лицъ, имѣвшихъ войти въ составъ онаго".

Своими неустанными заботами о подборѣ этихъ лицъ и блестяще произведеннымъ выборомъ ихъ, К. К. Гротъ далъ лучшее доказательство того, насколько онъ былъ преданъ дѣлу тюремнаго преобразованія и съ какою любовью и попеченіемъ относился къ проведенію его въ жизнь [1]).

Съ окончаніемъ занятій комиссіи по преобразованію тюремной части связь К. К. Грота съ тюремнымъ вѣдомствомъ не прервалась.

Въ виду желанія занимавшаго должность предсѣдателя совѣта по тюремнымъ дѣламъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго оставить эту должность, министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ половинѣ января 1881 года возбудилъ передъ Августѣйшимъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта вопросъ, не встрѣтится ли со стороны Его Императорскаго Высочества препятствій къ испрошенію Высочайшаго соизволенія на назначеніе на эту должность К. К. Грота.

---

[1]) Опубликованныя въ 1901 г. четыре письма К. К. Грота къ М. Н. Галкину-Враскому служатъ въ этомъ случаѣ прекраснымъ выраженіемъ руководившихъ имъ побужденій. Журн. Мин. Юстиціи, 1901 г., № 9, стр. 284—288.

Отвѣтъ послѣдовалъ:—„Разумѣется, согласенъ“. Высочайшимъ указомъ 24 января К. К. былъ назначенъ предсѣдателемъ названнаго совѣта. Непосредственно затѣмъ, Государю угодно было соизволить на предоставленіе, въ видѣ временной мѣры, лично, статсъ-секретарю Гроту: а) правъ и обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ, по званію президента попечительнаго общества о тюрьмахъ и по руководству главнымъ тюремнымъ управленіемъ и б) права участвовать въ сужденіяхъ по тюремнымъ дѣламъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и замѣнять министра внутреннихъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ и въ сношеніяхъ со всѣми мѣстами и лицами по означеннымъ дѣламъ.

Эта мѣра, какъ видно изъ письма (№ 266) министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова къ государственному секретарю Е. А. Перетцу, была предпринята, „въ видахъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія тюремнаго преобразованія“.

При новомъ назначеніи министръ внутреннихъ дѣлъ оставлялъ за собою однако въ отношеніи тюремной части представленіе всеподданнѣйшихъ докладовъ и внесеніе дѣлъ въ высшія государственныя учрежденія, какъ по попечительному обществу о тюрьмахъ, такъ и по тюремному управленію вообще, а также утвержденіе журналовъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, кои должны служить основаніемъ упомянутыхъ докладовъ и представленій [1]).

---

[1]) Такъ, внесенная 30 ноября 1881 г. въ государственный совѣтъ записка о «преобразованіи администраціи въ тюрьмахъ Царства Польскаго» была подписана министромъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантомъ графомъ Игнатьевымъ, причемъ заключенію его въ запискѣ предпосылались «Соображенія Статсъ-Секретаря Грота». Въ нихъ указывалось, между прочимъ, что «Гротъ, признавая безусловно необходимымъ осуществленіе» предполагаемаго мѣропріятія, «входилъ въ сношеніе по сему предмету съ управляющимъ министерствомъ финансовъ». При слушаніи дѣла въ соединенныхъ департаментахъ присутствовалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а К. К. Гротъ принималъ участіе въ засѣданіи и подписывалъ журналъ его, какъ членъ департамента законовъ.

*

Хотя, какъ указано выше, статсъ-секретарю Гроту были предоставлены по высшему завѣдыванію тюремною частью гражданскаго вѣдомства права министра, по за командированіемъ начальника управленія М. Н. Галкина-Враскаго на продолжительный срокъ въ Сибирь, въ лицѣ К. К. Грота соединилось и непосредственное распоряженіе всѣми отраслями управленія тюремною частью. „Можно утверждать", говорится въ статьѣ, посвященной памяти Константина Карловича въ „Тюремномъ Вѣстникѣ" за 1897 годъ (№ 11), „что къ этому времени восходитъ начало наиболѣе серьёзныхъ мѣропріятій, донынѣ осуществляемыхъ у насъ въ пенитенціарной области. Достаточно назвать мѣры къ улучшенію тюремнаго надзора, упорядоченіе хозяйственно-операціонныхъ расходовъ, созданіе основныхъ началъ тюремно-строительнаго дѣла, заботы объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ и пріютахъ для арестантскихъ дѣтей, чтобы хотя отчасти охарактеризовать объёмъ дѣятельности К. К. Грота.

Но едва-ли не самымъ замѣчательнымъ его начинаніемъ, осуществленнымъ уже послѣ оставленія имъ тюремнаго вѣдомства, было преобразованіе С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія, которое, по справедливости, должно считаться зерномъ всей послѣдующей тюремно-административной реформы.

Основная мысль этого преобразованія, плодотворность которой вполнѣ подтвердилась на практикѣ, заключалась въ строгомъ проведеніи грани между задачами государственными въ области тюремнаго дѣла и филантропическимъ участіемъ въ немъ общественныхъ и частныхъ силъ. Въ предыдущія эпохи эти стороны дѣла почти всегда смѣшивались и взаимно парализовали другъ друга; путь, намѣченный К. К. Гротомъ, открылъ широкій просторъ тюремной филантропіи въ той сферѣ, гдѣ она столь желательна и необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ значеніе правительственныхъ органовъ тюремнаго вѣдомства. Изъ тюремныхъ смотрителей—представителей одной внѣшней матеріальной силы—они стали начальниками

ввѣренныхъ имъ тюремъ, отвѣтственными за всѣ отрасли порученнаго имъ дѣла, въ томъ числѣ и за успѣшность нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ.

Въ тюремномъ вѣдомствѣ Константинъ Карловичъ продолжалъ свои труды до 28 апрѣля 1882 года[1]).

Вскорѣ затѣмъ (22 мая) онъ былъ призванъ на должность главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи и предсѣдателя опекунскаго совѣта означенныхъ учрежденій. Осенью того же года онъ былъ Всемилостивѣйше назначенъ попечителемъ Императорскаго лицея.

Во главѣ вѣдомства Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи К. К. Гротъ состоялъ до конца сентября 1884 года[2]).

Вѣрный своему неизмѣнному стремленію приходить на помощь обездоленнымъ судьбою, Константинъ Карловичъ за время пребыванія на посту главноуправляющаго положилъ между прочимъ немало труда на дѣло оказанія помощи глухонѣмымъ. Въ своихъ благородныхъ заботахъ объ этихъ „пасынкахъ природы" онъ обратилъ вниманіе на необходимость правильной постановки обученія ихъ и проявилъ попеченіе объ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью обученіе и призрѣніе глухонѣмыхъ.

Въ началѣ 1883 года Гротъ вошелъ, въ качествѣ главноуправляющаго, въ государственный совѣтъ съ представленіемъ, въ коемъ ходатайствовалъ, съ цѣлью увеличенія денежныхъ средствъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ и женскаго патріотическаго общества, о сохраненіи за упомянутыми благотворительными учрежденіями временно предоставленныхъ имъ ранѣе правъ на производство розыгрыша ежегодныхъ лотерей, на сумму свыше 1.500 р.,

---

[1]) Объ обстоятельствахъ и причинахъ его ухода см. ниже, въ слѣдующемъ очеркѣ.

[2]) Дѣятельности К. К. на этомъ важномъ посту и его плодотворнымъ результатамъ посвященъ ниже особый отдѣлъ.

еще на четыре года, т. е. до 13 мая 1887 года. Въ такомъ ходатайствѣ представлялась настоятельная необходимость, такъ какъ денежныя средства совѣта дѣтскихъ пріютовъ и женскаго патріотическаго общества далеко не обезпечивали, по свидѣтельству К. К. Грота, всѣхъ насущныхъ потребностей дѣтскихъ пріютовъ и школъ патріотическаго общества, и значительная часть расходовъ по ихъ содержанію изъ года въ годъ погашалась изъ лотерейныхъ доходовъ.

Въ виду того, что одновременно съ К. К. Гротомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой возбудилъ съ своей стороны ходатайство не только о продленіи сроковъ на право производства лотерей для нѣкоторыхъ изъ состоявшихъ въ его вѣдѣніи благотворительныхъ обществъ, пользовавшихся уже временно этимъ правомъ, но и о предоставленіи его вновь Покровской общинѣ сестеръ милосердія и С.-Петербургскому дамскому попечительному о тюрьмахъ комитету, то разсматривавшіяся совмѣстно предположенія К. К. Грота и графа Толстого вызвали нѣкоторыя пренія въ комитетѣ министровъ и въ государственномъ совѣтѣ. К. К. Гротъ выступалъ съ объясненіями въ обоихъ государственныхъ учрежденіяхъ и поддерживалъ съ своей стороны также ходатайство графа Д. А. Толстого.

Въ іюлѣ того же года Высочайшимъ указомъ Константинъ Карловичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ.

Тяжелые труды этого періода службы на столь отвѣтственныхъ и важныхъ постахъ подорвали здоровье Константина Карловича. Въ виду болѣзни ему необходимъ былъ отдыхъ, и онъ, побуждаемый быть можетъ и другими причинами, просилъ Государя объ увольненіи отъ должности главы вѣдомства Императрицы Маріи.

Снисходя къ его просьбѣ, Императоръ Александръ III Высочайше соизволилъ 27 сентября 1884 г. на удовлетвореніе сего ходатайства, оставивъ Константина Карловича членомъ государственнаго совѣта и въ званіи

статсъ-секретаря. Наступившій затѣмъ 1885 годъ К. К. Гротъ провелъ, по совѣту врачей, за границею.

Труды Константина Карловича, какъ главноуправляющаго, нашли справедливую оцѣнку въ Высочайшемъ рескриптѣ 1 января 1895 года: Государю Императору благоугодно было, перечисляя заслуги Константина Карловича, обратиться къ нему съ слѣдующими милостивыми словами:

„Во время завѣдыванія вами вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, вы проявили неусыпную заботливость о благоустройствѣ ввѣренныхъ вамъ заведеній; при чемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію вашему, осуществлены были многія мѣропріятія, обезпечивающія соблюденіе порядка и бережливости въ сложномъ хозяйствѣ упомянутыхъ учрежденій“.

30 ноября 1885 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ государственной службы Грота. Въ этотъ день ему были Всемилостивѣйше пожалованы брилліантовыя знаки ордена Св. Александра Невскаго при приводимой ниже Высочайшей грамотѣ:

„Нынѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня вступленія вашего на службу государственную. Понесенные Вами въ это продолжительное время труды, въ особенности же дѣятельное участіе въ преобразованіи питейнаго дохода и улучшеніи тюремнаго управленія, обратили на себя вниманіе Августѣйшаго Родителя Нашего и Наше. Желая сегодня, въ знаменательный для васъ день пятидесятилѣтія службы вашей, явить вамъ вящшее выраженіе Монаршаго Нашего благоволенія, жалуемъ вамъ брилліантовые знаки Императорскаго ордена Нашего Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, кои, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію“...

Останавливаясь на обзорѣ дальнѣйшей дѣятельности К. К. Грота въ государственномъ совѣтѣ, нельзя не замѣтить, что принимая участіе въ засѣданіяхъ общаго собранія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ живо интересовался предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ въ департаментахъ,

въ коихъ болѣе не присутствовалъ, а засѣдалъ только при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ, по которымъ особо приглашался.

Въ 1887 году въ государственномъ совѣтѣ слушалось дѣло по представленію управляющаго министерствомъ финансовъ Вышнеградскаго объ установленіи пошлинъ съ заграничныхъ паспортовъ. Министерство финансовъ находило цѣлесообразнымъ установить особую пошлину съ заграничныхъ паспортовъ, собственно за право пребыванія за границею. Въ виду значительности предполагавшагося налога, устанавливавшагося съ каждаго, показаннаго въ паспортѣ лица: за первые 3 мѣсяца по 10 р. металлическихъ въ мѣсяцъ, за каждые 3 слѣдующихъ мѣсяца — по 15 р., за 7—9 мѣсяцы — по 20 р. и далѣе возвышавшагося до 30 р. въ мѣсяцъ, и создававшихся такимъ образомъ стѣсненій для населенія въ свободѣ передвиженія, дѣло это вызвало различные толки въ печати и въ обществѣ.

При разсмотрѣніи представленія финансоваго вѣдомства въ совѣтѣ, оно встрѣтило горячія возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ. Кромѣ статсъ - секретаря Б. П. Мансурова, представившаго при разсмотрѣніи этого дѣла въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ записку съ весьма пространными замѣчаніями, неприсутствовавшій въ департаментахъ К. К. Гротъ, ознакомившись съ предположеніями Вышнеградскаго, письменно изложилъ свои соображенія по этому вопросу и сообщилъ ихъ, до дня слушанія дѣла, предсѣдательствовавшему въ соединенномъ присутствіи департаментовъ А. А. Абазѣ.

К. К находилъ, что „при чтеніи проекта о возвышеніи налога на иностранные паспорты прежде всего возникаетъ вопросъ, чѣмъ вызывается это предположеніе и можно ли считать настоящее время благопріятнымъ для его осуществленія? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный по слѣдующимъ причинамъ:

1) курсъ на русскіе рубли до того упалъ, что это

одно обстоятельство удерживаетъ весьма многихъ отъ заграничныхъ поѣздокъ, безъ настоятельной въ томъ надобности;

2) неблагопріятное экономическое положеніе Россіи въ послѣдніе годы повліяло такъ дурно на доходы большинства землевладѣльцевъ и капиталистовъ, что весьма многіе изъ нихъ живутъ безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе чего число зажиточныхъ людей, проживавшихъ прежде долгое время заграницею, тоже уменьшилось;

3) вообще настроеніе публики въ послѣднее время во многомъ измѣнилось, и прежняя страсть ѣздить за границу теперь мало замѣчается, а если бы въ Россіи было болѣе мѣстъ съ умѣреннымъ климатомъ и умѣренными цѣнами на всѣ удобства жизни, то число заграничныхъ поѣздокъ уменьшилось бы еще гораздо болѣе;

4) наши международныя сношенія торговыя, промышленныя, техническія и научныя, при дѣйствующихъ узаконеніяхъ, съ каждымъ днемъ развиваются и стѣснить оныя теперь во время общаго тяжелаго кризиса было бы едва-ли своевременно и могло бы пагубно отразиться на нашемъ промышленномъ и общественномъ строѣ;

5) независимо отъ этого налога, ожидаются еще другія возвышенія налоговъ, которыя обѣщаютъ болѣе крупныя приращенія доходовъ казны, но не тревожатъ особенно общественнаго мнѣнія. При такихъ условіяхъ было бы можетъ быть осторожнѣе заняться сперва этими крупными налогами и отложить на время разсмотрѣніе пошлины на иностранные паспорты, которая такъ сильно раздражаетъ умы,

и 6) наша жизнь съ давняго времени сложилась такъ, что сила обстоятельствъ заставляла насъ искать и здоровья, и теплаго климата, и знаній, и дешевизны жизни внѣ отечества, и переломить эти нравы и привычки, хотя бы они были не желательны, совершенно невозможно. Надо слѣдовать постепенно и выжидать, чтобы время доставило намъ въ Россіи все то, что мы ищемъ въ чужихъ странахъ.

Но если бы, не взирая ни на какія затрудненія и

неудобства, было признано необходимымъ теперь же приступить къ возвышенію налога съ иностранныхъ паспортовъ или, лучше сказать, за право выѣзда изъ Россіи, то ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты ни тотъ способъ обложенія, ни тотъ размѣръ, которыя предлагаются министерствомъ финансовъ. Во 1-хъ нѣтъ надобности придавать этому налогу тотъ карательный характеръ, которымъ проникнутъ весь проектъ; во 2-хъ, неудобно и несправедливо требовать уплату налога такою монетою (золотомъ), которая не существуетъ въ обращеніи, и которую само правительство не выпускаетъ, и въ 3-хъ, предположенный размѣръ налога такъ несоразмѣрно высокъ, что могъ бы поступить только съ небольшого числа лицъ и не увеличилъ бы государственную казну, а между тѣмъ произвелъ бы общую пертурбацію и отозвался бы самымъ суровымъ образомъ на множествѣ бѣдныхъ и обиженныхъ судьбою людей, которые оказались бы несостоятельными ко взносу возвышенной платы.

По симъ уваженіямъ, не установляя никакой прогрессіи, необходимо значительно понизить предположенный налогъ, чтобы сдѣлать его возможнымъ ко взиманію; срокъ же для разсчета былъ бы всего удобнѣе взять мѣсячный, т. е. платить по разсчету за всѣ тѣ мѣсяцы, которые лицо пробыло за границею. Что касается до размѣра налога, то онъ не долженъ бы ни въ коемъ случаѣ превышать 5 руб. кред. въ мѣсяцъ съ лица или 60 руб. въ годъ, что составитъ превышеніе въ 12 разъ противъ настоящаго размѣра 10 руб. съ каждаго паспорта въ годъ, въ который по средней сложности записывалось по два лица. Но и при этомъ размѣрѣ, желательно бы допустить нѣкоторыя изъятія“.

По этому дѣлу государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, мнѣніемъ положилъ:

Размѣръ сбора, установленнаго въ ст. 478 уст. о паспортахъ, возвысить до десяти рублей въ полугодіе съ каждаго паспорта съ тѣмъ, чтобы изъ сей суммы девять рублей пятьдесятъ копѣекъ были обращаемы въ составъ

инвалиднаго капитала, а пятьдесятъ копѣекъ—въ доходъ казны.

Хотя состояніе здоровья, а позднѣе также и болѣзнь горячо любимой жены [1]), заставляли Константина Карловича съ 1887 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проводить осень и конецъ года за границею, тѣмъ не менѣе, бывая въ Петербургѣ, онъ продолжалъ свои занятія въ совѣтѣ и участвовалъ въ теченіе 1888 и 1889 гг. много разъ въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ, по особому приглашенію, при разсмотрѣніи представленія министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи „объ ограниченіи ссылки въ Сибирь“ и дѣла „по проекту положенія о земскихъ начальникахъ“.

Въ 1891 году К. К. Гротъ обратился къ государственному секретарю съ слѣдующимъ письмомъ:

„Состоя болѣе двадцати лѣтъ членомъ государственнаго совѣта и чувствуя себя въ настоящее время, по слабости здоровья и преклонности лѣтъ, неспособнымъ проживать постоянно въ С.-Петербургѣ и присутствовать всегда въ государственномъ совѣтѣ, я обращался къ Августѣйшему предсѣдателю государственнаго совѣта, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на дозволеніе мнѣ отлучаться изъ Петербурга по мѣрѣ надобности, безъ особаго на это каждый разъ разрѣшенія, и присутствовать въ государственномъ совѣтѣ лишь тогда, когда здоровье позволитъ мнѣ быть въ Петербургѣ,—съ сохраненіемъ получаемаго мною нынѣ по званію члена государственнаго совѣта содержанія.

---

[1]) К. К. Гротъ большую часть своей жизни прожилъ холостякомъ, хотя къ семейной жизни всегда чувствовалъ влеченіе и видѣлъ въ ней идеалъ. Уже на склонѣ лѣтъ (67-ми лѣтъ) въ 1882 г. онъ женился по взаимной душевной привязанности, былъ очень счастливъ въ своемъ бракѣ, но всего около 9 лѣтъ, такъ какъ судьба послала ему тяжелое испытаніе—скорую смерть любимой жены. Александра Николаевна Гротъ, рожденная Юхонцева, въ первомъ бракѣ Мухортова, скончалась послѣ тяжелой болѣзни въ 1891 г. заграницей.

Его Императорскому Высочеству благоугодно было выразить свое предварительное согласіе на мое ходатайство и приказать мнѣ сообщить объ этомъ вашему высокопревосходительству...“

Послѣдніе годы своей долгой жизни Константинъ Карловичъ посвятилъ работамъ по вопросу объ общественномъ призрѣніи.

Приводимыя ниже, въ послѣднемъ отдѣлѣ настоящаго сборника, свѣдѣнія о трудахъ Грота по пересмотру узаконеній по этому предмету, а также о дѣятельности. состоявшей подъ его предсѣдательствомъ Высочайше учрежденной съ тою же цѣлью коммиссіи, даютъ возможность съ достаточной убѣдительностью судить о томъ, какъ горячо былъ преданъ этому съ давняго времени интересовавшему его дѣлу Константинъ Карловичъ, а также объясняютъ причины, почему, затративъ столько силъ и стараній, онъ тѣмъ не менѣе не былъ въ состояніи довести до конца начатой имъ работы.

Завершая обзоръ государственныхъ трудовъ К. К. Грота, нельзя не остановиться на дѣятельности его, какъ друга человѣчества. Въ этой области заслуги его такъ велики, что имѣютъ значеніе по истинѣ государственное.

Посвятивъ дѣламъ благотворительности многіе годы своей жизни, Константинъ Карловичъ, обыкновенно наружно какъ-будто холодный и сдержанный, становился юношески пылокъ, когда дѣло шло о помощи ближнему. Сердце его всегда горѣло благороднымъ желаніемъ притти на помощь тѣмъ, кому эта помощь была всего нужнѣе.

Но главная заслуга Грота состояла въ томъ, что помощь, которую онъ оказывалъ, была не случайною, а проводилась въ жизнь послѣдовательно, съ глубокимъ пониманіемъ ея смысла. Начиная какое-либо новое дѣло, Гротъ понималъ, какъ подойти къ нему со стороны его государственнаго значенія. Онъ умѣлъ вызвать къ дѣламъ благотворительности вниманіе широкихъ круговъ населенія, привлекалъ къ своимъ начинаніямъ общественныя силы и разумно руководилъ приложеніемъ ихъ.

Опираясь на нихъ, Гротъ строилъ свою дѣятельность на широкихъ началахъ и съ рѣдкимъ успѣхомъ достигалъ желаемой цѣли.

Именно такова была дѣятельность его на поприщѣ попеченія о слѣпыхъ и по борьбѣ съ глазными болѣзнями и слѣпотою. Къ дѣятельности этой Константинъ Карловичъ обратился, какъ указано выше, вслѣдствіе участія его въ главномъ попечительствѣ для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ (послѣ войны 1877—8 гг.).

Вскорѣ послѣ учрежденія попечительства, въ 1878 году, оказалось, что среди воинскихъ чиновъ, пострадавшихъ во время войны, было значительное число (до 1.500) потерявшихъ зрѣніе. Прежде всего главное попечительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы вернуть зрѣніе тѣмъ изъ нихъ, у кого оно не было еще окончательно потеряно. Тѣхъ же, для которыхъ врачебная помощь была безсильна, главное попечительство стало обучать ремесламъ и готовить для трудовой жизни.

Узнавъ о дѣятельности главнаго попечительства, къ нему стали обращаться за помощью слѣпцы, не имѣвшіе отношенія къ войнѣ, въ виду того, что для слѣпыхъ вообще до того времени въ Россіи было сдѣлано весьма не много. Тогда рѣшено было, не закрывая главнаго попечительства, преобразовать его въ общество для помощи слѣпымъ. Мысль эта встрѣтила сочувствіе Государыни Императрицы Маріи Александровны, и по ея указаніямъ К. К. Гротъ выработалъ основанія для дѣятельности этого общества.

Приступивъ къ этому дѣлу, К. К. былъ уже не новичкомъ въ помощи слѣпымъ. Хорошо знакомый съ постановкой ея на Западѣ, онъ имѣлъ совершенно опредѣленный взглядъ на это дѣло и проводилъ его послѣдовательно какъ при основаніи попечительства о слѣпыхъ, такъ и при руководительствѣ его дѣятельностью въ теченіе 15 лѣтъ.

Гротъ находилъ, что необходимо вернуть слѣпца къ производительному труду и такимъ образомъ освободить общество отъ непроизводительныхъ расходовъ на него.

Въ этомъ отношеніи самымъ благопріятнымъ матеріаломъ являются дѣти, такъ какъ они еще не имѣютъ вредной привычки къ праздности. Поэтому К. К. поставилъ главною задачею новаго общества—„призрѣніе, воспитаніе и обученіе слѣпыхъ дѣтей и подготовку ихъ къ самостоятельной дѣятельности“, второю задачею—„подготовку къ самостоятельной жизни взрослыхъ трудоспособныхъ слѣпыхъ и уже затѣмъ—заботу о неспособныхъ къ труду слѣпыхъ“.

13 февраля 1881 года выработанныя Гротомъ „Основныя начала для дѣятельности Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ“ удостоились Высочайшаго утвержденія. Первоначально попечительство состояло въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, но 10 марта 1883 г., въ бытность К. К. Грота главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, оно перешло въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

При открытіи дѣятельности попечительства дѣло обученія слѣпыхъ было совершенно новымъ; не было ни книгъ для слѣпыхъ, ни приборовъ для письма, ни подготовленныхъ учителей. На устройство перваго училища въ С.-Петербургѣ было положено особенно много заботъ и труда. Сначала было открыто на личныя средства К. К. Грота только училище для мальчиковъ. Въ 1883 году возникло такое же училище для слѣпыхъ дѣвочекъ.

Въ 1880 году Императоръ Александръ II, вскорѣ послѣ кончины своей Августѣйшей Супруги Императрицы Маріи Александровны, соизволилъ назначить одинъ милліонъ рублей на богоугодное дѣло въ ея память. К. К. Гротъ возбудилъ ходатайство объ обращеніи этихъ денегъ на содержаніе училищъ и другихъ учрежденій для слѣпыхъ. Ходатайство Грота увѣнчалось успѣхомъ, и въ 1888 году Маріинское попечительство было переименовано въ попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, а С.-Петербургскому училищу слѣпыхъ было присвоено наименованіе Александро-Маріинскаго въ память Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны.

Что касается до взрослыхъ слѣпыхъ, то Константинъ Карловичъ пришелъ къ убѣжденію, что для нихъ съ усвоенными ими привычками трудно подчиняться стѣснительнымъ порядкамъ закрытаго заведенія. Поэтому для такихъ слѣпыхъ болѣе пригоденъ иной родъ заведеній, а именно мастерскія, куда они могутъ приходить днемъ на работу. К. К. Гротъ выстроилъ на свои средства такія мастерскія на участкѣ Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. Постройка зданія стоила ему 45.000 руб. Учрежденіе это въ настоящее время носитъ названіе „Мастерскихъ взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота". По оборотамъ и числу работающихъ мастерскія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди подобнаго рода учрежденій въ Европѣ.

Наконецъ, чрезвычайно полезное развитіе получила также начатая К. К. Гротомъ дѣятельность попечительства въ области предупрежденія слѣпоты и борьбы съ нею. Наше отечество покрылось сѣтью хорошо оборудованныхъ глазныхъ лѣчебницъ, готовыхъ всегда притти на помощь населенію въ дѣлѣ борьбы съ глазными болѣзнями, съ честью уже оправдавшихъ возлагавшіяся на нихъ Константиномъ Карловичемъ надежды.

Такимъ образомъ благія начинанія и неустанные труды К. К. Грота на этомъ человѣколюбивомъ поприщѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и его имя останется навсегда запечатленнымъ на страницахъ лѣтописи общественной и государственной благотворительности.

Разносторонняя и весьма плодотворная дѣятельность Константина Карловича Грота неоднократно останавливала на себѣ милостивое вниманіе какъ Его Величества нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, такъ и Его Вѣнценосныхъ Родителей и Дѣда.

1 января 1895 года Его Величеству благоугодно было съ высоты Престола засвидѣтельствовать передъ лицомъ всей Россіи о выдающихся долголѣтнихъ заслугахъ статсъ-секретаря Грота и осчастливить его слѣдующимъ высокомилостивымъ рескриптомъ:

„Константинъ Карловичъ! Свыше полувѣковое не-

прерывно полезное служеніе ваше въ различныхъ должностяхъ государственнаго управленія всегда отличалось неуклоннымъ и успѣшнымъ исполненіемъ возлагавшихся на васъ обязанностей.

Во время завѣдыванія вами вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи, вы проявили неусыпную заботливость о благоустройствѣ ввѣренныхъ вамъ заведеній; причемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію вашему, осуществлены были многія мѣропріятія, обезпечивающія соблюденіе порядка и бережливости въ сложномъ хозяйствѣ упомянутыхъ учрежденій. Столь же особаго вниманія заслуживаютъ труды ваши по улучшенію тюремной части, а равно многосторонняя, плодотворная и любвеобильная дѣятельность ваша, посвященная попеченіямъ о призрѣніи слѣпыхъ во всей Имперіи.

Желая почтить изъявленіемъ сердечной моей признательности столь обильное заслугами служеніе ваше Престолу и Отечеству, съ отличною пользою для дѣла продолжаемое вами въ званіи члена государственнаго совѣта, Я жалую васъ кавалеромъ ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „Николай“.

Константинъ Карловичъ Гротъ дожилъ до глубокой старости. Онъ скончался 30 октября 1897 года, достигнувъ почти 83-хъ лѣтъ (р. 12 янв. 1815 г.). Уходя въ могилу, онъ оставилъ по себѣ свѣтлую память, которая всегда будетъ жить среди тѣхъ, кто призванъ продолжать его благія начинанія и служить тѣмъ же завѣтамъ преданности Престолу и Отечеству, высокимъ идеаламъ добра и любви къ ближнимъ.

Н. К.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. К. ГРОТА ПО ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМѢ.

(1877—1882)

Трудно опредѣлить, со всею желательною точностью, съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ Константинъ Карловичъ сталъ интересоваться тюремнымъ вопросомъ.

Его краткая автобіографія не даетъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Одно не подлежитъ никакому сомнѣнію. что та выдающаяся роль въ направленіи тюремнаго дѣла въ Россіи, въ послѣдней четверти минувшаго столѣтія, которая безусловно принадлежитъ Константину Карловичу, отнюдь не была результатомъ какой-либо случайности, благодаря которой такъ часто у насъ люди вовсе не подготовленные къ тому или другому спеціальному дѣлу, выдвигаются на первый планъ и принимаютъ рѣшающее участіе въ направленіи самыхъ сложныхъ вопросовъ нашей государственной жизни. Константину Карловичу суждено было сыграть эту роль и дать рѣшительный толчекъ къ направленію у насъ тюремнаго дѣла въ сторону практическаго осуществленія тѣхъ задачъ, которыя много лѣтъ тщетно ожидали своего разрѣшенія, именно потому, что въ критическую минуту, когда предстояло рѣшить: оставить ли это дѣло въ прежнемъ безнадежномъ положеніи и дѣйствовать одною безцѣльною смѣною коммиссій и комитетовъ, оставляющихъ обычно послѣ себя не столько реальный слѣдъ, сколько груды печатныхъ матеріаловъ — полезныхъ большею частью для однихъ пытливыхъ изслѣдователей архивныхъ трудовъ о былыхъ судьбахъ нашего отечества, — или наоборотъ сдвинуть дѣло съ его мертвой точки, положить хотя бы начало лучшему будущему и сдѣлать non multa, sed multum, — въ такую минуту Константинъ Карловичъ поднялъ свой всегда авторитетный голосъ въ пользу этого послѣд-

*

ннаго направленія и сумѣлъ, присущею ему ясностью изложенія и взглядовъ, склонить на свою сторону рѣшеніе государственнаго совѣта.

Онъ не могъ бы достичь этой цѣли, если бы всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, какъ въ соединенномъ присутствіи прежнихъ департаментовъ—законовъ, государственной экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, такъ, затѣмъ, и въ общемъ собраніи, не было бы очевиднымъ, что взглядъ Константина Карловича основанъ на глубоко продуманномъ изученіи прошлаго этого поистинѣ злополучнаго дѣла въ Россіи и что слѣдуя ему и только ему можно перейти отъ бумажнаго усердія къ дѣйствительному разрѣшенію наболѣвшаго вопроса.

Всего вѣроятнѣе предположить, что тюремнымъ дѣломъ Константинъ Карловичъ началъ интересоваться еще очень давно, въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности. Всѣмъ извѣстно,—и автобіографія это точно устанавливаетъ,—что, вскорѣ послѣ окончанія курса въ лицеѣ и поступленія на службу, вниманіе Константина Карловича остановилось на вопросахъ общественнаго призрѣнія.

Съ дѣятельностью приказовъ общественнаго призрѣнія ему привелось близко столкнуться по его службѣ въ Курляндіи, а затѣмъ—еще болѣе—во время службы его въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. при чемъ необходимо припомнить, что нѣкоторые виды тюремныхъ учрежденій, а именно смирительные и рабочіе дома состояли въ веденіи приказовъ общественнаго призрѣнія и что, ревизуя эти „богоугодныя заведенія“ (въ 1847 г.), Константинъ Карловичъ еще въ самые молодые свои годы видѣлъ собственными глазами, какіе порядки внѣдрились въ этихъ учрежденіяхъ, несмотря на всю благожелательность и даже строго проведенную стройность „положенія“ объ этихъ домахъ 1845 года.

Еще ближе и при томъ въ качествѣ лица, отвѣтственнаго за тюремныя учрежденія въ губерніи, подошелъ Константиномъ Карловичемъ къ этимъ учрежденіямъ въ бытность свою Самарскимъ губернаторомъ.

Много лѣтъ спустя, уже на склонѣ своихъ лѣтъ, припоминая нѣкоторыя обстоятельства посѣщенія имъ тюремныхъ учрежденій въ 1877 году, въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи государственнаго совѣта о тюремномъ преобразованіи, Константинъ Карловичъ говорилъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ бывшихъ спутниковъ по этому объѣзду, что тяжелыя впечатлѣнія, оставшіяся у него отъ осмотра нѣкоторыхъ тюремъ за эту поѣздку,—ничто по сравненію съ тѣмъ, что̀ ему пришлось видѣть въ тюрьмахъ Самарской губерніи за время его губернаторства.

„Зачастую“ — говорилъ онъ — „выходя изъ уѣздной тюрьмы или осмотрѣвши губернскій замокъ, я спрашивалъ себя, какъ могутъ жить люди въ той обстановкѣ полнѣйшей праздности, разгула, скрываемаго только на время обхода начальствомъ, постоянныхъ дракъ арестантовъ между собой, и, каждый разъ, меня неотвязно преслѣдовалъ все одинъ и тотъ же вопросъ: кто хуже: тѣ ли, которые посажены за то или другое преступленіе, или тѣ, кто приставленъ смотрѣть за ними“. „Я пробовалъ мѣнять смотрителей, но не находилъ ни одного порядочнаго человѣка, готоваго нести эту службу, и долженъ былъ мириться съ такими субъектами, которые, по крайней мѣрѣ, умудрялись жить въ мирѣ съ арестантами“.

Другой разъ онъ говорилъ: „въ одномъ тюремномъ замкѣ, помѣщавшемся въ двухъ гнилыхъ избахъ, окруженныхъ высокимъ частоколомъ, или на техническомъ языкѣ — такими „палями“, что при моемъ входѣ арестанты заняты были вытаскиваніемъ бревенъ изъ земли и распилкой ихъ на дрова, потому что топить „замка“ было нечѣмъ,—я спросилъ смотрителя, какъ же не бѣгутъ арестанты изъ такой тюрьмы и получилъ въ отвѣтъ немало удивившую меня реплику: „у насъ, Ваше Превосходительство, зимой никогда не бѣгаютъ“.

По всѣмъ вѣроятіямъ это впечатлѣніе давно прошедшихъ дней административной службы оставило на всегда въ памяти Константина Карловича глубокій слѣдъ. По крайней мѣрѣ, много лѣтъ спустя и незадолго до начала

своей активной тюремной дѣятельности, Константинъ Карловичъ въ частыя свои поѣздки за границу, всегда интересовался тюремнымъ дѣломъ, посѣщалъ образцово устроенныя и образцово управляемыя тюрьмы, вступалъ въ личныя сношенія съ наиболѣе извѣстными тюремными дѣятелями, поддерживая затѣмъ съ ними дѣятельную переписку, а книжный магазинъ „Puttkamer und Mühlbrecht“ въ Берлинѣ (нынѣ кажется болѣе не существующій), съ владѣльцами котораго Константинъ Карловичъ состоялъ почти до самой своей кончины въ дружескихъ отношеніяхъ, снабжалъ его тюремной литературой еще задолго до назначенія его (въ 1877 г). предсѣдателемъ комиссіи о тюремномъ преобразованіи.

Подтвержденіемъ правильности такого предположенія служитъ и тотъ фактъ, что въ началѣ 1878 года, т. е. болѣе чѣмъ за годъ до учрежденія, по иниціативѣ Константина Карловича, главнаго тюремнаго управленія, были командированы за границу нѣсколько молодыхъ людей, предназначенныхъ для занятій должностей по тюремному вѣдомству, и Константинъ Карловичъ направилъ ихъ съ собственноручнымъ письмомъ къ своимъ заграничнымъ друзьямъ, къ извѣстному въ Пруссіи тайному совѣтнику Иллингу, не менѣе извѣстному директору Невшательской тюрьмы въ Швейцаріи, доктору Гиліому, и директору старой, но образцовой въ то время по своему внутреннему устройству тюрьмы въ Цвикау, въ Саксоніи, г. д'Аленжу. И всѣ эти лица хорошо знали Константина Карловича, распрашивали о немъ и выражали свое удивленіе тому исключительному вниманію и выдающейся освѣдомленности, которыя всегда проявлялъ Константинъ Карловичъ, посѣщая тюремныя учрежденія, хотя бы въ качествѣ любознательнаго туриста.

Непосредственное участіе Константина Карловича въ направленіи тюремнаго дѣла въ Россіи распадается на два періода, непродолжительныхъ по времени, но глубоко знаменательныхъ по тому значенію, которое имѣло это участіе въ направленіи всего дѣла.

Первый періодъ съ 1877 по апрѣль 1879 г. есть пе-

ріодъ чисто организаціонный, отмѣченный стремленіемъ положить конецъ безчисленнымъ коммиссіямъ и комитетамъ и вывести все дѣло на путь практическаго осуществленія тѣхъ улучшеній и преобразованій, въ которыхъ это дѣло такъ нуждалось. Второй, еще болѣе короткій періодъ, продолжавшійся съ небольшимъ одинъ годъ, съ января 1881 г. по 28 апрѣля 1882 г., есть время непосредственнаго завѣдыванія Константиномъ Карловичемъ тюремнымъ дѣломъ.

Тому и другому періоду попытаемся отвести здѣсь подобающее мѣсто, не входя въ подробное спеціальное изслѣдованіе тѣхъ, безспорно интересныхъ, данныхъ о развитіи тюремнаго дѣла у насъ, для которыхъ нашъ очеркъ представляется, конечно, неподходящимъ.

3-го марта 1873 года бывшій министръ юстиціи графъ К. И. Паленъ представилъ государственному совѣту только-что оконченный и потребовавшій 2-лѣтней работы обстоятельный трудъ особой коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ состоявшаго въ то время оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, впослѣдствіи статсъ-секретаря и предсѣдателя государственнаго совѣта, Э. В. Фриша по пересмотру такъ называемой 2 главы I раздѣла уложенія о наказаніяхъ, т. е. по установленію новой лѣстницы наказаній, имѣвшей своею задачею согласовать нашу карательную систему, установленную уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 года, съ тѣми коренными измѣненіями во всемъ строѣ нашей внутренней жизни, которыя произведены великими преобразованіями первой половины царствованія Императора Александра II, а въ особенности отмѣною крѣпостного права и затѣмъ, по указу 17 апрѣля 1863 года, тѣлесныхъ наказаній.—Коммиссія выработала совершенно новую, существенно отличавшуюся отъ существовавшей—правда во многихъ частяхъ только на бумагѣ,—лѣстницу наказаній, намѣтила отличительныя особенности въ порядкѣ устройства каждаго изъ видовъ ка-

рательныхъ взысканій и установила также и послѣдствія, вытекавшія изъ каждаго изъ наказаній.

Окончанія трудовъ этой комиссіи ожидали и печать того времени и общественное мнѣніе вмѣстѣ съ правительственными учрежденіями, не разъ указывая на то, что отъ быстраго разсмотрѣнія трудовъ этой комиссіи зависитъ начало дѣйствительнаго осуществленія тюремной реформы, несомнѣнная необходимость которой подсказывалась всѣми признанными непорядками въ устройствѣ нашей тюрьмы и ссылки. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было скоро исполниться.

До октября 1873 года дѣло не получило движенія въ государственномъ совѣтѣ; въ октябрѣ (4-го) затребовано было заключеніе министра финансовъ, статсъ-секретаря Рейтерна, которое было дано чрезвычайно быстро, а именно 10 ноября того же года, хотя и въ смыслѣ неблагопріятномъ для скораго разрѣшенія дѣла; но затѣмъ потребовалось запросить министра юстиціи по содержанію возраженій министра финансовъ; его отвѣтъ поступилъ только въ маѣ 1874 года, и дѣло было заслушано въ соединенномъ присутствіи трехъ департаментовъ государственнаго совѣта только 30 ноября того же года. Однако дальнѣйшаго направленія оно не получило и было отложено до совмѣстнаго разсмотрѣнія съ трудами другихъ комиссій, одновременно работавшихъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта П. А. Зубова надъ составленіемъ подробныхъ тюремныхъ уставовъ и выработкой предположеній о порядкѣ управленія тюрьмами.

Въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ отъ 30 ноября 1874 года № 107 изложены слѣдующія сужденія, правильность которыхъ трудно, конечно, оспаривать и которыя имѣли существенное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ дѣла о тюремномъ преобразованіи.

„При установленіи новой системы наказаній необходимо имѣть въ виду не только теоретическую ея правильность, но и полную удобоисполнимость предначертанныхъ карательныхъ мѣръ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія финансовой.

„Лишь при соблюденіи этого послѣдняго условія вновь устанавляемая лѣстница наказаній можетъ заключать въ себѣ надежное ручательство того, что она принесетъ дѣйствительную пользу, а не останется мертвой буквой закона, не имѣющаго на самомъ дѣлѣ примѣненія. Исходя изъ этого взгляда и обращаясь къ представленію министра юстиціи, департаменты не могли не убѣдиться въ томъ. что всѣ предполагаемыя въ проектѣ наказанія сводятся, въ сущности, къ одной уголовной мѣрѣ— тюремному заключенію, подраздѣленному, по строгости и продолжительности содержанія, на нѣсколько различныхъ видовъ, соотвѣтствующихъ относительной тяжести разнаго рода преступныхъ дѣяній". „Судить совершенно сознательно, какъ этого требуетъ чрезвычайная важность дѣла,—о томъ, въ какой мѣрѣ построенная на такомъ началѣ новая лѣстница наказаній должна быть признана въ настоящее время удобоисполнимою,—представляется, по мнѣнію департаментовъ, возможнымъ только по соображеніи ея съ тѣми основаніями, на которыхъ имѣетъ быть преобразована существующая у насъ нынѣ система тюремнаго заключенія". „Но работа по начертанію проекта новаго положенія о тюрьмахъ еще не приведена къ окончанію и составляетъ предметъ занятій особаго Высочайше учрежденнаго комитета. которому Высочайшимъ повелѣніемъ 19 мая 1873 года, между прочимъ, предоставлено разсмотрѣть составленный бывшею подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника графа Соллогуба коммиссіею проектъ о тюремномъ преобразованіи, сообразивъ его съ предположенными измѣненіями въ дѣйствующей у насъ лѣстницѣ наказаній, и опредѣлить, по возможности точно, стоимость приведенія въ исполненіе всего проекта и отдѣльныхъ его частей, дабы возможно было судить объ исполнимости предлагаемыхъ реформъ". „По заявленію предсѣдателя сего комитета, члена государственнаго совѣта тайнаго совѣтника Зубова, комитетъ, при исполненіи Высочайше возложеннаго на него порученія, въ точности сообразовался съ вышеприведенными указаніями, и окончательно выработанный имъ проектъ преобразованія

тюремной части въ Имперіи, вмѣстѣ съ предположеніями о порядкѣ приведенія его въ дѣйствіе и финансовыми разсчетами, будетъ въ началѣ 1875 года, внесенъ на уваженіе государственнаго совѣта".

„По этимъ соображеніямъ соединенные департаменты признали неудобнымъ приступить къ подробному обсужденію представленія министра юстиціи о пересмотрѣ второй главы перваго раздѣла уложенія о наказаніяхъ и положили разсмотрѣніе этого дѣла отложить до совмѣстнаго обсужденія его съ проектомъ положенія о тюрьмахъ, когда онъ будетъ представленъ на уваженіе государственнаго совѣта".

Журналъ соединенныхъ департаментовъ подписанъ, между прочимъ, и К. К. Гротомъ, входившимъ съ 1872 года въ составъ департамента законовъ.

Обѣщаніе, данное государственному совѣту председателемъ особаго комитета о тюремномъ преобразованіи, извѣстнаго подъ офиціальнымъ наименованіемъ „Высочайше учрежденный комитетъ для окончательнаго обсужденія проекта о тюремномъ преобразованіи"—оказалось въ точности выполненнымъ.

Еще до разсмотрѣнія соединенными департаментами государственнаго совѣта трудовъ комиссіи сенатора Фриша о составленіи новой лѣстницы наказаній,—въ государственный совѣтъ поступили изъ этого комитета предположенія его объ учрежденіи тюремнаго управленія (отъ 28 февраля 1874 года за № 444), затѣмъ (отъ 17 іюня того же года за № 570)—объ учрежденіи въ главномъ завѣдываніи шефа жандармовъ тюремной стражи, о пересыльной части, а затѣмъ 20 апрѣля 1875 года за № 629,— поступилъ обѣщанный проектъ, подъ заглавіемъ „По проекту положенія о мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства" — съ подробными финансовыми разсчетами осуществленія всего преобразованія. Но прошло болѣе 2-хъ лѣтъ прежде, чѣмъ государственный совѣтъ приступилъ къ выполненію задачи, намѣченной имъ еще 30 ноября 1874 года.

Этотъ промежутокъ времени потребовался на сноше-

нія съ заинтересованными вѣдомствами, и только 22-го января 1877 года государственный совѣтъ приступилъ, какъ это было намѣчено 4 года тому назадъ, къ совмѣстному разсмотрѣнію трудовъ комиссіи сенатора Фриша о лѣстницѣ наказаній и комитета члена государственнаго совѣта Зубова о тюремномъ преобразованіи.

Въ этомъ засѣданіи Константину Карловичу, принадлежавшему, по прежнему, къ составу департамента законовъ,—суждено было сыграть рѣшающую роль и связать свое имя съ дальнѣйшею судьбою тюремнаго дѣла. Можно съ увѣренностью сказать, что въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ (№ 3) отразился его всегда ясный взглядъ и присущее ему стремленіе искать практическаго выхода изъ лабиринта безконечныхъ комиссіонныхъ работъ, имѣя всегда въ виду одну цѣль — внести возможно скорѣе улучшеніе въ такое дѣло, которое издавна страдаетъ всѣми признанными несовершенствами. Поэтому извлеченіе изъ этого журнала, лучше всякаго самостоятельнаго пересказа, выясняетъ ту точку зрѣнія, которою руководился въ данномъ случаѣ Константинъ Карловичъ и съ которою согласился государственный совѣтъ.

„По мнѣнію соединенныхъ департаментовъ", — говорится въ журналѣ, — „карательныя учрежденія наши, а равно мѣста заключенія обвиняемыхъ, не могутъ, безъ важнаго ущерба для благосостоянія и внутренней безопасности государства, оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ нынѣ находятся, и потому приведеніе ихъ въ лучшее устройство составляетъ задачу первостепеннаго государственнаго значенія, къ осуществленію которой надлежитъ стремится со всею энергіею, не останавливаясь передъ частными и случайными затрудненіями. Въ сознаніи особаго, выдающагося значенія этого предмета, правительство возложило изученіе его на спеціальныя комиссіи, которыми собранъ обильный матеріалъ, изслѣдованы представлявшіеся вопросы и внесенъ на уваженіе государственнаго совѣта проектъ полнаго преобразованія этой части управленія".

„Хотя предначертанныя симъ порядкомъ законополо-

женія по числу статей не обширны, но по внутреннему составу сложны и разнообразны. Въ проектѣ „положенія о мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства“, составленномъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Зубова, опредѣляются: устройство новаго управленія тюрьмами, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго; учрежденіе на новыхъ началахъ тюремной стражи; сводъ правилъ о содержаніи арестованныхъ въ улучшенныхъ мѣстахъ заключенія; правила о пересылкѣ арестантовъ и о попеченіи надъ лицами, выпущенными изъ тюрьмы и надъ семействами арестованныхъ; наконецъ, соображенія о стоимости всего преобразованія и о „порядкѣ приведенія его въ исполненіе“. „Предсѣдатель комитета, излагая свои замѣчанія на предположенія онаго, во многихъ существенныхъ частяхъ расходится съ возраженіями комитета“. „Съ другой стороны, министръ юстиціи, въ представленномъ имъ проектѣ новой лѣстницы наказаній, предлагаетъ полную систему карательныхъ мѣръ, долженствующую лечь въ основу новаго уголовнаго законодательства, въ соотвѣтствіи будущему усовершенствованному устройству мѣстъ заключенія“.

„Всѣ эти проекты и предположенія сообщались на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ, которыя доставили многія и весьма важныя по нимъ соображенія“.

„Вышеизложенное само по себѣ показываетъ, съ какими трудностями, по многосложности сего дѣла и разнообразію заявленныхъ въ нихъ мнѣній, должно быть сопряжено обсужденіе его въ государственномъ совѣтѣ. Но кромѣ сего есть еще особыя, этому дѣлу присущія обстоятельства, усугубляющія означенныя трудности“.

„При всемъ разнообразіи внесенныхъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта предположеній, они имѣютъ одну существенную цѣль — приведеніе въ надлежащее устройство нашихъ мѣстъ заключенія и обезпеченіе способовъ правильнаго исполненія уголовныхъ приговоровъ. Цѣль эта давно занимаетъ правительство“. „Въ полномъ собраніи законовъ и въ архивахъ высшихъ установленій можно найти не мало документовъ, свидѣтельствующихъ

о постоянныхъ заботахъ его по этой части". „Между тѣмъ всѣ сіи заботы и старанія не привели до сихъ поръ къ удовлетворительному результату. Соображая причину столь прискорбнаго явленія, соединенные департаменты не могутъ не признать, что она, между прочимъ, заключается въ томъ, что вопросъ о тюремномъ преобразованіи въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ ставился не всегда на достаточно практическую почву. Заботы обращались болѣе на установленіе законодательныхъ правилъ, чѣмъ на мѣры исполненія: издавались тщательно разработанныя законоположенія и не изыскивалось средствъ для ихъ осуществленія. Въ 1845 году, въ связи съ утвержденіемъ новаго уложенія о наказаніяхъ, предначертана была система карательныхъ и исправительныхъ учрежденій, которая, своими утонченными развѣтвленіями и стремленіемъ наблюсти точное соотвѣтстіе между преступленіемъ и наказаніемъ, превосходила все, чего могли донынѣ достигнуть государства и болѣе насъ богатыя, какъ деньгами, такъ и людьми. Для каждаго разряда заведеній были изданы особыя положенія, въ которыхъ, слѣдуя указаніямъ пенитенціарной науки, опредѣлены подробно правила содержанія заключенныхъ, занятія ихъ работами, нравственнаго назиданія, и указаны всѣ мѣры, нужныя для достиженія цѣлей уголовнаго правосудія. Но не было ни устроено заведеній, къ которымъ эти правила были бы приложимы, ни приготовлено людей, которые могли бы примѣнять ихъ въ духѣ закона; вслѣдствіе того законъ и пришелъ въ такой разладъ съ жизнью, что наказаніе, которое на самомъ дѣлѣ несетъ преступникъ, весьма часто не имѣетъ почти ни одной общей черты съ тѣмъ, чему онъ долженъ бы быть подвергнутъ по словамъ судебнаго приговора и постановленіямъ закона.

„По мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, необходимо обратить особое вниманіе на то, чтобы на нынѣшній разъ избѣгнуть прежней ошибки. Посему представляется весьма важнымъ, прежде всего, очертить характеръ и предѣлы той задачи, которая, въ сферѣ относя-

щихся къ сему предмету вопросовъ, въ настоящее время предлежитъ законодательству, дабы вопросъ о тюремномъ преобразованіи могъ получить правильную, представляющую надежные задатки будущаго развитія, постановку!

„Находящіеся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта проекты рисуютъ картину того порядка, который можетъ водвориться лишь когда Россія покрылась бы проектированными мѣстами заключенія усовершенствованнаго типа, со всѣми нужными для осуществленія пенитенціарныхъ цѣлей способами. Но, по сознанію самихъ составителей проектовъ, время это, по недостатку и денежныхъ и личныхъ средствъ, еще весьма отдаленно, а опытъ прошедшаго доказалъ, съ какими затрудненіями встрѣчается законодательство, стремящееся установить нормы для такого будущаго, ближайшія условія коего неизвѣстны. Посему естественно представляется сомнѣніе, не есть ли задача, которая, по отношенію къ тюремному вопросу, нынѣ озабочиваетъ правительство,—задача преимущественно административная, и успѣхъ ея не зависитъ ли болѣе отъ дѣятельности и распоряженій правительственныхъ инстанцій, чѣмъ отъ законодательныхъ постановленій? Къ предметамъ законодательства, конечно, нынѣ же должно относиться: установить начала карательной системы, опредѣлить общій порядокъ завѣдыванія тюремнымъ дѣломъ и дать главныя указанія, безъ которыхъ дѣятельность тюремной администраціи не имѣла бы твердаго направленія; къ такимъ указаніямъ принадлежитъ разрѣшеніе существеннѣйшихъ вопросовъ тюремнаго устройства, какъ-то: о различныхъ видахъ или разрядахъ мѣстъ содержанія подъ стражею, о томъ, могутъ ли они быть учреждаемы во всѣхъ, или только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи, о главныхъ условіяхъ размѣщенія арестованныхъ внутри заведеній и т. п., а также приблизительное опредѣленіе денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть назначены на постепенное осуществленіе тюремнаго преобразованія. Дальнѣйшее развитіе установленныхъ, такимъ образомъ, началъ и изданіе полныхъ систематическихъ законоположеній едва-ли не съ большимъ

удобствомъ можетъ быть предоставлено позднѣйшей работѣ, для которой опытъ первыхъ, созданныхъ по новымъ началамъ учрежденій, дастъ наилучшій матеріалъ".

„Такимъ образомъ, прежде обсужденія по существу возбужденныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, надлежало бы совершить по оному особый подготовительный трудъ, именно выбрать изъ общаго состава представленнаго матеріала тѣ предметы, которые потребуютъ безотлагательнаго обсужденія и разрѣшенія черезъ государственный совѣтъ. и отдѣлить отъ нихъ предположенія менѣе настоятельныя, могущія подлежать ближайшему соображенію и получить окончательное движеніе позднѣе. Очевидно, что такая работа не можетъ быть успѣшно совершена соединенными департаментами государственнаго совѣта съ соблюденіемъ тѣхъ общихъ пріемовъ. которыхъ совѣтъ, на основаніи своего учрежденія, держится при разсмотрѣніи законодательныхъ проектовъ".

„Принимая во вниманіе все вышесказанное, соединенные департаменты убѣждаются въ необходимости опредѣлить, для предварительнаго соображенія настоящаго дѣла, особый порядокъ. Передача онаго въ комиссію немногочисленнаго состава была бы, по мнѣнію департаментовъ, надежнѣйшимъ средствомъ для основательной разработки и подготовленія его къ окончательному обсужденію".

„Но, какъ обращеніе дѣла изъ государственнаго совѣта въ какое-либо иное вѣдомство замедлило бы вновь столь давно ожидаемое его разрѣшеніе, соединенные департаменты находили бы наиболѣе соотвѣтственнымъ образовать комиссію въ средѣ самого государственнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы она, обозрѣвъ все содержаніе сего дѣла и имѣя въ виду главную онаго цѣль — лучшее устройство нашихъ мѣстъ заключенія, приспособленное къ правильной системѣ наказаній,—представила на уваженіе соединенныхъ департаментовъ свои соображенія о мѣрахъ къ достиженію этой цѣли и заключенія по вопросамъ, требующимъ безотлагательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ".

„Останавливаясь на семъ предположеніи, но имѣя въ виду, что образованіе подобныхъ комиссій не предусматривается въ учрежденіи государственнаго совѣта, соединенные департаменты законовъ, экономіи и гражданскаго положили: просить Его Императорское Высочество Предсѣдателя государственнаго совѣта повергнуть вышеозначенныя соображенія соединеннаго присутствія на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Государя Императора“.

Заключеніе соединенныхъ департаментовъ удостоилось 28 февраля 1877 года Высочайшаго утвержденія и для разсмотрѣнія обоихъ дѣлъ — о лѣстницѣ наказаній и о тюремномъ преобразованіи учреждена была особая комиссія изъ членовъ государственнаго совѣта Заблоцкаго-Десятовскаго, Кн. Д. А. Оболенскаго, Стояновскаго и Побѣдоносцева. Константинъ Карловичъ назначенъ былъ ея предсѣдателемъ.

— — .

Комиссіи поставлено въ обязанность обозрѣть въ совокупности содержаніе упомянутыхъ дѣлъ, и, имѣя въ виду главную ихъ цѣль — лучшее устройство нашихъ мѣстъ заключенія, приспособленное къ правильной системѣ наказаній,—представить государственному совѣту свои соображенія къ достиженію этой цѣли съ проектомъ заключеній по вопросамъ, требующимъ нынѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Министрамъ и главноуправляющимъ, принимавшимъ уже участіе въ разработкѣ означеннаго дѣла предоставлено участвовать въ комиссіи съ правомъ голоса или замѣнять себя (безъ права голоса) своими товарищами и директорами департаментовъ. Дѣлопроизводство въ комиссіи возложено на отдѣленіе законовъ государственной канцеляріи и во главѣ его поставленъ помощникъ статсъ-секретаря, впослѣдствіи статсъ-секретарь государственнаго совѣта, а затѣмъ и членъ его Николай Владиміровичъ Шидловскій, трудамъ котораго, а также непосредственнаго завѣдывавшаго дѣлопроизводствомъ профессора И. Я. Фойницкаго, особенно обязана комиссія тою широкою разработкою, которая отличаетъ ея заключенія.

Съ этой минуты, въ теченіе двухъ лѣтъ, до самаго начала 1879 года, Константинъ Карловичъ отдаетъ все свое время на исполненіе порученнаго ему дѣла и едва-ли найдется въ исторіи нашего законодательства до самаго послѣдняго времени примѣръ какой-либо другой комиссіи, которая сумѣла въ такой короткій срокъ завершить свой трудъ, обставленный къ тому же цѣлымъ рядомъ осложненій. Въ эту пору Константину Карловичу было уже 62 года. Засѣданія комиссіи подъ его предсѣдательствомъ шли почти безъ перерыва, пріостанавливаясь только на время лѣтняго времени, когда большинство членовъ комиссіи пользовалось свободнымъ въ государственномъ совѣтѣ временемъ. Для самого Константина Карловича этого перерыва не существовало: онъ использовалъ его лѣтомъ 1877 года для совершенія обширной поѣздки въ Москву, Нижній Новгородъ, Кіевъ, Харьковъ, Варшаву, Ригу, Митаву и Псковъ съ цѣлью личнаго осмотра тюремъ; лѣтомъ же 1878 года провелъ нѣкоторое время за границей, посѣщая тамъ наиболѣе извѣстныя мѣста заключенія и исправительныя учрежденія и присутствовалъ въ качествѣ офиціальнаго делегата Россіи на Стокгольмскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ.

Объ интенсивности работъ комиссіи лучше всего можно судить уже по количеству и перечню ея засѣданій. Комиссія учреждена была, какъ извѣстно, 28 февраля 1877 года, а уже 20 апрѣля послѣдовало ея первое засѣданіе и затѣмъ она собиралась—27 апрѣля, 4, 11, 18, 25 мая, 27 октября, 2, 10 и 30 ноября, 7, 14 и 21 декабря; 4, 13 и 25 января 1878 г., 1, 10, 18 и 22 февраля, 1 мая, 1 іюня, 2 и 24 ноября того же 1878 года.

Результатомъ ея трудовъ явилось 7 обширныхъ печатныхъ журналовъ съ цѣлымъ рядомъ приложеній по спеціальнымъ вопросамъ, научно разработанныхъ такими выдающимися учеными, какъ профессора Таганцевъ и Фойницкій, Н. А. Неклюдовъ и другіе.

№ 1 журнала посвященъ вопросу о ссылкѣ на каторгу, съ подробнымъ изложеніемъ ея прошлаго и желательныхъ формъ ея организаціи въ будущемъ.

№ 2—обозрѣваетъ ссылку вообще и приходитъ къ заключенію о необходимости отмѣны ея главнѣйшихъ видовъ, съ сохраненіемъ лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ видовъ и при томъ въ составѣ не общихъ, а только особенныхъ карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ за нѣкоторыя и при томъ немногія преступныя дѣянія.

№ 3—посвященъ обзору всѣхъ видовъ исправительныхъ наказаній или по преимуществу всякаго рода формъ срочнаго лишенія свободы.

№ 4—разсматриваетъ наказанія особенныя (смертную казнь, ссылку на поселеніе, заключеніе въ крѣпость и ссылку за границу), проектируемыя для нѣкоторыхъ исключительныхъ преступленій.

№ 5—подробно разрабатываетъ вопросъ о послѣдствіяхъ наказаній, и, наконецъ,

№ 6—сводитъ всѣ предшествующія журналы въ одно общее стройное цѣлое, проектируя въ систематическомъ изложеніи новую лѣстницу наказаній, предлагаемую комиссіею, вмѣсто разработанной сенаторомъ Фришемъ,—для замѣны второй главы перваго раздѣла Уложенія о наказаніяхъ.

Всѣ шесть журналовъ внесены Константиномъ Карловичемъ Гротомъ въ государственный совѣтъ, въ видѣ вполнѣ законченнаго труда, 24 ноября 1878 г., т. е. $1^1/_2$ года спустя послѣ учрежденія комиссіи.

Отдѣльно отъ этихъ работъ находится журналъ подъ № 7, посвященный организаціи тюремнаго управленія, законченный одновременно съ остальными и внесенный въ государственный совѣтъ въ тотъ же день 24 ноября. Будучи посвященъ разсмотрѣнію обширныхъ трудовъ комиссіи о тюремномъ преобразованіи члена государственнаго совѣта П. А. Зубова и имѣя своимъ предметомъ вопросъ повидимому значительно менѣе сложный, нежели вопросъ о лѣстницѣ наказаній и опредѣленіи отдѣльныхъ видовъ карательныхъ мѣръ, входящихъ въ составъ ея,—этотъ журналъ отразилъ въ себѣ всѣ тѣ вѣдомственныя тренія, которыя прежде, какъ и теперь, такъ часто затрудняли и замедляли разрѣшеніе мно-

гихъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей государственной жизни.

Съ самаго начала учрежденія комиссіи подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота въ отношеніяхъ ея съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и въ особенности съ департаментомъ полиціи исполнительной, къ предметамъ вѣдомства котораго принадлежала тюремная часть,—возникли всѣмъ очевидныя шероховатости. Не задерживая работъ комиссіи доставленіемъ затребованныхъ ею свѣдѣній и справокъ, министерство внутреннихъ дѣлъ какъ въ изустныхъ своихъ объясненіяхъ въ засѣданіяхъ комиссіи, такъ и въ представленныхъ письменныхъ запискахъ проводило совершенно опредѣленно тотъ взглядъ, что существующій порядокъ управленія вовсе не такъ неудовлетворителенъ, чтобы требовалось коренное его видоизмѣненіе и что нужно, главнымъ образомъ, увеличеніе денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на тюремную часть, помощью которыхъ и существующая организація министерства въ состояніи выполнить лежащую на ней задачу.

Впослѣдствіи, въ частныхъ своихъ замѣчаніяхъ по проекту учрежденія особаго главнаго тюремнаго управленія,—министерство внутреннихъ дѣлъ выступало еще съ разными возраженіями. Такъ напр. комиссія К. К. Грота отказалась отъ мысли, заявленной одною частью членовъ комиссіи П. А. Зубова, образованной для „окончательнаго“ составленія предположеній о тюремномъ преобразованіи,—передать завѣдываніе тюремной частью въ имперіи министерству юстиціи и высказалась за оставленіе ея въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ освобожденіемъ послѣдняго отъ неопредѣленнаго по закону совмѣстнаго участія въ томъ же завѣдываніи и министерства юстиціи. Однакожъ, несмотря на это, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло необходимымъ возражать (отношеніе на имя К. К. Грота, 4 мая 1878 года, № 3451) противъ многихъ предположеній комиссіи, имѣвшихъ цѣлью придать новому органу центральнаго управленія тюрьмами бóльшую самостоятельность. Этими треніями,

главнымъ образомъ и объясняется то, что такой сравнительно простой вопросъ потребовалъ разсмотрѣнія въ шести засѣданіяхъ комиссіи (18 и 22 февраля, 11 мая, 1 іюля, 3 и 24 ноября 1878 года) и только въ самомъ концѣ года поступилъ на обсужденіе государственнаго совѣта.

Труды комиссіи К. К. Грота встрѣтили самое сочувственное отношеніе со стороны государственнаго совѣта. Къ разсмотрѣнію ихъ было приступлено безъ всякаго промедленія, и уже 16 декабря, т. е. спустя три недѣли послѣ внесенія ихъ на разсмотрѣніе совѣта, соединенные департаменты законовъ, государственной экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ разсмотрѣли въ одномъ засѣданіи первую часть труда и выработали окончательное положеніе объ учрежденіи въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отдѣльнаго главнаго тюремнаго управленія, какъ органа центральнаго завѣдыванія всею тюремною частью и всѣми карательными учрежденіями имперіи, на которое должно было быть возложено постепенное осуществленіе всего тюремнаго преобразованія.

„Вопросъ о тюремномъ преобразованіи“, — говорится въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ отъ 16 декабря 1878 года, № 74 — „столько лѣтъ озабочивавшій правительство, разработанъ Высочайше утвержденной подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря Грота, комиссіею въ весьма короткій относительно промежутокъ времени, причемъ, несмотря на всю трудность и многосложность предлежавшей разрѣшенію задачи, настоящее дѣло представлено на утвержденіе соединенныхъ департаментовъ въ такомъ видѣ, что осуществленію тюремнаго преобразованія можетъ быть безотлагательно положено прочное начало. Разсматривая составленные комиссіею проекты, нельзя не отдать полной справедливости, какъ глубоко обдуманному общему плану, такъ и весьма тщательной разработкѣ всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ... Вполнѣ сознавая это, соединенные департаменты считаютъ своею обязанностью выразить глубокую и единодушную признательность предсѣдателю и

членамъ комиссіи, а также министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями и ихъ товарищамъ, которые, участвуя въ засѣданіяхъ комиссіи, оказывали, съ своей стороны, важное содѣйствіе успѣшному ходу ея занятій".

Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію выработанныхъ комиссіею проектовъ, по ихъ существу, соединенные департаменты нашли, что „основная мысль комиссіи заключается въ томъ, что тюремное преобразованіе, представляющееся столь настоятельнымъ, можетъ быть скорѣе всего достигнуто путемъ практическимъ. Внимательно изучивъ настоящее положеніе тюремнаго дѣла, какъ посредствомъ приглашенія въ засѣданія весьма многихъ лицъ, близко съ нимъ знакомыхъ, такъ и посредствомъ личнаго обозрѣнія предсѣдателемъ карательныхъ учрежденій въ различныхъ частяхъ имперіи. и разсмотрѣвъ составленные прежде проекты тюремной реформы, комиссія пришла къ убѣжденію, что опредѣленіе теперь же всѣхъ подробностей будущаго тюремнаго устройства, а также состава личнаго тюремнаго управленія, едва-ли было бы удобно и возможно. Хотя комитетомъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, тайнаго совѣтника Зубова, во исполненіе возложеннаго на него порученія, проектированы были полные тюремные уставы, во многихъ отношеніяхъ весьма отчетливо разработанные, но нельзя не предвидѣть, что приведеніе этихъ уставовъ въ дѣйствіе неизбѣжно встрѣтило бы непреодолимыя затрудненія, какъ въ недостаткѣ людей, хорошо подготовленныхъ къ управленію тюрьмами, такъ и въ чрезмѣрныхъ расходахъ, необходимыхъ для одновременнаго преобразованія всѣхъ нашихъ карательныхъ учрежденій. При этомъ, самое изданіе столь подробнаго о тюрьмахъ закона, при неимѣніи еще въ виду всѣхъ необходимыхъ практическихъ указаній, которыя могутъ быть добыты только временемъ и опытомъ, —имѣло бы послѣдствіемъ невозможность соображенія всѣхъ частей дѣла съ условіями дѣйствительности, и это, безъ сомнѣнія, не только не способствовало бы лучшему устройству нашихъ тюремъ, но создало бы, можетъ быть, новыя еще къ тому пре-

пятствія. Кромѣ проектовъ, составленныхъ упомянутымъ комитетомъ, на разсмотрѣніе комиссіи, по Высочайшему повелѣнію, было обращено представленіе министра юстиціи о новой лѣстницѣ наказаній".

„Разсматривая содержавшіяся въ этомъ представленіи предположенія въ совокупности съ проектами тюремныхъ уставовъ, комиссія остановилась на мысли, что измѣненія въ существующей карательной системѣ должны совпасть съ установленіемъ главныхъ основаній положенной реформы, причемъ законодательный трудъ настоящаго времени долженъ ограничиться изданіемъ однихъ лишь основныхъ положеній, которыя служили бы руководствомъ для коренного пересмотра положенія о наказаніяхъ и для устройства на новыхъ началахъ тюремныхъ учрежденій. Затѣмъ, дальнѣйшее обсужденіе и разработку предположеній къ осуществленію тюремнаго преобразованія, согласно упомянутымъ началамъ, надлежало бы предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ. На этомъ основаніи, комиссія проектировала новую лѣстницу и внесла этотъ проектъ на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ одновременно съ предположеніями о мѣрахъ, которыя должны быть нынѣ же приняты для осуществленія тюремнаго преобразованія. Наиболѣе важныя изъ нихъ состоятъ въ томъ, чтобы прежде всего устроить надлежащимъ образомъ центральное управленіе тюрьмами, отъ котораго бы зависѣло дальнѣйшее направленіе всего дѣла".

Соединенные департаменты, а затѣмъ и общее собраніе государственнаго совѣта вполнѣ раздѣлили заключеніе комиссіи К. К. Грота о безотлагательномъ учрежденіи въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ главнаго тюремнаго управленія и совѣта по тюремнымъ дѣламъ. Мнѣніе государственнаго совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія 27 февраля 1879 года, — ровно 2 года спустя послѣ учрежденія комиссіи подъ предсѣдательствомъ Константина Карловича, а съ апрѣля мѣсяца приступило къ формированію личнаго своего состава. За 35 лѣтъ своего существованія оно сохранило

въ полной неприкосновенности приданную ему организацію, если не считать количественнаго расширенія его. Въ одномъ отношеніи не сбылись надежды Константина Карловича: совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, на который онъ возлагалъ большія надежды и во главѣ котораго первоначально имѣлъ въ виду стать самъ,—фактически функціонировалъ весьма недолго и уже въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ продолжаетъ существовать только на бумагѣ, никогда болѣе не собирается и въ дѣлѣ развитія тюремнаго преобразованія не сыгралъ той роли, которую приготовилъ ему его иниціаторъ.

То же сочувственное отношеніе и такое же скорое разрѣшеніе встрѣтила въ государственномъ совѣтѣ и вторая часть трудовъ комиссіи К. К. Грота — объ установленіи основныхъ началъ новой лѣстницы наказаній.

Разсмотрѣніе ея заняло 3 засѣданія соединенныхъ департаментовъ—24 февраля, 3 и 22 марта 1879 года,—при чемъ ни одно изъ основныхъ положеній, выработанныхъ комиссіею, не встрѣтило сколько-нибудь существенныхъ сомнѣній, за исключеніемъ вопроса о мѣстѣ, которое должно быть отведено въ будущей лѣстницѣ наказаній—*ссылкѣ на поселеніе*, по которому произошло крупное разногласіе, и мнѣніе К. К. Грота, настаивавшаго на немедленномъ исключеніи ссылки на поселеніе изъ состава общихъ карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ за обыкновенныя преступленія,—привлекло къ себѣ меньшинство (8-ми) членовъ соединенныхъ департаментовъ, тогда какъ большинство (12) членовъ не сочло возможнымъ принять окончательное рѣшеніе по столь важному вопросу и предпочитало сохранить ссылку впредь до времени въ числѣ общихъ карательныхъ мѣръ.

Разногласіе это было устранено въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта въ засѣданіи 19 ноября 1879 года, ставшихъ въ существѣ на точку зрѣнія большинства соединенныхъ департаментовъ и, такимъ образомъ, потребовалось обождать еще 21 годъ, чтобы мнѣніе Константина Карловича все-таки было признано правильнымъ, и закономъ 12 іюня 1900 года ссылка на житье

была вовсе отмѣнена, а случаи примѣненія ссылки на поселеніе приведены къ предѣламъ, приблизительно указаннымъ заключеніемъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Константина Карловича.

Распубликованное въ свое время Высочайше утвержденное 11 декабря 1879 года мнѣніе государственнаго совѣта „объ основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ“ — отдало справедливую дань признательности тому огромному труду, который былъ выполненъ съ такимъ успѣхомъ и въ такой короткій срокъ комиссіею К. К. Грота.

„При участіи спеціалистовъ подробно и всесторонне обсудивъ порученное ей дѣло, комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, составила и внесла на уваженіе государственнаго совѣта обширный трудъ, отличающійся замѣчательными достоинствами. Каждое изъ существующихъ у насъ наказаній изслѣдовано въ историческомъ его происхожденіи: затѣмъ внимательно изучено нынѣшнее состояніе карательной системы не только у насъ, но и за границею и, наконецъ, на подготовленной такимъ образомъ почвѣ проектирована лѣстница наказаній, гдѣ всѣ отдѣльныя предположенія по возможности согласованы какъ съ современными требованіями науки, такъ равно и съ условіями нашей государственной жизни“.

На этомъ заканчивается выдающееся участіе К. К. Грота въ законодательномъ установленіи основныхъ началъ тюремнаго преобразованія въ имперіи.

Руководствомъ трудами комиссіи далеко не исчерпывается его личное участіе въ судьбѣ нашего тюремнаго дѣла. Едва-ли не бóльшее значеніе имѣли его личные труды по изученію состоянія нашихъ тюремъ и тѣ мѣры, которыми предполагалъ онъ обезпечить практическое осуществленіе намѣченнаго имъ преобразованія. Часть этихъ мѣръ была осуществлена имъ въ короткій промежутокъ времени, когда завѣдываніе всею тюремною частью поручено было непосредственно ему, и ими проложенъ тотъ глу-

бокій слѣдъ во всемъ послѣдующемъ направленіи въ устройствѣ этой части, который, — можно сказать безъ преувеличенія, — сохранился и до настоящаго времени.

Въ концѣ февраля 1878 года Константинъ Карловичъ, какъ сказано выше, былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи государственнаго совѣта и тотчасъ же онъ входитъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ, сообщая ему, что для правильнаго освѣщенія современнаго положенія тюремнаго дѣла въ трудахъ комиссіи и для приданія занятіямъ послѣдней возможно практическаго направленія онъ признаетъ необходимымъ лично осмотрѣть мѣста заключенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи и проситъ какъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и министра юстиціи командировать въ распоряженіе его по одному чиновнику, которые могли бы быть сначала ознакомлены съ положеніемъ тюремъ въ Россіи, затѣмъ отправлены съ тою же цѣлью за границу и впослѣдствіи назначены на соотвѣтствующія должности по тюремной администраціи.

По всеподданнѣйшему докладу предсѣдателя государственнаго Совѣта, великаго князя Константина Николаевича, 6-го іюня 1877 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Предоставить предсѣдателю Высочайше учрежденной въ составѣ государственнаго совѣта комиссіи о тюремномъ преобразованіи, статсъ-секретарю Гроту ближайшимъ образомъ ознакомиться съ состояніемъ тюремныхъ учрежденій въ имперіи, путемъ личнаго осмотра въ предстоящіе лѣтніе мѣсяцы, нѣкоторыхъ изъ сихъ учрежденій, по ближайшему его выбору;

2) для предстоящаго осмотра тюремъ назначить въ распоряженіе статсъ-секретаря Грота двухъ лицъ, по его избранію, изъ состоящихъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ или иномъ учрежденіи;

3) на расходъ для этой поѣздки ассигновать въ распоряженіе статсъ-секретаря Грота 3.000 рублей и

4) предоставить статсъ-секратарю Гроту о замѣченныхъ недостаткахъ въ устройствѣ и управленіи тюремъ,

а равно въ порядкѣ содержанія арестантовъ, сообщать непосредственно на соображеніе подлежащихъ губернскихъ начальствъ, съ указаніемъ на мѣры, примѣненіе коихъ представлялось бы возможнымъ въ предѣлахъ дѣйствующаго законодательства и имѣющихся средствъ, и съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ распоряженіе Константина Карловича, для намѣченной поѣздки поступили,—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ надворный совѣтникъ В. А. Брянчаниновъ (нынѣ состоитъ непремѣннымъ членомъ Московскаго отдѣленія дворянскаго и крестьянскаго банковъ), въ началѣ 1878 года отчислившійся отъ занятій по тюремной части, а отъ министерства юстиціи—столоначальникъ департамента министерства юстиціи, коллежскій асессоръ В. Н Коковцовъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта). Его сопровождалъ также помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, завѣдывающій дѣлопроизводствомъ коммиссіи, статскій совѣтникъ Н. В. Шидловскій.

Поѣздка заняла около шести недѣль, съ конца іюня до начала августа. Осмотрѣны были мѣста заключенія гор. Москвы, Нижняго Новгорода, Орла, Харькова и нѣкоторыхъ уѣздовъ Харьковской губерніи, Кіева, Варшавы, Митавы, Риги и Пскова. Осмотръ тюремъ, близкое соприкосновеніе съ ихъ повседневною жизнью, многообразныя проявленія непосредственныхъ сношеній съ администраціею мѣстъ заключенія, — оставили глубокій слѣдъ на Константинѣ Карловичѣ. Всегда сдержанный, осторожный въ выборѣ выраженій, хладнокровный и даже сухой по внѣшности, Константинъ Карловичъ нерѣдко впослѣдствіи возвращался въ бесѣдахъ съ своими близкими къ впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ этой поѣздки, и всегда говорилъ приблизительно одно и тоже: „Куда намъ думать о стройной коренной системѣ, о хорошихъ тюремныхъ уставахъ. Дай Богъ намъ улучшить тѣсныя зданія, размѣстить арестантовъ по-человѣчески, подчинить ихъ хоть какой-либо дисциплинѣ, которая прекратила бы нынѣшнее позорное положеніе, при которомъ не начальство правитъ тюрьмою, а какой-то конвентъ изъ худшихъ элементовъ

тюремнаго населенія, которому ничего не смыслящіе смотрители отдали на откупъ всю жизнь тюрьмы, лишь бы быть спокойными за себя, что не придется отвѣчать передъ начальствомъ за побѣги и за какіе-либо другіе очевидные непорядки".

Такой взглядъ находилъ себѣ полное оправданіе въ томъ, что̀ бросалось въ глаза въ каждой тюрьмѣ, несмотря на внѣшнюю прибранность: традиціонный „песочекъ", которымъ усыпались передъ пріѣздомъ „большого начальства" всѣ переходы и лѣстницы, и несмотря на благовонныя куренія, кото̀рыя были, однако, безсильны заглушить невѣроятное зловоніе въ большинствѣ осмотрѣнныхъ тюремъ. Съ перваго бѣглаго взгляда до очевидности была несомнѣнна полная праздность арестантовъ; камеры имѣли замки только для показа и зачастую на предложеніе Константина Карловича показать, какъ запираются камеры, у „ключника" (по нынѣшнему „надзирателя") во всей его чуть-ли не пудовой связкѣ ключей всевозможныхъ калибровъ и размѣровъ, все какъ-то не оказывалось ключа отъ „этой камеры". Арестанты въ большинствѣ тюремъ имѣли видъ какихъ-то нищихъ, одѣтыхъ въ рубищахъ, а въ одномъ изъ цейхгаузовъ произошелъ прелюбопытный казусъ, когда Константинъ Карловичъ, взявши съ пола пару башмаковъ, именовавшихся въ ту пору „котами", простымъ движеніемъ рукъ отдѣлилъ подошву отъ башмака. Она оказалась просто приклеенною.

Два случая особенно врѣзались въ память Константина Карловича, и онъ часто возвращался къ воспоминанію о нихъ. Въ Москвѣ центральная тюремная больница находилась на Бутыркахъ, рядомъ съ строившимся въ то время зданіемъ пересыльной тюрьмы. Послѣдняя, носившая въ ту пору историческое названіе „Колымажнаго Двора", доживала свой вѣкъ въ видѣ ветхихъ, полуразвалившихся бараковъ около нынѣшняго храма Христа Спасителя и была заполнена массою кавказскихъ горцевъ, переселившихся (это былъ—второй годъ турецкой войны) изъ Дагестанской области въ сѣверныя губерніи.

Посѣщеніе тюремной больницы пришлось на очень жаркій іюльскій день. Все было прибрано по праздничному. Множество всякаго начальства, традиціонный „песочекъ“, куреніе, повара-арестанты въ бѣлоснѣжныхъ колпакахъ и фартукахъ, пробныя порціи, обиліе врачебнаго персонала, но—за порогомъ тюремныхъ палатъ—печальная картина тюремной дѣйствительности... Больничныя палаты заполнены до того, что прохода между кроватями не было вовсе (въ тюрьмахъ свирѣпствовала эпидемія тифа); въ нѣкоторыхъ комнатахъ кровати замѣнены сплошными „нарами“, а въ верхнемъ этажѣ больные занимали и всѣ коридоры, лежа просто на полу, на матрацахъ и сѣнникахъ. Были случаи и еще болѣе тяжелые: рядомъ съ больнымъ приподнявшимъ на встрѣчу начальству свою голову отъ подушки, оказалась вытянувшаяся во весь ростъ фигура больного, покрытаго простыней съ головою. „Не успѣли еще убрать,—скончался сегодня утромъ“— отвѣтилъ смотритель больницы.

Другой случай, къ которому не разъ возвращались впослѣдствіи воспоминанія Константина Карловича, въ особенности въ бесѣдахъ съ однимъ изъ своихъ спутниковъ этой поѣздки.

Послѣ осмотра въ Харьковѣ всѣхъ тюремныхъ учрежденій, Константинъ Карловичъ, въ сопровожденіи своихъ чиновъ и совѣтника губернскаго правленія, командированнаго губернаторомъ княземъ Кропоткинымъ, котораго Константинъ Карловичъ не хотѣлъ безпокоить совмѣстною поѣздкою,—отправились осмотрѣть незадолго передъ тѣмъ открытыя, по положенію комитета министровъ, временныя центральныя каторжныя тюрьмы,—Новоборисоглѣбскую и Новобѣлгородскую, устроенныя въ зданіяхъ, сохранившихся послѣ военныхъ поселеній. Путешествіе совершалось въ двухъ экипажахъ: въ каретѣ ѣхалъ Константинъ Карловичъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ спутниковъ, а сзади въ четырехмѣстной коляскѣ—остальные два спутника, совѣтникъ губернскаго правленія и—камердинеръ Константина Карловича Никифоръ. Деликатный до щепетильности, Константинъ Карловичъ тщательно

наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никто изъ трехъ сопровождавшихъ его чиновъ не могъ замѣтить какого-либо преимущества, предоставленнаго кому-либо изъ нихъ, въ ущербъ другимъ. При каждой смѣнѣ лошадей онъ приглашалъ къ себѣ въ карету одного изъ чиновъ, строго соблюдая между ними очередь. Впослѣдствіи бывшіе спутники, въ бесѣдахъ съ Константиномъ Карловичемъ, не разъ говорили ему шутя, что они вовсе не стремились къ почетной очереди, такъ какъ въ открытой коляскѣ, да при остроумномъ собесѣдникѣ, совѣтникѣ губернскаго правленія, переѣздъ совершался болѣе оживленно, нежели въ душной каретѣ и съ серьёзнымъ, хотя и удивительно милымъ „начальникомъ".

Кончили осмотръ Новобѣлгородской каторжной тюрьмы; осталось только осмотрѣть небольшой надворный одноэтажный флигель съ „секретными" одиночными камерами, въ которыхъ содержались незадолго передъ тѣмъ осужденные въ ссылку—въ каторжныя работы по политическому дѣлу.

Сама каторжная тюрьма производила съ внѣшней стороны весьма благопріятное впечатлѣніе: чисто выбѣленныя стѣны, вновь устроенныя опрятныя нары съ акуратно сложенными („скатанными") постельными принадлежностями, арестанты одѣты въ чистыя, бѣлыя куртки, съ хорошею прочною обувью на ногахъ, широко растворенныя окна даютъ много свѣта и чистаго воздуха, и только въ углахъ обширныхъ бѣлыхъ камеръ рѣжутъ глазъ выкрашенныя въ черный цвѣтъ печи. Арестанты всѣ закованы, по положенію, въ кандалы, половина головы выбрита, жалобъ никакихъ не заявлено и даже съ просьбами рѣдко кто обращался. Только поразительно блѣдный видъ арестантовъ — по преимуществу изъ кавказскихъ уроженцевъ, — переполненность больницы тяжко больными арестантами, при сравнительно хорошей пищѣ,—да неумолимыя цифры болѣзненности и смертности среди нихъ краснорѣчиво говорили о томъ, какъ отражается на арестантахъ тюремная жизнь, съ ея абсолютною, гнетущею праздностью.

Но вотъ Константинъ Карловичъ и сопровождающія его лица переходятъ въ небольшой боковой флигель. Съ величайшими предосторожностями открывается входная дверь, и всѣ входятъ въ узкій, темный коридоръ. Немалаго труда стоитъ Константину Карловичу отстранить сопровождающій его военный караулъ, и онъ начинаетъ поочередно обходить одиночныя камеры въ сопровожденіи только трехъ своихъ спутниковъ. При входѣ изъ темнаго коридора въ камеру всѣхъ поражаетъ яркій свѣтъ. Заходящее южное солнце ослѣпительно освѣщаетъ небольшую выкрашенную въ бѣлый цвѣтъ келью; въ ней пусто и поразительно опрятно. На стѣнѣ и на полу ни пятнышка; койки закинуты къ стѣнѣ и въ комнатѣ только маленькій деревянный столъ и табуретъ, а около стола стоитъ заключенный въ бѣлой курткѣ, съ гладко выстриженною, точно выбритою головою, безъ бороды и съ небольшими усами. Во всѣхъ камерахъ какъ будто одинъ и тотъ же арестантъ—настолько всѣ похожи другъ на друга; они всѣ почти одинаковаго малаго роста и у всѣхъ какое-то одинаковое безкровное, осунувшееся лицо. Сначала угрюмые, неохотные отвѣты на вопросы; затѣмъ, по мѣрѣ того какъ спокойная рѣчь пожилого человѣка въ вицъ-мундирномъ фракѣ и орденахъ, безъ начальственныхъ окриковъ и повелительныхъ жестовъ, начинаетъ внушать уваженіе и довѣріе,—языкъ развязывается и изъ устъ каждаго начинаютъ раздаваться различныя просьбы, большею частью направленныя къ тому, чтобы получить разрѣшеніе переписываться съ близкими, видѣться съ родными, получать книги, заниматься чѣмъ-либо въ камерѣ, или внѣ ея.

Подолгу остается Константинъ Карловичъ у каждаго изъ заключенныхъ и переходитъ наконецъ въ послѣднюю камеру, къ арестанту П. Не выдержали ли нервы у этого заключеннаго отъ долгаго ожиданія непривычнаго „начальства", вошедшаго безъ воинской охраны,—дошла ли до него спокойная рѣчь посѣтителя и такіе же отвѣты товарищей по заключенію, но не успѣлъ Константинъ Карловичъ и сопровождающія его лица войти въ камеру,

не успѣлъ онъ обратиться къ заключенному съ вопросомъ „давно ли вы здѣсь содержитесь и по какому дѣлу?“, какъ у тщедушнаго юноши нервно задвигались губы, слезы блеснули на глазахъ, онъ опустился на колѣни и, схвативши руку Константина Карловича, поцѣловалъ ее и едва слышнымъ голосомъ заговорилъ: „вотъ я слышу Вы спрашиваете другихъ, у кого какія есть желанія и просьбы,— у меня есть одно желаніе,—исполните его. На свободѣ живетъ моя мать, она пріѣхала только повидаться со мною, а ей все не разрѣшаютъ; вотъ идетъ уже второй мѣсяцъ, что она живетъ въ слободѣ около тюрьмы; я знаю, что она каждый день приходитъ сюда и просится повидаться со мною,—объ этомъ мнѣ говорятъ надзиратели,—а ее все не пускаютъ и ей все говорятъ, что изъ губерніи нѣтъ отвѣта“... Константинъ Карловичъ поднялъ заключеннаго, старался всячески ободрить и успокоить его, сталъ говорить съ нимъ своимъ размѣреннымъ спокойнымъ голосомъ, обѣщалъ попросить губернатора ускорить разрѣшеніе, и самъ, глубоко взволнованный, вышелъ изъ камеры.

На этомъ кончился осмотръ тюрьмы. Наскоро закусили всѣ въ домѣ священника припасами, привезенными съ собою изъ Чугуева, подали экипажъ, и ѣхать съ Константиномъ Карловичемъ пришла очередь младшему изъ его спутниковъ. Солнце зашло, быстро надвинулись южные сумерки, какъ-будто и пыль улеглась, быстро покатилась карета по ровно накатанному „большаку“. Константинъ Карловичъ опустилъ окно, отвернулся въ сторону и долго-долго молчалъ переживая какую-то тяжелую думу. Затѣмъ, на какомъ-то ухабѣ, точно пробудившись отъ сна, онъ поворачивается къ своему спутнику, кладетъ ему на плечо свою руку и такимъ же спокойнымъ, кажется, безстрастнымъ, но для всякаго знавшаго его, явно глубоко взволнованнымъ голосомъ говоритъ: „Какъ жаль, что я взялъ Васъ съ собою въ эту поѣздку; сколько тяжелаго Вы видѣли, а то, что мы съ Вами только что пережили, — Вы никогда не забудете и Вамъ часто будетъ мерещиться этотъ бѣдный П.—такой жалкій, без-

помощный... Къ чему эти ненужныя страданія! Вы сами такъ молоды и вѣроятно чувствуете еще больнѣе, чѣмъ я. Мнѣ тяжело за Васъ“... Онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ своего сосѣда по каретѣ и больше двухъ часовъ, пока ѣхали до с. Кочетка, гдѣ Константина Карловича встрѣтилъ его племянникъ, въ то время профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородка Николай Яковлевичъ Гротъ, гостившій тамъ на дачѣ у своего будущаго тестя Н. А. Лавровскаго,—онъ не проронилъ ни одного слова.

Вернувшись въ Петербургъ въ августѣ 1877 года, Константинъ Карловичъ сообщилъ всѣмъ губернаторамъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей свои замѣчанія и передалъ содержаніе ихъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Съ особенною настойчивостью указывалъ онъ на несоотвѣтствіе этихъ „временныхъ центральныхъ каторжныхъ тюремъ“ самому понятію каторжныхъ работъ и на необходимость пріурочить осужденныхъ на каторгу къ исполненію принудительныхъ тюремныхъ работъ; но прошло много лѣтъ, пока эта мысль получила свое осуществленіе, хотя, кстати сказать, и нынѣшнія каторжныя тюрьмы далеко не соотвѣтствуютъ ни мысли законодателя, ни правильнымъ началамъ карательной политики. Отрадно, по крайней мѣрѣ, въ нихъ одно,—это стремленіе ввести работы и уничтожить ту разъѣдающую атмосферу вынужденнаго, подневольнаго бездѣлья, которое дѣйствовало самымъ пагубнымъ образомъ на весь строй тюремной жизни.

Одновременно съ этимъ Константинъ Карловичъ ведетъ дѣятельную переписку съ цѣлымъ рядомъ губернаторовъ, запрашивая ихъ заключенія о мѣрахъ и способахъ переустройства тюремной части, ставя имъ цѣлый рядъ принципіальныхъ вопросовъ и ища въ ихъ отвѣтахъ практическіе пути къ разрѣшенію неотложной задачи.

Безспорно, что эта переписка, хранящаяся въ архивѣ государственнаго совѣта, и личный осмотръ нашихъ тюремъ лѣтомъ 1877 года имѣли глубокое вліяніе на выработку тѣхъ взглядовъ, которые съ такой настойчивостью

сталъ проводить Константинъ Карловичъ и въ трудахъ коммиссіи государственнаго совѣта, и въ своей личной дѣятельности.

Убѣжденный поборникъ началъ западно-европейской культуры, поклонникъ всѣхъ усовершенствованій, введенныхъ на западѣ въ строй тюремной жизни, Константинъ Карловичъ во всѣхъ своихъ офиціальныхъ выступленіяхъ, какъ и въ бесѣдахъ съ лицами, привлеченными имъ къ занятіямъ по тюремному вопросу въ періодъ съ 1877 по 1879 гг. и съ 1881 по 1882 гг., отлично сознавалъ всю недосягаемость для насъ этихъ порядковъ и постепенно проводилъ тѣ немногія, коренныя основанія, которыя онъ хотѣлъ заложить въ дѣло переустройства нашихъ карательныхъ учрежденій.

„Намъ нужно, прежде всего", — говорилъ онъ — „чтобы тюремное дѣло перестало быть любительскимъ занятіемъ добровольныхъ охотниковъ, вступающихъ въ директоры тюремныхъ комитетовъ. Никакого стремленія къ истинной, глубокой филантропіи у нихъ нѣтъ. Вѣдь нужно числиться по обществу попечительному о тюрьмахъ, чтобы получать чины и ордена и разыгрывать роль начальства передъ тюремными смотрителями и провинціальною администраціею. Наше тюремное дѣло—дитя у семи нянекъ. Имъ занимаются и, повидимому, интересуются всѣ, а на самомъ дѣлѣ никто. Нужно, что-бы былъ одинъ хозяинъ, который не зналъ бы никакого другого дѣла, кромѣ тюремнаго".

„Нужно, далѣе, ввести хоть какую-нибудь дисциплину и порядокъ въ тюрьмахъ и заставить арестантовъ подчиняться этому, прекратить недостойную зависимость тюремнаго благополучія отъ молчаливаго договора съ самими арестантами, а для этого нужно, прежде всего, расширить тюрьмы и дать помѣщеніе, куда можно было бы разсадить арестантовъ, не отговариваясь тѣмъ, что всѣ должны бродить въ тюрьмѣ изъ-за ужасающей тѣсноты".

„Нужно увеличить составъ надзора и улучшить его положеніе, потому что „ключникъ" или надзиратель, вы-

прашивающій кусокъ хлѣба у арестанта изъ его пайка, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ слугою арестанта и его пособникомъ во всѣхъ злоупотребленіяхъ“.

„Нужно заставить арестанта работать и заинтересовать его въ результатахъ труда, давши ему вознагражденіе, обезпеченное за нимъ закономъ, а не доброю волею смотрителя тюрьмы или директора-благотворителя“.

Всѣ эти простыя истины, которыя сейчасъ кажутся, конечно, первыми литерами азбуки тюремнаго устройства, 37 лѣтъ тому назадъ вызывали необходимость подтверждать ихъ настойчивыми доказательствами. Какъ и всякая критика, онѣ не нравились ни губернскимъ начальствамъ, ни центральной администраціи. Съ послѣднею, въ лицѣ не столько министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, съ которымъ Константинъ Карловичъ находился въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ, сколько департамента полиціи исполнительной, установились сразу сдержанно-недружелюбныя отношенія. Пожеланія, высказываемыя Константиномъ Карловичемъ, встрѣчали почтительныя по формѣ, но очевидно—рѣшительныя по содержанію возраженія, оправданія и объясненія, и незамѣтно, но вѣрно, въ отношеніяхъ между Константиномъ Карловичемъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ складывалось то недоброжелательство, которое рѣзко проявилось сначала въ первой половинѣ 1879 года, а затѣмъ, три года спустя, въ апрѣлѣ 1882 года повело къ совершенному самоустраненію Константина Карловича отъ завѣдыванія тюремнымъ дѣломъ.

Осенью 1877 года параллельно съ занятіями въ коммиссіи государственнаго совѣта, Константинъ Карловичъ сталъ близко знакомиться съ состояніемъ петербургскихъ тюремъ и убѣдился въ томъ, что онѣ нисколько не лучше провинціальныхъ.

Въ незадолго передъ тѣмъ отстроенной новой слѣдственной тюрьмѣ на Шпалерной—въ домѣ предварительнаго заключенія—успѣли укорениться порядки, глубоко поразившіе Константина Карловича. Въ эту пору гото-

вился такъ называемый политическій процессъ 193-хъ. Привезенные со всѣхъ концовъ Россіи, подслѣдственные арестанты размѣщены по одиночнымъ камерамъ,—судъ принималъ особыя мѣры къ распредѣленію обвиняемыхъ по группамъ, для устраненія взаимныхъ сговоровъ и соглашеній,—а въ слѣдственной тюрьмѣ безпрепятственно шла общая жизнь заключенныхъ. Они переговариваются по фановымъ трубамъ, перестукиваются по водопроводнымъ и газовымъ трубамъ, влѣзаютъ на подоконники и ухитряются заниматься даже хоровымъ пѣніемъ, сидя по одиночкѣ въ камерахъ.

Въ одно изъ посѣщеній тюрьмы Константинъ Карловичъ выходитъ на огромный внутренній дворъ, на которомъ устроены лучами изолированные внутренніе дворики для одиночной прогулки, — все какъ въ Европѣ,—а передъ глазами его и его спутниковъ происходитъ нѣчто невиданное. Шесть этажей оконъ одиночныхъ камеръ, выходящихъ на три фаса и на половину четвертаго фаса двора оказываются соединенными въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ такъ называемою паутиною,—тонкими веревочками, по которымъ передвигаются безпрепятственно, на виду у всего надзора, изъ этажа въ этажъ, изъ камеры въ камеру записочки, коробки папиросъ и даже довольно объемистые узлы со всякими посылками. И что̀ всего болѣе изумляетъ Константина Карловича—это то, что всѣ это видятъ, всѣ знаютъ и никто не принимаетъ никакихъ мѣръ, а между тѣмъ начальства—невѣроятное изобиліе. Кто только не начальствуетъ надъ домомъ предварительнаго заключенія: и прокуроры окружного суда и палаты, и жандармское управленіе, и полиціймейстеръ, и градоначальникъ, и департаментъ полиціи исполнительной, и, наконецъ, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ градоначальника. Безпорядки въ домѣ предварительнаго заключенія дошли до Высочайшаго свѣдѣнія; отъ С.-Петербургскаго градоначальника генералъ-адъютанта Трепова было затребовано письменное объясненіе ихъ, и поданная имъ записка передана по Высочайшему повелѣнію на заклю-

ченіе Константина Карловича. Со свойственной ему откровенностью онъ представилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 22 ноября 1877 года изложеніе своего взгляда, которое сводилось къ передачѣ завѣдыванія домомъ въ министерство юстиціи, къ уничтоженію многовластія въ непосредственномъ его управленіи, улучшенію хозяйства и ускоренію слѣдственнаго производства. Мнѣніе Константина Карловича не получило, однако, въ ту пору Высочайшаго утвержденія и передано было на разсмотрѣніе состоящей подъ его предсѣдательствомъ комиссіи о тюремномъ преобразованіи.

Не лучше оказалось и въ другихъ тюрьмахъ. Въ Литовскомъ замкѣ и пересыльной тюрьмѣ (въ Демидовомъ пер.) распоряжался попечительный о тюрьмахъ комитетъ, съ сонмомъ вице-президентовъ и директоровъ, которые завели обширную канцелярію и, на показъ, какія-то шуточныя работы, веденныя безъ всякаго порядка и системы. Всѣ начальствовали, но никто не распоряжался отвѣтственно, и тюремная жизнь текла по тому же руслу, какъ и въ любой провинціальной тюрьмѣ. Каковы были порядки въ Литовскомъ замкѣ, можно судить по тому факту, что въ 1884 году, т. е. спустя 6—7 лѣтъ, когда столичныя тюрьмы были подчинены, по закону 30 мая, непосредственно главному тюремному управленію, и оно принялось осуществлять завѣты Константина Карловича, разсаживая арестантовъ по запертымъ камерамъ и подчиняя ихъ улучшенному надзору,—въ одной изъ камеръ найдена была хорошо оборудованная литографія, приготовлявшая бланки для фальшивыхъ метрическихъ свидѣтельствъ отъ имени Олонецкой духовной консисторіи.

Въ исправительной тюрьмѣ на Выборгской сторонѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ, такъ называемыхъ Крестовъ), гдѣ еще по иниціативѣ графа Соллогуба введено было ночное разъединеніе арестантовъ, — всѣ келіи оказались безъ затворовъ и система разъединенія существовала только на бумагѣ, какъ памятникъ о нашей попыткѣ пересадить и къ намъ то, до чего додумалась Европа.

Всѣ эти впечатлѣнія отъ столичныхъ тюремныхъ порядковъ только укрѣпили Константина Карловича въ правильности его выводовъ и вызвали къ жизни другую мысль — о необходимости изъять столичныя тюрьмы изъ вѣдѣнія губернской администраціи и подчинить ихъ непосредственному вѣдѣнію главнаго тюремнаго управленія. Осуществить эту мысль пришлось, однако, не ранѣе 1884 года и, какъ будетъ видно далѣе, на почвѣ этого предположенія пресѣклось непосредственное завѣдываніе Константиномъ Карловичемъ тюремною частью въ имперіи.

Слѣдующій 1878 годъ долженъ быть отмѣченъ въ дѣятельности Константина Карловича, помимо продолженія и завершенія трудовъ комиссіи о тюремномъ преобразованіи,—участіемъ его въ трудахъ международнаго тюремнаго конгресса въ Стокгольмѣ и принятіемъ имъ нѣкоторыхъ мѣръ по подготовкѣ личнаго состава для службы по будущему тюремному управленію.

Константину Карловичу стало извѣстно, что шведское правительство, предпринимавшее въ то время у себя крупныя работы по улучшенію тюремной части, исполняя постановленіе послѣдняго международнаго тюремнаго конгресса въ Лондонѣ (1872 г.), обратилось ко всѣмъ правительствамъ съ приглашеніемъ принять участіе, присылкою своихъ офиціальныхъ делегатовъ, въ созываемомъ имъ, въ августѣ мѣсяцѣ, международномъ тюремномъ конгрессѣ. Шведскій посланникъ Дуэ лично обратился къ Константину Карловичу съ просьбой не только принять непосредственное участіе въ трудахъ конгресса, но оказать содѣйствіе къ благопріятному отвѣту русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что ему стало уже извѣстно, что послѣднее намѣревается отвѣтить отказомъ.

Въ письмѣ отъ 26-го августа 1877 года за № 1612 Константинъ Карловичъ писалъ генералъ-адъютанту Тимашеву: „Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что шведское правительство обратилось черезъ своего послан-

ника при Высочайшемъ Дворѣ къ нашему правительству съ вопросомъ: не угодно ли ему будетъ назначить своихъ офиціальныхъ делегатовъ на имѣющій быть въ Стокгольмѣ въ августѣ 1878 года международный конгрессъ, для изученія тюремнаго вопроса? На приглашеніе это министерство внутреннихъ дѣлъ отозвалось, что въ виду разсмотрѣнія въ настоящее время проекта тюремной реформы въ имперіи, едва-ли настоитъ потребность принимать участіе въ Стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ..... Собирающіеся періодически международные тюремные конгрессы касаются преимущественно теоретической и принципіальной сторонъ тюремнаго вопроса, по которымъ послѣднее слово еще далеко не сказано; делегаты разныхъ странъ сообщаютъ сдѣланныя въ промежуткахъ времени измѣненія и преобразованія въ тюремной администраціи ихъ страны, свои собственныя наблюденія, опыты, взгляды и т. п.; происходятъ пренія о разныхъ системахъ тюремнаго заключенія и употребляемыхъ въ разныхъ странахъ и въ разное время пріемахъ для лучшаго достиженія цѣли тюремнаго заключенія и т. д. Затѣмъ изъ всего этого выводятся заключенія, которыя хотя и не имѣютъ прямого и непосредственнаго вліянія на правительственныя мѣропріятія, но, не менѣе того, не могутъ не принести пользы той или другой сторонѣ тюремнаго дѣла и даже не подѣйствовать на нѣкоторыя части тюремной администраціи... Отсутствіе русскихъ делегатовъ на тюремномъ конгрессѣ было бы прискорбно тѣмъ болѣе, что наши делегаты участвовали въ Лондонскомъ конгрессѣ 1872 года, когда наша тюремная реформа была уже въ ходу.... Хотя наши делегаты не могутъ, къ сожалѣнію, сообщить на конгрессѣ ничего ни особенно важнаго, ни особенно интереснаго по тюремному дѣлу въ Россіи, тѣмъ не менѣе отсутствіе представителей первоклассной державы не могло бы остаться незамѣченнымъ, и объяснить такое отсутствіе готовящеюся тюремною реформою едва-ли было бы достаточно.... Къ сему имѣю честь присовокупить, что считая означенный конгрессъ весьма важнымъ и интереснымъ для тюремнаго вопроса,

и ожидая назначенія его на нынѣшній годъ (1877 г.), я предполагалъ даже лично отправиться въ Стокгольмъ, но безъ офиціальнаго характера".

Письмо это видимо не вполнѣ разубѣдило генералъ-адъютанта Тимашева въ правильности его первоначальной отрицательной точки зрѣнія.

Отвѣчая Константину Карловичу 1 сентября 1877 года за № 6549, министръ внутреннихъ дѣлъ подтверждалъ ему, что онъ сообщилъ уже министерству иностранныхъ дѣлъ свой отрицательный отвѣтъ, но прибавилъ, что признавая участіе нашихъ офиціальныхъ делегатовъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ несвоевременнымъ, онъ полагаетъ, что „Ваше (т. е. Константина Карловича) просвѣщенное участіе въ засѣданіяхъ конгресса было бы полезно въ интересахъ разсматриваемыхъ Вами работъ по тюремному вопросу".

Однако-жъ, въ виду настояній Шведско-Норвежскаго посланника и того, что министерство иностранныхъ дѣлъ продолжало настаивать на посылкѣ офиціальныхъ делегатовъ на Стокгольмскій конгрессъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не сталъ поддерживать своихъ прежнихъ настояній, и по всеподданнѣйшему докладу его, 26 мая 1878 года, Константинъ Карловичъ былъ назначенъ офиціальнымъ представителемъ Россіи на конгрессѣ.

Положеніе занятое Константиномъ Карловичемъ на конгрессѣ, какъ это видно изъ печатныхъ его трудовъ и изъ разсказовъ, остающихся еще въ живыхъ, хотя и немногихъ участниковъ его, было въ полномъ смыслѣ слова исключительнымъ. Званіе статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества, положеніе предсѣдателя коммиссіи государственнаго совѣта о тюремномъ преобразованіи, прекрасное знаніе французскаго и нѣмецкаго языковъ, глубокій интересъ къ предметамъ занятій конгресса, близкое знакомство съ цѣлымъ рядомъ участниковъ конгресса, съ которыми сблизили Константина Карловича его заграничныя путешествія и посѣщенія образцовыхъ тюремъ и, наконецъ, особая, если можно такъ выразиться, истинно-культурная форма общенія съ людьми,—сразу выдвинули Константина

Карловича на совершенно особое положеніе и сдѣлали его не только президентомъ конгресса honoris causa, но и фактическимъ его руководителемъ и центромъ общаго единенія.

Въ дѣлахъ главнаго тюремнаго управленія и государственнаго совѣта, сохранился всеподданнѣйшій докладъ Константина Карловича о ходѣ занятій конгресса, на которомъ собственною рукою Государя Императора Александра II, въ Ливадіи, 28 сентября 1878 года, начертано: *„Прочелъ съ большимъ интерссомъ. Желаю весьма, чтобы оно имѣло практическій результатъ и для насъ“*.—Этотъ интересный документъ печатается ниже въ „Приложеніяхъ“ къ сборнику.

По мѣрѣ того, какъ подвигались къ благополучному окончанію работы комиссіи, Константинъ Карловичъ все болѣе и болѣе заботился о ихъ практическомъ осуществленіи. Въ этомъ случаѣ. какъ и въ реформѣ акцизнаго дѣла, онъ сознавалъ, что дѣло не пойдетъ на ладъ, если не будетъ подготовлено хотя бы нѣсколько человѣкъ, спеціально изучившихъ тюремный вопросъ у насъ и на западѣ, которымъ можно было бы поручить это дѣло, при новой его организаціи. Еще съ 1877 года онъ намѣтилъ двухъ лицъ для должностей тюремныхъ инспекторовъ,— В. Н. Коковцова и В. Н. Брянчанинова, — одного для должности начальника столичной тюрьмы – акцизнаго надзирателя Курляндской губерніи Б. К. Витера—и вошелъ въ сношеніе съ академикомъ Гедике для пріисканія молодого архитектора, котораго было бы возможно пріурочить къ будущему строительству. Первый изъ этихъ чиновъ—В. Н. Коковцовъ, проведя 10 мѣсяцевъ 1878 года за границею, былъ назначенъ при открытіи главнаго тюремнаго управленія въ 1879 году—однимъ изъ инспекторовъ V класса, а впослѣдствіи занималъ съ начала 1882 г. до лѣта 1890 года должность помощника начальника.

Брянчаниновъ уклонился отъ поѣздки за границу наканунѣ своего выѣзда и былъ замѣненъ А. А. Шумахеромъ, долгое время завѣдывавшимъ строительною частью

тюремнаго управленія, а затѣмъ перешедшимъ на службу въ министерство финансовъ. Б. К. Винтеръ съѣздилъ на короткое время за границу, но скоро вернулся, отказался отъ намѣренія посвятить себя тюремной службѣ и, какъ уроженецъ Финляндіи, перешелъ на службу въ Финляндію, гдѣ онъ занималъ должность начальника таможеннаго вѣдомства. Результатомъ обращенія къ академику Гедике и сношеній его съ академикомъ Розановымъ было, но лишь въ 1881 году, поступленіе на должность архитектора главнаго тюремнаго управленія,—талантливаго архитектора Томишко, носившаго впослѣдствіи званіе архитектора Высочайшаго Двора. Академику Томишко обязано главное тюремное управленіе разработкою цѣлаго ряда новыхъ типовъ тюремныхъ учрежденій и множествомъ весьма удачныхъ плановъ расширенія, перестройки и приспособленія старыхъ тюремъ.

Незамѣтно подошло 27 февраля 1879 г., день Высочайшаго утвержденія закона объ учрежденіи главнаго тюремнаго управленія и совѣта по тюремнымъ дѣламъ.

Всѣ были убѣждены, да и самъ Константинъ Карловичъ раздѣлялъ это убѣжденіе, что ему суждено стать фактическимъ руководителемъ новаго дѣла въ званіи предсѣдателя совѣта по тюремнымъ дѣламъ. Онъ сталъ дѣятельно подыскивать людей, для замѣщенія открывающихся новыхъ должностей: ему не хотѣлось вливать новое вино въ старые мѣхи. Въ его пріемной можно было встрѣтить самыхъ разнообразныхъ людей предлагавшихъ ему свои услуги; онъ обращался ко всѣмъ, чьимъ мнѣніемъ дорожилъ, просилъ ему рекомендовать подходящихъ работниковъ для новаго дѣла,—но вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что той свободы дѣйствій, которая была ему такъ необходима и которую далъ ему такъ широко М. Х. Рейтернъ въ акцизномъ дѣлѣ,—ему не будетъ предоставлено. Въ выборѣ лица, для замѣщенія должности начальника главнаго тюремнаго управленія — недоразумѣнія не произошло: съ М. Н. Галкинымъ-Враскимъ, бывшимъ Саратовскимъ губернаторомъ, Константинъ Карловичъ встрѣтился и сошелся на конгрессѣ въ Стокгольмѣ, но затѣмъ

въ особенности въ замѣщеніи должностей помощника начальника, и затѣмъ нѣкоторыхъ инспекторовъ и старшихъ дѣлопроизводителей, Константинъ Карловичъ не встрѣтилъ того согласія, которымъ онъ такъ дорожилъ и, не дождавшись дня открытія главнаго тюремнаго управленія (16 іюня 1879 года), онъ отошелъ совершенно отъ дѣла, предпочитая не затруднять пререканіями и треніями первыхъ шаговъ и безъ того труднаго новаго дѣла, встрѣтившаго къ тому же не особенно дружелюбный пріемъ среди старыхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ былъ назначенъ близкій Константину Карловичу человѣкъ, членъ государственнаго совѣта князь Д. А. Оболенскій, а членами его извѣстные въ то время государственные люди: Любощинскій, Ковалевскій, Фришъ, Побѣдоносцевъ и А. Д. Шумахеръ.

Прошли 1879 и 1880 годы. Издали слѣдилъ Константинъ Карловичъ за первыми шагами учрежденія, призваннаго имъ къ жизни, интересуясь всѣмъ, что дѣлалось, чрезъ посредство немногихъ близкихъ ему людей, направляя ихъ совѣтомъ, поддерживая въ нихъ бодрость духа и укрѣпляя ихъ въ непоколебимомъ примѣненіи всего, чему они успѣли научиться.

---

9 августа 1880 года на мѣсто статсъ-секретаря Л. С. Макова—министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Россія переживала въ ту пору очень тяжелыя событія. Революціонное движеніе достигло чрезвычайнаго напряженія: террористическія акты шли непрерывною чередою; политическіе процессы смѣнялись одинъ другимъ. Для спокойной работы по управленію обстановка была крайне неблагопріятная, и нѣтъ повода удивляться тому, что графъ Лорисъ-Меликовъ, человѣкъ чуждый петербургскому бюрократическому міру, не обладавшій и самъ большою подготовкою для несенія сложныхъ обязанностей, неожиданно на него возложенныхъ, останавливался на мысли — облегчить свой, едва ему посильный трудъ,—

передачею въ непосредственное завѣдываніе другого лица такихъ частей обширнаго вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, которыя, при всемъ своемъ значеніи, находились въ сторонѣ отъ задачъ непосредственнаго управленія, съ ихъ повседневными неотложными требованіями. Онъ видѣлъ передъ собой ближайшій примѣръ выдѣленія изъ министерства почтово-телеграфной части, во главѣ которой былъ поставленъ, въ званіи министра почтъ и телеграфовъ, статсъ-секретарь Маковъ, уволенный отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ не былъ ранѣе близко знакомъ съ Константиномъ Карловичемъ Гротомъ, но между ними скоро установились, въ зиму 1880—1881 гг., дружескія отношенія черезъ посредство статсъ-секретарей А. А. Абазы и М. С. Коханова. Послѣдній въ особенности способствовалъ сближенію этихъ замѣчательныхъ, хотя и рѣзко отличавшихся другъ отъ друга государственныхъ людей, и ему принадлежала инниціатива просить Константина Карловича взять на себя непосредственное завѣдываніе, на правахъ министра внутреннихъ дѣлъ, всею тюремною частью въ имперіи.

Оба, чуждые бюрократическихъ тонкостей, имѣвшіе передъ глазами всегда только одно дѣло и его требованія, далекіе отъ преувеличенной оцѣнки вопросовъ личнаго самолюбія, — Гротъ и Лорисъ-Меликовъ скоро сошлись на формулѣ ихъ взаимныхъ отношеній, предложенной статсъ-секретаремъ Кохановымъ, который конечно вполнѣ „bona fide“ предложилъ сохранить за министромъ внутреннихъ дѣлъ представленіе Государю Императору всеподданнѣйшихъ докладовъ, утвержденіе журналовъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ и внесеніе въ высшія государственныя учрежденія дѣлъ какъ по обществу попечительному о тюрьмахъ, такъ и по тюремному вѣдомству вообще. М. С. Кохановъ вѣроятно не подозрѣвалъ и не предвидѣлъ, что именно на этой почвѣ, при перемѣнахъ въ лицахъ, могутъ возникнуть такія осложненія, которыя нарушатъ возможность совмѣстной работы двухъ, поставленныхъ въ отношеніи взаимной зависимости, людей.

Лично Константинъ Карловичъ этому недостатку полноты власти не придавалъ никакого значенія, даже несмотря на то, что его друзья въ лицѣ А. В. Головнина, М. Е. Ковалевскаго и др. предостерегали его отъ такой комбинаціи и предсказывали ему неизбѣжность самыхъ непріятныхъ осложненій. И въ самомъ главномъ тюремномъ управленіи наиболѣе близкія къ К. К. лица, слѣдившія за всѣми перипетіями переговоровъ между нимъ, графомъ Лорисъ-Меликовымъ и М. С. Кохановымъ, настойчиво просили Константина Карловича добиться полной самостоятельности. Отвѣтъ его былъ, какъ всегда, простъ и ясенъ: „мнѣ нужна власть, чтобы дѣлать дѣло, а если мнѣ будутъ мѣшать, то я просто уйду, но я увѣренъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ не создастъ мнѣ никакихъ затрудненій“.

30 января 1881 года, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало черезъ комитетъ министровъ Высочайшее соизволеніе:

1) на сохраненіе за министромъ внутреннихъ дѣлъ представленія всеподданнѣйшихъ докладовъ и внесенія дѣлъ въ высшія государственныя учрежденія, какъ по попечительному обществу о тюрьмахъ, такъ и по тюремному управленію вообще, а также утвержденія тѣхъ журналовъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, кои будутъ служить основаніемъ упомянутыхъ докладовъ и представленій.

и 2) на предоставленіе, въ видѣ временной мѣры, лично, статсъ-секретарю Гроту:

а) правъ и обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ по званію президента попечительнаго общества о тюрьмахъ и по руководству главнымъ тюремнымъ управленіемъ

и б) права участвовать, съ правомъ голоса, въ сужденіяхъ по тюремнымъ дѣламъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ и замѣнять министра внутреннихъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ и въ сношеніяхъ со всѣми мѣстами и лицами по означеннымъ дѣламъ.

Того же 30 января 1881 года Константинъ Карловичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта по тюрем-

нымъ дѣламъ, на мѣсто скончавшагося за нѣсколько дней передъ тѣмъ (22 января) князя Д. А. Оболенскаго, и 17 февраля Константинъ Карловичъ вступилъ въ непосредственное управленіе тюремною частью, сохранивъ его въ своихъ рукахъ однако только до 28 апрѣля 1882 года, когда онъ покинулъ тюремное вѣдомство и былъ освобожденъ какъ отъ должности предсѣдателя совѣта по тюремнымъ дѣламъ, такъ и отъ исполненія обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію тюремною частью.

За этотъ короткій, всего лишь 14-ти мѣсячный періодъ непосредственнаго завѣдыванія Константиномъ Карловичемъ тюремною частью—трудъ управленія лежалъ исключительно на одномъ Константинѣ Карловичѣ, и все что сдѣлано за это время, все что начато и задумано, принадлежитъ ему и ему одному.

Вслѣдъ за возложеніемъ на Константина Карловича особыхъ обязанностей по Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 30 января 1881 года, начальникъ главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкинъ-Врасскій отбылъ въ служебную командировку на островъ Сахалинъ для личнаго осмотра тамъ организаціи каторжныхъ работъ и ссылки и возвратился въ Петербургъ уже послѣ увольненія Константина Карловича; до выѣзда же своего туда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ фактически не завѣдывалъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Начальникомъ его сдѣлался силою вещей Константинъ Карловичъ.

Между Константиномъ Карловичемъ и М. Н. Галкинымъ-Враскимъ никогда не было дурныхъ отношеній, но перенесеніе на Константина Карловича правъ министра внутреннихъ дѣлъ по тюремной части ставило его слишкомъ близко къ повседневному управленію и неизбѣжно затрагивало самостоятельность должности начальника главнаго тюремнаго управленія. Совмѣстная дѣятельность двухъ лицъ около одного дѣла невольно низводила начальника управленія на роль скорѣе помощника начальника, и М. Н. Галкинъ предпочелъ отойти отъ *текущаго дѣла* и выѣхалъ въ Сибирь.

Перечислить со всею подробностью все, что было сдѣлано и начато за это время — значило бы придать настоящему очерку развитіе далеко выходящее за предѣлы его назначенія и даже написать исторію фактическаго развитія у насъ тюремнаго преобразованія за послѣдніе 35 лѣтъ, — потому что въ этомъ короткомъ промежуткѣ времени управленія К. К. слѣдуетъ искать возникновеніе всего, что было предпринято впослѣдствіи наиболѣе существеннаго въ этой области. Достаточно упомянуть лишь о главномъ.

Тотчасъ по вступленіи въ исполненіе своихъ обязанностей, Константинъ Карловичъ командируетъ за границу для подготовки къ службѣ по тюремному дѣлу двухъ лицъ — А. П. Саломона, впослѣдствіи назначеннаго имъ секретаремъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ и затѣмъ уже гораздо позже (съ ноября 1896 по іюнь 1900 г.) занимавшаго должность начальника главнаго тюремнаго управленія, и А. О. Томишко, занявшаго, по возвращеніи изъ служебной командировки, должность архитектора главнаго тюремнаго управленія.

Для правильной и постепенной освѣдомленности о движеніи тюремнаго населенія организуется статистическая часть, по чрезвычайно простому методу, предоставляющему однако центральному вѣдомству возможность избѣгать длительныхъ процедуръ собиранія свѣдѣній по спеціальнымъ поводамъ и назначеніямъ.

Съ цѣлью упорядоченія строительной части по тюремному вѣдомству, при главномъ управленіи организуется особая комиссія и вырабатываются, для руководства губернскихъ начальствъ, особыя постановленія и правила, облегчающія составленіе предположеній о расширеніи и переустройствѣ старыхъ тюремныхъ зданій.

Одновременно съ этимъ, такъ какъ запущенное состояніе тюремъ составляло одинъ изъ коренныхъ недостатковъ всего тюремнаго дѣла, производились крупныя затраты, на сумму свыше 1 милл. руб., изъ такъ называемаго сборнаго тюремнаго капитала на капитальный ремонтъ и расширеніе тюремъ и испрашивается по смѣтѣ

на 1882 годъ небывалая по тому времени сумма въ 1 милл. руб. на ту же надобность — изъ казны. Въ ту пору расходы изъ казны разрѣшались значительно менѣе широко, нежели это дѣлается въ настоящее время, и отпускъ такого кредита, взамѣнъ ранѣе отпускавшихся 150 — 200 тысячъ рублей, могъ быть испрошенъ только благодаря авторитету Константина Карловича въ глазахъ финансоваго вѣдомства и государственнаго совѣта.

Рядомъ съ этимъ принимаются также настойчивыя мѣры къ усиленію численнаго состава надзора въ тюрьмахъ и къ улучшенію матеріальнаго его положенія. Не перечисляя тѣхъ отдѣльныхъ законоположеній, которыми усиленъ былъ надзоръ въ отдѣльныхъ мѣстахъ заключенія, Константинъ Карловичъ, тотчасъ по своемъ вступленіи въ непосредственное завѣдываніе тюремною частью, предпринимаетъ мѣры къ общему усиленію надзора въ губернскихъ тюремныхъ замкахъ и смирительныхъ и рабочихъ домахъ, и уже 9 февраля 1882 года удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ къ недостаточному составу надзора добавлено 107 старшихъ надзирателей, съ окладомъ въ 240 руб. въ годъ, почти вдвое превышавшимъ ничтожное содержаніе того времени, и 892 младшихъ надзирателя, съ окладомъ въ 180 руб. въ годъ. Тѣмъ же закономъ тюремному надзору предоставляется важное преимущество, — періодическое увеличеніе на $1/3$ содержанія по прослуженіи каждаго 5-ти лѣтія, доводящее штатный окладъ до двойного размѣра послѣ безпрерывнаго прослуженія 15-ти лѣтъ. Для оцѣнки и этихъ мѣръ необходимо не забывать, какимъ скуднымъ бюджетомъ довольствовалось въ ту пору тюремное вѣдомство, какъ упорно отказывало финансовое вѣдомство во всякомъ увеличеніи ассигнованій, имѣя для себя то дѣйствительное оправданіе, которымъ служило для него понетинѣ стѣсненное положеніе казначейства послѣ русско - турецкой войны 1877—78 гг. Только близкія, издавна существовавшія отношенія между Константиномъ Карловичемъ и министромъ финансовъ того времени Н. Х. Бунге и государственнымъ

контролеромъ статсъ-секретаремъ Сольскимъ, помогли К. К. Гроту сдвинуть съ мертвой точки это поистинѣ забытое дѣло нашего управленія.

Наконецъ, проходя мимо многочисленныхъ личныхъ посѣщеній Константиномъ Карловичемъ отдѣльныхъ мѣстъ заключенія, всегда сопровождавшихся подробнѣйшимъ изложеніемъ губернскимъ начальствомъ усмотрѣнныхъ имъ неправильностей и при томъ никогда не сводившихся къ предъявленію требованій о наложеніи взысканій за допущенныя неисправности, а всегда приводившихъ только къ указаніямъ мѣръ для устраненія ихъ въ будущемъ,— слѣдуетъ особенно упомянуть о томъ исключительномъ вниманіи, которое удѣлялъ Константинъ Карловичъ столичнымъ учрежденіямъ. Близко знакомый съ ихъ бытомъ еще во времена своихъ посѣщеній 1877—1878 гг., Константинъ Карловичъ отдалъ имъ много времени за короткій періодъ своего завѣдыванія тюремной частью, и чѣмъ глубже вникалъ онъ во всѣ частности ихъ управленія, тѣмъ яснѣе становилась для него невозможность внести коренное улучшеніе въ ихъ устройство при тѣхъ условіяхъ управленія, которымъ они были подчинены.

Послѣ одного изъ своихъ посѣщеній С.-Петербургской исправительной тюрьмы, Константинъ Карловичъ писалъ С.-Петербургскому градоначальнику генералу Баранову (22 апрѣля 1881 г. № 5020): „Посѣтивъ надняхъ С.-Петербургскую исправительную тюрьму, я нашелъ ее далеко не отвѣчающею тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней можно было бы предъявить, съ тѣмъ бóльшимъ основаніемъ, что тюрьма эта обладаетъ во всѣхъ отношеніяхъ значительными средствами. Должностныя лица тюрьмы оказываются въ большинствѣ непонимающими ни обязанностей своихъ, ни цѣлей, которыхъ должно достигать наказаніе“. Къ тому же выводу приходилъ Константинъ Карловичъ, посѣщая и другія тюрьмы столицы. Онъ составлялъ письменныя указанія, сообщалъ ихъ градоначальнику, нѣсколько времени спустя провѣрялъ или лично или чрезъ командированныхъ имъ инспекторовъ, выполнены ли его требованія, и тутъ же убѣждался, что кромѣ

бумажной передачи по инстанціямъ,—ничего сдѣлано не было. Тюремные смотрители, назначенные градоначальникомъ или тюремнымъ комитетомъ по сношенію съ нимъ, просто не выполняли предъявленныхъ къ нимъ требованій потому ли, что не знали, какъ взяться за дѣло, или потому, что предпочитали отговорки и отписки—живому дѣлу.

Подъ вліяніемъ этого печальнаго опыта и еще того болѣе, сознавая, что столичныя тюрьмы должны служить образцомъ правильно поставленнаго порядка для провинціальныхъ тюремъ и разсадникомъ, въ которомъ должны готовиться должностныя лица для службы въ мѣстахъ заключенія вообще, Константинъ Карловичъ предпринялъ коренное переустройство этихъ тюремъ, и уже лѣтомъ 1881 года выработалъ главныя его основанія, заключавшіяся въ устраненіи многовластія въ ихъ управленіи, въ сохраненіи за градоначальникомъ и полиціею только права входа, въ сосредоточеніи въ рукахъ начальниковъ тюремъ всѣхъ отраслей завѣдыванія каждою тюрьмою, съ отстраненіемъ столичныхъ комитетовъ (мужского и дамскаго) попечительнаго о тюрьмахъ общества отъ веденія хозяйства въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и въ подчиненіи всѣхъ тюремъ столицы непосредственному вѣдѣнію главнаго тюремнаго управленія, съ назначеніемъ всѣхъ штатныхъ чиновъ властью начальника послѣдняго.

3 октября 1881 года совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ, въ составъ котораго входили кромѣ Константина Карловича, какъ его предсѣдателя, члены совѣта — Любощинскій, Ковалевскій, Шумахеръ, Мордвиновъ и Фришъ, а также цѣлый рядъ особо приглашенныхъ лицъ и въ числѣ ихъ директоръ департамента полиціи В. К. Плеве и и. д. прокурора судебной палаты Н. В. Муравьевъ,—вполнѣ одобрилъ выработанныя предположенія и представилъ свой журналъ на утвержденіе новаго министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта графа Игнатьева, который и утвердилъ его 20 октября. Оставалось дополнить проектъ разработкою частностей новаго порядка веденія хозяйства въ тюрьмахъ и контрольной ихъ по-

вѣрки. Для этой цѣли, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ статсъ-секретаремъ Сольскимъ, были командированы особые чины контроля, разработка правилъ закончена въ декабрѣ 1881 года и въ январѣ 1882 года совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ разсмотрѣлъ ихъ и одобрилъ.

Теперь оставалось только облечь всѣ эти предположенія въ окончательную форму представленія въ государственный совѣтъ. Немного времени потребовала и эта работа, и въ самомъ началѣ февраля 1882 года представленіе въ государственный совѣтъ, въ печатномъ видѣ, доставлено при письмѣ Константина Карловича министру внутреннихъ дѣлъ графу Игнатьеву; но отъ него оно уже не вернулось...

Не разъ пытался Константинъ Карловичъ узнать истинную причину неподписанія представленія; неоднократно пытался онъ убѣдить графа Игнатьева въ особой срочности и важности этого дѣла и, наконецъ, написалъ ему собственноручное письмо, объясняя тѣ мотивы, которые побуждаютъ его придавать этому законопроекту такое значеніе. На письмо это прямого отвѣта дано не было, а изъ словесныхъ переговоровъ Константину Карловичу стало ясно, что имѣются такія основанія, которыя представляютъ для гр. Игнатьева бóльшую важность, нежели оставленіе Константиномъ Карловичемъ его труднаго и неблагодарнаго поста.

Всегда послѣдовательный, врагъ всякихъ компромиссовъ и недомолвокъ, — Константинъ Карловичъ не нашелъ возможнымъ отказаться отъ задуманнаго имъ преобразованія и, въ виду невозможности его провести, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности предсѣдателя совѣта по тюремнымъ дѣламъ и завѣдующаго на правахъ министра внутреннихъ дѣлъ тюремною частью. Увольненіе его послѣдовало 28 апрѣля 1882 года.

Причина колебаній и отказа гр. Игнатьева отъ подписанія представленія была совершенно очевидна какъ самому Канстантину Карловичу, такъ и всѣмъ его со-

трудникамъ. Не нравилось министерству внутреннихъ дѣлъ выдѣленіе главнаго тюремнаго управленія въ слишкомъ обособленную и самостоятельную часть. Не могли примириться тюремные столичные комитеты, съ отстраненіемъ ихъ отъ фактическаго управленія тюрьмами, и ихъ голосъ и вліяніе оказались сильнѣе голоса и вліянія Константина Карловича. Министръ внутреннихъ дѣлъ задержалъ представленіе у себя и далъ ходъ прошенію Константина Карловича.

Годъ спустя, въ мартѣ 1883 года то же самое представленіе, безъ всякихъ измѣненій, было одобрено преемникомъ графа Игнатьева, графомъ Д. А. Толстымъ, внесено было въ государственный совѣтъ и, несмотря на поддержку нѣкоторыми членами точки зрѣнія тюремныхъ комитетовъ, удостоилось Высочайшаго утвержденія и съ 30 мая 1884 года существуетъ въ теченіе 30 лѣтъ, составляя и понынѣ дѣйствующій законъ.

Кончилась роль Константина Карловича въ тюремной реформѣ въ Россіи. Онъ отошелъ отъ дѣла, но ему суждено было въ теченіе 15-ти лѣтъ (до кончины его 30 октября 1897 года) видѣть, какъ глубоко заложены имъ тѣ простыя, но поистинѣ мудрыя начала улучшенія тюремнаго дѣла въ Россіи, въ разработку которыхъ онъ положилъ столько труда и любви. Все, что дѣлалось за это время по главному тюремному управленію истинно созидательнаго, было прямымъ осуществленіемъ его завѣтовъ, его мыслей и его начинаній.

И съ полной справедливостью бывшій министръ юстиціи покойный Н. В. Муравьевъ, испрашивая 5 ноября 1897 года Высочайшее соизволеніе на постановку въ главномъ тюремномъ управленіи портрета Константина Карловича, — писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ:

„Съ февраля 1881 года по апрѣль 1882 года статсъ-секретарь Гротъ лично завѣдывалъ тюремною частью на правахъ министра и въ этотъ короткій промежутокъ времени положилъ начало наиболѣе существеннымъ улучшеніямъ въ строѣ нашего тюремнаго вѣдомства. Можно

сказать, что во всѣхъ почти отрасляхъ этого сложнаго дѣла донынѣ еще не исчезли слѣды начинаній статсъ-секретаря Грота и замѣтно вліяніе его дѣятельности".

Они не исчезли и до настоящаго времени и не могутъ исчезнуть и впредь, потому что Константинъ Карловичъ отдалъ тюремному дѣлу весь свой ясный умъ, всю свою душу, горѣвшую любовью къ ближнему, и подошелъ къ этому дѣлу, какъ сказано въ его некрологѣ, со стороны его государственнаго значенія.

К.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. К. ГРОТА ПО ВѢДОМСТВУ УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

(1882—1885).

Нижеслѣдующая глава посвящена службѣ и трудамъ К. К. Грота въ должности главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи (1882—1884).

Это не есть связный очеркъ или характеристика дѣятельности и роли Константина Карловича въ жизни и развитіи этого вѣдомства, но это возможно полный и обстоятельный, совершенно объективный и правдивый обзоръ его трудовъ, преобразованій и начинаній, составленный компетентнымъ лицомъ, исключительно по офиціальнымъ данным, извлеченнымъ изъ распубликованнаго по Высочайшему повелѣнію „Собранія узаконеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи“. (Томъ IV за 1882—4 гг.).

Такой характеръ этого обзора придаетъ ему особую цѣну строгой дѣловитости и документальной точности. Изъ него читатель легко можетъ сдѣлать выводы для характеристики личной и болѣе интимной стороны дѣятельности Константина Карловича въ этомъ вѣдомствѣ.

Въ іюнѣ 1882 г. статсъ-секретарь К. К. Гротъ Императоромъ Александромъ III былъ назначенъ *Главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи* и *Попечителемъ Императорскаго Александровскаго Лицея,* принадлежащаго къ числу заведеній этого вѣдомства.

Должности эти оставались незамѣщенными со времени послѣдовавшей въ 1881 году кончины занимавшаго эти должности принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

По поводу назначенія К. К. Грота на эти должности сказано въ составленной имъ автобіографической запискѣ, между прочимъ, слѣдующее:

„По оставленіи обязанностей завѣдующаго всею тюремною частью, К. К. былъ призванъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною, для предложенія ему должности главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, оставшейся незанятою послѣ смерти принца Петра Ольденбургскаго. Не предполагая болѣе принимать какихъ-либо должностей съ отвѣтственными обязанностями, К. К. ходатайствовалъ усиленно передъ Ея Величествомъ объ освобожденіи его отъ предложенной ему должности, но Императрицѣ не угодно было на это согласиться, и К. К. подчинился волѣ Ея Величества.

Въ этой должности К. К. оставался два года (1882—1884), и изъ числа улучшеній въ порядкѣ управленія, которыя заслуживаютъ всего болѣе вниманія, можно назвать преимущественно слѣдующія:

Счетная часть и особенно смѣтная часть были (до 1882 года) очень плохо поставлены по всему вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Ежегодно бывали значительные дефициты и передержки, и вообще мало обращалось вниманія на смѣтныя расписанія, а контрольная часть была въ еще худшемъ положеніи.

Ко времени оставленія своей должности Константиномъ Карловичемъ (осенью 1884 г.) порядокъ составленія и утвержденія смѣтъ былъ введенъ совершенно правильно, всѣ капиталы и суммы были разобраны и дефициты прекращены. Точно также была правильно устроена и контрольная часть и установлена новая должность главнаго контролера, завѣдующаго всею контрольною частью вѣдомства. Эта заслуга К. К. нашла себѣ оцѣнку въ лестномъ рескриптѣ Императора Александра III, котораго удостоился К. К. при уходѣ изъ вѣдомства.

Хотя К. К. въ своей автобіографической запискѣ упоминаетъ только о произведенномъ имъ преобразованіи счетной, смѣтной и контрольной части вѣдомства и хотя

онъ занималъ должность главноуправляющаго только около двухъ лѣтъ, *съ іюня 1882 г. до осени 1884 г.*, тѣмъ не менѣе за этотъ сравнительно короткій срокъ имъ сдѣлано чрезвычайно много для этого вѣдомства. Многія мѣры, задуманныя имъ, были и осуществлены имъ лично. Но многія другія мѣропріятія, начатыя имъ, могли быть осуществлены и окончены лишь впослѣдствіи, при его преемникахъ.

Главнѣйшія свѣдѣнія о дѣятельности К. К. по этому вѣдомству извлекаются изъ распубликованнаго, по Высочайшему повелѣнію, главнымъ управленіемъ этого вѣдомства *„Собранія узаконеній Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи“ (томъ IV) за 1882—1884 годы.*

Въ этой книгѣ заключаются, между прочимъ, нижеслѣдующія интересныя свѣдѣнія о двухлѣтнихъ трудахъ К. К. Грота по вѣдомству и ихъ результатахъ.

Въ числѣ первыхъ дѣлъ, обратившихъ на себя особое вниманіе К. К., было, между прочимъ, предположеніе объ *устройствѣ новой больницы въ память Императрицы Маріи Александровны*

Вскорѣ послѣ вступленія К. К. въ должность главноуправляющаго, ему было доложено, что Императору Александру II въ 1880 году благоугодно было на докладѣ бывшаго Главноуправляющаго, покойнаго принца П. Г. Ольденбургскаго о желательности устройства новой больницы въ память въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Александровны, положить Высочайшую резолюцію: „Постройку новаго госпиталя беру на Себя, о содержаніи же его надобно будетъ сообразить“.

Образованная для соображеній объ исполненіи Высочайшей резолюціи комиссія выработала программу устройства больницы на 250 кроватей. По примѣрному соображенію, одобренному академіею художествъ, на возведеніе постройки признавалось необходимымъ назначить до 1.000.000 руб. При этомъ академія художествъ находила, что, въ виду предполагаемаго посвященія больницы памяти Императора Александра II и Императрицы Маріи

Александровны, больница эта не могла бы быть поставлена на ряду съ больницами обыкновеннаго устарѣлаго типа, тѣмъ болѣе, что она предназначалась для страждущихъ грудными болѣзнями, для которыхъ необходимо устройство особой залы большихъ размѣровъ и возможно большее количество воздуха въ палатахъ, т. е. такія условія, при которыхъ составленное коммиссіею исчисленіе стоимости постройки не подлежало сокращенію.

Въ 8 день іюля 1882 г. К. К. испрашивалъ Высочайшихъ указаній: слѣдуетъ ли ему просить департаментъ удѣловъ объ отводѣ избранной подъ новую больницу земли на участкѣ, прилегающемъ къ Финляндской желѣзной дорогѣ и принадлежащемъ Удѣльной фермѣ, и на счетъ какихъ источниковъ можетъ быть принято содержаніе больницы, которое обошлось бы до 125.000 р. въ годъ,—расходъ, котораго вѣдомство Императрицы Маріи, при крайней ограниченности своихъ средствъ, не могло бы принять на себя.

На этомъ докладѣ сдѣлана рукою Константина Карловича слѣдующая подпись:

„При личномъ моемъ докладѣ сего дѣла Государь Императоръ изволилъ выразить, что на постройку предположенной больницы въ память Императрицы Маріи Александровны состоитъ на лицо 1.000.000 р. съ наросшими процентами, но, по неимѣнію въ виду опредѣленныхъ средствъ на содержаніе въ большихъ размѣрахъ задуманной больницы, было бы желательно ограничиться затратами только части капитала на сооруженіе зданія, а остальную часть сохранить на содержаніе, изъ процентовъ, съ нея, того учрежденія, на которомъ окончательно можно будетъ остановиться. Въ этихъ видахъ, Государю Императору благоугодно было мнѣ повелѣть еще разъ ближе сообразить всѣ обстоятельства этого дѣла и затѣмъ доложить его вновь Его Величеству“ [1]).

Для исполненія такой Монаршей воли, К. К. при-

---

[1]) Собр. узак. Вѣд. учр. Императрицы Маріи, т. IV, 1882 г., № 180, стр. 211—213.

зналъ нужнымъ учредить вновь, подъ его предсѣдательствомъ, комиссію изъ профессоровъ Эйхвальда и Боткина, лейбъ-медиковъ Алышевскаго и Гирша, старшихъ врачей больницъ: С.-Петербургской Маріинской — Каде, Обуховской — Германа и дѣтской принца Петра Ольденбургскаго — Раухфуса, а также профессоровъ академіи художествъ Гедике и Томишко. Комиссія эта, по мнѣнію К. К. Грота, должна была: 1) сообразить ближе, слѣдуетъ ли остановиться на первоначальной мысли строить въ Петроградѣ или въ его окрестностяхъ исключительно больницу для грудныхъ больныхъ, или, отступивъ отъ этого предположенія, употребить назначенный 1.000.000 руб. на иную санитарно-лѣчебную цѣль въ память Императрицы Маріи Александровны и Императора Александра Николаевича, опредѣливъ, какую именно; 2) если будетъ предположено сохранить первоначальную мысль о постройкѣ спеціальной больницы для грудныхъ больныхъ, то сообразить, не слѣдуетъ ли избрать для сего мѣстность, въ которой климатъ представлялъ бы болѣе благопріятныя условія для лѣченія грудныхъ болѣзней, и 3) при разработкѣ того или другого плана имѣть въ виду, что 1.000.000 р. съ наросшими процентами предназначался какъ на постройку лѣчебнаго учрежденія, такъ и на его содержаніе, т. е. отъ постройки долженъ остаться такой капиталъ, проценты съ котораго были бы достаточны на содержаніе заведенія.

Государь Императоръ 31 января 1883 г. Высочайше соизволилъ на приведеніе изложенныхъ предположеній К. К. Грота въ исполненіе [1]). Впослѣдствіи, по предложенію К. К. Грота, вмѣсто больницы, было устроено, въ память Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны, „Александро-Маріинское училище слѣпыхъ“ въ Петроградѣ. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, пожертвованный Императоромъ Александромъ II капиталъ въ одинъ милліонъ рублей, съ наросшими процентами, былъ переданъ предсѣдательствуемому К. К.

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 231, ст. 261—262.

Гротомъ попечительству о слѣпыхъ, для обезпеченія постояннаго содержанія училища, и попечительству было присвоено наименованіе „Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ“.

Постройка прекраснаго новаго зданія для Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ производилась подъ личнымъ руководствомъ К. К. Грота. При торжественномъ освященіи этого училища изволили присутствовать, по приглашенію К. К. Грота, Императоръ Александръ III, Императрица Марія Өеодоровна и многіе члены Царской Семьи.

Первоначальное же предположеніе о сооруженіи больницы для грудныхъ больныхъ было осуществлено такимъ образомъ, что, на Высочайше пожалованныя для сего особыя средства, были устроены даже двѣ санаторіи для грудныхъ больныхъ: одна въ Халилѣ (въ Финляндіи), другая въ Тайцахъ.

Насколько К. К. былъ остороженъ и самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая, касавшагося отсрочки *открытія приготовительнаго пансіона при Московскомъ техническомъ училищѣ.* По уставу училища 1868 года при немъ были положены три приготовительныхъ класса. Въ 1879 году два низшіе приготовительные класса были закрыты. Въ 1881 году было испрошено Высочайшее соизволеніе на возстановленіе упраздненныхъ въ 1879 г. двухъ низшихъ приготовительныхъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы классы эти, вмѣстѣ со старшимъ приготовительнымъ, обратить въ особый трехклассный приготовительный пансіонъ на 120 исключительно своекоштныхъ пансіонеровъ съ платою по 450 р. въ годъ. Однако только въ маѣ 1882 г. опекунскій совѣтъ разсмотрѣлъ проектъ положенія для этого пансіона и, найдя его цѣлесообразнымъ, постановилъ повергнуть этотъ проектъ на Монаршее утвержденіе.

Между тѣмъ, предварительно приведенія этого постановленія въ исполненіе, К. К. Гротъ, 21 августа 1882 г., доложилъ Его Императорскому Величеству, „что,

не участвовавъ въ засѣданіяхъ опекунскаго совѣта по этому дѣлу, такъ какъ они происходили до назначенія его главноуправляющимъ, онъ, впредь до ближайшаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ, затруднялся присоединиться вполнѣ къ заключенію опекунскаго совѣта по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) у самого училищнаго начальства, въ 1879 г. закрывшаго приготовительные классы и черезъ три года вновь ходатайствовавшаго объ ихъ открытіи, повидимому, не установились точно опредѣленные взгляды на этотъ предметъ; 2) устройство приготовительныхъ пансіоновъ для малолѣтнихъ при высшихъ училищахъ, въ которыя молодые люди должны поступать съ готовымъ уже общимъ образованіемъ, давно оставлено и нигдѣ болѣе не практикуется, будучи признано несовмѣстимымъ, и 3) расчеты на поправку финансоваго положенія училища, имѣвшіеся главнымъ образомъ въ виду при открытіи вновь пансіона, представлялись сомнительными, такъ какъ со времени публикаціи о пансіонѣ, съ января до конца іюля, поступило всего лишь 15 просьбъ о помѣщеніи въ пансіонъ въ число 120 вакансій".

Въ такомъ положеніи дѣла К. К. полагалъ болѣе осторожнымъ открытіе приготовительнаго пансіона и изданіе для него особаго положенія отсрочить впредь до времени, а между тѣмъ образовать въ Москвѣ коммиссію для изслѣдованія на мѣстѣ дѣйствительныхъ нуждъ заведенія, сообразно съ современными требованіями промышленности и техническаго образованія и имѣвшимися въ распоряженіи училища денежными средствами.

Государь Императоръ, 21 августа 1882 г., Высочайше соизволилъ на приведеніе этихъ предположеній К. К. Грота въ исполненіе [1]).

Насколько К. К. былъ предусмотрителенъ, видно, между прочимъ, также изъ слѣдующаго случая: опекун-

---

[1]) Собр. узак. Вѣд. учр. Императрицы Маріи, т. IV, № 193, стр. 225—226.

скій совѣтъ, разсмотрѣвъ проекты положенія и штата предположенныхъ къ *открытію новыхъ Маріинскихъ женскихъ училищъ* въ Пероградѣ, постановилъ поднести эти проекты на Высочайшее утвержденіе.

Константинъ Карловичъ, не участвовавъ въ обсужденіи въ совѣтѣ этихъ проектовъ, такъ какъ они разсматривались за нѣсколько дней до назначенія его главноуправляющимъ; тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ соглашался съ цѣлесообразностью проектированныхъ мѣропріятій, но призналъ, однако, что по новости дѣла было бы осторожнѣе не издавать первоначально полнаго устава, программъ и штата, а ограничиться, въ видѣ временной мѣры, опредѣленіемъ лишь основныхъ началъ, на коихъ должны были быть открыты, на первый разъ, одно или два училища въ Петроградѣ, а затѣмъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, приступить къ окончательной разработкѣ устава, программъ и штата, пользуясь указаніями опыта. Вмѣсто штата, К. К. нашелъ возможнымъ опредѣлить расходы училищъ временнымъ расписаніемъ. Затѣмъ К. К. полагалъ излишнимъ на первыхъ порахъ учреждать надъ училищами попечительство въ лицѣ почетнаго опекуна, а также должность начальника училищъ, возложивъ исполненіе обязанностей послѣдняго временно на особое лицо, по усмотрѣнію главноуправляющаго.

На приведеніе всѣхъ этихъ предположеній въ дѣйствіе воспослѣдовало 2 сентября 1882 г. Высочайшее соизволеніе [1]).

Торжественное освященіе и открытіе перваго Маріинскаго училища въ С.-Петербургѣ состоялось уже 14 ноября 1882 г., въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны. Второе Маріинское училище для приходящихъ дѣвицъ въ Петроградѣ открылось въ 1883 году [2]). Кромѣ того, 2 іюня 1884 г. К. К. испросилъ Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Вышневолоцкой Маріинской

---

[1]) Собр. узак. Вѣд. учр. Императрицы Маріи, т. IV, 1882 г., № 196, стр. 228—232.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 296, стр. 319—320.

женской гимназіи также въ „Маріинское училище для приходящихъ дѣвицъ“ [1]).

Однимъ изъ дѣлъ, сразу очень заинтересовавшихъ Константина Карловича, было предположеніе о *сооруженіи памятника въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Θеодоровны*. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ его отъ 14 окт. 1882 г. онъ писалъ: „Многосторонняя и неустанная благотворительная дѣятельность блаженныя памяти Императрицы Маріи Θеодоровны неизгладимо запечатлѣлась въ сердцахъ вѣрноподданныхъ. Память объ Императрицѣ Маріи, какъ образцѣ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, о подвигахъ Ея на пользу страждущаго человѣчества, о Ея неусыпномъ и мудромъ завѣдываніи созданными Ею благотворительными учрежденіями доселѣ свѣжа въ народномъ сознаніи“. Поэтому, вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ, самое существованіе котораго столь тѣсно связано со свѣтлымъ и славнымъ именемъ Императрицы, и узнавъ, что въ этомъ вѣдомствѣ уже возникала мысль о чествованіи Ея памяти видимымъ знакомъ народной благодарности къ Августѣйшей Благотворительницѣ, К. К. сперва испросилъ 14 окт. 1882 г. Высочайшее соизволеніе на подробную разработку въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи предположенія о сооруженіи памятника въ Бозѣ почившей Императрицы [2]), и затѣмъ 15 марта 1884 г. Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной подписки на сооруженіе памятника Государыни и на учрежденіе для сего особаго комитета при Соб. Е. И. В. Канцеляріи по учр. Императрицы Маріи. При этомъ Государю Императору угодно было возложить на К. К. Грота предсѣдательство въ этомъ комитетѣ [3]). Затѣмъ, 10 мая 1884 г. былъ Высочайше утвержденъ представленный К. К. Гротомъ списокъ членовъ этого комитета [4]).

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 405, стр. 453—455.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1882 г., № 205, стр. 237—238.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 371, стр. 412—414;
[4]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 390, стр. 440.

Благодаря принятымъ К. К. Гротомъ мѣрамъ былъ собранъ весьма значительный капиталъ на сооруженіе этого памятника, такъ что можно надѣяться, что памятникъ въ скоромъ времени будетъ поставленъ въ нашей столицѣ, по существующимъ предположеніямъ, передъ Смольнымъ институтомъ.

Кромѣ того, по мысли и почину К. К. Грота, впослѣдствіи былъ открытъ сборъ пожертвованій на сооруженіе еще другого памятника въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, именно въ ея любимомъ Павловскѣ, въ созданномъ ею Павловскомъ паркѣ.

Для осуществленія этого предположенія былъ образованъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота, не успѣвшаго однако окончательно наладить дѣло сооруженія этого памятника, но все-же собравшаго на это при своей жизни значительную сумму. [1]).

Особенно настойчиво К. К. заботился о *сокращеніи расходовъ* по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

Такъ, напримѣръ, изъ всеподданнѣйшаго доклада К. К. отъ 27 августа 1882 г. видно, что онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать сокращенія въ штатѣ Маріинской учительской семинаріи принца Петра Ольденбургскаго [2]).

Въ видахъ сбереженія расходовъ онъ испросилъ 2 сентября 1882 г. Высочайшее соизволеніе на временное соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей товарища главноуправляющаго Собственною Его Величества канцеляріею

---

[1]) Впослѣдствіи дѣло это было возобновлено и продолжено по почину и подъ высокимъ покровительствомъ Августѣйшаго Хозяина Павловска Великаго Князя Константина Константиновича — въ обновленномъ составѣ комитета, предсѣдательство въ которомъ было поручено племяннику К. К. Грота, К. Я. Гроту. Въ настоящее время (въ 1914 году) статуя для памятника уже изготовлена извѣстнымъ скульпторомъ, академикомъ В. А. Беклемишевымъ, построенъ красивый павиліонъ для нея—по проекту славнаго архитектора Росси, и въ близкомъ будущемъ состоится открытіе этого памятника въ Павловскомъ паркѣ, близъ Театральныхъ воротъ.

[2]) Собр. узак. Вѣд. учр. Императрицы Маріи, т. IV, 1882 г. № 149, стр. 226—227.

по учрежденіямъ Императрицы Маріи и управляющаго дѣлами этой канцеляріи [1]).

9 октября 1882 г. онъ нашелъ нужнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на прекращеніе отпуска изъ суммъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи ежегоднаго пособія обществу св. Нины [2]), не принадлежащему къ учрежденіямъ вѣдомства.

Особенно интересенъ всеподданнѣйшій докладъ Константина Карловича отъ 4 декабря 1882 г. спеціально по вопросу о сокращеніяхъ въ расходахъ по вѣдомству. Изъ этого доклада видно, что по проекту смѣты вѣдомства на 1883 годъ ожидалось расходовъ 11.719.000 руб., доходовъ лишь 11.397.000 руб., и слѣдовательно дефицита 322.000 р., при чемъ недостатокъ средствъ не составлялъ новаго явленія, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ сряду смѣты вѣдомства заключались дефицитами, достигавшими значительныхъ размѣровъ, и что такое положеніе дѣлъ отзывалось крайне неблагопріятно на всемъ строѣ учрежденій Императрицы Маріи.

Въ виду этого К. К. призналъ неотложно необходимымъ и существенно важнымъ изыскать способы къ возстановленію равновѣсія между доходами и расходами вѣдомства. По его распоряженіямъ разрабатывались предположенія какъ объ увеличеніи доходовъ вѣдомства путемъ развитія и улучшенія операціи выдѣлки и продажи игральныхъ картъ, составляющей монополію учрежденій Императрицы Маріи, и упорядоченія хозяйства въ доходныхъ имуществахъ вѣдомства, такъ и о возможномъ сокращеніи расходовъ при помощи благоразумной экономіи и улучшенныхъ способовъ веденія хозяйства, счетоводства и правильнаго контроля.

Но предпринятыя реформы, по важности ихъ задачи и сложности сопряженныхъ съ ними законодательныхъ работъ, не могли быть приведены къ окончанію въ ско-

---

[1]) Собр. узак. Вѣд. учр. Императрицы Маріи, т. IV, 1882 г., № 195, стр. 227—228.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1882 г., № 203, стр. 236.

ромъ времени. Между тѣмъ, К. К. призналъ безусловно необходимымъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы неизбѣжные расходы по содержанію учрежденій Императрицы Маріи въ теченіе 1883 года были покрыты безъ затраты капитальныхъ средствъ вѣдомства.

Въ этихъ видахъ К. К. предложилъ на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта рядъ предположеній о сокращеніяхъ въ расходной смѣтѣ на 1883 года, какъ-то—объ уменьшеніи суммы, опредѣленной на содержаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній въ преувеличенномъ, сравнительно съ другими, подобными же заведеніями, размѣрѣ и о сокращеніи на 25% суммы на выдачу по всему вѣдомству наградъ и пособій, объ обращеніи на удовлетвореніе общихъ нуждъ вѣдомства процентовъ съ суммъ, обращавшихся на текущемъ счету отдѣльныхъ учрежденій вѣдомства, о сокращеніи кредита, ассигнуемаго ежегодно на сверхсмѣтные расходы и нѣкоторые другіе предметы, въ томъ числѣ на выдачу прогонныхъ и суточныхъ денегъ, на типографскіе расходы и т. п., по которымъ возможны были сбереженія безъ ущерба для дѣла. Кромѣ того, предполагалось предложить на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта вопросъ объ уменьшеніи общей суммы, ассигнуемой по штату на содержаніе Собственной Его Величества канцеляріи и состоящихъ при ней учрежденій и лицъ. Въ случаѣ одобренія со стороны опекунскаго совѣта предположенныхъ мѣропріятій, можно было надѣяться на значительное уменьшеніе смѣтнаго дефицита.

Но кромѣ того К. К. призналъ необходимою еще слѣдующую мѣру: предоставить опекунскому совѣту, при обсужденіи смѣтныхъ росписаній на 1883 годъ, входить въ ближайшее разсмотрѣніе размѣровъ и необходимости и такихъ кредитовъ, за исключеніемъ относившихся до личнаго состава, которые, хотя и были основаны на Высочайше утвержденныхъ штатахъ и отдѣльныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, могли однако, при ближайшемъ обсужденіи обстоятельствъ и финансоваго положенія вѣдомства, безъ ущерба для дѣла, подлежать измѣненію и сокращенію. При этомъ предполагалось, что ближай-

шія соображенія опекунскаго совѣта о сокращеніяхъ въ расходахъ этого рода должны были быть повергнуты впослѣдствіи, вмѣстѣ съ проектомъ смѣты, на Высочайшее благоусмотрѣніе.

На все вышеизложенное воспослѣдовало 4 декабря 1882 г. Высочайшее соизволеніе [1]).

На этомъ основаніи смѣта вѣдомства на 1883 годъ была подробно разсмотрѣна предварительно въ особой комиссіи, а потомъ въ соединенномъ присутствіи опекунскаго совѣта, и бюджетъ вѣдомства былъ заключенъ *безъ дефицита* [2]).

Затѣмъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 31 января 1883 г., К. К., представивъ Государю Императору смѣту доходовъ и расходовъ на 1883 годъ попечительнаго совѣта и подвѣдомственныхъ ему заведеній общественнаго призрѣнія въ Петроградѣ (принадлежавшихъ въ то время также къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи), доложилъ, что, въ виду совершенной недостаточности имѣвшихся въ распоряженіи попечительнаго совѣта денежныхъ средствъ для поддержанія подвѣдомыхъ ему учрежденій въ должномъ порядкѣ и вообще для удовлетворенія потребностямъ общественнаго призрѣнія въ Петроградѣ, онъ полагалъ бы необходимымъ неотложно принять рѣшительныя мѣры для передачи больницъ попечительнаго совѣта въ завѣдываніе петроградскаго городского общественнаго управленія, по каковому предмету имъ уже сдѣлано было сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и предполагалось внести въ государственный совѣтъ [3]). Вслѣдствіе сего, черезъ нѣкоторое время большинство петроградскихъ больницъ было передано въ завѣдываніе городского общественнаго управленія.

Благодаря постояннымъ и настойчивымъ заботамъ К. К. Грота о сокращеніи расходовъ и увеличеніи доходовъ, онъ имѣлъ возможность также и при представле-

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1882 г., № 220, стр. 250—252.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 233, стр. 264—276.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 232, стр. 263.

*

нія на Высочайшее утвержденіе смѣты вѣдомства на 1884 годъ доложить Государю Императору, что бюджетъ вѣдомства былъ заключенъ *безъ дефицита* [1]).

Смѣта на 1885 годъ представляла уже вполнѣ благопріятный результатъ: за удовлетвореніемъ всѣхъ предусмотрѣнныхъ штатами и другими распоряженіями расходовъ оказался *избытокъ* ожидавшагося поступленія, противъ предположенныхъ расходовъ, на 367.000 р. Такой удовлетворительный бюджетъ объяснялся прежде всего тѣми мѣрами, которыя съ 1882 года принимались К. К. Гротомъ и опекунскимъ совѣтомъ къ поднятію доходовъ вѣдомства и къ сокращенію расходовъ [2]).

10 марта 1883 года К. К., съ предварительнаго согласія Государыни Императрицы, испросилъ Высочайшее соизволеніе на перечисленіе основаннаго имъ *Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ,* со всѣми его учрежденіями, изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ по этому дѣлу К. К. объяснилъ, что основаніемъ къ этому ходатайству служило, между прочимъ, то соображеніе, что учрежденія, открытыя попечительствомъ и предположенныя къ открытію, по духу, характеру и человѣколюбивымъ цѣлямъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ учрежденіямъ, носящимъ имя незабвенной Основательницы вѣдомства, Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3]).

Впослѣдствіи, по ходатайству К. К. Грота, Маріинскому попечительству для призрѣнія слѣпыхъ, основанному имъ въ память Императрицы Маріи Александровны, было присвоено, съ Высочайшаго соизволенія, наименованіе „Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ“.

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 349, стр. 375—377.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 491, стр. 560—562.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 243, стр. 274.

Въ декабрѣ 1882 г. инспекторъ по медицинской части петроградскихъ учрежденій Императрицы Маріи, тайный совѣтникъ Фробенъ вышелъ въ отставку. Но К. К. оставилъ означенную должность временно незамѣщенною, признавъ необходимымъ выяснить общій *вопросъ о порядкѣ высшаго медицинскаго надзора въ учрежденіяхъ вѣдомства Императрицы Маріи.* Для этой цѣли онъ тогда же учредилъ особую комиссію изъ опытныхъ врачей, подъ предсѣдательствомъ почетнаго опекуна, тайн. сов. А. К. Пфеля [1]).

По окончаніи занятій этой комиссіи, ею были представлены К. К. Гроту предположенія о новомъ устройствѣ высшаго медицинскаго по вѣдомству надзора, и на основаніи этихъ предположеній комиссіи было выработано положеніе объ инспекторѣ по медицинской части по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Высочайше утвержденное 7 іюля 1883 г.

Главнѣйшія измѣненія противъ существовавшаго порядка медицинскаго надзора, по новому положенію, заключались въ слѣдующемъ:

1) должность особаго медицинскаго инспектора для московскихъ учрежденій была упразднена и взамѣнъ того расширенъ кругъ обязанностей инспектора петроградскихъ учрежденій, на обязанности котораго возложена, по мѣрѣ надобности, также личная ревизія въ медицинскомъ отношеніи и московскихъ учрежденій;

2) для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ, касающихся медицинскаго и санитарнаго порядка въ заведеніяхъ вѣдомства, при инспекторѣ и подъ его предсѣдательствомъ учреждено особое „врачебное совѣщаніе“, состоящее, кромѣ предсѣдателя, изъ девяти членовъ, избираемыхъ главноуправляющимъ на 3 года изъ числа главныхъ и старшихъ врачей вѣдомства, а также нѣсколькихъ постороннихъ врачей [2]).

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 245, стр. 275—276.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 281, стр. 303—309.

При ближайшемъ ознакомленіи К. К. Грота съ больницами вѣдомства, онъ убѣдился, что одна изъ нихъ— *Московская дѣтская больница*, въ виду совершенной ветхости зданія этой больницы и различныхъ недостатковъ въ ея устройствѣ, рѣшительно не могла выполнять своей задачи по врачеванію дѣтей, за невозможностью устранить препятствовавшія тому неблагопріятныя условія, какъ по мѣстности, вредной для здоровья, такъ и по расположенію помѣщеній для заразительныхъ больныхъ.

Поэтому въ 1 день сентября 1883 г. К. К. Гротомъ было испрошено Высочайшее соизволеніе на временное прекращеніе пріема больныхъ въ Московскую дѣтскую больницу и на оставленіе въ дѣйствіи только амбулаторнаго отдѣленія, впредь до постройки новаго больничнаго зданія [1]), которая впослѣдствіи и была осуществлена.

Вслѣдъ за этимъ, въ виду неудовлетворительнаго въ то время состоянія *больницы Всѣхъ Скорбящихъ*, было испрошено К. К. Гротомъ, 15 декабря 1883 г., Высочайшее соизволеніе на измѣненіе управленія этою больницею, при чемъ была упразднена существовавшая при ней контора, и были учреждены должности директора, двухъ старшихъ врачей и четырехъ врачей-ассистентовъ [2]).

24 марта 1884 г. К. К. испросилъ, между прочимъ, Высочайшее соизволеніе на допущеніе женщинъ-врачей для исполненія обязанностей врачей-ассистентовъ или младшихъ ординаторовъ въ женскихъ отдѣленіяхъ въ *больницахъ Всѣхъ Скорбящихъ и св. Николая Чудотворца* [3]).

Признавъ также состояніе *Петроградскаго училища глухонѣмыхъ* неудовлетворительнымъ, К. К. нашелъ необходимымъ приступить къ переустройству этого училища на новыхъ началахъ, по образцу лучшихъ заграничныхъ

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 297, стр. 320.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 328, стр. 347—348.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 374, стр. 415—416.

заведеній этого рода, въ которыхъ съ успѣхомъ практикуется обученіе глухонѣмыхъ посредствомъ устной рѣчи.

Такъ какъ этотъ способъ обученія глухонѣмыхъ въ то время въ Россіи представлялся дѣломъ еще мало извѣстнымъ и труднымъ по своей специальности, по неимѣнію подготовленныхъ для того руководителей, то К. К. призналъ полезнымъ избрать и командировать за границу для изученія этого дѣла нѣсколько лицъ, и въ томъ числѣ лицо, которое могло бы впослѣдствіи занять должность директора Петроградскаго училища глухонѣмыхъ, по изученіи новѣйшей методы преподаванія устной рѣчи, пріемовъ обученія глухонѣмыхъ дѣтей и способа обращенія съ глухонѣмыми, а равно управленія такого рода заведеніемъ. Въ этихъ видахъ на должность директора училища глухонѣмыхъ былъ избранъ К. К. Гротомъ инспекторъ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, ст. сов. Гавеніусъ, который и былъ командированъ имъ за границу лѣтомъ 1883 года [1]).

Въ то же время, въ виду предстоявшаго переустройства Петроградскаго училища глухонѣмыхъ на новыхъ началахъ, посредствомъ постепеннаго упраздненія существовавшаго заведенія и открытія новаго училища въ особомъ зданіи, которое К. К. Гротъ предполагалъ построить для него, дальнѣйшій пріемъ дѣтей въ существовавшее училище глухонѣмыхъ былъ временно пріостановленъ [2]).

Въ 1884 году, въ виду предстоявшаго возвращенія изъ за границы лицъ, командированныхъ для изученія методовъ обученія глухонѣмыхъ дѣтей и предназначенныхъ къ занятію должностей директора и наставниковъ въ училищѣ, былъ опять возобновленъ К. К. Гротомъ, для начала преобразованія училища, пріемъ дѣтей, при чемъ возрастъ для поступленія дѣтей въ училище былъ опредѣленъ (вмѣсто 9—12 лѣтъ) отъ 7 до 9 лѣтъ [3]).

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 254, стр. 282—283.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV. 1883 г., № 259, стр. 287.

[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 370, стр. 412.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада 20 мая 1883 г. видно, между прочимъ, что К. К. Гротомъ было признано полезнымъ рекомендовать мѣстнымъ начальствамъ женскихъ институтовъ, въ лѣтнее вакаціонное время, упражнять воспитанницъ выпускныхъ классовъ на общихъ кухняхъ, подъ надзоромъ классной дамы и подъ руководствомъ кухарки или повара, въ *приготовленіи кушаній и въ веденіи кухоннаго домашняго хозяйства* [1]).

22 іюня 1884 г. К. К. испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при Павловскомъ институтѣ въ Петроградѣ *спеціальнаго педагогическаго курса* [2]).

—

Въ 1883 году К. К. Гротъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на то обстоятельство, что съ 1862 года государственная роспись ежегодно *публикуется во всеобщее свѣдѣніе,* смѣта же о приходѣ и расходѣ суммъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи до 1883 года не считалась подлежащею оглашенію. Между тѣмъ К. К. полагалъ, что бюджетъ этого вѣдомства, хотя и не составлялся до 1883 года съ тою обстоятельностью, какъ государственная роспись, вслѣдствіе непримѣненія къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи правилъ этой росписи, тѣмъ не менѣе даетъ полное понятіе о доходахъ и расходахъ, а потому какъ смѣты, такъ и отчеты вѣдомства могутъ быть публикуемы, тѣмъ болѣе, что означенныя свѣдѣнія, по своему содержанію и разнообразію, представляютъ немалый интересъ, какъ для нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій, такъ и для публики. Въ виду сего К. К. испросилъ 11 іюня 1883 г. Высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ извлеченія изъ смѣты вѣдомства на 1883 годъ.

Съ того времени извлеченія изъ смѣты вѣдомства публикуется въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ ежегодно.

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 257, стр. 285—286.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 407, стр. 458—462.

При назначеніи лѣтомъ 1882 года сенатора *П. А. Маркова товарищемъ главноуправляющаго* Соб. Е. И. В. Канцеляріею по учр. Императрицы Маріи, въ видахъ сбереженія расходовъ. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на соединеніе обязанностей товарища главноуправляющаго и управляющаго дѣлами канцеляріи въ одномъ лицѣ. Однако, впослѣдствіи опытъ показалъ, что, при множествѣ внѣшнихъ обязанностей, лежащихъ на главноуправляющемъ, и при значительномъ числѣ выходящихъ изъ ряда текущихъ дѣлъ законодательныхъ работъ, возложенныхъ на канцелярію, одно лицо не въ состояніи, безъ ущерба для дѣла, совмѣстить въ себѣ должности товарища главноуправляющаго и управляющаго дѣлами.

Поэтому, по случаю назначенія сенатора Маркова въ іюнѣ 1883 г. товарищемъ министра юстиціи, К. К. Гротъ испросилъ 11 іюня 1883 г. Высочайшее соизволеніе на раздѣленіе вновь на прежнемъ основаніи помянутыхъ двухъ должностей [1]). Вмѣсто сенатора Маркова на должность товарища главноуправляющаго въ 1883 году назначенъ былъ сенаторъ, тайн. сов. Н. Н. Герардъ.

7 іюля 1883 г. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе главноуправляющаго Соб. Е. И. В. Канцеляріею по учр. Императрицы Маріи *предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петроградѣ*, а товарища главноуправляющаго—членомъ этого совѣта [2]).

Въ числѣ заведеній, подвѣдомственныхъ Петроградскому попечительному совѣту, находились главнѣйшія больницы столицы: Обуховская, Александровская, Калинкинская, Петропавловская, св. Маріи Магдалины и св. Николая Чудотворца. Между тѣмъ инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ числѣ членовъ совѣта не состоялъ. Поэтому К. К. Гротъ испросилъ 3 ноября 1883 г. Высочайшее

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 270, стр. 295—296.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 282, стр. 209—210.

соизволеніе на включеніе инспектора по медицинской части вѣдомства въ число постоянныхъ членовъ попечительнаго совѣта [1]).

Впрочемъ, во исполненіе Высочайшей воли, К. К. Гротъ уже въ первой половинѣ 1884 года внесъ въ государственный совѣтъ представленіе о передачѣ больницъ Петроградскаго попечительнаго совѣта въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія.

Воспослѣдовавшее по этому дѣлу мнѣніе общаго собранія государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 5 іюня 1884 г. Согласно этому Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, состоявшія въ завѣдываніи попечительнаго совѣта больницы Обуховская съ фельдшерскою школою, Александровская для рабочаго населенія, Калинкинская съ Суворовскимъ при ней училищемъ и лѣчебницею для приходящихъ, Петропавловская, св. Маріи Магдалины и св. Николая Чудотворца, а также городская богадѣльня—были переданы въ вѣдѣніе Петроградскаго городского общественнаго управленія [2]).

Затѣмъ, по Высочайше утвержденному 29 января 1885 г. мнѣнію государственнаго совѣта, попечительный совѣтъ заведеній общественнаго призрѣнія въ Петроградѣ и канцелярія этого совѣта были упразднены, а состоявшія въ завѣдываніи названнаго совѣта больница св. Ольги, богадѣльня Цесаревича Николая Александровича и Волковская богадѣльня были оставлены въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи, и все дѣлопроизводство попечительнаго совѣта было передано въ Соб. Е. И. В. канцелярію учр. Императрицы Маріи [3]).

---

31 декабря 1883 г. К. К. Гротъ представилъ на Высочайшее утвержденіе вновь выработанныя положеніе и штатъ *Маріинской учительской семинаріи Принца Петра*

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 314, стр. 334—335.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 406, стр. 455—458.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 453, стр. 526—528.

Ольденбургскаго въ гор. Павловскѣ. По этому новому Положенію семинарія была переустроена на болѣе простыхъ основаніяхъ, и по новому штату сумма ежегодныхъ расходовъ по этому заведенію уменьшилась на 11.688 р. [1]).

30 января 1884 г. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на освобожденіе генералъ-губернаторовъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго краевъ отъ попечительства надъ тамошними *женскими гимназіями* вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, на возложеніе попечительства надъ ними на мѣстныхъ губернаторовъ и на упраздненіе должности инспектора женскихъ гимназій Сѣверо- и Юго-Западныхъ краевъ [2]).

Въ виду неудовлетворительности дѣйствовавшихъ съ 1864 года въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи *смѣтныхъ правилъ,* по почину К. К. Грота, было приступлено къ разработкѣ особою комиссіею вопросовъ, касавшихся измѣненія дѣйствовавшихъ въ вѣдомствѣ смѣтныхъ правилъ и контрольнаго надзора [3]). Въ виду безспорной удовлетворительности результатовъ, достигнутыхъ въ государственномъ хозяйствѣ введеніемъ смѣтной системы, при составленіи новыхъ смѣтныхъ правилъ обще-государственный смѣтный порядокъ былъ примѣненъ и къ учрежденіямъ вѣдомства по возможности полнѣе, съ тѣми лишь отступленіями отъ этого порядка, которыя вызывались обособленнымъ положеніемъ вѣдомства въ ряду учрежденій имперіи и сравнительно меньшимъ объемомъ его хозяйства. Опекунскій совѣтъ одобрилъ выработанный проектъ новыхъ смѣтныхъ правилъ.

Донося о семъ Государю Императору, К. К. Гротъ 30 января 1884 г. доложилъ Его Императорскому Величеству, что всѣ постановленія опекунскаго совѣта по этому

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1883 г., № 334, стр. 352—359.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884, № 350, стр. 377—379.

[3]) Собр. узак. Вѣд. учр. Имп. Маріи, т. IV, 1884 г., № 352, стр. 380—397.

дѣлу состоялись единогласно, за исключеніемъ одного, касавшагося весьма существеннаго вопроса—о правѣ заведеній вѣдомства на отчисленіе экономическихъ остатковъ отъ хозяйственныхъ статей въ свободные рессурсы тѣхъ заведеній, въ которыхъ такіе остатки образовались.

Большинство членовъ (17 почетныхъ опекуновъ) находили, что въ случаѣ образованія въ какомъ-либо заведеніи остатковъ отъ кредитовъ, нормами опредѣленныхъ, они считались бы въ теченіе четырехъ лѣтъ рессурсами этого заведенія, а затѣмъ по истеченіи означеннаго срока, неизрасходованная сумма остатковъ поступала бы въ общіе рессурсы вѣдомства.

Меньшинство (5 членовъ, къ которымъ присоединился предсѣдатель опекунскаго совѣта К. К. Гротъ) находило, что всѣ могущіе образоваться остатки отъ смѣтныхъ ассигнованій должны поступать въ свободные рессурсы вѣдомства, при чемъ изъ этого правила допускается изъятіе только въ отношеніи суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе личнаго состава управленій и на канцелярскіе припасы.

Присоединившись къ мнѣнію меньшинства членовъ опекунскаго совѣта и находя его, съ своей стороны, не только единственно согласнымъ съ основными началами смѣтной системы, но и безусловно необходимымъ въ видахъ пользы дѣла и упорядоченія хозяйства въ заведеніяхъ вѣдомства, К. К. Гротъ тѣмъ не менѣе не рѣшился повергнуть это разномысліе на Высочайшее благоусмотрѣніе, не провѣривъ своего мнѣнія предварительно заключеніемъ государственнаго контролера, который, по мнѣнію К. К. Грота, болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ возможность усвоить себѣ коренныя начала государственной смѣтной системы и оцѣнить ея достоинства.

Въ этихъ видахъ К. К. сообщилъ государственному контролеру, статсъ-секретарю Сольскому журналъ опекунскаго совѣта, въ которомъ были изложены различныя мнѣнія по спорному вопросу, съ просьбою сообщить свое заключеніе о томъ, насколько проектированная большинствомъ членовъ мѣра о предоставленіи въ распоряженіе

каждаго учрежденія вѣдомства остатковъ отъ ассигнованныхъ ему смѣтныхъ кредитовъ можетъ быть согласована съ коренными началами обще-государственной смѣтной системы, и можетъ ли такое изъятіе изъ этихъ началъ быть оправдываемо особенностями вѣдомства Императрицы Маріи и тѣми соображеніями, которыя были изложены въ мнѣніи большинства.

Въ отвѣтъ на это статсъ-секретарь Сольскій увѣдомилъ, что составленный проектъ смѣтныхъ правилъ вѣдомства представлялся болѣе строго согласованнымъ съ коренными началами послѣдней реформы государственной отчетности, нежели смѣтныя правила государственнаго казначейства, въ которыхъ допущены были нѣкоторыя временныя изъятія, объ отмѣнѣ коихъ уже были возбуждены вопросы, и что стройность и логичность системы была бы совершенно нарушена введеніемъ проектированнаго большинствомъ членовъ опекунскаго совѣта правила о предоставленіи остатковъ отъ смѣтныхъ кредитовъ въ распоряженіе каждаго учрежденія въ отдѣльности. Кромѣ формальнаго несогласія съ коренными началами всякой раціональной смѣтной системы, мѣра эта, въ случаѣ безусловнаго предоставленія остатковъ отъ нормированныхъ смѣтныхъ кредитовъ въ распоряженіе отдѣльныхъ учрежденій, вполнѣ парализовала бы всѣ выгоды проектированной смѣтной реформы и была бы несогласною съ интересами вѣдомства.

Въ случаѣ же предоставленія опекунскому совѣту, по его усмотрѣнію, удовлетворять и отказывать въ ходатайствѣ отдѣльныхъ учрежденій объ употребленіи на тотъ или другой предметъ образовавшихся остатковъ, право отдѣльныхъ учрежденій вѣдомства на ихъ остатки существовало бы лишь на бумагѣ, безполезно затрудняя счетоводство по учету ихъ свободныхъ рессурсовъ. По этимъ соображеніямъ государственный контролеръ призналъ редакцію смѣтныхъ правилъ, предложенную меньшинствомъ опекунскаго совѣта, не только болѣе правильною, но и болѣе согласною съ интересами вѣдомства.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ К. К. Грота по этому

дѣлу Государю Императору благоугодно было 30 января 1884 г. написать Собственноручно слѣдующую Высочайшую резолюцію: „Понимая вполнѣ желаніе гг. почетныхъ опекуновъ удержать при завѣдуемыхъ ими заведеніяхъ экономическіе остатки въ пользу своихъ заведеній, *не могу согласиться* съ мнѣніемъ большинства, и поэтому *исполнить по мнѣнію шести членовъ*".

Такимъ образомъ смѣтныя правила вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи были Высочайше утверждены 30 января 1884 г. именно въ той редакціи, которая была предложена К. К. Гротомъ, и было установлено то весьма важное правило, что всѣ могущіе образоваться остатки отъ смѣтныхъ ассигнованій поступаютъ въ свободные рессурсы вѣдомства, при чемъ изъ этого правила допущено изъятіе только въ отношеніи суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе личнаго состава управленій и на канцелярскіе припасы [1]).

Озабочиваясь мѣрами къ возможному улучшенію стола воспитанницъ *закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній,* К. К. Гротъ испросилъ 4 февраля 1884 г. Высочайшее соизволеніе на прибавку по одной копѣйкѣ въ сутки на каждое лицо и на увеличеніе кредита по пищевой статьѣ на 28.000 р. [2]).

Въ тотъ же день К. К. испросилъ Высочайшее соизволеніе на увеличеніе комплекта слушательницъ въ *Повивальномъ институтѣ при Московскомъ Родовспомогательномъ заведеніи* съ 250 до 275 [3]).

---

29 марта 1884 г. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на разныя измѣненія въ *штатѣ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учр. Императрицы Маріи.* Измѣненія эти заключались, между прочимъ, въ умень-

---

[1]) Собр. узак. Вѣд. учр. Имп. Маріи, т. IV, 1884 г., № 352, стр. 380—397.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 354, стр. 399.

[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 356, стр. 401.

шенія числа помощниковъ старшихъ чиновниковъ съ 7 до 5, и въ увеличеніи числа младшихъ чиновниковъ съ 7 до 9.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу К. К. высказалъ, что правильное устройство канцеляріи требовало привлеченія къ ней молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, которые въ ней же начинали бы свою службу и изъ числа которыхъ преимущественно дѣлались бы послѣдующія назначенія на штатныя по канцеляріи должности. Кромѣ того К. К. Гротъ призналъ нужнымъ устроить правильную и постоянную инспекцію за входящими въ составъ вѣдомства различными учрежденіями. По этому образовавшіяся отъ разныхъ измѣненій въ штатѣ канцеляріи сбереженія въ 8.200 р., впредь до образованія постоянной инспекціи, были предоставлены въ распоряженіе главноуправляющаго, для распредѣленія между тѣми чиновниками канцеляріи, на которыхъ будутъ возложены обязанности ревизоровъ по учрежденіямъ вѣдомства [1]).

Въ 1884 году К. К. Гротъ представилъ Государю Императору подробный докладъ, въ которомъ изложилъ свои соображенія, по которымъ онъ признавалъ цѣлесообразнымъ упразднить *Московское присутствіе опекунскаго совѣта.* Въ этихъ видахъ К. К. испросилъ 20 апрѣля 1884 г. Высочайшее соизволеніе на образованіе, подъ его предсѣдательствомъ, особой комиссіи, составленной изъ почетныхъ опекуновъ (въ числѣ трехъ отъ Петроградскаго и трехъ отъ Московскаго присутствія) и товарища главноуправляющаго, для разсмотрѣнія вопроса объ упраздненіи Московскаго присутствія опекунскаго совѣта не только въ принципѣ и по существу дѣла, но и во всѣхъ подробностяхъ относительно способа и порядка приведенія этого предположенія въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи возложенныхъ на комиссію

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 377, стр. 418—422.

занятій, труды ея были представлены главноуправляющимъ на Высочайшее воззрѣніе [1]).

По случаю приближенія лѣтняго вакантнаго для засѣданій опекунскаго совѣта времени. К. К. Гротъ испросилъ 10 мая 1884 г. Высочайшее соизволеніе на отсрочку открытія означенной комиссіи до осени 1884 года [2]).

Между тѣмъ, осенью 1884 года К. К. Гротъ оставилъ должность главноуправляющаго, вслѣдствіе чего предположеніе его объ упраздненіи Московскаго присутствія опекунскаго совѣта не было осуществлено.

---

10 мая 1884 г. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при петроградскихъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи. сверхъ существовавшихъ шести должностей *врачей-консультантовъ*, еще пяти такихъ новыхъ должностей [3]).

Въ тотъ же день Государь Императоръ утвердилъ представленныя К. К. Гротомъ правила о *порядкѣ управленія заведеніями вѣдомства Императрицы Маріи* во время отпусковъ почетныхъ опекуновъ въ каникулярное время [4]).

---

6 іюля 1884 г. К. К. Гротъ представилъ Государю Императору подробный докладъ по вопросу *о правахъ главноуправляющаго* Соб. Е. И. В. канцеляріею по учр. Имп. Маріи по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ, управляемымъ почетными опекунами. Этотъ докладъ явился послѣдствіемъ весьма серьёзнаго разногласія, возникшаго между К. К. Гротомъ, какъ главноуправляющимъ, съ одной стороны, и предсѣдательствовавшимъ въ Московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта, почетнымъ опекуномъ, адмираломъ Унковскимъ, съ другой стороны. Въ этомъ докладѣ К. К. Гротъ высказалъ, между прочимъ: 1) что главноуправляющій, какъ это су-

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 382, стр. 425—434.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 397, стр. 448.
[3]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 394, стр. 443—444.
[4]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 395, стр. 444—446.

ществовало до сихъ поръ и на практикѣ, не можетъ быть лишенъ права собирать свѣдѣнія и дѣлать дознанія во всѣхъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, въ томъ числѣ и управляемыхъ почетными опекунами, по мѣрѣ могущей встрѣтиться въ томъ надобности, и 2) что на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе должны быть повергаемы лишь тѣ ходатайства и представленія почетныхъ опекуновъ, которыя по существу своему требуютъ Высочайшаго разрѣшенія или заслуживаютъ Высочайшаго вниманія и обставлены всѣми нужными для того данными и свѣдѣніями.

Государю Императору угодно было 6 іюля 1884 г. Высочайше утвердить этотъ докладъ К. К. Грота [1]).

---

6 іюля 1884 г. былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе *новый уставъ дома Императрицы Александры Θеодоровны для призрѣнія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ.* Этимъ новымъ уставомъ названный домъ для призрѣнія бѣдныхъ былъ поставленъ въ болѣе независимое положеніе, чѣмъ онъ до того времени былъ, въ отношеніи опекунскаго совѣта. При этомъ Государынѣ Императрицѣ угодно было принять это заведеніе подъ ближайшее Свое покровительство.

Главное наблюденіе надъ домомъ возложено на попечителя. Для управленія заведеніемъ учрежденъ комитетъ, состоящій изъ четырехъ членовъ, изъ коихъ одинъ — изъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Императрицы Маріи, — по избранію главноуправляющаго. Этотъ членъ, командируемый главноуправляющимъ, считается постояннымъ и непремѣннымъ членомъ. Дѣла, требующія Высочайшаго утвержденія, восходятъ до Ихъ Императорскихъ Величествъ чрезъ главноуправляющаго.

---

6 іюля 1884 г. К. К. Гротъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при *С.-Петербургской Маріин-*

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 411, стр. 464—469.

[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 412, стр. 469—482.

ской больницѣ должности старшаго врача, завѣдывающаго хирургическимъ отдѣленіемъ, и восьми должностей врачей-ассистентовъ, и на порученіе почетному опекуну, управлявшему больницею, озаботиться составленіемъ проекта новаго устава больницы со штатомъ, съ расширеніемъ самостоятельности и отвѣтственности, въ медицинскомъ отношеніи, врачей, завѣдывающихъ отдѣленіями [1]).

---

6 іюля 1884 г. К. К. Гротъ представилъ Государю Императору еще одинъ весьма подробный докладъ *о правахъ главноуправляющаго по отношенію къ сбору съ увеселеній.* Изъ этого доклада видно, что совершенно незначительный по существу частный вопросъ (ходатайство германскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ о возвратѣ ему 275 р., которые были взысканы съ него за два благотворительныхъ концерта въ видѣ сбора съ увеселеній въ пользу воспитательныхъ домовъ) послужилъ поводомъ къ рѣзкому разногласію между главноуправляющимъ съ одной стороны и Московскимъ присутствіемъ опекунскаго совѣта (и особенно предсѣдательствовавшимъ въ этомъ присутствіи, почетнымъ опекуномъ, адмираломъ Унковскимъ) съ другой стороны.

Изъ этого доклада, между прочимъ, видно также, что К. К. Гротъ обратилъ особенное вниманіе на сборъ съ публичныхъ увеселеній, какъ весьма важный источникъ доходовъ вѣдомства Императрицы Маріи. Въ этомъ докладѣ К. К. Гротъ доложилъ, между прочимъ, Государю Императору слѣдующее:

„Хотя воспитательнымъ домамъ и предоставлено право полученія $^1/_4$ части изъ сбора съ публичныхъ увеселеній, но осуществленіе этого права издавна уже встрѣчало затрудненія по несомнѣнной обременительности узаконеннаго размѣра помянутаго сбора, вслѣдствіе чего практически установились болѣе умѣренные, основанные на личныхъ соображеніяхъ сборщиковъ, размѣры этого сбора“. Поэтому въ главномъ управленіи вѣдом-

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 414, стр. 483—488.

ства учрежденій Императрицы Маріи уже было приступлено къ разработкѣ подробныхъ правилъ объ этомъ сборѣ. Съ своей стороны, вполнѣ признавая необходимость установленія надлежащихъ правилъ о сборѣ съ публичныхъ увеселеній въ пользу воспитательныхъ домовъ и сознавая, что правила эти могутъ быть изданы лишь законодательнымъ порядкомъ, К. К. Гротъ находилъ, что впредь до изданія такихъ правилъ, встрѣчающіеся частные случаи подлежатъ разрѣшенію въ административномъ порядкѣ, безъ внесенія на разсмотрѣніе опекунскаго совѣта. Государь Императоръ, 6 іюля 1884 г. Высочайше на сіе соизволилъ [1]).

Въ іюлѣ 1884 г. К. К. Гротъ уѣхалъ за границу. Вернувшись въ концѣ сентября того же года въ Петроградъ, онъ представилъ Государю Императору въ началѣ октября прошеніе объ *увольненіи* его, по разстроенному здоровью, отъ должности главноуправляющаго. Государь Императоръ, высказавъ Свое сожалѣніе, Всемилостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе этой просьбы, и въ то же время товарищъ главноуправляющаго, сенаторъ Н. Н. Герардъ былъ Высочайше назначенъ временно исправляющимъ должность главноуправляющаго.

Затѣмъ въ декабрѣ 1884 г. Государю Императору угодно было поручить К. К. Гроту составить и представить Его Величеству записку о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя, по его мнѣнію, цѣлесообразно было бы сдѣлать въ порядкѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи.

Во исполненіе такой Монаршей воли, К. К. Гротъ поднесъ 24 декабря 1884 года на Высочайшее благоусмотрѣніе весьма подробную записку о необходимыхъ по его мнѣнію измѣненіяхъ въ порядкѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи. Рекомендуемыя К. К. Гротомъ измѣненія были изложены въ нижеслѣдующемъ заключеніи всеподданнѣйшей его записки [2]).

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 415, стр. 488—490.

[2]) Собр. узак. Вѣд. учр. Имп. Маріи, 1884 г., № 448, стр. 517—523.

*

„Основываясь на опытѣ, пріобрѣтенномъ мною во время нахожденія моего главноуправляющимъ Собственною Вашего Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, я полагалъ бы, что измѣненія не только желательны, но даже необходимы для блага учрежденій вѣдомства. Но, не имѣя въ виду Высочайшихъ указаній о томъ, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ Ваше Величество признавали бы наиболѣе полезнымъ выполнить означенныя измѣненія, не считаю себя въ правѣ утруждать Ваше Величество подробными соображеніями по сему предмету и ограничусь лишь изложеніемъ главныхъ началъ тѣхъ двухъ способовъ, которыми, по моему мнѣнію, управленіе учрежденіями Императрицы Маріи могло бы быть приведено въ лучшее и болѣе цѣлесообразное устройство:

I) Если Вашему Императорскому Величеству и Государынѣ Императрицѣ угодно возвратиться или приблизиться къ той системѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, которая существовала при покойной Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и послѣ Ея кончины почти до 1860 года, т. е. чтобы Ея Величество соизволила принять на Себя не только Августѣйшее покровительство, но и главное начальство надъ заведеніями, то для этого, прежде всего, было бы необходимо значительно сократить группу заведеній, которыя должны бы остаться въ составѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Только при этомъ послѣднемъ условіи было бы возможно, чтобы всѣ дѣла по заведеніямъ непосредственно докладывались Государынѣ Императрицѣ и чтобы распоряженія по онымъ исходили прямо отъ лица Ея Величества.

Въ такомъ случаѣ для доклада дѣлъ вѣдомства было бы нужно возобновить должность особаго статсъ-секретаря по дѣламъ учрежденій Императрицы Маріи, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ бы быть и управляющимъ дѣлами Собственною Вашего Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, а должность главноуправляющаго подлежала бы упраздненію. Придерживаясь той же системы, мѣстное

управленіе заведеніями должно бы состоять изъ отвѣтственныхъ коронныхъ чиновъ, которые, находясь въ вѣдѣніи Собственной канцеляріи Вашего Величества, управляли бы самостоятельно каждымъ заведеніемъ, подобно тому, какъ это сохранилось и по сіе время въ тѣхъ заведеніяхъ, которыми завѣдуютъ одноличио почетные опекуны, а не совѣты, какъ-то: воспитательные дома, сиротскіе институты, вдовьи дома и нѣкоторыя больницы. Затѣмъ, почетные опекуны, сохраняя свое почетное званіе и сопряженныя съ онымъ преимущества, остались бы, на прежнемъ основаніи, членами опекунскаго совѣта и могли бы имѣть попеченіе (но безъ непосредственнаго управленія) объ отдѣльныхъ частяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Московское присутствіе опекунскаго совѣта, съ состоящею при немъ канцеляріею и контрольнымъ отдѣленіемъ, слѣдовало бы упразднить, а С.-Петербургское присутствіе сохранить въ настоящемъ его видѣ для всѣхъ дѣлъ вѣдомства, сь предоставленіемъ оному совѣщательной власти по вопросамъ законодательнымъ и по тѣмъ дѣламъ, которыя Вашему Величеству угодно будетъ повелѣть передать въ сей совѣтъ; при Собственной Вашего Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи образовать особую инспекцію для ревизіи воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній вѣдомства и сохранить на прежнемъ основаніи контрольную экспедицію, для ревизіи денежной отчетности существующимъ порядкомъ.

Если бы эту новую группу заведеній ограничить, напримѣръ, женскими институтами, которыхъ всего 28, и присоединить къ онымъ женскіе дома призрѣнія и богадѣльни и еще нѣкоторыя заведенія, которыя Ваше Величество и Государыня Императрица нашли бы нужнымъ включить въ эту группу, то всѣ остальныя, входящія нынѣ въ составъ вѣдомства Императрицы Маріи, учрежденія, въ томъ числѣ и воспитательные дома, дальнѣйшее существованіе которыхъ въ настоящемъ ихъ видѣ

сопряжено съ общимъ и сложнымъ вопросомъ о призрѣніи незаконнорожденныхъ дѣтей, подлежали бы передачѣ, по принадлежности, въ другія вѣдомства, по соглашенію съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно.

II) Если же изложенныя предположенія не соотвѣтствовали бы видамъ Вашего Величества и Государыни Императрицы и угодно было бы, за немногими изъятіями [1]), оставить вѣдомство Императрицы Маріи въ настоящемъ его составѣ, то слѣдовало бы, сохранивъ за онымъ пріобрѣтенное имъ съ давняго времени драгоцѣнное преимущество состоять подъ непосредственнымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы и, не измѣняя, въ главныхъ чертахъ, организаціи этого вѣдомства, приступить, прежде всего, къ точному разграниченію въ главномъ управленіи власти распорядительной отъ законодательной и установить правильное и отвѣтственное управленіе мѣстными учрежденіями.

Въ этихъ видахъ, казалось бы нужнымъ:

1) Закрывъ Московское присутствіе опекунскаго совѣта, съ находящеюся приономъ канцеляріею и контрольнымъ отдѣленіемъ, всѣ дѣла онаго передать въ С.-Петербургское присутствіе опекунскаго совѣта, въ которомъ сосредоточить законодательную часть по всему вѣдомству, оставивъ оный въ настоящемъ его видѣ [2]).

2) Должность главноуправляющаго и Собственную Вашего Императорскаго Величества канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи оставить на существующихъ основаніяхъ.

3) Контрольную экспедицію выдѣлить изъ вѣдомства и передать въ вѣдѣніе государственнаго контроля, съ

---

[1]) «Во всякомъ случаѣ могли-бы быть переданы въ другія Вѣдомства: Московское Техническое Училище, два Коммерческихъ Училища и Императорскій Александровскій Лицей».

[2]) «На образованіе съ этою цѣлью особой Комиссіи послѣдовало уже Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе по всеподданнѣйшему моему докладу отъ 19 апрѣля 1884 г.».

тѣмъ, чтобы ревизія отчетности вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи производилась въ государственномъ контролѣ, на общемъ основаніи.

4) Всю распорядительную власть по вѣдомству сосредоточить въ лицѣ главноуправляющаго, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ Ваше Императорское Величество изволите признать это нужнымъ и возможнымъ, подчинивъ ему мѣстное управленіе и вообще весь личный составъ вѣдомства, съ образованіемъ при немъ особой инспекціи для ревизіи воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній вѣдомства.

5) Главноуправляющій докладываетъ Вашему Императорскому Величеству и Государынѣ Императрицѣ требующія Высочайшихъ разрѣшеній дѣла и дѣйствуетъ по ближайшимъ указаніямъ Августѣйшихъ покровителей учрежденій вѣдомства.

6) Мѣстное управленіе заведеніями должно быть поставлено самостоятельно и состоять изъ лицъ, отвѣтственныхъ передъ закономъ за свои дѣйствія; оно вполнѣ подчиняется главноуправляющему, на котораго переходятъ, по управленію столичными заведеніями, всѣ права и обязанности почетныхъ опекуновъ.

Въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ существуютъ совѣты, составленные изъ почетныхъ опекуновъ, мѣстное управленіе потребуетъ нѣкотораго переустройства, по примѣру тѣхъ заведеній, которыя въ настоящее время управляются опекунами единолично, какъ-то: воспитательные дома, сиротскія заведенія и другія.

7) Почетные опекуны, пользуясь, по прежнему, своимъ почетнымъ званіемъ и сопряженными съ онымъ преимуществами, остаются членами опекунскаго совѣта и прилагаютъ попеченія, на основаніи особой, Высочайше утвержденной, инструкціи, объ отдѣльныхъ частяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, которыя могутъ быть имъ поручаемы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

8) Всѣ свои замѣчанія и предположенія по порученнымъ имъ заведеніямъ почетные опекуны сообщаютъ

главноуправляющему, для всеподданнѣйшаго доклада Вашему Императорскому Величеству или Государынѣ Императрицѣ.

Независимо отъ недостатковъ въ порядкѣ управленія заведеніями вѣдомства Императрицы Маріи, есть и другая слабая сторона, останавливающая правильное развитіе этихъ учрежденій,—это сторона финансовая. Но мнѣ кажется, что говорить о ней теперь было бы преждевременно. Она можетъ подлежать обсужденію лишь тогда, когда Вашимъ Императорскимъ Величествомъ будетъ рѣшено, какое направленіе Вашему Величеству угодно будетъ дать всему этому дѣлу.

Изъ всего вышеизложеннаго Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что основная мысль, мною проводимая во всѣхъ сихъ соображеніяхъ, заключается главнѣйше въ томъ, что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей никакія учрежденія не могутъ быть управляемы съ успѣхомъ лицами, занимающими почетныя званія, не сопряженныя съ опредѣленными обязанностями и отвѣтственностью, и что въ окончательномъ результатѣ даровой трудъ въ большинствѣ случаевъ обходится дороже оплаченнаго и нерѣдко даже вредно отзывается на управляемыхъ этимъ способомъ заведеніяхъ.

Правильность этого начала подтверждается, между прочимъ, мѣрою, принятою въ послѣднее время, съ Высочайшаго утвержданія, по тюремному вѣдомству, и которая заключается въ томъ, чтобы вся административно-хозяйственная часть мѣстнаго управленія отдѣльными тюрьмами, на первый разъ только въ Петербургѣ, лежала не на членахъ тюремнаго комитета (званія почетныя), какъ это было до сихъ поръ, а на должностныхъ лицахъ тюремнаго управленія, которыя съ этой цѣлью облечены довольно широкою властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ возложена на нихъ и вся отвѣтственность за правильное и соотвѣтственное требованіямъ начальства управленіе тюрьмами и содержаніе заключенныхъ. Дѣятельности же тюремнаго комитета и его членовъ возвращенъ тотъ первоначальный характеръ, который имѣли тюремные

комитеты при началѣ образованія оныхъ, въ царствованіе Императора Александра I, т. е. только филантропическій и попечительный относительно содержащихся арестантовъ, какъ во время ихъ заключенія, такъ и при выпускѣ ихъ изъ тюрьмы. Это существенное преобразованіе въ порядкѣ управленія тюрьмами предполагается впослѣдствіи распространить и на прочія части Россіи. Въ Петербургѣ оно введено недавно, но, по имѣющимся отзывамъ, успѣло уже принести самые благопріятные результаты.

Очевидно, что упоминаемыя мною почетныя званія по тюремному вѣдомству и сопряженная съ оными дѣятельность не имѣетъ ничего общаго съ кругомъ дѣятельности почетныхъ опекуновъ, и если я позволяю себѣ этотъ примѣръ по поводу соображеній о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, то единственно съ цѣлью представить Всемилостивѣйшему вниманію Вашего Императорскаго Величества тѣ основанія, которыя были приняты въ послѣднее время въ нашемъ законодательствѣ относительно обязанностей, могущихъ быть совмѣщенными съ почетною службою.

Въ заключеніе считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что, состоявъ болѣе двухъ лѣтъ главноуправляющимъ Собственною Вашего Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, я счелъ бы себя счастливымъ, если бы пріобрѣтенная мною въ это время опытность могла, хотя сколько-нибудь, послужить къ упроченію положенія этихъ учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ исключительно Царственнымъ Особамъ, оказавшихъ неоцѣненныя услуги отечеству на поприщѣ благотворительности и воспитанія и составляющихъ понынѣ предметъ горячихъ заботъ Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы“.

По прочтеніи этой всеподданнѣйшей записки К. К. Грота, Государю Императору Александру III угодно было передать эту записку временно исправляющему должность

главноуправляющаго, сенатору Герарду, сдѣлавъ предварительно на подлинной запискѣ К. К. Грота, въ 31 день декабря 1884 г., слѣдующую собственноручную надпись:

„Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ начинать коренное преобразованіе по Вѣдомству Императрицы Маріи, необходимо передать въ Министерство Народнаго Просвѣщенія 29 гимназій женскихъ, педагогическіе курсы съ прогимназіею, Гатчинскій сиротскій институтъ, Императорское техническое училище, два коммерческихъ училища, Императорскій Александровскій Лицей. О передачѣ этихъ заведеній войдите теперь же въ сношеніе съ Статсъ-Секретаремъ Деляновымъ и по возможности не слишкомъ тянуть этимъ дѣломъ.—Объ остальномъ Я еще переговорю съ Вами при первомъ докладѣ".

„АЛЕКСАНДРЪ". [1]).

Однако уже 24 января 1885 г. Государю Императору угодно было повелѣть временно исправляющему должность главноуправляющаго, сенатору Герарду, ограничиться передачею въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія лишь четырехъ заведеній: Московскаго техническаго училища, двухъ комерческихъ училищъ и Императорскаго Александровскаго Лицея; женскія же гимназіи и Гатчинскій сиротскій институтъ оставить въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи [2]).

Затѣмъ, по докладѣ Государю Императору сообщеннаго Московскимъ генералъ-губернаторомъ ходатайства московскаго купечества объ оставленіи Московскаго комерческаго училища въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи и постановленія совѣта С.-Петербургскаго комерческаго училища объ оставленіи въ силѣ дѣйствующаго его устава, Его Величеству благоугодно было, 14 марта 1885 г., Высочайше повелѣть: вопросъ о передачѣ сихъ училищъ въ министерство народнаго просвѣщенія отложить впредь до разрѣшенія общаго вопроса,

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1884 г., № 448, стр. 517—523.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 452, стр. 526.

возбужденнаго въ семъ министерствѣ, о техническомъ образованіи въ Россіи [1]).

Во всеподданнѣйшей запискѣ К. К. Грота, представленной имъ Государю Императору 24 декабря 1884 г., о необходимыхъ измѣненіяхъ въ *порядкѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи*, К. К. указывалъ, какъ на причину неустройства этого вѣдомства, на недостатки дѣйствовавшаго въ немъ положенія о Соб. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и устава опекунскаго совѣта 1873 года.

Къ такому же заключенію привела впослѣдствіи и составленная временно исправлявшимъ должность главноуправляющаго сенаторомъ Герардомъ, съ вѣдома Государыни Императрицы, записка по тому же предмету. Вслѣдствіе сего и съ предварительнаго разрѣшенія Государыни Императрицы, сенаторъ Герардъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе особой коммисіи для пересмотра означенныхъ законоположеній, съ цѣлью уясненія недостатковъ существовавшаго порядка управленія вѣдомствомъ Императрицы Маріи и установленія главныхъ началъ для этого управленія, при полномъ сохраненіи драгоцѣннаго права, въ силу котораго вѣдомство это пользуется особымъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. На случай же всемилостивѣйшаго на сіе соизволенія сенаторъ Герардъ испрашивалъ дальнѣйшихъ указаній относительно личнаго состава этой коммисіи. При этомъ онъ присовокупилъ, что кромѣ предсѣдателя и членовъ, которыхъ Государю Императору угодно будетъ назначить, къ участію въ трудахъ коммисіи могъ-бы быть съ особенною пользою для дѣла приглашенъ государственный контролеръ, для обсужденія возникшаго вопроса о подчиненіи государственному контролю счетоводства и отчетности вѣдомства Императрицы Маріи, и что необходимо было бы предоставить предсѣдателю коммисіи право приглашать въ ея засѣда-

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 477, стр. 547—548.

ніе, для объясненій, какъ членовъ опекунскаго совѣта, такъ и другихъ должностныхъ лицъ вѣдомства, коихъ познанія и опытность могли бы оказаться полезными для занятій комиссіи; дѣлопроизводителемъ же комиссіи сенаторъ Герардъ полагалъ назначить управляющаго дѣлами канцеляріи, дѣйств. ст. сов. Тройницкаго.

На приведеніе всѣхъ этихъ предположеній въ исполненіе послѣдовало 21 февраля 1885 г. Высочайшее соизволеніе, при чемъ Государю Императору благоугодно было назначить предсѣдателемъ комиссіи статсъ-секретаря барона Николаи, а членами—статсъ-секретаря Делянова, адмирала Унковскаго, членовъ государственнаго совѣта Маркуса и Дервиза, и временно исправлявшаго должность главноуправляющаго, сенатора Герарда [1]).

Кромѣ названныхъ лицъ, Государю Императору, 4 марта 1885 г., угодно было назначить членомъ той же комиссіи оберъ-прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Синода, дѣйств. тайн. сов. Побѣдоносцева [2]).

За время нахожденія К. К. Грота въ должности главноуправляющаго число учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи увеличилось *многими новыми заведеніями*.

Такъ, напримѣръ:

1) 8 іюля 1882 г. присоединенъ къ вѣдомству дѣтскій пріютъ имени Императора Александра II въ Кіевѣ [3]).

2) 31 іюля 1882 г. принятъ въ вѣдомство Владимірскій дѣтскій пріютъ въ гор. Томскѣ [4]).

3) Съ Высочайшаго соизволенія, воспослѣдовавшаго 2 сент. 1882 г., открыто первое Маріинское училище для дѣвицъ въ Петроградѣ [5]).

---

[1]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 468, стр. 540—541.
[2]) Собр. узак. В. у. И. М., т. IV, 1885 г., № 472, стр. 544.
[3]) Собр. узак. Вѣд. учр. Имп. Маріи, 1882 г., № 181.
[4]) Собр. узак. Вѣд. учр. Имп. Маріи, 1882 г., № 191.
[5]) Собр. узак. В. у. И. М., 1882 г., № 196.

4) 25 сент. 1882 г. учрежденъ Александровскій дѣтскій пріютъ въ Тифлисѣ [1]).

5) 10 марта 1883 г. перечислено изъ вѣдѣнія министерства внутр. дѣлъ въ вѣдомство учр. Имп. Маріи основанное К. К. Гротомъ Маріинское попечительство для призрѣнія слѣпыхъ, со всѣми его учрежденіями [2]).

6) 11 іюня 1883 г. учрежденъ дѣтскій пріютъ имени Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Иркутскѣ [3]),

7) 13 авг. 1883 г. разрѣшено открыть второе Маріинское училище для приходящихъ дѣвицъ въ Петроградѣ [4]).

8) 24 дек. 1883 г. открыто Самофаловское ремесленное отдѣленіе при Воронежскомъ Александровскомъ дѣтскомъ пріютѣ [5]).

9) 21 янв. 1884 г. учрежденъ Маріинскій дѣтскій пріютъ въ Барнаулѣ [6]).

По оставленіи К. К. Гротомъ въ 1884 году должности главноуправляющаго Соб. Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи Императору Александру III угодно было удостоить его слѣдующимъ лестнымъ рескриптомъ:

„Константинъ Карловичъ. Два съ половиною года тому назадъ по желанію Государыни Императрицы и Моему вы приняли на себя многосложныя обязанности по званію главноуправляющаго Собственною Нашею канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; а въ прошломъ году Мною было возложено на васъ и предсѣдательствованіе въ С.-Петербургскомъ Попечительномъ Совѣтѣ заведеній общественнаго призрѣнія.

---

1) Собр. узак. В. у. И. М., 1882 г., № 199.
2) Собр. узак. В. у. И. М., 1883 г., № 243.
3) Собр. узак. В. у. И. М., 1883 г., № 267.
4) Собр. узак. В. у. И. М., 1883 г., № 296.
5) Собр. узак. В. у. И. М., 1883 г., № 332.
6) Собр. узак. В. у. И. М., 1884 г., № 346.

Къ сожалѣнію, разстроенное здоровье ваше лишаетъ васъ нынѣ возможности продолжать занятія, которыя Нами всегда высоко цѣнились.

Согласившись на вашу настоятельную просьбу объ увольненіи васъ отъ сихъ должностей, Государыня Императрица и Я признаемъ справедливымъ изъявить вамъ искреннюю признательность за понесенные вами труды, въ которыхъ выразились и просвѣщенная заботливость о преуспѣяніи дорогихъ Намъ учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи и строгое исполненіе служебнаго долга и постоянное стремленіе къ бережливости и порядку въ столь разнообразномъ и обширномъ хозяйствѣ.

Не сомнѣваюсь, что и нынѣ, въ должности члена Государственнаго Совѣта, вы не перестанете служить на государственную пользу съ тѣмъ же усердіемъ и добросовѣстностью, какими ознаменована предшествовавшая продолжительная ваша дѣятельность. Пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

АЛЕКСАНДРЪ".

Представленное здѣсь обозрѣніе дѣятельности Константина Карловича по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи мы имѣемъ возможность дополнить еще нѣсколькими данными, свѣдѣніями и документами, извлекаемыми изъ бумагъ К. К. и относящимися къ оставленію имъ вѣдомства, главнымъ образомъ, къ представленію имъ на Высочайшее усмотрѣніе вышеупомянутой извѣстной его записки.

Уже передъ отъѣздомъ въ отпускъ, въ іюнѣ 1884 г., К. К., въ виду плохого состоянія своего здоровья, имѣлъ разговоръ съ Государыней Императрицей о причинахъ, могущихъ заставить его въ ближайшее время всеподданнѣйше просить объ увольненіи отъ должности главноуправляющаго. Это вѣроятно и было поводомъ къ тому, что Государь Императоръ Александръ III, увольняя тогда К. К. въ заграничный отпускъ, поручилъ ему, съ очевиднымъ довѣріемъ къ его опыту, пониманію дѣла и государствен-

ному взгляду, представить записку о настоящемъ положенiи вѣдомства и о мѣрахъ къ его усовершенствованiю.

Такая записка и была составлена К. К. Гротомъ, и въ первоначальной своей редакцiи она была снабжена нижеслѣдующимъ объяснительнымъ вступленiемъ, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь въ виду его автобiографическаго значенiя.

„Разрѣшивъ мнѣ въ iюнѣ мѣсяцѣ сего года заграничный отпускъ для поправленiя здоровiя, Вашему Императорскому Величеству въ то же время благоугодно было мнѣ повелѣть представить на Высочайшее усмотрѣнiе записку о настоящемъ положенiи вѣдомства учрежденiй Императрицы Марiи и о мѣрахъ къ приведенiю онаго, по моему мнѣнiю, въ лучшее устройство.

Приступая къ исполненiю сего Высочайшаго повелѣнiя, я прежде всего позволяю себѣ изложить въ немногихъ словахъ обстоятельства, сопровождавшiя мое назначенiе главноуправляющимъ.

Въ маѣ 1882 года Государынѣ Императрицѣ угодно было выразить мнѣ лично Августѣйшую волю о принятiи мною на себя должности главноуправляющаго Собственною Вашего Императорскаго Величества канцелярiею по учрежденiямъ Императрицы Марiи, при чемъ, отозвавшись самымъ лестнымъ образомъ о прежней моей дѣятельности по разнымъ отраслямъ администрацiи, Ея Величество изволила высказать надежду, что я приведу это вѣдомство въ лучшее положенiе и въ особенности устрою его денежныя дѣла, которыя по отзыву Императрицы находились въ дурномъ положенiи.

Хотя это лестное для меня предложенiе Государыни Императрицы застало меня неприготовленнымъ, не менѣе того будучи и тогда уже нѣсколько знакомъ съ неудовлетворительнымъ положенiемъ дѣлъ вѣдомства учрежденiй Императрицы Марiи и особымъ характеромъ онаго, я при полной готовности исполнить безпрекословно волю Ея Величества осмѣлился доложить, что едва ли буду въ состоянiи принести этому вѣдомству ту пользу, которую отъ меня ожидала Императрица, не столько по-

тому, чтобы я не чувствовалъ въ себѣ достаточной энергіи и опытности для приведенія дѣлъ въ порядокъ, сколько потому, что не могу расчитывать на свои силы для борьбы съ тою оппозиціею, которую несомнѣнно встрѣчу, при измѣненіи прежнихъ порядковъ, которые хотя пагубно отозвались на благосостояніи учрежденій Императрицы Маріи, но съ которыми всѣ свыклись и которые пріятны и удобны для начальствующихъ лицъ. Государыня Императрица, выслушавъ меня милостиво, все-таки пожелала, чтобы я принялъ предлагаемое мѣсто, и я немедленно вступилъ въ должность главноуправляющаго.

Съ первыхъ же дней моихъ занятій я началъ замѣчать, что мои опасенія не были преувеличены. и въ скоромъ времени я убѣдился, что вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, независимо отъ вкравшихся постепенно безпорядковъ и недостаточно серіознаго отношенія къ дѣлу, заключаетъ въ себѣ много такихъ коренныхъ недостатковъ, при существованіи которыхъ немыслимо правильное и успѣшное управленіе“....

По возвращеніи своемъ изъ заграничнаго отпуска, К. К. засталъ вопросъ о своемъ уходѣ настолько выяснившимся, что съ предварительнаго соизволенія Государя подалъ 23-го сентября всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи въ слѣдующей формѣ:

„Всемилостивѣйшее вниманіе и довѣріе, которыми я имѣлъ счастье пользоваться со стороны Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы во все время моего служенія по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, переполняютъ мое сердце непритворною и безпредѣльною благодарностью, и дѣятельность моя въ этомъ вѣдомствѣ по непосредственнымъ указаніямъ Вашего Императорскаго Величества и Государыни Императрицы останется навсегда однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ моей жизни.

Въ настоящее время, къ глубокому моему прискорбію, совершенно разстроенное здоровье не позволяетъ мнѣ продолжать эту дѣятельность, и я пріемлю долгъ, съ

предварительнаго соизволенія Вашего Величества и Государыни Императрицы, всеподданнѣйше испрашивать разрѣшенія Вашего Величества на увольненіе меня отъ должностей главноуправляющаго Соб. В. И. В. канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, предсѣдателя попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и попечителя Императорскаго Александровскаго Лицея“.

Государь на этомъ прошеніи изволилъ написать: «*Искренне благодарю за все время вашего управленія*».

Затѣмъ 7-го октября послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ К. К. Гроту, уже приведенный выше.

Для лучшаго освѣщенія факта столь скораго (послѣ двухъ лѣтъ управленія) оставленія К. К-мъ вѣдомства— будетъ не лишне привести здѣсь отрывокъ изъ его замѣтокъ въ записной книжкѣ, помѣченныхъ 21 февраля 1884 г. Оказывается, что уже тогда имъ была подготовлена записка о желательной реформѣ вѣдомства, о которой онъ вѣроятно и докладывалъ Государю, выразившему ему затѣмъ желаніе, чтобъ онъ ее представилъ.

„Сколько помню, пишетъ К. К., я былъ въ эти два мѣсяца (янв.—февр.) всего въ трехъ заведеніяхъ: въ Лицеѣ, Николаевскомъ институтѣ и сегодня въ первый разъ въ Екатерининской гимназіи, да особенно и горевать объ этомъ нечего. Какая польза отъ того, что видишь и сознаешь недостатки, когда не въ силахъ при настоящемъ положеніи вещей ихъ исправить и устранить. Все такъ не организовано и разстроено, что я могу принести болѣе пользы въ своемъ кабинетѣ, обдумывая лучше и скорѣе ввести нѣкоторый порядокъ въ управленіи и отмѣнить или прекратить то или другое существующее зло. Къ сожалѣнію, этого зла такъ много и оно такъ сильно укоренилось, что начинаю терять надежду достигнуть какихъ-либо результатовъ и нерѣдко меня охватываетъ несказанная грусть и почти отчаяніе: видишь, что работаешь безъ цѣли и не знаешь, будетъ ли этому конецъ.

Я приготовилъ для Государя записку о необходимости коренныхъ перемѣнъ въ порядкѣ управленія — въ

особенности я напираю на необходимость упразднить Московское присутствіе опекунскаго совѣта, устранить почетныхъ опекуновъ отъ *непосредственнаго управленія*, оставивъ за ними только почетный надзоръ или наблюденіе за заведеніями и засѣданіе въ опекунскомъ совѣтѣ, и значительно усилить административную власть главноуправляющаго, подчинивъ ему весь административный персоналъ учрежденій. Эту записку я показывалъ по секрету барону А. П. Николаи, какъ наиболѣе опытному и безпристрастному почетному опекуну и вполнѣ образованному человѣку,—по существу дѣла онъ вполнѣ одобряетъ мой взглядъ на дѣло, но не находитъ пути, которымъ бы можно было провести мои предположенія и совѣтуетъ лучше дѣлать преобразованія частично, чему я вѣроятно и послѣдую, если не найду исхода вскорѣ скинуть съ себя совершенно званіе главноуправляющаго, которое приходится такъ солоно"...

Не успѣвъ еще до своего увольненія представить на Высочайшее воззрѣніе эту записку о положеніи вѣдомства, К. К. не рѣшался самъ напоминать о ней и изъ сообщеннаго ему Его Величествомъ при послѣднемъ представленіи намѣренія созвать особое совѣщаніе для обсужденія вопроса о желательныхъ реформахъ въ вѣдомствѣ заключилъ, что записка его является уже излишней [1]).

Однако онъ узналъ вскорѣ затѣмъ отъ своего замѣстителя, и. д. главноуправляющаго, сенатора Герарда, что Государь все-таки ожидаетъ представленія записки. Это вызвало слѣдующій письменный всеподданнѣйшій докладъ К. К.

---

[1]) Объ этой послѣдней аудіенціи, крайне милостивой, сохранилось свидѣтельство самого К. К. въ одномъ письмѣ его (къ А. В. Головнину): «Я былъ принятъ какъ нельзя лучше Государемъ, который долго со мной говорилъ, и по собственной иниціативѣ объяснялъ, что я кажется не такъ понялъ Его резолюцію..., говорилъ о необходимости преобразованія всего вѣдомства, что Онъ намѣренъ устроить для этого совѣщаніе и надѣется, что я не откажусь принять участіе въ этомъ, гдѣ могу принести существенную пользу по своей опытности, затѣмъ благодарилъ нѣсколько разъ...; говорилъ также, что ни на комъ не остановились для замѣны меня.»

„П. д. главноуправляющаго Соб. Вашего Императорскаго Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи сенаторъ Герардъ передалъ мнѣ, что Ваше Императорское Величество изволите ожидать отъ меня всеподданнѣйшую записку относительно дальнѣйшаго завѣдыванія учрежденіями Императрицы Маріи.

Вслѣдствіе сего пріемлю долгъ представить на Всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Величества, что я повидимому неправильно понялъ волю Вашего Величества, выраженную при послѣднемъ моемъ представленіи. Услышавъ, что Вашему Величеству угодно назначить особое совѣщаніе для обсужденія вопроса о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, я полагалъ, что составленная мною записка не пойдетъ болѣе въ ходъ и что Ваше Императорское Величество изволите дать особыя указанія предположенному совѣщанію.

Въ настоящее время получивъ вновь приказаніе, я поспѣшу всеподданнѣйше представить на усмотрѣніе Вашего Величества упомянутую записку, но осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить милостиваго снисхожденія Вашего Императорскаго Величества, если бы я вынужденъ былъ употребить еще немного времени на окончательную переработку и приспособленіе первоначальной моей записки ко вновь предназначенной оной цѣли“ (поданъ 8 дек. 1884 г.).

Записку свою К. К. предварительно давалъ на прочтеніе, кромѣ бар. Николаи—въ ея первой редакціи, еще, какъ это видно изъ сохранившихся писемъ, своему бывшему товарищу и назначенному временному замѣстителю сенатору Герарду, а также члену государственнаго совѣта А. В. Головнину. Оба они безусловно ее одобрили, и первый, возвращая ее К. К., писалъ 12 дек.: „я рѣшительно никакихъ замѣчаній не предполагаю дѣлать и только повторяю мои искреннія желанія, чтобы записка Ваша какъ можно скорѣе была повергнута на усмотрѣніе Государя Императора и получила свое движеніе“.

25 декабря К. К. препроводилъ свою записку къ Государю Императору при слѣдующемъ письменномъ докладѣ:

*

„Всеподданнѣйше представляя при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества составленную мною по приказанію Вашего Величества записку о необходимыхъ, по моему мнѣнію, измѣненіяхъ въ порядкѣ управленія учрежденіями вѣдомства Императрицы Маріи, осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что внезапная болѣзнь (жаба) заставила меня нѣсколько промедлить окончаніемъ этой работы“.

Записка К. К. начинается краткимъ историческимъ очеркомъ образованія вѣдомства, которому предпосланы слѣдующія вступительныя слова:

„Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть представить соображенія по вопросу о томъ, какія измѣненія необходимы въ порядкѣ управленія учрежденіями вѣдомства Императрицы Маріи. Приступая къ приведенію въ исполненіе сей Монаршей воли, я прежде всего считаю долгомъ высказать убѣжденіе, что ни одно вѣдомство не можетъ быть приравнено къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи по разнообразію и разнородности учрежденій, входящихъ въ составъ онаго, изъ коихъ многія не имѣютъ между собою никакой связи и никакихъ отношеній, какъ по роду своей дѣятельности и цѣли, такъ и по способу своего управленія. Лучшимъ поясненіемъ высказаннаго можетъ служить нижеслѣдующій краткій очеркъ образованія названнаго вѣдомства“ [1]).

Въ вышепомѣщенномъ обозрѣніи дѣятельности К. К. сообщается, что по тому же предмету и въ томъ же духѣ была вскорѣ затѣмъ составлена записка п. д. главноуправляющаго сенаторомъ Герардомъ, который испросилъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе особой коммиссіи для пересмотра законоположеній объ управленіи Соб. Е. И. В. канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи и объ уставѣ опекунскаго совѣта 1873 г. По Высочайшему указанію былъ избранъ и личный составъ

[1]) Заключительныя положенія и мнѣнія К. К. были уже приведены выше на стр. 324—329.

комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Николаи. и на приведеніе въ исполненіе этихъ предположеній 21 февраля 1885 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ виду того, что К. К. [1]) уже подробно высказался въ своей запискѣ по этому вопросу и въ виду его преклоннаго возраста и состоянія здоровья, на его обязательномъ участіи въ комиссіи Государь не настаивалъ.

Вслѣдствіе того Константинъ Карловичъ, получившій тѣмъ временемъ заграничный отпускъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, всеподданнѣйше представилъ 23 февр. 1885 г. на усмотрѣніе Государя Императора нижеслѣдующій докладъ:

„Исправляющій должность главноуправляющаго Собственною Вашего Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи. сенаторъ Герардъ сообщилъ мнѣ, что Ваше Величество при назначеніи членовъ имѣющей быть образованной, съ Высочайшаго соизволенія, комиссіи по пересмотру устава опекунскаго совѣта, не изволили сдѣлать для меня обязательнымъ участіе въ занятіяхъ означенной комиссіи.

Высоко цѣня такое Монаршее дозволеніе, я при другихъ обстоятельствахъ счелъ бы своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ внести свою посильную лепту въ разрѣшеніи дѣла, которое обращаетъ на себя Высочайшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества; но въ настоящее время совершенно разстроенное здоровье заставляетъ меня опасаться, что я не былъ бы въ состояніи оправдать то довѣріе, которымъ Вашему Величеству угодно было меня осчастливить.

По симъ уваженіямъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе воспользоваться Высочайше разрѣшеннымъ мнѣ отпускомъ“.

Государь Императоръ на этомъ докладѣ изволилъ

---

[1]) Которому Государь уже ранѣе выразилъ надежду на его участіе въ совѣщаніи. См. выше, прим. на стр. 338.

собственноручно начертать на поляхъ, вверху: *„Очень сожалью, что разстроенное здоровье ваше не позволяетъ вамъ принять участіе въ комиссіи. А.“*, а въ концѣ, противъ просьбы объ отпускѣ: *„Хорошо“*.

К. Г.

Обзоръ дѣятельности К. К. Грота по управленію вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи требуетъ еще одного дополненія, которое хронологически должно бы въ сущности ему предшествовать.

Еще до своего назначенія главноуправляющимъ К. К. уже состоялъ во главѣ ряда учрежденій, впослѣдствіи частью своею вошедшихъ въ вѣдомство. Какъ уже было отмѣчено выше (стр. 222), К. К. въ мартѣ 1875 г. былъ Всемилостивѣйше назначенъ предсѣдателемъ совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны. Это совершенно особое вѣдомство было учреждено по смерти послѣдней (1873 г.)—въ память и ознаменованіе ея исключительныхъ заслугъ на поприщѣ дѣлъ человѣколюбія, благотворенія и просвѣтительной дѣятельности. Сюда вошли всѣ основанныя в. к. Еленою Павловной— воспитательныя, лѣчебныя, санитарныя и другія филантропическія учрежденія [1]).

Высшій надзоръ за ними ввѣрялся одной изъ особъ Императорскаго Дома (таковою *покровительницею* была дочь почившей вел. кн. Екатерина Михайловна), а управленіе поручено „совѣту управленія учрежденіями вел. кн. Елены Павловны“ — подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго по непосредственному усмотрѣнію Государя Императора.

Великая княгиня Елена Павловна уже въ эпоху

---

[1]) Главныя изъ нихъ были: Училище св. Елены, (нынѣ Еленинскій институтъ), Маріинскій институтъ, Повивальный институтъ, Елизаветинская клиническая больница, Максимиліановская лѣчебница, Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія и друг. Впослѣдствіи, съ упраздненіемъ особаго управленія этими учрежденіями, они были распредѣлены между разными вѣдомствами.

Самарскаго губернаторства узнала Константина Карловича и, со свойственнымъ ей чутьемъ и проницательностью, сумѣла оцѣнить его умственныя и нравственныя достоинства, приблизила его къ себѣ, принявъ въ избранный кругъ своихъ сподвижниковъ и единомышленниковъ и постоянно оказывала ему свое высокое участіе и вниманіе, и не удивительно, что послѣ ея кончины — въ виду упроченной репутаціи административныхъ и организаторскихъ способностей и филантропическихъ влеченій Константина Карловича — вел. кн. Екатерина Михайловна остановила свой выборъ на немъ при организаціи новаго управленія учрежденіями въ Бозѣ почившей великой княгини и при избраніи руководителя этого вѣдомства.

Самъ К. К. въ набросанныхъ съ его разсказовъ біографическихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ 1896 г. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и вошедшихъ почти цѣликомъ въ автобіографическій очеркъ, что помѣщенъ въ началѣ нашего сборника [1]), такъ разсказываетъ объ этой порѣ своей дѣятельности и о своихъ отношеніяхъ къ в. к. Еленѣ Павловнѣ.

„К. К. Гротъ пользовался милостивымъ расположеніемъ ревностной поборницы идей преобразовательной эпохи, великой княгини Елены Павловны. Просвѣщенная и гуманная, великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича, имѣла немалое вліяніе на людей и дѣла въ царствованіе Императора Александра II. Она обладала особымъ искусствомъ отыскивать людей, представляющихъ какой-либо интересъ или значеніе, и приглашала ихъ въ свой дворецъ на бесѣды, собранія, рауты, концерты, спектакли и т. д., на которыхъ нерѣдко присутствовалъ и Государь Александръ Николаевичъ.

„К. К. Грота великая княгиня лично узнала въ бытность его губернаторомъ, пожелавъ съ нимъ познакомиться и поручивъ пригласить его къ ней безъ всякихъ предва-

---

[1]) Въ означенномъ очеркѣ этотъ разсказъ пропущенъ, и потому приводится здѣсь полностью.

рительныхъ представленій. По переходѣ К. К. на службу въ Петербургъ великая княгиня часто удостоивала его приглашеніями на вечернія свои собранія, а также и въ обыкновенное время для бесѣды по тѣмъ или другимъ дѣловымъ вопросамъ. Около этого же времени великая княгиня Елена Павловна образовала въ Петербургѣ русское музыкальное общество и, нуждаясь въ помѣщеніи для него, поручила К. К. Гроту справиться въ министерствѣ финансовъ, не найдется ли тамъ для этой цѣли свободнаго зданія. К. К. былъ въ то время директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ и указалъ великой княгинѣ требуемое помѣщеніе, которое вслѣдъ затѣмъ, по ходатайству министра финансовъ Рейтерна, Государь разрѣшилъ передать въ вѣдѣніе музыкальнаго общества. Милостивое вниманіе вел. кн. Елены Павловны къ К. К. продолжалось до самой ея смерти въ 1873 г. Послѣ нея осталось довольно много учрежденныхъ ею учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, которыми при ея жизни управлялъ ея секретарь подъ личнымъ ея руководствомъ.

„Послѣ смерти великой княгини возникъ вопросъ, какъ съ этими учрежденіями поступить: явилась мысль, для увѣковѣченія памяти великой княгини, образовать особую группу учрежденій подъ названіемъ „учрежденій великой княгини Елены Павловны“. Этотъ планъ былъ Высочайше утвержденъ, и для управленія означенными заведеніями образованъ особый совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ предложенъ великою княгинею Екатериною Михайловною К. К. Гротъ, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. „Покровительницей“ этихъ учрежденій сдѣлалась великая Княгиня Екатерина Михайловна, а членами совѣта были назначены нѣкоторыя изъ лицъ, состоявшихъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и къ ней близкихъ, какъ-то: докторъ Эйхвальдъ и бывшая ея фрейлина баронесса Раденъ, а также Н. И. Пироговъ, Н. И. Ермаковъ, профессора Балинскій и Ландцертъ и предсѣдатель Окружнаго Суда А. Ѳ. Кони. К. К. Гротъ оставался предсѣдателемъ означеннаго совѣта до 1882 г.,

когда онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ Собственною Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

„Въ 1894 г., по смерти августѣйшей покровительницы, великой княгини Екатерины Михайловны, бывшія учрежденія великой княгини Елены Павловны распредѣлены были по разнымъ вѣдомствамъ. Въ настоящее время существуетъ въ вѣдѣніи М-ва Народ. Просвѣщенія еще особый клиническій институтъ имени великой княгини Елены Павловны. Онъ былъ учрежденъ стараніями К. К. Грота, д-ра Эйхвальда и баронессы Раденъ, которымъ было извѣстно, что планъ подобнаго института былъ составленъ самой великой княгиней Еленой Павловною при ея жизни, при содѣйствіи д-ра Эйхвальда, состоявшаго врачемъ при ея особѣ. Великая княгиня Елена Павловна завѣщала 80 т. руб. д-ру Эйхвальду, которые онъ положилъ въ основаніе капитала, потребовавшагося на постройку означеннаго клиническаго института, земля для котораго была выдѣлена городскимъ управленіемъ и Военнымъ Министерствомъ изъ такъ называемаго Преображенскаго плаца.

Въ концѣ 1881 г., слѣдовательно послѣ шестилѣтняго управленія учрежденіями вел. кн. Елены Павловны, К. К., по многимъ причинамъ и особенно вслѣдствіе обремененія другими, его поглощавшими служебными трудами и обязанностями, рѣшилъ просить увольненія отъ председательства въ совѣтѣ управленія; назначеніе же его въ слѣдующемъ 1882 г. главноуправляющимъ Собств. Е. И. В. канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи окончательно рѣшило этотъ вопросъ.

Однимъ изъ сотрудниковъ К. К. по управленію учрежденіями вел. кн. Елены Павловны былъ приглашенный имъ, единственный нынѣ здравствующій бывшій членъ совѣта Анатолій Өедоровичъ Кони, который именно въ пору этой совмѣстной ихъ дѣятельности могъ ближе узнать и оцѣнить К. К. Грота, какъ государственнаго дѣятеля и человѣка, и сохранилъ объ этомъ сближеніи съ К. К. самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія, столь ярко вы-

лившіяся въ его интересныхъ рѣчахъ и воспоминаніяхъ, посвященныхъ памяти Константина Карловича[1]).

Въ приложеніяхъ къ настоящему тому Сборника печатается нѣсколько сообщенныхъ А. Ѳ. Кони писемъ къ нему Константина Карловича, относящихся, между прочимъ, ко времени оставленія послѣднимъ своей должности предсѣдателя совѣта. Они, любезно снабженныя объяснительными примѣчаніями самого глубоко-уважаемаго Анатолія Ѳедоровича, представляютъ несомнѣнно цѣнный біографическій матеріалъ.

К. Г.

---

[1]) Рѣчь его въ Алекс.-Мар. училищѣ для слѣпыхъ въ день открытія попечительствомъ памятника К. К.—печатается ниже. Другая была сказана въ годовомъ собраніи Юридическаго Общества 25 янв. 1898 г. См. отчеты о ней—«Новое Время» 27 янв. и «Новости» 26 янв. 1898 г. Третья—въ лицеѣ на Пушкинск. вечерѣ 19 янв. 1901 г. Срв. еще статью въ изданіи «Великая Реформа» (1911), т. V, стр. 223—224: «К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ».

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. К. ГРОТА НА ПОЛЬЗУ СЛѢПЫХЪ.

(1877—1897).

Настоящій отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ обзоръ и характеристику дѣятельности К. К. Грота въ той филантропической области, которая рано обратила на себя его вниманіе, интересовала его постоянно и которой онъ почти исключительно посвятилъ свои труды, горячую любовь и заботы въ послѣдніе 12 лѣтъ своей жизни. Это—организація помощи слѣпымъ, ихъ призрѣнія и борьбы со слѣпотой.

Громадныя заслуги Константина Карловича на этомъ поприщѣ, которыя общественный судъ готовъ признать „быть можетъ, лучшимъ дѣломъ его многополезной жизни“, уже нашли свою высокую оцѣнку спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины — въ сооруженіи ему памятника въ Петроградѣ противъ его дѣтища, Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ—заботами и на средства основаннаго имъ попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Настоящее изданіе, предпринятое тѣмъ же учрежденіемъ, имѣетъ цѣлью еще рельефнѣе и еще прочнѣе—историческимъ повѣствованіемъ и жизнеописаніемъ—увѣковѣчить эти великія заслуги, и потому отводитъ дѣятельности К. К. Грота на пользу слѣпыхъ особенно видное и большое мѣсто, посвящая матеріаламъ для исторіи и характеристики этой дѣятельности весь второй выпускъ Сборника.

Здѣсь же, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ глубокочтимаго А. Ѳ. Кони, редакція Сборника считаетъ какъ нельзя болѣе умѣстнымъ предпослать общему очерку и воспоминаніямъ ближайшихъ сотрудниковъ Константина Карловича по созданнымъ имъ учрежденіямъ слѣпыхъ—интересную рѣчь Анатолія Ѳедоровича, посвященную па-

мяти почившаго государственнаго дѣятеля и филантропа и сказанную имъ въ торжественномъ собраніи попечительства о слѣпыхъ, въ день открытія вышеупомянутаго памятника 18 окт. 1906 г.[1]).

Рѣчь А. Ѳ. Кони въ день открытія памятника К. К. Гроту.

Людское правосудіе выражается въ воздаяніи каждому должнаго по дѣламъ его, — Божеское — въ требованіи у каждаго отчета въ томъ, что ему было дано Создателемъ. Эта мысль Руссо, высказанная имъ въ „Савойскомъ викаріи", глубоко вѣрна. Дѣйствительно, цѣнить кого-либо какъ дѣятеля справедливо лишь по тому, что онъ сдѣлалъ. Но судить внутренняго человѣка съ его духовными задатками и побужденіями слѣдуетъ уже не по тому, что онъ сдѣлалъ, а по тому, что онъ *могъ и долженъ* былъ сдѣлать. Однако справедливость послѣдняго суда не свойственна одностороннему и узкому кругозору людскому. Отъ взора людей часто бываетъ скрыто то, въ какой мѣрѣ дѣятель былъ „рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ", насколько и какой „талантъ" зарывалъ онъ въ землю и въ чемъ состояла та невозможность, у предѣловъ которой смолкаетъ чувство долга.

Сегодня мы присутствовали при актѣ человѣческаго правосудія по отношенію къ почтенному, выдающемуся общественному дѣятелю. Это правосудіе, при жизни человѣка, рѣдко признаетъ его заслуги и почти никогда за нихъ не вознаграждаетъ. Но по смерти — иногда чрезъ много лѣтъ — оно видитъ, что то, что̀ ему казалось обыденнымъ дѣломъ злободневной жизни, было подвигомъ или труднымъ посѣвомъ добра. Тогда оно признаетъ былыя заслуги и какъ умѣетъ — часто безплодно и за-

---

[1]) Она была напечатана сперва въ «Вѣстникѣ Европы», а нынѣ перепечатана въ книгѣ А. Ѳ. Кони «На жизненномъ пути», т. II, Спб. 1913, стр. 498—507.

поздало—за нихъ вознаграждаетъ. Если кругъ дѣятельности покойнаго былъ небольшой и специальный, тѣсный,—группа оставшихся друзей и послѣдователей проникается любовью къ своему усопшему вождю и учителю и — „на забытую могилу бросаетъ поздніе цвѣты". Но если область дѣятельности была обширная и отзвуки ея все растутъ и расширяются, то благодарныя воспоминанія находятъ себѣ осуществленіе въ металлѣ и камнѣ, и возникаетъ памятникъ.

Такое именно правосудіе воздано сегодня общественной дѣятельности Константина Карловича Грота. Русскіе люди должны быть ему благодарны, ибо онъ былъ борцомъ съ общественной и личной слѣпотой и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи многое.

Общественная слѣпота—это то состояніе, при которомъ общество мирится съ условіями существованія, устраняющими свѣтъ, освѣщающій и вызывающій къ жизни лучшее, что есть въ человѣкѣ, какъ въ свободномъ и духовно-нравственномъ существѣ. Это *лучшее* выражается въ нравственномъ достоинствѣ человѣка и въ способности его къ духовному совершенствованію. Оно можетъ быть подавлено искусственною *тьмою* безправія и невѣжества, когда общественное устройство не даетъ свободно развиваться лучшимъ сторонамъ духовной природы народа, заглушая въ немъ и правосознаніе, и сознаніе собственнаго достоинства. При этомъ, просвѣщеніе народа не льетъ своихъ лучей широкою волной, а лишь скупо пробивается кое-гдѣ чрезъ случайныя щели, но за то своекорыстіе строитъ свое благополучіе на человѣческой слабости и проявленіяхъ животной природы.

Въ такой общественной слѣпотѣ была Россія въ тѣ годы, когда молодой Гротъ — внукъ протестантскаго пастора, переселившагося изъ Голштиніи въ Россію,—вступилъ въ дѣятельную жизнь. На первыхъ же шагахъ ему пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что И. С. Аксаковъ остроумно называлъ *фасадностью* общественнаго устройства своей родины, скрывавшею за видимою стройностью архитектурныхъ линій глубокое запустѣніе.

Еще въ 1844 году, при ревизіи приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, встрѣчаясь съ реальными Гоголевскими типами и превосходящими самую смѣлую фантазію злоупотребленіями, Гротъ вынесъ убѣжденіе, что мѣстные органы управленія дѣлаютъ *не то, что слѣдуетъ*, а офиціальная благотворительность ровно *ничего не дѣлаетъ*. Имѣя счастіе быть сотрудникомъ незабвеннаго Н. А. Милютина, онъ получилъ возможность заглянуть въ закулисную сторону дѣятельности мѣщанскихъ и ремесленныхъ управъ и участвовалъ въ реформѣ ихъ устройства. Но судьба влекла его на болѣе обширную арену лично-отвѣтственной борьбы, какъ бы говоря ему словами поэта: „иныя ждутъ тебя страданья, другихъ восторговъ глубина“. Она поставила его лицомъ къ лицу —въ качествѣ самарскаго губернатора, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, — съ наиболѣе рѣзкими проявленіями общественной слѣпоты.

Тогдашняя Россія въ своей внутренней жизни стояла на трехъ главныхъ устояхъ: на крѣпостномъ правѣ, откупѣ и рекрутствѣ. Среди нихъ ютился судъ, полный „неправды черной“, по выраженію Хомякова, и, какъ рѣдкіе островки въ морѣ тьмы, свѣтились университеты. Съ первыми двумя изъ этихъ устоевъ вступилъ въ борьбу Гротъ, не смущаясь ни враждой, ни клеветою, и вѣрный высказанному имъ однажды правилу: „была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость“.

Крѣпостное право, оставившее такой глубокій и трудно искоренимый слѣдъ на всемъ нравственномъ складѣ русскаго общества,—слѣдъ не изглаженный и до сихъ поръ,—встрѣтило молодого самарскаго губернатора во всеоружіи своего владычества „душою“. Это владычество, со своимъ правомъ ссылки, тѣлеснаго наказанія и другихъ безконтрольныхъ каръ, тлетворно разрушало душу „души“, разрывая ея естественныя связи и оскорбляя чувство привязанности къ избранницѣ сердца, къ родителямъ, къ родному мѣсту. Оно было тою организованною несправедливостью, къ которой такъ примѣнимы слова

Памятникъ К. К. Гроту передъ зданіемъ Петроградскаго Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ (открытъ въ 1906 г.).

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ Петроградъ

Тьера: „l'injustice n'est pas stérile: elle a aussi des enfants et ils sont dignes de leur mère“. Противъ отдѣльныхъ и рѣзкихъ проявленій этой несправедливости сталъ бороться Гротъ, со всей доступной ему властью, путемъ разслѣдованій жестокаго обращенія и возбужденіемъ вопросовъ о наложеніи опекъ. А когда, въ 1858 году. издалека раздался—вначалѣ слабый и многимъ ненавистный—благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Гротъ отозвался на него съ прямодушнымъ восторгомъ. Его рѣчь въ собраніи дворянъ, наэлектризовавшая многихъ,—его дѣятельность по учрежденію губернскаго комитета,—приглашеніе имъ въ члены отъ правительства Юрія Самарина и энергичная поддержка послѣдняго въ трудныя минуты борьбы—составляютъ несомнѣнныя заслуги Грота. Вокругъ него—одинокаго въ своей личной жизни—шипѣла клевета и жадно читались злобные на него памфлеты. Ему дважды грозилъ вызовъ на поединокъ со стороны видныхъ душевладѣльцевъ. Его другъ и соратникъ—Юрій Самаринъ—чистѣйшій и благороднѣйшій слуга родины, долженъ былъ ходить съ револьверомъ, изъ опасенія дикой съ собой расправы. Но Гротъ не уступалъ ни пяди изъ занятого имъ положенія, и лишь въ особенно тяжелыя минуты, онъ, старый царскосельскій лицеистъ, шелъ къ своему вице-губернатору Аксакову и говорилъ ему: „а не почитать ли намъ Пушкина“?

Вызванный въ Петроградъ „честнымъ кузнецомъ-гражданиномъ“, Гротъ много потрудился въ комиссіи по устройству крестьянскихъ учрежденій, создавшей мировыхъ посредниковъ и намѣтившей, по мысли Милютина, начало земскаго самоуправленія. Вотъ почему онъ по праву и со справедливой гордостью носилъ золотую медаль „за освобожденіе крестьянъ“ и многіе годы былъ участникомъ и распорядителемъ обѣдовъ въ память 19-го февраля, за которыми сходились растроганные старики, приложившіе руку къ святому дѣлу осуществленія лучшихъ идеаловъ ихъ молодости.

Откупъ и крѣпостное право были *par nobile fratrum*. Въ правилахъ объ откупной продажѣ вина было преду-

смотрѣно и опредѣлено многое, но забыто одно: хищность и алчность человѣческаго стремленія къ наживѣ. Благодаря этому явилась громадность доходовъ откупщиковъ, доходившая до 45 милліоновъ рублей съ однѣхъ великороссійскихъ губерній въ три послѣдніе года существованія откупа и вообще до 73% на всю сумму, поступавшую въ казну. Чрезмѣрная доходность откупа достигалась во многихъ случаяхъ развращеніемъ чиновниковъ путемъ опредѣленной дани всѣмъ отъ мала до велика,— обирательствомъ народа путемъ разбавленія вина водою и приправленія его дурманомъ, и, наконецъ, всякими насиліями подъ флагомъ борьбы съ корчемствомъ. Ко всему этому мѣстныя власти, при помощи дружескаго союза между услужливымъ закономъ и податливымъ судомъ, относились съ благосклоннымъ попустительствомъ и ласковымъ опасеніемъ, что откупщикъ можетъ „не устоять". На этой почвѣ выросталъ и пускалъ корни мѣстный провинціальный питейный меценатъ и покровитель искусствъ, низкопоклонный предъ властями въ Петроградѣ, надменный въ губернскомъ городѣ съ низшими, вкрадчивый съ равными, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированный насильникъ въ защиту своихъ правъ на это.

Съ этой многоголовой гидрой покровителей откупа и съ обладателемъ новаго ящика Пандоры, въ лицѣ откупщика, вступилъ въ борьбу Гротъ. Обновленіе личнаго состава чиновниковъ, запрещеніе откупной дани въ какой бы то ни было формѣ, настойчивое требованіе выставки цѣнъ, утвержденныхъ сенатомъ, дали почувствовать откупу непреклонность и энергію новаго врага. Полетѣли жалобы, и предъ Гротомъ не разъ вставалъ призракъ отвѣтственности за превышеніе власти. Такъ, желая хоть отчасти возмѣстить своимъ чиновникамъ отсутствіе откупной дани прибавкой къ скудному жалованью, *миролюбивый* Гротъ сталъ дѣйствовать *порохомъ*, т.-е. самовольно увеличилъ продажную цѣну казеннаго пороха. Въ Петроградѣ на него хмурились, отмѣняли его распоряженія, но онъ не унывалъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Заблоцкимъ-

Десятовскимъ—человѣкомъ, который, по выраженію Кавелина, „открывалъ дверь въ будущую Россію“,—положилъ основаніе уничтоженію откупа и новой акцизной системѣ. На обычное у насъ опасеніе министра финансовъ Княжевича, что не найдется людей для добросовѣстнаго выполненія акцизнаго надзора, Гротъ утверждалъ, что люди есть,—надо только умѣть найти ихъ. Назначенный директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, онъ осуществилъ эту увѣренность, и на кличъ его собрались честные и умѣлые дѣятели, образовавшіе безупречное вѣдомство, съ которымъ Гротъ остался навсегда въ тѣсной дружбѣ и нравственномъ единеніи. Стойко пережилъ онъ и послѣднюю борьбу предъ обнародованіемъ отмѣны откуповъ. Тогда въ него, послѣ неудачныхъ попытокъ подкупа, клевета стала бросать уже не камнями, а „цѣлой мостовой“, заподозривая политическую благонадежность его помощниковъ и взывая къ генералъ-адъютантской ревизіи. Въ это же время, въ предсмертныхъ судорогахъ, откупъ, въ заманчивыхъ проектахъ постройки на свой счетъ желѣзныхъ дорогъ, предлагалъ „придать торговлѣ виномъ увлекательное направленіе въ разсужденіи цивилизаціи“...

Принявъ затѣмъ участіе въ выработкѣ земскаго и городового положенія въ ихъ первоначальной и широкой постановкѣ, Гротъ внесъ голосъ своего житейскаго и служебнаго опыта во всѣ серьезные вопросы, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія государственнаго совѣта, котораго онъ сдѣлался членомъ.

Когда наступаетъ старость и то, что Пушкинъ назвалъ „охлажденьемъ лѣтъ“, очень многіе люди замыкаются въ узко-личную жизнь, полную мелочного тщеславія и эгоистическихъ вожделѣній. Чѣмъ ближе конецъ земного, тѣмъ больше земное, преходящее и находящееся подъ ногами, приковываетъ къ себѣ ихъ взоръ. Но не таковъ былъ Константинъ Карловичъ: онъ умѣлъ подымать голову въ сферы, невѣдомыя многимъ, и работалъ съ энергіей, которая знаетъ, чего она хочетъ, въ противоположность упрямству, которое знаетъ, чего не хотятъ другіе. Дѣя-

тельная любовь къ родинѣ и ближнимъ постоянно открывала ему новыя области приложенія своихъ силъ и упорнаго труда. Такъ встрѣтилъ онъ на своемъ пути *новый видъ слѣпоты.*

Бентамъ назвалъ преступника плохимъ счетчикомъ. Еще правильнѣе было бы назвать его слѣпцомъ по своей или чужой винѣ. Не въ одномъ воздаяніи смыслъ наказанія. На немъ давно уже написано слово „исправленіе“, и тамъ, гдѣ исправленіе организовано разумно и съ пониманіемъ индивидуальныхъ свойствъ человѣческой природы, тамъ оно способно вызвать прозрѣніе. Наши старыя мѣста заключенія были совершенно чужды этой задачѣ, и великодушныя усилія отдѣльныхъ человѣколюбцевъ— въ родѣ „святого доктора“ Гааза — только подчеркивали и оттѣняли черствость и бездушіе общаго устройства. Тюрьма въ грубыхъ и неопытныхъ рукахъ, подъ бездушнымъ бюрократическимъ надзоромъ, была во многихъ отношеніяхъ безчеловѣчна, лишь усугубляя нравственную слѣпоту заключенныхъ. Необходима была реформа не только въ учрежденіяхъ, но и въ людяхъ, и этому дѣлу отдался Гротъ въ своихъ работахъ по тюремному преобразованію, въ своихъ участіяхъ въ тюремныхъ конгрессахъ и въ своемъ завѣдываніи главнымъ тюремнымъ управленіемъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему безпочвенности его усилій.

И какъ главноуправляющій IV-мъ отдѣленіемъ государевой канцеляріи, онъ удѣлилъ немало мѣста заботамъ о несчастныхъ, столь близко подходящихъ къ слѣпцамъ—заботамъ о пораженныхъ *звуковою слѣпотою,* т.-е. о глухонѣмыхъ. Онъ стремился ввести обученіе этихъ пасынковъ природы по звуковому методу, расширилъ существующее для нихъ учрежденіе и помогъ приволжскимъ колонистамъ основать у себя училище и пріютъ для глухонѣмыхъ.

Нужно ли говорить о дѣлѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни, связывающемъ его имя навсегда съ попечительствомъ о слѣпыхъ, т.-е. о его борьбѣ со *слѣпотой* въ

прямомъ смыслѣ слова? Подробный отчетъ за первое двадцатипятилѣтіе существованія этого учрежденія указываетъ, въ яркихъ цифрахъ и данныхъ, все, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Гротъ. Достаточно сказать, что уже десять лѣтъ назадъ въ Россійской имперіи было 248.000 слѣпыхъ, что составляетъ около двухъ человѣкъ на тысячу, тогда какъ въ западной Европѣ ихъ вдвое меньше; что по отчетамъ медицинскаго департамента за 1891 годъ изъ 85.000 человѣкъ, обращавшихся за медицинской помощью по глазнымъ болѣзнямъ амбулаторно, 40.000 находились въ рабочемъ возрастѣ; что 17% изъ неспособныхъ къ военной службѣ, изъ общаго числа всѣхъ къ ней призываемыхъ, приходилось больныхъ глазами— и что на 1.200.000 больныхъ, перебывавшихъ за годъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, 50.000 были страдающіе глазными болѣзнями. Для помощи этимъ страдальцамъ существовало два-три маленькихъ учрежденія чисто-казеннаго характера.

Ставъ во главѣ попечительства о слѣпыхъ,—исторія возникновенія котораго очень поучительна,—Гротъ былъ старъ и пораженъ душевнымъ горемъ. Уже въ преклонные годы его жизнь украсила собою любимая и заботливая супруга. Онъ могъ, подобно своему великому лицейскому товарищу, сказать, что „на его закатъ печальный любовь блеснула улыбкою прощальной". Этотъ отблескъ счастья продолжался недолго, но когда послѣднее померкло, Гротъ не отдался всецѣло личной скорби, не опустилъ рукъ „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали". Онъ не забылъ, что къ *тому берегу*, уже по времени недалекому, еще приходится плыть по морю человѣческихъ страданій и немощей. Онъ понялъ, что несчастнымъ слѣпцамъ нужна не простая денежная помощь, а *попеченіе*. Для того же, чтобы послѣднее было успѣшнымъ, нужно *объединеніе* помощи и помогающихъ. Для этого слѣпыхъ надо обучать, создавая училища широкою рукою и готовя для нихъ кадры преподавателей и запасы цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій; нужно устраивать мастерскія для взрослыхъ и организовать сбытъ ихъ издѣлій; нужно при-

зрѣвать немощныхъ и старыхъ и посылать летучіе окулистическіе отряды всюду, гдѣ въ нихъ есть нужда. Этому посвятилъ онъ всѣ свои силы, и къ концу его дѣятельности по попечительству, на мѣстѣ небольшого и бѣднаго убѣжища, выросло учрежденіе, имѣющее 3 милліона капитала, на 900.000 рублей недвижимой собственности, 21 училище, ремесленныя убѣжища для трудящихся, мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ на 60 человѣкъ, устроенныя на личныя средства Грота, 2 убѣжища для престарѣлыхъ слѣпцовъ и 3 глазныхъ лѣчебницы. Такъ, среди моря человѣческаго несчастія, осуществлялось трудами Грота и его сотрудниковъ требованіе умирающаго Гёте: „Licht! mehr Licht!“—и маленькій островокъ сердечнаго участія къ слѣпымъ воинамъ разросся въ прочный и богатый материкъ человѣколюбиваго попеченія о слѣпыхъ вообще. И все это сдѣлалось безъ самохвальныхъ рекламъ, безъ обычныхъ суетливыхъ базаровъ и сомнительныхъ лотерей. Эти проявленія акробатической филантропіи были замѣнены, по указаніямъ О. К. Адеркаса и по мысли С. А. Эллисъ, заботливымъ изысканіемъ средствъ для добраго дѣла среди лежавшихъ мертво капиталовъ и привлеченіемъ народной лепты, даваемой въ молитвенномъ настроеніи въ недѣлю о слѣпомъ.

Таковы заслуги Грота, какъ общественнаго дѣятеля, дающія ему право на то, чтобы, по свободному почину, былъ увѣковѣченъ въ бронзѣ его серьезный и вдумчивый ликъ.

Случается, однако, что и людское правосудіе оказывается *слѣпымъ*. Между нимъ и отдаленнымъ потомствомъ стоитъ время, про которое итальянцы говорятъ, что оно — „порядочный человѣкъ“. Порядочность предполагаетъ правдивость; эта правдивость заставляетъ иногда всплывать воспоминанія о такихъ чертахъ и поступкахъ, которые вынуждаютъ потомство въ недоумѣніи останавливаться передъ инымъ памятникомъ и мысленно низводить изображеннаго съ пьедестала. Въ этомъ уже слышится голосъ того правосудія, которое, по народной поговоркѣ,

„правду видитъ, да не скоро скажетъ“. Тутъ наступаетъ— вмѣсто суда надъ итогомъ общественной дѣятельности человѣка—судъ надъ всей его личностью, съ вопросомъ, все ли сдѣлалъ онъ, что онъ не только могъ, но и долженъ былъ сдѣлать.

Этотъ судъ память о Гротѣ выдерживаетъ спокойно. Вѣковая китайская мудрость устами Конфуція вѣщаетъ, что уваженіе къ человѣку должно измѣряться тою степенью любви къ людямъ, на которую онъ способенъ. Всѣ, кто зналъ Грота, кто имѣлъ счастливый случай встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, знаютъ, какъ велика въ немъ была *дѣятельная любовь* къ людямъ, не показная и шумная, а та, при которой, по прекрасному выраженію Анатоля Франса, „le cœur fleurit en dedans“. Для близорукихъ людей его сдержанность, размѣренная рѣчь и спокойная манера себя держать были основаніемъ для поспѣшныхъ заключеній о его черствости и холодности. Но истинному и глубокому чувству не слѣдуетъ размѣниваться на мелкую монету. Оно должно теплиться, какъ *неугасимая* лампада, предъ образомъ правды и добра, а не кратковременно блистать на базарѣ житейской суеты, какъ шкалики въ праздничный день. Девизъ истинной сердечной доброты, сосредоточенной на дѣлѣ, а не на словахъ: „Non multa, sed multum“. Это чувствовали слѣпыя дѣти и духовнымъ взоромъ прозрѣвали то, чего не усматривалъ поверхностный взоръ случайныхъ наблюдателей. Когда къ нимъ пріѣзжалъ глава попечительства, они съ радостью окружали „дѣдушку Грота“ и *видѣли* незрячими очами, *что* живетъ въ его отверстомъ для нихъ сердцѣ. Поэтому открытый сегодня памятникъ проченъ. Онъ будетъ служить нѣмымъ и непререкаемымъ свидѣтелемъ, что покуда существуютъ въ человѣчествѣ скорбь и несчастіе, Богъ избираетъ и посылаетъ благородныхъ и стойкихъ борцовъ съ ними.

Въ день своей смерти Гротъ сказалъ, въ минуту краткаго просвѣтлѣнія сознанія: *„сегодня торжественный день“*. Онъ былъ правъ. Для людей его закала смерть

не есть уничтоженіе—это лишь день наступленія отчета, передъ Пославшимъ въ міръ, въ томъ, что сдѣлано для міра. Чѣмъ чище и богаче отчетъ, тѣмъ торжественнѣе и этотъ день.

Сходя въ могилу, Гротъ завѣщалъ созданнымъ имъ учрежденіямъ продолженіе своего дѣла. Вглядываясь въ дѣятельность попечительства послѣ его смерти, мы видимъ, что оно продолжаетъ служить его завѣтамъ. Сегодня и у попечительства торжественный день. Пускай же вокругъ этого памятника все шире и глубже развивается дѣятельность послѣдняго и пусть съ благодарнымъ чувствомъ приходятъ къ нему спасенные отъ слѣпоты или отъ связанныхъ съ нею нищеты и безпомощности. Пусть живетъ среди нихъ свѣтлое воспоминаніе о томъ, кто, покидая свою многотрудную и многополезную жизнь, могъ сказать словами евангельскаго слѣпца: „Я видѣлъ Христа, и Онъ говорилъ со мною“.

К. К. Гротъ, какъ радѣтель слѣпыхъ.

I.

Была пора военной непогоды. Россія выступила на защиту славянскихъ народностей, подвластныхъ Турціи и возставшихъ противъ вѣковыхъ своихъ утѣснителей. Сотни тысячъ русскаго воинства были двинуты въ предѣлы Турціи и доблестно сражались противъ исконнаго врага Россіи. У многихъ изъ воиновъ, проливавшихъ свою кровь за освобожденіе славянъ изъ-подъ турецкаго ига, остались семьи, лишившіяся на время, а быть можетъ и навсегда, своихъ поильцевъ и кормильцевъ. Жертвы были велики, но и готовность нести эти жертвы была не меньше. Жертвовали не только на нужды раненыхъ, но и на нужды осиротѣлыхъ семей. Пожертвованія полились обильными потоками. Красный Крестъ явился средоточіемъ даяній на нужды раненыхъ. Забота о семьяхъ, которыхъ война лишила ихъ главъ, была воз-

ложена на другіе органы. Семьямъ приходили на помощь земства и города, но этого было недостаточно, да и неудобно было земскимъ и городскимъ учрежденіямъ обращаться къ доброму сердцу жертвователей. Для этого требовалась организація иного порядка, не носившая на себѣ казеннаго клейма.

Весною 1877 года, по почину нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ которыхъ, по всей вѣроятности, былъ и К. К. Гротъ, возникла мысль о повсемѣстномъ учрежденіи особыхъ попечительствъ для помощи семьямъ, пострадавшимъ отъ войны. Лѣтомъ въ Комитетѣ Министровъ прошли правила для этихъ попечительствъ, а осенью 1877 года было призвано къ жизни такъ называемое Главное Попечительство для пособія семействамъ воиновъ. Попечительство возникло подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Во главѣ его Государынѣ благоугодно было поставить К. К. Грота. Извѣстный дѣятель изъ эпохи освобожденія крестьянъ П. П. Семеновъ сообщалъ, что именно онъ указалъ Императрицѣ на К. К. Грота. Былъ и другой источникъ, изъ котораго Императрица имѣла возможность почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о разносторонней опытности К. К. Грота. Это—баронесса Э. Ѳ. Раденъ, женщина выдающагося ума и характера, близко стоявшая къ Императрицѣ. Она была свидѣтельницей дѣятельности К. К. Грота во главѣ совѣта по управленію просвѣтительными и медицинскими учрежденіями Великой Княгини Елены Павловны и въ то время высоко ставила его административный талантъ. Возможно также, что о дѣятельности К. К. Грота было извѣстно Императрицѣ какъ отъ Великой Княгини Елены Павловны († 1873), пользовавшейся его совѣтами, такъ и отъ Ея дочери Великой Княгини Екатерины Михаиловны, которой принадлежало покровительство надъ учрежденіями Великой Княгини Елены Павловны. Во всякомъ случаѣ есть полное основаніе думать, что Императрица не раскаялась въ своемъ выборѣ, а К. К. Гротъ въ Ея лицѣ встрѣтилъ могущественную поддержку своимъ дальнѣйшимъ начи-

наніямъ на поприщѣ служенія ближнему. Бывая съ докладами у Императрицы, онъ нерѣдко за завтракомъ въ присутствіи лишь дежурной фрейлины велъ бесѣду съ Государынею по разнымъ вопросамъ. Для Нея К. К. Гротъ былъ не однимъ изъ сановниковъ, на котораго Она могла возложить исполненіе ея предначертаній, а человѣкомъ, принимавшимъ къ сердцу эти предначертанія. Тяжкая и продолжительная болѣзнь Императрицы сдѣлала невозможными доклады К. К. Грота. Въ распоряженіяхъ по случаю кончины Императрицы Государь Александръ II не забылъ про ея сотрудника и приказалъ передать К. К. Гроту изъ вещей Императрицы свой портретъ въ золоченой рамѣ. Душеприказчики Ея Величества, съ Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Сергіемъ Александровичемъ во главѣ, выполнили Высочайшую волю, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ оффиціальныхъ бумагахъ К. К. Грота письмо за общею подписью всѣхъ душеприказчиковъ Императрицы.

Задача Главнаго Попечительства для пособія семьямъ воинскихъ чиновъ была не столько практическая, сколько теоретическая. Первоначально оно вовсе не имѣло въ виду приступать къ устройству какихъ-либо заведеній и оказывать непосредственную помощь нуждающимся семьямъ. Для этой цѣли учреждались мѣстныя попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, Главное же Попечительство, состоявшее изъ 9 членовъ по назначенію Императрицы, было призвано создавать эти попечительства, объединять и направлять ихъ дѣятельность. Это было время крайней полицейской регламентаціи и подозрительности. Даже патріотическій порывъ казался нерѣдко подозрительнымъ. На помощь семьямъ нужны денежныя средства, которыя стекались благодаря разнаго рода сборамъ, между прочимъ, и въ католическихъ храмахъ. А что если эти сборы пойдутъ не на то доброе дѣло, на которое они производятся? Что, если доброхотныя даянія послужатъ цѣлямъ, не согласнымъ съ интересами правительства? Вопросъ, несомнѣнно, очень щекотливый, и только благородному мужеству

К. К. Грота надо приписать то обстоятельство, что мѣстныя попечительства были ограждены отъ пароксизмовъ полицейской подозрительности. На вопросъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ справедливо указалъ, что не исключена, конечно, возможность злоупотребленія даже разрѣшенными сборами, но это еще не даетъ основанія запрещать сплошь всѣ эти сборы. К. К. Гротъ былъ далекъ отъ мысли, что онъ долженъ отвѣчать за надлежащее расходованіе сборовъ, но въ то же время онъ былъ убѣжденъ, что изъ боязни единичныхъ злоупотребленій не слѣдуетъ подавлять проявленіе общественнаго почина, направленнаго къ тому же на цѣли, близкія и правительству.

Извѣстно, какими формальностями и затрудненіями было обставлено учрежденіе всякаго рода обществъ. Сколько добрыхъ начинаній находило себѣ могилу на почвѣ запретительныхъ циркуляровъ, а нерѣдко и простого усмотрѣнія! Главное Попечительство устранило эти циркулярныя наслоенія и административные капризы. Достаточно было заявленія нѣсколькихъ лицъ о желаніи образовать мѣстное попечительство, и губернская администрація, получивъ сообщеніе отъ Главнаго Попечительства, должна была считаться съ новой ячейкой для помощи семьямъ воиновъ. Это былъ въ сущности явочный порядокъ, о которомъ въ тѣ времена никто не дерзалъ даже мечтать. Административная смѣлость—качество, всегда отличавшее К. К. Грота, и въ данномъ случаѣ онъ безъ шума осуществилъ въ примѣненіи къ мѣстнымъ попечительствамъ одно изъ требованій здравой общественности, по какому-то недоразумѣнію считавшееся опаснымъ.

Широко хлынулъ потокъ въ открытыя шлюзы. Мѣстныя попечительства создавались съ рѣдкою быстротою при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Число ихъ дошло почти до 1000, и нерѣдко въ одномъ и томъ же уѣздѣ бывало даже нѣсколько попечительствъ. Руководились они крайне несложными правилами и располагали денежными средствами изъ мѣстныхъ источниковъ. Тамъ, гдѣ мѣстныхъ средствъ недоставало, приходило на по-

мощь Главное Попечительство, въ распоряженіе котораго былъ переданъ по повелѣнію его Покровительницы особый капиталъ. Мѣстныя Попечительства посвящали особое вниманіе дѣтямъ, заботясь о помѣщеніи ихъ въ учебныя заведенія.

Спокойная дѣятельность по объединенію начинаній мѣстныхъ попечительствъ видимо не удовлетворяла К. К. Грота. Въ Главномъ Попечительствѣ вскорѣ возникла мысль выступить самому въ дѣлѣ непосредственной помощи семьямъ. И тутъ дѣти были поставлены въ первую очередь. Главное Попечительство вошло въ соглашеніе съ Педагогическимъ обществомъ, вскорѣ, впрочемъ, подвергшимся закрытію за свою борьбу противъ внѣдрявшейся системы классическаго образованія, и устроило такъ называемый пріютъ въ память Восточной войны. Много дѣтей обучалось также въ другихъ заведеніяхъ на счетъ Главнаго Попечительства. Все это, однако, какъ и само Попечительство, имѣло лишь преходящій характеръ. Окончилась война, и какъ Главное Попечительство, такъ и многочисленныя мѣстныя попечительства должны были постепенно приступить къ ликвидаціи своей дѣятельности. Ихъ роль была сыграна и будетъ, конечно, съ полнымъ сочувствіемъ отмѣчена историкомъ войны. Главному Попечительству суждено было, однако, сойти со сцены, лишь подготовивъ себѣ преемника съ надеждою на прочное существованіе.

Чуткій къ запросамъ и требованіямъ жизни, К. К. Гротъ никогда не опирался только на букву уставовъ и законодательныхъ положеній. Главное Попечительство призвано было помогать семьямъ, но въ семьи съ войны нерѣдко возвращались инвалиды, а среди инвалидовъ былъ особый разрядъ, требовавшій къ себѣ исключительнаго вниманія и вызывавшій невольно сочувствіе. Объ инвалидахъ заботилось государство, заботился Александровскій комитетъ о раненыхъ, но кому было заботиться о тѣхъ инвалидахъ, которыхъ война обрекла на вѣчную ночь? Они тоже получали денежную помощь, но въ остальномъ были предоставлены самимъ себѣ. Положеніемъ слѣпыхъ

солдатъ не могъ не заинтересоваться такой отзывчивый дѣятель, какъ К. К. Гротъ, и Главное Попечительство уже въ концѣ 1877 года стало передъ задачею, какъ всего лучше придти имъ на помощь.

Слѣпота русскихъ солдатъ была печальнымъ наслѣдіемъ войны. Попечительству удалось установить, что всѣхъ ихъ было около 1300, но являлся вопросъ, всѣ ли они безнадежно слѣпы? Нельзя ли призвать имъ на помощь медицинскую науку? Надо было устроить осмотръ воинскихъ чиновъ, лишившихся зрѣнія, и привлечь для этой цѣли глазныхъ врачей. Дѣятельнымъ сотрудникомъ въ этомъ направленіи явился д-ръ А. И. Скребицкій, съ которымъ К. К. Гротъ до того былъ связанъ дѣловыми отношеніями. Было заранѣе намѣчено нѣсколько сборныхъ пунктовъ, и А. И. Скребицкій, запасшись инструментами и нѣкоторыми денежными средствами отъ Главнаго Попечительства, произвелъ осмотръ явившихся на эти пункты слѣпыхъ солдатъ, подалъ на мѣстѣ медицинскую помощь тѣмъ изъ нихъ, которые въ ней нуждались, другихъ же снабдилъ деньгами. Къ подобнымъ осмотрамъ Главное Попечительство привлекло и окружныхъ окулистовъ военнаго вѣдомства. Это были въ зародышѣ тѣ глазные отряды, которые черезъ 15 лѣтъ возродились подъ руководствомъ К. К. Грота въ болѣе широкомъ масштабѣ. Вернуть зрѣніе удалось весьма немногимъ изъ солдатъ, но изъ осмотровъ выяснилось, что слѣпота у нихъ явилась слѣдствіемъ не столько мѣткости турецкихъ пуль, сколько заразныхъ болѣзней, грязи и отсутствія своевременной медицинской помощи. Не внѣшній врагъ былъ главнымъ виновникомъ слѣпоты, а внутренній, поражавшій не только солдатъ, но и все населеніе. Не было, однако, достаточныхъ данныхъ, чтобы судить объ опасности этого внутренняго врага, и впослѣдствіи К. К. Гротъ въ тѣсномъ кругу своихъ сотрудниковъ не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что послѣдующая его дѣятельность въ области заботъ о слѣпыхъ могла бы получить иное направленіе, если бы передъ нимъ съ полною отчетливостію былъ поставленъ выборъ между попече-

ніемъ о безнадежно слѣпыхъ и заботами о предотвращеніи слѣпоты. Онъ предпочелъ бы начать съ предупрежденія слѣпоты и затѣмъ перешелъ бы къ устройству участи неизлѣчимо слѣпыхъ.

Во всякомъ случаѣ передъ Главнымъ Попечительствомъ оказалась значительная группа людей, здоровыхъ и готовыхъ трудиться, но лишенныхъ зрѣнія. На такихъ людей укоренился взглядъ, что они обречены на праздность. Убаюкивая себя этой мыслію, окружающіе ихъ обыкновенно не идутъ дальше невольнаго движенія въ свой карманъ за мелкою монетою, чтобы подать ее встрѣчному слѣпцу. Не могъ, однако, примириться съ такимъ отношеніемъ къ слѣпымъ К. К. Гротъ.

Какъ ни скромна русская литература о слѣпыхъ, но вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ приписать починъ въ преобразованіи этого дѣла, затрагивался уже не разъ. Покойный Московскій оберъ-пасторъ Дикгофъ, основатель пріюта слѣпыхъ дѣтей въ Москвѣ, склоненъ приписывать этотъ починъ себѣ. Со словъ оберъ-пастора Дикгофа въ извѣстной энциклопедіи Мелля, посвященной слѣпымъ, указывается, что именно онъ докладывалъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ о нуждахъ слѣпыхъ и о К. К. Гротѣ, какъ о лицѣ, которому можно было бы поручить заботы о слѣпыхъ. Все это вполнѣ возможно, но отсюда еще далеко до вывода, будто бы Императрица поручила К. К. Гроту учредить Попечительство о слѣпыхъ потому, что на него указалъ оберъ-пасторъ Дикгофъ. Изъ журналовъ Главнаго Попечительства ясно видно, что К. К. Гротъ постепенно привлекалъ вниманіе Императрицы къ этому дѣлу, столкнулся же онъ съ положеніемъ слѣпыхъ уже вскорѣ по открытіи дѣятельности Главнаго Попечительства, въ концѣ 1877 года или въ самомъ началѣ 1878 г. Эти даты могутъ должнымъ образомъ освѣтить и другое домогательство, встрѣчающееся въ литературѣ о слѣпыхъ, будто бы починъ въ этомъ дѣлѣ относится къ 1879 году и совпалъ у К. К. Грота съ осмотромъ заграничныхъ заведеній для слѣпыхъ, произведеннымъ однимъ изъ его раннихъ сотрудниковъ. Но К. К. Гротъ сталъ знакомиться

съ заграничными заведеніями для слѣпыхъ гораздо ранѣе этого своего сотрудника. Тѣмъ не менѣе со свойственнымъ ему благородствомъ Константинъ Карловичъ охотно готовъ былъ отдать ему пальму первенства, чтобы успокоить его болѣзненное самолюбіе, дававшее себя знать разнаго рода треніями.

Въ тѣ времена Россія не могла похвалиться постановкою дѣла помощи слѣпымъ. Преобладали заведенія для слѣпыхъ богадѣленнаго типа. Даже при попыткѣ отрѣшиться отъ этого типа не шли дальше „пріютовъ“. Въ самомъ названіи чуялось тяготѣніе къ богадѣльнѣ. Это сказалось и въ начинаніи оберъ-пастора Дикгофа. Правда, Россія могла гордиться тѣмъ, что одно изъ ея заведеній для слѣпыхъ, институтъ слѣпыхъ въ Петроградѣ, не только основано, но и въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ находилось подъ личнымъ руководствомъ великаго друга и печальника слѣпыхъ Валентина Гаюи, положившаго начало разумной помощи слѣпымъ. Только Парижъ и Берлинъ могутъ стать въ этомъ отношеніи рядомъ съ Петроградомъ. Но чувство гордости быстро переходило въ чувство досады и даже стыда, какъ только посѣтитель ближе знакомился съ этимъ институтомъ. То, что давно отжило свой вѣкъ, продолжало влачить еще здѣсь жалкое существованіе. Это былъ въ сущности не институтъ, а богадѣльня, гдѣ слѣпцы, усвоивъ игру на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, оставались до гробовой доски. Ихъ, правда, учили читать и писать, но и это было второстепеннымъ придаткомъ. Даже пѣніе, которое обычно находитъ себѣ благодарную почву среди слѣпыхъ, было здѣсь въ полномъ пренебреженіи. Но самое удивительное въ порядкахъ института было то, что его взрослые питомцы пользовались полною свободою и ходили играть въ качествѣ таперовъ въ разнаго рода увеселительныя заведенія, откуда возвращались въ институтъ нерѣдко позднею ночью въ состояніи нѣкотораго возбужденія. К. К. Гроту было ясно, что тутъ если и было чему учиться, то только тому, какъ не слѣдуетъ вести дѣло. Учиться разумной по

становкѣ дѣла помощи слѣпымъ надо было въ другомъ мѣстѣ.

Къ этому времени Константинъ Карловичъ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда люди обыкновенно не рѣшаются начинать отвѣтственныя дѣла и думаютъ лишь о завершеніи того, что ранѣе начато. Но К. К. Гротъ не побоялся взяться за новое для него дѣло. Въ своей жизни онъ не разъ стоялъ передъ начинаніями огромнаго размаха и государственнаго значенія; онъ приводилъ эти начинанія къ удачному концу. Теперь передъ нимъ стояла болѣе скромная задача, но и силы были уже не тѣ. Онъ подолгу былъ вынужденъ уѣзжать за границу для лѣченія, но жажда дѣятельности все же томила его, и слѣпые какъ разъ оказались тѣмъ предметомъ, который, не требуя особаго напряженія, могъ утолить эту жажду.

Для основательнаго знакомства съ дѣломъ К. К. Гротъ предпринимаетъ посѣщеніе цѣлаго ряда заграничныхъ заведеній для слѣпыхъ. Дрезденъ, Вѣна, Дюренъ, Ильцахъ, Парижъ, Лозанна, Флоренція, Миланъ — вездѣ онъ съ особымъ вниманіемъ вникаетъ въ постановку дѣла слѣпыхъ, вездѣ проницательнымъ взоромъ подмѣчаетъ и сильныя и слабыя стороны. Для него уже тогда стало яснымъ, что спасеніе слѣпыхъ только въ трудѣ. Трудъ не только ведетъ ихъ къ экономической независимости, но и придаетъ имъ нравственную бодрость, подымаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. При осмотрѣ заведеній К. К. Гротъ завязываетъ личныя сношенія съ ихъ руководителями. Бютнеръ въ Дрезденѣ, Гирцель въ Лозаннѣ, Меккеръ въ Дюренѣ, Кунцъ въ Ильцахѣ, Паблазекъ и Геллеръ въ Вѣнѣ — вотъ та плеяда дѣятелей, среди которой вырабатывалъ К. К. Гротъ свои взгляды на слѣпыхъ.

Особенно цѣнилъ и уважалъ онъ, однако, Бютнера, съ семьей котораго познакомился тѣснѣе и котораго посѣщалъ почти всякую поѣздку за границу. Бютнеръ очень рѣдко выступалъ въ печати, но принадлежалъ несомнѣнно къ числу большихъ знатоковъ своего дѣла. По каждому вопросу, какой только могъ возникнуть въ дѣлѣ попеченія о слѣпыхъ, у него былъ совершенно

опредѣленный взглядъ и цѣлый запасъ практическихъ свѣдѣній. По важнѣйшимъ вопросамъ К. К. Гротъ обращался къ нему нерѣдко и впослѣдствіи, какъ къ эксперту, и высоко ставилъ его указанія. Бютнеръ платилъ ему благоговѣйнымъ уваженіемъ. Въ 1898 году, когда Бютнеръ стоялъ уже одною ногою въ могилѣ, одинъ изъ молодыхъ сотрудниковъ К. К. Грота, тогда уже покойнаго, навѣстилъ Дрезденскаго директора въ старомъ мрачномъ зданіи института, вскорѣ послѣ того снесенномъ для устройства центральнаго вокзала. Узнавъ, что Бютнеръ очень боленъ, посѣтитель счелъ неделикатнымъ добиваться свиданія съ нимъ. Но стоило только посѣтителю упомянуть, что онъ сотрудникъ К. К. Грота, какъ члены семьи Бютнера стали просить непремѣнно навѣстить его, такъ какъ все, что связано съ К. К. Гротомъ и Попечительствомъ о слѣпыхъ, доставляетъ ему невыразимое удовольствіе. И дѣйствительно, Бютнеръ, на которомъ уже лица не было, весь отдался воспоминаніямъ о К. К. Гротѣ и болѣе часа не отпускалъ отъ себя посѣтителя. Вспоминалъ онъ, какъ запросто заѣзжалъ къ нему К. К. Гротъ, какъ онъ принималъ участіе въ праздничныхъ экскурсіяхъ его семьи. Разсказалъ онъ, какъ однажды во время экскурсіи въ Саксонскую Швейцарію ихъ компанія рѣшила устроить привалъ. Пунктъ былъ очень людный, а праздничный день привлекъ къ нему толпы народа. Пиво бралось чуть не съ бою. Бютнеръ съ женою и К. К. Гротомъ терпѣливо ждали, пока не схлынетъ людская волна, и имъ наконецъ удастся получить по кружкѣ холоднаго пива. Не тутъ-то было! Волна только прибывала. „Нѣтъ, я больше ждать не могу", воскликнулъ К. К. и, энергично заработавъ локтями, пробился къ стойкѣ, откуда и вернулся. съ торжествомъ неся надъ головою необходимое число кружекъ пива для своихъ собесѣдниковъ." Но особенно тепло Бютнеръ вспомнилъ о своей поѣздкѣ въ Петроградъ, когда разрабатывался проектъ зданія для училища слѣпыхъ. К. К. Гротъ оказывалъ пріѣзжему иностранцу самое утонченное вниманіе и, между прочимъ, далъ ему возможность посѣтить Ма-

рінскій театръ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ. Мѣсто Бютнера было въ одномъ изъ первыхъ рядовъ, и велико было смущеніе иностранца, незнакомаго съ великосвѣтскими условностями, когда онъ замѣтилъ, что только онъ одинъ безъ перчатокъ. Въ ближайшемъ антрактѣ К. К. Гротъ подошелъ къ нему и, сразу замѣтивъ причину его смущенія, сталъ во время бесѣды постепенно снимать свои перчатки. Безъ перчатокъ оказалось теперь двое, и у Бютнера отлегло отъ сердца. „Никогда въ жизни не забуду я этой находчивости фонъ-Грота“,— прибавилъ онъ съ увлеченіемъ.

Постепенно К. К. Гротъ втягивался въ интересы слѣпыхъ. Къ нему примкнулъ небольшой кружокъ лицъ, также сочувственно относившихся къ слѣпымъ. Былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Главное Попечительство стало на ту точку зрѣнія, что устройство спеціальныхъ убѣжищъ для обученія слѣпыхъ производительному труду было бы не по силамъ мѣстнымъ попечительствамъ, что за это дѣло надо взяться самому Главному Попечительству. Обученіе взрослыхъ слѣпыхъ ремесламъ въ то время даже на Западѣ было дѣломъ сравнительно новымъ, въ Россіи же оно было прямо неслыханнымъ. Требовалась горячая вѣра въ успѣхъ, требовалась рѣшимость добиться этого успѣха, требовалось, наконецъ, большое знакомство съ дѣломъ. Если на мѣстахъ впослѣдствіи и были подготовлены дѣятели, знакомые съ спеціальною отраслью попеченія о слѣпыхъ, то это слѣдуетъ приписать К. К. Гроту. Въ 1879 году непосредственно около него сгруппировались Н. Н. Гартманъ, Н. П. Забугинъ, А. П. Скребицкій. Къ этому кружку слѣдуетъ отнести и А. О. Андріяшева въ Кіевѣ.

Изъ ремеслъ, доступныхъ для слѣпыхъ, К. К. Гротъ остановился на корзинномъ. Былъ пріисканъ мастеръ, отправленный въ Дрезденъ для подготовки къ занятіямъ со слѣпыми. По возвращеніи его изъ Дрездена было открыто ремесленное убѣжище для ослѣпшихъ солдатъ въ Петроградѣ сначала на 8 слѣпыхъ, а затѣмъ число ихъ дошло до 14. Главное Попечительство и его бли-

жайшіе сотрудники стали лицомъ къ лицу не только съ нуждами слѣпыхъ, но и со всѣми ихъ неизбѣжными слабостями. Если въ обществѣ смотрѣли на возможность обученія слѣпыхъ, какъ на ересь, то тѣмъ болѣе казалась необычной эта мысль и многимъ слѣпымъ. Слѣпцы нерѣдко искали совсѣмъ не того, что имъ предлагало ремесленное убѣжище. Все это слишкомъ знакомо всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ при началѣ ихъ дѣятельности. Были слѣпцы, которые не удержались въ убѣжищѣ, такъ какъ попали туда по недоразумѣнію. Несмотря, однако, на весьма измѣнчивый составъ слѣпыхъ учениковъ, убѣжище въ учебномъ отношеніи дало вполнѣ удовлетворительные результаты и подготовило нѣсколько хорошихъ корзинщиковъ. Обученіе шло успѣшно, и возможность его была вполнѣ доказана. Гораздо труднѣе было считаться съ нравственными качествами слѣпыхъ. Въ убѣжище поступали люди взрослые, хотя и прошедшіе суровую военную школу, но считавшіе, что слѣпота даетъ имъ право на нѣкоторыя, не всегда удобныя вольности. Въ убѣжище они приносили также застарѣлыя привычки, съ которыми не легко было бороться. Сладить съ ними не могъ мастеръ, стоявшій во главѣ убѣжища, создавать же особую должность завѣдующаго убѣжищемъ, на которую согласилось бы пойти лицо болѣе высокаго умственнаго развитія, значило бы удорожать и безъ того дорого стоящее обученіе.

Поступая въ убѣжище, слѣпцы становились предметомъ особыхъ заботъ во всѣхъ случаяхъ ихъ жизни. Со всѣми своими нуждами они обращались къ попечителю убѣжища. Дѣло почти никогда не обходилось безъ помощи К. К. Грота. Всѣ ихъ маленькія радости, всѣ ихъ горести онъ принималъ близко къ сердцу. Не рѣдкость, что слѣпецъ приглашалъ къ себѣ въ посаженые отцы К. К. Грота, и онъ заботливо и съ обычной своею точностью исполнялъ эти обязанности. Наконецъ, позже онъ самолично посѣтилъ одного изъ слѣпцовъ, окончившихъ курсъ убѣжища, на его родинѣ въ медвѣжьемъ углу Воронежской губерніи. Это былъ слѣпецъ выдающагося

трудолюбія и высокихъ душевныхъ качествъ, вполнѣ оправдавшій возлагавшіяся на него ожиданія. Наблюдая этого труженика въ кругу его семьи и въ обычной деревенской обстановкѣ, К. К. Гротъ самъ испыталъ высокое чувство удовлетворенія.

Такое же ремесленное убѣжище удалось открыть и въ Кіевѣ. А. Ѳ. Андріяшевъ былъ также человѣкомъ отзывчивымъ и заинтересовался слѣпыми. Но твердость и рѣшительность не были тѣми качествами, которыми могъ бы похвалиться этотъ педагогъ, причислявшій себя къ школѣ Пирогова. К. К. Гротъ постоянно подбадриваетъ А. Ѳ. Андріяшева въ его колебаніяхъ и сомнѣніяхъ на счетъ обученія слѣпыхъ. И надо сознаться, что кіевское убѣжище дало не столь благіе результаты, какъ петроградское. Мало добраго желанія пріучить слѣпыхъ воиновъ къ доступному имъ труду,—требовались еще твердость и настойчивость въ проведеніи совершенно новаго для того времени начинанія.

Наступало время подумать о ликвидаціи Главнаго Попечительства. Мѣстныя попечительства постепенно закрылись, представивъ отчеты и оставшіяся у нихъ средства Главному Попечительству. На рукахъ у Главнаго Попечительства оставались два убѣжища для слѣпыхъ. Кромѣ того Попечительство не теряло изъ виду тѣхъ слѣпыхъ, которые были выпущены изъ этихъ убѣжищъ за окончаніемъ ремесленнаго курса. Такимъ образомъ изъ огромнаго числа русскихъ слѣпыхъ сравнительно небольшая группа очутилась какъ бы въ привилегированномъ положеніи. Въ убѣжище принимали слѣпыхъ солдатъ, денежную помощь оказывали слѣпымъ солдатамъ, но легче ли было тѣмъ слѣпымъ, которые ослѣпли безъ какой либо связи съ войною? Можно было оправдать временное предпочтеніе по отношенію къ солдатамъ, но чѣмъ же были виноваты ихъ многочисленные товарищи по несчастью, что объ нихъ никто почти не заботился? Какъ только прошелъ слухъ, что Главное Попечительство помогаетъ слѣпымъ солдатамъ, къ нему стали обращаться слѣпые другихъ званій все за тою же

помощью. Сама жизнь подсказала, въ какомъ направленіи надлежитъ видоизмѣнить дѣятельность Главнаго Попечительства, и К. К. Гротъ и на этотъ разъ не остался глухъ къ запросамъ жизни.

II.

Въ концѣ 1880 года у К. К. Грота созрѣлъ планъ дальнѣйшей дѣятельности въ области заботъ о слѣпыхъ. Главное Попечительство еще дѣйствовало, но оно все же было связано довольно узкими рамками, такъ какъ могло заботиться только о солдатахъ и ихъ семьяхъ. Правда, въ составѣ семей могли быть также и слѣпые, но на такой случайности нельзя было построить цѣлую систему помощи слѣпымъ вообще. Закрывать Главное Попечительство пока было еще рано, да и для преобразованія его въ другое учрежденіе тоже еще не настало время. Между тѣмъ слѣпые заполонили все вниманіе и всѣ досуги К. К. Грота. У него уже сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ на ближайшія задачи въ дѣлѣ заботы о слѣпыхъ, вынесенный имъ какъ изъ наблюденія надъ жизнью слѣпыхъ въ лучшихъ европейскихъ училищахъ для нихъ, такъ и изъ собственнаго, хотя и кратковременнаго, опыта. Трудъ вполнѣ доступенъ для здороваго слѣпца, но все же легче обучать слѣпыхъ дѣтей, нежели взрослыхъ. Дѣти—тотъ благодарный матеріалъ, который въ рукахъ опытнаго педагога можетъ дать изумительные успѣхи. Да если перебрать въ умѣ различные разряды слѣпыхъ, то именно дѣти должны оказаться на первомъ планѣ въ заботахъ о слѣпыхъ. Взрослые въ рабочемъ возрастѣ составляютъ вторую группу, и только на послѣднемъ мѣстѣ окажутся слѣпцы, утратившіе всякую способность къ труду. Это была программа для всей послѣдующей дѣятельности К. К. Грота.

Зимою 1880 года К. К. Гротъ окончательно рѣшилъ приступить къ открытію училища слѣпыхъ. Но какъ это сдѣлать? Главное Попечительство за это взяться не имѣло права, новаго же общества для попеченія о слѣпыхъ соз-

дано еще не было. К. К. Гротъ не смутился и взялся за дѣло на собственный страхъ и рискъ. Онъ пріискалъ талантливую учительницу, заключилъ съ нею условіе лично отъ себя и отправилъ въ Дрезденъ къ Бютнеру для подготовки къ предстоящей дѣятельности. Это было его личное начинаніе, въ осуществленіи котораго ему помогалъ А. И. Скребицкій, принявшій на себя хлопоты по снабженію намѣченнаго училища необходимыми учебными пособіями. Въ августѣ 1881 года въ скромной квартирѣ на Таврической улицѣ въ присутствіи избраннаго круга лицъ происходило открытіе училища слѣпыхъ дѣтей. Число дѣтей было невелико, и тутъ К. К. Гротъ вновь натолкнулся на неожиданный житейскій парадоксъ: слѣпыхъ, не исключая и дѣтей, вездѣ много, а когда для нихъ открываются заведенія, слѣпые какъ нарочно куда-то исчезаютъ. Ихъ надо разыскивать, убѣждать ихъ и ихъ родителей, чуть не упрашивать. Кора предубѣжденій и предразсудковъ была слишкомъ толста, своекорыстныя побужденія слишкомъ сильны, равнодушіе къ судьбѣ обездоленныхъ дѣтей—слишкомъ велико, чтобы можно было легко и быстро побороть препятствія, оказавшіяся на пути къ просвѣщенію слѣпыхъ. То же самое наблюдалось въ подобныхъ случаяхъ и въ другихъ странахъ, наблюдается кое-гдѣ даже и теперь.

Открытіе и устройство училища было чисто личнымъ дѣломъ К. К. Грота, но уже были готовы основныя положенія для новаго общества, которое должно было принять на себя всестороннія заботы о слѣпыхъ и къ которому вскорѣ перешла и школа К. К. Грота. 13 февраля 1881 года были утверждены Государемъ Императоромъ Александромъ II такъ называемыя основныя начала для дѣятельности Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, а 18 октября подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота происходило первое общее собраніе его членовъ.

Редакція этихъ основныхъ началъ несомнѣнно цѣликомъ принадлежитъ К. К. Гроту. Не только особенности стиля выдаютъ автора, но и характеръ поставленныхъ обществу задачъ, а также способъ ихъ разрѣшенія. Все

здѣсь удивительно просто, немногословно, чуждо обычной уставной казуистики. Невелико и число статей. Въ первую очередь обществу поставлены просвѣтительныя задачи въ связи съ трудовою помощью слѣпымъ. Другіе виды помощи слѣпымъ отошли на второй планъ. Самый строй общества отличается крайнею простотою: направленіе дѣятельности принадлежитъ совѣту, избираемому общимъ собраніемъ, наблюдательная же роль—ревизіонной коммиссіи, тоже избираемой общимъ собраніемъ. Никто изъ выборныхъ должностныхъ лицъ не представляется на утвержденіе какой бы то ни было инстанціи. Общество живетъ вполнѣ самостоятельною жизнью какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ отношеніи денежныхъ средствъ. Разнаго рода пожертвованія, членскіе взносы, пособія отъ правительства, земствъ и городовъ—вотъ тѣ источники, откуда оно должно было черпать средства на удовлетвореніе своихъ нуждъ. Въ числѣ другихъ правъ юридическаго лица обществу было присвоено право открывать отдѣленія вездѣ, гдѣ оно признаетъ нужнымъ. Въ знакъ благодарности въ Бозѣ почившей Императрицѣ Маріи Александровнѣ, столь много удѣлявшей вниманія слѣпымъ, К. К. Гротъ въ самомъ названіи общества сохранилъ Ея Имя: общества было названо Маріинскимъ Попечительствомъ для призрѣнія слѣпыхъ. Впослѣдствіи, въ 1888 году, когда К. К. Гротъ по случаю передачи Попечительству одного милліона рублей, пожертвованнаго Императоромъ Александромъ II изъ собственныхъ средствъ для увѣковѣченія памяти Его Августѣйшей Супруги, подробно доложилъ Государю Императору Александру III о томъ, что было сдѣлано Его Родительницею для слѣпыхъ, Его Величеству благоугодно было выразить желаніе, чтобы въ самомъ названіи Попечительства была болѣе оттѣнена роль Его Родительницы. Попечительство было тогда переименовано въ Попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Въ основныхъ началахъ намѣчены лишь главныя вѣхи. Оставался большой просторъ педагогическому и административному творчеству. Въ этомъ была сила, но въ

этомъ же была и слабость Попечительства. Хотя самъ К. К. Гротъ былъ склоненъ считать благотворительность лишь второстепеннымъ придаткомъ къ Попечительству, но все же и основная дѣятельность Попечительства, посвященная подготовкѣ слѣпыхъ къ самостоятельной трудовой жизни, должна была неизбѣжно принять благотворительный характеръ. Не всегда, однако, благотворительность имѣетъ въ своей основѣ велѣнія добраго сердца; нерѣдко она служитъ лишь прикрытіемъ для своекорыстныхъ побужденій. Когда къ К. К. Гроту являлся какой-нибудь дѣлецъ съ предложеніемъ своихъ „безкорыстныхъ" услугъ и изливалъ передъ нимъ свои чувства любви къ ближнему, К. К. Гротъ интересовался знать, во что обойдется ему это безкорыстіе, и нерѣдко спрашивалъ у окружающихъ, что собственно нужно этому господину. Къ сожалѣнію, устройство своихъ собственныхъ дѣлъ и дѣлишекъ возведено въ нѣкоторыхъ отрасляхъ русской благотворительности въ цѣлую систему. Но если К. К. Гротъ хорошо зналъ цѣну искательствамъ, то это не значитъ, чтобы онъ уклонялся отъ услугъ людямъ, съ которыми судьба сталкивала его. Напротивъ, трудно найти человѣка, который въ положеніи К. К. Грота съ такою готовностью и предупредительностью оказывалъ бы услуги всѣмъ, кто нуждался въ немъ. Для него это доставляло истинное наслажденіе. Онъ самъ вызывался съѣздить, куда надо было, написать, переговорить, употребить свое вліяніе, и это тѣмъ охотнѣе, чѣмъ безкорыстнѣе было то лицо, которому оказывалась услуга.

Но и безкорыстныя сердца тоже далеко не всегда приводятъ къ благимъ послѣдствіямъ. Они легко переходятъ въ сентиментальность, отравляющую всякое здравое начинаніе, на почвѣ же великосвѣтской бездѣятельности нерѣдко вырождаются въ взбалмошность. Особенно вредна сентиментальность въ дѣлѣ помощи слѣпымъ. Здѣсь она сгубила много хорошо задуманныхъ начинаній. Только подъ опекой разума чувство можетъ дать въ дѣлѣ благотворенія добрые плоды. Нужны нормы, тре-

буется русло для потока чувства. Нуженъ уставъ, обязательный для работниковъ общества.

Никто болѣе К. К. Грота не сознавалъ необходимости устава для Попечительства о слѣпыхъ, да и никто не потрудился такъ много для выработки устава, какъ онъ въ сотрудничествѣ съ своимъ многолѣтнимъ помощникомъ О. К. Адеркасомъ. Былъ выработанъ весьма обстоятельный уставъ какъ для Попечительства, такъ и для центральнаго его училища. Много вниманія было удѣлено этому вопросу, и если послѣ смерти К. К. Грота подготовленный имъ уставъ не получилъ движенія, то это объясняется тѣмъ, что преемники его предпочли не сковывать свои начинанія рамками устава. Безъ устава дѣятельность Попечительства неудержимо развивалась при К. К. Гротѣ, продолжала она развиваться и послѣ него.

Организаторская работа К. К. Грота не исчерпывалась, однако, уставомъ. Изъ основныхъ началъ для дѣятельности Попечительства было намѣренно вытравлено все, что могло носить инструкціонный характеръ. Центръ тяжести такимъ образомъ перемѣщался на разнаго рода инструкціи и правила. Это была огромная работа, значительная часть которой выполнена самолично К. К. Гротомъ. Правда, не прошло и года по открытіи Попечительства, какъ онъ былъ призванъ на отвѣтственный и трудный постъ Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Его предмѣстникъ на этомъ посту славился исключительною добротою, но послѣ его продолжительнаго управленія Вѣдомствомъ Императрицы Маріи назрѣла необходимость крупныхъ реформъ, къ которымъ и приступилъ К. К. Гротъ. Какъ ни былъ онъ поглощенъ новою дѣятельностью, все же онъ не отошелъ отъ своего дѣтища—Попечительства о слѣпыхъ, хотя и оставилъ всѣ другія должности. Вникать, однако, во все съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ ранѣе, К. К. Гротъ уже не могъ и непосредственное руководство текущими дѣлами Попечительства передалъ Н. В.

Кидошенкову. Но осенью 1884 года К. К. Гротъ оставилъ постъ Главноуправляющаго, и съ этого времени возобновляется работа организаціоннаго характера. Работа эта идетъ, почти не прерываясь, до 1894 года.

Прежде всего былъ выработанъ нормальный уставъ для отдѣленій Попечительства. Такъ какъ само Попечительство устава не имѣетъ, то было бы грубымъ несоблюденіемъ дѣловой перспективы, если бы оно стало утверждать уставы для своихъ отдѣленій,— оно утверждаетъ только правила для нихъ, во всемъ замѣняющія уставъ. Схема этихъ правилъ отличается такою же простотою, какъ и основныя начала для дѣятельности Попечительства. Затѣмъ становятся на очередь правила для завѣдыванія отдѣльными заведеніями Попечительства въ Петроградѣ, Кіевѣ и Ревелѣ. Далѣе идутъ инструкціи различнымъ должностнымъ лицамъ. Особенно тщательно разработаны инструкціи и табели по Петроградскому училищу. Здѣсь К. К. Гротомъ, какъ попечителемъ училища, утверждены инструкціи: директору, инспектору, законоучителю, кастеляншѣ, завѣдующей хозяйствомъ, а впослѣдствіи и старшей надзирательницѣ. Въ 1893 году были выработаны инструкціи для завѣдующихъ глазными отрядами Попечительства и для членовъ Патроната для трудящихся слѣпыхъ, а также инструкція для завѣдующаго мастерскими для взрослыхъ слѣпыхъ. Не мало вниманія К. К. Гротъ удѣлилъ также правильной постановкѣ счетоводства и отчетности, а также контроля. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ инструкціяхъ, онъ умѣлъ находить самые простые пріемы и былъ далекъ отъ увлеченій, которыми такъ грѣшатъ спеціалисты. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ контроля, но жертвовать ради удобствъ и тонкостей контроля интересами самого дѣла, какъ это, къ сожалѣнію, у насъ нерѣдко бываетъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не соглашался. Ревизіонная коммиссія, являясь окомъ общаго собранія, не можетъ замѣнить спеціальнаго контроля, такъ какъ составъ ея подверженъ случайностямъ, систематическій же контроль требуетъ навыка, не всегда встрѣчающагося у членовъ ревизіон-

ной комиссіи. Въ инструкціи завѣдующему контролемъ Попечительства К. К. Гротъ и закрѣпилъ тѣ контрольныя гарантіи, которыя не только не заглушаютъ дѣла, но наоборотъ способствуютъ правильному его ходу. Для счетоводства и отчетности одинъ изъ бывшихъ подчиненныхъ К. К. Грота разработалъ подробныя формы, основанныя на принципѣ единства кассы, но К. К. Гротъ былъ слишкомъ опытный администраторъ, чтобы не видѣть, какъ отозвалось бы это единство кассы на лицахъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею, и онъ примѣнилъ въ Попечительствѣ лишь самыя простыя изъ формъ, указанныхъ спеціалистомъ, но весьма тщательно разработалъ въ инструкціи вопросъ объ обязанностяхъ казначея Совѣта и его помощника. Установленный имъ порядокъ по казначейской части въ Совѣтѣ Попечительства блестяще выдержалъ испытаніе въ самые острые моменты жизни Попечительства. Такъ впослѣдствіи неожиданная кончина казначея, благодаря этому порядку, не внесла даже временнаго разстройства въ казначейскую часть Совѣта Попечительства.

III.

Еще до открытія Попечительства о слѣпыхъ К. К. Гроту подсказана была мысль, которою онъ умѣло воспользовался съ обычною своею рѣшительностью. Лицо, совершенно ему незнакомое, но своими семейными обстоятельствами поставленное въ необходимость слѣдить за тѣмъ, что дѣлается для слѣпыхъ, указало ему, что православная церковь въ память исцѣленія Спасителемъ слѣпорожденнаго одной изъ недѣль послѣ Пасхи присвоила названіе недѣли о слѣпомъ и что въ теченіе этой недѣли было бы вполнѣ умѣстно производить въ церквахъ сборъ на слѣпыхъ. Эта счастливая мысль, принадлежавшая С. А. Эллисъ, была какъ нельзя болѣе кстати. Быстро было получено разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, но какъ организовать дѣло и притомъ по всей Россіи въ городскихъ и монастырскихъ церквахъ? К. К. Гротъ, пользуясь

своими старыми отношеніями, блестяще разрѣшилъ эту задачу.

Въ 1881 году еще была свѣжа не только память о К. К. Гротѣ, какъ о творцѣ акцизной системы, но и большинство акцизныхъ дѣятелей были привлечены на службу имъ и питали къ нему особое почтеніе. Въ свое время К. К. Гротъ мужественно боролся съ устарѣлыми взглядами на замѣщеніе хорошо оплачиваемыхъ должностей по протекціи. Онъ отстоялъ себѣ право выбора должностныхъ лицъ по своему усмотрѣнію и поставилъ ихъ въ исключительно благопріятныя по тому времени матеріальныя условія. Долго въ этомъ отношеніи акцизный міръ былъ предметомъ зависти со стороны другихъ вѣдомствъ. Имя К. К. Грота было окружено въ глазахъ этого міра особымъ ореоломъ. Стоило только творцу акциза обратиться къ своимъ прежнимъ сотрудникамъ, какъ на призывъ его съ радостью откликнулись всѣ управляющіе акцизными сборами. Это давало имъ возможность поддерживать личныя сношенія съ прежнимъ своимъ любимымъ начальникомъ. Въ ряды сотрудниковъ Попечительства вливались цѣлые кадры испытанныхъ исполнителей съ своими мѣстными начальниками во главѣ. Для Попечительства это было неоцѣнимое пріобрѣтеніе: оно сразу пріобрѣтало тысячи безкорыстныхъ сотрудниковъ, разсѣянныхъ по всему необъятному пространству земли русской. Ни одно изъ благотворительныхъ обществъ крупнаго масштаба не могло пользоваться помощью вѣдомства, столь богатаго личными силами.

И въ это дѣло К. К. Гротъ внесъ обычный ему здравый и простой взглядъ. Для каждой губерніи и въ рѣдкихъ случаяхъ для группы ихъ Попечительство приглашало своего Уполномоченнаго. Это былъ почти всегда управляющій акцизными сборами. На его обязанности лежало прежде всего устройство сборовъ въ пользу слѣпыхъ какъ въ церквахъ въ теченіе недѣли о слѣпомъ, такъ и всѣми другими способами, обычными въ практикѣ благотворительности. Въ своихъ распоряженіяхъ, однако, Уполномоченные были совершенно свободны, и К. К.

Гротъ постоянно оберегалъ ихъ отъ натиска рьяныхъ контролеровъ изъ числа членовъ Попечительства. Дѣло тутъ не только въ довѣріи, котораго Уполномоченные вполнѣ заслуживаютъ хотя бы по своему служебному положенію, но и въ томъ характерѣ, который неизбѣжно должна была получить ихъ дѣятельность. Если бы Уполномоченный былъ непосредственнымъ сборщикомъ, то онъ, конечно, нуждался бы въ контролѣ, какъ и всякое должностное лицо, непосредственно получающее денежныя суммы. На самомъ дѣлѣ сборщиками являются многочисленные сотрудники Уполномоченнаго, а онъ лишь принимаетъ отъ нихъ суммы для отсылки въ Совѣтъ Попечительства. Такимъ образомъ контроль на мѣстѣ принадлежитъ Уполномоченному, подчинять же контролю его самого уже нѣтъ надобности.

Было бы большой ошибкой сводить всю дѣятельность Уполномоченныхъ къ сбору пожертвованій въ пользу слѣпыхъ. Не имѣетъ особаго значенія и то обстоятельство, что имъ предоставлено право собственною властію оказывать денежную помощь мѣстнымъ слѣпымъ: подобнаго рода помощь по условіямъ русскаго быта должна быть признана довольно призрачной. Гораздо важнѣе роль Уполномоченныхъ, какъ развѣдчиковъ. Не располагая этими щупальцами, Попечительство было бы совершенно безсильно въ удовлетвореніи всякаго рода нуждъ слѣпыхъ, обращающихся къ нему отовсюду. Прибѣгать къ услугамъ полиціи Попечительство не имѣло права, да и считало неудобнымъ по отсутствію у нея нравственнаго авторитета въ глазахъ населенія. Развѣдочная дѣятельность Уполномоченныхъ не ограничивалась однимъ только исполненіемъ порученій Совѣта Попечительства. Они вызывали интересъ къ слѣпымъ на мѣстахъ и группировали около себя тѣхъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, которые склонны были посвятить свои досуги слѣпымъ.

Заручившись сѣтью надежныхъ Уполномоченныхъ, К. К. Гротъ поставилъ себѣ ближайшими задачами: открытіе училищъ для слѣпыхъ въ такихъ центрахъ, какъ Кіевъ, Харьковъ, Воронежъ, Кострома, Одесса и Казань,

и поднятіе основаннаго имъ скромнаго училища на высоту образцоваго для всей Россіи учрежденія.

При открытіи новыхъ училищъ К. К. Гротъ вскорѣ выработалъ совершенно опредѣленный и, какъ показалъ затѣмъ многолѣтній опытъ, вполнѣ правильный пріемъ, съ которымъ не всегда желали примириться лица, со всѣмъ пыломъ принимавшіяся за дѣло помощи слѣпымъ. Если еще и можно было убѣдить въ томъ, что въ училища слѣдуетъ принимать дѣтей только школьнаго возраста, вполнѣ здоровыхъ и способныхъ къ ученію, то съ большимъ трудомъ удавалось удерживать мѣстныхъ дѣятелей отъ одновременнаго пріема въ училище дѣтей обоего пола и отъ немедленной постройки зданія для училища. Начинать К. К. Гротъ всегда совѣтовалъ съ небольшого числа дѣтей и притомъ одного пола, отдѣленіе же для другого пола устраивать только послѣ того, какъ окрѣпнетъ ранѣе открытое отдѣленіе, и личный составъ пріобрѣтетъ нѣкоторый опытъ. Устройство сразу двухъ отдѣленій въ плохо приспособленномъ помѣщеніи сильно осложняетъ дѣло и грозитъ впослѣдствіи полною его неудачею. Трудность не бросается въ глаза въ самомъ началѣ, пока въ училищѣ находятся дѣти младшаго возраста, но она становится угрожающей, когда дѣти вступаютъ въ переходный возрастъ. Но если дѣйствительно бываетъ трудно остановиться при открытіи училища на какомъ либо одномъ полѣ, такъ какъ къ пріему могутъ явиться и мальчики и дѣвочки, то вовсе уже не трудно ограничиться вначалѣ наемнымъ помѣщеніемъ. Пока въ училищѣ немного дѣтей, временное помѣщеніе предпочтительнѣе всякаго другого. Опытъ подскажетъ всѣ нужды и пригодится при выработкѣ плана собственнаго зданія для училища. Въ этомъ отношеніи К. К. Гроту пришлось выдержать сильную борьбу съ нѣкоторыми изъ увлекающихся мѣстныхъ дѣятелей. Онъ зналъ истинную цѣну показной сторонѣ. Чѣмъ проще начиналось дѣло, тѣмъ больше оно носило въ себѣ задатковъ жизнеспособности и правильнаго развитія.

Открытіе училища нерѣдко происходило при участіи

и стараніями одного лишь Уполномоченнаго, но для постояннаго завѣдыванія имъ К. К. Гротъ требовалъ образованія коллегіальнаго органа. Жизнь ему вскорѣ подсказала, что органы эти могутъ быть двоякаго типа: или такіе, которые вѣдаютъ не только училищемъ, но и вообще дѣломъ помощи слѣпымъ въ данномъ раіонѣ, или же такіе, которые вѣдаютъ какою-нибудь одною отраслью въ дѣлѣ попеченія о слѣпыхъ, напр., однимъ только училищемъ. Въ первомъ случаѣ это отдѣленія Попечительства, имѣющія свои общія собранія, свой совѣтъ и свою ревизіонную комиссію, во второмъ—комитеты Попечительства, состоящіе изъ ограниченнаго числа лицъ и подчиненные Совѣту Попечительства. Нерѣдко дѣло начиналось съ комитета, какъ наиболѣе простой и непритязательной формы, и затѣмъ уже, съ увеличеніемъ круга лицъ, относившихся къ слѣпымъ съ дѣятельнымъ сочувствіемъ, помощь слѣпыхъ ставилась на болѣе широкихъ основаніяхъ, и для оказанія ея учреждалось отдѣленіе Попечительства при непремѣнномъ участіи мѣстнаго Уполномоченнаго. К. К. Гротъ далъ отдѣленіямъ значительную самостоятельность: они обязаны представлять центральному Совѣту лишь годовыя смѣты и ежегодные отчеты, а также вносить на его утвержденіе предположенія объ открытіи новыхъ заведеній и объ измѣненіи руководящихъ началъ въ своей дѣятельности. Какъ либералъ старой школы, К. К. Гротъ искренне вѣрилъ въ самодѣятельность общественныхъ силъ и считалъ излишней опеку надъ ними во всемъ, что не носитъ спеціальнаго характера. Но и по спеціальнымъ вопросамъ онъ избѣгалъ суровой опеки, замѣняя ее добрыми совѣтами и указаніями. Попеченіе о слѣпыхъ, въ частности подготовка ихъ къ трудовой жизни, составляетъ спеціальную отрасль соціальной педагогики, съ которой неизбѣжно считаются всѣ, кто искренне желаетъ оказать слѣпымъ разумную помощь.

Раньше всего было открыто отдѣленіе въ Кіевѣ, гдѣ, благодаря А. Ѳ. Андріяшеву, оказалась для этого вполнѣ подготовленная почва. Тутъ уже существовало ремеслен-

ное убѣжище для ослѣпшихъ солдатъ. Въ то время какъ петроградское убѣжище, а затѣмъ и училище вынуждены были ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ, кіевское убѣжище располагало собственнымъ зданіемъ, на постройку котораго средства были отпущены Главнымъ Попечительствомъ, земля же была уступлена инженернымъ вѣдомствомъ. Убѣжище, однако, не удовлетворяло К. К. Грота, и онъ намѣтилъ Кіевъ для устройства училища, которое обслуживало бы весь юго-западный край. Это былъ единственный случай, когда К. К. Гротъ согласился начать прямо съ постройки зданія для училища. Училище сразу было задумано сравнительно въ крупномъ масштабѣ, а на постройку отъ центральнаго Совѣта была отпущена значительная сумма. К. К. Гроту улыбалась мысль использовать для слѣпыхъ педагогическій опытъ А. Ѳ. Андріяшева, котораго онъ и втянулъ на долгіе годы въ дѣло слѣпыхъ. Это тоже была у К. К. Грота своего рода система: какъ только онъ замѣчалъ интересъ къ слѣпымъ у человѣка, который внушалъ ему довѣріе, онъ незамѣтно подогрѣвалъ этотъ интересъ и направлялъ въ какую либо сторону, полезную для слѣпыхъ.

Открытіе отдѣленія въ Кіевѣ произошло въ декабрѣ 1882 г., когда другія заботы отвлекли К. К. Грота отъ непосредственнаго руководства текущими дѣлами Попечительства. Въ этотъ трудный періодъ его жизни открытъ только комитетъ Попечительства въ Ревелѣ для завѣдыванія училищемъ слѣпыхъ. Благодаря небольшому кружку вліятельныхъ лицъ, здѣсь удалось открыть училище для слѣпыхъ эстонскихъ дѣтей, которое и перешло въ вѣдѣніе Попечительства. Эстляндское дворянство пожертвовало на училище капиталъ въ 10 т. руб. и обязалось поддерживать его. Затѣмъ наступаетъ перерывъ, вплоть до того времени, когда К. К. Гротъ въ концѣ 1884 года оставилъ постъ Главноуправляющаго. Переговоры объ открытіи отдѣленія въ Харьковѣ начались довольно рано, но дѣло тутъ не ладилось, такъ какъ Уполномоченный Н. П. Трузсонъ, принявшій на себя иниціа-

тиву въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ окулистомъ Л. Л. Гиршманомъ и профессомъ Технологическаго института К. А. Андреевымъ, скоро выбылъ изъ Харькова. Наконецъ, отдѣленіе было открыто въ 1885 году и приступило къ устройству училища. Только черезъ 8 лѣтъ училище это получило возможность изъ наемнаго помѣщенія перейти въ собственное зданіе, построенное спеціально для этой цѣли. Почти въ то же время К. К. Гротъ, получивъ достаточно досуга, завязываетъ сношенія съ другими городами. Такъ, въ Казани онъ привлекаетъ къ дѣлу слѣпыхъ, кромѣ губернатора Н. Е. Андреевскаго, извѣстнаго окулиста Е. В. Адамюка и мѣстнаго аптекаря Ф. Х. Грахе. Здѣсь учреждается комитетъ и устраивается при мѣстной городской богадѣльнѣ небольшое училище. Только черезъ 10 лѣтъ оно получило собственное, спеціально построенное зданіе. Въ Каменецъ-Подольскѣ иниціатива шла отъ мѣстнаго Уполномоченнаго А. Д. Назырова, не мало потрудившагося для слѣпыхъ впослѣдствіи и въ другихъ городахъ. Но здѣсь возникло предположеніе устроить не училище, а убѣжище для обученія взрослыхъ слѣпыхъ ремеслу. Для завѣдыванія убѣжищемъ былъ учрежденъ комитетъ. Подобное же убѣжище нѣсколько позже было открыто и въ Уфѣ, гдѣ для завѣдыванія имъ образовано отдѣленіе Попечительства.

Вскорѣ К. К. Гротъ окончательно разочаровался въ заведеніяхъ подобнаго типа. Наладить ихъ надлежащимъ образомъ было очень трудно. Малѣйшая ошибка давала себя знать осязательными послѣдствіями. Такъ, въ Каменецъ-Подольскомъ убѣжищѣ обучалъ ремеслу слѣпой мастеръ. Это была несомнѣнная ошибка, которую К. К. Гротъ и сознаналъ со свойственною ему искренностью. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слѣпой не можетъ обучать такимъ ремесламъ, гдѣ форма и фасонъ играютъ важную роль. Не удивительно, если изъ Каменецъ-Подольскаго убѣжища выходили плохіе корзинщики. Другое обстоятельство, говорившее не въ пользу этого типа заведеній для слѣпыхъ, это ихъ дороговизна. Дѣло, казалось бы, очень простое, но какъ только за него принп-

маются, является какое-то роковое тяготѣніе къ казеннымъ порядкамъ съ ихъ штатами, кредитами и т. п. И какъ-то всегда выходитъ, что въ небольшомъ убѣжищѣ всего на 10 чел. чуть не столько же зрячихъ служащихъ. Наконецъ, подборъ учащихся требуетъ большой твердости и послѣдовательности. Ремесленное убѣжище не богадѣльня, и принимать для обученія больныхъ и неспособныхъ къ ученію значитъ обрекать себя на непроизводительные расходы. Но мало здоровья и способности къ ученію, требуется еще желаніе работать. Сочетаніе всѣхъ этихъ условій встрѣчается не часто. Оттого при слабости руководителей въ ремесленное убѣжище попадаютъ не тѣ элементы, на которые оно разсчитано. Все это К. К. Гротъ испыталъ на собственномъ опытѣ. Съ дѣтьми тоже необходима выдержка и твердость, но здѣсь все же опасность промаховъ не такъ велика. Вотъ причины, почему К. К. Гротъ настоялъ впослѣдствіи на преобразованіи этихъ двухъ убѣжищъ въ училища.

Въ 1886 году было открыто училище въ Костромѣ при довольно необычныхъ условіяхъ. Уполномоченнымъ здѣсь въ это время былъ Б. К. Кукель, лично обязанный К. К. Гроту своею служебною карьерою. К. К. Гротъ высоко цѣнилъ его дѣловыя способности и, вѣроятно, лично просилъ его взяться за устройство училища. Б. К. Кукель умѣлъ тоже увлекать людей, и въ числѣ лицъ, привлеченныхъ имъ къ дѣлу слѣпыхъ, оказалась настоятельница Богоявленскаго женскаго монастыря игуменія Марія. Училище было устроено для дѣвочекъ при монастырѣ, и на должность учительницы игуменія Марія рекомендовала дѣвушку, учившуюся тоже въ монастырской школѣ. Все шло съ постепенностью, которую всегда цѣнилъ К. К. Гротъ и считалъ залогомъ жизнеспособности, сочетаніе же лютеранина, какъ главы Попечительства, католика, какъ его Уполномоченнаго, и православной игуменіи носило трогательный характеръ и свидѣтельствовало о широкомъ взглядѣ этихъ дѣятелей на помощь слѣпымъ. Черезъ нѣкоторое время для училища была пріобрѣтена собственная усадьба, а въ 1894 г. на ней

было построено большое зданіе при пособіи изъ центральной кассы Попечительства. Постепенно Костромское училище стало однимъ изъ самыхъ большихъ провинціальныхъ училищъ Попечительства.

Не такъ гладко дѣло пошло въ Воронежѣ. Здѣсь тоже сначала было открыто училище, а затѣмъ и отдѣленіе Попечительства. Душою училища былъ мѣстный Уполномоченный Попечительства, ревизоръ акцизнаго управленія П. П. Вейнбергъ. Человѣкъ одинокій и нетребовательный, П. П. Вейнбергъ со страстью привязался къ слѣпымъ. Это былъ фанатикъ дѣла слѣпыхъ. Съ настойчивостью, нерѣдко переходившею въ упрямство, онъ проводилъ свои начинанія, нерѣдко попадалъ въ конфликтъ съ К. К. Гротомъ, но пользовался уваженіемъ на мѣстѣ. Видя его кипучую дѣятельность, мѣстные дѣятели не вмѣшивались въ его распоряженія, и вскорѣ совѣтъ отдѣленія оказался фактически совершенно упраздненнымъ. К. К. Гроту чуялось что-то недоброе, и Воронежъ всегда у него оставался на замѣчаніи. Безпокоилъ К. К. Грота и безпорядокъ въ веденіи денежныхъ книгъ. Чтобы справиться съ неукротимымъ Уполномоченнымъ, ему приходилось прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, вплоть до объявленія ему выговора. Наконецъ, въ 1892 г. по Воронежу стали ходить слухи, что у П. П. Вейнберга, состоявшаго также казначеемъ мѣстнаго управленія Краснаго Креста, съ суммами неблагополучно. Слухи носили упорный характеръ, и потребовалось вмѣшательство прокурорскаго надзора. Разразилась катастрофа, и П. П. Вейнбергъ самъ покончилъ счеты съ жизнью. Суммы слѣпыхъ оказались въ цѣлости, и на участкѣ училища было возведено двухъэтажное зданіе, на которое Попечительство никакихъ средствъ не отпускало, но зато въ кассѣ мѣстнаго управленія Краснаго Креста былъ обнаруженъ недочетъ въ 12 т. рублей. Чутье не обмануло К. К. Грота, но и бросить камнемъ въ несчастнаго П. П. Вейнберга никто не рѣшился. Онъ былъ далекъ отъ какихъ либо корыстныхъ интересовъ, и, только ослѣпленный страстною преданностію дѣлу

*

слѣпыхъ, онъ, повидимому, рѣшился на временное позаимствованіе суммъ и на обращеніе ихъ на нужды слѣпыхъ, въ надеждѣ, что ближайшее пожертвованіе въ пользу слѣпыхъ дастъ ему возможность покрыть это позаимствованіе.

Въ 1887 году открывается училище и отдѣленіе Попечительства въ Одессѣ. Толчокъ этому дѣлу далъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ штрафными суммами, уплачиваемыми администраціи Юго-Западныхъ дорогъ за простой груженыхъ вагоновъ. Такихъ суммъ набралось свыше 6 т. руб., и ихъ было рѣшено обратить на устройство училища для слѣпыхъ. Душою дѣла явился тутъ военный окулистъ Г. А. Миткевичъ. Черезъ два года, а именно въ 1889 г., открыто училище въ Москвѣ, образованы отдѣленія въ Перми и на Кавказѣ, а въ 1891 г. въ Самарѣ, Смоленскѣ, Тулѣ и Якутскѣ. Въ Самарѣ старожилы хорошо помнили дѣятельность К. К. Грота, какъ перваго Самарскаго губернатора, и его имя пользовалось здѣсь большимъ вѣсомъ и значеніемъ, особенно въ купеческой средѣ. Самарское училище привлекло достаточныя средства и ни разу не имѣло надобности обращаться за денежною помощью въ центральную кассу Попечительства. Въ Смоленскѣ и Тулѣ явились крупные жертвователи, благодаря которымъ стало возможнымъ появленіе мѣстныхъ заведеній для слѣпыхъ. Отдѣленіе въ Якутскѣ, которое К. К. Гротъ въ шутку называлъ игрушечнымъ, возникло по настоянію одного изъ дѣятелей мѣстнаго акцизнаго надзора. Это было единственное отдѣленіе, въ вѣдѣніи котораго не находилось никакого заведенія. Оно оказывало помощь слѣпымъ, такъ сказать, по мелочамъ.

Съ 1892 г. замѣчается переломъ въ дальнѣйшемъ расширеніи сѣти отдѣленій. Если до этого времени К. К. Гроту приходилось прилагать не мало стараній, чтобы вызывать къ жизни отдѣленія и комитеты, то теперь Попечительство пріобрѣтаетъ такой вѣсъ, что по собственному почину съ мѣстъ начинаютъ обращаться къ нему съ просьбами объ открытіи училищъ, а слѣдо-

вательно и отдѣленій. Такъ въ 1892 г. открыто училище въ Саратовѣ, въ 1893 г. по почину бывшаго Иркутскаго головы В. П. Сукачева — въ Иркутскѣ, по почину В. Л. Юнга—въ Твери и по почину К. Р. Адамовича— въ Черниговѣ.

IV.

Едва ли еще не больше труда и энергіи пришлось потратить на устройство образцоваго училища въ Петроградѣ. Здѣсь почва оказалась совершенно нетронутой.

Учительница была подготовлена за границею, откуда были выписаны и учебныя пособія. Не было, однако, книгъ, не было даже и азбуки для слѣпыхъ по Брайлю. Кажется очень смѣлымъ, что при такихъ условіяхъ К. К. Гротъ рѣшился на открытіе училища. Тутъ въ полномъ свѣтѣ сказался практикъ. Если бы онъ сталъ ждать, пока его сотрудникъ А. И. Скребицкій продѣлаетъ свои кропотливые опыты съ печатаніемъ книгъ для слѣпыхъ, то дѣло было бы отложено въ долгій ящикъ. Для небольшого училища можно было изготовить книги ручнымъ, а не типографскимъ способомъ. Гораздо важнѣе было установить брайлевскую азбуку въ примѣненіи къ русскимъ книгамъ. Здѣсь онъ поступилъ крайне просто: французская азбука Брайля была уже признана нѣмцами, почему же ея не признать и русскимъ? Громадное большинство буквъ въ русскомъ алфавитѣ то же, что и во французскомъ, и, слѣдовательно, не требуетъ какихъ либо новыхъ знаковъ. Остается лишь придумать знаки для тѣхъ буквъ, которыя принадлежатъ только русскому алфавиту. Это и было сдѣлано учительницею Е. Р. Трумбергъ, и хотя А. О. Андріяшевъ хотѣлъ построить азбуку на другомъ принципѣ, но К. К. Гротъ отстоялъ азбуку г-жи Трумбергъ. Нельзя не подивиться его прозорливости. Тамъ, гдѣ пытались мудрить надъ азбукою Брайля, выходили лишь тренія и осложненія. Яркимъ примѣромъ такого положенія вещей служитъ Сѣверная Америка, которая все еще не можетъ покончить съ азбучными треніями.

Кромѣ книгъ, напечатанныхъ или написанныхъ Брайлемъ, въ школьномъ обиходѣ требуются, хотя и въ незначительномъ количествѣ, книги съ обыкновеннымъ выпуклымъ шрифтомъ. Одно изъ евангелій этимъ шрифтомъ было заказано съ Берлинѣ, брайлевскія же книги послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ стали печататься въ русской Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Педагогическій персоналъ попрежнему надо было посылать для подготовки въ Дрезденъ.

Затѣмъ надо было подумать и о собственномъ помѣщеніи для училища. Начались продолжительные и томительные поиски мѣста для постройки собственнаго зданія. Было намѣчено нѣсколько земельныхъ участковъ, но дѣло только тянулось, и казалось, что ему не будетъ конца. Обращеніе къ городу сначала тоже не имѣло успѣха. Только въ 1887 году, когда терпѣніе К. К. Грота уже изсякло, удалось наконецъ получить отъ города обширный пустырь на Аптекарскомъ островѣ въ мѣстности, гдѣ не было даже улицъ. Когда-то при Петрѣ Великомъ здѣсь было кладбище, и еще въ 30-хъ годахъ встрѣчается упоминаніе про находившуюся здѣсь часовню. Землею завладѣлъ причтъ Петропавловскаго собора, сдававшій ее въ аренду подъ огороды. Въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка городъ сталъ приводить въ ясность принадлежавшія ему земли и натолкнулся на неправильно захваченную землю. По закону земля подъ кладбища въ городахъ отводится городомъ, если же кладбище упраздняется, то земля отходитъ къ ея первоначальному собственнику. Городъ предъявилъ къ причту искъ и выигралъ его во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. Неожиданно, однако, по ходатайству митрополита, послѣдовало Высочайшее повелѣніе оставить землю во владѣніи причта впредь до изысканія новыхъ источниковъ на его содержаніе. Тогда городъ вошелъ въ соглашеніе съ причтомъ и обязался платить ему ежегодно по 650 руб., земля же поступала въ вѣдѣніе города.

Цѣнность этой спорной земли была въ то время очень невелика — не болѣе 25.000 руб. Но городъ пожелалъ,

чтобы за то ему были предоставлены безплатно 15 стипендій въ новомъ институтѣ. Это составляло по самому скромному расчету годовой расходъ въ 4.500 руб. со стороны Попечительства. К. К. Гротъ вынужденъ былъ согласиться и на это требованіе. Состоялось уже постановленіе думы объ отводѣ земли на этихъ условіяхъ, какъ вдругъ въ канцеляріи думы спохватились, что на этой землѣ лежитъ денежное обязательство, про которое забыли при докладѣ дѣла думѣ. Опять вопросъ затормозился, и К. К. Грота стали просить взять земли больше, чѣмъ предполагалось ранѣе, но за то принять на Попечительство уплату причту по 650 руб. Это была комбинація по тому времени далеко не изъ выгодныхъ, но К. К. Гротъ, обыкновенно весьма расчетливый въ расходахъ изъ общественныхъ суммъ, вынужденъ былъ согласиться на нее, чтобы не затягивать дѣла.

Тѣмъ временемъ широко собирались матеріалы для разработки плана постройки, и получено нѣсколько записокъ отъ руководителей институтами въ Западной Европѣ. По приглашенію К. К. Грота въ Петроградъ пріѣхалъ Бютнеръ, чтобы лично представить Совѣту Попечительства докладъ по этому дѣлу. Окончательная разработка плана была поручена извѣстному архитектору Томишко, но К. К. Гротъ не довольствовался мнѣніемъ одного лица, хотя бы и очень авторитетнаго въ своемъ дѣлѣ. Онъ давалъ планы на просмотръ другимъ выдающимся техникамъ и успокоился только послѣ того, какъ получилъ отъ нихъ благопріятные отзывы. Непосредственнаго участія въ наблюденіи за постройкою К. К. Гротъ, однако, не принималъ. Исполнителями его предначертаній явились тутъ Н. Н. Гартманъ, предсѣдательствовавшій въ строительной комиссіи, и О. К. Адеркасъ, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ въ этой комиссіи. Много разнаго рода волненій приходилось переживать имъ, особенно, когда К. К. Гротъ находился для лѣченія за границею. Бывали случаи, что онъ рѣзко выступалъ противъ всей комиссіи. Такъ, напр., только по его энергичному настоянію въ зданіи училища вмѣсто цен-

тральнаго отопленія устроены обыкновенныя печи. Не всегда былъ онъ доволенъ архитекторомъ, который въ большой постройкѣ спеціальнаго предназначенія не могъ предусмотрѣть всѣхъ частностей и требовалъ иногда сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Этихъ сюрпризовъ особенно не любилъ К. К. Гротъ. Дѣло не обошлось безъ дополнительныхъ ассигнованій, и постройка большого зданія со службами и съ собственнымъ водопроводомъ обошлась свыше 250 т. руб.

Средства на постройку были отпущены изъ суммъ, собранныхъ по всей Россіи, и по первоначальному замыслу это большое училище, на 120 интерновъ обоего пола, должно было обслуживать нужды всей Россіи. Естественно поэтому, что средства на содержаніе этого училища предполагалось черпать изъ суммъ, стекающихся также со всей Россіи. Счастливый случай далъ, однако, другое направленіе вопросу о средствахъ на содержаніе училища. По своей службѣ въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи О. К. Адеркасъ долженъ былъ заняться разборомъ разныхъ залежавшихся дѣлъ. Въ числѣ ихъ онъ натолкнулся на дѣло о пожертвованіи милліона рублей Государемъ Императоромъ Александромъ II, въ память Его Супруги Императрицы Маріи Александровны. Дѣло это возникло, повидимому, по непосредственному почину Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. По его мысли предполагалось устроить въ память Императрицы, страдавшей легкими, больницу для лѣченія грудныхъ болѣзней, причемъ первоначально имѣлось въ виду отнести расходы по содержанію больницы на средства Вѣдомства Императрицы Маріи, постройку же зданія произвести на счетъ пожертвованнаго милліона. Для разработки вопроса была назначена особая комиссія, во главѣ которой былъ никто иной, какъ К. К. Гротъ. Комиссія не преодолѣла трудностей поставленной ей задачи. Былъ составленъ проектъ

постройки стоимостью въ два милліона рублей. Тогда Императоръ Александръ III пожелалъ, чтобы и постройка и капитализированное содержаніе больницы не выходили за предѣлы пожертвованнаго милліона. Но въ такомъ случаѣ одно только устройство лѣчебнаго заведенія, достойнаго памяти Императрицы, потребовало бы не менѣе полумилліона рублей, процентовъ же съ остальной суммы было бы совершенно недостаточно на содержаніе такой больницы. Задача казалась неразрѣшимой, и дѣло постепенно поросло тиной забвенія, пока случайно не попало въ руки лица, всѣ помыслы котораго были сосредоточены на слѣпыхъ.

Въ это время зданіе для училища слѣпыхъ уже строилось, и во всякомъ случаѣ деньги на постройку и обзаведеніе были налицо. Нельзя ли связать Имя Императрицы съ училищемъ, для котораго строилось зданіе, и не было ли бы это училище тѣмъ богоугоднымъ дѣломъ, которое достойнымъ образомъ служило бы для грядущихъ поколѣній напоминаніемъ о человѣколюбивой дѣятельности Императрицы? Дохода съ милліона рублей какъ разъ хватитъ на то, чтобы навсегда обезпечить содержаніе устраиваемаго училища. Эта блестящая комбинація была немедленно сообщена О. К. Адеркасомъ, съ рискомъ для его служебнаго положенія, К. К. Гроту, находившемуся въ то время за границей. К. К. Гротъ, вполнѣ одобривъ мысль О. К. Адеркаса, пустилъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы заручиться столь серьезною матеріальною поддержкою для слѣпыхъ. Энергичный толчокъ былъ данъ, но самъ К. К. Гротъ приписывалъ разрѣшеніе этого дѣла въ пользу слѣпыхъ вовсе не своей энергіи, а тѣмъ привходящимъ обстоятельствамъ, которыми обросло это дѣло на пути къ разрѣшенію и которыя были за предѣлами его вліянія. Все, что можетъ тутъ вызывать нареканія, относится не къ нему. Несомнѣнно, что открытый О. К. Адеркасомъ милліонъ рублей вызвалъ въ свое время много толковъ. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что на милліонъ уже наросло свыше 300 т. рублей процентовъ. Въ это время стало извѣстно,

что семья Мятлевыхъ, владѣвшая обширнымъ участкомъ земли близъ Петрограда подъ именемъ Новознаменской дачи, ищетъ возможности продать ее за выгодную цѣну для поправленія своихъ совершенно разстроенныхъ дѣлъ. Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшія подробности дѣла, совершенно притомъ не касающіяся К. К. Грота, но въ 1888 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: 1) пріобрѣсти отъ В. П. Мятлева на счетъ капитала, назначеннаго на богоугодное дѣло въ память въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Александровны, за 300 т. руб. Новознаменскую дачу въ 230 дес. земли и передать ее Попечительству, 2) выдать изъ того же источника 55 т. руб. на ремонтъ зданій, находившихся въ той же дачѣ, и 3) передать Попечительству 1.052.650 руб. въ видѣ неприкосновеннаго капитала съ тѣмъ, чтобы доходъ съ него обращался на содержаніе Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ дѣтей. Одновременно состоялось Высочайшее повелѣніе о присвоеніи училищу слѣпыхъ наименованія Александро-Маріинскаго.

Это событіе является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи всего Попечительства. Устраивая образцовое центральное училище въ Петроградѣ, К. К. Гротъ предполагалъ содержать его на пожертвованія по всей Россіи. Такая централизація неизбѣжно вытекала изъ обстоятельствъ. Но какъ только это училище получало собственныя средства, не было надобности въ стягиваніи суммъ въ центральную кассу, и онѣ могли получить назначеніе на мѣстахъ. Такое положеніе дѣла способствовало той децентрализаціи, которая лежитъ въ основѣ всего строя Попечительства. Благодаря этому стало возможнымъ открытіе новыхъ училищъ и отдѣленій.

Новознаменская дача доставила К. К. Гроту много огорченій и непріятностей. Имущество это было крайне запущено и разсчитано на широкій размахъ. Для дачнаго пребыванія слѣпыхъ дѣтей оно было не вполнѣ пригодно, да притомъ въ дачѣ училище слѣпыхъ надобности не испытывало, такъ какъ оно и безъ того было расположено въ дачной мѣстности. Снималъ Новознаменскую

дачу у Попечительства германскій посланникъ, и тогда она давала Попечительству нѣкоторый доходъ, далеко, впрочемъ, не соотвѣтствовавшій той суммѣ, которая за нее была уплачена. Но нанимателей, которые соглашались бы платить за лѣто 5—6 тыс. руб., въ Петроградѣ было очень мало, и дача оставалась иногда безъ нанимателя, хотя и требовала большихъ расходовъ по охранѣ и ремонту. Положеніе для Попечительства становилось угрожающимъ, и К. К. Гротъ вынужденъ былъ рѣшиться на героическую мѣру—передать дачу въ безсрочное пользованіе города за единовременный взносъ Попечительству капитала въ 90 тыс. руб. Изложенныя выше обстоятельства исключаютъ всякую возможность какого бы то ни было упрека по адресу К. К. Грота, всегда столь расчетливаго во всемъ, что касается денежныхъ интересовъ Попечительства. Впослѣдствіи, когда во главѣ Попечительства былъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, выяснилось, что владѣлецъ Новознаменской дачи предлагалъ ее Министерству Двора за 80 тыс. руб. незадолго до покупки ея по Высочайшему повелѣнію для нуждъ Попечительства. Ясно, что, уступая городскому управленію эту дачу въ безсрочное пользованіе за 90 тыс. руб., К. К. Гротъ былъ весьма близокъ къ ея дѣйствительной стоимости.

Но волненія какъ радостнаго, такъ и горестнаго свойства этимъ не кончились. Для пріема дачи въ натурѣ была назначена городомъ коммиссія. При обмѣрѣ совершенно неожиданно оказалось, что дача содержитъ въ себѣ не 230 дес., какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, а только около 150 дес. Можно представить себѣ, какой переполохъ вызвало это открытіе. По провѣркѣ оказалось, что часть дачи давно уже была продана, но по документамъ дача все еще значилась въ прежнемъ объемѣ. Городское управленіе вынуждено было принять дачу въ томъ видѣ, въ какомъ она оказалась, и устроило тамъ больницу для душевно-больныхъ. Вырученная сумма была по предложенію К. К. Грота зачислена въ особый капиталъ Попечительства, проценты съ котораго предназначались на

нужды слѣпыхъ тружениковъ, выпущенныхъ изъ училища слѣпыхъ.

Въ теченіе почти 17 лѣтъ К. К. Гротъ близко принималъ къ сердцу интересы Александро-Маріинскаго училища. Изъ маленькаго училища слѣпыхъ мальчиковъ оно выросло на его глазахъ и благодаря ему въ благоустроенное заведеніе на 120 дѣтей, располагающее опытнымъ личнымъ составомъ и прекраснымъ зданіемъ. По замыслу К. К. Грота ему отводилось совершенно особое мѣсто въ ряду русскихъ училищъ слѣпыхъ. Оно должно было являться разсадникомъ спеціалистовъ по тифлопедагогикѣ, о подготовкѣ которыхъ всегда мечталъ К. К. Гротъ. Съ устройствомъ Александро-Маріинскаго училища не было уже надобности посылать персоналъ для подготовки въ Дрезденъ. Это было своего рода освобожденіе изъ-подъ германскаго ига, которое, хотя и не казалось тяжелымъ, благодаря личнымъ качествамъ отдѣльныхъ руководителей нѣмецкихъ заведеній для слѣпыхъ, но все же сильно затрудняло быстрый ходъ развитія дѣла слѣпыхъ. Кромѣ курсовъ для подготовки учебно-воспитательнаго состава, при Александро-Маріинскомъ училищѣ учрежденъ обширный складъ учебныхъ пособій для слѣпыхъ, доступный всѣмъ нуждающимся въ нихъ, и затѣмъ типографія для брайлевскихъ книгъ, хотя и не первая въ Россіи, но, несомнѣнно, одна изъ самыхъ обширныхъ типографій этого рода въ мірѣ. Наконецъ, по первоначальному плану К. К. Грота на директорѣ Александро-Маріинскаго училища лежала обязанность по надзору за учебно-воспитательною частью всѣхъ училищъ Попечительства. Эта должность такимъ образомъ носила довольно своеобразный характеръ. Тутъ уже нельзя было скупиться на вознагражденіе, если имѣлось въ виду заручиться надлежащею педагогическою силою. И К. К. Гротъ смѣло и рѣшительно идетъ къ разрѣшенію поставленной задачи. Еще въ то время, когда директора даже столичныхъ гимназій получали только по 2 т. руб. въ годъ при готовой квартирѣ, онъ назначаетъ директору Александро-Маріинскаго училища ровно вдвое, тоже

при квартирѣ. Извѣстный педагогъ П. Ѳ. Рашевскій рекомендовалъ ему на эту должность „нѣмца съ русскою душою“ Г. П. Недлера. Все устройство педагогической части подъ общимъ руководствомъ К. К. Грота принадлежитъ Г. П. Недлеру, который былъ его неизмѣннымъ и преданнымъ сотрудникомъ почти съ самаго основанія Попечительства.

V.

К. К. Гроту несомнѣнно принадлежитъ заслуга осуществленія въ Россіи типа училища слѣпыхъ во всей его чистотѣ, безъ наслоеній и вредныхъ примѣсей. Еще больше, однако, его заслуга въ созданіи совершенно новаго типа заведенія для взрослыхъ слѣпыхъ подъ именемъ мастерскихъ для приходящихъ слѣпыхъ. Для дѣтей существовали хорошо поставленныя училища за границею, для взрослыхъ же слѣпыхъ, способныхъ научиться ремеслу,—почти только ремесленныя убѣжища. Съ убѣжища и началъ К. К. Гротъ, но съ теченіемъ времени сильно разочаровался въ цѣлесообразности этого типа. Живя въ ремесленномъ убѣжищѣ, взрослые слѣпые ученики совершенно отстраняются отъ житейскихъ заботъ, отвыкаютъ отъ обыденныхъ житейскихъ расчетовъ и вообще понемногу теряютъ способность къ самостоятельной жизни. Каждый шагъ ихъ зорко охраняется, всѣ потребности удовлетворяются безъ малѣйшаго съ ихъ стороны участія. Создается такимъ образомъ атмосфера, не только не способствующая самодѣятельности, но прямо ослабляющая личные порывы. Получается противорѣчіе: подготовка къ самостоятельной трудовой жизни цѣль учрежденій для здоровыхъ слѣпыхъ, на дѣлѣ же эти учрежденія какъ будто готовятъ лишь къ несамостоятельной жизни. Среди болѣе смѣлыхъ изъ дѣятелей на поприщѣ заботъ о слѣпыхъ возникло желаніе устранить это противорѣчіе и создать учрежденія, гдѣ слѣпые не были бы оторваны отъ обычной житейской среды, въ которой они должны потомъ и совсѣмъ остаться. Зачѣмъ

взрослому слѣпцу поступать въ спеціальное убѣжище? Онъ можетъ оставаться тамъ же, гдѣ жилъ и ранѣе, если же онъ вынужденъ пріѣхать въ городъ только для того, чтобы научиться ремеслу, то все же ему слѣдуетъ оставаться въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ очутился бы и всякій другой на его мѣстѣ, т. е. поселиться по близости отъ того учрежденія, гдѣ онъ долженъ учиться, и ежедневно ходить на занятія. Для слѣпыхъ ремесленниковъ, такимъ образомъ, требуется не убѣжище, а мастерскія, куда они могли бы приходить лишь для работы. К. К. Гротъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые рѣшились осуществить эту мысль. И К. К. Гротъ не ошибся: въ настоящее время типъ мастерскихъ для приходящихъ слѣпыхъ получилъ права гражданства всюду, гдѣ дѣло помощи слѣпымъ поставлено удовлетворительно.

Для учрежденія мастерскихъ К. К. Гротъ пожертвовалъ лично весьма значительныя средства. На участкѣ, отведенномъ городомъ для училища, онъ построилъ въ 1892—1893 гг. каменное трехъэтажное зданіе, обошедшееся ему въ 45 тыс. руб. Здѣсь во 2-мъ и 3-мъ этажѣ были расположены обширныя мастерскія, а въ нижнемъ магазинъ, контора и гимнастическій залъ. По словамъ самого К. К. Грота, онъ использовалъ для этой цѣли средства, полученныя отъ покойной его сестры Р. К. Гротъ, съ которой его связывала тѣсная дружба. Извѣстно, однако, что немедленно послѣ смерти Р. К. Гротъ онъ внесъ въ училище Св. Елены капиталъ на содержаніе 3 стипендій ея имени. Позволительно поэтому сомнѣваться, чтобы на устройство мастерскихъ остались отъ завѣщанной въ пользу К. К. Грота суммы значительныя средства. Вѣрнѣе будетъ предположить, что почти вся стоимость зданія Мастерскихъ была покрыта изъ личныхъ сбереженій К. К. Грота. Этому учрежденію было присвоено затѣмъ имя его создателя. Здѣсь слѣпые уже не живутъ,—они только приходятъ туда работать, какъ тѣ изъ нихъ, которые только учатся, такъ и тѣ, которые работаютъ самостоятельно. Всего мѣстъ въ мастерскихъ

до 120. Въ тѣ времена это было въ своемъ родѣ одно изъ самыхъ большихъ учрежденій въ мірѣ. По мысли К. К. Грота мастерскія должны были создать удобныя условія для работы слѣпца и освободить его отъ неизбѣжныхъ заботъ по добыванію заказовъ, по закупкѣ матеріаловъ и т. п. Опытъ показалъ, что и съ этими заботами отдѣльные слѣпцы справляются весьма удачно, но слѣпой средняго уровня, конкуррируя съ своими зрячими товарищами, поставленъ въ невыгодныя условія, такъ какъ и на самую работу, и на ея пріисканіе, и на заготовку ремесленныхъ матеріаловъ онъ долженъ тратить гораздо больше времени, нежели его зрячій конкуррентъ. Мастерскія имени К. К. Грота какъ разъ имѣютъ цѣлію восполнить этотъ неустранимый въ массѣ слѣпыхъ минусъ. Значеніе ихъ, однако, этимъ не исчерпывается. Они являются центромъ, къ которому тяготѣютъ слѣпые работники обоего пола, остающіеся на жительствѣ въ Петроградѣ и его окрестностяхъ. Слѣпые могутъ брать работу на домъ и сдавать ее въ склады мастерскихъ за наличную плату. Этимъ особенно пользуются слѣпыя женщины, такъ какъ въ самомъ зданіи мастерскихъ могутъ работать только мужчины. Настало время сказать, что доказывать работоспособность слѣпыхъ значитъ ломиться въ открытую дверь. Всѣ трудности сводятся лишь къ пріисканію для нихъ работы въ достаточномъ количествѣ.

Мастерскія, однако, не могутъ исчерпать всѣхъ потребностей слѣпыхъ тружениковъ. Начать съ того, что искусственное стягиваніе слѣпыхъ ремесленниковъ къ крупному населенному центру крайне нежелательно. Но если даже они группируются около мастерскихъ, то все же они нуждаются въ заботливомъ глазѣ, который оказывалъ бы имъ поддержку нравственнаго порядка. Еще больше въ поддержкѣ нуждаются слѣпцы, поселившіеся у себя на родинѣ. Помочь имъ въ пріисканіи матеріаловъ, въ сбытѣ издѣлій значитъ лишь довести до конца дѣло, начатое обученіемъ въ мастерскихъ. Для подобнаго рода помощи достаточно добраго желанія людей, пользующихся независимымъ положеніемъ и располагаю-

щимъ извѣстнымъ досугомъ. Такъ у К. К. Грота созрѣлъ планъ созданія особаго патроната для трудящихся слѣпыхъ. Онъ мечталъ подготовить для этой цѣли кадръ сердечныхъ людей, которые могли бы усвоить себѣ основныя задачи трудовой помощи слѣпымъ. На первый взглядъ эта задача не кажется трудной. Дѣйствительность показала, однако, что людей, которые были бы исполнены не только добраго желанія помогать слѣпымъ, но и твердости въ проведеніи принциповъ трудовой помощи, очень немного. Тутъ повторяется обычная исторія: попечитель такого слѣпца спѣшитъ переложить поддержку нравственнаго характера въ денежную повинность. Какъ только слѣпой замѣчаетъ подобнаго рода склонность, дѣло обыкновенно оказывается въ корнѣ испорченнымъ.

Бываютъ, однако, случаи, когда денежная помощь слѣпому труженику необходима. Болѣзнь, случайная безработица, несомнѣнно, даютъ право на такую помощь. По мѣрѣ приближенія къ старости работоспособность у слѣпца понижается, и онъ нуждается въ постоянной денежной поддержкѣ. Наконецъ, какъ бы хорошо ни была поставлена трудовая помощь слѣпымъ, организація ея также требуетъ постоянныхъ расходовъ. Нельзя также упускать изъ виду, что только самые способные изъ слѣпыхъ могутъ вполнѣ обезпечить свое существованіе заработкомъ, средній же слѣпой работникъ обыкновенно не въ состояніи вполнѣ прокормиться своимъ заработкомъ. Во всякомъ случаѣ трудовая помощь требуетъ извѣстной доплаты, которая должна возрастать по мѣрѣ увеличенія числа слѣпыхъ тружениковъ. Вопросъ этотъ былъ вполнѣ отчетливо поставленъ на одномъ изъ нѣмецкихъ съѣздовъ учителей слѣпыхъ, въ которомъ принималъ непосредственное участіе и К. К. Гротъ. Съѣздъ призналъ, что въ среднемъ слѣпой можетъ выработать лишь двѣ трети того, что ему требуется на жизнь, остальную же треть приходится доплачивать изъ другихъ источниковъ. Отсюда вытекала мысль о необходимости для каждаго заведенія, обучающаго слѣпыхъ, заблаговременно подумать объ источникѣ, откуда можно было бы черпать по-

добныя приплаты. Въ Саксоніи задача эта была разрѣшена образованіемъ особаго вспомогательнаго фонда, проценты съ котораго идутъ на оказаніе помощи бывшимъ ученикамъ Дрезденскаго, нынѣ Хемницкаго, института. Съѣздъ рекомендовалъ эту мѣру всѣмъ другимъ училищамъ.

Въ лицѣ К. К. Грота мысль о вспомогательныхъ фондахъ при каждомъ изъ училищъ слѣпыхъ нашла себѣ ревностнаго поборника. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ позволило ему образовать довольно значительный фондъ при Александро-Маріинскомъ училищѣ, превышающій нынѣ 300 тыс. руб. Но и въ другихъ старѣйшихъ училищахъ Попечительства онъ изыскалъ возможность также образовать подобные фонды, и до конца жизни его не покидала забота о развитіи средствъ для оказанія помощи слѣпымъ труженикамъ, впавшимъ въ временную или хроническую нужду. Въ 1895 г. онъ былъ очень взволнованъ, когда ему показалось, что его преемники склонны измѣнить назначеніе этихъ фондовъ. Недоразумѣніе вскорѣ выяснилось, и К. К. Гротъ уже не боялся, что образованнымъ имъ фондамъ угрожаетъ какая либо опасность.

Съ 1892 года К. К. Гротъ съ юношескимъ пыломъ начинаетъ увлекаться другой мыслію. Онъ обращается ко всѣмъ извѣстнымъ въ Петроградѣ глазнымъ врачамъ съ призывомъ обсудить, какими мѣрами слѣдовало бы бороться противъ развитія слѣпоты въ населеніи Имперіи. Происходитъ подъ его предсѣдательствомъ рядъ многолюдныхъ засѣданій по преимуществу изъ врачей. Здѣсь съ полною ясностью былъ поставленъ вопросъ не о лѣченіи слѣпоты, а о ея предупрежденіи. Когда дѣло доходитъ до слѣпоты, то обыкновенно бороться съ нею уже поздно. Всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы предупредить или во время захватить болѣзнь, ведущую къ слѣпотѣ. По числу слѣпыхъ Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Ясно, что и глазная заболѣваемость должна быть тутъ весьма высокой, но какое-то равнодушіе къ предупрежденію и борьбѣ съ этою заболѣваемостью было почти повсемѣстнымъ

явленіемъ. Спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ было мало, земства же почти совершенно не интересовались этою отраслью медицины. Вырисовывалась такимъ образомъ новая необъятная задача. Нужны сотни и, можетъ быть, тысячи глазныхъ лѣчебницъ, но гдѣ взять для нихъ глазныхъ врачей, откуда почерпнуть средства для содержанія этихъ лѣчебницъ? Положеніе казалось безнадежнымъ, но К. К. Гротъ, опираясь на молодыя медицинскія силы, нашелъ выходъ изъ него. Не въ его характерѣ было долго раздумывать при видѣ бѣды. Надо было дѣйствовать. Было рѣшено остановиться на посылкѣ глазныхъ отрядовъ, которые въ пылу увлеченія были названы летучими, хотя въ дѣйствительности они никогда летучими не были. Тутъ ближайшимъ помощникомъ К. К. Грота выступилъ извѣстный окулистъ Л. Г. Белляриновъ, продолжавшій дѣло и послѣ того, какъ К. К. Гротъ по преклонности возраста отошелъ отъ Попечительства. Въ 1893 г. было снаряжено семь первыхъ отрядовъ. Мѣстности для нихъ были намѣчены по случайнымъ обстоятельствамъ въ связи съ желаніями врачей, которые становились во главѣ отрядовъ, и съ приглашеніями, исходившими отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Первый скромный опытъ, на который К. К. Гротъ рѣшился именно потому, что онъ не былъ врачемъ, оказался весьма удачнымъ. Перспектива предотвратить слѣпоту у тысячъ людей не могла не захватить его, и К. К. Гротъ задумываетъ учредить особое общество для предупрежденія слѣпоты. Ему были еще неясны тѣ очертанія, которыя можетъ принять этого рода дѣятельность, но одно было ясно, что подъ общимъ флагомъ Попечительства трудно добиться одинаковаго развитія какъ основной его дѣятельности, такъ и дѣятельности по предупрежденію слѣпоты. Уже совсѣмъ отойдя отъ Попечительства, К. К. Гротъ напоминалъ своему преемнику о проведеніи проектированнаго общества. И надо признать правду, К. К. Гротъ весьма тонко оцѣнилъ положеніе дѣла и указалъ на дѣйствительно слабый пунктъ.

Какъ показалъ дальнѣйшій ходъ дѣла, попеченіе о слѣпыхъ очутилось въ извѣстномъ умаленіи на счетъ предупрежденія слѣпоты, хотя несомнѣнно, что между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная связь. Проектированное общество, для котораго и самъ К. К. Гротъ не могъ привлечь достаточно авторитетныхъ руководителей, не получило осуществленія, но самое дѣло предупрежденія слѣпоты подъ флагомъ Попечительства приняло такіе размѣры, о которыхъ и не мечталъ К. К. Гротъ.

Другія стороны дѣятельности Попечительства не такъ захватывали К. К. Грота. Нѣтъ той нужды, съ которою не обращались бы къ нему слѣпые, и онъ старался удовлетворить ее, нерѣдко жертвуя собственными матеріальными средствами. Помощь носила чисто индивидуальный характеръ въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами и требованіями нуждающагося. Но есть два излюбленныхъ вида помощи, съ которыми пришлось считаться К. К. Гроту иногда вопреки собственнымъ его взглядамъ. Это—денежная помощь и устройство убѣжищъ для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ.

По условіямъ русской жизни, раздача денежныхъ пособій слѣпымъ не можетъ быть признана достигающей цѣли. Нерѣдко слышится упрекъ по адресу Попечительства, что оно всюду собираетъ деньги въ пользу слѣпыхъ и въ то же время очень скупится въ выдачѣ денежныхъ пособій. Но совершенно ясно, что Попечительство, имѣя на рукахъ десятки постоянныхъ заведеній для слѣпыхъ, обязано прежде всего заботиться о привлеченіи средствъ на ихъ содержаніе. Если бы дѣло было поставлено иначе, то несомнѣнно, что при обиліи слѣпыхъ въ Россіи на содержаніе заведеній осталось бы лишь то, что пожертвовано спеціально для ихъ нуждъ. Самое же главное въ томъ, что нужда слѣпыхъ не была бы удовлетворена даже и въ малой степени, а если принять во вниманіе, что къ слѣпымъ часто присасываются разнаго рода паразиты, безсовѣстно эксплоатирующіе ихъ, то значеніе подобнаго рода помощи получитъ довольно пессимистическую окраску.

Гораздо цѣлесообразнѣе — устройство убѣжищъ для неспособныхъ къ труду, и К. К. Гротъ былъ склоненъ поддерживать этотъ видъ помощи, но онъ считалъ его чисто благотворительнымъ, доступнымъ всякой благотворительной организаціи. По его мнѣнію, однако, вовсе не было бы надобности въ учрежденіи обширнаго Попечительства, дѣйствующаго на всю Россію, если бы дѣло сводилось къ раздачѣ пособій и къ устройству убѣжищъ для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ. Эти виды помощи существовали и до учрежденія Попечительства, могутъ существовать безъ него и помимо него.

Въ послѣдніе годы дѣятельности К. К. Грота особенно угнетала мысль о дальнѣйшей судьбѣ созданнаго имъ общества. Мало кому было такъ ясно, какъ именно К. К. Гроту, что спеціально просвѣтительныя задачи совершенно не подъ силу добровольческой организаціи, что дальнѣйшее развитіе спеціальнаго дѣла трудовой помощи слѣпымъ требуетъ спеціалистовъ, которые посвящали бы себя вполнѣ этому дѣлу. Наконецъ, общее наблюденіе и руководство дѣломъ также требуетъ спеціальной подготовки. Самъ К. К. Гротъ усвоилъ себѣ привычку лично посѣщать учрежденія Попечительства, давать указанія на мѣстѣ и подогрѣвать интересъ къ дѣлу. Для осмотра училищъ онъ предпринималъ поѣздки почти ежегодно, и его отчеты объ этихъ осмотрахъ свидѣтельствуютъ о рѣдкой его проницательности и административномъ мастерствѣ. Но что будетъ послѣ него? Его ближайшій многолѣтній сотрудникъ, на котораго онъ разсчитывалъ въ этомъ отношеніи, былъ поставленъ въ невозможность, по своимъ служебнымъ обстоятельствамъ, удѣлять Попечительству именно то время, которое требовалось по соображеніямъ К. К. Грота, и даже оставилъ на нѣкоторое время занятія по Попечительству. Тяжелые дни переживалъ К. К. Гротъ. Въ этотъ періодъ онъ ухватился за мысль передать учебную часть правительству. У Попечительства остались бы лишь строго благотворительныя задачи, съ которыми ему было бы легче справиться. Въ этомъ смыслѣ была составлена и вне-

сена въ Совѣтъ Попечительства записка, но въ Совѣтѣ послѣ тщательнаго обсужденія было признано, что передача училищъ правительству вовсе не единственный способъ обезпечить дальнѣйшую участь дѣла, что Попечительство само можетъ создать постоянные органы для непосредственнаго надзора и направленія дѣла. Въ результатѣ были учреждены двѣ должности: по административной части — управляющаго дѣлами, по учебно-воспитательной — инспектора губернскихъ училищъ. Завѣдываніе училищами составило съ этого времени самостоятельную отрасль управленія, совершенно независимую отъ Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. Это было какъ бы увѣнчаніемъ зданія, и К. К. Гротъ имѣлъ основаніе смотрѣть на будущее спокойнымъ взоромъ.

Въ 1895 г., ровно за два года до своей кончины, К. К. Гротъ рѣшилъ окончательно отойти отъ Попечительства, подготовивъ себѣ преемника въ лицѣ Е. А. Перетца. Онъ очень гордился, что нашелъ въ себѣ достаточно мужества во-время уступить дорогу другимъ и оставить дѣло, созданное имъ и доставлявшее ему много огорченій, но и не менѣе радостей. Отдыхая за границей, онъ остается, однако, центромъ, къ которому тяготѣли интересы Попечительства. Съ свойственною ему горячностью онъ разрабатываетъ рядъ проектовъ и высказывается въ тѣ острые моменты, которые приходится переживать даже и такому учрежденію, какъ Попечительство о слѣпыхъ. Только тяжкая продолжительная болѣзнь выбила изъ его рукъ перо, и онъ пересталъ отзываться на событія, волновавшія Попечительство.

При жизни К. К. Грота его друзья и почитатели, высоко цѣня его самоотверженную дѣятельность во главѣ Попечительства, рѣшили увѣковѣчить его образъ рѣзцомъ ваятеля. Въ 1891 году былъ отлитъ его бюстъ работы И. И. Забѣлы. Бюстъ этотъ нынѣ украшаетъ залъ Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. Въ 1894 г. въ связи съ устройствомъ мастерскихъ для приходящихъ слѣпыхъ Совѣтъ Попечительства испросилъ

разрѣшеніе на присвоеніе этимъ мастерскимъ его имени. Наконецъ, въ 1906 году открытъ ему памятникъ передъ зданіемъ того учрежденія, которому онъ отдалъ такъ много силъ и энергіи. Но памятникомъ нерукотворнымъ должны остаться по Попечительству о слѣпыхъ тѣ идеи, которымъ онъ служилъ *).

Я. К.

Воспоминанія о Константинѣ Карловичѣ Гротѣ

Г. П. Недлера.

Осенью 1882 г., когда К. К. Гротъ занималъ постъ главноуправляющаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи, онъ однажды пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ на квартиру. Я въ то время занималъ должность инспектора Маріинскаго института (нынѣ институтъ императрицы Маріи), который помѣщается на углу Кирочной и Таврической. Когда я пришелъ къ нему, онъ сообщилъ мнѣ, что онъ открылъ въ Таврической улицѣ маленькій пріютъ-школу для 10 слѣпыхъ мальчиковъ, и спросилъ меня, не соглашусь ли я, въ виду близости моего мѣста службы отъ этого заведенія, принять на себя надзоръ за этимъ пріютомъ. Я замѣтилъ на это, что не имѣю никакого понятія о воспитаніи и обученіи слѣпыхъ дѣтей. Тогда К. К. объяснилъ мнѣ, что этого и не требуется, что въ пріютѣ есть учительница, завѣдывающая имъ, которая получила спеціальную подготовку въ лучшемъ европейскомъ институтѣ слѣпыхъ, въ Дрезденскомъ, и, по удостовѣренію тамошняго директора, отлично усвоила „техническую“ сторону этого дѣла, но что онъ желаетъ, чтобы я принялъ на себя *общій* надзоръ за веденіемъ дѣла въ пріютѣ, давалъ бы учительницѣ, въ случаяхъ надобности, указанія и оказывалъ бы ей помощь въ

---

*) Обильныя подтвержденія сказаннаго въ настоящемъ очеркѣ читатель найдетъ въ матеріалахъ, помѣщенныхъ ниже въ т. II и III.

общихъ, не касающихся спеціально слѣпыхъ, педагогическихъ вопросахъ. На это я изъявилъ свое согласіе. Затѣмъ К. К. объяснилъ мнѣ, въ общихъ чертахъ, главныя основы воспитанія слѣпыхъ дѣтей, съ которымъ онъ ознакомился за границею, преимущественно въ Германіи, гдѣ дѣло это поставлено лучше всего, и снабдилъ меня важнѣйшими сочиненіями (исключительно на иностранныхъ языкахъ) по этой части.

Такимъ образомъ я сталъ знакомиться съ дѣломъ теоретически и, посѣщая основанный К. К-мъ пріютъ, присматриваясь къ веденію имъ дѣла и бесѣдуя съ учительницею, также и практически съ воспитаніемъ и обученіемъ слѣпыхъ дѣтей. Иногда мнѣ приходилось заходить къ К. К-у, чтобы переговорить о томъ и о семъ, касающемся пріюта. Въ такихъ случаяхъ я отъ него всегда получалъ весьма обстоятельныя и полезныя указанія. Дѣло въ томъ, что, раньше чѣмъ приступить къ открытію пріюта слѣпыхъ дѣтей въ Петроградѣ, онъ объѣздилъ и осмотрѣлъ почти всѣ подобныя учрежденія въ западной Европѣ. Свои впечатлѣнія и наблюденія онъ вносилъ въ свою записную книжку, которая, къ счастью, сохранилась. Изъ этихъ собственноручныхъ замѣтокъ видно, съ какимъ необыкновеннымъ вниманіемъ онъ относился къ поставленной себѣ задачѣ. Онъ не просто осматривалъ заведенія для слѣпыхъ, онъ знакомился съ ними всесторонне, *изучалъ* ихъ во всѣхъ подробностяхъ, причемъ постоянно относился къ наблюдаемому *критически*: сравнивалъ видѣнное въ разныхъ мѣстахъ, обдумывалъ, оцѣнивалъ, старался выяснить замѣченныя достоинства и недостатки, отыскивалъ ихъ причины. О томъ же свидѣтельствуютъ, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться, и важнѣйшіе заграничные дѣятели по попеченію о слѣпыхъ. Всѣ они знали его лично, всѣ выражали удивленіе его наблюдательности, его умѣнію вникать въ самую суть дѣла, правильности его сужденій. Главный авторитетъ того времени въ этой области, тогдашній директоръ Саксонскаго института слѣпыхъ Бютнеръ говорилъ мнѣ: „Къ намъ пріѣзжаетъ много русскихъ; но они обыкновенно приходятъ, по-

нюхаютъ („schnüffeln“) и уходятъ. Не такъ дѣйствовалъ статсъ-секретарь Гротъ: онъ вникалъ во все, онъ замѣчалъ то, на что другіе и не обращаютъ вниманія; онъ изучалъ наше дѣло такъ, будто-бы ему самому предстояло лично завѣдывать училищемъ для слѣпыхъ; онъ, можно сказать, сдѣлался спеціалистомъ по нашему дѣлу“.

Его замѣтки не только свидѣтельствуютъ о той тщательности и проницательности, съ которою онъ изучалъ новое для него дѣло, но и выясняютъ его взгляды на это дѣло. Эти замѣтки настолько любопытны, что заслуживаютъ быть напечатанными въ настоящемъ сборникѣ (онѣ будутъ помѣщены въ III-мъ томѣ сборника).

Въ 1883 г. пріютъ слѣпыхъ мальчиковъ былъ переведенъ изъ Таврической улицы на Васильевскій островъ и число призрѣваемыхъ было увеличено. Тогда сношенія мои съ пріютомъ слѣпыхъ на время прекратились и возобновились въ 1885 г. Къ этому времени К. К-мъ былъ открытъ второй пріютъ слѣпыхъ, а именно—пріютъ для слѣпыхъ дѣвочекъ, который состоялъ подъ наблюденіемъ Г. А. Блессигъ, вдовы извѣстнаго окулиста Блессига, основавшей, въ память своего мужа, первую ремесленную мастерскую для взрослыхъ слѣпыхъ. Въ 1885 г. К. К. задумалъ соединить оба основанные имъ пріюта въ *одно* учебно-воспитательное заведеніе и обратился ко мнѣ съ предложеніемъ посвятить себя вполнѣ дѣлу обученія и воспитанія слѣпыхъ дѣтей, на что я, условившись съ нимъ о подробностяхъ, изъявилъ свое согласіе. Совѣтъ основаннаго имъ Маріинскаго Попечительства о слѣпыхъ командировалъ меня для изученія этого дѣла за границу, и, возвратившись изъ этой командировки, я въ октябрѣ 1885 г. приступилъ къ устройству „С.-Петербургскаго училища слѣпыхъ дѣтей“, помѣщавшагося въ нанятомъ въ теченіе лѣта домѣ на Спасской ул. Составъ дѣтей (мальчиковъ и дѣвочекъ) въ этомъ помѣщеніи былъ доведенъ до 50.

Во время моего пребыванія за границею я, какъ это было условлено, часто сообщалъ К. К-у свои наблюденія

и соображенія и иногда получалъ отъ него отвѣтныя письма на эти мои сообщенія. Приглядѣвшись къ дѣлу, я рѣшилъ провести почти все время моей командировки въ Саксонскихъ заведеніяхъ для слѣпыхъ (въ Дрезденскомъ и его филіальныхъ отдѣленіяхъ), находя, что, при ограниченности времени моего отпуска, для дѣла будетъ полезнѣе ознакомиться обстоятельно съ веденіемъ его въ одномъ, по общему мнѣнію, а также и по мнѣнію К. К-а, лучшемъ учрежденіи такого рода, чѣмъ осмотрѣть поверхностно многія изъ нихъ,—мысль, которую вполнѣ одобрилъ К. К. Итакъ, я почти все время моего отпуска провелъ въ Саксоніи, а нѣкоторыя другія заведенія для слѣпыхъ осмотрѣлъ лишь бѣгло.

Когда я возвратился изъ-за границы, началась самая горячая организаціонная работа по устройству училища. К. К. съ увлеченіемъ, хотя по виду спокойно, принялся за дѣло, вникая во всѣ стороны и детали его. Еженедѣльно, по понедѣльникамъ, вечеромъ я, по его предложенію, бывалъ у него, и мы бесѣдовали обо всемъ, что касалось училища. Это были именно бесѣды, а не формальные доклады съ моей и резолюціи съ его стороны. Каждый вопросъ обсуждался сообща, взвѣшивались всѣ pro и contra такого или иного рѣшенія. Бесѣды эти продолжались иногда до очень поздняго времени. Въ нихъ устанавливался порядокъ веденія хозяйства, отчетности, рѣшались вопросы обученія и воспитанія дѣтей и многое другое. Я сообщалъ ему все, что за недѣлю происходило въ училищѣ; его интересовало рѣшительно все, до мельчайшихъ подробностей повседневной жизни.

Дѣла было много, и въ матеріалѣ для совѣщаній недостатка никогда не было. Надо было почти все создать вновь. Книгъ и учебныхъ пособій для слѣпыхъ почти не существовало. Было раньше напечатано нѣсколько книгъ такъ называемымъ унціаломъ, т. е. выпуклыми буквами зрячихъ,—способъ, уже въ то время выходившій изъ употребленія. Надо было замѣнить его общепринятымъ въ западной Европѣ выпуклымъ точечнымъ шрифтомъ. Такія книги стали печататься въ одной Берлинской ти-

пографіи, въ нашей экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и въ одной здѣшней частной типографіи. Кромѣ того, были предприняты попытки печатанія подобныхъ книгъ на весьма примитивномъ и неудобномъ приборѣ, придуманномъ однимъ изъ учителей училища, въ самомъ училищѣ. К. К. съ большимъ интересомъ слѣдилъ за этими попытками, часто приходилъ въ комнату, гдѣ происходило печатаніе и знакомился подробно съ этимъ дѣломъ. Для обученія слѣпыхъ географіи существовала одна выпуклая стѣнная карта Россіи, изготовленная бывшею учительницею пріюта. Карта эта была мало пригодна, потому что обращала классное преподаваніе географіи въ одиночное. Пока одинъ ученикъ стоялъ у карты, всѣ другіе, не имѣя возможности слѣдить за тѣмъ, что происходитъ у карты, оставались безъ всякаго дѣла. Надо было дать въ руки географическую карту каждому ученику или, по крайней мѣрѣ, на двухъ рядомъ сидящихъ, одну. Одинъ изъ учителей училища сталъ изготовлять изъ глины и отливать изъ гипса или алебастра тяжеловѣсныя выпуклыя географическія карты. Работа эта производилась въ мансардѣ зданія училища, и К. К. часто подымался наверхъ по неудобной лѣстницѣ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за этою работою.

Надо было избрать и подготовить педагогическій и прочій персоналъ, отчасти вслѣдствіе расширенія дѣла, отчасти потому, что нѣкоторыя лица, служившія въ прежнихъ пріютахъ, оказались мало подходящими для новаго дѣла. Когда мальчики подросли, надо было ихъ учить ремеслу (пока одному щеточному). Но готовыхъ учителей ремеслъ для слѣпыхъ не было. Обыкновенные щеточники, по нравственнымъ своимъ качествамъ, не годились въ руководители дѣтей; пришлось подыскать болѣе или менѣе для этого пригодное лицо и научить его щеточному ремеслу. Въ русской литературѣ не существовало никакихъ книгъ или статей о воспитаніи и обученіи слѣпыхъ и о разумномъ попеченіи о нихъ. По указанію К. К-а я издалъ переводъ важнѣйшихъ въ то время статей и брошюръ, изданныхъ въ западной Европѣ.

Кромѣ училища, существовало въ то время въ Петроградѣ „Убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ“, основанное также К. К-мъ, гдѣ ослѣпшіе въ турецкую войну солдаты призрѣвались и обучались корзинному ремеслу. Вслѣдствіе смерти попечителя этого заведенія, мнѣ пришлось вскорѣ принять на себя завѣдываніе имъ. Это убѣжище давало также не мало матеріала для бесѣдъ съ К. К-мъ, который относился и къ этому заведенію со свойственною ему заботливостью, зналъ каждаго изъ призрѣваемыхъ въ немъ и слѣдилъ за успѣхами въ работѣ каждаго изъ нихъ.

Все дѣлалось не только свѣдома К. К-а, но и послѣ предварительнаго обсужденія съ нимъ даннаго факта или вопроса. Мнѣ приходилось слышать мнѣніе людей, близко не знавшихъ К. К, что онъ былъ человѣкъ по натурѣ своей деспотическій, не терпѣвшій ни малѣйшаго возраженія, лишавшій своихъ подчиненныхъ всякой самостоятельности. Конечно, это было совершенно ложное мнѣніе. К. К. былъ дѣйствительно человѣкъ съ желѣзною волею, проводившій то, что онъ признавалъ нужнымъ или правильнымъ, твердо и стойко; но онъ всегда готовъ былъ выслушать мнѣніе другого, если оно даже шло въ разрѣзъ съ его собственнымъ взглядомъ, и если удавалось доказать ему правильность этого мнѣнія, то онъ уступалъ. Надо было, конечно, имѣть мужество отстаивать свой взглядъ. Правда, онъ былъ вспыльчивъ и въ горячую минуту могъ быть несправедливымъ и могъ даже невольно обидѣть другого. Разъ это случилось и со мною. Онъ обидѣлъ меня рѣзкимъ выраженіемъ до того, что я подалъ ему прошеніе объ отставкѣ. На другой же день онъ пріѣхалъ ко мнѣ. „Простите меня старика“ были первыя его слова, произнесенныя взволнованнымъ голосомъ. Безпощадно онъ поступалъ, дѣйствительно, тогда, когда онъ убѣждался въ недостойныхъ поступкахъ своего подчиненнаго.

К. К. почти ежедневно посѣщалъ училище и зналъ всѣхъ учениковъ и ученицъ поименно. Къ дѣтямъ онъ относился безъ лишней сентиментальности, но съ большою сердечностью; дѣти очень его любили и всегда

радовались его пріѣзду. И до сихъ поръ слѣпые, воспитанные въ нашемъ училищѣ, хотя старшимъ изъ нихъ уже лѣтъ 40, сохранили о К. К-ѣ самыя теплыя воспоминанія. Имя его и до сихъ поръ производитъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Стоитъ, напримѣръ, только сказать: „этого К. К. не позволялъ“ или: „за это К. К. тебя бы не похвалилъ“, какъ слова эти дѣйствуютъ поразительно. Они и сами въ своихъ бесѣдахъ часто вспоминаютъ о немъ и всегда съ благоговѣніемъ и благодарностью. Въ случаяхъ же серьезныхъ провинностей онъ строго каралъ виновнаго. Такъ одного мальчика неисправимо дурного поведенія онъ удалилъ изъ училища. Для этого онъ пріѣхалъ самъ въ училище, собралъ въ залѣ всѣхъ воспитанниковъ, вызвалъ виновнаго, заявилъ ему, что онъ его исключаетъ изъ числа учениковъ, отправилъ его тутъ-же на Новознаменскую дачу, которая тогда принадлежала попечительству, и помѣстилъ его къ тамошнему дворнику. Оттуда мальчикъ этотъ, обокравъ дворника, сбѣжалъ въ Новгородскую губ., на родину. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, К. К. весной принялъ его въ Мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ, гдѣ онъ могъ окончить свое ремесленное образованіе.

Училище К. К. устроилъ, какъ и впослѣдствіи Александро-Маріинское училище, весьма *просто*, и дѣлалъ онъ это сознательно, принципіально. „Въ закрытыхъ заведеніяхъ“, говорилъ онъ, „дѣтей изъ простыхъ, бѣдныхъ семействъ часто окружаютъ такою роскошью, что это ихъ портитъ и вредитъ имъ. Когда имъ приходится оставлять эти заведенія и вступать въ жизнь, которая часто для нихъ бываетъ очень тяжелою, они чувствуютъ себя несчастными и оказываются негодными для жизни“. Все—одежда, пища, обстановка—было весьма просто, число прислуги самое ограниченное. „Въ нашихъ заведеніяхъ“, говорилъ онъ, „иногда чуть не больше прислуги, чѣмъ призрѣваемыхъ“. Вообще, К. К. во всемъ соблюдалъ разумную экономію. Мнѣ приходилось слышать, что его упрекали въ излишнемъ стремленіи къ экономіи, даже называли скупымъ. Но правда лишь въ томъ, что

онъ дѣйствительно старался устроить все возможно дешевле, не допускалъ ненужныхъ расходовъ, устранялъ всякую попытку на все, имѣющее нѣкоторое подобіе роскоши; но онъ не жалѣлъ денегъ и даже широко расходовалъ ихъ на все полезное, причемъ любилъ дѣлать все солидно, прочно. Это, напримѣръ, ярко обнаружилось при устройствѣ Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. Все внутреннее обзаведеніе этого учрежденія К. К. устроилъ самъ: онъ лично покупалъ и заказывалъ всю его обстановку, причемъ платилъ хорошія цѣны, чтобы имѣть прочныя и солидныя вещи. И дѣйствительно вещи, пріобрѣтенныя или заказанныя имъ, большею частью до сихъ поръ еще служатъ и не пришли въ негодность.

Пока училище помѣщалось въ городѣ, онъ на лѣто нанималъ дачу для дѣтей, (а одно лѣто все училище провело на Новознаменской дачѣ), чтобы слабыя изъ нихъ могли проводить время на чистомъ воздухѣ. Ежегодно онъ отправлялъ золотушныхъ дѣтей въ Старую Руссу для лѣченія.

Въ 1889 г. была окончена постройка зданія Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ. Въ выработкѣ плана этого зданія К. К. принималъ самое дѣятельное участіе, и когда планъ этотъ былъ готовъ, онъ его передалъ на просмотръ и сужденіе тогдашняго директора Дрезденскаго института слѣпыхъ,—новое доказательство предусмотрительности и заботливости К-а К-а. Въ постройкѣ зданія К. К. прямого участія не принималъ; она производилась особою строительною комиссіею, во главѣ которой стоялъ тогдашній вице-предсѣдатель совѣта попечительства, директоръ Императорскаго Александровскаго лицея Н. Н. Гартманъ. Но К. К. непрерывно слѣдилъ за ходомъ дѣла и иногда рѣшительно вступалъ въ него. Такъ, напримѣръ, онъ не допустилъ устройства центральнаго отопленія въ зданіи, тогда еще мало распространеннаго и, по мнѣнію К-а К-а, не достаточно совершеннаго и не совсѣмъ надежнаго. Зато за постройкою зданія „мастерскихъ для взрослыхъ слѣпыхъ“ онъ самъ наблюдалъ, причемъ опять проявилъ свойственную

ему энергію. Почти ежедневно онъ пріѣзжалъ на постройку, взлѣзалъ, несмотря на свои преклонные годы, по шаткимъ, неудобнымъ всходнямъ, осматривалъ всѣ помѣщенія, слѣдилъ за всѣми работами, давалъ самыя подробныя указанія и постоянно торопилъ архитектора и подрядчика, находя, что у насъ постройки вообще ведутся халатно и безъ должной энергіи. Онъ же самъ провѣрялъ тщательно всѣ смѣты и счета и производилъ всѣ расходы. Благодаря этому, зданіе построено прекрасно и обошлось недорого.

Съ переходомъ училища въ новое зданіе и увеличеніемъ комплекта воспитываемыхъ дѣтей до 120—опять закипѣла организаціонная работа. Еженедѣльныя совѣщанія у К. К-а продолжались. На нихъ вырабатывался планъ веденія дѣла во всѣхъ отношеніяхъ. Пришлось увеличить служебный персоналъ, учредить новыя должности (инспектора училища, старшей надзирательницы женскаго отдѣленія и др.), составить новые учебные планы, подготовить мастера корзиннаго ремесла и устроить корзинную мастерскую и т. д. Для всѣхъ служащихъ вырабатывались инструкціи, опредѣляющія ихъ обязанности и права. Во избѣжаніе внутреннихъ треній и неурядицъ, для всей жизни заведенія были установлены точныя, вполнѣ опредѣленныя правила, касающіяся нерѣдко весьма мелкихъ обстоятельствъ. Особое вниманіе обратилъ К. К. на точную установку взаимныхъ отношеній между служащими. Онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ единовластія. Всѣ служащіе, безъ исключенія, были подчинены директору. „Полная власть“, говорилъ онъ, „но и полная отвѣтственность за все, что дѣлается въ училищѣ“. Съ учрежденіемъ должности старшей надзирательницы возникъ вопросъ объ отношеніяхъ ея къ директору. К. К. не допускалъ двоевластія въ одномъ заведеніи, указывая на вредъ его въ нашихъ женскихъ институтахъ, гдѣ постоянно царитъ разладъ между инспекторомъ и начальницей. Поэтому онъ даже отвергъ слово „начальница“ и замѣнилъ его названіемъ „старшая надзирательница“.

Въ отношеніи къ служащимъ К. К. былъ чрезвычайно требователенъ, не допускалъ никакихъ послабленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнилъ и поощрялъ добросовѣстное и усердное исполненіе обязанностей. Изъ своихъ поѣздокъ за границу онъ часто привозилъ воспитателямъ и воспитательницамъ маленькіе подарки—всегда вещицы полезныя,—это было въ его характерѣ. Къ Рождеству онъ всегда дарилъ воспитателямъ сукно на костюмъ, воспитательницамъ и другимъ женскимъ служащимъ матерію на платье. Когда одинъ изъ воспитателей, женившись, въѣхалъ въ предоставленную ему въ зданіи училища квартиру, онъ велѣлъ выдать ему нѣкоторую сумму на обзаведеніе.

Когда онъ, сложивъ съ себя обязанности попечителя училища, прощался съ училищнымъ персоналомъ, онъ подарилъ мнѣ и инспектору, на память о себѣ, карманные часы и передалъ каждому воспитателю и каждой воспитательницѣ свидѣтельства государственной ренты въ 100 или 200 руб., каждому мастеру книжку сберегательной кассы со вкладомъ 50 руб., причемъ онъ объяснилъ, что у насъ, въ Россіи, люди обыкновенно проживаютъ все, что получаютъ, ничего не откладывая, что обычай постоянно и правильно откладывать хотя бы малую долю своего дохода,—обычай, весьма распространенный въ западной Европѣ—заслуживаетъ подражанія и что онъ желаетъ, чтобы переданныя имъ деньги побудили служащихъ училища ввести этотъ обычай и у себя. Вообще, К. К. любилъ поучать практической житейской мудрости. Такъ одинъ изъ уполномоченныхъ попечительства передавалъ мнѣ, что однажды, подымаясь вмѣстѣ съ нимъ въ нашемъ училищѣ въ третій этажъ, К. К. училъ его, какъ онъ выразился, ходить по лѣстницѣ, т. е. объяснялъ ему, какъ слѣдуетъ подыматься по лѣстницѣ, чтобы не утомить себя и не повредить своему здоровью.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ Петроградскаго училища и открытіемъ такихъ же заведеній въ разныхъ городахъ Россіи, увеличилась потребность въ книгахъ для слѣ-

ныхъ. Печатаніе такихъ книгъ было перенесено изъ частной типографіи въ Александро-Маріинское училище. При училищѣ, по распоряженію К. К., была устроена собственная типографія съ усовершенствованнымъ печатнымъ станкомъ, въ которой стали работать слѣпые подъ диктовку зрячихъ. Но и эта типографія не могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ; притомъ изданіе этихъ книгъ, хотя и было удешевлено до послѣдней возможности, обходилось довольно дорого. Тогда К. К. рѣшился на новую мѣру. Чтобы скорѣе и съ возможно малыми затратами увеличить маленькую библіотеку книгъ для слѣпыхъ Петроградскаго училища и создать такія же библіотеки при провинціальныхъ училищахъ, К. К. обратился къ нѣкоторымъ знакомымъ ему дамамъ съ предложеніемъ безвозмездно переписывать ручнымъ способомъ книги для слѣпыхъ. Дамы эти изучали выпуклую точечную азбуку слѣпыхъ и затѣмъ, помощью особаго прибора, переписывали для слѣпыхъ разныя сочиненія, особенно дѣтскія книги. Число этихъ дамъ быстро возросло, особенно когда во главѣ этого кружка́ стала, по предложенію К. К., Е. А. Шамшина, жена члена государственнаго совѣта И. И. Шамшина.

Кружокъ этотъ работалъ очень усердно. Каждый четвергъ собирались члены его у Е. А., гдѣ имъ выдавались приборы для письма, бумага и книги, подлежащія перепискѣ. К. К. самъ нерѣдко посѣщалъ эти собранія и этимъ поддерживалъ рвеніе благотворительницъ-переписчицъ. Такимъ образомъ при Александро-Маріинскомъ училищѣ скоро составилась довольно большая библіотека. Со временемъ образовалось еще два такихъ кружка́, такъ что можно было пересылать книги и въ губернскія училища слѣпыхъ. По иниціативѣ К. К. и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ возникли такіе кружки. Вскорѣ попечительствомъ сталъ издаваться ежемѣсячный журналъ для слѣпыхъ, который доставляется за ничтожную плату (1 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой) всѣмъ подписчикамъ. К. К. намѣренно назначилъ плату за полученіе этого журнала, а

не сталъ раздавать его безплатно, „потому что все, что мы получаемъ даромъ, мы не цѣнимъ“. Вообще, во всемъ, что дѣлалъ К. К., видно глубокое, свободное отъ всякихъ иллюзій, знаніе человѣческой натуры.

Еще тогда, когда училище помѣщалось въ наемномъ домѣ, старшіе ученики дѣлали разнаго рода щетки, а дѣвочки различныя женскія рукодѣлія. Возникъ вопросъ о сбытѣ этихъ издѣлій. Въ самомъ училищѣ была устроена продажа ихъ; на благотворительныхъ базарахъ и на выставкахъ училище также участвовало съ издѣліями слѣпыхъ. Но всего этого было недостаточно, и издѣлія слѣпыхъ стали накапливаться. Тогда К. К. дѣятельно принялся за организацію сбыта этихъ издѣлій. Онъ устроилъ еженедѣльную продажу ихъ (по воскресеньямъ отъ 2 до 6 час.) въ залѣ Краснаго Креста на Инженерной ул. Далѣе онъ устроилъ постоянную выставку и продажу ихъ въ карточномъ магазинѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и также въ подъѣздѣ дома, гдѣ онъ жилъ самъ. Наконецъ, когда въ училищѣ къ щеточному ремеслу прибавилось корзинное и К. К. были основаны мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ, вслѣдствіе чего количество издѣлій стало сильно возрастать, онъ открылъ сперва одинъ магазинъ, а затѣмъ и другой, спеціально для продажи издѣлій слѣпыхъ.

Кромѣ того, онъ, благодаря обширному своему знакомству, добывалъ заказы для мастерскихъ. Вообще, вопросу о сбытѣ издѣлій слѣпыхъ онъ придавалъ большое значеніе и постоянно заботился о томъ, чтобы слѣпые имѣли достаточно работы. Въ началѣ достигнуть этого было сравнительно нетрудно; но впослѣдствіи, когда работниковъ явилось много, это доставляло большія затрудненія. Но эти затрудненія наступили, главнымъ образомъ, уже послѣ смерти К. К. При немъ же слѣпые зарабатывали очень хорошо: усердные и умѣлые работники имѣли ежемѣсячный заработокъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Старшіе изъ нихъ еще и теперь вспоминаютъ о той порѣ и считаютъ время Грота золотымъ временемъ для слѣпыхъ работниковъ.

Вскорѣ послѣ основанія Петроградскаго училища для слѣпыхъ стали открываться такія же училища въ разныхъ городахъ Россіи. Ежегодно, въ началѣ лѣта, К. К. объѣзжалъ нѣкоторыя изъ провинціальныхъ отдѣленій попечительства и подробно знакомился съ открытыми ими учрежденіями. Во время этихъ поѣздокъ я его всегда сопровождалъ и былъ свидѣтелемъ той неутомимой энергіи, которую онъ при этомъ обнаруживалъ. Едва пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, онъ тотчасъ-же, не давъ себѣ ни малѣйшаго отдыха, принимался за дѣло: велъ обстоятельные переговоры съ причастными къ дѣлу лицами, объясняя и мотивируя свои взгляды на дѣло попеченія о слѣпыхъ, осматривалъ мѣстныя заведенія, дѣлалъ указанія на замѣченные имъ недостатки, собиралъ совѣтъ мѣстныхъ дѣятелей, въ которомъ обсуждались всѣ возникшіе вопросы и намѣчался планъ дальнѣйшей дѣятельности. Пробывъ въ одномъ городѣ 2—3 дня, которыхъ, однакоже, всегда было достаточно для весьма обстоятельнаго ознакомленія со всѣми дѣлами мѣстнаго отдѣленія, К. К. спѣшилъ дальше, въ другой городъ, гдѣ опять повторялась та же неутомимая дѣятельность. Цѣлые дни, съ утра до поздняго вечера, проходили буквально въ непрерывной работѣ. По вечерамъ, вернувшись домой, К. К. велъ еще продолжительные разговоры со мною о всемъ видѣнномъ и предполагаемомъ, такъ что едва хватало времени на ночной отдыхъ (онъ вставалъ всегда очень рано). Иногда К. К. командировалъ и меня одного въ то или другое провинціальное отдѣленіе или учрежденіе, когда въ немъ что-нибудь не ладилось. Въ такихъ случаяхъ онъ меня предварительно знакомилъ съ цѣлью моей командировки и указывалъ то направленіе, въ которомъ, по его мнѣнію, было бы желательно повести дѣло.

Провинція, вообще, причиняла К. К. Гроту много заботъ и даже огорченій. Идея К-а К-а о попеченіи о слѣпыхъ состояла, вкратцѣ говоря, въ томъ, чтобы слѣпому дать элементарное образованіе и затѣмъ научить его какому-либо полезному дѣлу, преимущественно ремеслу, кото-

рымъ онъ бы могъ, при извѣстной поддержкѣ со стороны попечительства, существовать. Ни простого призрѣнія, ни денежныхъ подачекъ онъ для способныхъ къ труду слѣпыхъ не допускалъ. Въ то время идея эта нерѣдко плохо усваивалась провинціальными дѣятелями. Одни стремились устраивать богадѣльни, считая слѣпыхъ ни къ какому дѣлу неспособными и полагая, что обучать ихъ значитъ непроизводительно тратить деньги. Другіе— и нерѣдко образованные и вліятельные люди—признавали, что слѣпыхъ можно научить кое-какимъ работамъ, но считали всякое школьное обученіе ихъ (даже простую грамотность) за излишнюю роскошь и стремились обратить школу въ рабочій домъ. Иные, наоборотъ, старались расширить курсъ училища, находя, что тѣхъ свѣдѣній, которыя даетъ учебная программа попечительства, недостаточно. Надо, молъ, включить въ нее и литературу и всеобщую исторію и многое другое. Находились и такіе, которые полагали, что каждый слѣпой—прирожденный музыкантъ и что слѣпыхъ слѣдуетъ учить преимущественно музыкѣ.

К. К. же былъ того убѣжденія, что всѣ заведенія, которыя стремятся сдѣлать изъ слѣпыхъ профессіональныхъ музыкантовъ, идутъ по ложному пути. Однажды К. К. встрѣтился въ Москвѣ при мнѣ съ однимъ уполномоченнымъ попечительства, въ вѣдѣніи котораго состояло убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ, гдѣ было введено корзинное ремесло. На вопросъ К-а К-а, что подѣлываютъ его слѣпцы, уполномоченный отвѣтилъ: „дудятъ,—дудятъ во всю". „Какъ дудятъ?" спросилъ К. К. „Да такъ. Мы имъ купили разныя трубы и дудки и они играютъ съ большимъ увлеченіемъ." „А какъ же корзинное ремесло?" спросилъ К. К. „Да не идетъ", отвѣтилъ уполномоченный. „Не хотятъ они плести корзины." „Такъ нельзя-съ", заявилъ К. К. „Это надо прекратить. Играть они должны только въ свободное отъ работы время". Изъ этого убѣжища такъ ничего и не вышло, и его пришлось совершенно закрыть.—Вслѣдствіе тому подобныхъ частыхъ уклоненій провинціальныхъ учрежденій отъ намѣченнаго

*

К-мъ К-мъ пути, ему приходилось постоянно зорко слѣдить за ходомъ дѣла въ нихъ и часто направлять ихъ на вѣрный путь.

Между тѣмъ наступилъ срокъ, когда изъ Ал.-Мар. училища можно было выпустить, за окончанiемъ курса, четырехъ старшихъ воспитанниковъ. Это было въ 1890 году. Теперь они должны были начать самостоятельную трудовую жизнь. К. К., понимая важность этого момента, готовился къ нему заблаговременно, чтобы обезпечить дальнѣйшее существованiе этихъ молодыхъ людей. Трое изъ нихъ оставались въ Петербургѣ, четвертый возвращался на родину, въ Либаву, гдѣ у него была мать и родственники. К. К. завелъ переписку съ влiятельнымъ лицомъ въ Либавѣ и поручилъ его попеченiю молодого работника, просилъ снабжать его щеточными заказами. Передъ отъѣздомъ ему были выданы безплатно необходимые ремесленные инструменты, нѣкоторый запасъ ремесленныхъ матерiаловъ, бѣлья и одежды и небольшая сумма денегъ. Тѣ матерiалы, которыхъ нельзя получать въ Либавѣ, какъ щеточныя колодки, разрѣшено ему было покупать въ Ал.-Мар. училищѣ, а тѣ свои издѣлiя, которыя онъ не могъ продавать въ родномъ городѣ, ему было позволено присылать для продажи въ Петроградъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, молодой человѣкъ вполнѣ хорошо устроился въ Либавѣ и до сихъ поръ существуетъ самостоятельно, исключительно своимъ трудомъ. Для троихъ, оставшихся въ Петроградѣ, была мною нанята у надежныхъ людей скромная комната и снабжена необходимою обстановкою. Съ хозяевами было условлено, чтобы они, за опредѣленную невысокую плату, продовольствовали ихъ и заботились о стиркѣ и чинкѣ ихъ бѣлья и т. п. Когда комната была нанята и устроена, К. К. самъ осмотрѣлъ ее, и впослѣдствiи иногда заходилъ къ слѣпымъ труженикамъ и бесѣдовалъ съ ними о ихъ житьѣ-бытьѣ. Они приносили изготовляемыя издѣлiя въ училище, которое выплачивало имъ ихъ стоимость, за вычетомъ стоимости выданнаго имъ въ кредитъ матерiала и 10% „комиссiонныхъ“, а затѣмъ продавало эти издѣлiя.

Вычетъ 10% „коммиссіонныхъ“ К. К. назначилъ для того, чтобы слѣпые работники сами старались продавать свои издѣлія и добывать себѣ заказы, въ такихъ случаяхъ имъ, конечно, не приходилось лишаться этихъ 10%. Со стороны К-а К-а это былъ одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, которыми онъ старался побуждать слѣпыхъ къ самодѣятельности.

За первымъ выпускомъ послѣдовали другіе, и К. К. всегда присутствовалъ на этихъ выпускахъ, даже тогда, когда онъ уже сложилъ съ себя обязанности попечителя училища, и всегда интересовался тѣмъ, какъ устроена судьба выпускаемыхъ. Однажды, когда Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ замѣнилъ его, какъ попечителя училища, онъ послѣ выпуска бесѣдовалъ съ выпущенными и вдругъ обратился ко мнѣ взволнованнымъ голосомъ: „А вотъ этотъ мальчикъ говоритъ, что у него никого нѣтъ и ему некуда дѣваться“. Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, стоявшій рядомъ со мною, сказалъ успокоительнымъ тономъ: „Пожалуйста, не безпокойтесь. К. К., мы уже позаботились о немъ“ и объяснилъ ему, какъ предполагается устроить дальнѣйшую судьбу этого мальчика. Другой разъ, когда одинъ изъ выпускаемыхъ читалъ во время выпускного акта сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ трогательно прощался съ училищемъ и выражалъ свою благодарность, у К-а К-а показались слезы на глазахъ, а къ концу чтенія онѣ полились неудержимо. Неправы тѣ (а такіе встрѣчались), которые говорили, что К. К. былъ человѣкъ сухой, холодный. Они его не знали. Правда, онъ прекрасно владѣлъ собою и не давалъ волю своимъ чувствамъ; но я неоднократно убѣждался въ томъ, какъ онъ глубоко чувствовалъ.

Особенно озабочивала К-а К-а судьба выпускаемыхъ изъ училища дѣвушекъ, и онъ впослѣдствіи устроилъ для тѣхъ изъ нихъ, которыя послѣ выпуска оказывались безпріютными, общежитіе въ построенномъ близъ училища „Николаево-Александринскомъ домѣ призрѣнія слѣпыхъ“, гдѣ онѣ могли жить, оплачивая свое содержаніе изъ своего заработка. Плата была назначена невысокая:

8 руб. въ мѣсяцъ за помѣщеніе и столъ; прочія свои потребности онѣ должны были покрывать собственными средствами.

К. К. во всѣхъ начинаніяхъ глядѣлъ впередъ, предусматривалъ всѣ возможныя послѣдствія ихъ, и поэтому все, что онъ дѣлалъ, было глубоко имъ продумано. Открывая училище слѣпыхъ, онъ сознавалъ, что однимъ обученіемъ дѣтей задача попеченія о слѣпыхъ не разрѣшается, что это есть только одна сторона дѣла, и, можетъ быть, наиболѣе легкая, но что главныя затрудненія начнутся тогда, когда дѣти выростутъ и окончатъ курсъ ученія. Онъ понималъ также, что слѣпой работникъ, предоставленный самому себѣ, долженъ погибнуть и превратиться въ нищаго, что, слѣдовательно, необходима постоянная забота о немъ въ теченіе всей его жизни. Устройство этого непрерывнаго попеченія о слѣпыхъ труженикахъ составляло, послѣ открытія училищъ, главную его задачу. Чтобы разрѣшить ее, онъ принялъ слѣдующія мѣры. Прежде всего необходимы были средства—и средства очень значительныя. Поэтому онъ отдѣлилъ изъ пожертвованнаго Императоромъ Александромъ III въ пользу Ал.-Мар. училища милліона руб. съ наросшими на нихъ процентами весьма значительную сумму (175.000 руб.) въ особый фондъ, названный имъ „вспомогательнымъ фондомъ Ал.-Мар. училища“ съ тѣмъ, чтобы %% съ него расходовались на поддержку окончившихъ курсъ училища воспитанниковъ и воспитанницъ, а также и другихъ трудящихся слѣпцовъ. Такіе же фонды онъ основалъ и при другихъ училищахъ слѣпыхъ съ тѣмъ, чтобы мѣстные дѣятели заботились о постоянномъ возрастаніи этихъ фондовъ. Затѣмъ, убѣдившись на дѣлѣ, какъ трудно и неудобно работать слѣпымъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ, онъ рѣшилъ устроить особыя мастерскія для нихъ, куда бы они ежедневно приходили и гдѣ бы они работали подъ надзоромъ и руководствомъ особыхъ мастеровъ. Съ этою цѣлью онъ построилъ на собственныя средства, рядомъ съ училищемъ, особый домъ, гдѣ и устроилъ, также на свои

средства, „Мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ“, носящія его имя. Мастерскія эти содержатся на %% со „вспомогательнаго фонда Ал.-Мар. училища“.

Для мужчинъ-работниковъ онъ не считалъ нужнымъ устроить общежитіе, такъ какъ они могутъ жить въ наемныхъ помѣщеніяхъ; но для дѣвушекъ-работницъ онъ основалъ вышеупомянутое общежитіе.

Съ устройствомъ этихъ учрежденій можно бы считать задачу К-а К-а удачно разрѣшенною. Но онъ не удовольствовался этимъ, а задумалъ осуществить еще одинъ способъ попеченія о трудящихся слѣпцахъ. Исходя изъ того, что учрежденія не могутъ такъ успѣшно заботиться о нихъ, какъ отдѣльные живые люди, онъ задумалъ устройство *патроната* надъ ними. Каждый самостоятельно живущій слѣпецъ-труженикъ (или труженица) долженъ былъ, по его плану, имѣть личнаго попечителя (попечительницу), который заботился бы о немъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ долженъ былъ устроить его, по выходѣ изъ училища, добывать ему работу, находиться съ нимъ постоянно въ близкихъ сношеніяхъ и быть ему старшимъ другомъ и помощникомъ во всѣхъ житейскихъ затрудненіяхъ. К. К. захотѣлъ самъ показать, какъ надо исполнять обязанности попечителя слѣпого. Онъ избралъ себѣ въ кліенты одного изъ самыхъ трудныхъ субъектовъ, бывшаго солдата, ослѣпшаго во время Турецкой войны, хорошаго работника, но горькаго пьяницу. Онъ возился съ нимъ самымъ старательнымъ образомъ. Желая его исправить, онъ то помогалъ ему и поддерживалъ его различными способами, самъ, напримѣръ, получалъ его заработокъ, самъ распоряжался этими деньгами на его пользу, то увѣщевалъ и каралъ его. Однакоже, все это ни къ чему не привело: неисправимый алкоголикъ тяготился этою опекою и, наконецъ, исчезъ, неизвѣстно куда.

Во главѣ патроната К. К. поставилъ лицо, лично ему извѣстное, которое должно было составить кружокъ людей, готовыхъ принять на себя обязанности попечителей слѣпыхъ. Но людей, готовыхъ исполнять эти обязанности такъ, какъ ихъ понималъ К. К., находилось мало;

да и тѣ, которые соглашались, вскорѣ стали тяготиться этимъ дѣломъ. Глава патроната сталъ ограничиваться безмѣрною выдачею слѣпымъ денежныхъ пособій, а слѣпые стали его эксплоатировать, и когда онъ убѣдился, что дѣйствуетъ не въ духѣ К-а К-а, онъ отказался отъ принятыхъ на себя обязанностей. Проектъ патроната надъ слѣпыми, такимъ образомъ, не осуществился.

Незадолго до своей смерти, когда К. К., уже болѣя, проживалъ въ Павловскѣ, онъ, однажды, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ старшихъ служащихъ училища. Онъ былъ въ этотъ день, можетъ быть, вслѣдствіе болѣзненности, въ подавленномъ, даже пессимистическомъ настроеніи. Онъ много говорилъ о томъ, чего онъ хотѣлъ достичь учрежденіемъ школъ и мастерскихъ для слѣпыхъ, выражая опасенія за будущность начатаго имъ новаго въ Россіи дѣла. „Легко“, сказалъ онъ, „придать этому дѣлу другое направленіе. Надо проложить глубокую колею, чтобы не легко было вывернуть телѣгу изъ этой колеи“ — и взялъ съ насъ слово, что, пока мы будемъ стоять у этого дѣла, мы будемъ продолжать его въ намѣченномъ имъ направленіи...

ТРУДЫ К. К. ГРОТА

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ПРИЗРѢНІИ.

Дѣломъ общественнаго призрѣнія К. К. Гротъ сталъ интересоваться очень рано, еще въ началѣ своей служебной карьеры, а именно еще въ 1840 годахъ, когда, по переходѣ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ (1845 г.), ему было поручено обревизованіе цѣлаго ряда приказовъ общественнаго призрѣнія, а также богоугодныхъ заведеній какъ во внутреннихъ губерніяхъ, такъ и въ Западномъ краѣ. Объ этихъ командировкахъ его, очень успѣшныхъ по своимъ результатамъ и создавшихъ ему отличную и прочную репутацію въ министерствѣ внутр. дѣлъ, и относящихся къ 1846 (Тверь) и 1847 (Ярославль, Москва, Рязань, Саратовъ, Полтава, Кіевъ, Житоміръ, Курляндія) годамъ, — уже были сообщены свѣдѣнія выше [1]).

Склонный по природѣ и по своему душевному человѣколюбивому настроенію къ заботамъ о неимущихъ, К. К. всегда и впослѣдствіи продолжалъ интересоваться этимъ дѣломъ, но только на склонѣ жизни ему опять привелось поработать въ этой области. Для нашего сборника (именно для 3-го его тома) обѣщана статья объ этихъ трудахъ К. К. однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ его въ этомъ дѣлѣ. Пока же редакція Сборника считаетъ умѣстнымъ дать здѣсь хоть краткую записку объ этой сторонѣ дѣятельности К. К. Грота, составленную исключительно по офиціальнымъ даннымъ.

Близко принимая къ сердцу вопросъ о правильной постановкѣ дѣла призрѣнія бѣдныхъ и признавая, что

---

[1]) Срв. стр. 5, 55, 57 и слѣд., также Приложенія.

попеченіе о лицахъ, „впавшихъ въ безпомощное состояніе“, должно составлять одну изъ существенныхъ обязанностей государства, Константинъ Карловичъ въ концѣ 1891 года изложилъ въ краткой запискѣ свои взгляды на положеніе означеннаго дѣла въ нашемъ отечествѣ и указалъ на необходимость пересмотра существующихъ узаконеній по общественному призрѣнію и на приведеніе въ правильный строй, какъ учрежденій, призванныхъ къ завѣдыванію этимъ дѣломъ, такъ и средствъ, расходуемыхъ на него обществомъ. К. К. Гротъ писалъ:

„Общественная жизнь, на ряду со всѣми благами цивилизаціи и культуры, создаетъ въ то же время нищету и бѣдность. Масса гражданъ является неспособной, по личнымъ или по соціальнымъ условіямъ, или вообще добывать средства существованія собственнымъ трудомъ, или добывать средства достаточныя для покрытія расходовъ на случай болѣзни, увѣчья или на время старости, вызывая необходимость затраты со стороны остальной части общества на такъ называемое призрѣніе. Призрѣніе это мало-по-малу стало одною изъ обязанностей и задачъ государства и выработалось исторически въ цѣлую систему законовъ, дѣйствій и учрежденій, своеобразную у каждаго изъ культурныхъ народовъ.

Задачи общественнаго призрѣнія являются въ высшей степени обширными и сложными, заключая въ себѣ не только мѣры непосредственной помощи нуждающимся, но и мѣры предупрежденія бѣдности. Въ тѣсномъ смыслѣ къ сферѣ общественнаго призрѣнія относятся только первыя,—послѣднія составляютъ область собственно экономической или хозяйственной политики. Но даже поставленныя въ эти, болѣе узкія рамки, задачи общественнаго призрѣнія достаточно широки и разнообразны и не исчерпываются устройствомъ одной офиціальной благотворительности; въ эти рамки входитъ также поощреніе и мѣры къ развитію такихъ учрежденій, въ которыхъ выражается самодѣятельность общества въ дѣлѣ призрѣнія, самопомощь, какъ то: устройство пенсіонныхъ, вдовьихъ, сиротскихъ и др. кассъ, обществъ дешеваго

кредита, обществъ бережливости, страхованія рабочихъ на случай увѣчья и неспособности къ труду и т. д. Правительство, даже не вторгаясь съ своею регламентаціей въ эту область, можетъ способствовать развитію самопомощи въ дѣлѣ призрѣнія, напр. изданіемъ закона объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, закона о порядкѣ основанія разныхъ обществъ вспоможенія, изданіемъ нормальныхъ уставовъ такихъ обществъ и пр. И за всѣмъ тѣмъ еще государству остается большое поле для собственной дѣятельности въ организаціи общественнаго призрѣнія и завѣдыванія имъ. Въ систему государственныхъ мѣръ по общественному призрѣнію должны войти слѣдующія:

1) Опредѣленіе правъ на призрѣніе, во первыхъ, по мѣстностямъ (законъ объ осѣдлости), на какихъ общественныхъ союзахъ должна лежать обязанность призрѣнія; во вторыхъ, по личности, — кто имѣетъ право на призрѣніе—по возрасту, семейному состоянію, тѣлеснымъ или душевнымъ недостаткамъ, болѣзни и т. д.

2) Опредѣленіе источниковъ средствъ на дѣло призрѣнія, какъ общегосударственныхъ, такъ и мѣстныхъ.

3) Устройство центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, завѣдывающихъ дѣломъ призрѣнія.

4) Опредѣленіе способовъ призрѣнія и учрежденій для онаго — рабочихъ домовъ, больницъ, богадѣленъ, пріютовъ и пр.

Само собою разумѣется, что организація общественнаго призрѣнія въ его разнообразныхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ, такимъ образомъ, не должна стѣснять благотворительности совершенно частной не только отдѣльныхъ лицъ, но и частныхъ благотворительныхъ союзовъ или обществъ. Но государство имѣетъ всегда въ своихъ рукахъ средство направлять частную благотворительность, вводить ее въ общую стройную систему общественнаго призрѣнія такъ, чтобы частная и правительственная дѣятельность взаимно восполняли одна другую.

Только при такихъ условіяхъ предотвратится нераціональная трата средствъ на дѣло благотворенія, уста-

новится соразмѣрность между различными видами призрѣнія, будетъ доставляться большая польза для обществъ, уменьшатся страданія людей, освободится, для прироста народнаго богатства, значительная часть производительныхъ силъ населенія.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло общественнаго призрѣнія не представляетъ никакой системы, мало того — оно не имѣетъ ни единаго органа, на обязанности котораго лежало бы управленіе по дѣламъ призрѣнія. Съ одной стороны три вѣдомства: учрежденій Императрицы Маріи, Императорскаго человѣколюбиваго общества и министерство внутреннихъ дѣлъ, дѣйствуютъ безъ всякой связи между собою, не считая дѣятельности по благотворенію, находящейся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, министерства военнаго и другихъ; съ другой — множество частныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій возникаетъ и дѣйствуетъ совершенно случайно, оказывая благотворенія часто людямъ, его не заслуживающимъ или эксплоатирующимъ средства этихъ обществъ и учрежденій, дѣлая изъ полученія помощи своего рода промыселъ.

Въ учрежденіи для управленія губерній 7 ноября 1775 года постановлено, между прочимъ, чтобы въ каждой губерніи для завѣдыванія и распоряженія дѣлами призрѣнія открыты были, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, особые *приказы общественнаго призрѣнія*. На эти приказы общественнаго призрѣнія возложены были весьма важныя функціи: завѣдываніе школами, учрежденіе больницъ, сиротскихъ домовъ, богадѣленъ, особыхъ пріютовъ для неизлѣчимыхъ больныхъ, домовъ для умалишенныхъ, домовъ рабочихъ и смирительныхъ. Лишенные центра, направляющаго ихъ дѣятельность, превратившись мало-по-малу болѣе въ кредитное, чѣмъ благотворительное учрежденіе, приказы общественнаго призрѣнія были учрежденіемъ болѣе сословнымъ, и главная масса населенія, дающая нынѣ наибольшій контингентъ нуждающихся въ призрѣніи, именно крестьянъ, благодаря существованію крѣпостного права, совсѣмъ стояла внѣ заботъ общественнаго призрѣнія. Съ

освобожденіемъ крестьянъ, изданіемъ земскаго и городоваго положеній приказы общественнаго призрѣнія перестали существовать во всѣхъ мѣстностяхъ, на которыя распространились дѣйствія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, а съ переустройствомъ системы кредитныхъ учрежденій, общественное призрѣніе лишилось и своихъ прежнихъ средствъ.

Въ настоящее время дѣломъ призрѣнія въ Россіи вѣдаютъ: 1) земскія и городскія учрежденія въ земскихъ губерніяхъ; 2) приказы общественнаго призрѣнія въ неземскихъ губерніяхъ; 3) губернскіе и уѣздные совѣты общественнаго призрѣнія въ губерніяхъ Царства Польскаго; 4) областныя управленія казачьихъ войскъ; 5) губернскія правленія въ Сибири и въ Оренбургской губерніи; 6) городскія и сельскія общества; 7) вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи; 8) учрежденія В. К. Елены Павловны; 9) благотворительныя учрежденія Императорскаго человѣколюбиваго общества; 10) попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, дѣйствующія подъ надзоромъ Св. Синода и армяно-григорьянской консисторіи; 11) комитетъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ; 12) Александровскій комитетъ о раненыхъ и пр. Рядомъ съ этимъ существуетъ, никогда неприведенное въ полную извѣстность, большое число частныхъ благотворительныхъ учрежденій и обществъ, считающихся не десятками, а сотнями.

Понятно, что при такомъ числѣ „вѣдомствъ“ и отсутствіи общаго центра дѣло призрѣнія не имѣетъ соразмѣрности ни въ дѣйствіяхъ своихъ, ни въ средствахъ, ни, наконецъ, единства въ цѣляхъ.

Съ другой стороны, всѣ эти многочисленныя вѣдомства не обнимаютъ дѣла призрѣнія во всей его полнотѣ, и дѣятельность многихъ изъ нихъ не распространялась на всю территорію имперіи. Единственными общими, такъ сказать, учрежденіями являются органы мѣстнаго самоуправленія, приказы общественнаго призрѣнія и соотвѣтствующія имъ въ дѣлѣ призрѣнія органы въ тѣхъ мѣст-

ностяхъ, гдѣ ни общественнаго самоуправленія, ни приказовъ не учреждено. Но законъ возлагаетъ на эти органы, кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ задачъ по содержанію учрежденій, основанныхъ большею частью на частныя средства, такія обязанности, исполненіе которыхъ остается однимъ платоническимъ пожеланіемъ. Такъ напр., губернаторы, на которыхъ въ числѣ массы другихъ обязанностей, возлагается общій высшій надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями въ губерніи, обязаны по закону доставлять всѣмъ безпомощнымъ и страждущимъ надлежащее по возможности призрѣніе и вспомоществованіе; они должны обращать постоянное вниманіе какъ на существующія съ сей цѣлью во ввѣренной имъ губерніи учрежденія и заведенія, такъ и на положеніе людей, кои по сиротству и болѣзнямъ, крайней бѣдности или инымъ причинамъ (?) имѣютъ право на особенное попеченіе правительства (общ. губ. учр. 564). На земства и города возлагается завѣдываніе земскими благотворительными учрежденіями и „прочія мѣры призрѣнія", а также способы прекращенія нищенства. Болѣе всего законъ говоритъ объ этой послѣдней обязанности сихъ органовъ мѣстнаго управленія. Такъ, полиція должна смотрѣть за тѣмъ, чтобы нищенство не происходило и неимущіе были призрѣны, и дабы неимущимъ, калѣкамъ и, подъ видомъ ихъ, здоровымъ не было дозволяемо отлучаться изъ мѣстъ ихъ жительства (уст. прес. и пред. прест. 193); такъ, городъ обязанъ содержать и не допускать до прошенія милостыни своихъ нищихъ и по тѣлеснымъ недугамъ не могущихъ работать; такъ и сельскія начальства обязаны смотрѣть, чтобы бѣдные и неимущіе люди, принадлежащіе къ обществу, не бродили и не просили милостыни, чтобы тѣ изъ нихъ, кои окажутся здоровыми, были употребляемы по усмотрѣнію на разныя работы, престарѣлые же и дряхлые отдаваемы на содержаніе родственникамъ, буде же родственниковъ не имѣется, то отсылались бы въ богадѣльни, больницы и др. богоугодныя заведенія, содержимыя на иждивеніи обществъ.

Кому же не извѣстно, что всѣ эти требованія закона.

какъ и многія другія, къ общественному призрѣнію относящіяся, остаются мертвою буквою; кто не знаетъ, что нищенство охватываетъ всѣ города и села, что заведеній для призрѣнія неизлѣчимыхъ больныхъ, умалишенныхъ и калѣкъ, богадѣленъ и пріютовъ не имѣется въ цѣлыхъ губерніяхъ, а тамъ гдѣ имѣются такъ называемыя богоугодныя заведенія, онѣ размѣрами своими не соотвѣтствуютъ числу нуждающихся; что частная благотворительность направляется на удовлетвореніе потребности въ призрѣніи случайною волею жертвователей, большею частью безъ знанія дѣйствительныхъ его потребностей, и что развита она преимущественно въ однѣхъ столицахъ и въ видѣ исключенія въ провинціи; что большіе города наводняются массой несчастныхъ, ищущихъ тамъ или призрѣнія или заработка, и за недостаткомъ послѣдняго образующихъ главный контингентъ преступности. Приведены ли были хоть разъ въ извѣстность съ одной стороны численность населенія, нуждающагося въ призрѣніи, съ другой—средства призрѣнія какъ общественнаго, такъ и частнаго?

Въ виду огромной важности установленія правильной системы общественнаго призрѣнія, составляющаго одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія, задачъ тѣмъ болѣе настоятельно требующихъ своего разрѣшенія, чѣмъ болѣе правовой порядокъ становится на смѣну прежнихъ патріархальныхъ отношеній и чѣмъ выше культура государства, было бы своевременно правительству обратить серьезное вниманіе на пересмотръ существующихъ узаконеній по дѣлу общественнаго призрѣнія, на приведеніе въ общій правильный строй какъ учрежденій, завѣдывающихъ этимъ дѣломъ, такъ и средствъ, обществомъ на него затрачиваемыхъ.

Сіе могло бы быть достигнуто образованіемъ особой правительственной комиссіи: 1) для производства изслѣдованія того положенія, въ какомъ находится у насъ общественное призрѣніе и 2) для начертанія проекта законодательныхъ мѣръ, обнимающихъ дѣло призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ".

Изложенная записка была представлена статсъ-секретаремъ Гротомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Бывшій во главѣ министерства И. Н. Дурново, признавая съ своей стороны, что „дѣло общественнаго призрѣнія, въ настоящей его постановкѣ, не лишено коренныхъ недостатковъ и настоятельно требуетъ обновленія“, представилъ по сему предмету 22 Октября 1892 года всеподданнѣйшій докладъ. Въ докладѣ этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше доносилъ, что онъ вполнѣ присоединяется „къ мнѣнію статсъ-секретаря Грота о необходимости подвергнуть пересмотру дѣйствующія узаконенія объ общественномъ призрѣніи и привести въ общій правильный строй какъ учрежденія, завѣдывающія этимъ дѣломъ, такъ и средства, правительствомъ, земствомъ, городами и обществомъ на него затрачиваемыя“. При этомъ статсъ-секретарь Дурново въ своемъ докладѣ писалъ слѣдующее: „Такой пересмотръ и самое составленіе проекта новаго устава, по обширности труда и сложности затрагиваемыхъ вопросовъ, не могутъ быть возложены, съ надеждою на успѣшное и своевременное исполненіе, на одно изъ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій, обремененныхъ неотложностью текущихъ дѣлъ. По сему я полагалъ-бы, по бывшимъ примѣрамъ, всего соотвѣтственнѣе указанную задачу возложить на особую правительственную комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота.

Вѣдѣнію означенной комиссіи могли бы подлежать:

1) производство изслѣдованія того современнаго положенія, въ какомъ находится общественное призрѣніе въ Россіи, и

2) начертаніе проекта законодательныхъ мѣръ, обнимающихъ дѣло призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ, для внесенія таковаго проекта въ государственный совѣтъ въ установленномъ порядкѣ.

Принимая во вниманіе все вышеуказанное, считаю долгомъ испросить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе особой Правительственной Комиссіи на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Комиссія образуется, подъ предсѣдательствомъ

статсъ-секретаря дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Грота, изъ директоровъ: хозяйственнаго и медицинскаго департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ и изъ представителей министерства финансовъ и кодификаціоннаго отдѣла государственнаго совѣта, по одному отъ каждаго вѣдомства, съ представленіемъ предсѣдателю права, по соглашенію со мною, приглашать, въ качествѣ членовъ комиссіи, и лицъ другихъ вѣдомствъ и учрежденій, а также лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу о призрѣніи бѣдныхъ.

2) По дѣламъ комиссіи предсѣдатель оной сносится непосредственно съ правительственными учрежденіями и лицами.

3) Дѣлопроизводство въ комиссіи возлагается на лицъ, избираемыхъ и приглашаемыхъ для сего предсѣдателемъ комиссіи.

и 4) На всѣ расходы по дѣлопроизводству назначить сумму въ 5.000 р. изъ °/₀ съ имѣющихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ капиталовъ общественнаго призрѣнія".

Государю угодно было согласиться съ указаннымъ докладомъ и повелѣть, чтобы комиссіи былъ назначенъ срокъ для окончанія работъ. Такимъ срокомъ было принято 17 Іюня 1894 г., но труды комиссіи въ виду сложности ихъ затянулись. Въ январѣ 1896 года, находясь по болѣзни за границею, К. К. Гротъ писалъ вновь назначенному министру внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкину: „Не желая откладывать до возвращенія моего въ Петербургъ, не ранѣе будущей весны, сообщеніе Вашему Превосходительству нѣкоторыхъ свѣдѣній о положеніи занятій комиссіи, я прошу Вашего позволенія сдѣлать это теперь, хотя можетъ быть и не съ тою полнотою, какъ это я могъ бы исполнить на мѣстѣ, гдѣ сосредоточены всѣ матеріалы и данныя.

Прежде всего считаю долгомъ доложить Вашему Превосходительству, что главнымъ поводомъ къ моему ходатайству объ учрежденіи состоящей подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссіи послужило то, что посвящая глав-

ную часть своихъ досуговъ въ теченіе десятковъ лѣтъ вопросамъ общественнаго призрѣнія и частной благотворительности, я успѣлъ убѣдиться въ недостаточности и устарѣлости нашего законодательства по этимъ предметамъ, а также и въ томъ, что пока не будетъ образовано мѣстныхъ органовъ общественнаго призрѣнія, нельзя ни къ чему приступить по этому важному дѣлу. До 1864 г. былъ хотя одинъ органъ въ каждой губерніи, который вѣдалъ общественнымъ призрѣніемъ, но съ открытіемъ земскихъ учрежденій этотъ органъ—Приказы общественнаго призрѣнія—были закрыты въ 34 земскихъ губерніяхъ и ничѣмъ не были замѣнены. Новыми положеніями о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, общественное призрѣніе для всего населенія хотя и возложено на земство и города, но со стороны правительства ничего не было сдѣлано для организаціи этой отрасли управленія, сами же земскія и городскія учрежденія, не отказываясь помогать разными путями по мѣрѣ силъ и возможности, бѣднымъ и неимущимъ, не могли еще взять на себя иниціативу для правильной организаціи общественнаго призрѣнія, будучи постоянно заняты крупными и неотложными реформами и мѣрами, касавшимися всего населенія и поглощавшими значительную часть ихъ денежныхъ рессурсовъ. Съ особенною очевидностью выразился этотъ недостатокъ въ 1891—92 г. г. при общемъ бѣдствіи голода, когда министерство внутреннихъ дѣлъ оказалось безъ всякихъ готовыхъ мѣстныхъ органовъ, на которые можно было возложить заботу о бѣдствующихъ и выдачу имъ назначенныхъ имъ ссудъ, и ему пришлось на-скоро создавать временные органы.

Въ подтвержденіе того, на сколько эта часть была забыта, можетъ между прочимъ служить и то обстоятельство, что, въ теченіе 26 лѣтъ моего нахожденія членомъ государственнаго совѣта, я не могу припомнить ни одного представленія министерства внутреннихъ дѣлъ, которое касалось бы организаціи общественнаго призрѣнія въ земскихъ губерніяхъ.

Если же мы обратимся къ изысканію причинъ такого

порядка вещей, то найдемъ ихъ, конечно, не въ равнодушіи правительства, земствъ и городовъ къ цѣлой отрасли управленія и притомъ весьма симпатичной для каждаго дѣятеля, а скорѣе въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя министерство внутреннихъ дѣлъ было поставлено со времени коренного преобразованія царствованія Императора Александра II, освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и изъ котораго оно, по моему мнѣнію, и до сихъ поръ не вышло.

Вновь учрежденная коммиссія открылась въ концѣ 1892 г. и прежде всего было положено заняться преимущественно земскими губерніями, въ которыхъ уже введенъ тотъ порядокъ управленія, который со временемъ. вполнѣ или частью, вѣроятно будетъ распространенъ и на прочія части Россіи, гдѣ дѣйствуютъ еще приказы общественнаго призрѣнія. Но съ первыхъ же засѣданій обнаружилась безпомощность коммиссіи: изъ министерства внутреннихъ дѣлъ никакихъ данныхъ, матеріаловъ и отчетовъ передано не было, а при ближайшемъ освѣдомленіи оказалось, что такихъ свѣдѣній въ хозяйственномъ департаментѣ вовсе не имѣлось и что вообще ему весьма мало извѣстно о томъ, что сдѣлано и дѣлается въ земскихъ губерніяхъ по общественному призрѣнію послѣ закрытія въ нихъ приказовъ; не включая сюда медицинской части, о которой медицинскій департаментъ имѣетъ подробныя свѣдѣнія.

При такихъ обстоятельствахъ и такъ какъ съ разныхъ сторонъ заявлялось, что, за исключеніемъ городовъ, въ 34 земскихъ губерніяхъ почти нѣтъ никакихъ богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій и никакой организаціи для правильной помощи бѣднымъ и неимущимъ, было рѣшено приступить къ составленію новаго проекта устава общественнаго призрѣнія для земскихъ губерній, не ожидая отвѣтовъ губернаторовъ на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, который между тѣмъ былъ данъ для полученія свѣдѣній по общественному призрѣнію во всѣхъ вообще губерніяхъ. Съ этою цѣлью изъ среды коммиссіи была избрана подкоммиссія,

которой были указаны тѣ вопросы, на которые ей слѣдуетъ обратить особое вниманіе, а между тѣмъ, чтобы не терять времени, комиссія и съ своей стороны начала собирать свѣдѣнія для разъясненія возложеннаго на нее дѣла, на сколько позволяли это небольшія предоставленныя въ ея распоряженіе средства: она имѣетъ всего одного дѣлопроизводителя и небольшія денежныя средства на текущіе расходы. Такъ была мною передана въ комиссію составленная еще ранѣе по моему распоряженію и на мои средства печатная записка о дѣйствующемъ въ разныхъ заграничныхъ государствахъ законодательствѣ по общественному призрѣнію, получены данныя о существующихъ порядкахъ по общественному призрѣнію въ Финляндіи, командированъ дѣлопроизводитель комиссіи въ Привислинскія губерніи съ тою же цѣлью, собраны отчеты за разные годы губернскихъ земскихъ управъ и разныя свѣдѣнія оказавшіяся въ хозяйственномъ департаментѣ и сдѣланы изъ нихъ извлеченія и своды, такъ что въ настоящее время матеріаловъ по дѣлу занимающему комиссію уже не мало.

Между тѣмъ подкомиссія окончила свой трудъ и представила его въ комиссію. Главныя начала принятыя въ основаніе проекта подкомиссіи заключаются въ слѣдующемъ: 1) помощь бѣднымъ и неимущимъ всѣхъ сословій возлагается на государство, сословнымъ же и общественнымъ учрежденіямъ предоставляется лишь ограниченное значеніе въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія; 2) помощь составляетъ *право* каждаго нуждающагося неимущаго и предоставляется даже право жалобы на отказъ во вспомоществованіи; 3) учреждается отдѣльное вѣдомство общественнаго призрѣнія съ особыми бюрократическими инстанціями—высшими, средними и низшими и 4) устанавливаются особые сборы и кассы на помощь бѣднымъ и неимущимъ.

Прежде разсмотрѣнія проекта подкомиссіи въ полномъ составѣ комиссіи, она препроводила его на заключеніе нѣкоторыхъ губернаторовъ. предсѣдателей земскихъ и городскихъ управъ, свѣдущихъ лицъ, профес-

соровъ и др., а по полученіи отъ всѣхъ этихъ лицъ отвѣтовъ, внесла проектъ на разсмотрѣніе комиссіи вмѣстѣ съ составленнымъ по ея распоряженію сводомъ всѣхъ отзывовъ. Членъ комиссіи профессоръ Герье представилъ особенно подробный разборъ работы подкомиссіи, который заключалъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ контръ-проектъ. Всѣ эти работы неоднократно со всею подробностью разсматривались въ полномъ составѣ Высочайше учрежденной комиссіею по пересмотру дѣйствующаго законодательства по общественному призрѣнію, но не возможно было придти не только къ единогласному заключенію, но даже къ какому бы то ни было соглашенію. Въ каждомъ засѣданіи комиссіи возобновлялись нападки и возраженія на проектъ подкомиссіи и особенно указывали на то, что проектъ имѣетъ характеръ кабинетнаго и бюрократическаго труда безъ надлежащаго соображенія съ мѣстными условіями и практикою жизни въ деревнѣ. Члены подкомиссіи старались всѣми путями защищать свой проектъ и доказывали его практичность и примѣнимость къ дѣлу. Но это мало вліяло на прочихъ членовъ комиссіи, не отступавшихъ отъ своихъ взглядовъ. Не вполнѣ одобрялась и работа профессора Герье, а такъ какъ другихъ положительныхъ и обнимающихъ все дѣло предложеній никѣмъ не дѣлалось, то занятія комиссіи начали затягиваться и слышались даже голоса, что лучше ее закрыть и передать всю эту реформу новому отдѣлу по общественному призрѣнію, который готовится къ открытію въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но я лично совмѣстно съ нѣкоторыми членами комиссіи, а также бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново были другого мнѣнія и выражали, что было бы прискорбно, если бы тѣ знанія и опытъ, который члены комиссіи пріобрѣли въ теченіе двухлѣтнихъ занятій по вопросу многосложному и еще мало у насъ извѣстному остались безъ примѣненія, и дѣло о лучшемъ устройствѣ общественнаго призрѣнія въ Россіи было передано опять въ новыя руки и вновь отложено на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что учрежденіе, въ

которое предлагалось передать дѣло, еще не существуетъ и неизвѣстно, вскорѣ ли будетъ образовано.

При такихъ обстоятельствахъ, когда въ началѣ 1895 г. мнѣ пришлось по болѣзни уѣхать за границу, было рѣшено, не останавливая дѣйствія комиссіи на время моего отсутствія, учредить на этотъ срокъ, подъ председательствомъ директора хозяйственнаго департамента Кабата, изъ нѣкоторыхъ членовъ комиссіи временное бюро, которому поручить: 1) продолжать разработку разныхъ намѣченныхъ матеріаловъ, касающихся дѣятельности комиссіи, при ближайшемъ участіи члена-дѣлопроизводителя Максимова и 2) въ виду того, что по мѣрѣ знакомства съ дѣлами общественнаго призрѣнія въ земскихъ губерніяхъ, оказалось, что общественное призрѣніе въ этихъ губерніяхъ вовсе не находится въ такомъ забытіи, какъ сначала предполагалось,—составить циркуляръ, которымъ просить нѣкоторыя земскія и городскія учрежденія, доставить свое заключеніе по проектамъ подкомиссіи и профессора Герье и отвѣтить на 10 вопросныхъ пунктовъ, по которымъ комиссія желала бы имѣть отзывы земствъ и городовъ. Означенный циркуляръ былъ разосланъ бюро въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1895 г. и хотя срокъ для доставленія отвѣтовъ и былъ назначенъ къ іюлю мѣсяцу того же года, но оные и до сихъ поръ присланы не всѣми учрежденіями и лицами, которымъ циркуляръ былъ посланъ. За всѣмъ тѣмъ эта мѣра оказалась вполнѣ цѣлесообразною и послужитъ въ значительной степени къ разъясненію дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ полученные отъ земствъ и городовъ отзывы, между которыми есть весьма основательные и дѣльные, должны, по моему мнѣнію, убѣдить комиссію въ томъ, что какъ по недостатку матеріальныхъ средствъ, такъ и по смутнымъ понятіямъ, которыя господствуютъ еще у насъ, даже между образованными людьми объ общественномъ призрѣніи и частной благотворительности, не пришло еще время составлять полный уставъ общественнаго призрѣнія, взамѣнъ существующаго убогаго законодательства по этому предмету. На первый разъ комиссія могла бы

быть довольна, если бы ей удалось начертать хотя бы одни основныя начала того порядка общественнаго призрѣнія, который имѣется въ виду ввести въ Россіи въ будущемъ и которыя должны будутъ служить руководительною нитью при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ правительства и городскихъ и земскихъ учрежденій по части общественнаго призрѣнія. Эти основныя начала уже составляются по взаимному соглашенію со мною членовъ комиссіи тайнаго совѣтника Кабата, профессора Герье и члена дѣлопроизводителя Максимова, и если удастся окончить эту работу вмѣстѣ съ объяснительною запискою въ концѣ будущаго марта, то къ апрѣлю я могъ бы вернуться въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы посвятить этотъ мѣсяцъ разсмотрѣнію въ комиссіи подготовленныхъ работъ, а по одобреніи заключеній комиссіи Вашимъ Превосходительствомъ осенью сего года все это дѣло могло бы быть внесено въ государственный совѣтъ.

Таково положеніе работъ Высочайше учрежденной комиссіи, состоящей подъ моимъ предсѣдательствомъ. Но все сказанное относится исключительно до 34 губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія и новое городовое положеніе, до губерній же, въ которыхъ дѣйствуютъ еще старые приказы общественнаго призрѣнія, комиссія не касалась и не считаетъ себя вправѣ касаться, не имѣя никакого свѣдѣнія о томъ, имѣются ли въ виду какія-либо измѣненія въ порядкѣ управленія въ томъ краѣ, какія именно и какъ предполагается поступить съ настоящими приказами общественнаго призрѣнія. Мнѣ лично извѣстно только одно, что эти приказы и вмѣстѣ съ тѣмъ и заведенія, которыми они вѣдаютъ и помощь неимущимъ, которую они оказываютъ, находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи и требуютъ преобразованія.

Можетъ быть при свиданіи въ Петербургѣ Вашему Превосходительству угодно будетъ дать мнѣ ближайшія указанія по этому вопросу.

Въ заключеніе я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства слѣдующее: по возрасту

и состоянію здоровья, мнѣ слѣдовало бы вовсе отказаться отъ предсѣдательства въ комиссіи, о которой идетъ рѣчь, о чемъ я уже неоднократно думалъ и если я еще сохраняю за собою эти обязанности, даже находясь за границею, то единственно потому, что ни бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, ни я, не имѣли до сихъ поръ никого въ виду, кто бы могъ и хотѣлъ бы заступить мое мѣсто. Но если бы у Васъ имѣлось въ виду лицо, могущее меня замѣнить, то я бы согласился на это съ благодарностью".

К. К. Гротъ оставался предсѣдателемъ комиссіи до марта 1897 года, когда онъ, въ виду болѣзненнаго состоянія, обратился къ И. Л. Горемыкину со слѣдующимъ ходатайствомъ: „Плохое состояніе моего зрѣнія не позволило мнѣ до сихъ поръ представиться Государю Императору для испрошенія разрѣшенія Его Величества на освобожденіе меня отъ дальнѣйшаго предсѣдательствованія въ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра нашего законодательства по общественному призрѣнію, и я не имѣю большой надежды на то, чтобы могъ исполнить это и въ ближайшемъ будущемъ.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ остается только обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли Вы признать возможнымъ принять на себя трудъ доложить Его Императорскому Величеству о причинахъ, препятствующихъ мнѣ продолжать занятія по означенной комиссіи, и испросить Всемилостивѣйшее соизволеніе на освобожденіе меня отъ возложенныхъ на меня Высочайшею волею обязанностей предсѣдателя комиссіи Высочайше учрежденной для пересмотра законодательства по общественному призрѣнію".

Высочайшее соизволеніе на освобожденіе отъ предсѣдательствованія въ комиссіи К. К. Грота послѣдовало 13 марта. При этомъ Его Величеству Государю Императору благоугодно было выразить свое глубокое соболѣзнованіе по поводу болѣзни К. К. Грота и Высочайшую благодарность за просвѣщенные неутомимые и весьма

полезные труды его по выясненію вопросовъ общественнаго призрѣнія.

Одновременно съ симъ по Высочайшему повелѣнію дѣйствія комиссіи были прекращены, а дѣла и работы ея переданы для дальнѣйшаго производства и направленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1898 году хозяйственный департаментъ названнаго министерства изготовилъ проектъ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ законовъ объ общественномъ призрѣніи и благотворительности. Но проектъ этотъ не обратился въ законъ и даже не сталъ предметомъ обсужденія въ государственномъ совѣтѣ. Такимъ образомъ преобразованіе законодательства объ общественномъ призрѣніи осталось незавершеннымъ, и потребность въ немъ, такъ убѣдительно доказанная покойнымъ Константиномъ Карловичемъ и сознанная правительствомъ, до настоящаго времени не получила надлежащаго удовлетворенія.

Всѣ очерки и статьи нашего Сборника, изображая задачи, стремленія и идеалы, труды и дѣятельность Константина Карловича во всѣхъ ихъ многообразныхъ областяхъ, даютъ обильный и поучительный матеріалъ для живой характеристики его нравственной личности, для полнаго возсозданія его духовнаго образа, который внушалъ такое глубокое уваженіе и сочувствіе современникамъ, особенно знавшимъ его сколько нибудь лично, и передъ которымъ съ истиннымъ благоговѣніемъ и вѣчной признательностью преклонится потомство. Будущій біографъ, надо надѣяться, сумѣетъ справиться съ благодарной задачей такой всесторонней характеристики. Нынѣ же быть можетъ и время для нея еще не настало, какъ и для опубликованія полностью всего сохранившагося матеріала.

Но долгъ близкихъ свидѣтелей жизни и дѣлъ К—а К—а всячески содѣйствовать вѣрной и точной передачѣ потомству всѣхъ высокихъ и свѣтлыхъ чертъ его душевнаго строя, а потому здѣсь—для вѣрнѣйшей дорисовки того портрета, который возстаетъ передъ читателемъ въ повѣствованіи нашего Сборника, нельзя, въ заключеніе, не оттѣнить, не подчеркнуть особенно той преобладавшей черты его природы и его души, которая, ставъ однимъ изъ основныхъ началъ его жизненнаго подвига, нашла себѣ широкое воплощеніе и благотворное дѣятельное выраженіе и въ его личной жизни, и въ отношеніяхъ къ людямъ вообще, а къ несчастнымъ, „нуждающимся и обремененнымъ“ въ особенности.

Мы разумѣемъ его рѣдкую, истинно-христіанскую доброту сердца, его высокое человѣколюбіе, его постоян-

ное стремленіе—итти на помощь ближнему и обусловленныя этой душевной потребностью его безконечныя и безчисленныя, въ значительной части своей даже мало кому извѣстныя, личныя дѣла благотворенія, всегда щедраго и мудраго, совершаемыя тихо, просто и съ истинной пользой.

Не мало характерныхъ штриховъ этой стороны личности К. К. разбросано и въ разсказахъ и свидѣтельствахъ авторовъ статей Сборника. Но если-бы возможно было собрать воедино всѣ и устныя и письменныя свидѣтельства этого рода, использовавъ затѣмъ тотъ документальный матеріалъ, который случайно сохранился въ бумагахъ К. К. Грота, то получилась бы внушительная картина непрестанныхъ трогательныхъ и самыхъ продуктивныхъ заботъ К. К. о пользѣ ближняго и неизсякаемой его личной благотворительной щедрости.

Кажется, не было такого способа и пути благотворенія, начиная съ самыхъ крупныхъ пожертвованій на учрежденія и общественныя сооруженія, на основаніе многочисленныхъ личныхъ его стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ и кончая непрестанной денежной и иной поддержкой нуждавшихся—къ нему прибѣгавшихъ или имъ находимыхъ—и того заслуживавшихъ, которымъ бы не пользовался Константинъ Карловичъ при всякомъ случаѣ и постоянно—въ теченіе всей своей долгой жизни.

Не имѣя никакихъ личныхъ наслѣдственныхъ средствъ и начавъ свою дѣятельность и службу въ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ, К. К. исключительно своимъ трудомъ, службой и умѣніемъ жить и быть экономнымъ, но отнюдь не скупымъ (онъ никогда не отказывалъ себѣ въ удобствахъ и разумномъ жизненномъ комфортѣ), сумѣлъ скопить значительныя сбереженія, которыя дали ему возможность столько удѣлять и давать другимъ, столько жертвовать и дѣлать добра кругомъ себя.

Но К. К., при своей глубокой душевной христіанской потребности—помогать ближнему, благотворилъ не только отъ своего избытка, когда получилъ къ тому болѣе ши-

рокую возможность. Какъ мы видимъ изъ самарскаго періода его жизни, онъ по особымъ условіямъ своей губернаторской службы, былъ въ то время нерѣдко въ довольно трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. но это не мѣшало ему и тогда удовлетворять присущую ему нравственную потребность.

Къ послѣднимъ годамъ его жизни, къ 1894 г. относится одинъ характерный документъ — письмо облагодѣтельствованнаго имъ, за 45 лѣтъ передъ тѣмъ, въ Самарѣ въ 1850-хъ годахъ человѣка, сохранившееся въ его бумагахъ со слѣдующею его собственноручною записью:

„Въ 1856 г., будучи Самарскимъ губернаторомъ, я выкупилъ изъ крѣпостной зависимости за 500 руб. у Симбирскаго помѣщика Анненкова садовника Петра Петрова Суворова и до самой моей смерти оставался съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ, и онъ сохранилъ ко мнѣ почти сыновнюю привязанность и благодарность.

Прошу извѣстить его по прилагаемому адресу о моей смерти [1]).

27 іюня 1894 г.“

---

[1]) Объ этомъ просилъ въ своемъ письмѣ самъ Суворовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Письмо графа П. И. Кутайсова къ бар. М. А. Корфу.

(По поводу опредѣленія К. К. секретаремъ къ первому).

Si j'ai tardé jusqu'à présent à donner une réponse décisive au sujet du jeune homme, que votre Excellence m'avait adressé, c'est que plusieurs autres m'ont été recomandés avant, et que mon choix n'est pas encore fixé. Occupé comme je le suis, il me faut des gens habitués aux affaires et malheureusement celles de l'Intendance de la Cour ne ressemblent à aucunes autres. Désirant toutefois vous prouver combien je fais cas de votre intervention, je vous prie Monsieur le Baron de vouloir bien m'envoyer votre protégé Vendredi prochain à 10 heures du matin pour voir ce que nous pourrons en faire.

Agréez en même tems l'assurance de ma parfaite considération

C-te Paul Koutaisoff.

23 Octobre
1835.

---

2. Два письма К. К. Грота къ гр. Кутайсову.

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь,
Графъ Павелъ Ивановичъ!

Если я до сего времени еще ничего не писалъ Вашему Сіятельству о несчастномъ происшествіи, постигшемъ насъ 17-го числа сего мѣсяца, то я смѣю увѣрить Васъ, что это не изъ небрежности или не-

радѣнія къ моимъ обязанностямъ, но потому только, что въ день самаго пожара еще ничего положительнаго не было извѣстно, къ тому же я зналъ, что въ то же утро графиня Вамъ писала по просьбѣ г. Вице-Президента, а въ послѣдующіе затѣмъ дни я былъ очень занятъ, будучи принужденъ и до сихъ поръ ѣздить къ Александру Андреевичу по два раза въ день, и полагалъ, что онъ, согласно своему намѣренію, напишетъ Вашему Сіятельству уже вчера и изложитъ гораздо вѣрнѣе и лучше причины и самый ходъ этого ужаснаго пожара. Хотя и по сіе время тревога и хлопоты у насъ нисколько еще не уменьшились, но, несмотря на то, я рѣшился сообщить Вашему Сіятельству нѣкоторыя подробности и слухи по сему предмету, потому что самое дѣло будетъ Вамъ непремѣнно завтра описано Вице-Президентомъ, а вскорѣ затѣмъ будетъ Вамъ доставленъ и официальный рапортъ. Сегодня я по приказанію г. Вице-Президента написалъ со словъ кап. Щепетова рапортъ въ Контору о причинахъ и началѣ пожара; изо всего имъ сказаннаго видно, что ближайшая причина заключается въ неосторожности людей, работавшихъ въ лабораторіи Придворной аптеки, а главная и дальнѣйшая должна быть отнесена къ деревянной стѣнѣ въ Фельдмаршальскомъ залѣ и нѣкоторымъ другимъ недостаткамъ въ строеніи. Щепетовъ и Доводкинъ были оба вынесены безъ чувствъ во время пожара, но теперь первый вступилъ уже въ исправленіе должности, а второй выздоравливаетъ. Изъ роты капитана Щепетова погибло на пожарѣ 4 рядовыхъ и 1 трубный подмастерье, и сверхъ того 3 рядовыхъ этой же роты находятся въ гошпиталѣ; рота № 3, ввѣренная штабсъ-капитану Дмитріеву, осталась вся невредима. Изъ казенныхъ мастеровыхъ, дѣйствовавшихъ съ большимъ успѣхомъ подъ начальствомъ смотрителя Ефимовича при переноскѣ большой Церкви, находится только одинъ въ гошпиталѣ, но и тотъ уже выздоравливаетъ. Изъ дворцовыхъ гренадеръ погибло трое; о прочихъ придворныхъ служителяхъ мнѣ еще неизвѣстно. Часть нашихъ инвалидовъ Пожарной роты, обитавшая надъ Придворною Конторою и надъ комнатами Императрицы Маріи Θеодоровны, лишилась всего своего имущества, какъ казеннаго, такъ и своего собственнаго, не исключая даже денегъ, которыхъ у иныхъ было до нѣсколькихъ сотъ; призванные съ самаго начала пожара, они продолжали дѣйствовать съ усердіемъ, надѣясь еще успѣть спасти свое собственное имущество, но дымъ и пламя захватили ихъ жилища прежде, нежели они туда проникли. Изъ мебели, серебра, бронзы, брилліантовъ и прочихъ дорогихъ вещей, находившихся во дворцѣ, почти все было спасено и перенесено частію въ Экзерциргаузъ, частію въ Главный Штабъ и частію въ Адмиралтейство. Что касается до камерцалмейстерской должности, то большая

часть парчей и шелковыхъ матерій спасена, ковры же и бѣлье сдѣлалось жертвою пламени. Коммисія, которую составляютъ князья Долгоруковы и Сенявинъ, приступила уже сегодня къ разбору вещей, сложенныхъ безъ всякаго порядка въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ. Другой Коммисіи, въ которой засѣдаютъ: гр. Бенкендорфъ, Клейнмихель, Монферранъ, Стасовъ и многіе другіе, поручено изслѣдовать причины пожара; она также открыла уже свои засѣданія. Третья Коммисія наряжается еще для возстановленія Зимняго дворца въ прежнемъ его видѣ. На другой день послѣ пожара русское петербургское купечество сдѣлало Императору предложеніе, свидѣтельствующее о благородствѣ чувствъ этого почтеннаго сословія и преданности его къ престолу,—оно вызвалось выстроить вновь Зимній дворецъ на свой счетъ; Государь былъ очень тронутъ этимъ примѣрнымъ безкорыстіемъ, но ограничился изъявленіемъ купечеству своей благодарности за столь лестное предложеніе. Въ тотъ же день, какъ слухи носятся, гр. Браницкій изъявилъ готовность пожертвовать на сей-же предметъ милліонъ, но и это предложеніе не было принято. Впрочемъ утверждаютъ, что Министръ Финансовъ отчислилъ уже по сему случаю 20 мил. въ распоряженіе Государя, изъ коихъ 4 мил. уже ассигновано на первоначальныя издержки. До сихъ поръ оцѣпленъ весь дворецъ гвардейскимъ карауломъ и пропускаютъ сквозь цѣпь не иначе, какъ по билетамъ; во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сложены какія-либо вещи, вынесенныя изъ дворца, приставлены также караулы. Императоръ перенесъ это несчастіе со свойственною Ему твердостью и приступилъ даже до затушенія пожара къ распоряженіямъ по помѣщенію Двора въ Эрмитажѣ и Шепелевскомъ домѣ, а въ пятницу всѣ должны уже туда переѣхать изъ Собственнаго дворца.

Если въ моемъ письмѣ нѣтъ строгаго порядка, ни послѣдовательности, то я прошу покорно Ваше Сіятельство меня великодушно извинить и не удивляться этому, потому что, пробывъ сегодня цѣлый день на ногахъ, я чувствую чрезвычайную усталость и съ трудомъ могъ собраться съ мыслями. Не знаю, основательно ли или нѣтъ, но я благодарю Провидѣніе, что это несчастное происшествіе случилось во время Вашего отсутствія; безъ сомнѣнія Ваше Сіятельство были бы въ немъ совершенно невинны, но Вамъ не безызвѣстно, что во всякомъ дѣлѣ ищутъ виновныхъ и если ихъ нѣтъ, то они по крайней мѣрѣ должны быть, и потому нельзя еще знать, какой это дѣло приметъ оборотъ. Сначала Вице-Президентъ упалъ, кажется, нѣсколько духомъ, но теперь, увѣрившись вполнѣ въ своей невинности въ этомъ дѣлѣ, онъ опять совсѣмъ оправился. Всѣ новыя открытія и новыя распоряженія, которыя будутъ сдѣланы по слу-

чаю сего пожара, я буду имѣть честь сообщать постепенно Вашему Сіятельству.

Вчера я имѣлъ удовольствіе видѣть графиню; здоровье ея было, кажется, довольно хорошо: она жаловалась только на боль въ щекѣ.

Съ совершеннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
К. Гротъ.

21-го Декабря 1837 г.

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь
Графъ Павелъ Ивановичъ!

Конецъ истекшаго года былъ проведенъ всѣми подчиненными Вашего Сіятельства, въ томъ числѣ и мною, въ такихъ хлопотахъ и занятіяхъ все еще по случаю несчастнаго пожара, что я не успѣлъ даже исполнить пріятной для меня обязанности поздравить Васъ съ новымъ годомъ. Сегодня Александръ Андреевичъ оставилъ мнѣ свободный вечеръ, и я спѣшу воспользоваться имъ, чтобы имѣть честь поздравить Ваше Сіятельство съ наступившимъ 1838 годомъ; если я смѣю что-либо Вамъ пожелать, то желанія мои, столь же искреннія, сколь они кратки, заключаются въ томъ, чтобы при возвращеніи Вашего Сіятельства въ Петербургъ всѣ наши хлопоты были благополучно кончены, что не подлежитъ почти сомнѣнію, и чтобы путешествіе Ваше имѣло всевозможный успѣхъ. Контора приготовляетъ также свѣдѣнія по разнымъ предметамъ для отправленія оныхъ завтра къ Вашему Сіятельству; я хотѣлъ сегодня утромъ видѣть эту меморію для соображенія съ моимъ письмомъ, но ее только-что составляли и потому я не знаю теперь, какими подробностями мнѣ слѣдуетъ ее дополнить.

Коммисія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ графа Бенкендорфа, для отысканія причинъ пожара, кончила уже свои засѣданія и представила свое донесеніе Государю. Говорятъ, что она приписываетъ пожаръ тѣмъ же причинамъ, которыя открыты Конторою и изложены въ подробности въ рапортѣ Вице-Президента г. Министру. Нашъ рапортъ былъ прочтенъ Его Свѣтлостію Императору, который нашелъ его также сходнымъ съ сказаннымъ донесеніемъ. По городу носятся до сихъ поръ различные неосновательные слухи, въ особенности же

клевещутъ на несчастную, бывшую нашею, пожарную команду, которая не имѣла будто бы на чердакѣ ни капли воды, трубы были будто бы заржавлены и т. п. нелѣпости,—неминуемое слѣдствіе всякаго несчастія. Государь получилъ по сему случаю нѣсколько безымянныхъ писемъ: въ одномъ между прочимъ говорятъ, что Бабкинъ поджегъ дворецъ, а въ другомъ, что на чердакѣ, гдѣ жили пожарные инвалиды, находились хлѣва для коровъ, телятъ и проч. Вѣроятно, люди, писавшіе этотъ вздоръ, не знаютъ, что Государь бывалъ неоднократно самъ на чердакахъ.

Спасенныя отъ огня вещи еще далеко не всѣ разобраны; часть оныхъ: бронза, часы, вазы и другія ненужныя теперь вещи переносятся для храненія въ Таврическій дворецъ, въ магазины и на Конторскій дворъ, а тѣ, которыя пойдутъ немедленно въ употребленіе, переносятся прямо на мѣсто назначенія. Вся эта переноска производится полковыми солдатами съ большимъ порядкомъ.

Царская Фамилія обитаетъ Собственный дворецъ и пріѣзжаетъ въ Эрмитажъ только для выходовъ; залы довольно помѣстительны; одно только неудобство въ томъ, что одинъ подъѣздъ для всѣхъ, лѣстница довольно узкая и прихожая небольшая. Уборныя устроены въ комнатахъ Эрмитажа окнами на дворъ.

Размѣщеніе Придворнаго штата, которымъ занимался самъ Государь съ Министромъ, продолжалось чрезвычайно долго; Его Свѣтлость присылалъ Александру Андреевичу разъ пять новыя расписанія квартирамъ. Въ поспѣшности забывали то одного, то другого, такъ что нѣкоторыя лица и Канцеляріи не имѣли постояннаго помѣщенія еще дней 10 послѣ пожара. Но теперь начинаетъ все понемногу устраиваться.

Коммисія для возобновленія Зимняго дворца обращается къ намъ съ беспрестанными требованіями о доставленіи ей плановъ по дворцу; на-дняхъ отправили Министру въ 1-мъ часу ночи на 2 саняхъ всѣ планы дворца, какіе имѣлись въ Чертежной. Вчера потребовали также съ надписью *«весьма нужное»* рисунокъ малахитоваго храма; на вопросъ Конторы Адамини отозвался, что онъ передалъ его Вашему Сіятельству; вслѣдъ за тѣмъ я получилъ предписаніе отыскать его въ дѣлахъ Вашихъ. Зная, что онъ находится въ запечатанной папкѣ, гдѣ собраны всѣ планы, я испросилъ разрѣшенія графини Прасковьи Петровны, и Ея Сіятельство дозволила мнѣ открыть ее, приказавъ запечатать потомъ Ея печатью, что мною въ точности и исполнено.

На-дняхъ приносилъ Вашему Сіятельству сенатскій казначей жалованье, но не хотѣлъ его оставить графинѣ, почему Ея Сіятельство поручила мнѣ попросить Оберъ-Прокурора Митусова приказать выдать

означенное жалованье. Сегодня я былъ у него, и онъ сказалъ мнѣ, чтобы графиня потрудилась только написать, что она желаетъ получить деньги для пересылки Вашему Сіятельству. Письмо уже написано и завтра утромъ я снесу его для подписи графинѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,
Милостивый Государь,
покорнѣйшій слуга
К. Гротъ.

3-е Генваря 1838 г.

---

3. Изъ Путевого Дневника К. К. Грота во время командировки по Россіи въ 1847 году.

Изъ Ярославля.

23 Января. ... Несмотря на то, что я постлалъ на свой диванъ мѣховое одѣяло и коверъ, я все-таки лежалъ очень крѣпко и спалъ плохо; авось привыкну. Едва успѣлъ я выпить свой кофе, какъ явилась ко мнѣ цѣлая ватага членовъ и чиновниковъ Приказа Общ. Призрѣнія въ мундирахъ; эта, не слѣдующая мнѣ вовсе, почесть меня очень сконфузила, и я розыгралъ свою роль кажется очень неловко. Не понимаю, когда кончится это чествованіе петербургскихъ чиновниковъ въ провинціяхъ, и какъ провинціалы еще не раскусили, что всѣ эти ревизіи ничего не значатъ и что ревизоры такіе же люди, какъ и они; я приписываю эти почести не совсѣмъ чистой совѣсти большей части губернскихъ чиновниковъ: стараясь дѣйствовать на слабости человѣка, они ищутъ чѣмъ-нибудь его задобрить. Послѣ того были у меня Хомутовъ, Волковъ и Донауровъ [1]), такъ что почти все утро прошло въ бездѣльѣ. Хомутовъ звалъ завтра на вечеръ въ 10 ч., не хуже петербугскаго! Донауровъ обѣщалъ за мной заѣхать. Въ 2 ч. поѣхалъ я къ дирек-

[1]) Донауровъ—ярославскій вице-губернаторъ, исправлявшій тогда должность губернатора; Хомутовъ яросл. помѣщикъ, игравшій видную роль въ обществѣ, жившій очень гостепріимно и открыто; Волковъ былъ женатъ на дочери Волкова же, яросл. губернскаго предводителя дворянства, снабдившаго К. К. рекомендательнымъ письмомъ въ Ярославль.

К. Г.

тору Демидовскаго Лицея Голохвастову, которому я вчера послалъ письмо отъ Волкова, но не засталъ его дома и оттуда заѣхалъ къ непр. члену Приказа Отсолиху, которому я долженъ былъ визитъ. Послѣ обѣда въ сумерки ходилъ я гулять по разнымъ направленіямъ и нашелъ свой домъ безъ чужой помощи; городъ кажется очень великъ, особенно поразило меня множество церквей и трактировъ; нѣтъ пункта въ городѣ, съ котораго не было бы видно куполовъ и колоколенъ 5 или 6 церквей: всего ихъ считаютъ до 60. Трактиры посѣщаются преимущественно купцами и народомъ, гдѣ они съ утра до вечера распиваютъ чай, котораго должно здѣсь расходоваться огромное количество. Я пью его здѣсь также по трактирному обычаю, т.-е. безъ самовара, а съ огромнымъ чайникомъ кипятку, котораго подливаю въ маленькій чайничекъ по мѣрѣ надобности. Вечеръ провелъ я дома въ занятіяхъ.

24 Января. Утромъ являлся ко мнѣ здѣшній Полицеймейстеръ, фамилію его я не знаю, и онъ не догадался сказать мнѣ ее: онъ только-что вернулся изъ Москвы. Въ 10 ч. отправился я въ Приказъ на ревизію и, пробывъ тамъ до 1½ ч., насилу добрался до дома—такъ у меня болѣла голова. Я кажется угорѣлъ по милости Адама, который изъ опасенія. чтобы не было холодно въ комнатахъ, закрылъ вѣроятно слишкомъ рано трубу; зато онъ и самъ пострадалъ. На дворѣ сегодня гораздо теплѣе и не можетъ быть болѣе 6 или 7 градусовъ.

Вернувшись домой я хотѣлъ заснуть, но новые мои сосѣди такъ возились и громко разговаривали, что я не могъ глазъ сомкнуть; послѣ обѣда я опять прилегъ, поспалъ довольно долго. и головная моя боль совсѣмъ прошла. Я написалъ письмо къ тёткѣ Рённе въ Митаву и подкрѣпилъ себя чаемъ, а въ 10 ч. пріѣхалъ за мной Донауровъ и мы отправились къ Хомутовымъ. Старикъ представилъ меня тотчасъ и женѣ и познакомилъ съ нѣкоторыми изъ своихъ сыновей, всего у него 6 взрослыхъ сыновей и 2 взрослыя дочери, которые всѣ, за исключеніемъ одного сына, были на лицо: кромѣ того, у него одинъ сынъ въ юнкерской школѣ и дочь въ Патріотическомъ Институтѣ. Всѣ сыновья частію были, частію находятся и понынѣ въ военной службѣ, и всѣ недурны собою и хорошіе танцоры: дочери малы ростомъ. но пріятной наружности, довольно любезны и разговорчивы и также хорошо танцуютъ. Весь вечеръ танцовали и все что принадлежитъ къ балу было тутъ: полная музыка, мороженое, конфекты, ужинъ и проч.: я долго былъ только зрителемъ и наблюдателемъ, наконецъ однако далъ себя уговорить протанцовать одну французскую кадриль съ m-lle Пиловой, которой одинъ изъ Хомутовыхъ меня представилъ. Танцорка моя была не застѣнчива, и мы съ ней много разговаривали.

между прочимъ сказала она мнѣ, что они въ будущее лѣто собираются ѣхать въ Гельсингфорсъ. Сестра ея, которая дѣлала нашъ vis-à-vis, красавица и была перлою бала. Послѣ этой кадрили я уѣхалъ въ саняхъ Донаурова и былъ въ 1-мъ часу дома; объ ужинѣ не было еще и помина. Хорошій тонъ здѣшняго общества, благообразность дамъ и въ особенности молодыхъ людей, въ которыхъ въ провинціяхъ вообще большой недостатокъ, превзошелъ всѣ мои ожиданія и несравненно лучше всего того, что я доселѣ видѣлъ въ губернскихъ городахъ. Ярославцы этимъ не мало гордятся и говорятъ, что ихъ городъ есть третья столица русская.

25 Генваря. Сегодня утромъ былъ у меня непрем. членъ и главный распорядитель Приказа Отсолихъ, въ грамотности котораго я начинаю сомнѣваться, потому-что онъ безпощадно коверкаетъ нѣкоторыя слова и упорствуетъ говорить Архива вмѣсто Архивъ и диспозитные вмѣсто депозитные билеты. сверхъ того кажется онъ мнѣ большимъ хитрецомъ и самохваломъ. Все утро провелъ я въ Приказѣ за счетами и книгами, а оттуда повезъ меня Отсолихъ въ Сиротскій домъ и Писцовое отдѣленіе, которыя принадлежатъ къ числу богоугодныхъ заведеній Приказа и содержатся изъ его суммъ. Въ первомъ воспитываются около 80 самыхъ бѣдныхъ и безпріютныхъ сиротъ женскаго пола и столько же мужского, а во второмъ до 50 мальчиковъ. приготовляемыхъ въ писцы. Дѣвочекъ засталъ я въ классахъ, въ одномъ преподавали русскій языкъ и онѣ писали по диктовкѣ, а въ другомъ всеобщую исторію, и одна изъ дѣвочекъ пресерьёзно разсказывала затверженныя ею фразы о Людовикѣ XIV и Кольберѣ. Меня водили и принимали вездѣ весьма оффиціально, смотрители были въ мундирахъ, сторожа въ новыхъ сюртукахъ, воспитанники каждый у своей кровати и проч., и я столь же важно выслушивалъ, хвалилъ и поощрялъ, а внутренно смѣялся всей этой глупой церемоніи, тѣмъ болѣе, что я нисколько не обязанъ посѣщать эти заведенія и поѣхалъ туда только чтобы отвязаться отъ Отсолиха, который вѣроятно хотѣлъ похвастать этими учрежденіями, которыя по крайней мѣрѣ наружно дѣйствительно въ очень удовлетворительномъ видѣ; но онъ молчитъ о прочихъ заведеніяхъ: больницѣ, богадѣльнѣ и проч.. что меня заставляетъ думать, что они въ худомъ положеніи. Послѣ обѣда ходилъ я гулять по берегу Волги, которая здѣсь уже довольно широка, и лѣтомъ должна быть тутъ пріятная прогулка, но теперь все покрыто снѣгомъ и мертво. Улицы въ Ярославлѣ широки и расположены правильно, дома большею частію каменные, но мѣстами запущены и въ особенности казенныя и городскія строенія...

26 Генваря. Когда пришелъ ко мнѣ староста Приказа, я послалъ его

на почту, чтобы узнать, нѣтъ ли для меня писемъ, и мнѣ велѣли сказать, что есть и что почталіонъ понесъ ихъ ко мнѣ; я прождалъ цѣлый день понапрасно и позже узналъ, что это было недоразумѣніе и что петербургская почта приходитъ только въ воскресенье вечеромъ, такъ что мнѣ остается надежда на завтра. Въ дальней и чужой сторонѣ какъ-то больше жаждешь извѣстій отъ родныхъ и друзей, и мнѣ кажется, что я цѣлый вѣкъ не имѣлъ писемъ изъ Гельсингфорса. Въ 11-мъ часу Отсолихъ прислалъ мнѣ своихъ лошадей и я поѣхалъ въ соборъ, но обѣдня была уже окончена, и видя у Воскресенской церкви много экипажей, я заѣхалъ туда и засталъ тутъ проповѣдь или толкованіе 8-й заповѣди; оно было произнесено старымъ, почтеннымъ по виду священникомъ, содержаніе было хорошо и приспособлено къ понятіямъ всѣхъ и каждаго, но способъ преподаванія (der Vortrag) былъ не вполнѣ удовлетворительнымъ. Оттуда поѣхалъ я въ Приказъ, гдѣ нашелъ Донаурова, который потащилъ меня въ домашнюю церковь Сиротскаго дома, куда собирается вся здѣшняя знать; она помѣщается въ одномъ зданіи съ Приказомъ и не велика, но очень мило и со вкусомъ устроена, посрединѣ сдѣлана загородка съ мѣдными перилами, гдѣ стоятъ сироты муж. пола, а на хорахъ молятся дѣвочки. Первое основаніе Сиротскому дому и церкви положено изъ добровольныхъ пожертвованій, и главное и первое пожертвованіе 20 т. р. было сдѣлано здѣшнимъ купцомъ Кучуевымъ, потомъ построенъ разными благотворительными лицами домъ и впослѣдствіи составился капиталъ въ 200 т. р. Теперь онъ уменьшился до 40 т. р. и всему заведенію угрожаетъ гибель: но Богъ милостивъ, а русскіе и особенно купечество не скупы и надо надѣяться, что будутъ сдѣланы новыя пожертвованія, впрочемъ и правительство приметъ вѣроятно мѣры, и я намѣренъ сдѣлать объ этомъ представленіе. У обѣдни заговорилъ со мною д. с. с. Мясоѣдовъ, одинъ изъ главныхъ распорядителей по Сиротскому дому, разсказывалъ мнѣ разныя о немъ подробности и потомъ потащилъ меня смотрѣть свое заведеніе, несмотря на то, что я ему сказалъ, что я уже былъ въ немъ наканунѣ. Отсолихъ ждалъ меня въ Приказѣ и я долженъ былъ ѣхать съ нимъ осматривать прочія богоугодныя заведенія: больницу, домъ умалишенныхъ, рабочій и смирительный домъ и проч.; о состояніи сихъ заведеній я не могу произнести сужденія, потому-что видно было, что все было подготовлено къ моему пріѣзду. Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня воспитательный домъ: грудныя дѣти помѣщаются въ немъ дурно и тѣсно, у нихъ старыя, безобразныя кормилицы, изъ нихъ каждая кормитъ по два, по три младенца, воздухъ спертъ и смертность велика: изъ 70—80 дѣтей остается въ живыхъ едва 10.

Изъ Москвы.

7 Февраля. ... Еслибъ я нашелъ Мертваго, то, можетъ быть, не поѣхалъ бы вовсе къ Шевыреву, потому что я боялся увидѣть въ немъ какого-нибудь угрюмаго ученаго, которому я наскучу и онъ мнѣ; а мнѣ нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть другъ другу въ тягость и быть съ человѣкомъ, съ которымъ ни въ чемъ не сходишься и совсѣмъ другихъ понятій и образа мыслей. Не зная, куда и къ кому обратиться, я рѣшился однако поѣхать къ Шевыреву, но и его не засталъ дома и оставилъ ему письмо Плетнева съ визитною карточкою. Человѣкъ его объявилъ мнѣ, что онъ иначе не принимаетъ, какъ въ 5 часовъ послѣ обѣда, что̀ мнѣ дало также не совсѣмъ выгодное о немъ понятіе, но сдѣлавъ первый шагъ, я хотѣлъ ужъ убѣдиться, основательны ли мои предубѣжденія или предчувствія, и я велѣлъ ему сказать, что буду на другой день въ 5 часовъ. Оттуда пошелъ я шататься по городу: прошелъ всю Тверскую, которая похожа на петербургскую Гороховую или Вознесенскую и вмѣщаетъ въ себѣ еще болѣе и огромнѣйшаго размѣра вывѣсокъ, но содержится не такъ чисто, какъ петербургскія улицы, тротуары худо расчищены, не посыпаны пескомъ, и мальчишки дѣлаютъ себѣ тутъ катки; проходя Воскресенскія ворота, поклонился я Иверской Божіей Матери въ построенной тутъ столь извѣстной часовнѣ, потомъ пошелъ къ Гостиному Двору и Кузнецкому мосту, гдѣ движется безпрестанно толпа людей и вывѣскамъ и разносчикамъ особенно съ булками и пирогами нѣтъ конца; Кузнецкимъ мостомъ завладѣли совершенно французы, только и видно de Paris, да изъ Парижа, и магазины тамошніе ничѣмъ не уступаютъ роскошью и богатствомъ петербургскимъ. Въ кондитерскихъ въ главныхъ улицахъ нѣтъ также недостатка, но напитки и газеты держатъ очень немногіе, а гдѣ и есть журналы, то одни иностранные, и я съ трудомъ отыскалъ одинъ café, гдѣ есть русскія газеты Это доказываетъ, что въ кондитерскихъ читаютъ преимущественно иностранцы, русскіе же читаютъ въ клубахъ, которыхъ здѣсь также довольно, или еще чаще вовсе не читаютъ, а гуляютъ и кутятъ по трактирамъ. Желая видѣть здѣшніе русскіе трактиры, я пошелъ обѣдать къ извѣстному Печкину, у котораго огромное заведеніе въ національномъ видѣ, т.-е. прислуга въ бѣлыхъ рубахахъ, столы съ довольно грязными салфетками и пр., и проч.; извѣстно, что въ русскихъ трактирахъ не надо требовать французской кухни, и потому я велѣлъ себѣ подать ухи, рыбы и пирогъ, и все это было прекрасно. Вмѣсто бѣлаго хлѣба подаютъ здѣсь, какъ и вездѣ, калачи, которые здѣсь дѣйствительно прекрасны, и въ этомъ отноше-

ніи я не могу согласиться съ авторомъ *Каникулъ*, который говоритъ, что калачи въ Москвѣ такіе же, какъ и въ Петербургѣ. Здѣсь устроены для продажи калачей такія же булочныя, какъ въ Петербургѣ для продажи бѣлаго хлѣба, и я посылаю каждое утро за теплымъ калачомъ. Послѣ обѣда я вернулся домой и не выходилъ вечеромъ.

8-е Февраля. Узнавъ изъ *Каникулъ*, что въ Кремлевскихъ соборахъ обѣдня начинается очень рано, я отправился туда въ 9 часу и осмотрѣлъ соборы: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій со всѣми заключающимися въ нихъ примѣчательностями, которыя очень охотно показываютъ услужливые сторожа. Объ этихъ святыняхъ говорить нечего, потому что онѣ всѣмъ извѣстны, а кто желаетъ узнать о нихъ неизвѣстныя ему подробности, можетъ прочесть оныя въ описаніи сихъ соборовъ... Отобѣдавъ опять у Печкина, пришелъ я домой и нашелъ записочку отъ Шевырева, въ которой онъ выражаетъ мнѣ свое сожалѣніе, что я не засталъ его дома, и приглашаетъ къ себѣ обѣдать; съ полнымъ брюхомъ я не могъ принять этого приглашенія и поѣхалъ къ нему въ 5 часовъ. Познакомившись съ Шевыревымъ, я увидѣлъ, что всѣ мои предубѣжденія противъ него были совершенно ложны; это со мною уже не разъ случалось, и потому надо стараться не составлять себѣ невыгоднаго понятія о человѣкѣ, котораго не знаешь. Я нашелъ въ немъ премилаго, обязательнаго человѣка, который готовъ былъ сдѣлать для меня все возможное, и мы тотчасъ начали толковать о томъ, что̀ и какъ мнѣ видѣть въ Москвѣ, и остановились на томъ, что онъ завтра заѣдетъ за мною, и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Кремль. У него засталъ я Погодина.

9-е Февраля. Шевыревъ не замедлилъ пріѣхать ко мнѣ въ 9½ ч., и мы отправились вмѣстѣ въ Кремль. Сперва вошли мы въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ показалъ мнѣ нѣкоторыя примѣчательности, которыя мнѣ не были еще извѣстны, а оттуда въ Чудовъ монастырь, чтобы послушать и посмотрѣть на церемонію «проклятіе оглашенныхъ»: тутъ полиція не хотѣла насъ впустить, потому что церковь была полна народу, но слова Шевырева «чиновникъ изъ Петербурга» имѣли и здѣсь свое дѣйствіе, и мы были впущены. Толпа и духота были дѣйствительно велики, и мы простояли тамъ не долго; нельзя было ничего видѣть, но произносимыя хоромъ проклятія были очень явственно слышны и своимъ мрачнымъ, однообразнымъ напѣвомъ производили какое-то страшное впечатлѣніе. Изъ Чудова хотѣли мы идти въ Патріаршую Ризницу, но завѣдующій оною монахъ былъ у обѣдни, и Шевыревъ предложилъ мнѣ прокатиться по городу. Мы объѣхали весь Кремль, видѣли новый дворецъ, который своею громадною архитектурою какъ-то не соотвѣтствуетъ прочимъ частямъ Кремля и въ особенности ку-

полъ, или середина дворца, тяжелъ и неграціозенъ, потомъ заѣзжали мы въ построенный Іоанномъ Грознымъ у Лобнаго мѣста Соборъ [1]), который поражаетъ пестротою и разнообразностію своихъ куполовъ и всей внѣшности; внутри онъ очень малъ, какъ и всѣ вообще московскія церкви: проѣхавъ еще нѣсколько улицъ, мы увидѣли галлерею Голицына, или Пассажъ въ родѣ Парижскихъ, который мы прошли пѣшкомъ, а оттуда отправились въ Англійскій клубъ, чтобы почитать тамъ газеты, а тамъ ѣхать въ Ново-Троицкій трактиръ завтракать. По справкѣ оказалось, что комплектъ допускаемыхъ въ Клубъ гостей полонъ и что для меня нѣтъ болѣе мѣста, и Шевыревъ настоялъ, чтобы мы поѣхали въ трактиръ, гдѣ онъ угостилъ меня съ истинно русскимъ хлѣбосольствомъ не завтракомъ, а полнымъ обѣдомъ, съ прекрасною икрою и ухою; во 2-мъ часу мы разстались, и вернувшись, я переодѣлся и поѣхалъ къ Загоскину. Его не было дома, и я оставилъ ему записку при карточкѣ. Слышавъ отъ Загоскина людей, что онъ въ 10 ч. утра долженъ ѣхать въ Оружейную Палату, я поѣхалъ къ нему поранѣе и хорошо сдѣлалъ, что поторопился, потому что въ Оруж. Палату пускаютъ только два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, и если бы мнѣ не удалось застать его тутъ дома, то я и не попалъ бы въ Палату. Получивъ билетъ, я поѣхалъ сперва въ Ризницу, которую мнѣ съ готовностію показалъ монахъ; тутъ много рѣдкостей, но всего замѣчательнѣе одежда и разныя вещи, принадлежавшія патріаху Никону, которыя отличаются необыкновеннымъ богатствомъ, и огромные серебряные сосуды, въ которыхъ готовится и хранится міро. Въ 1-мъ часу былъ я въ Ор. Палатѣ, гдѣ несравненно холоднѣе, чѣмъ на дворѣ; и проводники и объяснители всѣхъ тамошнихъ примѣчательностей такъ торопятъ посѣтителей, что едва успѣваешь взглянуть на всѣ эти рѣдкости и древности. Я видѣлъ все, кромѣ экипажей, которыхъ теперь, не знаю почему, не показываютъ, но очень поверхностно, потому что время было слишкомъ коротко; впрочемъ, мнѣ кажется, что даже въ теплое время нельзя осмотрѣть всего въ одинъ разъ: вниманіе слишкомъ развлечено множествомъ разнообразныхъ предметовъ, которые тутъ видишь, и не успѣваетъ обнять и схватить всего разомъ. Сегодня же я долженъ былъ итти по приглашенію Шевырева слушать лекціи профессоровъ Рѣдкина и Грановскаго, которые читаютъ: первый Энциклопедію Права, а послѣдній Общую исторію, и оба очень извѣстны; но было уже поздно, и я зашелъ въ Café позавтракать и почитать газеты. Обѣдалъ я у Колемина, гостей не было, и мы провели время en famille, т.-е. онъ,

[1]) Василія Блаженнаго.

она и двое премилыхъ дѣтей, еще у него есть грудной ребенокъ. Вечеръ я провелъ въ концертѣ Сальви, куда я пошелъ не столько для него, сколько для того, чтобы видѣть Большой театръ, гдѣ онъ давалъ свой концертъ. Сальви былъ здѣсь въ прошедшемъ году съ итальянскою оперою, и москвичи его очень любятъ. Театръ былъ полнехонекъ, и публика была въ восхищеніи отъ Сальви, его забросали букетами и цвѣтами, аплодисментамъ и вызовамъ не было конца, и не знаю, что еще было послѣ, потому что я ушелъ до общаго разъѣзда. Театръ очень похожъ на Большой театръ въ Петербургѣ и не уступаетъ ему, кажется, и величиною.

11-е Февраля. Отправивъ на почту письмо и рапортъ Министру, я осматривалъ по распоряженію Шевырева же Университетъ, его Музеумъ, Лабораторію, Анатомическій кабинетъ и нашелъ все это въ отличномъ видѣ; путеводителями моими были сначала помощникъ инспектора, а потомъ, кажется, надзиратель казенныхъ студентовъ, человѣкъ очень милый и услужливый, который не только самъ показывалъ и объяснялъ мнѣ все достойное вниманія, но даже призывалъ разныхъ лицъ vom Fache, чтобы доставить мнѣ самыя вѣрныя свѣдѣнія. Только въ Музеумѣ не было никого, и потому осмотрѣлъ я его очень поверхностно. Всему этому обязанъ я Плетневу и Яшѣ, потому что всѣ мои титлы на это вниманіе ученыхъ людей были: братъ Гельсингфорсскаго профессора Грота. У насъ такъ рѣдко встрѣтишь людей, которые безъ всякихъ обязанностей или видовъ корыстолюбія были бы учтивы и услужливы, что радушіе и милое обращеніе лицъ, принадлежащихъ къ Университету, съ которыми я видѣлся, меня самымъ пріятнымъ образомъ поразили и обрадовали. Какой-то полуобразованный человѣчекъ въ сѣрой шинели, нѣчто въ родѣ чиновника, водившій меня по Оруж. Палатѣ, былъ также очень учтивъ, но не безъ корыстолюбивыхъ видовъ, потому что по окончаніи нашего осмотра онъ показалъ мнѣ явно, что готовъ бы принять всякое даяніе, и я его наградилъ 30 коп. сер. Осмотрѣвъ все замѣчательное въ Университетѣ, я пошелъ не надолго домой, а въ 3-мъ часу явился на публичную лекцію Шевырева, который мнѣ утромъ прислалъ билетъ. Онъ читаетъ въ Университетѣ, слушателей было много и въ томъ числѣ довольно дамъ. Онъ имѣетъ пріятный органъ и говоритъ внятно, громко и безъ всякой аффектаціи; мнѣ только показалось излишнимъ, что онъ все время сидитъ въ перчаткахъ; въ этотъ разъ шла рѣчь о древней поэзіи, и для меня эта лекція была менѣе интересна, нежели для прочихъ, потому что она заключала въ себѣ résumé 9-ти предшествовавшихъ лекцій, которыя мнѣ неизвѣстны. При входѣ въ залу и при выходѣ изъ оной я видѣлъ и говорилъ съ Шевыревымъ,

и потомъ ожидалъ его долго у выхода, чтобы поблагодарить за всѣ его любезности, но онъ былъ занятъ разговоромъ со своими слушателями и слушательницами и я не могъ его дождаться; въ 5 часовъ — время, въ которое онъ принимаетъ, — мнѣ не удалось къ нему съѣздить, а вечеромъ я боялся ему помѣшать, такъ что я не имѣлъ болѣе случая изъявить мою искреннюю признательность, и признаюсь, что мнѣ это крайне непріятно и досадно, потому что Шевыревъ можетъ подумать, что я не оцѣнилъ его расположенія ко мнѣ, и обвинитъ меня въ неблагодарности и незнаніи приличій. Не знаю, какъ бы довести это до его свѣдѣнія? Разсматривая различныя историческія примѣчательности въ Москвѣ, я увидѣлъ, что я весьма незнающъ въ русской исторіи и особенно въ хронологіи, и вознамѣрился заняться этимъ предметомъ; дай только Богъ, чтобы слабое мое зрѣніе и занятія по службѣ мнѣ въ томъ не помѣшали: притомъ у меня прескверная память, и я очень скоро забываю, нерѣдко даже такія вещи, которыя намѣреваюсь накрѣпко помнить какъ можно долѣе. A propos de исторія: я все забываю сказать Янѣ, что, проѣзжая Весьегонскъ, я не могъ исполнить его порученія — узнать, есть ли тамъ остатки древней Веси, потому что былъ тамъ ночью: впрочемъ, вѣроятно, и днемъ узналъ бы не больше: на другой день утромъ верстахъ въ 20 оттуда лопнула у меня завертка у оглобли; я остановился, чтобы поправить это, и тутъ выскочилъ изъ избы мальчишка лѣтъ 14, который не чисто говорилъ по-русски. Я тотчасъ догадался, что онъ должно быть корелъ, и заставилъ его произнести нѣсколько фразъ на своемъ языкѣ: звуки очень похожи на финскій языкъ, а нѣкоторыя слова напр. jumalla даже совершенно тѣ же: онъ мнѣ между прочимъ разсказалъ, что у нихъ молодые говорятъ всѣ по-русски, но изъ стариковъ очень немногіе. Въ Ярославской губерніи есть только нѣсколько деревень кореловъ.

Отобѣдавъ въ Новотроицкомъ трактирѣ, разумѣется русскаго кушанья: икры, ухи и осетрины, которое, впрочемъ, не дешево, потому что за эти три блюда я заплатилъ 3 р. 85 к. асс., я отправился домой и не выходилъ болѣе; хотѣлъ писать, но не могъ видѣть, и началъ укладываться съ тѣмъ, чтобы на другой день пораньше выѣхать изъ Москвы...

Изъ Рязани.

15-е Февраля. Утромъ являлся по обыкновенію полицеймейстеръ, а въ 12-мъ часу пріѣхалъ по обѣщанію губернаторъ, протолковалъ и простоналъ цѣлый часъ, а тамъ поѣхали мы вмѣстѣ въ Приказъ, куда онъ меня только ввелъ и уѣхалъ. Чтобы отплатить тою же монетою, и

я принялъ его въ мундирѣ и въ томъ же видѣ отправился въ Приказъ, гдѣ важнѣйшіе сановники-чиновники находились въ томъ же облаченіи, даже купеческій засѣдатель, безграмотный старецъ лѣтъ 80, былъ въ мундирномъ сюртукѣ, присвоенномъ ихъ званію. Просидѣвъ тамъ часу до 3-го, я вернулся домой, отобѣдалъ и пошелъ прогуляться; городъ Рязань не представляетъ, кажется, ни особенныхъ примѣчательностей, ни красотъ; онъ не великъ и имѣетъ только двѣ или три хорошихъ улицы съ каменными домами; прочія улицы хотя и широки, но обставлены большею частью деревянными домиками. Церквей считаютъ здѣсь 26, по сравненію съ другими городами также немного, и расположены онѣ какъ-то особенно, т.-е. внутри города нѣтъ ни одной, а всѣ онѣ находятся вокругъ онаго, и высокія ихъ главы видны издали. Доселѣ я еще не видалъ ни одной, понимая внутренность оныхъ; говорятъ однако, что есть между ними древнія. Въ Рязани я вообще увижу, я думаю, немного и не узнаю ничего новаго, потому что здѣсь у меня никого нѣтъ, кто бы мнѣ могъ служить путеводителемъ: губернаторъ же имѣетъ кажется мало интереса къ дѣламъ житейскимъ и не умѣетъ faire les honneurs. Непремѣнный членъ Приказа, то, что въ Ярославлѣ Отсолихъ, о которомъ я часто говорилъ,—ужасный толстякъ, едва движется и мало обо мнѣ заботится, фамилія его Томазовъ, впрочемъ человѣкъ повидимому очень порядочный и знающій свое дѣло. Очень интересно сравнивать и наблюдать, какъ люди въ одинаковомъ положеніи и званіи въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ дѣйствуютъ и держатъ себя различно, и какъ одни и тѣ же законы и правила исполняются и понимаются различно, и какъ одна и та же цѣль достигается разными путями. Имѣя въ разныхъ губерніяхъ одно и то же дѣло и сношенія съ лицами того же званія, меня очень забавляетъ видѣть, какъ различно меня принимаютъ, и какъ неодинаково каждый понимаетъ дѣло. Въ Ярославлѣ бѣгали ко мнѣ безпрестанно разные чиновники въ мундирахъ съ визитами, изъявленіями благодарности за вниманіе и проч.; здѣсь кромѣ губернатора никого не было, а непремѣнный членъ вовсе не являлся. Впрочемъ въ Ярославлѣ всѣ эти глупыя продѣлки дѣлались, кажется, по приказанію Отсолиха, который большой чудакъ и крѣпко струсилъ при моемъ пріѣздѣ.

16-го Февраля. Въ то время, какъ православные шли молиться въ Храмъ Божій, я отправился въ храмъ службы царской и пробылъ тамъ все утро, а въ 2 часа поѣхалъ съ визитомъ къ здѣшнему вице-губернатору, колл. сов. Хитрово, но не засталъ его дома...

Воскресенье—пріемный день губернатора, и я получилъ особенное приглашеніе на этотъ вечеръ: напившись чая дома, я отправился туда

въ 9-мъ часу, но гостей было еще очень немного, и я довольно долго просидѣлъ у губернатора въ кабинетѣ. Онъ живетъ временно, пока его домъ отдѣлывается, въ казенномъ зданіи, въ которомъ у него помѣщеніе, хотя и огромное, но не благовидное: большія, худо освѣщенныя комнаты, голыя стѣны, окна безъ занавѣсокъ, наемная, полинявшая мебель,—все это представило мнѣ рязанское общество, можетъ быть и безъ того неказистое, въ очень невыгодномъ свѣтѣ; впрочемъ оно было въ этотъ вечеръ весьма многочисленно, и я радехонекъ былъ, что меня посадили за карты съ m-me Кожиной, m-me Бухвостовой, женой губ. предв. дворянства и еще одною дамою, которой фамилія мнѣ неизвѣстна. Въ 12 ч. мы кончили, и результатъ былъ тотъ, что я по старой привычкѣ проигралъ: въ той же залѣ, гдѣ мы играли, начали накрывать столы къ ужину, но, не ожидая ничего особеннаго, я не дождался его и уѣхалъ, тѣмъ болѣе, что меня ждалъ извозчикъ, и что я почелъ невыгоднымъ, проигравшись, платить еще лишнія деньги извозчику.

17-е Февраля. Только что я всталъ, мнѣ принесли письма отъ тетки и отъ Рози и Яши—два, изъ которыхъ одно прислано сюда изъ Ярославля. Твои догадки, любезный Яша, насчетъ Донаурова вполнѣ основательны: онъ точно былъ въ Лиц. пансіонѣ, другой братъ губернаторомъ во Владимірѣ. Ты подшучиваешь надъ Ярославлемъ, но въ сравненіи съ Рязанью, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду, движенію, обществу, роскоши и проч., онъ дѣйствительно похожъ на третью столицу; по образованію стоятъ они, я думаю, на одной степени: ни тутъ, ни тамъ нѣтъ ни книжныхъ лавокъ, ни библіотеки для чтенія. Поздравляю съ возродившимся вкусомъ къ обществу, желаю, чтобъ оно такъ осталось. Изъ чего ты заключаешь, любезная Розя, что я почти недѣлю былъ въ дорогѣ изъ Петербурга въ Ярославль? Я употребилъ на этотъ проѣздъ всего 3½ сутокъ, о чемъ, помнится, и писалъ Вамъ. Мнѣ очень досадно, что я не лѣтомъ ѣхалъ по этой дорогѣ: тутъ безпрестанныя водяныя сообщенія и каналы, соединяющіе Волгу съ Невою, и во время навигаціи должно быть большое движеніе, но зато самая дорога, говорятъ, прескверная: слѣдовательно и тутъ твое правило il y a compensation à tout справедливо, да я съ нимъ вообще согласенъ и потому утверждаю, что можно вездѣ ужиться, вездѣ найти что-нибудь пріятное и хоть немного людей, съ которыми сойдешься: по крайней мѣрѣ такъ случалось досèлѣ со мною, за исключеніемъ однако Слуцка, гдѣ я не нашелъ никого, съ кѣмъ бы можно имѣть обращеніе; впрочемъ, я не всѣхъ тамъ зналъ, и такъ какъ жители этихъ городковъ часто перемѣняются, то и тутъ отыскался бы наконецъ кто-нибудь.

20-го Февраля. Рано утромъ мнѣ принесли съ почты огромный конвертъ отъ Министра, который меня не даромъ испугалъ, потому что принесъ мнѣ очень непріятныя вѣсти: Министръ предписываетъ мнѣ, кромѣ возложеннаго на меня прежде по счетоводству Приказовъ порученія, осмотрѣть вездѣ, гдѣ я буду, подвѣдомственныя Приказу богоугодныя заведенія и донести ему со всею подробностію о послѣдствіи. Это дѣло меня очень задержитъ и продлитъ мое отсутствіе. Я и доселѣ осматривалъ эти заведенія, но дѣлалъ это только изъ любопытства и потому не входилъ ни въ какія подробности и довольствовался тѣмъ, что мнѣ показывали и куда меня водили, теперь же я долженъ буду ревизовать и осматривать гораздо основательнѣе, удостовѣряться, получаютъ ли призрѣваемые все имъ по закону слѣдующее и не пользуются ли этимъ вмѣсто нихъ смотрители, соблюдается ли надлежащая экономія въ расходахъ и пр., и пр., однимъ словомъ входить во всѣ мелочи и дрязги. Другіе ревизоры поступаютъ и поверхностнѣе, но я не могу на это рѣшиться и не люблю говорить о вещахъ, которыя мнѣ не вполнѣ извѣстны. Прежде всего мнѣ надо познакомиться съ этою частію и прочесть разные уставы и учрежденія; скучно, но нельзя отъ этого отдѣлаться. Я начну съ Саратова; въ Рязани я уже почти кончилъ свои дѣла и не хочется вновь приниматься...

22-го Февраля. Я еще не получилъ ожидаемыхъ бумагъ, но укладываюсь уже и поѣду во всякомъ случаѣ послѣ обѣда; если не готовы, пусть перешлютъ мнѣ ихъ въ Саратовъ. Погода и сегодня не холодная, но по крайней мѣрѣ не таетъ

Изъ Саратова.

5-е Марта. Изъ Выксы [1]) я выѣхалъ, какъ и предполагалъ, 27-го февраля, но не утромъ, а послѣ обѣда, послушавшись совѣта Кутайсова, что, ѣздя по Россіи, весьма важное дѣло обѣдать въ дорогѣ однимъ разомъ меньше. На Выксѣ всѣ знали, что я оттуда ѣду въ Саратовъ, но никто не сказалъ мнѣ, что мнѣ вовсе не нужно ѣхать на Муромъ и что я другимъ путемъ могу проѣхать гораздо ближе: по пріѣздѣ въ Муромъ, тамошній смотритель мнѣ объявилъ, что я дѣлаю объѣздъ въ 40 верстъ, но тутъ было уже поздно слушаться добрыхъ совѣтовъ и надо было ѣхать впередъ. Ночи были опять прехолодныя, дороги прескверныя; это старая пѣснь, которую нечего и

[1]) Имѣніе гр. П. И. Кутайсова, куда К. К. заѣзжалъ навѣстить своего бывшаго начальника.

повторять: по счастію мнѣ удавалось быть около обѣденнаго времени въ городахъ или городишкахъ, такъ что я не умеръ съ голода. Въ первый день я обѣдалъ въ Арзамасѣ, Нижегород. губ., а во второй въ заштатномъ городѣ Починки; въ томъ и въ другомъ есть гостиницы съ номерами; это всегда лучшая рекомендація и ямщики прибавляютъ тутъ обыкновенно: знатная гостиница, гдѣ всѣ господа останавливаются.

Впрочемъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ нечего опасаться умереть съ голода. скорѣй можетъ это случиться въ западныхъ, гдѣ я былъ въ прошломъ году; здѣсь у каждаго мужичка можно найти щи да кашу, которыми очень можно насытиться. Третьяго дня я обѣдалъ у содержателя станціи. двороваго человѣка: ѣлъ постные щи, горохъ и кашу гречневую и остался очень доволенъ и сытъ, а если бы было къ этому кушанью скоромное масло, то было бы объяденье. Я очень люблю русскія блюда и особенно кашу, а во всѣхъ знатныхъ гостиницахъ, гдѣ я останавливаюсь, почитаютъ униженіемъ готовить такое кушанье и кормятъ все бифштексомъ и котлетами, не умѣя приготовлять ихъ. Пріѣхавъ въ Пензу 2-го Марта. около обѣда. я рѣшился остаться тамъ до слѣдующаго утра, чтобы хорошенько отогрѣться и отдохнуть; разумѣется, что я никуда не выходилъ и потому не берусь дѣлать подробнаго описанія города; могу однако сказать, что онъ похожъ на всѣ прочіе губернскіе города, имѣетъ одну большую красивую улицу съ нѣсколькими лавками, магазинами и швейцарскою кондитерскою, одинакаго покроя съ прочими гостиницу, содержимую нѣмцемъ и пр., и пр. На другой день часу въ 10-мъ утра я выѣхалъ изъ Пензы, и небольшая вьюга, которая продолжалась уже нѣсколько дней, все еще не прекратилась: несмотря на худую дорогу, я ѣхалъ довольно скоро и къ вечеру былъ въ уѣздномъ городѣ Саратовской губерніи Петровскѣ. Напившись тутъ чая. я пустился опять въ путь. съ тѣмъ. чтобы на другое утро быть въ Саратовѣ, но мятель между тѣмъ до того усилилась, что едва можно было видѣть и за нѣсколько шаговъ передъ собою. Съ полверсты отъ города ямщикъ мой сбился съ пути, началъ вертѣться во всѣ стороны, искать дорожныхъ или верстовыхъ столбовъ, но все было тщетно, и нельзя было открыть никакого слѣда. Въ эту ночь не было холодно, и я хотѣлъ уже остановиться, заснуть въ кибиткѣ и ждать разсвѣта; но ямщику все хотѣлось ѣхать, и я наконецъ велѣлъ ему дать лошадямъ бѣжать, куда хотятъ: тутъ онѣ тотчасъ повернули, побѣжали веселѣе и черезъ четверть часа мы были опять въ теплой станціонной избѣ. Я былъ очень недоволенъ этою неудачею, хотѣлъ было послать за исправникомъ и приказать ему проводить меня, потому что мы заблудились частью по его винѣ, но было

уже поздно, и я посовѣстился тревожить его. Въ Саратовской губерніи поставлены вездѣ, кромѣ верстовыхъ столбовъ, на каждыхъ 100 саженяхъ высокіе дорожные столбы для указанія проѣзжающимъ дороги, что̀ необходимо въ здѣшнихъ степяхъ, гдѣ бываютъ часто вьюги и нѣтъ никакихъ примѣтъ, чтобы отличить дорогу отъ поля версты двѣ отъ Петровска этихъ столбовъ нѣтъ, и вотъ почему мы сбились съ дороги; вѣроятно, прежніе сгнили, а новыхъ еще не поставили. До разсвѣта я поотдохнулъ, а тамъ пустился опять въ дорогу и прибылъ въ Саратовъ, 100 верстъ отъ Петровска, въ 5 часовъ послѣ обѣда. Остановился я здѣсь, по рекомендаціи смотрителя послѣдней станціи, въ гостиницѣ Парижъ, содержателя Гувве, довольно порядочно и недорого: за номеръ, состоящій изъ одной чистой комнаты, небольшой полутемной спальни и такой же прихожей, 50 к. сер. въ сутки, а за кушанье 20 к. сер. порція. Мебели мало: ни комода, ни шкафа для вещей, а у Адама (*лакея*) весь ameublement ларь. Едва успѣлъ я немного поѣсть, какъ явился ко мнѣ непремѣнный членъ Приказа Саваневскій, сидѣлъ цѣлый вѣкъ, и я радехонекъ былъ, когда онъ убрался; чувствуя усталость отъ дороги, я легъ въ 9-мъ часу спать. Сегодня первый мой визитъ былъ къ ст. сов. Фрезе, старому моему знакомому, который служилъ въ Митавѣ, а теперь управляетъ здѣсь иностранными колонистами; онъ долженъ быть родственникъ Фока, который былъ въ Гельсингфорсѣ; отъ него поѣхалъ я къ губернатору ст. сов. Кожевникову, а тамъ къ предсѣдателю Казенной Палаты ст. сов. Кобылину. О Кожевниковѣ я много слышалъ хорошаго и потому былъ очень нетерпѣливъ съ нимъ познакомиться; онъ очень недавно губернаторомъ и вовсе не похожъ на прочихъ губернаторовъ, которыхъ мнѣ доселѣ случалось видѣть; холостъ, что̀ также рѣдко въ этомъ званіи, и хотя не молодъ, лѣтъ за 45, но принадлежитъ къ новому поколѣнію и новой школѣ и чуждъ кажется предразсудковъ. Онъ принялъ меня очень ласково и пригласилъ обѣдать въ 4 часа; повидимому онъ bon-vivant, и обѣдъ былъ хорошъ, а вина петербургскія отличныя; мы сидѣли за столомъ всего вдвоемъ и прямо отъ стола въ $6^1/_2$ ч. я отправился къ вице-губернатору ст. сов. Андрееву, съ которымъ я служилъ во 2-мъ д-тѣ Государственныхъ Имуществъ. До сихъ поръ я знакомъ здѣсь только съ статскими совѣтниками. Не правда ли лестно? Андреевъ прекрасный малый, принялъ меня очень радушно и приглашалъ навѣщать его во всякое время; онъ былъ также чиновникомъ особыхъ порученій и въ разъѣздахъ своихъ женился въ Малороссіи. Гуляя передъ обѣдомъ, я дошелъ до Волги, которая здѣсь ужъ очень широка, и видѣлъ тутъ престранную охоту: нѣкоторые праздношатающіеся, кажется, помѣщики травили изловленныхъ въ лѣсу

*

и принесенныхъ сюда въ мѣшкахъ зайцевъ борзыми собаками; въ полѣ я часто видѣлъ эту охоту, но на рѣкѣ, въ снѣгу—въ первый разъ.

7-е Марта. Я не былъ въ Приказѣ и занимался его дѣлами дома; вижу къ сожалѣнію, что моя часть здѣсь не въ порядкѣ, и что мнѣ будетъ больше хлопотъ, нежели въ тѣхъ городахъ, гдѣ я уже былъ. Чиновники самые дрянные. и, чтобы достигнуть какого-нибудь результата, я долженъ буду по мѣрѣ возможности заставить исправить замѣченные безпорядки при себѣ.

8-е Марта. Въ 3-мъ часу я вернулся изъ Приказа и нашелъ у себя на столѣ пренепріятный сюрпризъ: еще новое предписаніе Министра, которымъ онъ мнѣ поручаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я буду останавливаться, осматривать сельскіе запасные магазины. Тутъ мнѣ будетъ еще болѣе хлопотъ, нежели съ богоугодными заведеніями, которыя находятся по крайней мѣрѣ въ городѣ, а для осмотра магазиновъ мнѣ нужно будетъ дѣлать еще экстренные разъѣзды; надо обдумать, какъ устроить это дѣло проще и удобнѣе и поторопиться исполнить его поскорѣе, а не то закидаютъ меня еще новыми порученіями. Обѣдалъ я у Кожевникова, опять en tête-à-tête, а вечеръ провелъ дома.

9-го Марта. Я былъ въ нѣмецкой церкви, гдѣ я слышалъ весьма плохую проповѣдь; церковь просторна и хороша и имѣетъ колокольню и колокола, чего я доселѣ не видѣлъ въ лютеранскихъ церквахъ; оттуда пошелъ я къ вице-губернатору, который боленъ и не выходитъ; онъ познакомилъ меня со своею женою, миловидною, неглупою и образованною малороссіянкою, которая не имѣетъ, однако, хохлацкаго произношенія.

11-е Марта. По предварительному извѣщенію непр. члена Саваневскаго являлись ко мнѣ смотрители богоугодныхъ заведеній въ засаленныхъ мундирахъ: я не сказалъ имъ, что намѣренъ въ тотъ же день осматривать ихъ заведенія и отправился туда incognito. Прежде всего я поѣхалъ въ больницу, гдѣ мое внезапное появленіе произвело разумѣется большую тревогу. Смотрителя не было дома и меня провожалъ старшій врачъ Франкъ, пресерьёзный нѣмецъ, о которомъ здѣсь очень хорошо отзываются: онъ немного разбитъ параличемъ, а прибытіе ревизора его еще болѣе разбило и онъ весь трясся, когда предсталъ предо мною. Впрочемъ, все обошлось хорошо, и заведеніе въ удовлетворительномъ видѣ. Оттуда поѣхалъ я въ домъ умалишенныхъ, который тѣсенъ, какъ и всѣ прочія здѣшнія заведенія, особенно неудобенъ онъ тѣмъ, что для безпокойныхъ или бѣшеныхъ нѣтъ одиночныхъ помѣщеній, и чтобъ они не переломали мебель и не перебили людей имъ связываютъ руки или привязываютъ къ кровати. Въ мужскомъ отдѣленіи были всѣ спокойны, но въ женскомъ нашелъ я пять

связанныхъ женщинъ, которыя ужасно шумѣли и кричали, и докторъ сказалъ мнѣ, что это бѣшенство нѣкоторымъ образомъ заразительно; часто онѣ бываютъ всѣ спокойны, но коль скоро одна начнетъ шумѣть и бѣситься, то прочія слѣдуютъ каждый разъ ея примѣру. Смѣшно и жалко было видѣть шестую женщину, находившуюся въ той же палатѣ: она пресмирно сидѣла на своей постели и смотрѣла на бѣсившихся своихъ товарокъ. Въ тотъ же день посѣтилъ я рабочій и смирительный домъ, который также не помѣстителенъ; я нахожу, что посылаемые въ эти дома для исправленія люди содержатся слишкомъ хорошо и что часто имъ здѣсь лучше, нежели въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства, напримѣръ, имъ даютъ для спанья тюфяки, подушки, одѣяла, тогда какъ имъ бы слѣдовало спать просто на деревѣ, чтобы они чувствовали свое положеніе.

По возвращеніи домой я нашелъ на своемъ столѣ 3 письма, два отъ маменьки и одно отъ Виттенгейма изъ Митавы, которымъ я былъ очень радъ. Благодарю Яшу за написанное Шевыреву письмо; сперва я и хотѣлъ просить его сдѣлать это, но потомъ, какъ вамъ уже извѣстно, написалъ я самъ; это не бѣда, лучше изъявить двойную благодарность, чѣмъ никакой. Любопытенъ я слышать, каковъ былъ вашъ пикникъ, и была ли на немъ и Розя; прошу описывать подробно и обстоятельно. Въ 4 часа отправился я къ Кожевникову обѣдать въ старомъ сюртукѣ, полагая, что насъ будетъ только двое, но, къ удивленію моему, нашелъ я тамъ большое общество и узналъ, что онъ даетъ обѣдъ по случаю отъѣзда флигель-адъютанта Астафьева, который былъ здѣсь для рекрутскаго набора. Всего было человѣкъ 20, и обѣдъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный; шампанское лилось рѣкой не только во время обѣда, но и послѣ него. Кожевниковъ рѣдкій гастрономъ и хлѣбосолъ, радъ каждому случаю, чтобы дать обѣдъ и долженъ издерживать бо̀льшую часть своего содержанія на столъ. Но несмотря на то, нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ матеріальный, вялый и думающій только о своемъ желудкѣ; напротивъ того, онъ чрезвычайно живъ, дѣятеленъ и безпрестанно дѣйствуетъ духомъ; очень хорошо образованъ и имѣетъ прекрасную библіотеку. Вечеръ я провелъ у Андреева, куда пріѣхалъ и Кожевниковъ.

12-е Марта. Часть утра я пробылъ въ Приказѣ, а потомъ посѣщалъ богадѣльню и нѣкоторыя строенія, принадлежащія заведеніямъ; мнѣ приходится осматривать мѣста и вещи, о которыхъ доселѣ имѣлъ мало понятія, напр.: кухни, прачешныя, бани и т. д., но я вижу, что это дѣло не головоломное и не трудное, и мнѣ удавалось уже открывать разныя неудобства, предлагать измѣненія и пр., которыя повидимому вѣрны. Къ обѣду я поѣхалъ было къ губернатору, но не за-

сталъ его дома и долженъ былъ довольствоваться своимъ трактирнымъ кушаньемъ, которое иногда хорошо, а иногда плохо; этотъ разъ было последнее. Гуляя сегодня по городу, я удивлялся неразсчетливости русскихъ; въ Саратовской губерніи большой недостатокъ въ лѣсѣ, и весь употребляемый здѣсь лѣсъ, какъ строевой, такъ и дровяной, сплавляется по Волгѣ изъ другихъ губерній; несмотря на это, подѣланы здѣсь вездѣ деревянные тротуары, которые вообще негодны и непрочны, а особенно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лѣсъ дорогъ и гдѣ его мало. Почему не сдѣлать бы тротуары изъ кирпича, какъ въ Твери и другихъ городахъ, если нѣтъ плиты.

Непростительно также, что такой большой и населенный городъ, каковъ Саратовъ, не мощенъ, тогда какъ въ средствахъ нѣтъ недостатка. Такъ идетъ у насъ все и вездѣ и главнѣйше отъ неумѣнья хозяйничать и незнанія экономіи, а частію и по недобросовѣстности. Теперь наступило, кажется, время преобразованій, и надо надѣяться, что со временемъ возникнетъ новый порядокъ вещей.

18-е Марта. Я только-что похвасталъ своимъ здоровьемъ и кажется сглазилъ, какъ говорится, потому что сегодня чувствовалъ себя очень нехорошо, и послѣ обѣда у меня голова до того разболѣлась, что я принужденъ былъ прилечь. Я заснулъ и проспалъ прекрасно до $9^1/_2$ вечера; головная боль совсѣмъ прошла, я напился чаю и легъ опять спать, съ тѣмъ, чтобы завтра встать въ 5 ч. и ѣхать по магазинамъ. Еслибъ мнѣ раньше употребить это средство, то я вѣроятно былъ бы здоровъ вечеромъ, но по несчастію я все утро долженъ былъ просидѣть въ Приказѣ, а тотчасъ послѣ обѣда приходили разные звѣри, называющіе себя чиновниками, и я хлопоталъ о саняхъ на завтрашнюю поѣздку, такъ какъ моя кибитка вся переломана. Возлѣ меня продается множество саней и экипажей, и я хотѣлъ взять открытые дорожные сани на прокатъ, но просили такую безсовѣстную цѣну, 5 р. асс. за одинъ день, что я рѣшился ѣхать на мужицкихъ саняхъ. Я ѣду въ сторону и потому не могу имѣть ни почтовыхъ лошадей, ни саней. Наконецъ видѣлъ я попечителей запасныхъ магазиновъ; они называются помѣщиками и дворянами, но похожи болѣе на лакеевъ или прикащиковъ, едва грамотны и вообще жалкія существа; я насилу убѣдилъ ихъ сѣсть, особенно одинъ изъ нихъ въ коротенькихъ лѣтнихъ панталонахъ никакъ не рѣшался взять передъ мною эту смѣлость. Долго разсуждать съ ними было бы излишне; они мнѣ нужны были только для того, чтобы узнать мѣстность и расположеніе помѣщичьихъ имѣній, и я рѣшилъ, что завтра ранехонько утромъ поѣду съ господиномъ въ лѣтнихъ панталонахъ по ближайшимъ отъ города магазинамъ. Былъ у меня также предводитель дворянства, Балашевскаго

уѣзда, Елагинъ, очень видный и милый человѣкъ, и просилъ меня, если мнѣ вздумается дорогою отсюда въ Полтаву осматривать магазины, то заѣхать въ его помѣстье, которое лежитъ на большой дорогѣ. Онъ самъ тамъ живетъ, и я, можетъ быть, приму его предложеніе.

19-е Марта. Аккуратность такъ рѣдка между людьми, что мнѣ всегда и вездѣ приходится ждать другихъ; такъ случилось и сегодня. Прежде всего я долженъ былъ разбудить Адама, который со дня на день становится безпечнѣе, потомъ ждалъ я лошадей и наконецъ и дурня-попечителя. Въ $7^1/_2$ ч. я, однако, выѣхалъ и направилъ свой путь въ находящееся въ 12 верстахъ отсюда селеніе Пристанное, принадлежащее разнымъ помѣщикамъ. Я ѣхалъ почти всю дорогу Волгою и мѣстами было уже очень много воды; послѣднія 3 версты путь тянулся горами по нагорной сторонѣ Волги; на иныхъ возвышенностяхъ весь снѣгъ уже сошелъ и стало такъ тепло, что я не зналъ, куда мнѣ дѣваться съ шубою, подъ которою у меня былъ надѣтъ ваточный сюртукъ. Въ Пристанномъ остановился я у тамошняго старосты, который, какъ и бо́льшая часть здѣшнихъ крестьянъ, живетъ въ одной избѣ со скотиной и птицами; само собою разумѣется, что воздухъ не можетъ быть тутъ чистъ; за невозможностью отворить окна, я велѣлъ отпереть дверь и занялся своимъ дѣломъ, которое задержало меня очень недолго. Между тѣмъ мнѣ приготовили свѣжихъ лошадей, и я пустился далѣе, но старался не слишкомъ удаляться отъ города, потому что снѣгъ былъ уже до того рыхлъ, что лошади безпрестанно проваливались, и воды было вездѣ множество, да притомъ я хотѣлъ быть къ вечеру непремѣнно дома, объявивъ уже пастору черезъ Фрезе, что я на другой день въ четвергъ буду къ причастію. Къ несчастію моему я попадалъ все въ мелкопомѣстныя деревушки, гдѣ или вовсе нѣтъ помѣщиковъ, или самые жалкіе, едва грамотные, въ родѣ моихъ попечителей, у которыхъ меньше достатка, чѣмъ у иного крестьянина и которые не только не помогаютъ своимъ мужикамъ, но берутъ у нихъ послѣднее. Между прочимъ проѣзжалъ я одинъ хуторокъ съ 15 душами крестьянъ и проводникъ мой разсказывалъ мнѣ, что владѣлецъ этого хутора ведетъ общее хозяйство со своими крестьянами, т.-е. у нихъ не дѣлается различія между *мое* и *твое* или, лучше сказать, существуетъ одно *мое,* потому что помѣщикъ забираетъ все у крестьянъ и даетъ имъ опредѣленное содержаніе въ натурѣ, но весьма скудное, которымъ они едва могутъ существовать, наприм., по одной рубашкѣ на цѣлый годъ. Можно себѣ представить положеніе этихъ людей! И такихъ хозяйствъ и помѣстій здѣсь множество, но съ другой стороны есть и огромныя имѣнія съ 3-мя и 4.000 душъ, принадлежащихъ первымъ богачамъ, наприм., Кочубеямъ, Воронцовой-Дашко-

вой, Нарышкинымъ и т. д., которые завладѣли здѣсь большими землями въ то время, когда онѣ имѣли еще въ этомъ краѣ мало цѣнности. Всѣ эти вельможи живутъ по столицамъ и для губерніи отъ нихъ мало пользы; за всѣмъ тѣмъ въ ней остается еще довольно дворянъ и помѣщиковъ, но образованныхъ и понимающихъ свое назначеніе очень немного. По моему мнѣнію, въ Россіи нѣтъ званія, въ которомъ можно бы принести столько пользы и сдѣлать столько добра, какъ званіе помѣщика; онъ и отецъ, и наставникъ, и защитникъ своихъ крестьянъ, и по огромной власти, которая ему предоставлена надъ ними, нельзя ожидать, чтобы народъ нашъ подвинулся въ образованіи, какъ въ умственномъ, такъ и моральномъ отношеніи, пока помѣщики не займутся сами своимъ хозяйствомъ и управленіемъ своими крестьянами и не убѣдятся, что крестьяне—такіе же люди, какъ и они, и сотворены не для одного удовлетворенія ихъ прихотей и для доставленія имъ доходовъ. Я говорю о помѣщикахъ съ высшимъ образованіемъ, потому что необразованныхъ или полуобразованныхъ помѣщиковъ, не заслуживающихъ даже названія дворянъ, живетъ довольно въ деревняхъ, но этотъ народъ ничѣмъ не лучше старостъ и приказчиковъ и не въ состояніи содѣйствовать къ развитію состоянія крестьянъ. Одинъ изъ помѣщиковъ такого рода встрѣтилъ меня въ валеныхъ сапогахъ и коротенькомъ засаленномъ сюртукѣ, безъ панталонъ, жилета и галстуха, извиняясь, что принимаетъ меня въ такомъ костюмѣ, но не думая перемѣнить его; живетъ онъ совершенно мужикомъ; въ прихожей постлана солома, чтобы не марать полы; стѣны въ комнатахъ некрашеныя и ничѣмъ не оклеенныя; все прочее въ томъ же родѣ и вдобавокъ не чисто и гадко. Я имѣлъ счастіе ему очень понравиться, хотя я пробылъ у него не болѣе четверти часа, и онъ кончилъ тѣмъ, что поцѣловалъ меня три раза.

1-го Апрѣля. Сегодня я много сердился, шумѣлъ и кричалъ, открывъ разныя гадости по Приказу; не имѣвъ дѣла съ русскими губернскими и уѣздными чиновниками, нельзя повѣрить, что̀ это за народъ: въ нихъ столько плутовства, хитрости и часто ловкости, что безъ опытности ничего не откроешь и не узнаешь. Саратовскій Приказъ самый худшій изо всѣхъ, которые я до сихъ поръ видѣлъ, и я никакъ не могу съ нимъ развязаться; но въ теченіе нынѣшней недѣли я долженъ непремѣнно кончить coute que coute.

8-е Апрѣля. Всю прошедшую недѣлю я былъ такъ занятъ, что никакъ не удавалось писать, я даже мало пользовался теплою прекрасною погодою, которая здѣсь стоитъ уже около недѣли. Впрочемъ, ничего примѣчательнаго не случилось. Теперь я могу кажется утвердительно сказать, что я послѣ-завтра выѣду изъ Саратова. Одно доне-

сеніе я отправилъ Министру съ послѣднею почтою, другое посылаю сегодня, а третье надѣюсь приготовить къ завтрашнему дню. При выѣздѣ изъ Петербурга я имѣлъ небольшое порученіе, которое очень легко могъ исполнить одинъ, но теперь, когда мнѣ придали еще два дѣла, мнѣ становится трудненько работать одному, изъ мѣстныхъ же чиновниковъ я никого не могу брать въ помощь, во-первыхъ, потому, что не думаю, чтобы они могли мнѣ быть полезны, и во-вторыхъ, это могло бы повредить самому дѣлу, такъ какъ мои дѣйствія были бы въ такомъ случаѣ гласны; я нанимаю даже писаря, чтобы мои донесенія не были до времени извѣстны. Если бы я зналъ, что эти дѣла меня такъ затруднятъ, то я просилъ бы, чтобы мнѣ выслали какого-нибудь чиновника изъ Министерства, а теперь поздно объ этомъ писать, потому что онъ прибылъ бы, вѣроятно, тогда, когда я кончилъ бы свои занятія. Пока есть силы, надо нести бремя. Въ Полтавѣ я надѣюсь быть около 17-го с. м. и прошу писать мнѣ теперь въ Кіевъ. Я хотѣлъ было остановиться въ Воронежѣ, который я проѣзжаю, чтобы осмотрѣть нѣкоторые магазины, но сомнѣваюсь, чтобы я остался при этомъ намѣреніи, потому что нахожу, что это было бы почти излишнее усердіе.

Изъ Полтавы.

23-го Апрѣля. ... Въ 4-мъ часу я отправился съ Тимченко къ губернатору обѣдать и засталъ тамъ вице-губернатора съ женою и еще какого-то сибирскаго ex-губернатора. Ознобишинъ холостъ, но съ нимъ живетъ его племянница m-elle М., молодая дѣвушка съ большими претензіями, некрасивая и вовсе не граціозная. Вечеромъ я пустился гулять и зашелъ въ здѣшнія богоугодныя заведенія, которыя находятся всѣ въ одномъ мѣстѣ; было уже поздно и я не успѣлъ осмотрѣть всего. Здѣшній домъ умалишенныхъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ субъектовъ; одинъ между прочимъ воображаетъ, что онъ великій князь и обратился ко мнѣ съ жалобою, что его угнетаютъ, и когда я, чтобы отвязаться отъ него, сказалъ ему, что прикажу разсмотрѣть его дѣло, онъ раскричался, говоря, что онъ не подлежитъ законамъ и приказываетъ мнѣ выпустить его: другой, ужасный буянъ, подалъ мнѣ прошеніе, которое я сунулъ въ карманъ, не читая; развернувъ его дома, я увидѣлъ, что это просто листокъ Петербургскихъ Вѣдомостей. Насчетъ правилъ при ревизіи я не согласенъ съ Чепурновымъ и коль скоро открываю важные и умышленные безпорядки и злоупотребленія, то никогда не приписываю ихъ обстоятельствамъ, а

напротивъ, преслѣдую безмилосердно виновныхъ. Едва-ли и здѣсь обойдется безъ грѣха; Богдановъ что-то очень за мною ухаживаетъ, а я теперь понатерся уже на ревизіяхъ и знаю, гдѣ раки зимуютъ.

24-го Апрѣля. Сегодня я не ходилъ въ Приказъ и занимался все утро дома, потомъ хотѣлъ сдѣлать визитъ Богданову, но не нашелъ его дома. Обѣдалъ у Тимченко или, лучше сказать, у Курилова, члена здѣшней Строительной Комиссіи, который женатъ на его сестрѣ. У нихъ, какъ и у всѣхъ здѣшнихъ хохловъ и не хохловъ, лакей въ ливреѣ и краспомъ жилетѣ: это принадлежитъ къ тону и подобное существо въ ливреѣ, но часто почти безъ панталонъ, должно слѣдовать вездѣ за хозяйкою дома и барышнями, даже въ саду заставляютъ онѣ себя провожать. Вечеромъ ходили мы съ Тимченко гулять въ городской садъ, которымъ я остался весьма доволенъ, большой, прелестный садъ, гдѣ все уже зелено и въ цвѣту и есть прекрасные виды: онъ раздѣляется на двѣ части, на верхній и нижній садъ. Содержится онъ не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало, за неимѣніемъ средствъ; при немъ есть также хорошенькая оранжерея, и я не могъ воздержаться не купить двухъ горшковъ чудеснѣйшихъ розановъ centifolii, которыми я украсилъ свой салонъ. Это напоминаетъ мнѣ Митаву, гдѣ у меня весною и лѣтомъ были постоянно цвѣты на окнахъ. Здѣсь они дешевы, за два большихъ горшка я заплатилъ 1 р. сер. Посѣтителей бываетъ въ этомъ саду немного, потому что при каждомъ домѣ есть здѣсь садикъ; это множество зелени и особенно тополи придаютъ пріятный видъ городу, который въ сухую погоду вообще содержится чисто. Дома здѣсь большею частію деревянные, но этого вовсе не замѣтно, потому что они всѣ оштукатурены и окрашены мѣломъ; это дѣлается даже въ деревняхъ и giebt ein sehr freundliches Ansehen. Но эта штукатурка очень незамысловатая и дѣлается не мастерами, а самими владѣльцами, т.-е. какая-нибудь старая баба или кухарка беретъ глины въ ведро, бросаетъ ее на стѣну и намазываетъ рукою, отчего разумѣется поверхность очень неровная. Это повторяется каждый годъ и чаще, благо не дорого; хохлы вообще живутъ очень чисто, но около себя не такъ чистоплотны. Въ городѣ есть прекрасныя мѣстоположенія, особенно хорошъ видъ съ остатковъ вала, окружавшаго городъ, на Подолъ, по которому протекаетъ Ворскла; теперь она узка, но во время полноводья разливается она далеко. Шведская могила находится въ 6-ти верстахъ отъ Полтавы, и я ее еще не видалъ, но въ самомъ городѣ есть въ Корпусномъ саду, разведенномъ на большой площади, красивый памятникъ въ честь Полтавской битвы; въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Петръ I отдыхалъ послѣ трудовъ, есть старенькій кирпичный монументъ съ надписью. Жаль, что его не возобновятъ въ болѣе при-

личномъ видѣ; недавно его обсадили акаціями, прежде и этого не было. Недалеко оттуда есть деревянная церковь временъ Шведской войны: для сохраненія ея сдѣлали на нее кирпичный чехолъ, такъ что съ улицы старая церковь вовсе не видна.

25-го Апрѣля. Сегодня утромъ я ѣздилъ съ визитомъ къ вице-губернатору и къ Оливамъ; послѣдніе были крайне обрадованы моимъ посѣщеніемъ, приняли меня какъ нельзя лучше и много освѣдомлялись о васъ всѣхъ. Олива обнималъ меня безпрестанно и приглашалъ навѣщать какъ можно чаще; я обѣщалъ обѣдать у нихъ завтра. Они всѣ вамъ кланяются. Олива занимается много садоводствомъ и огородничествомъ.

26-го Апрѣля. Утро прошло по обыкновенію въ занятіяхъ и въ Приказѣ, обѣдать я отправился къ Оливѣ и пришелъ туда въ 4 часа: ждалъ еще цѣлый часъ. Старикъ ходитъ по старой привычкѣ въ курткѣ и ермолкѣ. Обѣдъ былъ довольно плохъ, но радушіе хозяевъ вознаградило меня за всѣ лишенія. По вечерамъ я каждый день хожу гулять въ городской садъ, гдѣ уже появились соловьи, которые услаждаютъ насъ своимъ пѣніемъ; обыкновенно заходитъ за мною Тимченко, и мы гуляемъ вмѣстѣ; онъ человѣкъ хоть и не весьма интересный, хохолъ, но на безрыбьи и ракъ рыба; впрочемъ, онъ очень обязателенъ, услужливъ и не безъ образованія. Вернувшись изъ сада, я переодѣлся и поѣхалъ въ баню, устроенную при отдѣленіи воспитанниковъ Приказа, а оттуда я, по настоятельной просьбѣ смотрителя этого отдѣленія, долженъ былъ зайти къ нему пить чай; я былъ въ утреннемъ сюртукѣ и спальныхъ сапогахъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось дѣлать послѣ бани визиты, но не хотѣлось также обидѣть смотрителя, тѣмъ болѣе, что я остался доволенъ его заведеніемъ, и я рѣшился наскоро выпить у него стаканъ чая. Эти воспитанники берутся изъ бѣдныхъ людей разнаго званія и готовятся въ канцелярскіе служители; въ своемъ заведеніи учатся они только чистописанію, а прочимъ предметамъ въ уѣздномъ училищѣ и гимназіи. Здѣсь ихъ содержится 52 человѣка, но предполагается распространить заведеніе для 100 человѣкъ.

27-го Апрѣля. Погода была сегодня прекрасная, и я только что всталъ, одѣлся и пошелъ въ богоугодныя заведенія. Несвоевременное мое появленіе произвело, разумѣется, суматоху, однако, докторъ и смотритель не спали и явились очень скоро; эти лица почитаютъ всегда обязанностію ходить вездѣ за мною, что̀ мнѣ весьма непріятно, потому что я безъ нихъ могъ бы гораздо свободнѣе осматривать и узнавать все, что мнѣ нужно. Гулянье мое по кухнямъ, кладовымъ, прачешнымъ и проч. продолжалось до 9 часовъ, и я порядочно усталъ и

пилъ свой гомеопатическій кофе съ большимъ вкусомъ. Передъ обѣдомъ заходилъ я къ прокурору, котораго жена принудила меня у нихъ завтракать, а почти прямо оттуда я поѣхалъ къ вице-губернатору Селецкому обѣдать. Тамъ я засталъ довольно большое общество, между прочимъ Алферовыхъ, Богданова, m-me Сенковскую и нѣсколько дамъ изъ здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ; Селецкая также бывшая классная дама института. Онъ большой весельчакъ и farceur и выдумалъ, чтобы каждый кавалеръ сидѣлъ возлѣ дамы, которую онъ привелъ къ столу; мнѣ пришлось сидѣть между хозяйкою дома и m-me Сенковской: обѣ довольно порядочныя дамы. Хорошенькихъ лицъ я видѣлъ здѣсь доселѣ очень мало, а m-me Андреева увѣрила меня, что я увижу ихъ множество. О томъ, чтобы въ Черниговской губ. жили шведы, никто здѣсь ничего не знаетъ. (Это извѣстіе для Яши).

Ты совершенно права, что издали ужасы дорогъ и путешествія по Россіи кажутся несравненно страшнѣе, нежели вблизи, особенно для того, кто уже столько поѣздилъ, какъ я, всѣ неудобства—трынъ-трава, притомъ передъ такими высокими лицами, каковы мы, tous les obstacles s'aplanissent. Теперь главное дѣло сдѣлано; остается мнѣ одинъ большой переѣздъ изъ Житоміра въ Митаву, но лѣтомъ это ничего не значитъ. Желаю терпѣнья на переводъ моихъ писемъ, ты за 24 листкомъ, а я пишу уже 61-й, мнѣ, право, жаль твоихъ трудовъ, которые могли бы быть употреблены съ большею пользою [1]). Сегодня было довольно много публики въ саду по случаю воскресенья, но мало благообразныхъ фигуръ.

Изъ Кіева.

Въ послѣднемъ моемъ листкѣ я остановился, кажется, на 14-мъ мая, слѣдующемъ днѣ послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ. Перебравшись въ свою новую квартиру, я нарядился въ мундиръ и поѣхалъ съ оффиціальными визитами къ генералъ-губернатору Бибикову и гражданскому губернатору Фундуклею: оба приняли меня хорошо, и послѣдній пригласилъ къ себѣ обѣдать. Онъ холостой человѣкъ, но очень богатъ и живетъ по состоянію; разумѣется, что и обѣдъ былъ богатый; кромѣ меня, обѣдали у него генералъ Реатъ и вице-губернаторъ Бибиковъ, племянникъ генералъ-губернатора. Я не приступалъ еще къ дѣлу. Послѣ обѣда пріѣзжалъ ко мнѣ непремѣнный членъ Приказа Гиппнеръ, эстляндецъ, и разсыпался въ извиненіяхъ, что явился такъ поздно.

15-го Мая. Передъ посѣщеніемъ Приказа заѣзжалъ я съ визитомъ

---

[1]) Сестра К. К. предприняла переводъ его писемъ для его Митавскихъ родныхъ. *К. Г.*

къ вице-губернатору, къ д. с. с. Писареву, правителю канцеляріи генералъ-губернатора, который играетъ здѣсь важную роль, и къ д. с. с. Пенкину, предсѣдателю Казенной Палаты, и къ несчастію моему засталъ всѣхъ дома. Остальную часть утра провелъ въ Приказѣ и обѣдалъ дома: хозяйка моя накормила меня довольно плохо. Вечеромъ я ходилъ гулять на Подолъ, который далекъ отъ меня, и я проходилъ два часа. Спускъ туда довольно отлогъ, вымощенъ тротуарами, какъ и вся остальная часть города, и спускаться очень легко, но подыматься утомительно, и я усталъ отъ своей прогулки. Неровность здѣшнихъ мѣстъ и большія разстоянія причиною тому, что здѣсь необходимо держать лошадей, и что всѣ извозчики ѣздятъ на парѣ лошадей. На этотъ предметъ издержу я здѣсь, вѣроятно, много денегъ, тѣмъ болѣе, что богоугодныя заведенія находятся въ разныхъ концахъ на краю свѣта, верстахъ въ 6-ти отъ центра города, но все же въ городской чертѣ; по этому можно судить о величинѣ Кіева. Подолъ составляетъ особенную часть города. лежитъ у самаго берега Днѣпра, и при большой водѣ затопляется часть его улицъ; онъ совершенно плосокъ, построенъ правильно и виденъ съ разныхъ пунктовъ стараго города и Печерской части; имѣетъ свои лавки, свои церкви и можетъ существовать безъ помощи остальныхъ частей. Тутъ же находится и контрактовая зала.

16-го Мая. Утро прошло въ ревизіи въ Приказѣ. Фундуклей присылалъ туда звать меня къ себѣ обѣдать, но я отказалъ, потому что у меня былъ уже заказанъ обѣдъ дома, притомъ эти губернаторскіе обѣды надоѣли мнѣ. Не всѣ губернаторы такъ милы, какъ Кожевниковъ, и я не нахожу нужнымъ женироваться и церемониться безъ надобности. Я заѣзжалъ къ Корфу, но встрѣтилъ его дорогою, и онъ звалъ меня къ себѣ обѣдать послѣ завтра, въ воскресенье. Погода все попрежнему холодная, и безъ теплаго пальто невозможно выходить; сегодня шелъ нѣсколько разъ дождь, и я порядочно помокъ. Вечеромъ я ходилъ опять гулять въ садъ искусственныхъ водъ и прошелъ по немъ довольно далеко. Онъ очень великъ и имѣетъ выходы на разныя улицы; на концѣ сада есть павильонъ, откуда прекрасный видъ на Подолъ и Днѣпръ, а вокругъ него есть широкая дорога, по которой можно ѣздить въ экипажахъ и верхомъ. Посѣщается этотъ садъ очень мало, только по праздникамъ собирается больше людей и бываетъ музыка; мѣстные жители привыкли ко всѣмъ красотамъ природы, которыя ихъ окружаютъ, и не дорожатъ ими,—такъ бываетъ всегда.

17-го Мая. Я ѣздилъ въ богоугодныя заведенія, которыя лежатъ далеко, но на прекрасномъ мѣстѣ, окружены зеленью и деревьями, и гдѣ воздухъ чистъ и здоровъ. Для сумасшедшаго дома и богадѣльни

нельзя желать лучшаго мѣста, но больница слишкомъ отдалена отъ города, и затруднительно возить туда больныхъ, которые отъ утомленія и усталости умираютъ нерѣдко вскорѣ по прибытіи въ больницу. Я пріѣхалъ туда въ 12 часовъ, съ тѣмъ, чтобы видѣть пищу призрѣваемыхъ, но вся процессія съ кушаньями была уже кончена, и мнѣ не удалось даже видѣть пробной порціи. Богъ ихъ знаетъ, сдѣлано ли это нарочно или безъ умысла, но я не полѣнюсь и съѣзжу другой и третій разъ; непріятно только то, что каждая подобная поѣздка стоитъ цѣлковый. Смирительный домъ опять въ другомъ мѣстѣ, столь же отдаленномъ, а прогулка туда стоитъ столько же. Подъ вечеръ я ходилъ на Подолъ отыскивать кіевскіе конфекты, которыхъ я хочу переслать вамъ немного, но стало темно, и я не дошелъ до тѣхъ купцовъ, которыхъ мнѣ преимущественно рекомендовали. Скучно, что здѣсь нѣтъ длинныхъ петербургскихъ дней, въ 8 ч. уже темнѣетъ. А я вздумалъ было радоваться саратовскимъ долгимъ днямъ; хороша наивность! Вы, чай, удивлялись моимъ успѣхамъ въ математической географіи. A propos! Я все забываю сообщить Яшѣ, что по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ не оказывается шведовъ въ Черниговской губерніи, и Шницлеръ, кажется, совралъ въ своей статистикѣ. Можетъ быть осталось нѣсколько шведовъ послѣ Шведской войны, но это число должно быть очень незначительно, потому что никто о нихъ не знаетъ. Нѣмцы тамъ есть въ колоніяхъ, но ихъ также немного. Нѣмецкіе колонисты есть во всѣхъ южныхъ губерніяхъ, но они не всѣ занимаются земледѣліемъ, наприм., колонисты близъ Полтавы занимаются фабрикаціею сукна, одѣялъ и проч.

18-го Мая. Я вздумалъ воспользоваться хорошею погодою и пошелъ къ обѣднѣ въ Лавру, которая недалеко отъ меня. По случаю воскресенья толпа была болѣе обыкновеннаго, и я недолго могъ простоять въ церкви: служилъ митрополитъ. Не дождавшись конца обѣдни, которая въ воскресные дни продолжается часу до 1-го, я пошелъ въ пещеры, гдѣ покоится прахъ разныхъ угодниковъ и преподобныхъ. Въ этотъ часъ бываетъ не такъ много народу, и я могъ свободно пройти. Эти пещеры раздѣляются на дальнія и ближнія и вырыты—однѣ выше, другія ниже. Изъ Лавры ходятъ туда простыми коридорами, все спускаясь, и разстояніе порядочное; по обѣимъ сторонамъ этихъ корридоровъ и у пещеръ находится постоянно безчисленное множество нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ и всякаго народа. У ближнихъ пещеръ было еще много народа, и я пошелъ прямо къ дальнимъ, гдѣ было просторно; такъ какъ тамъ совершенно темно, то каждый посѣтитель входитъ туда съ зажженною свѣчею, но для меня было довольно свѣта отъ людей, которые шли передо мною и за мною, и я пошелъ

безъ свѣчи. Подземные эти ходы такъ узки, что нельзя итти иначе, какъ гусемъ; большая часть угодниковъ покоится въ гробахъ въ самомъ проходѣ, нѣкоторые стоятъ за стѣною, при каждомъ есть славянская надпись. Передо мной шелъ какой-то семинаристъ или чиновникъ, который былъ вполнѣ знакомъ съ этими пещерами, и объяснялъ намъ многое: нѣкоторыя кельи этихъ угодниковъ можно также видѣть. Въ разныхъ мѣстахъ этихъ подземельныхъ ходовъ есть церкви и храмы, гдѣ бываетъ служба; наверху около Лавры есть также нѣсколько церквей. На этотъ разъ я ограничился одними дальними пещерами, можетъ быть въ другой разъ посѣщу прочія. Въ Лаврѣ и около нея бываетъ постоянно большое сходбище богомольцевъ, которые стекаются сюда преимущественно въ маѣ мѣсяцѣ; всего болѣе видно однако хохловъ; ихъ легко отличить по ихъ костюму и физіономіи. Мужчины и женщины ходятъ всегда въ сапогахъ; послѣднія носятъ ихъ большею частію изъ желтой кожи, у болѣе зажиточныхъ весь сапогъ желтый, а у бѣдныхъ одно голенище. Костюмъ женщинъ раздѣляется на три этажа, всего длиннѣе рубашка, потомъ узкая шерстяная темная юбка и сверху короткій кафтанъ или казакинъ изъ бѣлаго или коричневаго крестьянскаго сукна, на головѣ платокъ и въ праздники цвѣты. Мужчины носятъ короткіе кафтаны, большею частію коричневые, съ капюшономъ на спинѣ, который они при дождѣ надѣваютъ сверхъ шапки; этотъ капюшонъ называется у нихъ витлога или богородица; послѣднее названіе происходитъ отъ того, что вырѣзъ въ этомъ капюшонѣ имѣетъ форму иконной головы. Шапки носятъ они постоянно мѣховыя, бараньи, высокія. Хохлы необыкновенно падки на сало: когда дорогою мажутъ мой тарантасъ, то Адамъ очень наблюдаетъ за ними, чтобы они клали сало на ось, а не въ ротъ, и если останутся кое-какія крошки, то они ихъ тотчасъ отправляютъ въ ротъ. Когда я вернулся изъ пещеръ, пріѣхалъ ко мнѣ Гипперъ и предложилъ прокатиться по городу; я принялъ это предложеніе, и мы поѣхали въ старый городъ, видѣли Университетъ, Десятинную церковь, Крещатикъ, гдѣ совершилось крещеніе Владиміра, и всходили на паперть церкви Андрея Первозваннаго, которая стоитъ на горѣ надъ самымъ Подоломъ; онъ виденъ отсюда, какъ на ладони, и представляется во всемъ блескѣ. Гипперъ завезъ меня къ губернатору, который звалъ меня опять обѣдать, но я не могъ принять его приглашенія, потому что обѣщалъ быть у Корфа, и потомъ очень сожалѣлъ, увидѣвъ въ театрѣ прекрасную m-me Koeler, которая у губернатора въ этотъ день обѣдала.

30-е Мая. Пятница. Опять несносная погода, страшный вѣтеръ и такая пыль, что нельзя показаться на улицу. Я цѣлый день сидѣлъ

дома и только вечеромъ, когда вѣтеръ пріутихъ, ходилъ гулять; я былъ въ старомъ городѣ и обошелъ Михайловскій монастырь, откуда прелестный видъ на Подолъ и на Днѣпръ, которые лежатъ саженъ 25 ниже монастыря. На обратномъ пути я прошелся по дворцовому саду, отдохнулъ немного на скамьѣ и отправился домой. Вечера я провожу здѣсь всегда дома за неимѣніемъ знакомыхъ, ложусь въ 11-мъ часу и встаю въ шесть и даже въ шестомъ. Вчера вице-губернаторъ вздумалъ мнѣ предложить познакомить меня въ нѣкоторыхъ домахъ здѣшней аристократіи, на что я ему, разумѣется, отвѣчалъ, что теперь уже поздно и что я на-дняхъ собираюсь ѣхать.

31-е Мая. Вчера вечеромъ можно было надѣяться, что погода перемѣнится, но сегодня утромъ былъ опять тотъ же вѣтеръ, а около полудня онъ пріутихъ и пошелъ сильный дождь, который продолжался до вечера, такъ что я рѣшительно никуда не выходилъ и даже не одѣвался. Но такъ какъ все имѣетъ и хорошую сторону, то я извлекъ изъ вчерашней худой погоды ту пользу, что кончилъ всѣ свои донесенія, и теперь вольный казакъ; но эта свобода продолжится недолго, и въ Житомірѣ начнется та же пѣсня. Вчера былъ у меня непр. членъ Приказа Гиппнеръ и предложилъ показать мнѣ какія-нибудь окрестности Кіева; мы согласились ѣхать сегодня въ 3 часа въ Китаеву пустынь, гдѣ живетъ митрополитъ, но погода этого не позволила, и Гиппнеръ вздумалъ дать мнѣ другого рода дивертисментъ, который могъ бы легко обратиться для него въ самую плачевную трагедію. Послѣ обѣда пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ, безъ обыкновеннаго этикета, а просто въ сюртукѣ и фуражкѣ, сидѣлъ довольно долго и толковалъ о всякой всячинѣ; мы въ первый разъ вели бесѣду по-нѣмецки. Наконецъ, передъ уходомъ говоритъ онъ, что у него есть до меня большая просьба и что онъ надѣется, что я ему въ ней не откажу; при этихъ словахъ кладетъ онъ на столъ сложенный вчетверо листъ бумаги и проситъ меня разсмотрѣть его позже. Я въ простотѣ души своей полагалъ, что это дѣйствительно какое-нибудь прошеніе или записка, и несмотря на его сопротивленіе, развертываю бумагу при немъ и что же я въ ней нахожу! Пачку депозитныхъ билетовъ. Разумѣется, что я понудилъ его взять свои деньги назадъ и прочелъ ему приличную мораль; онъ былъ ужасно пристыженъ и ушелъ, wie ein begossener Hund. Я хотѣлъ было довести о семъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства, что̀, разумѣется, погубило бы Гиппнера, но потомъ отдумалъ и хочу великодушно простить его, потому что не ставлю ему поступка въ большую вину: онъ только промахнулся и показалъ, что имѣетъ мало такта. По несчастію взятки сдѣлались у насъ такъ общи, что люди, можетъ быть видомъ и порядочнѣе меня, дерутъ на пропалую,

и потому трудно угадать, кому дать и кому нѣтъ. Иной въ претензіяхъ, если ему не заплатятъ, другой опять сердится за взятку; оттого поступокъ Гиппнера меня лично нисколько не оскорбляетъ; я на этотъ счетъ большой философъ и, какъ флегматикъ, дѣйствую очень хладнокровно, но не слабо. Я только опасаюсь, что онъ набралъ для меня денегъ у смотрителя богоугодныхъ заведеній, и чтобъ онъ не удержалъ ихъ, а тѣ будутъ думать, что они у меня въ карманѣ. Для этого я пошлю за нимъ завтра утромъ и понужу его къ сознанію. Какія грязныя и непріятныя вещи!

1 е Іюня. Наконецъ, погода сдѣлалась сноснѣе, но безъ дождя все-таки не обошлось. Здѣшняя земля необыкновенно скоро сохнетъ; несмотря на вчерашній проливной дождь, сегодня была уже мѣстами пыль, улицы большею частію мощены, но не во всю ширину, такъ что здѣсь постоянно или грязь или пыль. Утромъ я пошелъ гулять съ намѣреніемъ зайти въ Софійскій соборъ и Десятинную церковь, но сбился съ дороги и очутился у Золотыхъ воротъ и Университета, гдѣ я уже былъ, но мнѣ не непріятно было посѣтить эти мѣста еще разъ. Эта часть города принадлежитъ къ старому Кіеву, застроена недавно и годъ отъ году расширяется. Вернувшись домой, я переодѣлся и поѣхалъ прощаться къ генералъ-губернатору и Корфу, но не засталъ ни того, ни другого; завтра надо будетъ повторить визитъ къ первому. Во время моего обѣда пріѣзжалъ Гиппнеръ вслѣдствіе моего приглашенія; я имѣлъ съ нимъ весьма серьёзный разговоръ, и онъ далъ мнѣ слово, что предложенныя мнѣ деньги были его собственныя. Когда онъ извинялся и просилъ помилованія, я невольно вспомнилъ Ревизора Гоголя. Я обѣщалъ ему оставить это дѣло безъ послѣдствій, но не ручаюсь, чтобъ его не прогнали, потому что я нашелъ здѣсь кое-какіе безпорядки. Это ужъ не моя вина. Вечеромъ я былъ на музыкѣ въ саду, гдѣ было много людей, которые тѣснятся всѣ въ одной аллеѣ, и потому стеченіе народа кажется большое.

2-е Іюня. Не взирая на пасмурную погоду, я пошелъ ходить, только-что всталъ, и дошелъ до Софійскаго собора, а оттуда ходилъ въ Десятинную церковь, въ Михайловскій монастырь и въ Андреевскую церковь, которыя всѣ въ одномъ мѣстѣ. Въ Софійскомъ соборѣ сохранилось еще много древней живописи и мозаики, но все это очень испорчено и устарѣло и теперь подправляется: водившій меня дьячокъ показывалъ мнѣ нѣкоторыя исправленныя и подмалеванныя мѣста, разумѣется, что это все не то. Двѣнадцать Апостоловъ въ алтарѣ изъ мозаичной работы сохранились очень хорошо, есть также нѣсколько плитъ стараго пола, который былъ весь изъ мозаики. Гробъ Ярослава сдѣланъ изъ мрамора, работа самая простая, но массивная и прочная;

надъ гробницею стоитъ его изображеніе во весь ростъ, и на немъ время оставило свои слѣды. Въ Михайловской церкви покоятся мощи великомученицы Варвары, которыя перенесены сюда изъ Царьграда, и стеченіе народа бываетъ здѣсь постоянно огромное. Эта Варвара приняла въ молодости христіанскую вѣру во время язычества, и раздраженный ея отецъ подвергъ ее за это всѣмъ возможнымъ гоненіямъ и мученіямъ; наконецъ, когда она была приговорена судомъ къ смертной казни, то отецъ ея совершилъ оную, по желанію, собственною рукою. Въ Десятинной и Андреевской церквахъ нѣтъ никакихъ древностей, ни мощей; первая возобновлена нѣсколько лѣтъ тому назадъ кіевскимъ жителемъ Анненковымъ собственнымъ иждивеніемъ: онъ хотѣлъ сдѣлать пожертвованіе по силамъ, но его впослѣдствіи понудили строить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была при св. Владимірѣ, и онъ не радъ былъ, что изъявилъ готовность возобновить эту древнюю церковь, потому что оно стоило ему большихъ денегъ. При всемъ томъ говорятъ, да и можно повѣрить, что она мало похожа на первоначальную Десятинную церковь X вѣка. Въ Андреевской церкви не было службы, и я нашелъ тамъ только священника, человѣка довольно образованнаго, съ которымъ я бесѣдовалъ; онъ показывалъ мнѣ отличную картину работы Леонардо да Винчи, подаренную церкви строительницею оной Императрицею Елизаветою Петровною; за нее заплачено въ Италіи 300 т. руб. Я вернулся со своего церковнаго похода немного поздно и поторопился поѣхать прощаться со здѣшними властями; генералъ-губернаторъ былъ очень милостивъ, долго бесѣдовалъ со мною, и я долженъ былъ разсказать ему многое о Курляндіи и о томъ краѣ; онъ человѣкъ весьма умный, строгій правитель, и всѣ подвѣдомственныя ему губерніи дрожатъ передъ нимъ.

Изъ Житоміра.

3-го Іюня. Я всталъ въ 4 часа утра и выѣхалъ изъ Кіева въ 5, въ прекраснѣйшую погоду. Меня везли прекрасно, приключеній никакихъ не было, и я пролетѣлъ 150 верстъ со всѣми остановками и перепряжкою лошадей въ 13 часовъ и прибылъ сюда въ 7-мъ часу.

4-го Іюня. Сдѣлавъ визитъ губернатору, генералъ-маіору Каменскому, я, чтобы не терять времени и не надѣвать два раза мундира, отправился въ Приказъ, гдѣ меня вовсе не ожидали, и я засталъ ихъ врасплохъ. Обѣдалъ я дома, а вечеромъ ѣздилъ въ богоугодныя заведенія, которыя довольно далеко; по счастью ихъ здѣсь немного, и потому я надѣюсь и желаю кончить свои здѣшнія занятія скоро.

Житоміръ чисто жидовскій городъ, на 20.000 жителей едва 5.000 христіанъ; содержится онъ довольно неопрятно, какъ и всѣ мѣста, гдѣ живутъ евреи; ни въ городѣ, ни за городомъ нѣтъ гулянья или сада, однимъ словомъ, онъ не имѣетъ ничего привлекательнаго, и мнѣ весьма не нравится, такъ что я хочу какъ можно скорѣе бѣжать. Приказъ и богоугодныя заведенія содержатся также въ жидовскомъ вкусѣ, т. е. неопрятно.

5-го Іюня. Все утро провелъ я въ Приказѣ, и вернувшись оттуда въ 3-мъ часу, просидѣлъ дома до 8-ми; потомъ заходилъ къ прокурору, полтавскому знакомому, котораго не засталъ дома, и пошатался немного по городу. Здѣсь есть и театръ, въ которомъ теперь играютъ русскія и польскія пьесы; я проходилъ мимо него, но не чувствовалъ никакого искушенія взглянуть во внутрь. Въ другой разъ буду, можетъ быть, любопытнѣе.

6-го Іюня. Утромъ были у меня разные люди по дѣламъ и задержали меня. Я хотѣлъ видѣть обѣдъ въ богадѣльнѣ, но опоздалъ и пріѣхалъ, когда все было кончено. Впрочемъ, здѣсь всѣ богоугодныя заведенія такъ скверны, помѣщены въ ветхихъ, развалившихся и частію наемныхъ домахъ,—все это такъ бѣдно и скверно, что не стоитъ ревизовать. Все остальное время дня я сидѣлъ дома, а вечеромъ ходилъ гулять; передъ обѣдомъ я заѣзжалъ къ губернскому предводителю дворянства Бобру, но не засталъ его дома. Губернаторъ или прогнѣвался на меня за что-нибудь, или не намѣренъ быть со мною знакомымъ, потому что до сихъ поръ не былъ у меня и вовсе не приглашалъ къ себѣ.

7-го Іюня. Сегодняшній день прошелъ точно такъ же, какъ и прочіе, съ тою разницею, что я вечеромъ вышелъ поранѣе со двора съ тѣмъ, чтобы застать богадѣленный ужинъ. Богадѣльня находится за городомъ, версты 3 отъ моей квартиры; я пошелъ пѣшкомъ, но было еще жарко, и я раскаивался, что не взялъ извозчика; совершилъ, однако, благополучно свое путешествіе и былъ въ 8 ч. опять дома. Между тѣмъ былъ у меня губернскій предводитель дворянства и еще какой-то уѣздный; губернаторъ присылалъ также карточку съ письменнымъ и даже печатнымъ приглашеніемъ завтра на обѣдъ. Онъ, кажется, привыкъ здѣсь важничать, но со мною оно неумѣстно, потому что я ни въ какомъ отношеніи не завишу отъ него (скорѣе онъ отъ меня по возложенному на меня дѣлу), и въ случаѣ надобности я сумѣю поважничать. Я вовсе не притязателенъ до людей, не имѣющихъ лишнихъ претензій, но сколь скоро я вижу важничанье и неумѣстное подыманье носа, то и я упорствую и даже противодѣйствую. Каменскій—военный, а у многихъ изъ этихъ господъ считается неприличнымъ сдѣлать ви-

зитъ низшимъ ихъ чинамъ; при этомъ случаѣ я вспомнилъ негодованіе Каульбарса, что гр. Армфельдтъ возвратилъ визитъ сумасшедшему Уварову. A propos! куда этотъ человѣкъ дѣвался? По возвращеніи моемъ изъ Гельсингфорса освѣдомлялась у меня о немъ m-me Баратынская, которая очень знакома съ его матерью.

Только-что я вернулся домой, приходилъ ко мнѣ знакомиться сослуживецъ, который находится здѣсь уже 2 года по дѣламъ; онъ сказалъ мнѣ свою фамилію такъ невнятно, что я ее не разобралъ; сожалѣю, что не познакомился съ нимъ ранѣе; кажется, порядочный человѣкъ.

8-е Іюня. Собирался въ лютеранскую церковь, но былъ задержанъ и опоздалъ; вмѣсто того я отправился въ богоугодныя заведенія, чтобы застать обѣдъ, что̀ мнѣ и удалось. Въ Сиротскомъ домѣ пресмѣшные мальчики. Унтеръ-офицеръ, который за ними смотритъ, выучилъ ихъ кричать: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», когда ихъ навѣщаетъ губернаторъ, и они, не зная другого привѣтствія, награждаютъ имъ каждаго, кто приходитъ осматривать заведеніе, потому и мнѣ отдается та же почесть. Въ 4 часа я отправился на обѣдъ къ губернатору; онъ живетъ близёхонько отъ меня, и я пошелъ пѣшкомъ; у него обѣдаютъ гости каждое воскресенье, и сегодня было также человѣкъ 15, все чиновники военные и гражданскіе, изъ поляковъ одинъ губернскій предводитель дворянства. Живетъ онъ порядочно, но не en grand seigneur, прислуга плохая и нѣтъ аристократической опрятности и щегольства. Обѣдъ былъ посредственный. Она—милая молодая дама и отличается отъ прочихъ губернаторшъ тѣмъ, что вовсе не важничаетъ, не хвастаетъ и не распространяется о заслугахъ мужа. Каменскій также, повидимому, хорошій человѣкъ, но не вполнѣ знакомъ съ обычаями и условіями образованнаго общества.

9-е Іюня. Утромъ у меня былъ житомірскій предводитель дворянства съ однимъ изъ попечителей магазиновъ. Здѣсь выбираются въ эти должности матадоры, которые имѣютъ 1.000 и болѣе душъ, не то что саратовскіе попечители въ лѣтнихъ панталонахъ въ мартѣ мѣсяцѣ. По польскому обычаю осаждаютъ меня здѣсь визитами, даже такія лица, съ которыми я никакого не имѣю дѣла: таковъ польскій характеръ: они осыпаютъ каждаго, кто имѣетъ сколько-нибудь власти, ласками и аттенціями, а за стѣною нерѣдко интригуютъ и дѣйствуютъ противъ тѣхъ же лицъ. Передъ обѣдомъ былъ у меня членъ продовольственной комиссіи Бѣльскій и предложилъ мнѣ отобѣдать завтра вмѣстѣ у Мочульскаго; такое дружеское приглашеніе къ незнакомымъ людямъ показалось мнѣ страннымъ и неумѣстнымъ, и я далъ ему почувствовать, что Мочульскій былъ утромъ у меня и могъ бы меня самъ пригласить; но онъ присталъ, какъ банный листъ, и увѣрилъ

меня, что Мочульскій поручилъ ему пригласить меня; bon gré, mal gré надо было согласиться. Сегодня я обѣдалъ у непр. члена Приказа Новицкаго; судя по офиціальному тону его приглашенія, я думалъ застать у него большой званый обѣдъ; вмѣсто того не было ни души, и мы обѣдали вчетверомъ съ его женою и гувернанткою; обѣдъ былъ совершенно форменный съ венгерскимъ и шампанскимъ, и я не понимаю, почему онъ ограничился такимъ малымъ числомъ; по его словамъ онъ не видится ни съ кѣмъ и живетъ совершенно уединенно. Общество здѣсь, какъ и во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, разъединено: поляки отдѣлились отъ русскихъ, т. е. чиновниковъ, которые между собою живутъ также въ разладѣ, такъ что нѣтъ никакой Geselligkeit, и всѣ знакомы другъ съ другомъ только на визитахъ и офиціальныхъ приглашеніяхъ.

10-е Іюня. Сегодня было у меня опять нѣсколько визитовъ, все предводители дворянства и попечители магазиновъ, которые всѣ перепугались моего пріѣзда и осаждаютъ меня безпрестанно. Главная причина всѣхъ этихъ аттенцій та, что недавно состоялось Высочайшее повелѣніе, въ которомъ сказано, что если запасные магазины не будутъ наполнены хлѣбомъ, то всѣ эти господа будутъ преданы суду. Это на нихъ очень подѣйствовало. Мочульскій только-что выбранъ въ предводители и живетъ пока на бивакахъ; но обѣдъ былъ хорошъ; пропасть разныхъ ясновельможныхъ пановъ, которые всѣ были мнѣ поодиночкѣ представлены; въ винахъ не было недостатка и въ тостахъ тоже; съ меня начали, а потомъ пошло далѣе, никого изъ присутствовавшихъ не забыли. Здѣсь я дѣла свои кончилъ и уѣзжаю послѣзавтра; дорогою я осмотрю нѣсколько магазиновъ здѣшняго уѣзда. Я ѣду прямо въ Митаву, гдѣ надѣюсь быть около 25 числа, и прошу васъ продолжать писать мнѣ туда. Изъ Вильны я буду вамъ вѣроятно писать; отсюда до Митавы 1.060 верстъ; при моей привычкѣ ѣздить, это ни по чемъ, только бы тарантасъ выдержалъ. Прощайте.

---

4. Двѣ рѣчи К. К. Грота на дворянскихъ съѣздахъ 1855 и 1856 гг. [1])

I.

Милостивые государи,

Я считаю, что имѣю сегодня въ первый разъ честь привѣтствовать благородное Самарское Дворянство, хотя со времени моего управленія

---

[1]) Тексты ихъ—автографы К. К.—сохранились въ его бумагахъ.

Высочайше ввѣренной мнѣ Губерніей и былъ уже одинъ съѣздъ дворянъ, но онъ былъ такъ малочисленъ, такъ не полонъ и такъ кратковременъ, что заключалъ въ себѣ только немногихъ представителей Вашего сословія. Настоящіе выборы можно также въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать первыми, не взирая на то, что въ теченіе четырехлѣтняго существованія Губерніи они повторяются уже четвертый разъ; я называю ихъ первыми потому, что только въ недавнее время Государю Императору угодно было опредѣлить и расширить права Самарскаго Дворянства относительно выборовъ и предоставить ему выборъ изъ среды своей всѣхъ должностныхъ лицъ по судебной части и нѣкоторыхъ изъ блюстителей общественнаго порядка, а также лицъ по административному управленію помѣщичьими имѣньями. Права дворянства трехъ губерній, изъ которыхъ составилась Самарская губернія, были различны, а потому и первоначальные выборы по разнымъ уѣздамъ Самарской губ. не могли быть вездѣ одинаковы; одни и тѣже должности замѣщены въ однихъ уѣздахъ отъ дворянъ, въ другихъ отъ правительства. Въ настоящій съѣздъ предстоитъ Вамъ, Мм. Гг., установить въ этомъ отношеніи прочный и основанный на законоположеніяхъ порядокъ и избрать на всѣ предоставленныя замѣщенію дворянами должности лицъ изъ своей среды. Нужно ли мнѣ приглашать дворянство избирать лицъ заслуживающихъ общаго довѣрія, вполнѣ достойныхъ и опытныхъ и которыя бы могли раздѣлять со мной труды управленія? Я смѣю думать, что Самарское дворянство вполнѣ понимаетъ свои обязанности и имѣю тому доказательства въ теченіе полутора года моего управленія здѣшнимъ краемъ. Я имѣю уже прекрасныхъ и достойныхъ сотрудниковъ и вполнѣ увѣренъ, что буду ихъ имѣть и на будущее время. И можетъ ли быть иначе при настоящихъ обстоятельствахъ, можно ли ожидать, чтобы кто-либо изъ мирныхъ гражданъ отказался принести свою лепту на общественную пользу внутри государства, когда наши воины заняты отраженіемъ внѣшнихъ непріятелей, когда наши соотечественники проливаютъ кровь, ограждая нашу безопасность и спокойствіе, когда каждый вѣрноподданный не щадитъ ни силъ, ни трудовъ для защиты отечества и готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ изъ любви къ Царю и Престолу... и въ подобныя эпохи русское Дворянство во всѣ времена являло собою примѣръ самоотверженія и готовности нести всякія лишенія и пожертвованія на пользу отечества.

Самарское Дворянство представило уже доказательство своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, и — можно за него поручиться — въ случаѣ надобности явитъ новыя, еще болѣе блестящія тому доказательства...

II.

Милостивые Государи,

При последнемъ съѣздѣ Ваше благородное сословіе, повергнувъ къ стопамъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича отвѣтный отзывъ на извѣстный Вамъ Всемилостивѣйшій Манифестъ отъ 14 декабря, вмѣстѣ съ тѣмъ выразило всю вѣрноподданническую Вашу готовность при первомъ призывѣ Монарха жертвовать не только всѣмъ своимъ достояніемъ, но и отъ перваго до послѣдняго стать въ ряды воинства. При восшествіи на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича уполномоченный отъ всего Вашего сословія губернскій предводитель дворянства повторилъ изъявленіе Вашихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и подтвердилъ готовность Вашу на всякую жертву на пользу отечества.

Не взирая на двухлѣтнюю упорную и кровопролитную войну съ могучими западными державами, Россія стоитъ крѣпко и неколебимо. Матеріальныя ея средства велики, но еще тверже она своими силами нравственными, своимъ упованіемъ на Всевышняго, своею пламенною любовью къ отечеству и безпредѣльною преданностью къ Престолу. Россія далеко еще не въ томъ положеніи, чтобы имѣть надобность въ какомъ-нибудь постороннемъ пособіи. Не менѣе того, видя приготовленія къ войнѣ со стороны западныхъ державъ, блаженной памяти Государь Императоръ соизволилъ признать нужнымъ обнародовать Всемилостивѣйшій Манифестъ о государственномъ ополченіи. Это воззваніе перенесло насъ въ незабвенную для каждаго русскаго эпоху 1812 года и подтвердило употребленныя въ одномъ изъ Вашихъ всеподданнѣйшихъ донесеній слова: какова была Россія въ 1812 г., такова она и нынѣ. Да, это и дѣйствительно такъ, и неопровержимая эта истина проявилась въ настоящее время самымъ блестящимъ образомъ. Вѣсть о Манифестѣ и ополченіи разнеслась быстро по всей Россіи и была принята повсемѣстно съ единодушнымъ восторгомъ и готовностью. 18 губерній уже вполнѣ ополчились и ждутъ только слова Царя, чтобы стать въ стройные ряды и доказать свою доблесть на дѣлѣ. Остальныя губерніи и области, въ томъ числѣ и Самарская, ожидаютъ своей очереди и между тѣмъ дѣлаютъ всѣ нужныя къ ополченію приготовленія, дабы при первомъ мановеніи Государя исполнить свой священный долгъ. Но Высочайшая воля еще не выразилась, и потому неизвѣстно, потребуются ли отъ Самарской губерніи ратники. Что же Вамъ остается дѣлать въ этомъ ожиданіи? Можете ли Вы быть холодными

свидѣтелями того живого участія, которое принимаютъ всѣ сословія въ пользахъ и нуждахъ нашего воинства, можете ли Вы наконецъ не сочувствовать съ признательностью тому спокойному и, можно сказать, счастливому положенію, въ которомъ находится нашъ край вдали отъ театра войны и всѣхъ внѣшнихъ границъ?

Я успѣлъ уже узнать чувства и образъ мыслей благороднаго Вашего сословія, и знаю, что дѣйствія Ваши всегда равны Вашимъ словамъ, и потому рѣшаюсь смѣло отвѣтить за Васъ отрицательно на всѣ предложенные мною вопросы, и увѣренъ, что въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, Самарское дворянство сохранитъ то мѣсто, которое ему подобаетъ занимать.

---

5. Изъ переписки по дѣламъ раскола.

Донесенія К. К. Грота Г. И. д. Оренбургскаго и Самарскаго Генералъ-Губернатора.

I.

(6 авг. 1858 г.).

На предложеніе Вашего Превосходительства, отъ 27 Іюня сего года, за № 140, имѣю честь донести, что употребивъ въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1857 годъ, въ статьѣ о раскольникахъ, выраженіе: «всѣ принимаемыя до сихъ поръ мѣры къ ослабленію раскола остаются безъ успѣха и ведутъ только къ увеличенію переписки и злоупотребленій между низшими должностными лицами»,—я разумѣлъ во первыхъ, тѣ послабленія, которыя допускаются Земскими и Городскими Полиціями при производствѣ слѣдствій объ уклонившихся въ ересь, и неисполненіе постановленій Правительства, служащихъ къ ограниченію правъ раскольниковъ, и во 2-хъ предосудительныя дѣйствія сельскаго духовенства, на которомъ лежитъ обязанность предупреждать отпаденія отъ Св. Церкви.

Чиновники Земскихъ и Городскихъ Полицій, производящіе судъ и расправу надъ раскольниками, не имѣя достаточнаго понятія о расколахъ, не знаютъ, на что они должны при слѣдствіяхъ обратить особенное вниманіе, а потому и ограничиваются пустыми формальными вопросами, изъ отвѣтовъ на которые не только нельзя заключить о мѣрѣ преступности лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, но даже къ какой сектѣ они принадлежатъ. Это въ особенности часто случается при производствѣ слѣдствій надъ тѣми сектантами, которые стараются скрывать отпаденіе свое отъ Православной Церкви, какъ то: монтаны (молокане?)

скопцы, хлысты и т. п. и отпаденіе которыхъ можно узнать только по особой обстановкѣ въ ихъ домахъ и по вещамъ, употребляемымъ ими при моленіяхъ, какъ напримѣръ длинным особаго покроя рубашкамъ, повязкамъ и т. п. Открывъ только принадлежности ихъ моленій, можно обличить ихъ въ содержаніи секты.

При производствѣ такихъ слѣдствій, сектанты, видя, что слѣдователь самъ не знаетъ, чего онъ ищетъ, щедро платятъ ему, увѣряя, что они попали подъ слѣдствіе по наговору и по неудовольствію, какое имѣетъ на нихъ приходскій священникъ, которому они при сборахъ мало дали денегъ, и что они, принося ему благодарность, просятъ защитить ихъ передъ начальствомъ отъ напрасныхъ на нихъ наговоровъ и чтобы ихъ не водили по судамъ.

Чиновники, видя что они ходятъ въ Православную Церковь и что никакихъ наружныхъ знаковъ, обличающихъ ихъ въ содержаніи раскола не найдено, беретъ съ нихъ деньги съ полной увѣренностію, что если и другой пріѣдетъ разслѣдовать, то ничего не откроетъ.

Большая часть чиновниковъ Земскихъ и Городскихъ Полицій не получила никакого образованія, а потому чувство долга и справедливости въ нихъ мало развито.

Вслѣдствіе своей малограмотности они не понимаютъ всей важности распоряженій Правительства, клонящихся къ ослабленію раскола, а потому нисколько не заботятся объ исполненіи постановленій, ограничивающихъ права раскольниковъ, какъ то: запрещенія записываться въ купеческія гильдіи, переходить изъ одного общества въ другое, удаляться изъ мѣста жительства далѣе 30 верстъ, воспрещенія молоканамъ владѣть землями внѣ этого разстоянія отъ мѣста ихъ жительства, держать у себя въ услуженіи и въ работникахъ лицъ Православнаго исповѣданія.

На всѣ эти мѣры они смотрятъ, какъ на свои оборотныя статьи, съ которыхъ они получаютъ хорошій доходъ, и рѣдко могутъ быть уличены. Эти ограниченія и духовенству приносятъ также хорошій доходъ, въ особенности запрещеніе раскольникамъ записываться въ купеческія гильдіи.—Обязанность всякаго вносящаго капиталъ представить свидѣтельство въ непринадлежности его къ расколу—доставляетъ большія деньги духовенству, и при этомъ выдаются свидѣтельства и раскольникамъ.

Раскольники, высланные къ священникамъ для увѣщаній, откупаются отъ этихъ увѣщаній деньгами. Кто же не въ состояніи заплатить, тотъ живетъ извѣстное время у священника въ качествѣ работника, не получая за то никакой платы и не слушая никогда увѣщаній.

Всѣ эти послабленія, допускаемыя чиновниками Городскихъ и Земскихъ Полицій и духовенствомъ, влекутъ за собою тѣ слѣдствія, что всѣ мѣры принимаемыя Правительствомъ къ ослабленію раскола не препятствуютъ развитію онаго.

Но есть другого рода дѣйствія чиновниковъ Земскихъ и Городскихъ Полицій и духовенства, которыя не только не препятствуютъ, но содѣйствуютъ развитію раскола.

Такъ сельскіе священники, которымъ гораздо ближе, нежели чиновникамъ, извѣстенъ бытъ ихъ прихожанъ и потому хорошо извѣстны бываютъ даже всѣ сборища раскольниковъ и мѣста отправленія ихъ богослуженій, вмѣсто того, чтобы извѣщать объ этомъ гражданское начальство, берутъ съ раскольниковъ ежегодную плату, и на всѣ ихъ дѣйствія, служащія къ соблазну православныхъ, смотрятъ сквозь пальцы. Иногда же, не довольствуясь платимымъ имъ раскольниками оброкомъ, даютъ знать о сборищахъ ихъ Земскимъ Полиціямъ, но потомъ дѣлаютъ стачку съ слѣдователемъ, берутъ съ раскольниковъ деньги и дозволяютъ имъ продолжать ихъ сходбища.

Сельское духовенство, не обезпеченное со стороны Правительства жалованьемъ, дозволяетъ себѣ при совершеніи христіанскихъ требъ, въ особенности бракосочетанія, дѣлать поборы не сообразные съ состояніемъ обращающихся къ нимъ съ просьбами прихожанъ. Эти требованія иногда бываютъ такъ велики, что крестьяне не могутъ ихъ удовлетворить и потому обращаются къ раскольникамъ. Особенно возмутительныя сцены бываютъ при погребеніи, когда у бѣднаго крестьянина не достаетъ суммы требуемой священникомъ за совершеніе надъ покойникомъ обряда погребенія и когда священникъ приказываетъ зарыть покойника безъ отпѣванія, обѣщаясь отпѣть тогда, когда онъ принесетъ скорѣе требуемую имъ сумму.

Многіе лица въ тайнѣ содержащіе расколъ, не желая вѣнчаться по обряду Православной Церкви, но въ то же время желая сохранить за собою права и послѣдствія законнаго брака, получаютъ отъ священниковъ свидѣтельство въ томъ, что они повѣнчаны по обряду Православной Церкви, тогда какъ они въ дѣйствительности этого обряда не исполняли, а вѣнчались у своихъ бѣглыхъ священниковъ.

Вообще въ сельскомъ духовенствѣ, получившемъ ограниченное образованіе, замѣтно отсутствіе желанія и способности вникать въ сущность содержимой ихъ прихожанами ереси и пріискивать приличныя возраженія на ученіе сектантовъ. Они смотрятъ на раскольниковъ, какъ на вѣрныхъ своихъ данниковъ, и не стараются своею жизнію и дѣйствіями подавать хорошій примѣръ своимъ прихожанамъ.

К. Гротъ.

II.

(сент. 1859 г.).

Г. Исправляющій должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода сообщилъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что по всеподданнѣйшему моему отчету за 1858 г. о томъ, что священники по корыстолюбію, недостатку образованія и нуждѣ, не только не принимаютъ никакихъ мѣръ для привлеченія раскольниковъ къ Св. Церкви, но напротивъ того поддерживаютъ въ нихъ заблужденія и находятся съ ними въ тайныхъ связяхъ,—послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: «обратить на это особенное вниманіе Святѣйшаго Синода», и что Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ, для исполненія сего Высочайшаго повелѣнія, имѣть положительное указаніе, какъ на тѣ случаи, которые привели Самарское Губернское начальство къ столь невыгодному заключенію о тамошнемъ сельскомъ духовенствѣ, такъ въ особенности на тѣ лица духовнаго сословія, которыя навлекли на себя подозрѣніе въ тайныхъ связяхъ съ раскольниками и въ потворствѣ имъ изъ корыстныхъ видовъ.

Получивъ о вышеизложенномъ отношеніе д. т. с. Ланского и увѣдомляя меня объ этомъ, Ваше Высокопревосходительство, независимо требованія свѣдѣній по сему предмету отъ Управляющаго Самарскою губерніею кол. сов. Котляревскаго, предлагаете мнѣ отъ 9 сего Сентября за № 2112 доставить Вамъ, для сообщенія Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, положительныя объясненія по означеннымъ обстоятельствамъ.

Вслѣдствіе сего и въ дополненіе къ имѣющимся въ дѣлахъ Канцеляріи Вашего Высокопревосходительства подробнымъ моимъ донесеніямъ о вліяніи Самарскаго духовенства по расколу, я имѣю честь донести, что выраженное во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ за 1858 г. невыгодное заключеніе Самарскаго Губернскаго начальства о тамошнемъ духовенствѣ основано: а) на общественномъ мнѣніи, которое всего вѣрнѣе оцѣниваетъ заслуги и недостатки людей, подвизающихся на поприщѣ общественной дѣятельности; б) на откровенныхъ отзывахъ довѣренныхъ чиновниковъ, посылаемыхъ Губернскимъ начальствомъ для производства болѣе важныхъ раскольническихъ дѣлъ, которые встрѣчаютъ нерѣдко явное противодѣйствіе со стороны духовенства въ открытіи истины и получаютъ отъ священниковъ уклончивыя и пристрастныя объясненія, клонящіяся, смотря по обстоятельствамъ, къ оправданію и прикрытію главныхъ дѣятелей раскола или къ обвиненію такихъ раскольниковъ, которые не могутъ имѣть значительнаго вліянія на своихъ единомышленниковъ; в) на жалобахъ крестьянъ на непомѣрно высокую плату, назначаемую духовенствомъ

за отправленіе требъ и на отказы въ исполненіи оныхъ въ случаѣ неудовлетворенія сихъ преувеличенныхъ требованій,—что̀ въ рукахъ раскольниковъ составляетъ сильное орудіе для убѣжденія простолюдиновъ къ оставленію Православной Церкви и къ переходу въ расколъ; г) на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, что приходское духовенство допускаетъ иногда поборы и вымогательства за дозволеніе раскольникамъ хоронить умершихъ, крестить младенцевъ и совершать свадьбы по своимъ обрядамъ, а также за непосѣщеніе раскольниковъ со крестомъ въ извѣстные праздничные дни, за неоглашеніе тайныхъ собраній раскольниковъ, выдачу неправильныхъ свидѣтельствъ о принадлежности къ Св. Церкви и т. п.: д) на злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ, которыя духовенство и даже Консисторія допускаетъ при увѣщаніи раскольниковъ: такъ неоднократно было замѣчаемо, что священники, къ которымъ раскольники посылались на увѣщаніе, употребляютъ ихъ для домашней прислуги, нисколько не заботясь о спасеніи ихъ души; е) на разныхъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлахъ, къ которымъ прикосновенны лица духовнаго званія; ж) на отзывахъ благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ священниковъ, выражающихся съ негодованіемъ о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ и неприличномъ поведеніи съ раскольниками многихъ изъ ихъ собратьевъ; тоже самое подтверждаютъ и помѣщики, присовокупляя нерѣдко, что безъ раскольниковъ священникамъ иныхъ приходовъ нечѣмъ было бы жить, и наконецъ з) на замѣщеніи священническихъ должностей иногда людьми непользующимися никакимъ довѣріемъ въ обществѣ и даже дурного поведенія: такъ Николаевскаго уѣзда въ слободу Криволучье опредѣленъ въ прошломъ году въ тамошнюю Единовѣрческую церковь священникомъ Федоръ Таганцевъ, бывшій прежде сыщикомъ при чиновникахъ, производившихъ слѣдственныя дѣла о раскольникахъ и обладающій качествами иногда весьма полезными въ полицейской службѣ, но едва-ли совмѣстными съ духовнымъ саномъ.

За всѣмъ тѣмъ я считаю долгомъ упомянуть, что выраженныя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ обвиненія не могутъ относится ко всему духовному сословію ввѣренной мнѣ губерніи; напротивъ того, даже въ приходскомъ духовенствѣ есть лица, которыя держатъ себя вполнѣ прилично своему сану и исправляютъ исправно свои обязанности, но къ сожалѣнію, число такихъ лицъ незначительно. Нельзя также не упомянуть, что содержаніе нѣкоторыхъ священниковъ, особенно въ приходахъ, населенныхъ преимущественно раскольниками, такъ скудно, что нужда заставляетъ ихъ иногда обращаться къ противузаконнымъ дѣйствіямъ и тайнымъ связямъ съ раскольниками.

Благополучно царствующему Государю Императору благоугодно

было измѣнить образъ дѣйствія съ раскольниками, и гражданское начальство слѣдуетъ строго симъ Высочайшимъ предначертаніямъ; духовныя же лица, къ сожалѣнію, остаются при прежней системѣ безусловнаго притѣсненія раскольниковъ и дѣйствуютъ на нихъ по прежнему не мѣрами кротости и увѣщанія, а страхомъ наказанія и угрозами, забывая, что значеніе духовенства пріобрѣтается и поддерживается исключительно нравственнымъ путемъ, добрымъ примѣромъ, кротостью и терпимостью къ прихожанамъ

Что касается до указанія лицъ духовнаго сословія, которыя дѣйствуютъ изъ корыстолюбивыхъ видовъ, то я могъ бы назвать ихъ довольно много, но на первый разъ ограничусь указаніемъ Новоузенскаго уѣзда, въ которомъ всего чаще встрѣчаются неблаговидныя дѣйствія духовныхъ лицъ съ раскольниками и непомѣрно высокія требованія за отправленіе требъ. Во главѣ этихъ лицъ стоитъ благочинный г. Новоузенска Протоіерей Христофоръ Рождественскій, судившійся неоднократно за пристанодержательство бѣглыхъ, за причиненіе разнымъ лицамъ побоевъ и обидъ, за присвоеніе чужихъ лошадей, за взятіе у раскольника библіи, въ которой, по его отзыву, хранилось 300 р. с. и т. д. Сверхъ того Протоіерей Рождественскій замѣченъ неоднократно въ поборахъ съ православныхъ и раскольниковъ и въ злобномъ недоброжелательствѣ ко всѣмъ неповинующимся ему и неисполняющимъ его злонамѣренныхъ требованій.

Объ немъ Самарское Губернское начальство не разъ сносилось съ мѣстнымъ Епархіальнымъ Начальствомъ и сообщало Его Преосвященству разныя свѣдѣнія, доставленныя жандармскимъ штабъ-офицеромъ о неблаговидныхъ и притязательныхъ дѣйствіяхъ Рождественскаго, но распоряженій по сему предмету не послѣдовало, и онъ остается по сіе время благочиннымъ г. Новоузенска къ общему соблазну и вреду.

Доводя обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, я имѣю честь покорнѣйше просить не отказать въ начальническомъ вашемъ содѣйствіи, дабы протоіерей Рождественскій былъ удаленъ изъ Новоузенскаго уѣзда, въ которомъ, какъ въ отдаленномъ и наполненномъ раскольниками мѣстѣ, настоитъ наибольшая необходимость въ духовныхъ лицахъ благонамѣренныхъ и пользующихся уваженіемъ. Присутствіе же такого безнравственнаго лица, каковъ Рождественскій, дѣйствуетъ вредно на все прочее духовенство и даетъ народу дурное понятіе о православномъ духовенствѣ и силѣ Правительства въ дѣлахъ, касающихся религіи.

Подписалъ Гражданскій Губернаторъ

К. Гротъ.

---

6. Изъ переписки съ Попечителемъ Казанскаго учебнаго округа [1]).

I.

(4 авг. 1858).

Милостивый Государь,
Θеодосій Θедоровичъ.

Хотя по закону мнѣ не предоставлено прямого вліянія на учебную часть, но имѣя убѣжденіе, что умственное и нравственное образованіе, приспособленное къ потребностямъ и положенію различныхъ классовъ нашего населенія, есть вѣроятно единственное средство къ введенію порядка и благоустройства въ Россіи вообще, а тѣмъ болѣе во ввѣренномъ мнѣ отдаленномъ краѣ,—я желалъ бы предоставить всѣ зависящія отъ меня средства къ лучшему устройству существующихъ учебныхъ заведеній и къ открытію оныхъ вновь, но къ сожалѣнію не всегда встрѣчалъ должное содѣйствіе, или лучше сказать рѣдко нахожу случай оказывать свое содѣйствіе въ дѣлѣ образованія.

Исправляющій должность Директора училищъ Самарской губерніи коллежскій совѣтникъ Пономаревъ оставилъ уже службу, а вновь по сіе время никто не назначенъ на это мѣсто. Это побуждаетъ меня покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, оказать обязательное Ваше содѣйствіе къ скорѣйшему опредѣленію Директора училищъ во ввѣренной мнѣ губерніи, и я не могу не выразить при этомъ желанія, чтобы былъ назначенъ педагогъ вполнѣ свѣдущій и опытный, который могъ бы дѣйствовать съ полною энергіею и знаніемъ дѣла въ краѣ юномъ во всѣхъ отношеніяхъ и особенно на поприщѣ образованія.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности. Покорнѣйшій слуга

К. Гротъ [2]).

---

[1]) Θ. Θ. Веселаго.

[2]) Попечитель Θ. Θ. Веселаго въ своемъ отвѣтѣ искренне благодаритъ К. К., „за то живое участіе, которое Вы принимаете въ положеніи Гимназіи“. „Ваше милостивое вниманіе, пишетъ онъ, къ учебнымъ заведеніямъ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій ихъ благосостоянія“. Онъ сообщаетъ о назначеніи новаго Директора училищъ—опытнаго педагога и прекраснаго человѣка (г. Ангермана).

II.

(кон. авг. 1858).

Милостивый Государь,
Θеодосій Θедоровичъ.

Недостатокъ образованія между женщинами низшаго класса здѣшняго населенія, указалъ мнѣ на необходимость учрежденія въ г. Самарѣ женскаго приходскаго училища. Въ этихъ видахъ я склонилъ здѣшнее городское общество опредѣлить на этотъ предметъ ежегодное пожертвованіе въ 700 руб. сер. изъ собственныхъ средствъ и въ маѣ мѣсяцѣ отослалъ бывшему Директору училищъ, коллежскому совѣтнику Пономареву, эту сумму на содержаніе женскаго приходскаго училища въ настоящемъ году, прося его увѣдомить меня, когда и въ какомъ видѣ онъ предполагаетъ открыть это учебное заведеніе.

Вслѣдствіе сего г. Пономаревъ отъ 10-го минувшаго іюня, препроводивъ ко мнѣ утвержденную г. Попечителемъ Округа смѣту расхода и программу преподаванія, отозвался, что онъ предполагаетъ открыть женское училище 1-го сего августа.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ была нанята при моемъ содѣйствіи квартира для училища, почему, видя приближеніе 1-го августа, я неоднократно освѣдомлялся о томъ, готова ли мебель и учебныя принадлежности, и призывалъ даже къ себѣ Смотрителя училищъ, но, не получая положительнаго отвѣта, былъ принужденъ въ первыхъ числахъ августа уѣхать въ уѣздъ, не открывъ училища.

17-го сего августа я вернулся въ Самару и на другой день опять освѣдомился о положеніи дѣла о женскомъ приходскомъ училищѣ, и получилъ отзывъ, что все приготовлено къ его открытію. Я желалъ удостовѣриться въ этомъ лично и, къ сожалѣнію, не нашелъ въ нанятой для училища квартирѣ ни учебныхъ скамеекъ и книгъ, ни другихъ принадлежностей училища, и затѣмъ не вижу опять возможности оное открыть.

Такое отсутствіе всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго училищнаго вѣдомства къ увеличенію числа учебныхъ заведеній во ввѣренной мнѣ губерніи вынуждаетъ меня обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать зависящее отъ Васъ по сему предмету распоряженіе и почтить меня о послѣдующемъ увѣдомленіемъ.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Покорнѣйшій слуга

К. Гротъ.

---

7. Переписка (конфиденціальная) о заподозрѣнномъ женскомъ училищѣ крестьянки А. Гавришевой.

Милостивый Государь,
Константинъ Карловичъ,

Въ Покровской слободѣ, Самарской губерніи, недалеко отъ Саратова, на Волгѣ, обучаются у тамошней государственной крестьянки, Авдотьи Ивановой Гавришевой до 60-ти крестьянскихъ дѣвочекъ, между тѣмъ какъ лѣтъ шесть назадъ въ Покровской школѣ обучалось всего 18 ученицъ.

Желая имѣть достовѣрныя свѣдѣнія какъ о самой Гавришевой, такъ и о причинахъ быстраго увеличенія ея воспитанницъ, обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою приказать дознать негласно, на мѣстѣ, и мнѣ сообщить объ образѣ жизни Гавришевой, составѣ ея семейства, средствахъ существованія, а также не причастна ли она расколу, и небыла ли прежде келейницею, давно ли и на какихъ правилахъ занимается обученіемъ дѣтей и къ какому вѣдомству принадлежатъ находящіяся у нея ученицы.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Михаилъ Муравьевъ.

29 іюня 1858 г.

Милостивый Государь,
Михаилъ Николаевичъ,

На письмо, отъ 29 прошлаго іюня за № 685, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопрев-ство, что хотя я и не имѣю полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состоящемъ въ Покровской слободѣ, Новоузенскаго уѣзда, женскомъ училищѣ, по мнѣ извѣстно, что содержательница онаго Гавришева, сестра тамошняго зажиточнаго крестьянина Зори, никогда не была келейницей и не состояла въ расколѣ, такъ какъ въ Покровской Слободѣ живутъ все малороссіяне, изъ которыхъ ни одинъ не принадлежитъ къ расколу. Почти всѣ состоящія въ этомъ училищѣ дѣвочки принадлежатъ къ Покровской Слободѣ и обучаются у Гавришевой грамотѣ, письму и въ особенности рукодѣлію; увеличеніе же числа ученицъ нисколько не удивительно по значительному населенію сей Слободы и развивающемуся постоянно между крестьянами, а особенно малороссіянами, стремленію къ ученію. Во всякомъ случаѣ я могу за-

вѣрить Ваше Высокопрев-ство, что въ этомъ ученіи не заключается ничего вреднаго, я въ скоромъ времени предполагаю быть въ Покровской Слободѣ и тогда буду имѣть честь сообщить Вамъ болѣе подробныя свѣдѣнія по сему предмету.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

К. Гротъ.

17 іюля 1858 г.

Г. Младшему Чиновнику особыхъ при мнѣ порученій Алашееву.

Въ слободѣ Покровской, Новоузенскаго уѣзда, у тамошней государственной крестьянки Авдотьи Ивановой Гавришевой обучаются, какъ видно изъ имѣющихся у меня свѣдѣній, до 60-ти крестьянскихъ дѣвочекъ, между тѣмъ какъ лѣтъ 6 назадъ въ Покровской школѣ обучалось всего 18 ученицъ.

По встрѣтившейся надобности имѣть достовѣрныя свѣдѣнія какъ о самой Гавришевой, такъ и о причинахъ быстраго увеличенія ея воспитанницъ, я поручаю Вашему Благородію, во время бытности Вашей въ Покровской слободѣ по имѣющимся у Васъ на порученіи дѣламъ, дознать негласно и мнѣ, въ непродолжительномъ времени, донести объ образѣ жизни Гавришевой, составѣ ея семейства, средствахъ существованія, а также не причастна ли она расколу, и не была ли прежде келейницею, давно ли и на какихъ правилахъ занимается обученіемъ дѣтей и къ какому вѣдомству принадлежатъ находящіяся у нея ученицы.

Губернаторъ
К. Гротъ.

2 августа 1858.
№ 1065.

Его Превосходительству
Господину Начальнику Самарской губерніи.

Младшаго Чиновника Особыхъ
Порученій Алашеева.

РАПОРТЪ.

Ваше Превосходительство предписаніемъ отъ 2 сего августа за № 1065, поручить мнѣ изволили, во время бытности моей въ слободѣ Покровской, дознать негласно о причинахъ быстраго увеличенія вос-

питанницъ въ Покровской женской школѣ, также и о самой воспитательницѣ дѣвочекъ—крестьянкѣ Авдотьѣ Гавришевой. Во исполненіе сего имѣю честь почтительнѣйше донести Вашему Превосходительству.

Занимающаяся ученіемъ крестьянскихъ дѣвочекъ Авдотья Иванова Гавришева, женщина уже зрѣлыхъ лѣтъ, состоитъ въ замужествѣ за государст. крестьяниномъ слободы Покровской Гавришевымъ и имѣетъ отъ брака дѣтей. Въ слободѣ они имѣютъ свой домъ и мужъ ея занимается торговлей и считается довольно зажиточнымъ. Объ образѣ жизни ихъ ничего дурного не слышно; точно какъ и до замужества она, находясь въ домѣ отца своего крестьянина Ивана Зори, человѣка умнаго, набожнаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ волостнымъ головою, не была келейницею и не принадлежала къ расколу; въ настоящее же время въ обученіи дѣтей она постоянно руководится мѣстнымъ священникомъ Цибулевскимъ.

При неоднократныхъ посѣщеніяхъ моихъ женскаго училища, я замѣтилъ стараніе Гавришевой не только собственно въ обученіи дѣтей грамотѣ, но и въ пріученіи ихъ къ опрятности; къ занятіямъ своимъ она поощряется вниманіемъ начальства, въ особенности господина Вице-инспектора Лѣсного вѣдомства Генералъ-маіора Половцева, по выбору котораго она съ 1854-го года и заняла это мѣсто.

Число ученицъ въ школѣ не постоянно одинаково, зимою ихъ бываетъ болѣе, лѣтомъ же многіе изъ нихъ занимаются домашними работами. Въ настоящее время въ училищѣ 45 ученицъ: такъ какъ поступленіе ихъ не одновременно, то и успѣхи ихъ различны: лучшія порядочно читаютъ гражданскую и церковную печать и порядочно пишутъ; всѣ онѣ знаютъ по нѣскольку молитвъ, и въ нихъ видна охота къ ученію и соревнованіе. При обзорѣ училища нельзя не замѣтить недостатка книгъ для читающихъ, такъ что я видѣлъ одну дѣвочку, читавшую принесенную ею изъ дома книгу, переводъ соч. Мильтона «Потерянный рай». Воспитанницы принадлежатъ вѣдомству Государственныхъ Имуществъ и изъ числа ихъ есть нѣсколько сиротъ, содержимыхъ на общественный счетъ. За обученіе Гавришева получаетъ въ годъ 75 руб. сер.

Что же касается до быстраго увеличенія воспитанницъ, то это должно, кажется, приписать къ сознанію родителей учащихся, что замѣтно и въ Покровскомъ сельскомъ училищѣ для мальчиковъ. Чиновникъ Особыхъ Порученій

Алашеевъ.

27 августа 1858 года.
Слоб. Покровская.

Милостивый Государь,
Михаилъ Николаевичъ [1]),

Изъ собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній о содержательницѣ женскаго училища въ Покровской слободѣ, Новоузенскаго уѣзда, тамошней государственной крестьянкѣ Авдотьи Гавришевой видно, что Гавришева состоитъ въ замужествѣ за государственнымъ крестьяниномъ слободы Покровской Гавришевымъ, имѣетъ отъ этого брака дѣтей, свой домъ, и мужъ ея, занимаясь торговлею, считается зажиточнымъ крестьяниномъ. Въ званіе Наставницы означеннаго училища Гавришева, по выбору г. Вице-инспектора лѣсного вѣдомства Половцева, поступила съ 1854 г. и ежегодно получаетъ, за обученіе дѣвочекъ, 75 р. с. Въ училищѣ этомъ число учеництъ не постоянно одинаково, зимою ихъ бываетъ болѣе, лѣтомъ же многіе изъ нихъ занимаются домашними работами. Въ настоящее время въ училищѣ 45 ученицъ, которыя принадлежатъ вѣдомству Государственныхъ Имуществъ; между ними есть нѣсколько сиротъ, содержимыхъ на общественный счетъ; въ обученіи дѣтей Гавришева постоянно руководится мѣстнымъ священникомъ Цибулевскимъ; лучшія изъ ученицъ порядочно читаютъ и пишутъ, всѣ же онѣ знаютъ по нѣсколько молитвъ и въ нихъ видна охота къ ученію. Къ сожалѣнію въ училищѣ этомъ замѣтенъ недостатокъ въ книгахъ для желающихъ читать, такъ что одна дѣвочка, при посѣщеніи училища, читала принесенный ею изъ дома переводъ соч. Мильтона «Потерянный рай».

Увеличеніе же числа ученицъ въ Покровскомъ училищѣ, какъ я уже имѣлъ честь сообщать Вашему Высокопревосходительству, зависитъ отъ постоянно развивающагося между крестьянами сознанія въ пользѣ ученія и отъ старательнаго исполненія Гавришевою своихъ обязанностей не только относительно обученія дѣвочекъ, но и пріученія ихъ къ опрятности.

Сообщая о вышеизложенномъ Вашему Высокопревосходительству, въ дополненіе къ письму моему отъ 17 прошлаго іюля за № 960, я имѣю честь присовокупить, что о недостаткѣ въ книгахъ для чтенія въ Покровскомъ женскомъ училищѣ я, вмѣстѣ съ симъ, сообщилъ на распоряженіе Исправляющаго должность Управляющаго Самарскою Палатою Государственныхъ Имуществъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

К. Гротъ.

9 сентября 1858 г.

---

[1]) М. Н. Муравьевъ.

Господину Исправляющему должность Управляющаго Самарскою Палатою Государственныхъ Имуществъ.

Изъ имѣющихся у меня свѣдѣній видно, что существующее въ слободѣ Покровской, Новоузенскаго уѣзда, женское училище постоянно возрастаетъ числомъ ученицъ, что должно отнести частію къ постоянно развивающемуся между поселянами сознанію въ пользѣ ученія, частію же къ заботливости и старанію наставницы сего училища, государственной крестьянки той же слободы Авдотьи Гавришевой не только объ обученіи ввѣренныхъ ея воспитанію дѣвочекъ, но и о пріученіи ихъ къ опрятности. Къ сожалѣнію въ училищѣ этомъ замѣтенъ недостатокъ въ книгахъ для начинающихъ читать, такъ что, при обзорѣ сего училища въ настоящемъ году, одна изъ дѣвочекъ читала, за недостаткомъ другихъ книгъ, принесенный ею изъ дома переводъ соч. Мильтона «Потерянный рай».

Сообщая о таковомъ недостаткѣ книгъ для чтенія въ Покровскомъ женскомъ училищѣ, на распоряженіе Вашего Высокоблагородія, я покорнѣйше прошу Васъ о послѣдующемъ меня увѣдомить.

Гражданскій Губернаторъ

К. Гротъ.

9 сентября 1858 г.

Господину Самарскому Гражданскому Губернатору.

На предложеніе Вашего Превосходительства отъ 9 сего сентября за № 6978 Самарская Палата Государственныхъ Имуществъ имѣетъ честь донести, что книгъ для сельскихъ училищъ Новоузенскаго округа, при предписаніи Палаты отъ 4 минувшаго іюня за № 11182, отослано къ Новоузенскому Окружному Начальнику для разсылки въ сельскія училища, въ его округѣ находящіяся, всего 765 экземпляровъ, въ томъ числѣ 106 экземпляровъ книгъ для чтенія учащихся, при чемъ бывшій Управляющій Палатою предписалъ Окружному Начальнику снабдить преимущественно тѣми книгами четыре вновь открытыя въ Новоузенскомъ округѣ училища и именно: 2 е Покровское, Нижнеерусланское, Старо-Полтавское и Мироновское, и не имѣя свѣдѣній, въ какой мѣрѣ исполнено Окружнымъ Начальникомъ предписаніе это, Палата вмѣстѣ съ симъ затребовала отъ него о семъ свѣдѣнія. При чемъ долгомъ считаетъ присовокупить Вашему Превосходительству, что

по выпискѣ вновь книгъ, которые въ скоромъ времени будутъ выписываться, Палата преимущественно обратитъ вниманіе на 2-е Покровское и прочія женскія училища.

---

8. Письма къ К. К. Гроту его сослуживцевъ при разставаніи его съ Самарой.

I.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Константинъ Карловичъ,

Каждый хранитъ, какъ святыню, память о свѣтлыхъ минутахъ въ жизни. Въ нашей жизни, конечно, самое отрадное, самое свѣтлое время то, когда мы имѣли счастіе служить подъ начальствомъ Вашего Превосходительства: мы хранимъ объ этомъ самое живое воспоминаніе, а потому не могли лишить себя удовольствія и собраться сегодня и вспомнить прошлое, когда мы проводили этотъ день въ присутствіи Вашемъ и лично высказывали наши искренніе желанія Вамъ всего лучшаго въ жизни.

Теперь мы лишены этого счастія, но желанія наши все тѣ же, кромѣ одного новаго -видѣть Васъ скорѣе въ нашей средѣ.

Мы убѣждены, что Вы принимаете нашу преданность, и потому рѣшились представить Вамъ портреты людей, проникнутыхъ къ Вамъ глубочайшимъ уваженіемъ,

съ которымъ они имѣютъ честь быть
Вашего Превосходительства
покорнѣйшими слугами

Сергѣй Алашеевъ.
Аркадій Дробязгинъ.
Александръ Пассонъ.
Дмитрій Кузьминъ.
Михаилъ Суровцовъ.
Сергѣй Тверитиновъ.

21-го Мая 1860 года.
Самара.

II.

Ваше Превосходительство

Константинъ Карловичъ,

Мы имѣли счастіе получить новый знакъ Вашего вниманія—лестное письмо Ваше и портреты. Двоякое чувство было въ насъ при чтеніи письма — радостное, что Вы насъ помните, приняли нашу любовь къ Вамъ и такъ горячо отвѣтили на нее, и грустное, что Васъ всетаки нѣтъ въ Самарѣ и мы такъ далеко отъ Васъ. Да, Ваше Превосходительство, намъ остается только уже надѣяться и мечтать, что Провидѣніе, отнявшее Васъ такъ неожиданно, когда-нибудь насъ соберетъ къ Вамъ, любимому и глубокоуважаемому нами Начальнику.

При первой возможности, каждый изъ насъ за счастіе почтетъ исполнить лестное для насъ желаніе Вашего Правосходительства—представить Вамъ наши фотографическіе снимки.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣемъ честь быть

Вашего Превосходительства

покорнѣйшими слугами

Сергѣй Алашеевъ.
Сергѣй Тверитиновъ.
Д. Кузьминъ.
Александръ Пассонъ.
Аркадій Дробязгинъ.

20 Іюня 1860 года.
Самара.

---

9. Опредѣленіе Самарскаго купечества и мѣщанства.

1864 года Апрѣля 9 дня мы нижеподписавшіеся города Самары купцы и мѣщане въ числѣ 225 человѣкъ на общественномъ городскомъ собраніи имѣли сужденіе о бывшемъ Начальникѣ Самарской губерніи нынѣ Тайномъ Совѣтникѣ и Статсъ-Секретарѣ Его Императорскаго Величества Константинѣ Карловичѣ Гротѣ, который во время семилѣтняго съ Іюля 1853 по 1 Января 1861 года управленія Самарскою губерніею неутомимою своею дѣятельностью развилъ сознательно намъ всѣ отрасли внутренняго городскаго хозяйства. При вступленіи его въ должность, городъ Самара, по недавнему преобразованію его

изъ уѣзднаго въ губернскій городъ, требовалъ особенной заботливости и попеченія, а городскіе доходы, не превышавшіе въ то время 20 т. руб., въ виду предстоявшихъ расходовъ, требовали неотложнаго увеличенія оныхъ; но Тайный Совѣтникъ Гротъ, несмотря на всѣ затрудненія, правильными распоряженіями своими привелъ въ нормальный порядокъ внѣшнее благоустройство города, улучшивъ пожарную часть и безъ обремененія насъ усилилъ городскіе доходы, кои въ 1860 году составляли уже болѣе 38 т. руб., а запасный капиталъ, не превышавшій въ 1853 году 50 т. руб.,—къ 1861 году достигъ до 90 т. рублей. Не менѣе того, особенное вниманіе и дѣятельность Константина Карловича обращены были на развитіе торговой промышленности и на образованіе дѣтей нашихъ, и его заботливости обязаны мы открытіемъ въ нашемъ городѣ общественнаго Банка, женской гимназіи съ пріобрѣтеніемъ для нея каменнаго помѣстительнаго дома и двухъ приходскихъ женскихъ училищъ. Вполнѣ сознавая благоразумную дѣятельность Его Превосходительства при управленіи Самарскою губерніею и особенную заботливость его о благоустройствѣ города Самары, — и желая выразить искреннюю нашу признательность за это, мы съ общаго согласія и единодушно изъявляемъ желаніе имѣть Константина Карловича во главѣ нашего городскаго Общества, именуя его, какъ благоразумнаго и просвѣщеннаго дѣятеля, *первымъ и почетнымъ гражданиномъ* города Самары, со внесеніемъ имени его въ особую книгу. Почему опредѣлили: Приговоръ сей утвердивъ подписомъ нашимъ и представивъ оный чрезъ Городскаго Голову къ Господину Начальнику Самарской губерніи, просить ходатайства Его Превосходительства о дозволеніи намъ принять бывшаго Начальника Самарской губерніи Тайнаго Совѣтника Статсъ-Секретаря Константина Карловича Грота первымъ и почетнымъ гражданиномъ города Самары со внесеніемъ имени его въ особую книгу.

---

10. Всеподданнѣйшій Докладъ Статсъ-Секретаря Грота по участію его въ тюремномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ (1878 г.).

«Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ отправиться въ г. Стокгольмъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ Русскаго Правительства для участія въ засѣданіяхъ международнаго тюремнаго конгресса.

Конгрессъ этотъ имѣлъ цѣлію, подобно бывшему въ Лондонѣ въ

1872 году первому тюремному конгрессу, изысканіе способовъ для предупрежденія и уменьшенія преступленій. Международная комиссія, распоряжавшаяся устройствомъ Стокгольмскаго конгресса, желая ему придать характеръ болѣе практическій и избѣжать праздныхъ и неидущихъ къ дѣлу разсужденій, приняла всѣ мѣры къ заблаговременному приготовленію программы вопросовъ всеобщаго интереса, озаботилась предварительною ихъ разработкою и составила правила его засѣданій.

Общее число членовъ Стокгольмскаго конгресса простиралось до 250; офиціальные же уполномоченные были присланы: отъ Австро-Венгріи, Аргентинской республики, Бельгіи, Бразиліи, Германіи, Голландіи, Греціи, Даніи, Испаніи, Италіи, Новой Зеландіи, Норвегіи, Россіи, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Швеціи и Швейцаріи.

По принятому на международныхъ конгрессахъ обычаю избирать въ предсѣдатели одного изъ высшихъ сановниковъ той страны, гдѣ конгрессъ собирается, былъ выбранъ въ предсѣдатели Стокгольмскаго тюремнаго конгресса министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи и Норвегіи генералъ Бьерништерна, а я удостоился чести быть избраннымъ въ первые вице-предсѣдатели и занималъ все время предсѣдательское кресло въ общихъ собраніяхъ, такъ какъ генералъ Бьерништерна присутствовалъ только при открытіи и закрытіи засѣданій конгресса.

Не смѣю утруждать Ваше Императорское Величество подробнымъ изложеніемъ всего хода занятій Стокгольмскаго конгресса, но считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить о тѣхъ изъ заключеній конгресса, которыя имѣютъ ближайшую связь съ предпринятою у насъ, по волѣ Вашего Величества, тюремною реформою и могутъ нѣсколько освѣтить намъ путь для постепеннаго улучшенія безотраднаго положенія, въ какомъ находятся наши карательныя учрежденія.

Начну съ вопроса, который имѣетъ для насъ живой и современный интересъ, съ вопроса о томъ, необходимо ли одно центральное на все государство тюремное управленіе, какова должна быть его задача и должно ли оно распространять свою дѣятельность какъ на всѣ вообще карательныя учрежденія, такъ и на частныя и общественныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Послѣ всесторонняго обсужденія сего предмета конгрессъ пришелъ къ заключенію, что не только полезно, но даже необходимо, чтобы въ государствѣ былъ одинъ центральный органъ для руководства и наблюденія за всѣми безъ изъятія мѣстами заключенія, а также за учрежденіями, устроенными для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Это заключеніе Стокгольмскаго тюремнаго конгресса, принятое единогласно и практиками, и представителями науки, можно сказать, всѣхъ странъ свѣта, служитъ достаточнымъ ручательствомъ правильности

такого воззрѣнія на порядокъ завѣдыванія карательными учрежденіями. Такой порядокъ введенъ уже въ дѣйствіе почти во всѣхъ странахъ, а государства, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, завѣдываніе тюрьмами находится еще въ разныхъ вѣдомствахъ, усердно заботятся о прекращеніи такого ненормальнаго порядка вещей. По нашему законодательству, высшее завѣдываніе мѣстами заключенія принадлежитъ Министерствамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и III Отдѣленію Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ губерніяхъ они вѣдаются губернаторами, губернскими правленіями и тюремными комитетами; сверхъ того начальники жандармскихъ губернскихъ управленій имѣютъ право посѣщать тюрьмы и входить въ положеніе арестантовъ; тамъ же, гдѣ содержатся и военные арестанты, такое же право предоставлено и военнымъ начальникамъ. Этотъ, самъ по себѣ, сложный порядокъ съ теченіемъ времени еще усложнился вслѣдствіе допущенныхъ въ немъ частныхъ измѣненій, клонившихся къ явному нарушенію законодательства. Такъ С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія переданъ въ завѣдываніе особаго наблюдательнаго комитета и градоначальника, каторжныя тюрьмы управляются губернскими правленіями, съ устраненіемъ въ томъ и другомъ случаѣ тюремныхъ комитетовъ, и т. д.

Такая многосложность и разнообразіе въ нашемъ тюремномъ управленіи и неопредѣленность въ отношеніяхъ между вѣдомствами и лицами, участвующими въ завѣдываніи мѣстами заключенія, не только лишаютъ управленіе единства въ дѣйствіяхъ и самостоятельности, но даже ведутъ къ важнымъ безпорядкамъ и неустройствамъ внутри тюремъ, къ побѣгамъ арестантовъ и полной безнаказанности преступленій. Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что безпорядки, произведенные въ прошедшемъ году въ С.-Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія слѣдственными арестантами, произошли, какъ обнаружено произведеннымъ по повелѣнію Вашего Величества дознаніемъ, главнымъ образомъ отъ недостатка правильныхъ распоряженій, отъ неопытности и слабости администраціи.

Такое положеніе вещей прямо указываетъ на необходимость прежде всего придать нашему тюремному управленію болѣе единства и самостоятельности и образовать съ этою цѣлію особый центральный органъ, который вѣдалъ бы всѣми безъ изъятія карательными учрежденіями гражданскаго вѣдомства, направлялъ дѣйствія мѣстныхъ органовъ, несъ всю отвѣтственность за правильное веденіе дѣла и состоялъ въ зависимости одного только Министерства. Само собою разумѣется, что при этомъ остаются неприкосновенными права и обязанности судебнаго

и другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ непосредственныя отношенія къ арестантамъ по производящимся о нихъ дѣламъ. Состоящая при Государственномъ Совѣтѣ Высочайше учрежденная Комиссія по тюремному преобразованію выработала уже въ помянутомъ смыслѣ свои предположенія объ образованіи центральнаго тюремнаго управленія, съ тѣмъ, чтобы во главѣ онаго стоялъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, и надѣется въ скоромъ времени внести предположенія свои на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Вопросъ, обсуждаемый также на конгрессѣ и который равномѣрно имѣетъ для насъ значеніе, состоялъ въ томъ, можно ли ожидать пользы для тюремнаго дѣла отъ учрежденія особыхъ школъ для подготовки тюремныхъ надзирателей и надзирательницъ, и какіе опыты были сдѣланы до сихъ поръ въ этомъ отношеніи. По этому предмету конгрессъ выразилъ мнѣніе, «что предварительно опредѣленія тюремныхъ надзирателей на эту должность, необходимо ихъ обучать теоретически и практически. Кромѣ того, чтобы имѣть хорошихъ тюремныхъ надзирателей необходимо назначать имъ достаточное содержаніе и обезпечить имъ упроченное положеніе, такъ какъ только такія условія могутъ привлекать на эти должности людей знающихъ и достойныхъ».

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ и поддержанъ главнѣйше представителемъ Италіи, гдѣ тѣ школы существуютъ и даютъ, по отзыву ея представителя, самые удовлетворительные результаты. Но Италія до сихъ поръ единственная страна, гдѣ это дѣло ведется вполнѣ правильно; въ прочихъ государствахъ, хотя лица предназначаемыя въ тюремные надзиратели и подготовляются къ этой должности, но болѣе посредствомъ практическихъ пріемовъ въ самыхъ тюрьмахъ, безъ теоретическаго обученія. У насъ по сіе время вся тюремная администрація состоитъ изъ людей, не только не приготовленныхъ спеціально для тюремной службы, но даже большею частію безъ надлежащаго общаго образованія; при такихъ условіяхъ начинать образовывать тюремный персоналъ съ низшихъ ступеней т. е. съ тюремныхъ надзирателей, едва-ли было бы раціонально. Намъ, по примѣру другихъ государствъ, нужно прежде всего озаботиться, чтобы должности мѣстныхъ тюремныхъ распорядителей были замѣщены лицами, изучившими тюремное дѣло и теоретически и практически; иначе мы рискуемъ, что вся тюремная реформа у насъ не осуществится и произойдетъ лишь на бумагѣ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ положеніи у насъ тюремнаго дѣла, практическое изученіе тюремной службы въ Россіи представляется невозможнымъ, — необходимо посылать предназначенныхъ для того людей за границу. Въ этихъ видахъ командировано недавно

въ разныя иностранныя государства по одному чиновнику отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи; но это недостаточно и во всякомъ случаѣ слѣдовало бы усилить мѣры къ приготовленію и иными способами свѣдущихъ тюремныхъ чиновниковъ, съ тѣмъ, чтобы тюрьмы, устроенныя на новыхъ началахъ, не остались въ неопытныхъ и неумѣлыхъ рукахъ.

Въ случаѣ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, было бы полезно подвергнуть этотъ предметъ отдѣльному обсужденію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а между тѣмъ, въ виду того, что вся тюремная реформа совершится не скоро и пройдетъ нѣсколько лѣтъ до приготовленія свѣдущихъ исполнителей, нынѣ же составить съ означенными Министрами новую инструкцію для руководства мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и служащихъ при тюрьмахъ.

Далѣе былъ поставленъ вопросъ, должны ли быть учреждаемы попечительства (патронаты) надъ освобожденными изъ заключенія взрослыми лицами, и если должны, то на какихъ основаніяхъ, и слѣдуетъ ли давать отъ правительства субсидіи. Конгрессъ призналъ: «что учрежденіе попечительствъ надъ освобожденными изъ заключенія составляетъ необходимое дополненіе къ исправительной дисциплинѣ и должно быть всячески распространяемо посредствомъ частной дѣятельности, при содѣйствіи Правительства, не придавая, однако, такимъ патронатамъ офиціальнаго характера».

Нельзя не признать, что патронаты дѣйствительно составляютъ дополненіе къ правильно устроенной тюремной системѣ и могутъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на людей слабыхъ, которые оставляютъ тюрьму не рѣдко съ самыми лучшими намѣреніями, но при малѣйшей неудачѣ, при первомъ соблазнѣ, при отсутствіи средствъ, готовы опять впасть въ преступленіе. Въ такія тяжелыя минуты нравственная поддержка, добрый совѣтъ, небольшая матеріальная помощь могутъ спасти человѣка отъ гибели и поставить его на-ноги. Эти учрежденія всего болѣе развиты въ Англіи и притомъ по частной иниціативѣ при содѣйствіи правительства. Франція старается дать имъ характеръ офиціальный, и можетъ быть по этой самой причинѣ дѣло развивается тамъ тихо. У насъ патронаты должны бы входить въ кругъ дѣятельности попечительнаго общества о тюрьмахъ, но оно до сихъ поръ этимъ не занималось, и только весьма недавно въ Петербургѣ явились первые зачатки попечительства надъ освобожденными изъ заключенія женщинами и несовершеннолѣтними. Съ преобразованіемъ нашей тюремной системы полезно было бы вызвать и учрежденіе такихъ попечительствъ, но желательно, чтобы они возникали по частной иниціативѣ, такъ какъ этимъ путемъ можно упрочить это дѣло, которое боится офи-

ціальныхъ обрядностей и требуетъ непосредственнаго сближенія съ людьми и личнаго участія въ дѣятельности.

Конгрессъ былъ проникнутъ мыслію, что одно изъ наиболѣе существенныхъ средствъ для предупрежденія преступленій составляютъ исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и школы для покинутыхъ, безпріютныхъ и порочныхъ дѣтей, и потому онъ съ особеннымъ участіемъ разсматривалъ вопросъ, на какихъ основаніяхъ должны быть устроены учрежденія для несовершеннолѣтнихъ, которые, какъ дѣйствовавшіе безъ разумѣнія, освобождены отъ суда и отданы въ распоряженіе Правительства на опредѣленный закономъ срокъ, а также учрежденія для дѣтей-бродягъ, нищихъ, бездомныхъ, покинутыхъ и порочныхъ.

По этому предмету конгрессъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: «при заботахъ объ участи несовершеннолѣтнихъ той и другой категоріи нужно прежде всего имѣть въ виду, что недостаточно ихъ наказывать, а необходимо въ то же время дать имъ такое воспитаніе, чтобы они были въ состояніи современемъ содержать себя честнымъ трудомъ и приносить обществу пользу, а не вредъ. Семейное воспитаніе есть въ такихъ видахъ безъ сомнѣнія наилучшее, а за неимѣніемъ семействъ, представляющихъ достаточное ручательство хорошаго воспитанія и желающихъ за это взяться, могутъ быть учреждаемы общественныя и частныя заведенія, въ основаніе которыхъ должны быть положены религіозное начало и трудъ, въ совокупности съ школьнымъ обученіемъ».

Въ Россіи общественныя и частныя заведенія для покинутыхъ и бездомныхъ дѣтей существуютъ уже съ давняго времени и общее ихъ число даже довольно значительно; было бы весьма желательно, чтобы такія учрежденія были учреждены и для порочныхъ дѣтей. Что же касается до исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, то они начали у насъ возникать недавно и первое такое заведеніе открыто въ 1871 г. въ окрестностяхъ Петербурга частнымъ обществомъ и на частныя средства; въ настоящее время въ немъ находится около 100 молодыхъ преступниковъ. Этотъ добрый примѣръ подѣйствовалъ такъ хорошо, что теперь число исправительныхъ пріютовъ въ разныхъ частяхъ Имперіи доходитъ до 9; они всѣ содержатся на частныя средства и только Петербургскій пользуется субсидіею отъ Правительства. Но до сихъ поръ они находятся въ довольно неопредѣленномъ положеніи, потому что надъ ними не установлено правильнаго надзора, и законъ не опредѣлилъ въ точности ихъ правъ и обязанностей. Между тѣмъ и учрежденія для покинутыхъ и порочныхъ дѣтей и исправительные пріюты

для молодыхъ преступниковъ составляютъ столь важное пособіе для достиженія общихъ государственныхъ цѣлей, что Правительство заинтересовано поощрять всѣми мѣрами открытіе, преимущественно по частному почину, тѣхъ и другихъ заведеній, и потому особенно желательно, чтобы были точнѣе опредѣлены условія, при которыхъ Правительство готово принимать такія учрежденія подъ свое покровительство и поддерживать ихъ денежными субсидіями. Разрѣшеніе этой задачи, безъ сомнѣнія, предстоитъ будущему центральному тюремному управленію.

Передъ закрытіемъ, Стокгольмскій международный конгрессъ выработалъ проектъ правилъ для образованія постоянной международной тюремной комиссіи, съ цѣлію сохранить связь между вторымъ и слѣдующимъ тюремнымъ конгрессомъ, который, однако, не можетъ быть созванъ ранѣе пяти лѣтъ. Комиссію предположено образовать исключительно изъ офиціальныхъ уполномоченныхъ; она будетъ собираться лишь одинъ разъ въ году; мѣсто и время собранія будутъ назначаемы по взаимному соглашенію правительствъ. Занятія комиссіи будутъ заключаться главнѣйше въ разработкѣ данныхъ и свѣдѣній и въ составленіи заключеній и положеній по пенитенціарнымъ вопросамъ, въ видахъ облегченія правительствъ при веденіи уголовно-тюремныхъ дѣлъ. Составленный конгрессомъ проектъ будетъ разосланъ шведскимъ правительствомъ, дипломатическимъ путемъ, ко всѣмъ прочимъ правительствамъ, и тѣ изъ нихъ, которыя его одобрятъ и согласятся принять участіе въ занятіяхъ международной комиссіи, назначатъ въ оную, какъ надо полагать, своихъ представителей.

Стокгольмскій международный тюремный конгрессъ былъ удостоенъ благосклоннаго вниманія и радушнаго пріема не только всей страны и въ особенности жителей шведской столицы, но и Его Величества Короля Швеціи и Норвегіи Оскара II, который изволилъ для конгресса прибыть изъ Норвегіи въ Стокгольмъ, принималъ депутацію офиціальныхъ делегатовъ, присутствовалъ при преніяхъ на конгрессѣ и далъ въ своемъ загородномъ дворцѣ (Drottenholm) блестящій вечеръ въ честь членовъ конгресса.

Въ заключеніе считаю обязанностію всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что Стокгольмскій конгрессъ имѣетъ для Россіи еще другое значеніе. Независимо отъ тюремной реформы, у насъ готовятся также измѣненія въ уголовномъ законодательствѣ, и состоящая подъ моимъ предсѣдательствомъ Высочайше учрежденная комиссія по тюремному преобразованію выработала уже главныя основанія для введенія у насъ новой лѣстницы наказаній и надѣется въ непродолжительномъ времени внести оныя на разсмотрѣніе

Государственнаго Совѣта. На Стокгольмскомъ конгрессѣ было высказано не мало соображеній и мнѣній и по этому предмету, которыя равномѣрно могутъ принести свою долю пользы».

Изложенная всеподданнѣйшая записка статсъ-секретаря Грота была разсмотрѣна Государемъ. Дѣло, о которомъ писалъ К. К. Гротъ, остановило на себѣ особое вниманіе Его Величества, что̀ видно изъ слѣдующей Высочайшей резолюціи, положенной на означенной запискѣ: *«Прочелъ съ большимъ интересомъ. Желаю весьма, чтобы оно имѣло практическій результатъ и для насъ. Ливадія 28 сентября 1878 г.»*. При чтеніи записки Государю угодно было сдѣлать собственноручно слѣдующія помѣты противъ мнѣній о томъ: 1) что было бы полезно вопросъ о замѣщеніи тюремныхъ распорядителей лицами, изучившими тюремное дѣло теоретически и практически, подвергнуть совмѣстному обсужденію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, и составить новую инструкцію для руководства мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и служащихъ при тюрьмахъ:—«да»; 2) что было бы желательно и полезно учрежденіе, и притомъ по частной инициативѣ, попечительствъ надъ освобожденными отъ тюремнаго заключенія лицами:—«да, но подъ контролемъ Правительства», и 3) о томъ, что особенно желательно, чтобы были *точнѣе опредѣлены условія, при которыхъ Правительство готово принимать такія учрежденія* для покинутыхъ и порочныхъ дѣтей и исправительные пріюты для молодыхъ преступниковъ *подъ свое* покровительство и поддержать ихъ денежными субсидіями:—«да». Подчеркнутыя слова: *«точнѣе опредѣлены условія, при которыхъ Правительство готово принимать такія учрежденія»* и *«подъ свое»* были собственноручно подчеркнуты Государемъ Императоромъ.

---

11. Изъ записной книжки К. К. Грота о посѣщеніи подвѣдомственныхъ ему учрежденій.

19 сентября 1883.

Пріютъ Александра Невскаго—посѣтилъ его утромъ, чтобы удостовѣриться, какія сдѣланы исправленія и починки на 1000 р., отпущенные на этотъ предметъ изъ средствъ вѣдомства пріютовъ и жены моей. Нашелъ въ пріютѣ 170 дѣтей и все вообще въ полномъ порядкѣ, устройствѣ и чистотѣ. Всѣ предположенныя передѣлки выполнены и пріютъ производитъ самое пріятное внечатлѣніе. Благодарилъ за это главную надзирательницу.

Александровскій Лицей—посѣтилъ его въ первый разъ по возобновленіи ученья и былъ въ 2-мъ и 3-мъ классахъ на лекціяхъ профессоровъ Янсена (полит. экономія) и Сергіевича (исторія права). Оба читали живо и дѣльно и могутъ возбудить интересъ воспитанниковъ. Директора не было дома и меня провожалъ инспекторъ бар. Врангель, который повидимому интересуется своимъ дѣломъ и обѣщаетъ быть полезнымъ. Внѣшній порядокъ и чистота всегда хороши въ Лицеѣ.

Убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ. Вслѣдствіе возникшихъ въ этомъ заведеніи въ послѣднее время неустройствъ, я приказалъ исключить одного призрѣваемаго и перевести двухъ слабоумныхъ и неспособныхъ къ работѣ въ городскую богадѣльню. Въ убѣжищѣ необходимо измѣнить систему управленія.

27 сентября 1883.

2-ое *Маріинское женское училище.* Оно открыто 25 авг. 1883 въ двухъ классахъ, всего 33 воспитанницы Такое малое число въ весьма населенной мѣстности объясняется глав. надзирательницею слишкомъ высокою платою. Помѣщеніе просторное и чистое, но подобно 1-му училищу слишкомъ роскошное, и вся обстановка слишкомъ дорогая, наприм., на 33 дѣвочки главная надзирательница и 2 надзирательницы, на первое время можно бы обойтись одною главною надзирательницею, а присмотръ во время классовъ могли бы легко принять на себя учительницы. Если эти училища не будутъ устроены проще и дешевле, то едва-ли они будутъ наполняться.

3 октября.

Посѣтилъ *Петропавловскую больницу*, въ которой въ этотъ день было 346 больныхъ обоего пола.—Обошелъ всѣ три зданія,—впечатлѣніе вынесъ неблагопріятное. Кромѣ сифилитическаго отд., которое содержится грязно и дурно, нельзя указать съ внѣшней стороны на что-нибудь особенно нехорошее—довольно чисто, воздухъ вообще довольно чистъ, но есть что-то такое—указывающее на отсутствіе старанія, дѣятельности и участія. Я пріѣхалъ послѣ 10 ч. утра и не засталъ ни старшаго доктора, ни большую часть ординаторовъ. Старшій врачъ Мецлеръ занимаетъ эту должность уже много лѣтъ, но для больницы сдѣлалъ мало и внушаетъ вообще мало довѣрія. Попечители часто смѣнялись,—теперешній генералъ Родзенко едва-ли можетъ принести пользу.

Александровскій Лицей. Было 12 ч.,—я засталъ воспитанниковъ за завтракомъ, а потомъ сидѣлъ въ 1 классѣ на лекціи проф. Градовскаго по государственному праву. Передъ уходомъ я сказалъ воспитанникамъ этого класса нѣсколько словъ, въ которыхъ выразилъ, что они по

своей малочисленности поставлены въ такія выгодныя условія, что могутъ имѣть всѣ удобства для ученія и что я ожидаю отъ нихъ наилучшихъ результатовъ.

1 октября.

Въ *Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ* былъ храмовый праздникъ. Я пріѣхалъ къ молебну, который служилъ преосвященный Арсеній. Послѣ того былъ завтракъ, въ которомъ принималъ участіе и архіерей, почему этотъ завтракъ былъ опять обильнѣе обыкновеннаго и даже съ шампанскимъ.

19 октября.

День основанія *Александровскаго Лицея*—была обычная обѣдня съ молебствіемъ. Съѣхалось много бывшихъ лицеистовъ, чему поводомъ былъ кажется приготовленный отъ Лицея завтракъ. Хоръ музыки былъ нанятъ на счетъ воспитанниковъ. Новый инспекторъ баронъ Врангель очень хлопоталъ о возобновленіи завтраковъ въ день основанія Лицея, придавая этому значеніе сближенія бывшихъ лицеистовъ съ настоящими и одного изъ средствъ привлечь лицеистовъ къ своему заведенію и сдѣлать имъ пребываніе въ онѣмъ болѣе пріятнымъ.

25 октября.

По инціативѣ того же инспектора *Александровскаго Лицея* въ Лицеѣ бываютъ литературно-музыкальные вечера для трехъ старшихъ классовъ. Я посѣтилъ одинъ изъ такихъ вечеровъ; мнѣ показалось, что все что̀ тамъ происходило, дѣлалось какъ-то форменно, и большого оживленія не замѣчалось. Можетъ быть, что это происходило отъ новости дѣла и непривычки воспитанниковъ къ подобной дѣятельности. 19 окт. открыта также въ комнатахъ Лицея читальня для трехъ старшихъ классовъ. Пока нельзя еще ничего сказать о результатахъ этого новаго учрежденія.

31 октября.

Я посѣтилъ *Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ* и *Александровское училище*. Въ первомъ я былъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, во время классовъ, и посѣтилъ также лазаретъ; а во второмъ присутствовалъ при обѣдѣ, который я нашелъ удовлетворительнымъ и бесѣдовалъ съ воспитанницами спеціальныхъ классовъ. Эти два заведенія производятъ на меня совершенно различныя впечатлѣнія.—«Общество» имѣетъ вполнѣ замкнутый характеръ и все ведется, такъ сказать, по старому; все заведеніе поставлено на ходуляхъ и начальница держитъ себя весьма высоко; Александровское училище ведется гораздо проще и для меня симпатичнѣе.

1 ноября.

Присутствовалъ *на 25-лѣтн. юбилеѣ Василе-Островской Гимназiи.* Былъ молебенъ и потомъ цѣлый рядъ рѣчей, главная тема которыхъ всегда одна и таже: восхваленiе женскихъ гимназiй и русской женщины.

7 ноября.

Посѣтилъ *Институты Св. Екатерины и Павловскiй*—въ первомъ былъ въ классахъ, а во второмъ присутствовалъ при обѣдѣ. Меня поразило въ Екат. Инст., что педагогика преподается на франц. языкѣ французомъ Коллорошъ; это введено принцемъ Ольденбургскимъ, но едва ли хорошо; педагогика вообще мало доступна для воспитанницъ, а на франц. языкѣ она становится еще труднѣе. Эти два заведенiя тоже отличаются значительно одно отъ другого; начальница Павловскаго Института стоитъ повидимому гораздо ближе къ воспитанницамъ и ко всему личному персоналу заведенiя и держитъ себя гораздо проще, нежели г-жа Бюнтингъ. Павловскiй Институтъ несравненно симпатичнѣе Екатерининскаго. Въ Павловскомъ существуетъ между прочимъ обычай, что воспитанницы провожаютъ главноуправляющаго до выхода и поютъ что-нибудь на прощанье.

8 ноября.

Былъ въ *Институтахъ Патрiотическомъ и Елизаветинскомъ.* Въ послѣднемъ я былъ въ классахъ 1-мъ и 2-мъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, —въ томъ и другомъ я заставлялъ писать подъ диктовку и писали почти безъ ошибокъ. Въ Патрiот. я захватилъ кусочекъ русскаго урока въ 3-мъ классѣ и потомъ обѣдалъ за столомъ 1-го класса. Вездѣ я находилъ всѣхъ на мѣстахъ, но начальницы повидимому не часто посѣщаютъ классы, а опекуны еще рѣже.

14 ноября.

День рожденiя Императрицы. Въ Гатчинѣ былъ небольшой выходъ—всего было человѣкъ 200. Въ этотъ разъ министры и члены государственнаго совѣта получили пригласительныя повѣстки. Послѣ обѣдни былъ завтракъ, а въ 2¹/₄ часа всѣ уѣхали въ Петербургъ.

17 ноября. Четвергъ.

Я былъ по обыкновенiю съ докладами въ Гатчинѣ. Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, требующихъ разрѣшенiя Императрицы, я показывалъ Ея Величеству напечатанную вѣдомость, въ которой заключаются по всѣмъ заведенiямъ свѣдѣнiя о томъ, сколько падаетъ на человѣка расходовъ на прислугу, учебныя пособiя, медикаменты и т. д. Эти свѣдѣнiя заинтересовали Императрицу, и она пожелала, чтобы я Ей оставилъ печатный экземпляръ такой вѣдомости.

21 декабря.

Въ теченіе декабря я правильно былъ въ каждый четвергъ въ Гатчинѣ у Императрицы и имѣлъ достаточно времени, кромѣ неважныхъ текущихъ дѣлъ, знакомить Ее съ разными сторонами женскихъ заведеній и положенія всего управленія. Главный интересъ вращался преимущественно около Варшавскаго института, куда была командирована Императрицею баронесса Раденъ по случаю бывшаго тамъ непріятнаго событія,—одна классная дама полька Э. оказалась причастною къ соціально-революціонной партіи и была арестована. Результаты обзора института оказались неутѣшительными — слабость и безпорядокъ въ управленіи. Начальница Мезенцова полагалась во всемъ на члена по хозяйств. части Ш., который бездѣйствовалъ и допускалъ разныя послабленія въ пользу г-жи Э. Очевидно, что ни Мезенцова, ни Ш. не могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. Теперь производится тамъ ревизія по хозяйственной части. Обзоръ свой баронесса Раденъ произвела дѣльно и разумно...

...Изъ заведеній я посѣтилъ въ теченіе декабря только три съ цѣлью инспекціи—Николаевское женское училище. Оно не произвело на меня пріятнаго впечатлѣнія, хоть и не могу указать ничего дурного — мнѣ кажется, что оно безцѣльно и мало полезно. Старшая надзирательница П. едва ли въ состояніи его лучше устроить: она мнѣ кажется не умною, торопливою и не знающею заведенія, которымъ она управляетъ три мѣсяца.

Другія два заведенія, осмотрѣнныя мною, суть: Гатчинская женская гимназія и Гатчинскій сиротскій институтъ. Первая идетъ повидимому своимъ порядкомъ наравнѣ съ прочими гимназіями; что же касается до второго, то по всѣмъ имѣющимся даннымъ, трудно предположить, чтобы оно шло хорошо, и нынѣ я опять видѣлъ образчикъ неумѣлаго управленія и отсутствіе доброй воли. При этомъ заведеніи есть особое отдѣленіе для мальчиковъ слабыхъ по способностямъ и плохого поведенія. Казалось бы, что лучшимъ коррективомъ долженъ бы быть трудъ, примѣненный къ способностямъ и силамъ молодыхъ людей, но Гатчинское управленіе этого даже не понимаетъ и оставляетъ мальчиковъ этого отдѣленія почти праздными. Они имѣютъ всего три часа уроковъ, и то самыхъ первоначальныхъ, и все прочее время проводятъ праздно. Все заведеніе видимо не достигаетъ своей цѣли, за отсутствіемъ правильной и разумной администраціи — тутъ нуженъ очень опытный и энергичный директоръ, каковымъ нынѣшняго никакъ нельзя признать, а опекунъ ничего не видитъ и по своей ограниченности не въ состояніи управлять такимъ большимъ и сложнымъ заведеніемъ.

———

12. Изъ писемъ К. К. Грота къ А. Ѳ. Кони.

5 декабря 1881.

Изъ прилагаемыхъ 3-хъ писемъ Вы усмотрите, многоуважаемый Анатолій Федоровичъ, что наши врачи опять взбунтовались и не могутъ между собою согласиться. Не найдете ли Вы возможнымъ придумать такую редакцію, которая бы хотя Балинскаго удовлетворила, такъ какъ Ланцертъ подписалъ и только впослѣдствіи вновь присоединился къ Эйхвальду. Если допустить опять сужденія по этому дѣлу, то мы никогда не кончимъ его, между тѣмъ давно пора притти къ заключенію. Пусть Эйхвальдъ подастъ особое мнѣніе. Извините, что я Васъ этимъ безпокою, но Вы всего ближе стояли къ Повивальному Институту и владѣете перомъ, которое въ состояніи сгладить всякія шероховатости [1]).

Искренне преданный
К. Гротъ.

14 декабря (1881).

Извините меня пожалуйста, многоуважаемый Анатолій Федоровичъ, что я такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо, но дѣло въ томъ, что Вы такъ крѣпко прижали меня къ стѣнѣ, что я не зналъ, что сказать, солгать не хотѣлось, а скажешь правду, такъ повредишь пожалуй дѣлу.

За всѣмъ тѣмъ, не скрою передъ Вами, что я дѣйствительно собираюсь оставить Совѣтъ учрежденій В. К. Елены Павловны и нѣкоторыя другія постоянныя занятія, потому что не могу никакъ справиться со временемъ, а частію и съ силами, но когда это будетъ, не могу положительно сказать, потому что В. К. Екатерина Михайловна все не рѣшается избрать другого предсѣдателя.

Что̀ Вы говорите о нашихъ совмѣстныхъ занятіяхъ, очень для меня пріятно, но не менѣе того, я бы Васъ очень просилъ пока не заявлять о Вашемъ намѣреніи оставить Совѣтъ; это поставило бы В. К. еще въ большее затрудненіе и смутило бы ее совершенно. Если возможно, то повремените немного,—не могутъ же Васъ очень обременять наши не частыя засѣданія.

А можно ли Васъ считать въ числѣ членовъ-учредителей Общества попеченія о выпускаемыхъ изъ заключенія малолѣтнихъ? На первый

---

[1]) Это письмо касается совѣщанія о преобразованіяхъ въ устройствѣ Повивальнаго Института, вызванныхъ ревизіей, произведенной членомъ совѣта учрежденій В. Кн. Елены Павловны А. Ѳ. Кони.

разъ намъ было бы и этого достаточно, а о степени Вашего участія въ этомъ Обществѣ можно условиться впослѣдствіи.

Искренне преданный

К. Гротъ.

15 января (1882).

Многоуважаемый

Анатолій Федоровичъ.

Пока я не оставляю Совѣта учр. В. К. Елены Павловны, а просилъ только В. К. Екатерину Михайловну освободить меня отъ председательства и поручить его А. Д. Шумахеру [1]). Меня къ этому побудили очень усиленныя занятія по тюремному управленію и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ, но не скрою отъ Васъ, что если бы дѣла Совѣта не шли такъ, какъ Вы совершенно правильно это описываете, то можетъ быть я и при многосложныхъ моихъ работахъ нашелъ бы иногда часокъ удѣлить и Совѣту, или, лучше сказать, памяти незабвенной В. К. Елены Павловны.—Что будетъ далѣе, я не знаю и не предрѣшаю этого, такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ мы всѣ живемъ au jour le jour.

Все, что Вы говорите о нашей совмѣстной дѣятельности, для меня крайне симпатично и лестно, не менѣе того мнѣ было бы жаль, если бы Вы лишили Совѣтъ своего участія, которое Вы уже неоднократно проявляли съ полнымъ успѣхомъ. По крайней мѣрѣ повремените.

Искренне преданный

К. Гротъ.

18 февраля (1882).

Многоуважаемый

Анатолій Федоровичъ.

Всѣмъ намъ было очень прискорбно не видѣть Васъ сегодня среди членовъ-учредителей Общества пособія освобождаемымъ изъ тюремъ, при открытіи сего Общества, но мы Васъ всетаки выбрали въ члены комитета, и надѣемся, что Вы не откажетесь отъ участія въ занятіяхъ комитета. Сердечно радуюсь, что положеніе Вашего здоровья улучшается и душевно желаю, чтобы Вамъ Богъ помогъ поскорѣе встать съ постели.

Искренне преданный

К. Гротъ.

---

[1]) Постановленіи К. К. Гротомъ совѣта сенаторъ А. Д. Шумахеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ и оставался таковымъ до упраздненія совѣта.

Каннъ. 13/25 апрѣля 1891.

Дорогой Анатолій Федоровичъ. Душевно Васъ благодарю за Ваше доброе письмо. Темныя тучи все ближе и ближе надвигаются, а сердце все болѣе и болѣе сжимается. Еще недавно не хотѣлось вѣрить близкому концу дорогой жизни, но теперь надобно кажется сознать, что воля Божія должна свершиться и что никто не можетъ ее отклонить. Бѣдная больная все теряетъ силы и желудокъ начинаетъ очень плохо дѣйствовать! Одному Богу извѣстно сколько времени еще остается пробыть ей съ нами!.. Грустные дни проводимъ мы здѣсь. Стараюсь сохранить бодрость духа и по возможности продолжаю работать. Сердечный привѣтъ Александрѣ Васильевнѣ [1]).

От души преданный

К. Гротъ.

20 октября.

Возвращаю Вамъ съ искренней благодарностью, многоуважаемый Анатолій Федоровичъ, календарь. Въ статьѣ о государственныхъ лицахъ есть много очень вѣрно подмѣченнаго и вообще оцѣнка сдѣлана довольно правильно,—читается легко, но я удивляюсь, что Суворинъ такъ мало опытенъ, что воображалъ, что статью пропустятъ.

Искренне преданный

К. Гротъ.

Петербургъ. 19 іюня 93.

Искренне уважаемый

Анатолій Федоровичъ.

Сердечно Васъ благодарю за Ваше доброе участіе въ моемъ новомъ горѣ [2]) и будьте увѣрены, что я умѣю его цѣнить. Въ моемъ возрастѣ особенно тяжело переносить эти повторяющіеся удары судьбы, и окружающая меня пустота внушаетъ иногда страхъ; вмѣсто всякаго утѣшенія остается одна увѣренность, что такъ видно должно быть. Мой вѣкъ уже не дологъ. Позвольте Вамъ пожелать здоровья и всего наилучшаго; жму съ признательностью Вашу дружескую руку.

Душевно преданный

К. Гротъ.

---

[1]) Письмо относится къ предсмертной болѣзни супруги К. К.—Александра Васильевна вдова ректора Петроградскаго Университета П. А. Плетнева—старый другъ К. К. Грота.

[2]) 24 мая скончался братъ К. К. академикъ Я. К. Гротъ.

Петербургъ. 16 іюля 93.

Многоуважаемый и дорогой
Анатолій Федоровичъ.

Ал. Вас. Плетнева, не получая отъ Васъ писемъ, очень озабочена Вашимъ здоровьемъ и проситъ меня узнать, здоровы ли Вы и гдѣ находитесь.

Исполняя это желаніе Ал. Вас., я обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой дать мнѣ о себѣ вѣсточку для сообщенія нашему милому другу, хотя я почти увѣренъ, что Вы не оставляете ее безъ извѣстія о себѣ, и если случилось промедленіе, то по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ, а не по нездоровью. Я бы охотно явился къ Вамъ въ Глазово лично за этою справкою, но мною одолѣла такая старческая неподвижность, что очень трудно подняться.

Въ надеждѣ, что Вы здоровы и процвѣтаете въ Павловскѣ, желаю Вамъ отъ души всего наилучшаго.

Искренне преданный
К. Гротъ.

Ал. Вас. поправляется и очень довольна своимъ пребываніемъ въ Марстрандѣ.

Изъ письма А. Ѳ. Кони въ ноябрѣ 1885 г. за границу по поводу 50 лѣтія К. К. Грота.

Глубокоуважаемый
Константинъ Карловичъ.

30 ноября с. г. исполнится пятьдесятъ лѣтъ служенія Вашего Россіи. Не простое «прохожденіе службы» представляетъ оно, но каждый его неустанный шагъ, каждая его ступень запечатлѣны тѣмъ стремленіемъ къ безкорыстному, настойчивому и плодотворному труду, которое завѣщано русскимъ государственнымъ дѣятелямъ великимъ Петромъ, который самъ, по выраженію величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, «на тронѣ вѣчный былъ работникъ»...

Вы встрѣтите этотъ день вдали отъ все болѣе и болѣе сиротѣющаго круга друзей и добрыхъ знакомыхъ Вашихъ, и они будутъ лишены возможности лично выразить Вамъ пожеланія всего лучшаго въ жизни. Невозможность лично пожать Вамъ руку и сказать, въ побужденіи искренняго чувства, non multa sed multum—будетъ для нихъ всѣхъ тяжела, тѣмъ болѣе, что недавняя горестная потеря ими всѣми Вашего друга и сотрудника—К. Д. Кавелина дѣлала бы радость привѣтствовать Васъ, оставшагося съ ними, несмотря на серьезныя не-

давнія болѣзни—особенно ощутительною. Срокъ Вашего «пятидесятилѣтія» наступаетъ въ смутную и мало отрадную минуту. Въ общественномъ сознаніи какъ бы омрачилось, или даже вовсе утратилось пониманіе значенія реформъ покойнаго Государя; оно равнодушно отворачивается отъ своего лучшаго достоянія и въ томъ, что должно бы составлять завѣтъ его нравственнаго развитія, склонно разсматривать лишь неудачный опытъ... Но время такого омраченія общественнаго сознанія пройдетъ...

---

13. Петроградская Городская Дума по случаю кончины К. К. Грота и ея постановленія.

I. Письмо Городского Головы.

Милостивый Государь
Константинъ Яковлевичъ,

Петербургская Городская Дума съ глубокою грустью выслушала заявленіе о кончинѣ Вашего родного дяди Константина Карловича Грота, посвятившаго всю свою жизнь на благо отечества и въ государственной и въ общественной и въ человѣколюбивой дѣятельности.

Препровождая копію съ состоявшагося, по поводу этого прискорбнаго случая, постановленія Городской Думы, которая, кромѣ выраженныхъ знаковъ глубочайшаго уваженія къ достославной памяти покойнаго, пожелала увѣковѣчить эту память на вѣчныя времена, я не могу не засвидѣтельствовать передъ Вами и отъ себя чувство искренняго соболѣзнованія о такой невознаградимой утратѣ, въ лицѣ Константина Карловича, замѣчательнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и искренней преданности.

Покорнѣйшій слуга
Владиміръ Ратьковъ-Рожновъ.

II. Выписка изъ журнала Петроградской Городской Думы, состоявшагося въ засѣданіи 31 октября 1897 года.

Гласный Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, обращаясь къ предсѣдательствующему, просилъ позволить ему сдѣлать слѣдующее заявленіе:

«Черезъ нѣсколько минутъ начнется панихида по скончавшемся

вчера Константинѣ Карловичѣ Гротѣ. Его дѣятельность, кромѣ государственнаго значенія, имѣла большое вліяніе на судьбу городскаго общественнаго управленія вообще и въ частности—города Петербурга, и потому извѣстіе о смерти такого лица не можетъ быть пройдено въ Думѣ безъ почтительнаго и благодарнаго воспоминанія о немъ.

«Константинъ Карловичъ Гротъ, родившійся въ 1815 году, еще въ ранней молодости принималъ участіе въ составленіи Городоваго Положенія 1846 г., и впослѣдствіи ему было даже поручено руководство, при введеніи въ дѣйствіе въ Петербургѣ новаго Городоваго Положенія по двумъ его сословіямъ, ремесленному и мѣщанскому.

«Гораздо болѣе крупная его роль была при составленіи послѣдняго Городоваго Положенія 1870 года, когда онъ состоялъ членомъ коммиссіи и, безъ сомнѣнія, многія изъ достоинствъ Городоваго Положенія 1870 г. были обязаны тѣмъ убѣжденіямъ, которыя Константинъ Карловичъ Гротъ сохранялъ всю свою жизнь по отношенію городскаго общественнаго управленія, и впослѣдствіи всегда выражалъ, гдѣ могъ, свое сочувствіе его самостоятельности. Я имѣлъ возможность издавна знать лично и близко Константина Карловича Грота; въ бесѣдахъ съ нимъ мнѣ не разъ приходилось слышать часто повторяемое имъ убѣжденіе: «никогда», говаривалъ Константинъ Карловичъ Гротъ, «городское управленіе не должно стремиться къ тому, чтобы замѣнить собою администрацію, но и администрація не должна думать, что она можетъ замѣнить собою городское или земское общественное управленіе».

«По отношенію къ нашему городскому управленію въ дѣятельности покойнаго были и другія стороны, которыя должны особенно интересовать Городскую Думу. Кто не знаетъ, что вопросъ о призрѣніи слѣпыхъ не только поставленъ, но и окончательно рѣшенъ имъ такъ, какъ едва ли мы всѣ, вмѣстѣ взятые, могли разрѣшить его. Онъ создалъ средства призрѣнія слѣпыхъ, можно сказать, изъ ничего и довелъ это дѣло до блестящаго положенія, съ полнымъ обезпеченіемъ его на долгое время. Послѣдніе годы своей жизни Константинъ Карловичъ Гротъ посвятилъ опять предмету, который долженъ интересовать городское общественное управленіе. Когда возникъ вопросъ о принятіи городомъ въ свое вѣдѣніе вообще призрѣнія бѣдныхъ,—ему было поручено Высочайшею властью образовать смѣшанную коммиссію, въ которой и городское управленіе имѣло своихъ представителей. Если имъ не было доведено это послѣднее дѣло до конца, то это можно объяснить только преклоннымъ его возрастомъ и болѣзненностью. Вотъ тѣ заслуги, которыя должны побудить насъ, гласныхъ Думы, почтить особенно память такого лица, которое имѣетъ за собою не однѣ государственныя заслуги, но также и по отношенію городскаго общественнаго управленія.

Безъ сомнѣнія, г. предсѣдатель предложитъ Собранію почтить память покойнаго вставаніемъ, выразить сожалѣніе его родственникамъ и возложить вѣнокъ отъ имени С.-Петербургскаго городскаго управленія, котораго покойный, можно сказать, былъ постояннымъ радѣтелемъ. Но, конечно, Собранію угодно будетъ, сверхъ того, почтить память такого лица и еще какимъ-нибудь достойнымъ его способомъ. По принятому обычаю, я предлагаю поручить Городской Управѣ войти въ Думу съ особымъ докладомъ по этому предмету».

Собраніе, почтивъ память покойнаго общимъ, всѣхъ гласныхъ, вставаніемъ единогласно постановило:

1) возложить на гробъ усопшаго вѣнокъ отъ С.-Петербургской Городской Думы; 2) выразить семейству покойнаго искреннее чувство соболѣзнованія и 3) поручить Городской Управѣ представить Думѣ докладъ о способахъ увѣковѣченія памяти Константина Карловича Грота.

УКАЗАТЕЛЬ.

(Курсивомъ обозначены страницы приложеній).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. Н. К.

Состоящее подъ АВГУСТѢЙШИМЪ покровительствомъ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Государыни Императрицы
МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ О СЛѢПЫХЪ.

Пожертвованія и членскіе взносы по 5 р. ежегодно или единовременно 75 р. принимаются:

Въ Петроградѣ:

въ Канцеляріи Совѣта Попечительства (Казанская ул., № 7) въ присутственные дни.

Въ Москвѣ и въ губерніяхъ:

у гг. мѣстныхъ Уполномоченныхъ.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВОМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ О СЛѢПЫХЪ УСТРОЕНЫ и СОДЕРЖАТСЯ:

а) **училища** для слѣпыхъ дѣтей (пріемный возрастъ отъ 7 до 11 лѣтъ включительно) въ городахъ: Петроградѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Костромѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Одессѣ, Перми, Смоленскѣ, Самарѣ, Тулѣ, Тифлисѣ, Черниговѣ, Саратовѣ, Твери, Полтавѣ, Иркутскѣ, Владимірѣ, Елабугѣ, Минскѣ и Каменецъ-Подольскѣ;

б) **мастерскія** для обученія ремесламъ взрослыхъ слѣпыхъ не старше 35 лѣтъ, въ Петроградѣ и Вяткѣ;

в) **убѣжища** для призрѣнія престарѣлыхъ слѣпыхъ въ Петроградѣ, Воронежѣ, Владимірѣ, Казани, Орлѣ, Петрозаводскѣ и Тулѣ;

г) **глазныя лѣчебницы** въ гг. Астрахани, Великихъ Лукахъ, Вильнѣ, Воронежѣ, Вѣрномъ, Гомелѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Красноярскѣ Лодзи, Муромѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Псковѣ, Саратовѣ, Скобелевѣ, Ташкентѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Ялтѣ и Ярославлѣ.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ, при пособіи отъ Попечительства, содержатся свыше 150 постоянныхъ глазныхъ пунктовъ, а въ лѣтнее время командируются глазные врачи для подачи помощи беднѣйшему населенію внутри Россіи.